

ВУ
650

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ПЛАТОНА
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Книга 2.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ
РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ за 1913 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Соининъ.

Обыкновенно говоримъ, что мы празднуемъ святымъ для прославления ихъ. Но сіе слово требуетъ изъясненія. Ибо святые столь уже прославлены, что намъ къ славѣ ихъ ничего прибавить нельзя; а въ святцахъ только быть написаннымъ—не велико для тѣхъ, ихъ же имена написаны въ книгахъ животныхъ. Также, чтобы только громогласными пѣніями, а не духомъ возносить имя святыхъ, не можетъ быть много пріятно святымъ, которые еще на землѣ были живые органы Святаго Духа. Но въ семъ состоитъ празднованіе и прославленіе святыхъ, а состоитъ въ томъ, чтобы, празднуя святымъ, вспоминать добродѣтели ихъ и, вспоминая добродѣтели, подражать имъ. „Иные суть нравы святыхъ,—говоритъ Златоустъ,—иные свѣта сего. Между свѣтскими, которые, де, высокой чести достигли, тѣ не очень бы хотѣли видѣть другихъ равныхъ себѣ, понеже зависть пресѣкаетъ любовь; но не такъ, де, между святыми, и совсѣмъ противное тому. Тогда наипаче святые чувствуютъ удовольствіе чести своей, когда видятъ, что собратія ихъ тѣхъ же съ ними благу участія сподобляются“.

Такъ представимъ же мы себѣ пресвѣтлый блаженный соборъ, и вдругъ откроется намъ земной рай, разными добродѣтели цвѣтами пренещренней. Мы тутъ увидимъ золотой цвѣтъ премудрости, цвѣтъ воздержанія, цвѣтъ кротости, цвѣтъ терпѣнія, цвѣтъ милосердія, цвѣтъ великодушія и, краснѣйшій всѣхъ, цвѣтъ любви. Ты почтишь въ Авраамѣ страннолюбіе, удивишься въ Исифѣ цѣломудрію, похвалишь въ Іовѣ терпѣніе, прославишь въ Давидѣ благочестіе, облобызаешь въ Петрѣ усердіе къ Богу, возвеличишь Павлову ревность, усладишься въ Златоустѣ словомъ духовной премудрости, почудишься въ женскомъ составѣ Феклы мужеству, поревнуешь въ Магдалинѣ воспламененному къ Богу сердцу, увѣчаешь въ царствующей Пульхеріи мудрое попеченіе о благополучіи подданныхъ. Нѣтъ, по истинѣ, ни одного добраго дѣла, примѣръ котораго Богъ не оставилъ бы намъ въ другихъ великихъ мужахъ.

И хотя, подлинно, самый разумъ есть наилучшій предводитель ко всякой добродѣтели; но примѣръ, не знаю какъ, сильнѣе побуждаетъ насъ къ тому же. Разумъ представляетъ добродѣтель, что она достойна подражанія; а примѣръ приводитъ насъ въ стыдъ, что мы не слѣдуемъ ей, которой слѣдовали и прославились ею другіе такіе же, какъ мы, люди. Когда нѣтъ столько просвѣщенія, чтобы совершенно понять превосходство добродѣтели: такъ, вотъ, окружень ты примѣрами тѣхъ, кои, бывши подобострастны тебѣ, возлюбили добродѣтель и отъ ней получили сіе награжденіе, что и они вѣчно радуются, и имя ихъ не умираетъ. Ты въ самый сей часъ празднуешь память ихъ; а симъ дѣйствіемъ не только отдаешь достойную заслугамъ святыхъ честь; но и воспоминаешь добродѣтель ихъ, и сіе воспоминаніе одно

уже приносить тебѣ не малую пользу: ибо начинать услаждаться только добродѣтелию, не малая уже есть степенъ къ добродѣтели.

Но, чтобы взойти тебѣ на высшую степенъ совершенства и составить истинное святымъ торжество.— построй имъ храмъ въ сердцѣ твоёмъ, наниси добродѣтели ихъ икону на душѣ твоей, поставь свѣчу нелицемѣрной любви, зажги имъ кадило непорочной совѣсти, принеси елей милосердія. Нельзя не похвалить и тѣхъ, которые во имя святыхъ строятъ храмы, изображаютъ ихъ подвиги на иконѣ, и другіе совершаютъ обряды отъ усердія къ имени святыхъ. Но не можно же опять сказать, чтобы въ спѣхъ однихъ наружныхъ дѣйствіяхъ состояло все должное святымъ почтеніе: ибо если бы сіе такъ было, то одни богатые были бы истинные почитатели Бога и святыхъ; а убогіе изъ сего духовнаго празднованія выключены бы были. Но мы имѣемъ благого Бога, Который не отвергаетъ и богатство непорочное, лобызаетъ же и нищету добродѣтельную. Не можетъ убогіи построить храмъ, да можетъ самого себя сдѣлать пріятнымъ добродѣтели жилищемъ; не имѣетъ, за что кунить масла и свѣчи,—да можетъ имѣть духъ, горящій свѣтлымъ благочестія огнемъ. Не за что ему написать икону святыхъ, нечѣмъ обложить ее; но онъ можетъ написать ее въ самой глубинѣ сердца своего и украсить неувядаемыми цвѣтами благихъ дѣлъ. Богатый благодѣтельствомъ и щедротою къ бѣднымъ пусть почитаетъ святыхъ, а убогіи, имѣя богатство вѣры, составляетъ святымъ торжество. Сему не мѣшаетъ нищета: ибо и всѣ почти святые были нищи тѣломъ, да богаты духомъ. Найдеть, подлинно, и богатый такихъ, которые богатство земное премѣнили на небесное; найдеть же и нищій, которые въ скудости своей получили богатство вѣчной радости, а потому празднованіе святыхъ есть общій христіанскій ширъ. Ихъ исправленіями пользуемся мы, ихъ трудами успокоиваемся, въ терпѣніемъ укрѣпляемся, ихъ подвиги и побѣды—наши вѣнцы. Слава ихъ есть слава наша: понеже прославлять святыхъ не что иное есть, какъ пользоваться себя, подражая добродѣтели ихъ, такъ же, какъ, на примѣръ, слава книги есть, когда я изъ нея почерпаю просвѣщеніе. Въ семъ состоитъ истинное празднованіе святымъ.

Но при семъ скажетъ кто, что мы празднуемъ святымъ и для того, чтобы ихъ призывать въ помощь и просить ихъ о молитвенномъ ходатайствѣ за насъ къ Богу. Изрядное и благочестивое дѣло! Ибо нѣтъ сомнѣнія, что святые желаютъ намъ всякаго добра и того же съ собою блаженства; и сіе ихъ желаніе открыто есть всегда предъ очами Божиими. Но при томъ и то извѣстно, что, когда призываемъ святыхъ надобно, чтобы мы были добродѣтельны, или по крайней мѣрѣ ревнители ихъ добродѣтели, то есть, чувствовали бы отвращеніе къ своимъ

порокамъ, и раскаяніе въ своихъ беззаконіяхъ. А безъ сего какъ по-смѣешь ты, человѣкъ, прибѣгать къ святымъ? Или ты думаешь, что святые будутъ за тебя посредственниками къ Богу и тогда, когда ты—нераскаянный презритель вѣчнаго закона Божія? Думаешь ли ты, чтобы святые не отвращались того на небеси, отъ чего они всевозможно удалялись, еще будучи на земли? Пѣть, такое призываніе не прославляетъ, но безчеститъ имя святыхъ. Когда призываешь святыхъ, не будь ненавистникъ святости ихъ.

Но опять можетъ намъ кто-нибудь предложить, что для того-то и должно призывать святыхъ, что—грѣшны мы, и сами чрезъ себя къ Богу не имѣемъ дерзновенія. На сіе отвѣтствовать надлежитъ, что грѣшникъ грѣшнику рознь. Кто признаетъ себя грѣшникомъ и предъ Богомъ безъотвѣтнымъ, тотъ признаетъ уже свою предъ Богомъ повинность; слѣдовательно, тотъ уже на нѣкоторую степень отступилъ отъ порока и приблизился къ добродѣтели, а тѣмъ самымъ отъ милосердія Божія отвержень быть не можетъ: ибо „сердце сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ“ (Псал., 50, 19). А ежели кто въ нераскаяннѣ злобы своей пребываетъ, тому, послушайте, что говоритъ Богъ: „вскую ты повѣдаши оправданія Моя и воспріемлещи законъ Мой усты твоими? ты же возненавидѣлъ еси наказаніе“ (Псал., 49, 16—17). И потому такой грѣшникъ какъ Богу есть ненавистникъ, такъ отъ святыхъ любимъ быть не можетъ: ибо не можетъ быть пріятно святымъ то, что есть не пріятно Богу. Радуются, по слову Христову, ангелы на небеси о грѣшникѣ, но о грѣшникѣ кающемся. Грѣшная душа, признающая скудости свои, имѣетъ дерзновеніе къ милосердію Божию, слѣдовательно, имѣетъ дерзновеніе и ко святымъ. Въ такомъ расположеніи сердца нашего можемъ мы прибѣгать къ святымъ и молитвы свои соединять съ молитвами ихъ. Но, притомъ, прежде и иначе прибѣгать мы должны къ Самому Богу, яко всевѣдущему, яко всеблагому, яко предвѣщающему желанія наша. Мы не можемъ прибѣгать къ святымъ, миновавъ Пресвятаго Бога: ибо святые знаютъ прошенія наши не чрезъ самихъ себя, но поелику открываетъ имъ Богъ, какъ учитъ благочестивая наша Церковь.

А отсюда видно не только то, чѣмъ и какъ можемъ мы прославлять святыхъ, но видно и то, что, когда прославляемъ мы святыхъ, тогда прославляемъ Самого Бога. Ибо, похваляя святыхъ, похваляемъ добродѣтель, а похваляя добродѣтель, мы похваляемъ Бога, источника добродѣтели. И потому праздники святыхъ суть праздники Божіи. „Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ: Богъ Израилевъ“ (Псал., 67, 36)! Того ради должны мы всѣмъ сердцемъ благодарить всеблагаго Бога, что Онъ во всякомъ родѣ и во всякое время воздвигъ такихъ мужей,

добродѣтели которыхъ всякъ могъ бы подражать. И съ симъ точно намѣреніемъ прославилъ Онъ имена ихъ безсмертіемъ. Многихъ, которыхъ міръ почитаетъ за великихъ героевъ, слава исчезла, но смиренная добродѣтель громка по всемъ вѣкамъ. Мы позабыли, кто царствовалъ въ Египтѣ, да цѣломудреннаго Іосифа не забыли. Не велики у насъ имена древнихъ Вавилонскихъ царей, но велики и любезны имена трехъ Вавилонскихъ отроковъ, которые мужествомъ благочестія силу огня побѣдили. Римъ насъ больше услаждаетъ, когда намъ поминаетъ о Петрѣ и Павлѣ, нежели когда сказываетъ о Ромулахъ, о Нумахъ, о Тарквиніяхъ, о Фабриціяхъ и прочихъ. „Житія и похвалы святыхъ,—говоритъ одинъ церковный историкъ,—подобны свѣтлостію звѣздамъ: яко же бо звѣзды положены на небеси, но всю небесную просвѣщаютъ. Онѣ отъ индіанъ зрятея, но сокрываются отъ скиноевъ, землю озаряютъ, и морю свѣтятъ, и корабли плавающихъ управляютъ, ихъ же именъ хотя и не знаемъ множества ради, но свѣтлой добротѣ ихъ чудимся. Такъ и свѣтлостъ святыхъ, хотя ихъ тѣла затворены во гробахъ, но силы ихъ не ограничиваются въ поднебесной земными предѣлами. Чудимся тѣхъ житію, и удивляемся славѣ, ею же Богъ угодившихъ Ему прославляетъ“.

Многіе жалуются, что ихъ добродѣтель гонятъ, и что они со всею своею доброю совѣстію остаются безъ утѣшенія. Что? ежели бы, при томъ, по смерти добродѣтельныхъ имя совсѣмъ исчезало, то могу сказать, едва ли бы и самые крѣпкіе вѣрою не поколебались; едва ли бы не заговорили съ оными безумными, отъ Соломона описанными, что „одинъ случай человѣка и скота, какъ смерть того, такъ и смерть сего, и духъ единъ во всѣхъ, и что излишне имѣеть человѣкъ паче скота?—ничтоже“ (Еккл., 3, 19). Но когда сіи же малодушные увидятъ, что добродѣтель по смерти не умираетъ, прославляется, слышатъ цѣлыя соборы на хвалу свою, многіе народы—на удивленіе свое, тогда, вдругъ измѣнившись, съ веселымъ восторгомъ возопіютъ: „воззрите на всѣ мимошедшіе роды, кто вѣрова Господеви и постыдѣся“ (Сирах., 2, 10)?

Благодарить убо, и паки говорю, Господа должно, что Онъ, оставивъ примѣры святыхъ, столь сильно тѣмъ возбуждаетъ насъ къ добродѣтели. Да благодарить надобно не словомъ, но дѣломъ; а дѣломъ благодаримъ, когда, празднуя святымъ, ревнуемъ имъ исправленіемъ. Но такъ ли празднуемъ мы? Смѣхъ—праздники христіанскіе. Когда празднуется, напримѣръ, воздержаніе Іоанново, тогда празднолюбцы утопаютъ въ винѣ. Когда празднуется чистота блаженной Дѣвы, тогда приносится богатая жертва плотскимъ склонностямъ. Когда прославляемъ апостольскіе смертные подвиги, тогда всюду гремятъ сладо-

страстные увеселенія; когда почитаемъ страданія мученическія, тогда дома наши наполняются ласкательными и лицемѣрными поздравителями. Когда празднуемъ носившихъ чрезъ всю жизнь крестъ терніи, тогда властвуетъ роскошь, и своевольствуетъ праздность. Ахъ! пусть послушаютъ изрядные христіане, что Богъ такимъ празднователямъ нѣкогда сказалъ: „праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя, вы Мнѣ стали въ сытость, ктому не стерплю грѣховъ вашихъ“ (Ис., 1, 14). Пріятнѣе было святымъ, когда ихъ гнали и мучили, нежели, когда такимъ образомъ празднуемъ память ихъ: ибо они муками увеселялись, а такими празднованіями оскорбляются, и это потому, что мученія служили къ славѣ ихъ, а празднованія такія помрачаютъ славу ихъ. По отселѣ будемъ мы молить Подвигположника всѣхъ святыхъ Бога, чтобы, съ помощію Его, достойно празднуя святымъ на землѣ, сподобились мы причастниками быть и свѣтлаго торжества на небеси. Аминь.

Слово въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„На семь каменъ созижду Церковь Мою“.
(Матѣ., гл. 16, ст. 18).

Два храма невмѣстимаго Божества мысль наша представить себѣ можетъ, а именно: видимый сей міръ и Церковь. Ибо какъ весь міръ Богъ наполняетъ присутвіемъ Своимъ, такъ и въ Церкви Своей обитаетъ Онъ особеннымъ образомъ. Но міръ состоитъ изъ разныхъ одушевленныхъ вещей, а Церковь—изъ однихъ добродѣтельныхъ душъ. И для того,—по свидѣтельству святыхъ книгъ,—„небо и небо небесе не довлѣютъ“, чтобы вмѣстить безконечнаго Бога (3 Царств., 8, 27); а о Церкви Своей Онъ Самъ у Пророка говоритъ: „здѣсь—покой Мой во вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволихъ его“ (Псал., 131, 14). Весь міръ создать стоило Богу единого слова: „рече, и быша: повелѣ, и создашася“ (Псал., 148, 5). Но, чтобы создать Церковь, надобно было ему Самому видѣ раба принять, и Своею кровію напоить ея основаніе. Сей священный домъ Отецъ создалъ, Сынъ искупилъ, Духъ Святой освятить; и потому, когда міръ изъ основаній своихъ подвижется, Церковь во вѣкъ пребудетъ непоколебима. Что предвидя, про-

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ Красноѣмъ Селѣ при лагерѣ, 1765 г., мѣсяца іюня 29 дня.

рокъ Исаія сими привѣтствуетъ ее словами: „ты нареченна градь Господень, Сіонъ святаго Израилева, положу тя въ радость вѣчную, веселіе родомъ родовъ“. И по сей-то причинѣ нынѣшнее Евангеліе благовѣствуетъ намъ, что Церковь создана на каменн. Но, дабы яснѣе понять сію твердость Церкви, потщимся мы доказать то изъ самаго событія. Ты же, Всемогущій міра и Церкви Правитель, благоволи, зобравшейся во имя Твое, церкви сей мало вникнуть въ Божественныя дѣла Твои, и почудиться премудрости Твоей.

Въ совѣсть всякаго Богъ вложилъ чувство богопочитанія. Сія сила совѣсти благополучно дѣйствовала во многихъ; собраніе сихъ многихъ истинныхъ богопочитателей есть Церковь. И понеже она сія сила совѣсти имѣла свое дѣйствіе отъ самаго начала міра, такъ тогда же Церковь и получила свое основаніе. Основаніе сіе Евангеліе, нынѣ чтенное, называетъ каменнымъ. Причина тому есть ясна сама чрезъ себя: ибо домъ на твердомъ каменномъ основаніи строится затѣмъ, дабы случающіеся вѣтры, бури, дожди и другія противности не могли повредить его. Почему, когда и Церковь создана на каменн, слѣдуетъ, что она имѣла свои опасности. Твердость какого нибудь дома узнаемъ мы изъ того, ежели онъ при всѣхъ своихъ противностяхъ пребудетъ непоколебимъ. Почему, ежели хотимъ узнать и твердость Церкви, и что, подлинно, создана она на каменн,—надобно разсмотрѣть, какъ она, при всѣхъ своихъ бывшихъ несчастіяхъ осталась со всею своею славою.

Церковь имѣла два несчастія. Съ одной стороны, ее безпокоила злоба и суевѣрство; а съ другой, смущали ее вредныя мнѣнія и ученія.

Первое безпокойство Церкви Спаситель начинаетъ отъ крови Авеля праведнаго, которую пролилъ родной братъ Каинъ: всѣ убо гонители „путемъ Каиновымъ ходять“ (Иуд. посл., ст. 11). Отъ Каина пошелъ нечестивый родъ, а отъ Сифа, наслѣдника Авелева, благочестивый. Первые были непрестаннымъ препятствіемъ въ благочестіи симъ послѣднимъ. Но послѣ истреблены были потопомъ; а Церковь въ маломъ ковчегѣ была сохранена отъ всепожирающей бездны. Послѣ потопа, при умноженіи человѣческаго рода, умножилось число злыхъ людей, которыхъ, какъ будто, предводителемъ былъ нечестивый Хамовъ родъ. Около сихъ время возникло идолопоклонство, и сіе зло разливалось по всей вселенной; но при томъ во всякомъ родѣ и вездѣ были такіе люди, которые въ срединѣ суевѣрствъ хранили истину вѣры непорочно. Нѣтъ сомнѣнія, что они отъ суевѣрнаго рода были безпокоены, хотя ихъ имена древность времени и скрыла отъ насъ. По случаю умножившихся въ свѣтѣ заблужденій Богъ благоволилъ Церковь Свою при-

своить къ Авраамову роду, дабы весь свѣтъ могъ ясно видѣть его судьбы въ управленіи сей видимой Церкви, которая въ лицѣ своемъ представляла всѣхъ избранныхъ Божиихъ, разсѣянныхъ по лицу земли. Авраамъ Исаакъ, Іаковъ доблестно прошли чрезъ огонь искушеній и напастей. Благочестивое потомство ихъ въ желѣзной печи порабощенія мучилось чрезъ нѣсколько вѣковъ отъ египтянъ. По ишествіи Церкви изъ Египта разные народы на нее напали и тщались искоренить ее. Когда казалось, что Церковь получила покой въ землѣ обѣтованія, тогда-же она была обезкоена и отъ разныхъ сосѣднихъ народовъ утѣсняема; а, напослѣдокъ, и изъ мѣста своего была выгнана рукою двухъ сильныхъ восточныхъ владѣтелей Салманассара Ассирійскаго и Навуходносора, Вавилонскаго царя. По ишествіи Церкви изъ плѣна Вавилонскаго, нѣсколько времени казалась она быть успокоена, пока, напослѣдокъ, не подпала тѣмъ же искушеніямъ и п. Маккавеевъ. И сіе злоключеніе продолжалось почти до самаго Спасителя пришествіи въ міръ.

Мы теперь видимъ, какимъ несчастіямъ была подвержена Церковь Ветхозавѣтная. Всѣ пророки понесли прекословіе и озлобленіе; и всѣ крѣпкіе отъ Израила и мужи чрезвычайной святости отъ самаго тогдашняго времени питаемы были хлѣбомъ оскорбленія, и пили чашу горести. Кратко сказать: кровь праведная начала быть проливаема отъ Авеля, а кончалась на Крестителѣ Іоаннѣ, предвозвѣстникѣ благодати. И сіе— въ Ветхомъ Завѣтѣ.

А въ Новой благодати Самъ Спаситель предназначалъ сей святѣйшій подвигъ, и Своею Божественною особою освятилъ для всѣхъ насъ спасительное ношеніе креста. Своему Учителю послѣдовали ученики, которые посланы были отъ Него въ міръ, яко агнцы посреди волковъ. Нынѣ празднуемые нами, Апостолы увѣнчались сею блаженною кончиною. Они сами о себѣ говорятъ, что свѣтъ ихъ почелъ за соръ, и что они „позоръ были міру и ангеломъ и человѣкомъ“ (I Коринѣ, 4, 9). И какъ апостольская кровь была нѣкоторымъ сѣменемъ, изъ котораго нечаянно произросло неисчислимое множество христіанъ, то всѣ они, какъ овцы, были закалаемы и, какъ пшеница, пожинаемы были. Но сіе несчастіе было для Церкви самое счастливое: ибо, когда казалась она не только быть утѣсняемою, но и совсѣмъ уничтоженною, тогда нечаянно съ бдѣшею славою расширялась, на подобіе искры, которая, бывши сокровена, вдругъ возжигаетъ великій пламень. И сіе подало случай одному церковному учителю сказать: „чѣмъ больше насъ жмутъ, тѣмъ больше растемъ; сѣмя есть кровь христіанская“.

Сии явныя злоключенія продолжались до временъ Константина Великаго. Престали они при семъ благочестивомъ Государѣ; но не

престали скрытыя, какія во всякое время добродѣтель претерпѣваетъ отъ злобы. Христіане по всей вселенной оскорбляемы и убиваемы были отъ частыхъ набѣговъ невѣрныхъ народовъ. Но, кромѣ сего, чрезъ недолгое время паки на Церковь Христову палъ жребій несчастливый. Востокомъ завладѣлъ Магометъ, и сія язва, разливаясь по Аравіи, Египтѣ, Палестинѣ и Сирии, напоследокъ заразила весь востокъ,—отъ чего восточная Церковь приведена въ печальное состояніе, въ которомъ и доселѣ еще мы оплакиваемъ ее. Въ сіи же самыя несчастливныя времена западъ отдѣлился отъ востока и подверженъ сталъ игу властолюбиваго папы, который, нося на себѣ имя христіанское, сдѣлался горькимъ христіанъ гонителемъ.

При сихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, когда Церковь на востокѣ поработана была, а на западѣ была она развращена, что дѣлаеть Богъ? О, неусыпнаго Его о Церкви промысла! сію великую утрату дополнилъ Онъ Россією, которую около самыхъ тѣхъ временъ благоволилъ просвѣтити истинною вѣрою, и престоль вѣчнаго царства Своего принесть къ намъ. А тѣмъ самымъ Господь прясно доказалъ, что Онъ Церковь Свою основалъ на камени, и что ее ни врата адовы (Матѣ., 16, 18), то есть, никакія вражескія козни преодолѣть не могутъ. Видѣли мы, какія были противъ Церкви бури, но утихли, погасли огни, притупились мечи, и врагу оскудѣша оружія въ конецъ; а Церковь, сверхъ желанія и чаянія враговъ своихъ, торжествуетъ надъ ними.

И торжество сіе покажется намъ свѣтлѣйшее, ежели заглянемъ мы и на безпокойства внутреннія, которыя она такъ же побѣдила, но тѣмъ съ большею славою, чѣмъ опаснѣйшія были сіи смущенія. Ибо чрезъ нихъ тщался врагъ напасть на самыя основанія вѣры и погасить искру истины, зажженную въ самой внутренности души. Инымъ влагалъ онъ въ мысль, что Бога нѣтъ; инымъ,—что ихъ два—добрый и злой; другимъ, что ихъ—великое множество; иные думали, что хотя и есть Богъ, но о мірѣ никакого не имѣеть попеченія; другіе оттуда заключали, что въ свѣтѣ дѣлается или по случаю или по необходимости, слѣдовательно, въ одно мѣшали добродѣтель и порокъ. Другіе нападали на безсмертіе души, и тщались опровергнуть всѣ будущія блаженныя надежды; иные не хотѣли признать немощи естества нашего, и упорно отвергали Евангельскую благодать, которая ее исцѣляетъ. Всѣ вѣка такими чудовищами были обезчещены, и стъ нихъ наибольше раздиралась утроба Церкви Христовой. Ежели разсудить по-человѣчески, кажется, не можно бы надѣяться и слѣдамъ остаться истины при такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, а наипаче, что гонителей было наибольшее число; а Церковь, напротивъ, была малое стадо

избранныхъ Божиихъ. Но итъ: сей священный корабль между волнами не погрузился, сія райская роза между терніями больше процвѣтала, сіе золото вѣры всегда съ большею свѣтлостію выходило изъ огненной печи несчастія.

Мы здѣсь не должны обойти и Церковь російскую, которая такъ же, какъ и Церковь вселенская, чрезъ многія безпокойства достигла до толикой славы. При самомъ ея младенествѣ бывшія въ Россіи междоусобныя войны, кто не скажетъ, сколько дѣлали препятствія расширенію царства Иисусъ Христова? не успѣло сіе волненіе утихнуть, какъ вдругъ загремѣла ужасная буря татарской орды, которая плѣнила Россію, и всюду разсѣяла священныхъ христіанъ собранія. Подъ симъ игомъ не одинъ вѣкъ страдало отечество наше, и Церковь казалась быть при послѣднемъ своемъ издыханіи; но вдругъ всесплный ея Правитель запретилъ бурѣ, и стала тишина велия. Симъ Божиимъ благодѣяніемъ и доселѣ Церковь наша наслаждается: не имѣетъ она никакого гоненія, ибо царствуетъ въ Церкви миръ, подъ покровительствомъ благочестивѣйшей нашей Монархини, вѣнецъ которой украшается усердною къ Богу вѣрою, престолъ—премудростію, порфира—милосердіемъ.

Такъ гдѣ же дѣлись твои, о Церковь, возлюбленная мать наша,— гдѣ дѣлись твои гонители? куда прошли облака твоего несчастія? Мы уже ихъ, слава Богу, не видимъ; ищемъ ихъ мѣста, и не обрѣтаемъ. А, напротивъ, видимъ лице твое радостное, смотрящее на собранныхъ въ нѣдра твои чадъ твоихъ. Но чѣмъ, скажи ты намъ, чѣмъ побѣдила ихъ ты, которая не имѣешь и не любишь никакихъ оружій? Мы видимъ, что ты побѣдила ихъ терпѣніемъ, слезами своими ихъ потопила, ихъ мечи притупила своею плотію, ихъ огни погасила своею кровію, совѣмъ ихъ посрамила надеждою будущей радости. Веселися убо и ликуетъуй, Христова Церковь, священный ковчегъ истины! возвеличи Господа, благодѣтельствующаго тебѣ, возноси, яко трубу, гласъ твой во вся концы земли, что твое основаніе есть на недвижимомъ камени; и потому врата адовы не преодолеютъ тебя.

Помянувъ о Церкви Россійской, мы не должны оставить, чтобы не помянуть и о самой Россіи. Всемогущая десница Господня, которая управляетъ Церковію, та же управляетъ и государствами; а наипаче, что благополучіе Церкви соединено есть съ благополучіемъ государства. Церковь Россійская, связали мы, имѣла свои безпокойства, многимъ же и Россія подвержена была переменамъ, многимъ несчастіямъ. Но, побѣдивъ мужественно всѣ противности, она все въ большую возрастала славу, наподобіе винограда, который, чѣмъ больше обрѣзывается, тѣмъ изобильнѣйшій приноситъ плодъ. Еще мы всѣ носимъ въ свѣжей памяти, сколько возвеличилъ Богъ отечество наше чрезъ Великаго Петра, и его

мужествомъ посрамилъ неприятелей нашихъ. Въ полномъ теченіи славы осталась Россія по смерти сего почтеннаго безсмертіемъ мужа. Но какъ уже и послѣ того времени начали входить въ отечество наше нѣкія смущенія, — и тогда Богъ показалъ Себя неспящимъ о благополучіи нашемъ: обрадовалъ Онъ скорбящихъ россіянъ кротчайшею и милосердѣйшею Елисаветою.

Потомъ избралъ Тебя, Всеавгустѣйшая Государыня наша, священнымъ орудіемъ Своего премудраго промысла. Ты утѣшила мать нашу — Церковь, а печальному отечеству была сама матерью радости и, положивъ сіе твердое основаніе, строишь на немъ храмъ благополучія благоразумнымъ правительствомъ. Добродѣтель въ Твоемъ сердцѣ находитъ себѣ пріятное жилище, неповинность — безопасное убѣжище, заслуга — щедрое награжденіе, Божія благодать — всегда готовое содѣйствіе. И потому увѣрены мы, что неусыпно хранить Богъ Церковь нашу, хранить и отечество, и неразрывность сего святаго союза утвердилъ Онъ въ помазанной себѣ твоей.

Но, о несказаннаго къ намъ Божія милосердія! не довольно было Ему утѣшить насъ настоящими, ежели бы при томъ еще не ободрить и будущею надеждою. Видимъ мы всепресвѣтлѣйшую Монархиню нашу, яко плодоносное древо, во всей своей полнотѣ добродѣтелями цвѣтущую; видимъ же и прекрасную Ея вѣтвь, Тебя, Пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, дражайшій нашъ имянинникъ! мы почитаемъ особу Твою за несумнительный залогъ продолженія Божіей къ намъ благодати, и потому Церковь уповаетъ въ свое время найти въ Тебѣ духъ, напоенный благочестіемъ и ревностію къ расширенію вѣчнаго царства; а отечество — сокровище добродѣтелей. Дабы сему чаянію удовлетворить, потщись Ты, Благовѣрный Государь, чтобы цвѣты молодыхъ Твоихъ лѣтъ принесли довольные плоды. Ты имѣешь побужденіе домашнее и дѣйствительное — Ея Императорское Величество, дражайшую Родительницу свою: заимствуя отъ нея жизнь естественно, заимствуй отъ нея и добродѣтель добровольно. Но, вотъ, и примѣры, которые подаетъ Тебѣ Самъ Богъ, нынѣ празднуемые апостолы: Петръ и Павелъ. Петръ да будетъ Тебѣ примѣръ благочестія, а Павелъ — премудрости: Петровыми ключами отверзай храмъ полезныхъ ученій, а Павловымъ мечемъ разсѣкай всѣ узлы трудности, которые препятствовали бы Тебѣ въ прекрасномъ семъ теченіи. Мы сего желаемъ, мы надѣемся, мы молимъ всещедрого Бога, чтобы попеченіе Ея Императорскаго Величества о Тебѣ обрадовано было благословеннымъ успѣхомъ, а чаяніе вся Россія исполненіемъ того. Аминь.

Слово при заложении Императорской Академіи Художествъ и при ней церкви *).

(О ВОСПИТАНИИ).

Нѣтъ нужды много думать, о чемъ намъ теперь говорить надобно. Сія Академія Художествъ, и сіе основаніе святаго храма подають довольную къ словамъ матерію. Академія назначается, чтобы быть мѣстомъ добродѣтели, а церковь освящается, чтобы быть жилищемъ Бога, источника добродѣтели. Тамъ имѣеть быть предуготовленіе сердець къ принятію всякаго добра, здѣсь Духъ Святый на предуготовленной благой землѣ будетъ сѣять сѣмя Божественнаго слова. Тамъ будутъ подвиги и честные труды, здѣсь—духовное успокоеніе и награжденіе: разныя, подлинно, дѣйствія, но одинъ конецъ.

Не должно быть свѣтское училище безъ молитвеннаго храма: ибо суетны были бы все наши предпріятія, ежели бы они не оживляемы были благочестіемъ. Но и сама Церковь не малою лишилась бы помощи, ежели бы не было мѣсть къ доброму воспитанію для тѣхъ, коихъ она должна содержать въ нѣдрахъ своихъ. Напрасно, напримѣръ, Церковь будетъ вопить, чтобы вознесъ на небо сердце свое тотъ, который такъ воспитанъ, что, кромѣ земнаго, ни о чемъ не думаетъ. Напрасно будетъ увѣщавать она къ любви Божіей того, который не наставленъ, сколько Богъ есть превосходное добро. Не много также успѣетъ она, ежели будетъ предлагать ученіе добродѣтели тому, который отъ самаго младенчества привыкъ добродѣтель поставлять въ однихъ прибыткахъ или пріятностяхъ.

И кажется мнѣ, для того, что Церковь родителямъ, учителямъ, приставникамъ и всемъ попечителямъ симъ говорить словами: „сердце мое сѣждаетъ горькая печаль, что вижу приводимыхъ ко мнѣ дѣтей, къ высокому ученію моему не предуготовленныхъ. Избавьте меня скорби сей: труды, которые я полагаю о пользѣ всѣхъ, раздѣлите со мною. Имѣю я, подлинно, спасительное сѣмя, но не давайте мнѣ тернія, не давайте каменія; а добрымъ воспитаніемъ представляйте мнѣ ихъ сердца, яко благую землю. Сей умиленный Церкви гласъ кого не возбудитъ, чтобы не пренебрегать святую должность воспитанія? А иначе, что, видится мнѣ, и самые младенцы къ намъ простирають руки слабыя свои, и нѣмотствующимъ своимъ языкомъ къ намъ говорятъ:

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества 1765 года, іюля 7 дня.

„Богъ насъ произвелъ на свѣтъ слабѣе животныхъ другихъ неотмѣнно съ тѣмъ, что Онъ положился на ваше о насъ попеченіе. Такъ почитайте вы за священное сіе обязательство, и увѣрьте себя, что, исполняя сіе дѣло, исполняете вы дѣло Самого Бога“.

Я уже оставляю то, что занлатить долгъ своимъ родителямъ мы можемъ не инымъ чѣмъ, какъ равнымъ попеченіемъ о воспитаніи другихъ.

Но надобно знать, „въ чемъ состоитъ послушаніе“. Изъ прежде-реченнаго уже видѣть можно, что воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели. И потому не состоитъ оно въ иѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя поражаютъ обыкли только своєю паружностію, а больше ничего: не состоитъ воспитаніе въ семъ. А состоитъ оно въ томъ, чтобы взойти познаніемъ въ самого себя, познать Создателя своего, познать конецъ созданія своего; на семъ неизблемомъ основаніи утвердись, душу свою такъ приуготовить, чтобы снискать къ благочестію усердіе, къ Государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ нижнимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь;—въ должности быть прилежнымъ, въ домо-строительствѣ тщательнымъ, въ трудахъ нелѣностнымъ, въ частіи невоз-носливымъ, въ несчастіи неунылымъ, къ общей пользѣ ревностнымъ, во всякихъ обхожденіяхъ быть искреннимъ, ласковымъ, учтивымъ, снисходи-тельнымъ. Въ семъ состоитъ существенная сила воспитанія.

Но иѣтъ, думаю, столь мало просвѣщеннаго, который не зналъ бы этого. А какимъ образомъ сіе производить въ дѣло,—въ томъ уже есть больше трудности. Разные къ тому суть способы, разные пути. И сія, думаю, разность и происходящая изъ того трудность есть причина, что бывають въ воспитаніи великіе непорядки, много развращенія.

Первый и наилучшій, по мнѣнію моему, къ воспитанію способъ есть добрый примѣръ: онъ есть всегда дѣйствителенъ для всѣхъ, а наипаче для младенческаго возраста. Младенцы еще не имѣють совершеннаго употребленія въ разсужденіи: они управляются почти одними чувствами, и потому, ежели что видять, ежели что слышать,—тѣмъ поражаются, то крѣпко печатлѣють въ памяти. Сія, укрѣпленные въ младенчествѣ, добрыя или худыя воображенія во все почти будущее время будутъ служить имъ во всякихъ дѣлахъ основаніемъ: ибо, чѣмъ новый сосудъ будетъ напоенъ, трудно, чтобы тотъ запахъ онъ потерялъ когда. Ежели младенецъ имѣеть родителей или приставниковъ, которые при всякомъ случаѣ показываютъ живые знаки благочестія, неотмѣнно и мла-денецъ напоенъ будетъ тѣмъ же духомъ благочестія; ежели же имѣеть суевѣрныхъ, или къ закону презрительныхъ, нельзя, чтобы и онъ тѣмъ же не зараженъ былъ порокомъ. Ежели младое дитя во всегдашнемъ

домашнемъ обхожденіи видитъ или слышитъ примѣры роскоши или ску-
пости, излишнее пристрастіе къ веселостямъ и другимъ наружностямъ,—
весьма трудно, чтобы сія язва слабыхъ не коснулась младенческихъ
чувствъ. Не хочешь, чтобы младенецъ рзвращенъ былъ?—не дѣлай
предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть; но будь предъ нимъ
зеркаломъ, въ которомъ онъ усмотрѣть могъ бы, чему ему подражать
надобно.

Сія, ежели можно сказать, нѣмая наука, дѣйствительнѣе оной
многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ
ничего. Что пользы разсуждать о теченіи небесныхъ круговъ; а сердце
имѣть привязанное къ страстямъ земнымъ? Что пользы знать развязывать
хитросплетенныя слова, а не знать развязывать узлы сумнящейся совѣсти?
„Что пользы человѣку, аще пріобрѣщетъ міръ весь, а душу свою от-
щечитъ?“ говоритъ Евангеліе (Марк., 8, 36). Не презираю я науки, но
утверждаю, что онѣ лишаются своей пользы, ежели не будутъ препро-
вождаемы честностію дѣлъ. Прибавить здѣсь надобно и то, что науки
не могутъ имѣть своего дѣйствія, развѣ когда младенецъ при-
детъ въ нѣкоторый возрастъ. Но что, ежели онъ въ самомъ началѣ
своихъ дней, ежели въ самой колыбели приглядится къ такимъ примѣ-
рамъ, которые не расположили его нимало къ принятію добра? Тщетны
тогда будутъ науки и бесполезны. Да что говорить бесполезны?—не
можетъ быть вреднѣе того человѣка, который имѣлъ бы науки, но не
имѣлъ исправленной совѣсти. И потому не сомнительно, что самая луч-
шая наука бываетъ дѣломъ, а не однимъ словомъ.

Сія наука есть Евангельская: ибо свойственно есть христіанской
мудрости, чтобы не словами, но дѣлами философствовать. Евангеліе
учитъ, что царствіе Божіе—не въ словеси, но въ силѣ; оно хочетъ,
чтобы послѣдователь его былъ, яко свѣтило въ мірѣ. „Тако да просвѣ-
тится свѣтъ нашъ предъ человѣки, яко да видятъ наша добрая дѣла,
и прославятъ Отца нашего, иже есть на небесѣхъ“ (Матѣ., 5, 16). По-
чему нельзя не признаться, чтобы сей способъ, то есть, добрый при-
мѣръ, для воспитанія дѣтей не былъ самый наилучшій.

Принявъ сіе основаніе, сколько возможно, должно отъ младенца
удалить худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя книги, со-
блазнительныя представленія; а вмѣсто того приставлять къ нимъ не-
ззорныхъ пѣстуновъ, добрыхъ учителей, честныхъ приставниковъ, ко-
торые не только были бы ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но при-
томъ имѣли бы и духъ патріотическій.

При семъ не бесполезно помянуть и о томъ, что наипаче примѣ-
рами вдыхать надобно въ нѣжныя младенческія сердца? Первѣе всего,
надлежитъ внушать имъ страхъ Божій: ибо „начало премудрости страхъ

Господень^а (Притч., 1, 7). Трудно, чтобы, симъ необузданный, человекъ могъ удержать непристойныя склонности, которыя, совѣмъ тѣмъ, непрестанно воюють на разумъ. Положимъ, что откровенно и по наружности будетъ притворять себѣ нѣкоторый видъ честности, боясь наказанія отъ законовъ правительства. Но, коли страха Божія нѣтъ, онъ наполненъ будетъ непристойными мыслями и вредными намѣреніями, которыя при всякомъ скрытомъ случаѣ будетъ стараться производить въ дѣло, а, связавъ уздою страха Божія худыя человѣческія хотѣнія, онъ отворить чрезъ то невозбранный путь ко всякому честному дѣлу. Послѣ сего безирепятственно можно будетъ приводить всякаго къ наукамъ и художествамъ, смотря по состоянію, по способностямъ, по склонностямъ, по лѣтамъ и по другимъ обстоятельствамъ.

Подлинно, полезны науки, но полезны и искусства. Науки проsvѣщаютъ мысль, искусства не допускаютъ до душевнаго расслабленія; науки показываютъ путь ко всякому добру, искусства, дѣйствительно, тѣмъ пользуются; науки наставляютъ, какъ избирать доброе житія состояніе,—искусства самымъ дѣломъ въ томъ состоять. Я могу прибавить въ похвалу искусствъ и то, что науки легко можно употребить во зло, и злоупотребленныя причиняють великій вредъ; а искусства, не знаю, можно ли употребить во зло,—и потому они полезны всегда. Честный художникъ съ кротостію сидитъ въ своемъ уединеніи при благословенномъ дѣлѣ, и тѣмъ пользуется себя, пользуется общество и духомъ своимъ премудраго поета Творца.

Такъ кто же теперь не видитъ, что, ежели младенецъ по изъясненнымъ нами основаніямъ будетъ воспитанъ, не сомнительно можемъ надѣяться, что онъ имѣетъ быть добрый христіанинъ, честный гражданинъ, бережливый домостроитель, вѣрный другъ, надежный сосѣдь, пріятный товарищъ? Всего сего тѣмъ удобіе можемъ надѣяться отъ дѣтей, что ихъ и память тверда, и силы свѣжи, и члены проворны, и удобно могутъ въ послушаніе приведены быть,

Но почто много говорить мнѣ о воспитаніи, слушателей моихъ утруждать рѣчью о томъ, чего самую вещь они видятъ передъ своими очами? Никто столь совершенно не понимаетъ пользу воспитанія, сколько Ваше Императорское Величество, дражайшая Всероссійская Матерь! Ибо, что мы говорили о воспитаніи словомъ, то Ваше Величество исполнили самымъ дѣломъ. Изъ многихъ Вашего Величества обществу преполезныхъ дѣлъ не знаемъ, которое изъ нихъ предпочесть одно другому: столь они превосходны всѣ!

Сія, основанная Вашимъ Величествомъ, Академія Искусствъ, трудно сказать, больше ли есть доказательство милосердія Вашего къ подданнымъ, или мудрости въ изобрѣтеніи столь честнаго способа

къ благополучію ихъ. Ваше Величество, воображая обширность своего владѣнія и пользу художествъ, которая втекаетъ во всѣ государственныя состоянія, посвятили сіе мѣсто исполненію сего спасительнаго намѣренія; а дабы все сіе было надежнѣе, не оставили въ уваженіе принять и первую должность воспитанія. За сіе высокоmaterнее попеченіе одолженными Вашему Величеству признаютъ себя Церковь, отечество, юношество; и я сознаю себя слабымъ, чтобы могъ довольно изъяснить ихъ благодарность. Церковь имѣеть отсюда ожидать добрыхъ христіанъ, отечество—честныхъ гражданъ; а сами юноши, почитая себя одолженными своимъ родителямъ просто жизнию, будутъ одолжены Вашему Величеству доброю жизнью. Они жалуется на свою натуру, что не успѣшила она дать имъ столько способности, чтобы могли изъяснить словомъ то, что чувствуютъ они въ сердцѣ. Но недостатокъ ихъ, по возможности, дополняетъ отечество, желая Вашему Императорскому Величеству благополучнаго царствованія, должайшей и ненавѣтной жизни и спасенія души. При чемъ и всѣ мы молимъ премилосерднаго Господа, дабы Онъ увѣнчалъ сіе благословенное Ваше тѣсаніе дѣйствительнымъ плодомъ. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

(О ПОЛЬЗѢ УЧЕНІЙ).

„Положите на сердцахъ вашихъ, не прежде поучатися отвѣщавати“.

(Лук., гл. 21, ст. 14).

Мудролюбивые мужи разсуждаютъ, отчего человѣку надобно свое исправленіе начинать—отъ разума или отъ воли, и почти всѣ согласны въ томъ, что—отъ разума. Причину тому даютъ сію, что воля или сердце исправно тогда, когда оно желаетъ добра, и отвращается зла; а нельзя, де, ни добра желать, ни зла отвращаться, не имѣя просвѣщеннаго понятія о добрѣ и злѣ. Но вѣчная премудрость, Евангеліемъ проповѣдуемая, кажется, учить противное тому. „Положите,—говоритъ она,—на сердцахъ вашихъ, не прежде поучатися отвѣщавати“, то есть, старайтесь прежде снискать честность души, а витійство словъ и просвѣщеніе ума будутъ даны вамъ послѣ. Однако, въ сихъ противностяхъ нѣтъ противности: ибо, хотя конецъ какого-нибудь дѣла испол-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ придворной церкви, 1765 года, сентября 20 дня.

няется послѣ, но въ намѣреніи оны—прежде. Такъ и добронравіе, хотя слѣдуетъ за прозвѣщеніемъ разума, однако, въ намѣреніи должно быть оно прежде: понеже для того надобно учиться, дабы украсить себя честно-стію нравовъ; и ежели бы не предположить сего конца, то не нужны, по крайней мѣрѣ, суетны были бы все ученія. И потому справедливо совѣтуетъ Евангеліе, чтобы всякъ изъ насъ положилъ на сердце своемъ—„не прежде поучатся отвѣщать“. Но, къ большому изъясненію истины сей и къ умноженію свѣтлости торжественнаго сего дня, разсудимъ мы обстоятельнѣе „о пользѣ ученій“. А Ты, Отче свѣтовъ, изъ Божественныхъ Твоихъ сокровищъ открой намъ безвѣтная и тайная премудрости Твоя!

Излишне было бы доказывать, что ученія пристойны человѣку: ибо подъ именемъ ученія разумѣемъ мы познаніе истины; а человѣкъ одаренъ разумомъ, то есть, способностью познавать истину. Печему если бы кто отвергалъ ученіе, тотъ не только отвергалъ бы разумъ, но долженъ бы отказаться и самаго человѣчества.

Во-первыхъ, ученіемъ мы снискиваемъ просвѣщеніе мыслей. Отворено предъ нами зрѣлище Создательныхъ премудрыхъ дѣлъ: закроемъ ли мы предъ нимъ очи свои, и не наче ли въ нѣкоторомъ восторгѣ возопіемъ: „яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи“ (Псал., 103, 24), „полны суть небо и земля славы Твоя“? А ученія отверзаютъ намъ дверь въ сей священный храмъ: при руководствѣ ихъ мы узнаемъ начало вещей, порядокъ, союзъ, дѣйствія, конецъ и пользу; снискиваемъ понятіе о составѣ міра, о стихіяхъ, о теченіяхъ свѣтилъ небесныхъ, о явленіяхъ воздушныхъ, о свойствахъ тѣлъ, о животныхъ и о разныхъ ихъ родахъ, растущихъ изъ земли и объ ихъ видахъ, а напаче о самихъ себѣ, о добродѣтели и порокахъ и объ ихъ добрыхъ или худыхъ слѣдствіяхъ. Да еще крылами ученій мы возлетаемъ и къ истинамъ высочайшимъ, которыми приближаемся къ неприступному Божеству и разсматриваемъ красоту несозданную. О, kolikoе богатство благодати Божіей! какая изобильная трапеза представляется въ наслажденіе наше! И хотя мы понимаемъ очень мало, но и сіе малое сколь есть велико для насъ! При томъ, будемъ ли мы извинительны, ежели бы и малое сіе захотѣли терять нерадѣніемъ своимъ?

Да что нужды входить въ такія подробности? — можетъ сказать кто. На сіе отвѣствуемъ: нужда—та, чтобы силу нашей души не оставить безъ дѣйствія, чтобы искру нашего ума не погасить, чтобы удивиться премудрости Божіей, чтобы, вникнувъ въ союзъ вещей, усмотрѣть, какъ мы тутъ же связаны, и изъ того познать, куда намъ намѣреніями своими и дѣлами клониться надобно.

А когда человѣческій разумъ обогатится познаніемъ истины, рождается изъ того внутреннее удовольствіе, ибо всякая истина сама

через себя есть красоты неизглаголанной. „Она есть сіяніе лица присносущнаго и непорочноѣ зеркало Божія дѣйствія и образа благодати Его; она благолѣпнѣе солнца и превосходитѣ всякаго расположенія звѣзд“ (Премудр., 7, 26, 29). Такъ какому же надобно быть удовольствію въ сердцаѣ того, который наслаждается симъ сокровищемъ?—по истинѣ, великому. Несмотря на сіе, въ Притчахъ пишется: „яждь медь, сыне, благъ бо есть соть, да насладится гортань твоя: сиче уразумѣши премудрость душею твоею“ (Притч., 24, 13, 14). Услажденіе сіе растеть по мѣрѣ познанія; чѣмъ больше кто познаеть и чѣмъ выше восходитъ познаніемъ, тѣмъ больше умножается внутреннее удовольствіе.

Однако, со вѣмъ тѣмъ, познаніе наше здѣсь есть низко и недостаточно: тягостію тѣла обременяется духъ нашъ, и страстей смущеніемъ притуляется острозрительность ума нашего. Но когда сложимъ съ себя тягостное бремя плоти сей, когда соединимся съ чистѣйшимъ существомъ Божиимъ, тогда въ несозданномъ свѣтѣ Его узримъ свѣтъ незаходимый. Ибо въ жизни сей,—по Апостольскимъ словамъ,— „отъ части разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ: егда же придетъ совершенное, тогда, еже отъ части, упразднится“ (1 Корине., 13, 9, 10), то есть, пропадетъ, такъ, какъ пропадаетъ капля, падшая въ море. И потому здѣшнее познаніе есть часть познанія небеснаго; слѣдовательно, и настоящее удовольствіе есть нѣкоторое предчувствіе будущаго безконечнаго наслажденія. Такъ не видимъ-ли мы превосходства ученій? При отшествіи нашемъ въ вѣчность, богатство здѣсь оставимъ, съ почестями разстанемся, съ увеселеніями простимся; а свѣтъ ума, который мы снискали ученіями, не только не погаснетъ, но паче возсіяетъ. Но сойдемъ мы паки съ небесныхъ круговъ на земный сей шаръ.

Ученія не только услаждаютъ наше сердце, хотя и сіе есть нужная часть блаженства человѣческаго: ученіями мы приобрѣтаемъ себѣ разныя житейскія выгоды, какъ въ разсужденіи общества, такъ для всякаго особь. Въ разсужденіи общества, отъ ученія происходятъ добрые законы, ими хранится правосудіе, благословляется земледѣліе, процвѣтають торги, избобрѣтаются художества, содержится въ порядкѣ воинство, и, при твердой безопасности, царствуетъ глубокой миръ.

Явился нѣкогда Богъ младому Соломону и, въ полномъ величествѣ славы Своей, сказалъ ему: „проси, что хоцеша себѣ“ (3 Царств., 3, 5). Сей порфиноносный отрокъ, еще не имѣя данной себѣ премудрости, показалъ духъ достойный премудрости; желаніе сердца своего онъ изъяснилъ сими словами: „Азъ есмь отрокъ малъ, и не вѣмъ исхода

моего и входа моего“: даждь рабу Твоему сердце смыслено слышати и судити люди Твоя въ правдѣ, еже разумѣвати посредѣ добра и зла“ (3 Царств., 3, 7, 9). И угодно было сіе слово предъ Господомъ: Соломонъ получилъ сокровища премудрости, а съ ней снискалъ себѣ богатство и славу, а подданнымъ тишину и благоденствіе.

Тотъ же самый Божій гласъ вопіеть и всякому изъ насъ: „проси, что хоцещи себѣ“. На сей снисходительный привѣтъ Господень кто не воскликнулъ бы съ радостью: „Боже Отцевъ! Даждь миѣ при Твоихъ престолахъ сѣдящую премудрость и не отрини мене отъ отроковъ Твоихъ“ (Премудр. Солом., 9, 4)?! Ибо, вкупѣ съ премудростью, приходятъ вся благая. Мужъ, одаренный разумомъ, порядоченъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, прилеженъ въ домостроительствѣ, гнушается роскошью, удаленъ и отъ скупости, въ отправленіи своей должности не принужденъ, въ обхожденіяхъ приятенъ, во всякихъ случаяхъ остороженъ. Ученіе въ счастиі—украшеніе, въ несчастіи—утѣха, въ скудности—богатство, въ трудахъ—покой, въ затрудненіяхъ—совѣтникъ, въ пути—товарищъ, въ уединеніи — сладкій другъ, въ богомыслияхъ — вождь къ Богу, ходатай къ соединенію съ Нимъ. Но, не входя въ подробныя похвалы премудрости, надобно заключить Соломоновыми словами: „долгота житія и лѣта жизни въ десницѣ ея, въ шуйцѣ же ея богатство и слава: отъ устъ ея исходитъ правда, законъ же и милость на языкѣ носить. Путіе ея путіе добри и вси стези ея мирны. Древо живота есть всѣмъ держалимся ея, и поклоняющимся на ню, яко на Господа тверда“ (Притч., 3, 16, 17, 18).

Не достало бы намъ дня сего, ежели бы исчислять всѣ плоды ученія. Но, присемъ, не надобно позабыть онаго, положеннаго въ заглавіи нашей рѣчи, евангельскаго слова, которое напоминало, чтобы положить на сердце своемъ—„не преждепоучатися отвѣщавати“, то есть, чтобы мы объ истинѣ мудрствовали не словами, а дѣлами. Ибо сіе доказываетъ, что самый лучший плодъ и нужный конецъ всѣхъ ученій есть честность нравовъ и добродѣтель: безъ сего всѣ науки суетны и труды бесполезны. Ежели кто къ ученію прилежитъ, а нерадитъ о добродѣтели, тотъ нечувствительно самъ старается, какъ бы снисканное ученіе потерять; и потому онъ дважды бѣденъ: первое, что лишень добродѣтели,—второе, что трудится все.

Къ отвращенію сего, Евангеліе употребляетъ всѣ силы: оно учитъ, что „никто же вжегъ свѣтильникъ, поставляетъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ, иже въ храмниѣ суть“ (Матт., 5, 15). „Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любви же не имамъ, быхъ яко мѣдъ звѣнящи, или кимваль звяцаий. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру,

яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничто же есмь“ (1 Коринѣ., 13, 1, 2). Да и во многихъ мѣстахъ Писанія Духъ Святыи оуждаеть ученія въ тѣхъ людяхъ, которые, надымаясь пустымъ знаніемъ вещей, о благочестіи и добродѣтели мало думаютъ. Такъ-то самое лучшее Божественное дарованіе, чрезъ злоупотребленіе человѣческое, можетъ быть случаемъ худыхъ слѣдствій!

Не удивительно, что невѣжество есть источникъ многихъ не порядковъ, суетвѣствъ и развращеній. То же самое случается и съ тѣми, которые и учатся, да не тому, чему бы надлежало, или и тому, да не такъ употребляютъ оное. Многіе, оставивъ источники Израилевы, черпаютъ изъ кладязей погибельныхъ; многіе, только помазавши губы науками, высоко о себѣ мечтаютъ. Сія досадная мечта о себѣ рождаетъ излишніе вымыслы и затѣи, изъ которыхъ часто выходитъ безобразное и нелѣпное. Отсюда же высказываютъ непомѣрные любопытства и, слѣдовательно, сомнѣнія въ несомнительныхъ вещахъ; а оттуда проникаетъ часто развращеніе, а нерѣдко и безбожіе. Сіе-то разсуждая, премудрый Павелъ написалъ, что „разумъ кичить, а любы созидаетъ“ (1 Кор., 8, 1), то есть, высокія знанія могутъ быть причиной пустой пышности, а непорочная совѣсть полезна для всѣхъ. И потому, не знаю я, невѣжество ли, или такіе высокоумѣрные умы больше причиняютъ вреда; не знаю, не лучше ли грубость, соединенная съ постоянствомъ, нежели ученая вѣтренность: ибо не все то, что блещетъ, есть злато. Остается убо всѣмъ послѣдовать Евангельскому совѣту, чтобы „не прежде поучаться отвѣщавати“, то есть, хотя и прилежать къ снисканію наукъ, да такъ, чтобы притомъ не выпускать изъ виду добродѣтель.

При окончаніи разсужденія сего, обращаю слово мое къ Августѣйшему Вашего Императорскаго Величества лицу. Я увѣренъ, что мудростію всякаго слова Вашего Величества дѣйствительнѣе знаменитый примѣръ, которымъ и пользу просвѣщенія утверждаете, и злоупотребленіе суетмудреннѣхъ приводите въ стыдъ. Ваше благоразумное правительство ясно доказываетъ, источникъ какихъ плодовъ есть просвѣщенная душа. Ваша неутомимость въ трудахъ можетъ и самаго лѣниваго возбудить къ должности своей; Ваше усердіе къ благочестію сильно согрѣтъ и самыя холодныя въ вѣрѣ сердца. Свѣтильникъ Вашъ не сокровенъ подъ спудомъ, но поставленъ на златомъ свѣщникѣ благовѣрнаго царствованія и свѣтитъ всему сѣверу, достигаетъ до послѣднихъ краевъ востока, или паче до концевъ земли. Возведи окрестъ очи Твои и виждь собранная чада Твоя, съ колѣкимъ благоговѣніемъ наслаждаются матерняго Твоего взора, но не могутъ насладиться. Море служитъ Тебѣ, принося богатство иныхъ странъ; земля, удобряемая раченіемъ Твоимъ, благославляетъ Тебя плодами; рѣки плещутъ Тебѣ руками съ веселіемъ; грады ближайшіе и отда-

ленные покоятся подъ сѣнью Твоего самодержавія, разные народы провозглашаютъ славу Твою разными языками; а всѣ вкупу, возводя къ небу руки свои, призываютъ на главу Твою всѣ благословенія Господни. Да возрадуется убо душа Твоя о сихъ благодѣянїяхъ Божїихъ о Тебѣ, и въ веселїи сердечномъ да поеть предъ Нимъ съ Псалмопѣвцемъ: „Тебѣ пожру жертву хвалы: отверзите мнѣ врата правды, вшедь въ ня исповѣмся Господеви“ (Псал., 49, 14; 117, 19).

Но минемъ ли мы первый предметъ радости Твоей и нашей, Его Императорское Высочество, виновника нынѣшняго нашего торжества? Богъ вѣчный, взирая съ высоты Свѣтлѣ Своея и вида Тебя, Великая Государыня, трудящуюся въ вертоградѣ Россійскомъ. Своими нетлѣнными устами рекъ: „въ вѣкъ сохранию ей милость Мою, и завѣтъ Мой вѣренъ ей“ (Псал., 88, 29). Мудрость продолжу въ благороднѣйшей крови ея и труды ея утвержду въ благословенномъ Наслѣдникѣ ея. Сїе небесное увѣренїе да наполнить райскимъ веселїемъ сердце Вашего Величества, да ободритъ душу Вашу и къ будущимъ подвигамъ.

Да внимаеть же сїе и Твой духъ, Благовѣрный Государь Цесаревичъ! Богъ, Богъ всѣхъ временъ, положилъ Тебѣ нынѣшнїй день основанїемъ двѣнадцатаго года. Солнце, теча по зодїаку, чѣмъ выше поднимается тѣмъ большїй жаръ испускаеть смертнымъ: и Ты, восходя на высоту теченїя лѣтъ, согрѣвай желанїя наши благою надеждою. Когда наступаетъ весна, птицы своимъ сладкопѣнїемъ оглашаютъ воздухъ, земля покрывается цвѣтами, и малѣйшія животныя начинаютъ трудиться, прїуготовляя себѣ пищу для будущаго времени. Нынѣ—весна лѣтъ Твоихъ: цвѣты премудрости Твоей да процвѣтають, и благовонїе Твоихъ разсужденїй да разливается по нашимъ чувствамъ, дабы мы въ свое время могли собрать благословенную жатву. Не для того сїе говоримъ, чтобы мы не увѣрены были о Твоихъ великихъ успѣхахъ въ наукахъ; никакъ. Но да будетъ простительно наше желанїе, что оно ненасытимо,—что мы, видя въ Тебѣ великое, желаемъ и надѣмся еще большаго; и въ сей радостной надеждѣ поемъ: „се, зима прейде, дождь отъиде, отъиде себѣ, цвѣти явишася на земли, время обрѣзанїя приспѣ, гласъ горлицы слышанъ бысть въ земли нашей“ (Пѣсн. 2, 11—12).

Боже Святыи и во святыхъ почивай! Сїи священныя особы—Всеавгустѣйшую Монархїю нашу и дражайшаго Сына ея благослови небеснымъ Твоимъ благословенїемъ: Духъ Твой Святыи да найдетъ на нихъ, и сила Твоя да освѣняетъ Ихъ. Аминь.

Слово въ недѣлю двадцать шестую по Пятидесятницѣ *).

„Что сотворю, яко не имамъ гдѣ собрати плодовъ Моихъ“?

(Лук., гл. 12, ст. 14).

Много человекъ самъ себя беспокоить. Иной, не безъ причины жалуясь, говоритъ: „что дѣлать? не имѣю, чѣмъ проводить бѣдную свою жизнь“; а нынѣшній богачъ, не меньше жалуясь, самъ въ себѣ размышляетъ: „что дѣлать? не знаю, гдѣ мнѣ дѣвать богатство свое“. Одинъ мучится скудостію, другой беспокоится изобиліемъ: разныя причины, но производятъ одно дѣйствіе. Однако, не скудость есть причина безпокойства, но малодушіе; также не изобиліе вещей есть причина заботъ, а ненасытное желаніе. Но, какъ бы то ни было, возможно сіи противныя жалобы согласить. Ежели недостатки скуднаго растворить излишествомъ богатаго, то у обоихъ останется умѣренность; слѣдовательно, тотъ и другой долженъ перестать беспокоиться. Такъ почто же было тебѣ, богачъ, думать ломать житницы свои? почто предпринимать столько труда? Алчныя утробы бѣдныхъ суть безопасныя житницы богатства твоего: руками убогихъ, отъ тебя снабдѣнныхъ, можешь построить себѣ не житницы на земли, но хранину нерукотворенну. вѣчну на небесѣхъ.

Однако, со всѣмъ тѣмъ, какъ нельзя не имѣть никакого попеченія о нуждахъ житейскихъ, такъ не полѣнимся изслѣдовать, *какіе надобно положить предѣлы нашимъ желаніямъ въ разсужденіи богатства?* А Ты, въ милости богатый Господи, дѣйствіемъ истины Твоей открой завѣсу нашихъ мыслей и управь сердце наше къ одному совровищу, которому не прикасается тлѣніе.

Различныя житейскія нужды неотмѣнно требуютъ отъ насъ пристойнаго попеченія о содержаніи своемъ: „никто же бо когда плоть свою возненавидѣ, но ищетъ и грѣшетъ ю“ (Ефес., 5, 29). И потому нельзя сказать, чтобы со всѣмъ возбранено было стараться о пользѣ своей и искать себѣ честнымъ образомъ прибытковъ. Но паче святой Апостоль повелѣваетъ, что, ежели кто не трудится, тотъ да не ястъ (2 Сол., 3, 10); да и самъ онъ, днемъ упражняясь въ проповѣди, ночь не спавъ, сидя при руководствіи своемъ и промышляя о пищѣ слѣдующихъ дней (2 Сол., 3, 8). Но было и много богатыхъ, которые, при великомъ своемъ изобиліи, не потеряли и богатства добродѣтели. Понеже

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1785 года, ноября 20 дни.

скудость и богатство суть среднія вещи, которыя употреблены быть могутъ на добро и зло; и для того справедливо Сирахъ говоритъ: „добро есть богатство, въ немъ же нѣсть грѣха, и зла есть нищета во устахъ нечестиваго“ (Сирах., 13, 30). А когда Евангеліе сказываетъ, чтобы мы не пеклись объ завтрашнемъ днѣ (Матѣ., 6, 34), симъ не запрещается всякое и умѣренное попеченіе, но запрещается попеченіе чрезмѣрное, когда кто, на подобіе безсловеснаго животнаго, думаетъ единственно о тѣлесномъ насыщеніи и о прибыткахъ, оставивши попеченіе о благочестіи и о честности. Въ томъ же разумѣ велѣно намъ взирать и на птицъ небесныхъ (Матѣ., 6, 26), чтобы мы не думали, аки бы все зависѣло токмо отъ нашего тщанія, но ваче увѣряли бы себя, что все бываетъ по волѣ Промысла Божія, Который благословляетъ нашъ трудъ.

По сіе есть несчастіе человѣческаго рода, что рѣдко когда мы можемъ сохранить свои мѣры. Оное справедливое попеченіе о нуждахъ своихъ часто обращается въ студный порокъ корыстолюбія, сребролюбія, непоумѣрной заботливости, скупости и роскоши.

Сіе бываетъ, когда, *во-первыхъ*, человѣкъ желаетъ больше, нежели сколько ему надобно. Хотя, подлинно, трудно опредѣлить, сколько кому имѣть надлежитъ, а наипаче ежели разсуждать различность состояній; однако, не трудно примѣтить ненасытное желаніе. Извѣстно, что всякому надобно имѣть нѣсколько одежды, не для нищности и гордости, но для прикрытія наготы и для согрѣтія немощнаго тѣла. Надобно имѣть пищу и питіе, не для пресыщенія и пьянства, но чтобы утолить гладъ и жажду и подкрѣпить изнуренныя трудомъ силы. Надобно домъ не для увеселенія очесъ, не для насыщенія, надменнаго мечтанія, но чтобы защитить себя было гдѣ отъ воздушныхъ безпокойствъ. Надобна нѣкоторая частица земли для своего пропитанія и для всякихъ житейскихъ выгодъ. Вотъ—наши нужды, и, хотя онѣ теперь не все подробно исчислены, однако отсюда можно довольно узнать, что попеченія наши должны быть умѣренны.

Но надобно ужаснуться, когда посмотрѣть, сколько заботится смертный человѣкъ: днемъ ломаетъ голову, ночью не спитъ и сохнетъ отъ непрестанныхъ думокъ. Иной множеству одеждъ не полагаетъ числа, другой въ приготовленіи разныхъ родовъ пищи и питія не знаетъ мѣры, третій въ строеніи огромныхъ зданій превосходитъ всякую надобность, четвертый желанію расширить свои владѣнія не полагаетъ никакихъ границъ. Почто столь много безпокоишь себя, человѣче, и непоумѣрно стараешься о томъ, что есть излишне и потому бесполезно? Весьма великій сапогъ не годится на ногу твою, понеже препятствуетъ хожденію твоему: подобно, и излишнія заботы не сходны съ твоимъ составомъ,

который, по премудрому Создателю расположенію, можетъ быть доволенъ малымъ. Но, когда посмотрѣть на твои деннонощныя суеты, можно не безъ причины подумать, что ты или не такъ понимаешь себя, или считаешь себя безсмертнымъ, или не вѣруешь Божію Промыслу, Который и малѣйшую птицу питаетъ и полевой цвѣтъ украшаетъ. Такіе ненасытные люди сожалѣнія достойны, что столь много, а напрасно, себя беспокоятъ; но притомъ и досадны, что, сами излишествомъ всякимъ изобилуя, попускаютъ другимъ истаять отъ скудости, а иногда и всякаго проклятія достойны, когда раззореніемъ другихъ обогащаютъ себя и на развалинахъ убогихъ свои расширяютъ зданія. И сей есть первый способъ не позволительнаго корыстолюбія.

Второе, когда кто, думая о прибыткахъ, позабываетъ то, въ чемъ больше есть надобности и пользы, то есть, обогащать душу свою благочестіемъ и добродѣтелію. Перазумный человѣкъ! ты оставляешь большее, а ищешь меньшаго,—проходишь вѣчное, а бѣгаешь за временнымъ,—думаешь о деньгахъ, а теряешь сокровище некрадомое, каковое есть свѣтъ разума и непорочные нравы. Не душа ли больше есть пищи и тѣло одежды? О такихъ-то нынѣшнее Евангеліе сказало, что они „въ себя, а не въ Бога богатѣютъ“ (Лук., 12, 21).

Третье, когда кто, собирая богатство, надѣется во время несчастія защитить имъ себя. О, суетная надежда! отъ несчастія думаютъ избавиться тѣмъ, что бываетъ причиною несчастія. „Богатый, говоритъ святой Златоустъ, окруженъ ненавистниками и навѣтниками: всѣмъ раблѣнствовать, всѣмъ ласкательствовать принужденъ бываетъ“. Да и подлинно, въ судахъ неправедные судіи пристально смотрятъ на богатаго, въ домахъ вору окрадываютъ, на дорогахъ разбойники нападаютъ. Многіе думали, собравши богатство, пожить при всякомъ довольствѣ, но нечаянно раззорились. Многіе, не прилежа о воспитаніи дѣтей, думали снабдить ихъ имѣніемъ, но дѣти, получивъ имѣніе, промотали. Многіе надѣялись, собравши богатство, повеселиться, но, между тѣмъ, застигла или печальная старость, или напали болѣзни, причиною которыхъ были безвременныя заботы. Иные думали богатствомъ нажить себѣ пріятелей; но кто не знаетъ, сколь надежны пріятели, купленные деньгами!? А то уже и смѣшно, что многіе берегутъ деньги, какъ сказываютъ, на смерть, чтобы было, чѣмъ погребетись. Сіе не для того говорятъ, акибы они много о смерти думали, ибо извѣстно, что ничего такъ сребролюбецъ не боится, какъ смерти; но чтобы сдѣлать нѣкоторый видъ неурстойнымъ желаніямъ своимъ. И такъ смерть, вмѣсто того чтобы отвращать ихъ отъ сребролюбія, сдѣлалась нечаяннымъ случаемъ къ сребролюбію. Послушайте же вы, плѣненные сею страстію: „не пользуютъ имѣнія въ день ярости“ (Притч., 11 4). Но пускай такъ, что аки бы можно было деньгами отъ несча-

стія откупиться. Со всімъ тѣмъ, надежиѣе полагаться на добродѣтель, которая не только отъ несчастія избавить, но и не допустить до несчастія можетъ. Но пойдѣмъ далѣе.

Четвертое, и тотъ безчеститъ себя порокомъ корыстолюбія, который безразсудно думаетъ, что все зависитъ отъ его трудовъ, а не паче отъ благословенія Божія. Такихъ людей не трудно примѣтить. Если кто въ работѣ не даетъ себѣ отдыху съ видимымъ поврежденіемъ своего здравія; кто не говоритъ ни о чемъ другомъ, какъ токмо о прибыткахъ; кто не отъ суеты отстаѣтъ въ праздничные дни, во дни, посвященные на богослуженіе,—таковаго, безъ сомнѣнія, за корыстолюбца почитай. И часто случается, что, такимъ образомъ снисканное, имѣніе въ одинъ часъ пропадаетъ. Дождь, громъ, молнія, потопленіе, хотя, подлинно, суть дѣйствія естественныя, но, притомъ, они часто служатъ своему Создателю орудіемъ къ наказанію нечестивыхъ. Кто никакихъ трудовъ не жалѣтъ для прибытковъ, а не думаетъ о благочестіи и добродѣтели: тотъ, положимъ, что изыскиваетъ, напимѣръ, сто способовъ обогатить себя, но между тѣмъ теряетъ тысячу способовъ сохранить богатство свое.

Пятое, когда кто къ богатству пристрастенъ такъ, что не хочетъ никогда разстаться съ нимъ, не памятуя того, что мы какъ наги вошли въ міръ сей, извѣстно, что наги и выйдемъ. И потому надлежитъ съ вещами міра сего поступать такъ, какъ пристойно страстующимъ, то есть, пользоваться ими, но притомъ готовымъ быть всякій часъ оставить ихъ. Такіе, къ имѣнію пристрастившіеся, люди весьма бываютъ жалки во время смерти: беспокоятся, что принуждены оставить любезнѣйшую въ жизни вещь, а притомъ терзаются воображеніями, не зная кому-то достанется. Въ срединѣ сего волненія повѣтъ буря ужасной смерти и, разбивъ корабль, разсыплетъ всѣ мечтанія. „Часто я смѣялся, говоритъ Златоустъ, „когда читалъ духовныя, въ которыхъ умирающей другимъ оставляетъ то и то“. Но хотѣлъ бы онъ или не хотѣлъ, долженъ все оставить. А иные, чему опять смѣяться можно, нѣкоторымъ страннымъ образомъ ничего не оставляютъ. А какъ?—закапываютъ въ землю и при смерти завидуютъ въ невозможномъ. Такіе, когда умираютъ, не они богатство оставляютъ, но богатство оставляетъ ихъ.

Шестое, вотъ — еще новыи родъ корыстолюбцевъ: нѣкоторые непрестанно собираютъ богатство, а не имѣютъ ничего. Разумѣю я скупыхъ; скупыхъ, говорю, которые не—владѣтели имѣнія своего, но бѣдные приставники; они богатство собираютъ, чтобы больше собирать. Сей идолъ у нихъ есть неприкосновенный, которому они жертвуютъ всю свою жизнь. Такіе люди, кому кажутся смѣшны, а миѣ жалки;

трудятся, потѣютъ, суетятся, въ день беспокоятся, всю ночь свои кладовыя осматриваютъ, а, совсѣмъ тѣмъ, ходятъ въ раздранныхъ рубищахъ, живутъ поангельски, почти ничего не ѣдятъ, не пьютъ, жена не одѣта, сынъ брошенъ безъ воспитанія, бѣгають отъ пріятелей, чуждаются сродниковъ и весь свѣтъ мотовствомъ порицають, въ одеждѣ срамны, въ обхожденіяхъ задумчивы и отъ непрестаннаго мыслей напряженія безкровны. „А кто себѣ золь, кому добръ будетъ“ (Сирах., 14, 5)? написалъ Сирахъ. Си-то подобны оному баснословному Танталу, который стоялъ въ водѣ по горло, а напиться не могъ. Кажется, за сей порокъ не должно имъ другого ожидать наказанія, кромѣ собственнаго своего мученія.

Но время перемѣняетъ видъ свой. Какъ стали люди просвѣщенные и учтивость знающіе, гнушаться начали скупости порокомъ; но, какъ говорятъ, изъ огня въ воду. Многіе, вмѣсто скупости, обожили блистательную роскошь, или, простѣе сказать, мотовство. Изрядная добродѣтель! не знаю, что изъ нихъ одно другому предпочесть. Скупость беспокоитъ своего рачителя, роскошь влечетъ за собою цѣлый полкъ болѣзней; скупость не пользуется своими трудами, роскошь похищаетъ чужіе труды; та отягощаетъ или стѣсняетъ человѣческое сердце, сія расслабляетъ всѣ душевныя силы. Скупость вредитъ тому, кѣмъ она владѣетъ; а роскошь нерѣдко цѣлыя государства раззоряетъ. И потому повѣтріе роскоши едва ли не смертоноснѣе: ибо не такъ удобно скупость, какъ роскошь сообщаетъ ядъ свой.

Напоследокъ, связываемъ себя порокомъ корыстолюбія тогда, когда временнаго богатства не употребляемъ на приобрѣтеніе богатства вѣчнаго. Итъ лучшаго торга, какъ купить за временное вѣчное и за тлѣніе—нетлѣнное; а сей торгъ бываетъ, когда отъ имѣнія своего снабжаемъ бѣдныхъ, увѣчныхъ, обиженныхъ, немощныхъ, сродниковъ, пріятелей и всѣхъ ближнихъ приобѣгающихъ къ намъ. Ибо въ такомъ случаѣ богатство не только не есть безчестно, но еще ходатайствуетъ намъ безчисленныя Божіи благословія.

И потому и удобно заключить, что, ежели кого Богъ благословилъ богатствомъ, и онъ не причастенъ нынѣ, сказанныхъ нами, пороковъ, тотъ можетъ со дерзновеніемъ сказать душѣ своей: душѣ, „имаши блага многа“, имѣешь богатство, которымъ стада бѣдныхъ щитаются,—„блага лежаща на лѣта долга“: ибо, такъ употребленное, богатство и по смерти не оставитъ тебя, но препроводитъ въ небесныя обители: яждь съ благословеніемъ, пей съ благодареніемъ и веселись предчувствіемъ блаженной надежды. Аминь.

Слово на Новый, 1766 годъ *).

Проходя далѣе путемъ нашей жизни, сподобился мы, возлюбленные слушатели, въ новое теченіе вещей вступити, а чрезъ то ближе къ предѣлу нашему стали,—ближе къ вѣчности стали. Окончили одинъ годъ, начинаемъ другой. Слава Тебѣ, премудрый Правитель міра, что въ безмѣрной безднѣ тѣлѣ Ты не позабылъ частицу и нашего состава, ибо „составъ мой яко ничтоже предъ Тобою“ (Псал., 38, 6). Но при семь, и остите, смущаюсь, когда вижу, что цвѣтъ лѣтъ нашихъ, напо- слѣдокъ, увядаетъ, и все непрестанно къ тлѣнію приближается. Которые, яко утреннее солнце, восходили, тѣ, наконецъ, темнымъ заанодомъ покрываются; у однихъ уже опредѣленіе смерти на лицѣ написано, а другіе не меньше имѣютъ нужду взывать ко Господу: „скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моихъ кое есть“ (Псал., 38, 5)? О, какое сіе есть естественное таинство! Признаюсь, слушатели, что темнѣетъ свѣтъ въ очахъ моихъ, и помрачается моя мысль, когда воображаю цѣлый союзъ всѣхъ вещей, покрытый непроницаемою тьмою; а еще больше ужасаюсь, когда помышляю о безднѣ вѣчности, которая должна въ себѣ сокрыть всѣ перемѣны вещей. Но оставимъ премудрости Божіей сіи, столь высокія и для слабости нашей мало понятныя, тонкости; сойдемъ пониже: *разсудимъ, какое есть сходство между теченіемъ времени и теченіемъ нашихъ лѣтъ и днѣй?* И сіе слово наше посвящаемъ Тебѣ, Боже всѣхъ временъ! Да будетъ оно въ семь году благословеннымъ началомъ нашихъ благихъ дѣлъ.

Августинъ, западной Церкви учитель, говаривалъ: „что есть время, разумѣю, когда никто меня о томъ не спрашиваетъ; когда же кто спросилъ бы меня о томъ, не зналъ бы, какъ отвѣчать“. И подлинно, явственное понятіе времени не безъ трудности находятъ сами изыскатели мудрости. Однако, то извѣстно, что время не есть какая вещь, но свойство, заключаемое въ вещахъ. Міръ сей можемъ мы представить себѣ на подобіе великой рѣки, которая движется непрестаннымъ теченіемъ, и въ которой одна капля влечется за другою. Ежели бы кто на берегу сей великой рѣки сидѣлъ и замѣчалъ оныя взаимныя слѣдованія капель, тотъ дѣлалъ бы не иное что, какъ считалъ бы время, и когда бы то теченіе разсѣкалъ или на много или на мало, то изъ того происходило бы время или долгое или краткое. Мы обыкли считать время по теченіямъ солнца и луны: ибо рѣдко какое тѣло

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ея Императорскаго Высочества, въ придворной церкви, 1766 года.

имѣетъ столь порядочное теченіе, какъ оныя свѣтила. Сіе и надобно для вѣрнаго исчисленія времени,—что Самъ Богъ подтверждаетъ въ книгѣ Бытійской: „Да будутъ,—сказалъ Онъ,—свѣтила на тверди небеснѣй... въ знаменія и во времена, и во дни и въ лѣта“ (Быт., 1, 14). Отсюда-то явствуетъ, что время безъ перемѣнъ быть не можетъ, и все, что подлежитъ перемѣнамъ, есть во времени; а что подлежитъ перемѣнамъ, то подвержено и тлѣнію. Красота цвѣтовъ увядаетъ; пріятная, покрывающая землю, зеленость желтѣетъ и иссыхаетъ; высокіе кедръ сокрушаются; твердые металлы съѣдаетъ ржа; всѣ животныя на воздухѣ, на землѣ и въ водѣ умирають и гниють; изъ гладкихъ полей вдругъ дѣлаются бездны, а изъ безднъ выходятъ огнедышущія горы. Гдѣ теперь—оныя, древностію прославляемыя, пирамиды, обелиски, статуи, колоссы и висячіе сады? гдѣ—бывшія цвѣтущія имперіи вавилонская, египетская, персидская, греческая, римская? Все уступило времени, все погребено подъ развалинами вѣковъ.

Изъ общей судьбы всѣхъ вещей нельзя исключить и насъ: ибо и человекъ—во времени, и всѣ его дѣла—во времени. Еще бо мы не достигли до оной блаженной вѣчности, Христомъ обѣщанной; еще не возсіяваетъ намъ то солнце, которое днемъ и ночью свѣтитъ и не знаетъ запада; еще не дошли мы до того пребывающаго града, котораго строитель и художникъ — Богъ; еще не увѣчана безсмертіемъ глава наша, еще стоимъ на пути, еще плаваемъ въ океанѣ міра сего. Какія мы тернимъ перемѣны въ семь странствій,—кто сего или на другихъ не примѣтилъ, или на самомъ себѣ не дозналъ?

Перемѣна въ насъ бываетъ или по лѣтамъ или по дѣламъ. По лѣтамъ: младенчество полно слабостей; въ среднемъ возрастѣ, ежели что уцѣлѣетъ отъ болѣзней, то създають заботы или несчастія; а несчастіямъ помогаютъ страсти; дряхлая же старость сама чрезъ себя—болѣзнь. Легли здоровы, встали больны; пошли веселы, возвращаемся смутны; теперь красивъ, завтра безобразенъ; нинѣ легокъ и проворенъ, но послѣ скоро, какъ только солнце сдѣлаетъ нѣсколько круговъ, самъ себѣ тягостенъ и несносенъ. Да и надобно ли сему удивляться, когда цѣлость нашего состава разрушается, ежели только порвется тоненькая жилочка, или остановится маленькая капелька крови. Такъ справедливо Писаніе Святое напоминаетъ намъ: „какая жизнь наша?—говоритъ оно,—царь есть, иже въ малѣ является, потомъ же исчезаетъ“ (Іак., 4, 14). Надменные и высоко о себѣ мечтающіе пусть памятують сію нашего естества слабость; а мы къ тому же прибавимъ и сіе, что жизнь наша, кромѣ всѣхъ оныхъ слабостей, еще ограничена весьма краткими предѣлами. Не успѣемъ, такъ сказать, осмотрѣться, взошедши въ сей, отъ Бога намъ построенный, домъ,—какъ вотъ и зовуть оттуда вошь.

Нѣкогда фараонъ спросилъ Іакова, отца Іосифова, сколько ему лѣтъ? Іаковъ отвѣчалъ: „малы и злы быша дніе лѣтъ житія моего“ (Быт., 47, 9). А сколько тогда ему было лѣтъ?—сто тридцать. Что говоришь ты, старче Божій! еще ли твои лѣта были кратки? О, когда бы ты зналъ, что дніе лѣтъ нашихъ едва достигаютъ семидесяти лѣтъ, а и крѣпкіе едва восьмидесяти, да и то съ трудомъ и болѣзнями! Вотъ—какая въ лѣтахъ нашихъ перемѣна!

Но придемъ въ большее умиленіе, или паче ужаснемся, когда посмотримъ на перемѣну нравовъ нашихъ. О нетвердости младенческихъ, тутъ же и отроческихъ, разсудковъ и желаній не говорю. Юность свирѣпствуетъ сладострастіемъ, мужество — честолюбіемъ, старость — корыстолюбіемъ; въ низкомъ состояніи—малодушны, въ среднемъ—недовольны, въ высокомъ—непомѣрны; въ скудости роншаемъ, въ богатствѣ суетимся, въ чести надываемся, вездѣ безпокоимъ себя. Невѣжа суетвѣрствуетъ, полученный все знаетъ, просвѣщенный обо всемъ сумнится. Теперь кротокъ и тихъ, черезъ часъ пылаешь гнѣвомъ и мѣшаешь небо съ землею; теперь обходителенъ, приятенъ и другъ,—завтра и холоденъ, и неприступенъ, и врагъ; нынѣ набоженъ и благочестивъ, а послѣ, сбросивъ съ себя узду страха Божія, бѣгаешь по стремнинамъ и горамъ всякихъ своевольствъ.

Разсуждая сія перемѣны лѣтъ и нравовъ нашихъ, кого мы поставимъ виною ихъ?—перемѣны нашихъ лѣтъ. Положимъ, что причиною суть неяснытанныя Божія судьбы; но кому присвоимъ перемѣну нашихъ нравовъ? Дерзимъ ли то приписать Богу? Но ежели добросовѣстный человѣкъ не можетъ безъ сожалѣнія смотрѣть на сіе нравовъ развращеніе, то всеблагій ли Богъ благоволитъ о семъ? Ахъ, мои слушатели! Виною тому есть небреженіе наше, неосторожность и вольное порабощеніе себя страстямъ. Пускай бы мы извинительны были, ежели бы погрѣшили въ одномъ чемъ или въ другомъ по слабости своей; ибо—человѣки мы. А ежели въ порокахъ себя погружаемъ, ежели записываемъ себя невольниками страстей, ежели не дремлемъ, но на оба уха безопасно спимъ; то не остается намъ, какъ только стыдиться и краснѣть. „Азъ рѣхъ: бози есте. А вы есте плоть, духъ ходяй и не обращающаяся“ (Псал., 81, 6; 77, 39). Того ради подобаетъ намъ себя исправить, чтобы не вотще благодать Божію принять: „се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія“ (2 Кор., 6, 2)!

Но не совсѣмъ же надобно смущаться намъ. Ибо хотя во времени терпимъ мы столь много перемѣнъ, хотя время въ тлѣніе приводятъ все почти, но во времени же пакы все отрощается. При открытіи пріятной весны солнце свѣтлѣе блистаетъ, земля украшается цвѣтами, источники прозрачнѣе текутъ, древа покрываются листвіемъ и

плодами, и обновляется весь видъ естества. Между толякими, обновляемыми тѣлами одно-ли наше тѣло ислѣветъ безвозвратно?—нѣтъ, благовословенные христіане! И мы ожидаемъ тлѣнному естеству нашему обновляющей весны,—ожидаемъ, егда недостатки наши скроются при свѣтлости блаженной славы: ожидаемъ, „егда смертное сіе облечется въ безсмертіе, и тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе (1 Кор., 15, 54). Но пойдемъ далѣе и продолжимъ изъяснять преложеніе наше.

Время есть или прошедшее, или настоящее, или будущее. Прошедшее ничто, настоящее есть едва понимаемая точка, будущее не извѣстно. Не забудьте, что мы здѣсь сравниваемъ теченіе времени съ теченіемъ нашихъ лѣтъ и дѣлъ. Прошедшее лѣтъ нашихъ время—ничто, будущее не извѣстно, настоящее—наималѣйшій пунктъ. Можно сказать о прошедшемъ времени лѣтъ нашихъ, что оно прошло, но нельзя того сказать о нашихъ дѣлахъ: наши прошедшія дѣла не прошли. Нѣтъ, пройти они не могутъ: остались они, да и всегда останутся въ совѣсти. Добрыя дѣла всегда веселятъ, веселятъ своимъ воспоминаніемъ, веселятъ своими безсмертными плодами; а худыя дѣла всегда беспокоятъ своимъ воспоминаніемъ, беспокоятъ своими вредительными слѣдствіями. И такъ, дѣла наши не проходятъ, а хотя бы они и подлинно прошли, но паки возвращаются, добрыя—къ нашей радости, а худыя—къ нашему мученію. Для сего разогнемъ мы святуя книгу. Вотъ, что тамъ написано: „въ велицѣмъ дому не точію сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни; и ови убо въ честь, ови же не въ честь. Аще убо кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь, освященъ, и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованъ“ (2 Тимое., 2, 20, 21). Вы и безъ меня понимаете силу словъ сихъ. Въ обществѣ христіанскомъ суть и добрые и худые люди: одни подобны златымъ, другіе глинянымъ сосудамъ. Но изъ глинянаго сосуда не можетъ быть золотой, такъ же, какъ и изъ золотого глиняный; а изъ худого человѣка можетъ быть добрый человѣкъ, такъ же, какъ и добрый можетъ стать худымъ. Вы—сосуды златыя! вы—добродѣтельныя! вы—усыновленные Богу души! берегитесь, чтобы не потерять сіе сокровище; берегитесь, чтобы изъ сосудовъ златыхъ не стать глиняными. „Мняйся стояти, пусть блюдется, да не падеть“ (1 Коринт., 10, 12). А вы, сосуды глиняные, вы, которые охотно работаете подъ тяжкимъ игомъ порока, вспомните благородство естества своего и потщитесь изъ сосудовъ глиняныхъ стать златыми. Не знаю, можетъ ли что быть пріятнѣе, какъ видѣть, что грѣшникъ обращается отъ своего заблужденія и чрезъ то дѣлаетъ радость всѣмъ на небеси ангеламъ; напротивъ, нѣтъ плачевнѣе и горестнѣе, какъ видѣть, что хорошій человѣкъ начинаетъ становиться худымъ. И такъ, видимъ мы, что про-

шедшія дѣла возвращаются, добрыя къ нашей радости, а худыя къ нашему мученію. Что же касается до нашихъ будущихъ дѣлъ, они почти всегда бывають основаны на прошедшихъ и настоящихъ нашихъ дѣлахъ. Кто всегда ведетъ себя честно и тѣмъ какъ бы нѣкоторую привычку къ добродѣтели снискалъ; кто склонности свои привелъ въ порядокъ; кто и воображеніемъ беззаконія гнушаться приобучалъ себя, о томъ весьма надежно можемъ заключить, что онъ и впредь или нимало или весьма трудно поколеблется. Наипаче же, наши дѣла зависятъ не отъ слѣпой какой судьбины, но отъ произволенія и Божіей благодати, которая всегда споспѣшествуетъ нашимъ добрымъ намѣреніямъ.

И потому отсюда слѣдуетъ заключить, что продолженіе времени, есть продолженіе благодати Божіей къ намъ. Сіе Божіе благодѣяніе прославить въ часъ сей мы должны, ибо теперь входимъ мы въ двери новаго года. Новый годъ есть благопріятный всякому случай къ новымъ подвигамъ, къ новымъ заслугамъ, случай благословенный къ продолженію добрыхъ намѣреній, къ оказанію ревности, къ исправленію погрѣшностей: младымъ—къ снисканію просвѣщенія, старымъ—къ приуготовленію себя къ нестарѣющей жизни, грѣшникамъ—къ покаянію, праведникамъ къ большому въ добродѣтели успѣху; всѣмъ—къ исполненію своєї должности.

Въ сіи златыя двери новаго года, рукою Божію отворенныя, первую Тебя, Всепресвѣтлѣйшая Монархиня наша, вводитъ Господь въ ковчѣ и Владыка всякой жизни: первую, говорю, ибо Ты—первая служительница дѣлъ Господнихъ, первое и священное орудіе рукъ Его. При входѣ Твоемъ въ сей священный храмъ времени, что Тебѣ выходитъ въ срѣтеніе, благоволи объявить намъ, намъ усердіемъ слѣдующимъ за Тобою? Но видимъ и очень ясно видимъ, что встрѣчаетъ Величество Твое трудъ и попеченіе обо всѣхъ насъ. О, повидимому, неприятная встрѣча, однако, необходимо нужная и притомъ препротождаемая удовольствіемъ совѣсти и вѣчнаго награжденія! Подвигъ прешедшаго года Ты благополучно окончила, другой слѣдуетъ. Теки, священная главо наша, теки симъ благословеннымъ путемъ. За прешедшее благодаря, весело предъ Господомъ возглашай: „Боже, въ псалтири десятиструннѣмъ воспою Тебѣ, дающему спасеніе царемъ“ (Псал., 143, 9, 10). И сіе благооспѣшество въ прешедшихъ дѣлахъ да будетъ Тебѣ несумнительнымъ увѣреніемъ и о будущемъ Господнемъ благоволеніи къ Тебѣ. А мы, что въ благодарность принесемъ за всѣ Твои благодѣянія, за всѣ труды и неуслышныя о насъ попеченія, самодержавію Твоему? что?—принесемъ усердіемъ зажженное, а вѣрностію запечатлѣнное сердце: больше сего ничѣмъ заслуги свои наградить не мо-

жемъ. Сіе признаніе недостатковъ нашихъ увеличиваетъ славу Твою.

Что же скажемъ Тебѣ, золотая вѣтвь золотого древа, благовѣрный Государь Цесаревичъ! Ты, съ теченіемъ времени, возрасташь къ радости нашей,—почему въ засвидѣтельствованіе усердной Твоей Всемощему Промыслителю благодарности, всякій часъ почитай за дражайшій случай къ умноженію внутренняго Твоего сокровища, и при восхожденіи Твоемъ на высоту лѣтъ съ большимъ сіяніемъ да блистаютъ Твои, намъ прелюбезныя, дарованія. Такимъ образомъ, весна Твоихъ лѣтъ возложить на главу Твою вѣнецъ, сіяющій изъ цвѣтовъ премудрости и добродѣтели.

Боже! въ десницѣ Твоей содержай всѣ концы земли, отворивъ намъ двери новаго года, отверзи и двери правды, да вшедь въ нихъ принесемъ Тебѣ жертву благихъ дѣлъ въ вою благоуханія духовнаго, дондеже сподобимся наслаждаться Самимъ Тобою въ блаженной вѣчности. Аминь.

Слово, сказанное при погребеніи

Господина Генераль-Фельдмаршала, Сенатора, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, обоихъ Россійскихъ орденовъ, Бѣлаго Орла и святыя Анны, Кавалера, бывшаго Канцлера, Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина *).

„Блаженіи мертвіи, умирающіи о Господѣ отиниѣ. Ей, глаголетъ Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ“.

(Апок., гл. 14, ст. 13).

Сей печальный гробъ представляетъ предъ очи наши общую человѣческую судьбу, которой никто изъ смертныхъ избѣжать не можетъ. Но, почто я сказалъ, избѣжать? ибо о смерти суть разныя человѣческія мнѣнія. Иные, подлинно, смерти страшатся и всемѣрно желали бы оной избѣжать; а другіе, напротивъ, не только смерти не ужасаются, но нѣкоторымъ образомъ оной и желаютъ. Одни говорятъ: „О смерти, коль горька твоя есть память?“ а другіе вопіютъ: „Мнѣ еже жити, Христось, а еже умрети, приобрѣтеніе есть. Увы мнѣ, яко пришельствіе мое“, то есть, странствованіе въ жизни сей, „продолжися“ (Сирах., 41, 1; Филип., 1, 21; Псал., 119, 5)! Сія разность мнѣній человѣческихъ о смерти происходитъ оттого, что одни, будучи плѣнены страстями, чрезмѣрно привязываютъ себя къ жизни сей; другіе, будучи плѣнены любовію Бога, ищутъ совершеннаго съ Нимъ соединенія. Мы, слушатели, суще чада Церкви и дѣти воскресенія, да подражаемъ при-

*) Говорено въ Невскомъ монастырѣ, апрѣля 15 дня, 1766 года.

мѣру благочестивыхъ, и небоязненнымъ духомъ должны встрѣчать приходящую смерть. Но, чтобы намъ больше увѣренными остаться въ томъ, посмотримъ, что мы чрезъ смерть теряемъ въ жизни сей и что приобретаемъ въ жизни будущей?

Смертію разрушается сей нашъ тѣлесный составъ, и душа, аки обнаженная, изъ жилища своего выходитъ. „Но вѣмы, яко аще земная наша хранина тѣла разорится, созданіе имамы отъ Бога, хранину нерукотворену, вѣчну на небесѣхъ“ (2 Кор., 5, 1). Почему не о томъ скорбѣть надобно, что на время одежду тѣла скидаемъ съ себя, но паче о семъ воздыхаемъ, обещиися желающе въ жилище наше небесное.

Смертію лишаемся жизни сей, которая, сколь многими горестями есть наполнена,—кому изъ васъ не извѣстно. Чрезъ все теченіе краткой жизни сей боремся мы съ болѣзнями, съ бѣдами, съ несчастіями, а паче со страстями. Сколько въ свѣтѣ есть болѣзненныхъ Лазарей, сколько страждущихъ Іововъ, сколько несчастливыхъ Іосифовъ! Яко въ океанѣ, волнуемся житейскими попеченіями, и одна, такъ сказать, волна не успѣетъ пройти, какъ надобно встрѣчать другую. И сіи тяжкіе удары не престають насъ поражать дотолѣ, пока, напоследокъ, не опровергнуть во гробъ, яко разбитый корабль—въ пристанище. Такой жизни мы чрезъ смерть лишаемся!

Но, вмѣсто той, приобретаемъ жизнь вѣчную, безболѣзненную,—жизнь, въ которой нѣтъ страсти смущающей, нѣтъ зависти изсушающей, нѣтъ бѣдъ оскорбляющихъ, въ которой нѣтъ дряхлой старости, нѣтъ же и младенческой слабости, но состояніе присноцвѣтущее, никакимъ переменамъ неподлежащее, пребываніе блаженное, никакихъ предѣловъ неимущее, житіе непорочное отъ всякихъ несовершенствъ удаленное. Сіе въ высокой мысли своей воображая, блаженный Давидъ съ радостнымъ восторгомъ возопилъ: „Господи силъ, блаженни живущи въ дому Твоемъ: въ вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя. Лучше день единъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящъ“ (Псал., 83, 5, 11).

Смертію лишаемся мы всѣхъ всѣхъ богатствъ: ибо извѣстно, что какъ наги вошли въ міръ сей, наги и выйдемъ. Но не знаю, должно ли намъ печалиться о сей утратѣ, ежели разсудимъ, сколько надобно суетиться, чтобы приобрести ихъ, а не меньше заботиться, чтобы сберечь оныя. Ежели снискивать богатство честнымъ образомъ, надобно весьма много труда; ежели—безчестнымъ, надобно отяготить совѣсть свою; ежели его ни на что не жалѣть, надобно впасть въ безпутную роскошь; ежели чрезмѣрно беречь его, надобно обезславить себя гнуснымъ порокомъ скупости. Но положимъ, что богатство здѣсь есть полезно для всякихъ житейскихъ нуждъ; да можно ли сказать что оно теряемъ мы, когда промѣниваемъ его на богатство небесное? Не въ

нашихъ ли ухахъ слышно всегда оное Евангельское слово: „Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлѣть, и идѣже татѣ подкопываютъ и крадутъ: скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлѣть, и идѣже татѣ не подкопываютъ, ни крадутъ: идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше“ (Мате., 6, 19, 21).

Смертію лишаемся мы почестей. Подлинно, здѣсь надобно оставить всѣ гербы нашего достоинства и проститься со всѣми титлами славы нашей. Но не высочайшей ли есть чести степень, чтобы удостоиться быть участникомъ сокровенныхъ Божіихъ совѣтовъ и пребывать въ Его вѣчной любви? Святой Богословъ въ Откровеніи видѣлъ блаженныхъ, сѣдящихъ на престолахъ, облеченныхъ въ бѣлыя ризы, носящихъ торжественныя вѣтви, и имѣющихъ вѣнцы золотые на главахъ своихъ (Апок., 20, 4).

Смертію лишаемся мы пріятелей и друзей, но какихъ?—часто невѣрныхъ ласкателей, которые больше смотрятъ пользу свою, нежели нашу. Хотя и, подлинно, лишаемся истинныхъ пріятелей и вѣрныхъ друзей, но, вмѣсто того, входимъ въ сожитіе съ чистѣйшими ангелами, съ пророками, съ преславнымъ апостольскимъ ликомъ, съ торжествующими мучениками, съ увѣнчанными преподобными и со всякимъ праведнымъ духомъ; будемъ веселиться ихъ обращеніемъ, услаждаться бесѣдою, играть отъ шума празднующихъ. Да еще и того нельзя сказать, чтобы мы вѣрныхъ друзей лишились: нѣтъ, мы только предшествуемъ имъ и за нѣсколько времени напередъ, какъ бы изъ потопленія, на берегъ выплываемъ: рано ли поздно ли, всѣ къ единой мѣтѣ поспѣшаемъ.

Смертію наша тѣлесная красота помрачается, всѣ части согниваютъ и въ прахъ обращаются, рассыпаются кости, разрываются жилы, и весь составъ истлѣваетъ. Но нѣкогда, въ послѣдній день, воскреснемъ со славою, и тогда предъ имѣющимъ возсіять Солнцемъ правды, Христомъ, предстанемъ веселыми и радостными: очистятся наши чувства, просвѣтится мысль, всѣ душевныя и тѣлесныя силы прославятся. „Еже бо сѣется,—по Апостольскимъ словамъ,—въ немощи, то востаетъ въ силѣ: сѣется въ тлѣніи, востаетъ въ нетлѣніи: сѣется не въ честь, востаетъ въ славу“ (1 Кор., 15, 42, 43).

Смертію расстаемся мы со свѣтомъ, и всѣ вещи при западѣ нашемъ пропадаютъ изъ глазъ нашихъ. Но, вмѣсто того, входимъ торжественно во врата вѣчности и соединяемся съ крайнимъ добромъ, Богомъ. Сей союзъ блаженнаго съ Богомъ будетъ столь крѣпокъ, что Богъ будетъ въ немъ, а онъ—въ Богѣ, будетъ обоженъ, или, по Павлову слову, „Богъ будетъ всяческая во всѣхъ“ (1 Кор., 15, 28), то есть Онъ будетъ разуму—свѣтъ, сердцу—веселіе и тишина, очамъ—

радость, вкусу—сладость, ушамъ—приятность, Онъ будетъ тѣлу красота, пища и одежда; Онъ будетъ всяческая во всѣхъ. И тогда исполнится пророчество Исаиано: „Придуть въ Сионъ съ радостію и веселіемъ вѣчнымъ: на главѣ бо ихъ и веселіе и хвала и радость приметь я, отбѣже болѣзнь и печаль и воздыханіе“ (Ис., 35, 10).

Теперь мы можемъ видѣть, слушатели, сколь мало смерть есть страшна человѣку, утвержденному христіанскимъ упованіемъ; и потому можно заключить, что, кто, лишаясь жизни сей, получаетъ жизнь вѣчную, безболѣзненную,—лишаясь богатства земного, воспріимлетъ богатство небесное,—лишаясь друзей, тотъ удостоивается сожитія святыхъ. Кто, разставшись съ свѣтомъ симъ, сподобляется быть участникомъ блаженнаго лицезрѣнія Божія,—тотъ не умираетъ, но представляется отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси,—на малое время сномъ смерти засыпаетъ, чтобы свѣтлѣе воскреснуть въ соборѣ святыхъ; тотъ не умираетъ, но возобновляется, прославляется и отъ всѣхъ своихъ трудовъ успокоивается. „Блажени мертвіи умирающіи о Господѣ отнынѣ: ей, глаголетъ Духъ, да почіють отъ трудовъ своихъ“.

Таковою блаженною кончиною опочилъ въ Бозѣ сей, высокопочтенный и многими титулами прославленный, мужъ, „имя рекъ“, котораго тѣло предаемъ земли, изъ коей оно и создано, а духъ молитвами всей Церкви препоручаемъ щедротамъ и милосердію Божію. „Блаженъ тотъ, по словамъ Писанія Святого,—за которымъ благія дѣла вслѣдъ его ходятъ!“ Мужъ сей знаменитыми своими дѣлами еще въ жизни сей заслуживалъ себѣ безсмертіе и, собирая сокровище добродѣтелей, предуготовлялъ себя чрезъ то къ сокровищу небесному, чекрадомому. Отъ самыхъ младыхъ лѣтъ посвятилъ онъ себя общей пользѣ своего отечества и такъ восходилъ по степенямъ почестей, что одно достоинство было основаніемъ и заслугою другого. Былъ онъ уже въ знатнѣйшихъ должностяхъ еще при ономъ, безсмертія достойномъ, Государѣ Петрѣ Великомъ, и къ сему преславному Монарху отправленъ былъ отъ королевскаго аглицкаго двора съ кредитивомъ министра,—чѣмъ, какъ премудраго онаго Самодержца сердце было особливо обрадовано, такъ и онъ получилъ отъ него себѣ славу, и отъ щедраго Государя награжденіе. Былъ также министромъ и при другихъ разныхъ иностранныхъ дворахъ и отличалъ себя прозорливою политикою въ неопущеніи пользы дражайшаго отечества своего. Потомъ, будучи возведенъ на высокое достоинство главнаго министерства, онъ-ча раменахъ Своихъ несъ тяжесть многихъ государственныхъ дѣлъ столь благополучно, что тѣмъ облегчалось чувствительно бремя атласа Россійскаго; и по всему тому былъ вѣрный Самодержцевъ Всероссійскихъ слуга, общества полезный членъ, отечества истинный патриотъ.

Всѣ сіи добродѣтели, можетъ, не такъ были бы видны, ежели бы Богъ, по невѣдомымъ Своимъ судьбамъ, не посѣтилъ его нѣкоторыми несчастіями, но которыя онъ столь великодушно снесъ, что показали себя и безропательнымъ послушникомъ судебъ Божіихъ, и благочестивымъ христіаниномъ. Почему, наконецъ, и обрадовалъ его Богъ, въ награжденіи терпѣнія его, высочайшимъ къ нему благоволеніемъ нынѣ благополучно царствующей Всепресвѣтлѣйшей Великой Самодержицы нашей. Въ семь состояніи послѣдніе свои дни онъ посвятилъ богомыслию и приготовленію себя къ вѣчному покою и, въ глубокой старости достигши 73 лѣтъ, преставился благочестиво и можетъ съ Павломъ сказать: „Подвигомъ добрымъ подвизахся, течение скончахъ, вѣру соблюдахъ“ (2 Тимоѳ., 4, 7). А мы, со всею Церковію, помолимся о немъ, да вѣнецъ правды воздастъ ему Господь праведный Судія, и въ ликѣ блаженныхъ да устроитъ его въ святой Своей вѣчности. Аминь.

Слово въ недѣлю Ваій *).

„Рцыте дщери Сіоновъ: се, Царь твой
грядеть тебѣ кротокъ“.

(Мате., гл. 21, ст. 5).

Вида днесь Церковь Божию, со всякимъ благочиніемъ собравшуюся, увѣряю себя, что вижу я духовный Іерусалимъ, таинственный Сіонъ градъ Бога живаго. Да вкупѣ умными очами зрю и Божественнаго Избавителя, предуготовляющаго Свое преславное, не въ земный оный Іерусалимъ, но въ души ваши вшествіе, и желающаго въ сердцахъ вашихъ вѣчную Себѣ поставить обитель. Ибо Самъ Онъ сказалъ: „идѣже собрани будутъ два или трие во имя Мое, ту есмь и Азъ посредѣ ихъ“ (Мате., 18, 20). Почему, имѣя отъ Евангелія повелѣніе, чтобы о томъ всей Церкви возвѣстать, велегласно во уши ваши вопію: „Се, Царь вашъ грядеть вамъ кротокъ“. Сколь ни вождедѣбно само по себѣ Его пришествіе, но оно тѣмъ радостѣе, что преисповождается есть кротостію: „се, Царь твой грядеть тебѣ кротокъ“. Хотя вся жизнь Его украшаема была сею добродѣтелію, но ею обрадовалъ Онъ насъ наипаче тогда, когда шествовалъ въ Іерусалимъ съ тѣмъ, чтобы положить основаніе Новаго Завѣта, и запечатать оный Своею кровію,—съ тѣмъ, чтобы объявить Себя Законодателемъ Евангельской благодати, и ея дѣйствіе поставить правиломъ вѣры и любви. Такъ, ежели великій Законодатель нашъ столь кротокъ и тихъ, что не приводитъ въ суетное

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1766 года, апрѣля 6 дня.

удивленіе наружною пышностію и не поражаетъ сердца смертныхъ страхомъ, ежели Онъ, — по Проческимъ словамъ, — „не преречетъ, не возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіяхъ гласа его“ (Ис., 42, 2); ежели Онъ послушливъ былъ даже до смерти; ежели Онъ и за распятелей Своихъ молился: то какой можетъ быть законъ Его? какой? — развѣ кроткій, снисходительный, утѣшительный, радостный.

Но, понеже сія матерія и сама чрезъ себя есть важная, и намъ, яко христіанамъ, весьма полезная, а инымъ, имѣющимъ малое, можетъ, о ней просвѣщеніе, и неотмѣнно нужная: такъ изслѣдуемъ, *какое есть спокойство или характеръ Евангелія?* А Ты, Христе Спасителю, истину Евангелія чрезъ слово Твое въ сердцахъ нашихъ насади, насажденную благодатию Твоею напои, а добродѣтелию возрасти.

Чтобы имѣть намъ ясное понятіе объ Евангеліи, надобно напередъ знать, что есть законъ, и какия его свойства? Подъ именемъ закона разумѣемъ мы врожденную всякому человѣку силу, по которой узнаеть снѣ, что—добро, и что—худо, и что дѣлать, и что не дѣлать надобно. Сей законъ называется естественный, по правиламъ котораго точно поступать мы обязаны совѣстію своею. Кто сей законъ совершенно исполнить, тотъ предъ судомъ Божиимъ есть праведенъ, поелику исполнилъ все то, что ему въ законѣ предписано; а кто въ чемъ-нибудь наималѣйшемъ законъ преступилъ, тотъ предъ Божиимъ судомъ сталъ повиненъ и подверженъ Его правосудію. Ибо, какъ не возможно, по силѣ вѣчной правды, не признать праведнымъ совершеннаго исполнителя закона, такъ не возможно не почестъ повиннымъ преступника закона. Ежели бы кто законъ исполнилъ совершенно и чрезъ то праведнымъ сталъ бы предъ Богомъ,—такое оправданіе, по христіанскому богословію, было бы „оправданіе отъ дѣлъ закона“, и сей способъ оправданія, могу сказать, былъ бы самый естественный. Слѣдовательно, ежели бы сей естественный способъ оправданія оставался и нынѣ въ полной своей силѣ, то и не было бы нужды въ Евангеліи, какъ говорить Апостоль: „Аще закономъ правда, убо Христосъ туне умре“ (Галат., 2, 21).

Но можемъ ли мы оправдаться онымъ естественнымъ способомъ, то есть, исполненіемъ закона, — я то оставляю суду совѣсти вашей. А между тѣмъ объявляю вамъ мнѣніе Апостольское, какое онъ, въ лицѣ своемъ, произноситъ о всѣхъ людяхъ: „законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага; но азъ плотянь есмь, проданъ подъ грѣхъ: не еже бо хочу, сіе творю: но еже ненавижу, то содѣваю“ (Римл., 7, 12, 14, 15). А изъ того заключаетъ оный великій учитель: „яко нѣсть праведенъ никто же, да всяка уста заградятся и повиненъ будетъ весь міръ Божови, зане отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть предъ Нимъ“

(Римл., 3, 10, 20). Такъ, вотъ, видимъ, что оный естественный способъ оправданія болѣе не можетъ силы своей имѣть, или, лучше сказать, словами Писанія Святого, „законъ изнемогъ“ въ томъ, чтобы представить насъ праведными предъ Богомъ чрезъ исполненія свои; слѣдовательно, ясно видите, что одна натуральная религія болѣе въ мірѣ мѣста своего имѣть не можетъ.

Дозвольте мнѣ теперь отворить дверь къ Евангелію. Въ такомъ печальномъ состояніи, скажите, чѣмъ вы утѣшите себя? Скажите, чѣмъ ободрите вы свой разслабленный духъ? чѣмъ увѣрите повинное сердце свое, что оно суда Божія бояться не должно? хотите ли, чтобы правосудный Богъ пришелъ къ вамъ въ сіяніи неприступной славы, въ гнѣвѣ ярости Своей, и требовалъ бы отъ васъ точнаго исполненія заповѣдей Своихъ? или желаете, чтобы Онъ, скрывъ нестерпимые для грѣшника лучи Своего Божества, явился подъ образомъ естества нашего и Своею снисходительною кротостію утѣшилъ бы нашъ трепещущій духъ? О, Боже милосердый! не види въ судъ съ рабы Твоими. Въ Тебѣ сокровенны неисчерпаемые источники благодати. Когда мы не можемъ похвалиться исполненіемъ закона, остается намъ единое средство, чтобы съ истиннымъ покаяніемъ прибѣгать къ Господню милосердію; а проповѣдь милосердія есть Евангеліе. Когда не можемъ оправдать себя дѣлами, остается имѣть упованіе оправдаться благодатію; а ходатай благодати есть Господь Иисусъ Христосъ. Когда не можемъ мы сами чрезъ себя, за преступленіе закона, удовлетворить Божію правосудію,—имѣемъ единороднаго Сына Божія, удовлетворившаго за насъ жертвою смерти Своея. „Благодатію есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ васъ: Божій даръ: не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится“ (Ефес., 2, 8, 9). Итакъ, преjde сѣнь законная, благодати пришедшей.

Но, можетъ, я отяготилъ мысль вашу сими высокими разсужденіями: однако, будучи увѣренъ о вашей усердной охотѣ къ слушанію слова Божія, дерзаю продолжать рѣчь мою. Чтобы еще больше узнать намъ духъ Евангелія, изъяснимъ сіе такимъ примѣромъ, на которомъ прежде всѣхъ оказалась Евангельская сила. Первый человекъ созданъ въ неповинности и, за правило всѣхъ своихъ дѣйствій, имѣлъ законъ совѣсти своей. Ежели бы онъ свою неповинность не опорочилъ никакимъ преступленіемъ закона, онъ былъ бы въ состояніи естественнаго, а не Евангельскаго закона. Но когда законъ преступилъ, въ то самое время естественный способъ оправданія потерялъ свою силу, а, вмѣсто того, открылись ему вдругъ два состоянія, состояніе—правосудія и состояніе милосердія Божія: правосудія, ежели бы въ преступленіи своемъ остался онъ нераскаяннымъ; а милосердія или Евангелія, ежели бы съ чистымъ покаяніемъ призналъ свою немощь. Почему милосердый Богъ

и призвалъ его симъ, по истинѣ, Евангельскимъ гласомъ: „Адаме, гдѣ еси“ (Быт., 3, 10)? Въ какомъ состояніи—ты, возлюбленное рукъ Моихъ созданіе? почто скрываешься? гдѣ дерзновеніе врожденной тебѣ неповинности? Вижу Я, что подвергъ ты себя суду своей совѣсти, но Я милосердіемъ Моимъ утѣшаю тебя и, понеже ты нарушилъ завѣтъ закона, приѣмлю тебя въ новый завѣтъ благодати.

Какими словами утѣшалъ Богъ перваго человѣка, тѣми же призываетъ и насъ къ Себѣ дражайшій Спаситель нашъ. Онъ говоритъ: „приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“ (Матѣ., 11, 28).

Кто изъ христіанъ, слыша сіи слова, не возрадуется духомъ своимъ, и не признаетъ снисходительное свойство Евангелія? Для того-то Пророкъ, предвидѣвъ сію благодать, повелѣваетъ возвѣстити о ней всей Церкви: „рыцѣ дщери Сіоновѣ: се, Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ“ (Ис., 62, 11). Для сего и я, по случаю кроткаго Его вшествія въ Іерусалимъ, которое мы нынѣ празднуемъ, почелъ за пристойное говорить объ утѣшительномъ свойствѣ Евангельскаго закона.

Ежели бы кто, совѣмъ тѣмъ, защищалъ естественный законъ съ предосужденіемъ Евангельской благодати (ибо, впрочемъ, и мы его не отвергаемъ), тому я съ Павломъ свидѣтельствую, что онъ долженъ весь законъ исполнить; но, когда явится преступникомъ его, ему нѣтъ больше участія въ благодати Евангельской; а, вмѣсто того, самъ себя онъ подвергаетъ правосудію Всемогущаго. Такая несчастливая мысль рождается отъ неумѣрнаго самолюбія, отъ сокровенной гордости, отъ непризнанія своей слабости, отъ незнанія силы закона, отъ невѣдѣнія Божія правосудія. Но, познавъ свойство Евангелія, не оставимъ, хотя кратко, изъяснить дѣйствія или плоды Христовой благодати.

Когда Евангельскій законъ основанъ на милосердіи Божіемъ, прямо изъ того слѣдуетъ, что, кто прибѣгъ подъ покровъ сей благодати, тотъ приѣмлетъ оставленіе грѣховъ, входитъ въ златое состояніе первосозданной неповинности, вступаетъ въ завѣтъ любви, присоединяется въ число чадъ Божіихъ. О, благость неизглаголанная! не только не осудилъ грѣшныхъ насъ, но и помиловалъ, — не только помиловалъ, но и оправдалъ, — не только оправдалъ, но и удостоилъ быть чадами любви Своей.

„Тѣмъ же убо,—привѣтствуетъ насъ святой Апостоль,— къ тому нѣсте странни и пришельцы, но сожителе святымъ и приснии Богу“ (Ефес., 2, 19). „И понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына Своего, въ сердца ваша, вопіюща: Авва Отче. Тѣмже уже нѣси рабъ, но сынъ: аще ли же сынь, то наслѣдникъ Божій Іисусъ Христомъ“ (Галат., 4, 6, 7).

Ся-то сыновняя любовь истинныхъ христіанъ къ Богу заставляеть ихъ произносить оныя жаркія слова: „сущи въ тѣлѣ семь въздыхаемъ отягчаемъ“; и потому „дерзаемъ и благоволимъ паче отыти отъ тѣла, и внити ко Господу“ (2 Кор., 5, 4, 8). Доколѣ, радость наша, будешь скрываться отъ насъ? Ты возжегъ искру Твоей любви въ сердцахъ нашихъ, приведи оную въ совершенный пламень. Духъ нашъ возносится къ Тебѣ и не престаеть беспокоиться, пока совершенно не успокоится въ Тебѣ. Ты намъ влилъ предчувствіе блаженства Твоего, дай и совершенное наслажденіе. Кто въ душѣ своей находитъ такое расположеніе, тотъ есть участникъ благодати и сынъ царствія.

Но не оставимъ помянуть еще сладчайшій плодъ Евангелія, а именно, что оно для насъ—дѣйствительнѣйшее побужденіе къ исполненію воли небеснаго Отца. Подлинно, и законъ насъ къ тому же побуждаеть, но страхомъ, а Евангеліе—любовію. И потому послѣдователь закона, какъ рабъ, боясь наказанія своего господина, аки не хотя дѣлаеть добро; а послѣдователь Евангелія, яко сынъ, по усердію отдаеть себя въ объятія добродѣтели. Какъ? буду ли я и тогда неблагодарнымъ, когда отъ щедрой руки Господней получилъ столь изобильныя благодѣянія? буду ли столь ослѣвленъ, чтобы хотѣлъ своими пороками оскорблять столь любовнаго ко мнѣ Отца?

Въ разсужденіи сего святой апостолъ Павелъ вопіеть: „нѣсте подъ закономъ, но подъ благодатию“ (Римл., 6, 14). Благословенные христіане! вы нѣсте подъ закономъ, но подъ благодатию, не для того, аки бы вы уволены были отъ исполненія закона, но для того, что возбуждать себя должны вы къ исполненію его не страхомъ, а сыновнимъ усердіемъ. „Нѣсте подъ закономъ, но подъ благодатию“.

О, блаженныхъ насъ, удостоившихся причастниками быть толикой благодати! слыши, дщерь Сіоня! слыши, Христова Церкви! се, Царь твой грядеть тебѣ кротокъ. Постели предъ Нимъ ризы смиреннаго сердца; встрѣчай Его съ ваими добродѣтели и радостнымъ восклицаніемъ, открой Ему усердную внутренность свою.

А ежели кто сей радости не чувствуетъ, у того, видно, еще не расцвѣли вѣтви покаянія, или и расцвѣтшія увяли. Но мы, суще чада Евангелія, утвердимъ себя въ благодати сей твореніемъ благихъ дѣлъ, тѣмъ паче, что приближаются дни искупленія нашего, да сподобимся, понесши крестъ страстей Господнихъ, быть обрадованными и славою Его воскресенія. Аминь.

Слово о содѣявшихъ въ 1754 году убійство надъ матерію и сестрою своими, а нынѣ преданныхъ церковному покаянію предъ народомъ *).

Православной Церкви чада!

Церковь Божія видитъ теперь предъ очами своими печальное зрѣлище, которымъ матернее ея сердце внутренне прободается. Се, вамъ предстоятъ два злодѣя, къ тягчайшей смерти осужденные: мужъ и жена, убійцы матери и сестры своей. О, страшнаго злодѣянія! о, звѣрскаго терзанія! таковою, едва слышанною, дерзостію возстали они противъ самаго естества, погасили внутреннее чувствіе совѣсти; попрали кровь Новаго Завѣта, обезчестили Евангеліе, оскорбили Духа Божія, себя оторвали отъ тѣла Церкви Христовой. О, какая лютая язва для Церкви! Вѣдаете вы, что Церковь есть священное стадо духовныхъ овецъ; но се—ея буря и волны. Церковь есть мать, въ нѣдрахъ своихъ согрѣвающая чадъ своихъ, но се—ея изверги. Кто дастъ главѣ нашей воду и очамъ нашимъ источникъ слезъ, да возможемъ оплакать бѣдное сихъ преступниковъ состояніе!

Извѣстно вамъ, православные христіане, сколь страшное опредѣленіе законъ Божій издаетъ на человѣкоубійцѣ. Въ словѣ Божіемъ написано тако: „Проливай кровь человѣчу, въ ея мѣсто его пролетитъ: яко во образъ Божій сотвори хъ человѣка“ (Быт., 9, 6), глаголетъ Господь Саваоѣ. А сила сихъ словъ есть та, что человѣкоубійца согрѣшаетъ противъ самого величества Божія, и власть, которую Богъ имѣетъ надъ жизнію человѣческою, злодерзкій сей похищаетъ у Него.

Но что можемъ мы сказать объ отцеубійствѣ? какую заслуживаетъ оно казнь? Божественный Законодатель объ отцеубійцѣ ничего и не помянулъ, какъ будто не надѣялся Онъ, чтобы могло быть такое чудовище, которое вооружилось бы противъ давшихъ ему жизнь, ибо въ законѣ гласитъ тако: „иже злословитъ отца своего, или мать свою, смертію да умреть, и иже бьетъ отца своего или мать свою, смертію да умреть“ (Исх., 21, 15, 16). Видите, что законъ тому, кто злословитъ или бьетъ родителей, опредѣляетъ смерть; а о тѣхъ, которые родителей убиваютъ, ничего не упоминаетъ: не для того, аки бы они не достойны были всякой казни, но для того, что будто невѣроятнымъ казалось быть такой ехиднѣ, которая растерзала бы утробу своей матери. И ежели тотъ, кто злословитъ своихъ родителей, подлежитъ

*) Сказано въ Москвѣ въ притворахъ церковей, куда преступники приводимы были, 1769 года, въ мѣсяцъ Маѣ

смерти и временной и вѣчной, то какой уже казни повиненъ есть тотъ, который свои несчастныя руки омочилъ въ крови своей матери и сродства своего? Въ такой грѣшной душѣ сама совѣсть есть жесточайшее и непрестанное мученіе, и судъ сей совѣсти тѣмъ страшнѣе, что онъ есть нѣкоторое преддверіе будущаго праведнаго суда. О, коль страшно есть впасть въ руки Бога жива! „Ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое“ (Римл., 2, 8, 9).

Но, о, Боже праведный! „аще беззаконія изриши, кто постоитъ“ (Псал., 129, 3)? Твое есть оное, оживляющее насъ, слово: „яко не хочу смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему“ (Иезек., 33, 11). Подлинно, законъ представляетъ намъ Бога праведнѣйшимъ и нелицеприятнымъ Судіею; но Евангеліе намъ проповѣдуетъ Его же благоутробнымъ Отцемъ. Законъ отворяетъ преступникамъ своимъ адъ; но Евангеліе отверзаетъ кающимся рай. Законъ вопіетъ: „прокляты всякъ, иже не пребудетъ во всемъ писанномъ въ книгѣ закона“ (Второз., 27, 26); но благодать съ кротостью призываетъ и говоритъ: „обратитесь, и обращуся къ вамъ. Измыйтеся и чисти будете, отымите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моима. И аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю“ (Ис., 1, 16, 18).

О, крайняго снисхожденія небснаго! Самъ Господь Богъ, будучи подвиженъ неизлагоданымъ милосердіемъ, принялъ на Себя нашу тлѣнную плоть! Всѣ естества нашего немощи на Себѣ понесъ, пострадалъ и умеръ съ тѣмъ единственно, чтобы грѣшнаго человѣка спасти, падшаго возставить, немощнаго исцѣлить, беззаконіями умершаго воскресить, и для того Самъ Онъ Себя уподобляетъ доброму пастырю, ищущему, погибшей и на горахъ заблуждающей, овцы (Мате., 18, 12, 13).

Таковаго милосердія Своего яснѣйшіе примѣры Господь оставилъ намъ. Онъ Давида, неповинно убившаго Урію, но покаявшагося, помиловалъ; Онъ мытаря, грѣхами отягченнаго, оправдалъ; Онъ Петра, отвергшагося Его, но обратившагося не презрѣлъ, а принялъ его горькія слезы. Онъ Савла, бывшаго гонителя Своего и убійцу многихъ святыхъ, но обратившагося, не только не осудилъ, а еще устроилъ его Своимъ избраннымъ сосудомъ, и причелъ его къ апостольскому лику. Онъ разбойника, который неповинно умертвилъ многихъ людей, разбойника, говорю, не отвергъ, но принялъ его истинное, краткими словами изъясненное, покаяніе, и двери царствія ему отверзъ.

Да почто приводитъ намъ, возобновленные, многіе примѣры? Мы сами, благословенные христіане, мы сами — живое свидѣтельство сей великой благодати Божіей. Послушайте что Апостоль ко всѣмъ намъ

вопѣть: „Богъ богатъ смѣй въ милости, за премногую любовь Свою, ею же возлюбилъ насъ, сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшенными, со-оживи Христомъ: благодатию есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ насъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится“ (Ефес., 2, 4, 5, 8, 9).

Кто изъ насъ, братіе, слыша сіи великіе примѣры челоуѣколюбія Господня, не утвердитъ сердце свое, чтобы грѣхами не оскорблять сего милосердаго Благодѣтеля? И кто, чувствуя совѣсть свою, беззаконіями отягощенную, не отвергнетъ отчаяніе и къ милосердію Господню не прибѣгнетъ?

Сія благодѣтельная Божія десница касается и васъ, злосчастные убійцы! Сей источникъ благодати и вамъ отворенъ, ежели только чувствуете раскаяніе въ злодѣйствѣ своемъ. Не слышите ли, какъ благодать ударяетъ въ двери вашего сердца, и вопіетъ въ уши ваши сладчайшій гласъ нашего Спасителя: „Прійдите ко Миѣ вы, обремененные грѣхами! Я вашихъ беззаконій отвращаюсь, но ваше покаяніе не отвергаю“ (Матѣ., 11, 29). Миѣ ненавистно ваше сердце, но—когда оно есть нераска-янно; ваше обращеніе, отъ зла на добро, превращаетъ Мой судъ на милость. Ваши слезы погашаютъ огонь Моей ярости. На ваше обѣщаніе исправленія, Мои руки къ объятію вашему простираются. Страшить васъ Мое правосудіе: подлинно, стрѣлы онаго уже на васъ напряжены; но милосердіе Мое превозмогаетъ. Посмотрите на Мои раны, которыми Я за грѣхи ваши уязвленъ; посмотрите, сквозь прободенное копіемъ ребро, на сердце Мое, — и видите, коюкою оно пылаетъ къ любовію челоуѣчеству“.

Сими, даже каменную душу умягчить могущими, словами подвигнувшись, соберите вы свой смущенный духъ, слезами сокрушите сердце свое, и тяжкими воздыханіями откройте внутренность свою Врачу душъ и тѣлесъ. Церковь Христова, имѣя порученную ей власть вязать и рѣшить, увѣряетъ васъ именемъ Господнимъ, что ваше покаяніе не отвергнуто, но принято будетъ, яко драгій залогъ обращенія вашего отъ зла къ добру. Да и самымъ дѣломъ вы въ томъ уже увѣрены: ибо видите, что святая Церковь васъ, яко недостойныхъ, отъ себя не отогнала, но открыла свои нѣдра и, яко чадолюбивая мать, одолжена приложить попеченіе свое о васъ. Налагаетъ она на васъ сіи легкія раны, да исцѣлитъ вашу болѣзненную душу: симъ временнымъ наказаніемъ предвосхищаетъ васъ отъ адскаго вѣчнаго мученія.

А намъ, чада Православной Церкви, попечительный Божій Промыслъ чрезъ сей печальный случай подаетъ великое наставленіе. Ибо все сіе сказали мы не съ тѣмъ, чтобы падшимъ ругаться; но чтобы тѣхъ, которые стоятъ, осторожнѣйшими сдѣлать,—не съ тѣмъ, чтобы раны

уязвленнымъ приумножить, но наче, чтобы, неуязвленныхъ еще, не вредными соблукти,—не съ тѣмъ, чтобы волнующихся погрузить, но чтобы тѣхъ, которые благополучно плывутъ, предохранить. Теперь мы очами своими видимъ дѣйствія правосудія и милосердія Божія: правосудіе—въ наказаніи грѣшниковъ, милосердіе—въ призваніи ихъ къ покаянію. Побоймся убо Божія правосудія, чтобы на себя не привлечь оное нашими грѣхами. А милосердіемъ Его да утвердимъ себя не возвращаться на прежніе пороки: счастливъ тотъ, кто бѣдствіями другихъ дѣлается осторожнѣйшимъ!

За все сіе благодареніе приносимъ челоуколюбивому Богу, удивляясь премудрости Его. Сею благодарностію обязана Ему Церковь и мы: Церковь истому, что прославляетъ Онъ ея силу въ наказаніи порока и святость въ различеніи овцы отъ козлища; а мы—для того, что сей случай даетъ намъ наставленіе.

Достойно же по Бозѣ прославлять и благочестіе вѣрной Божіей служительницы, Великой и милосердой Самодержицы нашей Екатерины Алексѣевны. Чѣмъ ужаснѣйшимъ видитъ Она преступленіе, тѣмъ усерднѣе, о спасеніи души преступника, къ Церкви прибѣгаетъ. Ею души сихъ оскверненныхъ приводятся къ Божію милосердію, ею и мечъ правосудія надъ оскверненнымъ ихъ тѣломъ для того самаго удерживается. Не се ли, Христова Церковь, прямое тебѣ—утвержденіе? не се ли—древнихъ твоихъ и святыхъ установленій исполненіе?

Но обратимся уже мы, ученики кротчайшаго Спасителя, къ сямъ злосчастнымъ, подвигнемся сожалѣніемъ о нихъ, поболیمъ сердцемъ, покажемъ силу христіанской любви: много бо поразить ихъ можетъ сей всенародный позоръ, да не опровергнетъ ихъ великая сія скорбь въ отчаяніе. Помолимся о нихъ со всею Церковію.

Боже милосердія и Отче щедротъ! воспламени сердца сихъ грѣшниковъ къ покаянію: прими ихъ, къ Тебѣ припадающихъ, обычнымъ Твоимъ благоутробіемъ; трепещущую отъ суда Твоего совѣсть ихъ ободрь Евангельскимъ Твоимъ благословеннымъ гласомъ и, аще пріидутъ въ прямое раскаяніе злодѣянія своего, причти ихъ избранному Твоему стаду.

А вы, бѣдствующія души, употребите милосердное снисхожденіе благаго Бога, общія молитвы всей Церкви и благочестивое попеченіе Монархини о васъ къ излеченію вашихъ грѣховныхъ ранъ,—да не како, сіе пренебрегше, и временному тягчайшему и будущему безконечному наказанію неизбѣжно себя подвергнете. Аминь.

Слово въ день свв. Апостоловъ Петра и Павла и Тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Блаженъ еси, Симоне, варъ Юда, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но отецъ Мой, иже на небесѣхъ“.

(Матѣ., гл. 16, ст. 17).

Куда ни обратимъ мы очи свои, вездѣ находимъ радостные предметы блаженства нашего. Воззримъ ли мы на святое общество благословеннаго христіанства, видимъ милосердо взирающее на него око Святаго Израилева. Посмотримъ ли на Россію, видимъ въ ней цвѣтущее древо мудраго самодержавія, подъ тѣнью котораго сладко все покоеся. Церковь нынѣшнимъ празднованіемъ выводитъ предъ насъ два великіе примѣра святости и благочестія; Россія всегда предъ очами своими имѣеть дражайшую двоюку, Благочестивѣйшую Монархиню съ любезнѣйшимъ Ея сыномъ, предметъ нашей радости, вину благополучія, примѣръ добродѣтели. Церковь празднуетъ днесь своихъ основателей, трудами которыхъ міръ приведенъ въ первосозданное благообразіе; Россія совершаетъ нынѣ торжество Тезоименитства Всероссійскаго Наслѣдника, плода благословеннаго Августѣйшей Матери, почитая въ Монархинѣ исполненіе своихъ желаній, а въ Наслѣдникѣ сладчайшую надежду. Итакъ, Церковь и Россія вкупѣ приводятъ намъ примѣры неба и земли; небо и земля соглашаются къ общему нашему блаженству. Все намъ пріятствуетъ: отъ всѣхъ странъ вѣетъ зефиръ благоденствія. „Что воздадимъ Господеви за вся, яже воздаде намъ? Слышите языцы и покарайтесь, яко съ нами Богъ“ (Псал., 115, 3; Ис., 8, 9).

Но, чтобы наша радость была не блистательна только, но и плодородна, растворимъ ее духовною бесѣдою; посмотримъ, *какое блаженство Спаситель присвоаетъ Петру, и относитъ оное не до явленія плоти и крови, но до явленія небснаго Отца.* А Ты, Боже духовъ и всякія плоти, нашъ, плотию обременяемый, духъ подыми отъ земныхъ къ горнимъ и, очистивъ мысленное око, даждь разумно видѣти Тя.

„Блаженъ еси, Симоне, варъ Юда, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ“. Въ семъ Евангельскомъ текстѣ нѣкоторыя слова требуютъ изъясненія, а именно, что означаетъ „явленіе, плоть и кровь, явленіе плоти и крови, и явленіе Отца небснаго“?

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ Петергофѣ, 1786 года, іюня 29 дня.

Явленіе значить познаніе вещей, ибо неизвѣданныя вещи кажутся намъ сокровенными въ глубокой темнотѣ; да и, подлинно, союзъ вещей для слабаго понятія нашего есть непроходимая бездна. Подъ именемъ плоти и крови разумѣются способности въ человѣкѣ, которыя приличествуютъ ему не яко человѣку, но яко животному, чрезъ которыя, свѣдѣтельно, не различествуетъ онъ отъ другихъ животныхъ, на примѣръ, зрѣніемъ или слышаніемъ собирать образы вещей, желать вкусу пріятнаго и прочее. Итакъ, явленіе плоти и крови въ человѣкѣ есть познаніе вещей общее всѣмъ животнымъ, утверждаемое не на разумѣ, но на чувствахъ, низкое, земное, тѣлесное. Подъ именемъ Отца небеснаго, хотя извѣстно, кого намъ воображать надобно, но здѣсь, относительно познанія, разумѣется несозданный свѣтъ вѣчнаго ума, нѣкоторую искру котораго получила разумная тварь. И потому явленіе Отца небеснаго есть познаніе вещей, утверждаемое на чистомъ разумѣ, который управляется не чувствами, но лучами несозданнаго свѣта,—который, возвышая себя выше видимыхъ существъ, входитъ въ невидимое и туда вперяетъ око умаго своего зрѣнія.

По изъясненіи сихъ Евангельскихъ словъ, взслѣдуемъ, какое, именно, познаніе относитъ надобно до явленія плоти и крови, и какое до явленія небеснаго Отца?

Явленіе плоти и крови, во-первыхъ, есть, когда что почитается за истинное и доброе по одной привычкѣ. Многіе тому послѣдуютъ, то одобряютъ и держатъ, что приняли съ млекою младенчества, или что видятъ у большей людей части въ употребленіи. Но какъ разумъ, да и всегдашній опытъ насъ увѣряетъ, что мы привыкаемъ не только къ доброму, но едва ли не больше и къ худому,—для того разсужденіе, утверждаемое на одной только привычкѣ, приличествуетъ больше животнымъ, нежели разумной твари.

Отсюда раждается невѣжество и суевѣрство: понеже мысль, связанная привычкою, какъ оковами, сама отнимаетъ у себя вольность къ изслѣдованію новыхъ истинъ, и въ скудности своей почитаетъ себя довольною, въ невѣжествѣ просвѣщенною, въ заблужденіи благочестивою. Сія болѣзнь тѣмъ опаснѣе, что развѣ съ великою трудностію можно излѣчить ее: понеже привычка становится другою природою, и потому обыкновенно соединена бываетъ она съ непобѣдимымъ упорствомъ. Сіе великимъ было препятствіемъ теченію проповѣди Апостольской: ибо надобно было истреблять заблужденіе въ такихъ мысляхъ, въ коихъ оно долгимъ обычаемъ вкоренилось и утвердилось. Притомъ, сіе же самое есть доказательство, что проповѣдь апостольская было дѣло Божіе, когда ложныя мнѣнія, многими вѣками укрѣпленныя, наконецъ, покорили себя сладкому игу Евангелія.

Когда преславный именемъ и дѣлами Государь Петръ Великій въ свой народъ вводилъ просвѣщеніе и честное поправленіе правовъ, о, сколь свирѣпо тогда противъ него вооружалась плоть и кровь! сколь много привычка препятствовала сему благословенному предпріятію! Она заставляла обычаямъ поработенныхъ говорить: „мы и безъ наукъ хлѣбъ ѣдали; сіе дѣло небывалое. Наши отцы и безъ того жили“... Но, всё сіи трудности побѣдивъ, Великій Государь всёмъ вѣкамъ оставилъ имя свое любезнымъ. Подлинно, не надобно и обычаямъ перемѣнять, но добрыхъ: а худое и вредное перемѣнить на доброе и полезное. есть дѣйствіе разума, Духомъ Святымъ просвѣщеннаго. Дабы кто не зараженъ былъ порокомъ худой привычки, надобно стараніе прилагать о добромъ воспитаніи, чтобы въ младенцѣ, который почти только состоитъ изъ плоти и крови, плоть оживлять духомъ разсужденія, и чтобы въ немъ кровь приобучена была течь по жиламъ премудрости, дабы любленіе истины и добродѣтели стало въ немъ какъ бы привычкою.

До худой же привычки можетъ надлежать и то, когда что-нибудь почитается добрымъ и истиннымъ за одну древность. Подлинно, древность можетъ быть доказательствомъ истины, но не всегда сіе доказательство неоспоримо: ибо въ древности, какъ было много хорошаго, такъ было же не мало и худого. И потому надлежитъ дать свободу просвѣщенному разуму, чтобы изслѣдывать и самую древность и въ ней разсобрать, что подражанія, и что отвращенія достойно.

Но и то есть дѣйствіе плоти и крови, когда что-нибудь почитается справедливымъ и хорошимъ за одну новость. Какъ помянутый порокъ бываетъ чаще у старыхъ людей, такъ сей по большей части— у молодыхъ: ихъ горячая мысль поражается, когда что нибудь остро, хотя неосновательно, выдуманно или написано,—когда что прелестно, хотя слабо, сдѣлано. Они тогда становятся надменны, думая, что сіе было бы нѣкоторый родъ поработенія, еслибы старымъ мнѣніямъ послѣдовать, думая, что ихъ предки и вся древность была въ заблужденіи, которое узнать имъ посчастливилось. Такіе люди подобны младенцамъ, которые на все новое отдаютъ свои глаза, и въ руки свои брать не боятся самое разженное уголье, прельщаясь видомъ ихъ, почему и ожигаются. Еслибы новость была основаніемъ истины, то надобно бы сей истинѣ перемѣниться въ ложь, когда бы новость состарѣлась; но истина ни старѣеть, ни обновляется: ибо она есть вѣчна. И потому всякую новость съ перваго раза должно почитать за подозрительную, пока здравымъ разумомъ довольно изслѣдована не будетъ, и пока не будетъ усмотрѣно, что въ самой той новости есть нѣкая важность основательной древности. Но посмотримъ, нѣтъ ли еще другихъ плотскихъ разсужденій.

Есть также дѣйствіе плоти и крови, когда только почитается за истинное и доброе то, что умножает наше имѣніе, что пріятно чувствамъ, что соединено съ честію. Подлинно, позволительно умножать имѣніе, но справедливымъ образомъ; безгрѣшны пріятности чувствъ, но когда онѣ не противны разуму; похвальна честь, только бы она состояла не такъ въ имѣніи другихъ о насъ, которое часто бываетъ несправедливо, какъ въ любленіи честности. Однако, очень часто случается противное сему: ибо для пріобрѣтенія истины и добродѣтели надобно имѣть трудъ и пролить не одну каплю пота, надобно иногда понести нѣкоторую утрату имѣнія, а иногда надобно подвергнуть себя худому, хотя неосновательному, имѣнію другихъ; но какъ все сіе есть непріятно нѣжности нашихъ чувствъ и не вмѣстительно первому легкому воображенію; для сего часто плоть и кровь беретъ верхъ надъ разумомъ, и чувства порабащаютъ себѣ духъ. Одинъ въ своей должности нерадивъ, понеже не хочетъ свои изнѣженные члены трудомъ обезпокоить; другой правду нарушаетъ, дабы чрезъ то умножить свой прибытокъ; третій умалчиваетъ правду, чтобы не нажить себѣ враговъ и чрезъ то бы не понести ущерба чести своей. Такія и подобныя плотскія разсужденія, трудно сказать, сколь много повреждаютъ похвальную нашихъ дѣлъ систему.

Сіе было великимъ препятствіемъ апостольскимъ подвигамъ. Они проповѣдывали крестъ, или великодушное терпѣніе всякихъ противностей, нищету, или добровольное лишеніе всего для истины; проповѣдывали, чтобы презрѣть всѣ имѣнія о насъ другихъ, сколько бы они ни были блистательны, еслибы иначе нельзя было записаться въ книгу живота. Можете вообразить, сколь такое ученіе могло быть пріятно человѣку, плотию и кровію порабащенному!

Для чего и нынѣ Церковь Божія въ нѣкоторыхъ своихъ дѣтяхъ не видитъ такихъ непорочныхъ нравовъ, какихъ бы она желала? для чего ея святое ученіе во многихъ остается безплодно? для чего не имѣетъ она сего удовольствія, чтобы видѣть страсти подъ ногами у добродѣтели? О, ты, плоть и кровь! ты тяжестью своею обременяешь сердца наши и не допускаешь вознестись къ горнимъ!

Но, вотъ, еще новое и странное дѣйствіе плоти и крови, когда кто въ разбираіи истины единственно полагается на свой разумъ, и почитаетъ за справедливое то, что разсужденію его кажется справедливымъ. Подлинно, разумъ самъ чрезъ себя всегда есть предводитель къ истинѣ; но, кому неизвѣстно, съ какими слабостями онъ въ насъ соединенъ? Вотъ — причина тому, что мы имѣемъ малое и немногихъ вещей познаніе, да и въ то весьма сокровенно вкрадываются страсти и столь хитро насъ прельщаютъ, — что мы часто почитаемъ за здравый

разумъ то, что есть одно чувственное воображеніе: что мы думали быть духъ, а оно есть плоть. А хотя бы кто науками и довольно просвѣщенъ былъ, но хитросплетенные логическіе софизмы, но школьныя суетавія, но пустыя тонкости едва ли не большую часть отвели отъ истины. Вѣдаете вы, какихъ, между прочимъ, смѣшныхъ миѣній были изобрѣтатели тѣ, коихъ древность почитала за философовъ. Есть и нынѣ такіе мудрецы самозванцы, которые, будучи надменны сами собою, своими страстными миѣніями хотятъ поработить и иныхъ, и удивительнымъ какимъ-то образомъ, другихъ повреждая и безчестя, чрезъ то себѣ славу снискиваютъ. Послушаемъ Павла, учителя христіанской мудрости, что онъ говорить къ таковымъ: „азъ, братіе, не могахъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотнымъ“ (1 Кор., 3, 1). Для чего?—понеже „душевень“ или плотской „человѣкъ не приѣмлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовиѣ востязуется“ (1 Коринт., 2, 14), то есть, небесныя истины не плотію, но умомъ, просвѣщеннымъ Духомъ Святымъ, изслѣдываются. Но, о Боже, когда толикая темнота покрываетъ нашъ разумъ, и когда столько есть препятствій къ познанію Твоей истины,—въ сей нашей бѣдности къ Тебѣ прибѣгаемъ, Отцу свѣтовъ: ибо Ты, Господи, просвѣщаешь свѣтильникъ нашъ!

Возлюбленный Богу христіанинъ! ты выведенъ изъ сего затрудненія и въ общей всѣхъ нуждѣ ты блаженъ и треблаженъ. Твой умъ осіянь лучами Евангельскаго закона; твоя совѣсть Духомъ Святымъ увѣрена объ отеческой къ тебѣ склонности всемогущаго Промыслителя. Хотя бы ты и не достигъ до пространнаго познанія естественныхъ вещей, но тебѣ открыты истины самонужныя, на которыхъ основано твое вѣчное блаженство. Кто лучшее тебя имѣетъ понятіе о Богѣ, о мірѣ, о самомъ себѣ? Ты воображаешь себѣ Бога существомъ благодѣтельнымъ и милостивымъ, Который, снисходя къ недостаткамъ человечества, явился подъ покрываломъ нашей бренной плоти и, сообщивши Себѣ естество наше, содѣлалъ насъ участниками Своего Божества. Ты обширную громаду міра сего считаешь за руководство къ твоему Избавителю, въ соединеніи съ Которымъ состоитъ все твое совершенство. Ты самого себя представляешь себѣ нѣкою частицею тварей, содержимую въ союзѣ вещей, котораго союза конецъ есть радостная вѣчность. Твое спасеніе состоитъ въ сихъ истинахъ; которыхъ если кто не знаетъ, весьма несчастливъ, хотя бы, впрочемъ, приобрѣлъ знаніе всѣхъ вещей. И для того я привѣтствую тебя именемъ Евангелія: блаженъ еси, христіанинъ, благодатію присвоенное Богу чадо, „яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ, иже на небесѣхъ“. Блаженъ еси, Израилю, яко угодная Богу намъ разумна суть.

А чтобы больше намъ въ семь подвиговъ благочестія успѣвать, Церковь святая, какъ всегда, такъ особенно въ нынѣшній день, представляетъ два знаменитые примѣры, двухъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ: горящаго вѣрою Петра и славнаго мудростію Павла. Хотя они были того же съ нами слабаго естества, но, когда восхотѣли, сдѣлали умъ свой богописанною скрижалію, а сердце жилищемъ духа, трудами своими побѣдили слабости тѣлесныя, воздержаніемъ укротили страсти, богомыслиемъ прогнали земныя мудрованія и дали духу торжествовать надъ плотію,—почему праведно на небеси увѣчаны безсмертіемъ, а на земли всѣмъ вѣкамъ оставили свою жизнь къ подражанію.

Сія примѣры тѣмъ сильнѣе должны возбудить насъ къ подражанію своему, что мы видимъ въ томъ предшествующую намъ и отвергающую славный путь, Благочестивѣйшую нашу Самодержицу. Ея Императорское Величество, какъ есть глава управляющая всѣмъ тѣломъ Россійскаго общества, такъ есть надежнѣйшая руководительница ко всякому дѣлу благочестія. Ея просвѣщенная мысль въ стыдъ приводитъ невѣжество, предъ ея нелюдимымъ благочестіемъ презрѣнно суевѣрство, предъ ногами ея благоразумной кротости лежитъ поверженною жестокость и свирѣпость, ея неутомимость въ трудахъ побуждаетъ общія слабости, ея щедрота отъемлетъ несчастливый жребій, ея бесѣда растворена солию благодати, ея матерній взоръ проливаетъ радость, ея средобольное сердце подаетъ отраду бѣднымъ, ея благодѣтельная рука есть покровъ безопасный для всѣхъ.

Благочестивѣйшая Государыня! несозданный свѣтъ озаряетъ мысль Твою, и ковчегъ души Твоей наполненъ благоуханіемъ Святаго Духа. Почему и праведный Богъ, въ награжденіе за Твои добродѣтели, благословляетъ всѣ Твои намѣренія, всѣмъ предпріятіямъ споспѣшествуетъ, всѣ дѣла славою вѣнчаетъ. Онъ показалъ благій промыслъ Свой въ предшедшихъ Твоихъ дѣлахъ, показываетъ въ настоящихъ, но не оставилъ промыслить и о будущихъ, даровавъ Тебѣ любезнѣйшаго, любезными дарованіями украшеннаго, сына. Се, предъ очами Твоими цвѣтетъ онъ, напаяемый изъ источника Твоей мудрости, яко кринъ, струями воды живоной.

А Ты, сладчайшая надежда, Благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій нашъ имянинникъ! мужайся въ подвиговъ мудрости и добродѣтели и достигай до онаго блаженства, которое Евангеліемъ присвоется чловѣку, просвѣщаемому явленіемъ Отца небеснаго. Да и, дѣйствительно, Твоя особа участна есть сего блаженства: ибо Ты, Благовѣрный Государь, обогащаешь умъ свой знаніемъ разныхъ наукъ, при руководствѣ которыхъ усматриваешь Божественную красоту истины; а сія красота плѣняетъ Твое сердце любовію добродѣтели. Сему по-

спѣшествуетъ чистота Твоего духа, любезная ко всеѣмъ склонность, неллицемѣрное къ Богу усердіе, которѣмъ зажжена Твоя непорочная душа. А къ большому дѣйствию, сія цвѣтоносная вѣтви Твоихъ дарованій Ея Императорское Величество, дражайшая Твоя Родительница, согрѣваетъ матернею своею любовію къ Тебѣ и неуспыннымъ попеченіемъ о Твоемъ воспитаніи. Все сіе обрашая въ свою пользу, при руководствѣ всеисильной Десницы, поспѣшай, пресвѣтлѣйшій Наслѣдникъ, симъ славнымъ путемъ исполняй радость Августѣйшей Матери и усердныя желанія всеѣхъ насъ, — чѣмъ, вѣруемъ, Всеблагій Господь и благословить Россію. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„Возмогайте во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“.

(Ефес., гл. 6, ст. 10).

Возсіялъ намъ наки оный благословенный день, въ которѣмъ Богъ, благодѣтельствуя Россіи, даровалъ намъ дражайшій залогъ благости Своей. Благополучное преуспѣваніе въ возрастѣ лѣтъ и дарованій, высокаго Наслѣдника Августѣйшей нашей Самодержицы, есть толикое Божіе къ Россіи благодѣяніе, что мы непрестанныя хвалы и благодаренія должны воздавать пекущемуся о насъ Промыслу. Ибо, при вождельномъ и мирномъ царствованіи Великой Монархини нашей, когда и высокій ея Наслѣдникъ, шествуя по матернимъ слѣдамъ, непрестанно стремится къ своимъ совершенствамъ, — общее благополучіе больше пріемлетъ сіянія, больше радости, поелику оно утверждается несумнительною надеждою продолженія. И какъ сказалъ Давидъ, что Богъ, видя Свои дѣла въ порядочномъ теченіи, чувствуетъ изъ того нѣкоторое въ Себѣ удовольствіе: „Возвеселится, — говоритъ онъ, — Господь о дѣлѣхъ Своихъ“ (Псал., 103, 31); такъ, поистинѣ, и нынѣ, зря съ горнихъ мѣстъ Своихъ на любезное Августѣйшей Матери чадо, Онъ, яко движимъ радостію, устами Апостола Своего глаголетъ къ нему: „Возмогай во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“!

Сей Божественный гласъ возьмемъ мы, слушатели, въ основаніе нашей бесѣды и, прилагая его особливо къ виновнику нынѣшняго торжества, изслѣдуемъ, *въ чемъ состоитъ истинное мужество?* Къ со-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ придворной церкви, въ Саввѣ-Петербургѣ, 1766 года, сентября 20 дня.

дѣйствию же слова нашего призовемъ Божественную благодать: воззри на насъ, всевидящее Око, и гласъ истины Твоя да оглашаетъ наши уши и да движетъ наше сердце!

Мужество есть превосходнѣйшая пзъ добродѣтелей, поелику она есть основаніе другихъ добродѣтелей: ибо нельзя приступить къ какому-нибудь похвальному предпріятію, ежели прежде утвердить не будетъ духъ мужествомъ. Но надобно знать, въ чемъ состоитъ истинное мужество, дабы намъ порока не почести за добродѣтель. Мужествомъ, можетъ быть, кто назоветъ тѣлесную крѣпость, каковою, на примѣръ, въ древности прославились Милонъ, Геркулесъ и Сампеонъ, которые со львами боролись и однимъ ударомъ звѣрей убивали,—или каковыя были оныя, древностию же славимыя, исполины, кои однимъ чудовищнымъ видомъ тѣла своего въ страхъ приводили слабыхъ смертныхъ. Но мы весьма далеки отъ того, чтобы добродѣтель мужества поставить въ таковой крѣпости тѣла: ибо слѣдовало бы всѣмъ малосильнымъ быть всегда лишеннымъ сей добродѣтели. Притомъ, еслибы таковой крѣпости присвоить имя мужества, то многіе звѣри всегда превосходили бы насъ сею добродѣтелію. Прейдемъ мы такое погрѣшительное мнѣніе.

У иныхъ заслуживаетъ имя мужественнаго тотъ, который смѣло свергаетъ себя во всякія опасности: бросается, на примѣръ, на непріятеля въ то время, когда лучше было бы уступить и чрезъ уступленіе стать побѣдителемъ,—идетъ отважно въ ту страну, гдѣ, на примѣръ свирѣпствуетъ моровая язва,—принимается за дѣло выше своихъ силъ и чрезъ то повреждаетъ здравіе свое. Итъ въ семъ мужества, но—одна безразсудность; слѣпымъ жаромъ движимое стремленіе; машина сильно бросающая, но не знающая своей мѣты. Таковая дерзновенная безразсудность часто бываетъ подвигаема видомъ ложной ревности, и трудно сказать, причиною какихъ вредныхъ слѣдствій бываетъ она тогда. Вамъ извѣстны тѣ люди, которые, надѣясь, не знаю, вѣнецъ какой святости получить, бросаются въ огонь и сжигаются, конхъ бѣдность оплакиваетъ Церковь и отечество наше.

Но паче всего обижаютъ истинную добродѣтель мужества тѣ, кои приписываютъ оную героямъ міра сего, то есть, тѣмъ, которые, по движенію только суетнаго славолюбія, раззорили цвѣтушіе грады, опустошили плодоносіемъ кипящія земли, обезчлдили родителей, вездѣ по себѣ оставили страхъ и ужасъ. Боже мой! что мнѣ прежде дѣлать? человѣческую ли слѣпоту оплакивать, или самую добродѣтель, которая въ мнѣніи человѣческомъ столь низка и повержена? Покрывать все поле трупами: это—мужество; въ пенель обратить грады: это—геройство; воздухъ наполнить стenanіемъ: это дастъ имя великаго. Таковыя суть и

мужественны и велики и герои. Такъ что же—тѣ, за слѣдами которыхъ шествуетъ миръ и спокойствіе? которые суть древо, дающее сладкую тѣнь? которые во всѣхъ смертныхъ почитаютъ человѣчество? которымъ жизнь неповинныхъ есть дарованіе небесное и неприкосновенное? Такъ сіи не мужественны? такъ сіи не велики? такъ сіи не—герои? Клянусь вѣчною истиною, что сіи суть справедливые подражатели человѣколюбиваго Божества,—что сіи-то суть самое большее благодѣяніе, какое родъ человѣческой получить можетъ отъ щедроты небесъ.

Не говорю я здѣсь о тѣхъ, которые принимаются за мечъ противъ человѣколюбивой склонности сердца своего, которые обливаютъ его прежде слезами своими, нежели другихъ кровію, которые находятъ себя принужденными, печальною крайностію, пролить кровь другихъ, не съ тѣмъ, чтобы шумомъ своего имени чрезъ всѣ вѣка гремятъ, но чтобы отвратить тотъ ударъ, которымъ раззоряется благополучіе другихъ. Таковое мужество есть нестыдное, таковая крайность оправдывается истиною, и сіе мужество тѣмъ больше возноситъ своего героя, что онъ тогда вмѣщаетъ въ свое лице опасность всѣхъ, чтобы отвратить оную отъ всѣхъ, и чрезъ то обязываетъ всѣхъ быть одолженными себѣ жизнью.

Но уже перестанемъ, слушатели, изобличать человѣческія слабости, представимъ слово наше въ прямомъ видѣ,—посмотримъ, въ чемъ же состоитъ истинное мужество?

Гдѣ есть мужество, тамъ слѣдуетъ быть и противностямъ, которыя надобно побѣждать. Противности, всегда предлежащія человѣку, суть двоякія: одні внутреннія, другія внѣшнія. Внутреннія суть страсти и пороки, а внѣшнія двоякаго рода: въ первомъ родѣ—труды, соединенныя съ каждою должностію, а во второмъ родѣ—всякія несчастія. И потому истинное мужество, во-первыхъ, есть, когда кто побѣждаетъ страсти; а подъ именемъ страстей мы разумѣемъ склонности, стремящіяся противъ здраваго разума. Печальнымъ искусомъ всякій изъ насъ на себѣ дозналъ, сколь страшенъ видъ сей домашней войны. Но напрасно я сказалъ, что видъ войны сей страшенъ: нѣтъ, видъ ея прелестенъ и тѣмъ больше опасенъ. О, поистинѣ, великій герой есть, кто торжествуетъ надъ сими непріятелями и содержитъ свои стремленія въ рукахъ своей воли. Кто гнѣвомъ не воспаляется, кто гордость попираетъ, кто сребролюбію смѣется, кто роскошью гнушается, кто бѣдностію не сокрушается, кто не плѣняется завистию, не расслабляется лѣнностію и чувственными сладострастіями не увлечается,—кто таковъ есть, да придетъ къ намъ, и мы увѣнчаемъ любезную его главу лаврами безсмертія. Многіе взяли неприступные грады, но плѣнились отъ страстей своихъ; многіе укротили свирѣпыя народы, но остались не-

вольниками непристойныхъ склонностей; и потому сія побѣда далеко есть блистательнѣе другихъ, сей подвигъ есть Евангельскій, сіе торжество достойно зрѣнія ангеловъ.

Во-вторыхъ, имени мужественнаго достоинъ и тотъ, который не ослабѣваетъ въ дѣлахъ своей должности. Вѣдаете вы, что надобно побѣдить многія затрудненія, пролить много поту, не одну ночь проводить безъ сна тому, кто понадлежащему должность свою исполнить хочетъ. Не говорю о многихъ скукахъ, неудовольствіяхъ, досадахъ, которыя при всякомъ случаѣ встрѣчаются съ нами. Сія затрудненія намъ кажутся тѣмъ больше скучными, что противное тому прелестно: ибо весьма пріятно для нашихъ чувствъ, чтобы погулять и препровождать часы въ однихъ веселыхъ разговорахъ, на мягкой постели нѣжить свои члены и другими суетами забавлять себя. Вотъ—противности! вотъ—мѣсто похваляемой нами добродѣтели! вотъ—пространное поле геройствовать мужественному духу!

Побѣдить себя противъ оныхъ чувственныхъ прелестей, отрясти отъ своихъ очей дреманіе, безъ скуки снести хлопоты домашнія, терпѣливо выслушать жалобы оскорбляемой неповинности, великодушно разобрать самыя мелкія обстоятельства всякаго дѣла, безъ отягощенія въ непогоду, въ ненастье идти въ приказъ, въ полкъ, въ церковь, предварить восходящее солнце и въ жертву оному принести бодрость нашего духа,—побѣдить всѣ сіи, для нѣжности нашихъ чувствъ непріятныя, затрудненія благополучно, есть побѣда великая; преодолѣть сіе есть великое торжество. Таковая добродѣтель есть истинное мужество, таковой торжественникъ есть истинный христіанскій герой,—и онъ тѣмъ славнѣе, что возвращается съ своей побѣды неокровавленный, но имѣя спокойное и цвѣтущее лицо; а это есть знакъ внутренняго удовольствія, какое чувствуетъ въ себѣ человѣкъ, когда должность свою исполнить.

Въ третьихъ, истинное мужество — побѣдить несчастія. Вѣдаете вы, что и на самыхъ добродѣтельныхъ людей часто падаетъ несчастливый жребій, ежели только можно назвать несчастіемъ, чтобы страдать за справедливость. Клевета часто повреждаетъ ихъ честное имя: зависть не рѣдко лишаетъ ихъ, справедливо нажитаго, имѣнія и заставляетъ омочать слезами свой скудный хлѣбъ, а злость иногда съ мученіемъ отъемлетъ и самую ихъ жизнь. Сія святая души со всѣмъ своимъ терпѣніемъ, изъ-подъ самаго покрывающаго ихъ алтаря милосердія Божія, вопіють: „Доколѣ, доколѣ, Господи, не мстиши“ (Апок., 6, 10)?

Но на сей радостный день закроемъ мы сіе плачевное зрѣлище, а вмѣсто того возопіемъ: кто хочетъ быть истинный герой, по-

бѣди таковыя несчастія, спеси великодушно противные случаи, укрѣпи твое сердце, чтобы не разслабло отъ ударовъ злости, непусти ей хвалиться тѣмъ, что она, падая на твою слабую плоть, могла побѣдить и духъ твой. Кто есть сей побѣдитель, да придетъ къ намъ, и мы бросимся въ его объятія, чтобы быть онъ намъ предводителемъ въ подобныхъ случаяхъ; да придетъ къ намъ, и мы увѣнчаемъ его и превознесемъ его похвалами неслестными.

Итакъ, видите вы, возлюбленные слушатели, кто есть и каковъ долженъ быть воинъ христіанскій? Но я, признавая недостатокъ моего слова, хочу, чтобы вы на такого героя посмотрѣли въ томъ видѣ, въ какомъ его представляетъ мужъ великаго въ Церкви имени, апостоль Павелъ.

Апостоль облачаетъ его во вся оружія Божія: препоясываетъ истинною, вмѣсто воинской брони укрѣпляетъ грудь его правдою, а ноги—миромъ, даетъ въ руки щитъ вѣры, возлагаетъ на главу шлемъ спасенія, вооружаетъ мечемъ духовнымъ, иже есть глаголь Божій (Ефес., 6, 14—18). Можно ли видѣть героя въ лучшемъ вооруженіи? возможно ли, чтобы, сими оружіями укрѣпленный, христіанскій подвижникъ могъ преборимъ быть или страстями, или затрудненіями, или несчастіями?

Имѣя, слушатели, слово объ истинномъ мужествѣ, мы не можемъ не обратить внимательныхъ своихъ очей на героиню нашу, Августѣйшую всей Россіи Самодержицу, мужественный духъ которой есть утверженіе и украшеніе всѣмъ ея добродѣтелямъ. Мы сказали, что, между прочимъ, надлежитъ до истиннаго мужества, дабы быть великодушному въ сношеніи грудовъ своей должности. Но кто нашаче отягощенъ трудами, какъ Всероссійская Императрица, которая на священныхъ своихъ раменахъ носитъ бремя пространнѣйшей въ свѣтъ имперіи? Подкрѣпляемая Вседержителевою рукою, она столь мужественно шествуетъ симъ геройскимъ путемъ, что, входя въ нужды всякаго и разбирая безчисленныя дѣла, есть приснотекущій источникъ удовольствія общаго. Но сіе еще паче возноситъ мужество ея, что Ея Величество, имѣя кроткій и миролюбивый духъ, владѣніе свое сохраняетъ въ мирѣ, умѣряетъ наказаніе согрѣшившихъ, а чрезъ то, удовлетворяя общей безопасности, и самимъ согрѣшившимъ даетъ время и случай къ исправленію.

Всепресвѣтлѣйшая монархиня! Плодъ сего Твоего миролюбиваго духа и кроткаго царствованія есть тотъ, что наши дни въ радости протекаютъ, что земледѣлецъ спокойно влечетъ свой плугъ, что корабль безпрепятственно идетъ къ своему пристанищу, что жнецъ остритъ свой серпъ на благословенную жатву, что художникъ въ сладкой тишинѣ

упражняешь свои руки въ работѣ, что оружіе отдыхаетъ, а чрезъ то, великая героиня, Ты безъ сраженія ставишь трофеи и торжествуешь не надъ связанными неприятелями, но надъ усердными сердцами. И потому, Августѣйшая Государыня, Твои побѣды суть ежедневныя, Твои торжества суть оныя гласы веселящихся, которыми призываютъ благословенія Божія на Твою главу. Самъ Богъ симъ зрѣлищемъ увеселяется и вопіетъ къ Тебѣ съ высоты святыя Своея: „Возмогай во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“ (Ефес., 6, 10). Да поетъ же предъ Нимъ и Твой духъ въ веселіи духовномъ: „Готово сердце мое, Боже, готово“ (Псал., 56, 8). „Имени Твоему пою, величайя спасенія царева“ (Псал., 17, 50).

Но и Ты, виновникъ нашего торжества, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ! Не особенное ли еси доказательство мужества Августѣйшей Твоей матери? Ибо, чѣмъ болѣе возрастаютъ въ Тебѣ дарованія, тѣмъ болѣе открываются не только Твои совершенства, но и прославляется благородство и попеченіе родившей Тебя. Въ нынѣшній благословенный день, благодѣтельствующій Тебѣ Богъ открылъ пространное поле къ новымъ мужества подвигамъ, и Тебѣ предуготовлена новая колесница славы.

Двѣнадцать лѣтъ теперь миновало Тебѣ. О, вѣсть радостная! О, вѣсть превосхвалѣнная! Окончилъ Ты, благовѣрный Государь, благополучно теченіе младенческихъ лѣтъ и, согрѣваемый лучами милосерднаго Провидѣнія, созрѣваешь на подобіе плодовъ сладчайшихъ. Мы радуемся о семъ; но еще превосходнѣе оная наша радость, которая рождается отъ того, что вкупѣ возрастаютъ Твои дарованія,—что, восходя на высоту лѣтъ, простираешь око ума Твоего далѣе, что, расширяясь, Твое сердце становится вмѣстительнѣе для добродѣтели. Можемъ ли мы усумниться, чтобы впредь не больше умножилось сіяніе Твое, когда еще въ молодыхъ лѣтахъ видимъ столь славныя опыты мужества Твоего? Дѣйствіе Твоего просвѣщенія, Государь, ясно видимо въ непорочныхъ нравахъ Твоихъ, въ Твоемъ чистосердечіи, въ Твсихъ благодѣтельныхъ склонностяхъ. Мы, созерцая все сіе, самихъ себя привѣтствуемъ; а Богъ, Его же рука осѣняетъ Твою главу, вопіетъ къ Тебѣ чрезъ соименитаго Тебѣ Павла: „Возмогай во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“. Возмогай въ благочестіи, возмогай въ приумноженіи богатства добродѣтели, къ несказанной радости дражайшей Родительницы Твоей и къ благополучію всѣхъ насъ.

Боже, всемогущій силою и крѣпкой державою! Августѣйшую Монархиню нашу съ любезнѣйшимъ Сыномъ Ея покрывай всегда безсмертною Твоею десницею, и нашу радость о Нихъ сравнивай съ оною радостію, каковую имѣютъ о Тебѣ ангелы Твои на небеса. Аминь.

Слово, говоренное при первомъ случаѣ прихода своего въ лавру, февраля 4 дня, 1767 года.

Взошедъ въ сію богохранимую обитель и въ сей священный храмъ, во-первыхъ, за долгъ свой почитаю принесть благодареніе Господу Богу, что, по благому Его Промыслу, сподобился узрѣть вѣренное мнѣ духовное стадо, со всякимъ благочиніемъ предстоящее. Принося же благодареніе, молю духомъ моимъ милосердіе Его, да подастъ мнѣ силу сказать слово утѣшенія братіи моей, дабы, при семъ благословенномъ случаѣ, не остались мы безъ желаемой пользы духовной.

Что же повелѣваешь Ты, Божія Премудрость? что повелѣваешь Твоему рабу? Слышу я, слышу Твой всеильный гласъ, который, во-первыхъ, касается души моей. Напоминаешь Ты мнѣ святость званія моего и тяжесть возложеннаго бремени: напоминаешь, чтобы вѣрностью дѣлать въ вертоградѣ Христовомъ,—чтобы вѣренное спасеніе другихъ почитать за собственное свое,—чтобы держать въ рукахъ возженную свѣчу Евангелія и свѣтомъ симъ руководствовать къ оному неприступному свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ,—чтобы умѣть править симъ священнымъ жезломъ и употреблять оный благимъ въ руководство, а ненаказаннымъ въ исправленіе. Напоминаешь прилагать попеченіе, дабы, посвятившіе себя Богу, иноки были избранное Божіе стадо,—чтобы обѣщанія наши были засвидѣтельствованы самымъ дѣломъ,—чтобы обитель была мѣстомъ святости,—чтобы монастырь былъ школою благочестія, а жизнь монашествующихъ—примѣромъ добродѣтели.

Слыши, душе моя, и внимай! соотвѣтствуй Божественному гласу и помни, что надобно дать отвѣтъ о приставленіи домовнѣмъ.

Той же гласъ Божественный касается и васъ, мои возлюбленные о Христѣ братія! Онъ воспоминаетъ и вамъ званіе ваше, долгъ, даннаго вами Богу, обѣщанія и святость благочестиваго вашего жительства. Да отверзется слухъ сердца вашего, и сей гласъ примите усердіемъ души вашей. Но, чтобы напоминаніе сіе было въ насъ дѣйствительно не на сей только часъ, а и на всю нашу жизнь, хочу я кратко вамъ изъяснить, *какое въ древнія времена было, и какое нынѣ должно быть начало или побужденіе къ монашескому житію.*

Начало или побужденіе къ монашескому житію въ древности было, „чтобы удалиться отъ міра“. Но сіе слово требуетъ взъясненія: ибо, гдѣ бы кто ни былъ, въ пустынѣ ли, въ лѣсахъ ли, или въ горахъ,—вездѣ онъ окруженъ міромъ; да и самъ онъ, хотя малая, однако, есть нѣкоторая часть міра. Такъ какъ же можно удалиться отъ міра? да и должно ли? ибо міръ заключаетъ въ себѣ прекрасныя дѣла мудраго

Создателя, на которыхъ если мы взираемъ и о нихъ разсуждаемъ со вниманіемъ, руководствуютъ они насъ къ своему Творцу и возбуждаютъ въ насъ благочестивое почитаніе къ верховному ихъ Правителю. Такъ должно ли отъ такового удаляться міра, хотя бы и можно было?

Но, чтобы сіе сумніе было отнято, мы подъ именемъ міра не разумѣемъ сіи созданія Божескихъ рукъ, а разумѣемъ все то, что худое грѣхомъ введено въ міръ, а именно: излишнія мірскія суеты, безчестные примѣры другихъ, вредныя съ худыми людьми обхожденія, всякіе соблазны и препятствія къ добродѣтельному и благочестивому житію. И потому удалиться отъ міра значитъ удалиться отъ всего сего и избрать себѣ мѣсто и состояніе въ которомъ безпрепятственно можно было бы упражняться въ святыхъ богомшеліяхъ, духомъ и устами восхвалять своего Господа, въ сладкой тишинѣ сидѣть при какомъ-либо рукодѣліи и, отогнавъ отъ себя праздность, благословенными своими трудами пользоваться не только себя, но вспомошествовать и недостаткамъ другихъ. Такое въ древности было начало и побужденіе къ монашескому житію,—начало святое, побужденіе спасительное, намѣреніе Духу Святому пріятное!

А что, подлинно, такое было побужденіе у древнихъ оныхъ святыхъ монаховъ къ уединенному житію, — послушаемъ свидѣтельства о томъ святыхъ отцевъ. Святый Кассіанъ и Палладій, которые прилежно описали порядокъ и житіе древнихъ египетскихъ монаховъ, о трудолюбіи ихъ пишутъ такъ: „Иной, де, работаетъ, дѣлая землю, иной — виноградъ, иной мѣдъ куеть, иной печеть хлѣбы, иной плетничаетъ, иной красить, иной выдѣлываетъ кожи, иной плететь кошницы большія и малыя, а, притомъ, все Святое Писаніе умѣють наизусть“ (Касс. Настав. кн. 3, гл. 2; Паллад. истор. Лавс., гл. 39). Сіе трудолюбіе не только не препятствовало, но паче помогало, чтобы и уста ихъ всегда наполнены были хвалами Господними,—о чемъ такъ пишетъ блаженный Иеронимъ, великій въ добродѣтели подвижникъ. „По собраніи, де, общемъ монаховъ начинаютъ гремѣть псалмы, гремѣть Писаніе. По совершеніи же молитвы, садятся всѣ, и тотъ, котораго они называютъ отцемъ, въ срединѣ ихъ начинаетъ поученіе; и при сей бесѣдѣ толикое бываетъ молчаніе, что не смѣють харкнуть или осмѣять одинъ на другаго. Сколь похвально онъ говоритъ, сіе доказываетъ плачь слушателей: катятся тихо по устамъ слезы, и болѣзнь свою во внутренности скрываютъ. Когда же, де, начнетъ онъ говорить о царствѣ Христовомъ и о будущемъ блаженствѣ и о славѣ грядущей, въ то время увидѣлъ бы ты, что всѣ они кротко воздыхаютъ и, вознося къ небу очи, въ себѣ говорятъ: кто дастъ мнѣ крилѣ, яко глубинѣ и полещу и вочію“ (Иерон. въ посл. къ Евсток.)!.. Вотъ какое было

житіе и состояніе древнихъ оныхъ блаженныхъ иноковъ, коихъ послѣдователями мы называемся.

А отсюда мы видимъ, что, если кто желаетъ монашество воспріять, онъ долженъ къ святому сему званію себя опредѣлить не затѣмъ, чтобы больше найти себѣ покоя и прохлады,—не затѣмъ, чтобы отдать себя праздности и златое время потерять во снѣ, въ лежаніи, въ суетныхъ разговорахъ и въ другихъ излишествахъ,—не затѣмъ, чтобы себя питать и потомъ трудолюбивцевъ утучнять себя,—не затѣмъ; но чтобы имѣть преподобныя свои руки, занятая какимъ-либо трудомъ, уши отверзаты на слушаніе полезнаго ученія, уста посвятить на хвалу Господню, языкъ — на исправленіе слабостей ближняго, мысль—на познаніе истины, душу—на добродѣтель, всего себя—на жертву Богу.

Да и подлинно, ежели бѣдный земледѣлецъ печется жаромъ солнечнымъ и кровавыми трудами собираетъ себѣ скудную пищу, ежели купецъ странствуетъ въ дальнія земли и преплываетъ пучины, ища пропитанія дому своему, ежели художникъ въ глубокую ночь не погашаетъ своей свѣчи и, прегибаясь, утомляетъ руки свои работою, то отрешившійся ли міра инокъ будетъ сидѣть въ покоѣ? Мы ли будемъ меньше ихъ трудиться? намъ ли пристойно опорочить себя праздностью? намъ, коихъ міръ справедливо желаешь видѣть святѣе другихъ? Нельзя сказать того, что „свѣтскіе имѣютъ домъ, и потому, де, нужда трудиться имъ“. А намъ что же дѣлать? — „Молиться Богу“, — скажемъ мы. Изрядное и благочестивое дѣло! И подлинно, никто столько не долженъ молитвою душу свою освящать, сколько посвятившій себя Богу инокъ. Но хотѣлъ бы я знать, сколько ты, святой отецъ, содержишь себя въ молитвенныхъ упражненіяхъ? Ежели весь день и въ большую часть ночи у тебя въ устахъ гремитъ Божіе слово, а въ сердцѣ горитъ истинное умиленіе, то я долженъ отдать честь твоей добродѣтели и тебя взять въ примѣръ къ своему спасенію. Но понеже сила нашей души не можетъ быть столь тверда и напряжена, чтобы мы непрестанно пребывали въ молитвѣ, то въ какомъ же святомъ упражненіи проходитъ прочее время наше? Ежели мы бываемъ въ церкви въ сутки часа четыре или пять, такъ куда же пропадаютъ прочіе благословенные часы? Я больше молчу, а отдаю сіе слѣдствіе всякому на судъ своей совѣсти, и только съ сожалѣніемъ говорю, что праздная жизньъ нѣкоторыхъ монашествующихъ (сохрани, Боже, чтобы я заключалъ тутъ всѣхъ: нѣкоторыхъ, говорю, монашествующихъ!) бываетъ причиною многихъ пороковъ, а именно, унынія или расслабленія душевнаго. Но кто впадаетъ въ уныніе, тотъ начинаетъ скучать, что онъ избралъ для себя такое состояніе, которое уже ему представляется несноснымъ: отъ таковой скуки рождаются задумчивость, а задумчивость подаютъ поводъ къ дурнымъ соласіямъ,

предпріятіямъ и роптаніямъ. Такія мысли безпокойны, сіе внутреннее мученіе несносно: что же дѣлать?—надобно стараться погашать ихъ виномъ. Отъ сего рождается къ пьянству привычка, которая когда къмъ овладѣтъ, то въ немъ истребляетъ и послѣднее чувство добродѣтели, отъ чего, нанослѣдокъ, выходитъ ужасная и многихъ слезъ достойная погибель души.

Да все ли тутъ? Подлинно, страшно и сіе; но, кромѣ того, таковыя пороки иѣкорыхъ иноковъ привлекають безчестіе и изощряють языки другихъ на все монашеское состояніе. Міръ видитъ все, и иѣкоторые міряне сожальють, что не находятъ они святости и въ тѣхъ, коихъ и общаніе, и общежительство, и самая одежда увѣщаваеъ и побуждаеъ къ святости; а другіе, слѣдуя, можетъ, своей страсти, не только осуждають, но и при всякомъ случаѣ стараются осмѣять. Таковы печальныя слѣдствія прайдной жизни!

Нельзя намъ того сказать, что монашеское житіе такъ препроводить, какъ надлежитъ, есть не невозможно,—нельзя намъ того сказать: понеже добровольно мы къ тому себя обязали, а къ невозможному никто себя обязывать не долженъ. Къ большому нашему въ семь увѣренію и подражанію представилъ бы я древнихъ святыхъ иноковъ, коихъ добродѣтель доселѣ прославляется, представилъ бы я Павловъ Оивейскихъ, великихъ Антоніевъ, Иларіоновъ, Макаріевъ, Марковъ Оряческихъ, Арсеніевъ, Герасимовъ, Саввъ, Евфиміевъ, Аванасіевъ Аеонскихъ и прочихъ многочисленныхъ,—представилъ бы я ихъ; но, вотъ, предъ очами нашими предлежитъ основатель сей обители, преподобный и богоносный Сергій, свѣтило Россійское, монашествующимъ всѣмъ святѣйшій примѣръ. Положивъ въ душѣ своей твердое основаніе посвятить себя всего на службу Богу, онъ столь возвысилъ свою добродѣтель, что сіяніе ея и доселѣ служитъ руководствомъ къ нашему просвѣщенію. Славныя слѣды и драгоцѣнные остатки трудолюбія его и нестяжанія мы находимъ въ самой сей обители. Кротость блаженной души его видна была при всякомъ случаѣ, а наипаче, когда онъ на степень Всероссійской митрополіи возводимъ былъ. Роптаніе ложныхъ братій онъ сносилъ столь терпѣливо, что его великодушіе приводило ихъ въ стыдъ, слѣдовательно, въ исправленіе: внутреннія же богомыслия его,—умъ, углубившійся въ чистомъ воображеніи Божества, и жаръ молитвенныхъ приношеній кто исповѣсть?..

Сей блаженный отецъ, который прежде богодухновеннымъ языкомъ, а нынѣ посредствомъ своихъ священныхъ мощей, такъ говоритъ къ намъ: „Духовною восхищаюсь я радостію, что вижу неувядающій вертоградъ, руками моими насажденный и напоенный моимъ потомъ. Процвѣтайте въ дому Господни, собранныя Богомъ чада мои; приносите

плоды достойны покаяніи. Моя жизнь да будетъ вамъ примѣромъ святости: мои, трудомъ изможденныя, руки да прогоняють отъ васъ праздность; моя, отъ носта увядшая, плоть да научить васъ воздержанію; мои, мудрымъ молчаніемъ запечатлѣнныя, уста да наставяють васъ благоразумію; тѣло мое, отъ Бога нетлѣніемъ благословенное, кое вы всегда предъ очами своими имѣете, да будетъ вамъ увѣреніемъ, что добродѣтель ваша предъ щедротами Божиими забвена быть не можетъ. Впрочемъ, да будетъ надъ вами Божіе благословеніе и мои содѣйствующія тому молитвы“!

Сіе увѣщаніе отца нашего да напечатаемъ мы, братіе, на скрижали сердца своего и, оное исполняя, да утвердимъ себя упованіемъ, яко Господь Богъ нашъ всему есть издвоздатель праведный. А чтобы намъ въ семъ прекрасномъ теченіи подвизаться благопоспѣшно, вкупѣ всѣ призовемъ Божественную помощь, Боже милосердія, собравый насъ во едино! соедини крѣпчайшимъ союзомъ любви Твоея, и въ подвигѣ нашемъ да способствуетъ благодать Твоя, и молитвы угодника Твоего. Рцы и намъ, Человѣколюбче, якоже нѣкогда апостоламъ Твоимъ реклъ еси: *Не бойся малое стадо: яко Отецъ небесный блаизволи дати вамъ царство* (Лук., 12, 32). Аминь.

Слово въ недѣлю Сыропустную *).

Духъ Святой, въ чтенномъ нынѣ Евангеліи, изобильное предлагаетъ намъ угощеніе. Слышали вы, что нынѣшнее Евангеліе поминало намъ о трехъ добродѣтеляхъ, въ которыхъ заключается званіе, какъ всякаго христіанина, такъ наипаче монашеское, а именно, „о непамятозлобїи, и воздержаніи, и о нестяжаніи“. О непамятозлобїи содержится въ сихъ словахъ: „Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпустите и вамъ Отецъ вашъ небесный“ (Мате., 6, 14). О воздержаніи же сказано такъ: „Егда поститесь, не будьте, яко же лицемѣри“ (Мате., 6, 16). А о нестяжаніи такъ изъяснено: „Не скривайте себѣ сокровищъ на земли“ (Мате., 6, 19) и проч. И понеже Спаситель нашъ мало повыше говорилъ о молитвѣ, какой ей должно быть, а послѣ того тотчасъ присовокупилъ и о помянутыхъ нами трехъ добродѣтеляхъ, то изъ сего мы несумнительно можемъ заключить, что, кто хочетъ Богу молиться, потребно, дабы молитва его препровождаема была оными тремя добродѣтелями, то есть, непамятозлобїемъ, или любовію, воздержаніемъ и нестяжаніемъ. И какъ молитвѣ или истинному богочитанію крайне

*) Сказано февраля 18 дня 1767 года въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ.

противно есть лицемѣріе, для того Евангеліе предостерегаетъ, чтобы оныя добродѣтели не были опорочены лицемѣріемъ,—и для того говорить: „Не будите, яко же лицемѣри“. Ибо, если кто другому прощаетъ обиду только словами, а въ сердцѣ на него злобится, тотъ—не другъ, но лицемѣръ; если кто воздержится отъ нѣкоторыхъ яствъ, а страстямъ даетъ волю, тотъ есть не постникъ, а суевѣрный лицемѣръ; если кто о бѣдныхъ словами сожалѣетъ, а душу имѣетъ плѣбниную богатствомъ и скупостію, тотъ—не снабдитель милостивый, но жестокой лицемѣръ. Итакъ, ежели къ помянутымъ добродѣтелямъ будетъ примѣшанъ ядъ лицемѣрія, онѣ повреждаются и пропадаютъ; слѣдовательно, и воздаваемое нами Богу служеніе будетъ недѣйствительно и бесплодно. Когда же лицемѣріе столь есть душевредно, потщимся мечемъ слова Божія истребить оное.

Что же есть лицемѣръ? — По слову Христову,—лицемѣръ есть гробъ повапленный, или покрашенный, который снаружи имѣетъ видъ не худой, а внутри полонъ костей мертвыхъ и всякой нечистоты; лицемѣръ есть, который оцѣждаетъ комары, а верблюды пожираетъ, то есть, малые грѣхи уважаетъ, а великіе ставитъ за ничто; лицемѣръ есть, который почитаетъ собственный прибытокъ выше закона и совѣсти. Лицемѣръ есть, который иное содержитъ въ сердцѣ, иное на языкѣ,—который имѣетъ наружность святую, а внутренность беззаконную; лицемѣръ есть, котораго единъ составъ раздранъ на-двое,—который самъ съ собою не согласенъ; лицемѣръ есть въ человѣчествѣ уродъ, который имѣетъ видъ человѣческой, а мысли бѣсовскія.

Чтобы лучше разсмотрѣть намъ сіе безобразное чудовище, посмотримъ на него съ трехъ сторонъ,—къ чему руководствуетъ насъ самое Евангеліе, а именно, со стороны его непамятозлобія, со стороны его постничества и со стороны нестяжанія его.

Лицемѣръ, въ непамятозлобіи, охотно прощаетъ намъ словами свою обиду, но между тѣмъ ищетъ случая къ отмщенію: обходится съ нами ласково, но въ сердцѣ скрываетъ ядъ злобы; увѣряетъ въ глазахъ, что онъ намъ—другъ искренній и слуга вседоброжелательный, а заочно плететъ сѣти къ уловленію нашему; всѣ наши слова предъ нами чрезмѣрно выхваляетъ и превозноситъ до небесъ самые пороки наши, но, отступивъ на одинъ шагъ, уже во вредъ намъ толкуетъ наши слова и старается опорочить самыхъ добродѣтели наши. Изволь уберечься отъ сей сѣти! Простосердечная душа удобно уловляется таковою хитростію лукаваго лицемѣра и поручаетъ ему сердце свое, котораго онъ скоро бываетъ не только отступникъ, но и предатель. О, какъ горестно предану быть отъ того, которому я свое сердце повѣрилъ и съ которымъ я бесѣдовалъ не иначе, какъ съ самимъ собою!

Таковая простота наша и искренность намъ вредна, а лицемѣру полезна и прибыточна. Возшедши хитро въ насъ и укравши ключи нашего сердца, онъ, во-первыхъ, похищаетъ наше душевное богатство, то есть, обноситъ насъ худымъ именемъ, приводитъ насъ у другихъ въ ненависть и преграждаетъ дороги къ благополучію нашему; а притомъ, умастивъ насъ гладкими словами и обѣщая дать намъ золотыя горы, истощаетъ и послѣдній пожитокъ нашъ.

Надобно ли, слушатели, уже изъяснить вамъ, сколько таковой лицемѣрный нравъ есть человѣчеству досаденъ, Богу противенъ, христіанину непристоенъ? Вы знаете, что Евангеліе хочетъ, дабы христіане были простосердечны такъ, какъ голуби, — чтобы злобою были младенцы, чтобы любили и ненавистниковъ своихъ, добро творили бы и врагамъ своимъ, — чтобы за обиды свои такъ чистосердечно прощали, какъ желали бы самимъ себѣ быть прощеннымъ отъ Бога. Какъ? ты, христіанинъ, будешь думать, какъ отмстить свою обиду? а вотъ, предъ очами твоими виситъ твой распятый Спаситель, Который при послѣднемъ часѣ блаженной жизни Своей молился о распинателяхъ Своихъ, и сей кротчайшій нравъ оставилъ въ примѣръ къ подражанію твоему! Впрочемъ, если ты хочешь слѣдовать худой склонности сердца своего, то послушай, что говоритъ тебѣ нынѣшнее Евангеліе: „Аще отпускаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ небесный: аще ли не отпускаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшенія вашихъ“. Ежели ты не прощаешь брату своему, не простишь тебѣ Богъ твоихъ грѣховъ; ежели ищешь мстить, Богъ будетъ мстителемъ твоимъ; ежели тщишься другого погубить, погубитъ тебя въ гееннѣ огненной праведный Судія: „ею же мѣрю мѣриши, возмѣрится тебѣ“ (Матѣ., 7, 2). Но приступимъ ко второй части Евангелія и посмотримъ уже на лицемѣра со стороны его постничества.

„Егда поститесь, не будите, яко же лицемѣри“. Вещь сожалѣнія достойная, что лицемѣры не въ домахъ только кроются, не въ судебныхныхъ только находятся мѣстахъ, волочатся не по улицамъ только и торгамъ, но дерзаютъ входить и въ храмы священные, отворяютъ себѣ не преподобными руками двери и въ божественный алтарь. Сія мерзость запустѣнія стоитъ иногда на мѣстѣ святѣ; лицемѣры и святѣйшій законъ употребляютъ орудіемъ къ своимъ сквернымъ прибыткамъ, и то, что есть средство ко спасенію, обращаютъ себѣ въ погибель. Не можно описать ихъ лучше, какъ уже они описаны отъ предвѣчной мудрости въ Священномъ Евангеліи (Матѣ., гл. 23). Таковые лицемѣры занимаютъ, — говоритъ Спаситель, — учительскія мѣста и строго нападаютъ на малыя слабости бѣдныхъ людей, а сами питаются неправдою и пьютъ, яко воду, беззаконіе. Они обременяютъ простой народъ запо-

вѣдьями, вымышленными отъ людей, и за преступленіе оныхъ не уми-
лостивляются, развѣ подаянїями; одежду свою они расширяютъ, надѣясь
чрезъ то получить отъ простыхъ важное мнѣніе о себѣ; они любятъ
занимать вездѣ первыя мѣста и присвоять себѣ титулы гордыя. Они
долго молятся, но таковыя ихъ лицемѣрныя молитвы съѣдаютъ цѣлыя
дома бѣдныхъ вдовицъ и пожираютъ послѣднее ихъ имущество; они
одесятствуютъ мяту, и копръ, и киминъ, то есть, при всякомъ случаѣ
показываютъ о себѣ, что они—ревностные хранители и малѣйшихъ обря-
довъ закона; но между тѣмъ нѣтъ въ нихъ и слѣда правды и милости
и вѣры.

Много надобно было бы намъ времени, чтобы совершенно описать
ихъ нравы. Скажемъ еще только, какъ читано въ нынѣшнемъ Евангелии,
что таковыя лицемѣры, когда постятся, наводятъ морщины на лице
свое и не умываютъ оное,—показываютъ, что они изнемогли отъ поста
и едва могутъ ходить,—и все то дѣлаютъ, чтобы другіе почитали ихъ
за святыхъ, а чрезъ то къ имѣнію ихъ отворить двери.

О, зміи, порожденія ехиднины! какъ убѣжите отъ суда огня геенн-
скаго? О, ненавидные предатели закона и торжники вѣры! Прельщая
сердца простыхъ людей, думаете ли вы скрыться отъ Онаго, Который
испытуетъ сердца и утробы? лицемѣря предъ очами человѣческими,
думаете ли, что возможете обмануть и всевидящее оное Око? Вы без-
честите святыя алтари, вами въ поруганіе приходитъ Божественная
вѣра: вы подаете вредный соблазнъ неутвержденнымъ душамъ, которыя,
примѣтивъ въ васъ обманъ, не вѣрятъ и тому, чему вѣрять неотмѣнно
надобно: вы безчестіе наводите и на тѣхъ служителей Церкви, которые
хранятъ святое званіе свое въ чистой совѣсти.

Мы, благословенные христіане, видя, сколь погибельно есть таковое
лицемѣріе, какъ должны поступать сами? Духъ Святой всякій день
чрезъ святое слово Свое учить насъ: „милости хочу, а не жертвы“
(Матѣ., 9, 13),—что „жертва Богу духъ сокрушенъ“ (Псал., 50, 19),—
что „истинные почитатели Бога служатъ Богу духомъ и истиною“;
(Іоанн., 4, 23) „духомъ“, то есть, не устами только, не наружностію
одною и не одними обрядами; „а истиною“, то есть, исполненіемъ запо-
вѣдей, Богомъ предписанныхъ, а не отъ людей выдуманныхъ: „духомъ
и истиною“.

Таковое, вотъ, богочитаніе есть неллицемѣрное, есть Евангель-
ское, есть христіанское; таковое богослуженіе привлекаетъ намъ съ
небесъ благословеніе Божіе. При семь и постъ богоугоденъ. Но о
постѣ я долженъ напомнить вамъ особенно: ибо сей день предвозвѣ-
щаетъ намъ его пришествіе; и хотя много долженъ бы я съ вами
бесѣдовать о спасительномъ воздержаніи, но да не утомлю слухъ

вашъ, приведу вамъ одно только мѣсто изъ Псаи пророка, въ которомъ прекрасно описано, какой долженъ быть постъ нашъ (Ис., 58, 3—12). Говорятъ тамъ израильтяне: „Господи! какъ? мы постились, но Ты скрылъ Свои очи отъ нашего поста; мы себя истомили, а Ты въ насъ никакой переменъ не примѣтилъ“? Отвѣщаетъ имъ на то Божественный гласъ: „Для того, де, что вы во время поста питаете страсти свои и во дни воздержанія обижаете другихъ, ссоритесь и бѣгаете по судамъ. Что же Миѣ—въ такомъ постѣ? Нѣтъ, такой постъ Миѣ не пріятенъ. А ежели хочешь, чтобы твой постъ былъ угоденъ Миѣ, то разрѣшай всякъ союзъ неправды, разрѣшай долги насильственныхъ писаній, отпусти порабощенныхъ въ свободу и всякое писаніе неправедное раздери. раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой и нищія безпріютныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй и отъ свойственныхъ племени твоего не презри. Ежели такъ будешь поститься, разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ; и предвидеть предъ тобою правда твоя, и слава Божія обьиметъ тя; и будетъ Богъ твой съ тобою присно: и насытятся, якоже желаетъ душа твоя“!

Вотъ, благословенные христіане,—живое изображеніе истиннаго поста! вотъ, какимъ воздержаніемъ прославить себя подобаетъ христіанамъ, а наипаче монахамъ!

Теперь, любезные слушатели, должно бы мнѣ, по обѣщанію своему, разобрать и третію часть нынѣ чтеннаго Евангелія—о нестяжаніи, и посмотрѣть бы на лицемѣра еще подъ симъ видомъ; но чувствую изнеможеніе въ моихъ силахъ. И потому, препоручая сіе Духу Святому, Который не оставитъ научить тщательныя сердца, оканчиваю мое слово, обращая оное къ возлюбленной о Господѣ братіи моей. Молю васъ утробами Христовыми: потщимся препровождать свою жизнь такъ, чтобы она приносила людямъ добрый примѣръ, совѣсти нашей—удовольствіе и ангеламъ—радость. Да будемъ непамятозлобны и любвеобильны: понеже общежителство связываетъ насъ другъ съ другомъ во едино; да будемъ всегда воздержны, да будемъ нестяжательны: понеже міръ почитаетъ насъ за отречшихся міра; да растворимъ постъ нашъ рукодѣиємъ и трудолюбіемъ: ибо въ семъ наипаче состоитъ монашество, то есть, въ любовномъ житіи, во всегдашнемъ воздержаніи, въ нестяжаніи безпристрастномъ и въ трудолюбіи.

И понеже другое званіе мое разлучаетъ меня съ вами, братіе, на время: то теперь, предстоя жертвеннику Господню, препоручаю васъ Богу и Его благому Промыслу, да Его всесильная десница управляетъ васъ и ко всякому дѣлу благому да наставляетъ. Аминь.

Слово въ недѣлю третью Великаго поста *)

„Иже хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой“.

(Марк., гл. 8, ст. 34).

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Зная, что Ваше Императорское Величество и вы, примѣромъ своей Монархини возбуждаемые, слушатели, всегда съ охотою желаете слышать слово Божіе, и что сія спасительная жажда побуждастъ насъ, дабы оную утолять живою водою ученія, почерпаемою изъ источниковъ Израилевыхъ,—зная сіе, погрѣшилъ бы я противъ самой истины, ежели бы ничего изъ Святаго Писанія не представилъ къ удовольствію вашему. Ибо, какъ желанія вашего ничто не можетъ быть справедливымъ, такъ и духовнаго сего упражненія ничто не можетъ быть пріятнымъ. Какую же трапезу представимъ мы вашимъ, алчущимъ правды, душамъ? Духъ Святой изобильное предлагаетъ намъ угощеніе въ нынѣ чтенномъ Евангелии, но угощеніе странное. Ибо, кто желаетъ быть участникомъ сего духовнаго пира, тотъ долженъ отречься самого себя: „Иже хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ“ (Марк., 8, 34). Чтобы быть истиннымъ послѣдователемъ Начальника вѣры нашей, надобно совсѣмъ перемѣнить себя, надобно выйти изъ самого себя. Предложеніе—темное; гаданіе, запечатлѣнное печатію премудрости Евангельской. Почему молимъ Тебя, Источниче всякаго просвѣщенія! Отверзи намъ умъ разумѣти писанія и научи насъ, какъ, *отвершись самихъ себя, преселиться намъ въ Божественный Духъ Твой?*

Отречься самого себя, повидимому, есть вещь невозможная, ибо кажется, что въ семъ заключается нѣкоторое противорѣчіе: чтобы быть мнѣ самому, и отречься мнѣ же самого себя. Но, хотя бы и можно было, опять, кажется, не должно бы быть то: ибо для того, чтобы отречься самого себя, повидимому, надобно было бы отказаться отъ тѣхъ Создателевыхъ законовъ, на которыхъ основаны движенія нашего тѣла и души. Такія недовольно ясныя мѣста Святаго Писанія, если надлежаше истолкованы не будутъ, бывають для другихъ случаевъ къ соблазну. Ибо нѣкоторые, мало просвѣщенные, умы, не возмогши, или не хотя взойти въ глубину божественнаго Писанія, когда находятъ въ немъ нѣкоторыя видимыя противорѣчія, сумняся объ истинѣ, Богомъ намъ преданнаго,

*) Сказано въ Москвѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ придворной церкви, Марта 11 дня, 1767 года.

слова и, за что должны бы осуждать свою слабость, въ томъ оскорбляютъ Духа Святаго, Творца всякой истины.

Но надобно признаться, что и худыя толкованія подаютъ много случаевъ къ развращенію и къ несправедливому заключенію объ истинѣ Святаго Писанія. Приведенное нами Христово слово объ отверженіи себя одни толкуютъ, что отрещись себя есть умерщвлять всѣ склонности, не дѣлая между ними справедливаго различія, и, такъ сказать, изсушать источникъ человѣческихъ дѣйствій. Другіе думаютъ, что нельзя отрещись самого себя, развѣ удалить себя отъ всякаго сообщенія съ людьми и оградиться горами отъ опасности мірскихъ соблазновъ. Иные, толкуя оное же слово, разсуждаютъ, что для отверженія себя не довольно исполнить обязательства, какія мы на себя приняли, вступивъ въ число благословеннаго христіанства, но надобно еще себя обременять другимъ, не знаю чѣмъ; и для того оное Христово слово, чтобы отрещись себя, относятъ не до всѣхъ вообще христіанъ, но токмо до нѣкотораго извѣстнаго состоянія людей. Такія и подобныя толкованія, подлинно, даютъ случай остроумнымъ, но не довольно разсудительнымъ людямъ, не свято думать объ истинѣ христіанской, вмѣсто того, чтобы такъ думать о несправедливыхъ ея толкователяхъ. Но посмотримъ уже, какой есть настоящій и, съ евангельскимъ духомъ сходный, разумъ Христова слова.

Чтобы получить намъ истинное понятіе объ отверженіи себя, надобно напередъ увѣреннымъ быть (о чемъ, думаю, никто и сумнѣться не можетъ), что человѣкъ часто предпочитаетъ худшее лучшему, что не рѣдко послѣдуетъ чувственнымъ склонностямъ въ предосужденіе здравому разуму, и что не всегда бываетъ точнымъ исполнителемъ закона совѣсти, а чрезъ то, выходя изъ подъ владычества добродѣтели, дѣлаетъ себя невольникомъ порока. Принявъ истину сію за несумнительную, не трудно узнать, въ чемъ состоитъ отверженіе самого себя. Ибо, когда идетъ кто противъ несправедливаго усилія своихъ страстей; когда пріятность чувствъ приноситъ въ жертву пользѣ, утверждаемой разумомъ, и когда наружныя выгоды порока почитаетъ меньше тѣхъ трудовъ, которые ведутъ къ добродѣтели: тогда онъ разрываетъ самый крѣпкій узелъ предразсужденія и пристрастія; тогда онъ принуждаетъ себя оставить пріятность и пользу для чувствъ весьма лестную. Тогда онъ побѣждаетъ самого себя, по слову евангельскому; а по выраженію апостола Павла, тогда онъ скидаетъ съ себя ветхаго человѣка и съ худыми дѣлами его, а одѣвается въ новаго, и тщится достигнуть до того совершенства, въ какомъ созданъ первый человѣкъ (Колос., 3, 9—10). И потому отрещись себя, значить, просто сказать, не слушаться самого себя, когда бы мы въ самихъ себѣ чувствовали побу-

жденія, противныя истинѣ, противныя совѣсти и разрушающія истинное блаженство наше. А что не сказано въ евангеліи, чтобы отвергаться намъ худыхъ склонностей, но самихъ себя, чрезъ сіе означается, чтобы мы отъ нихъ такъ отреклись, какъ бы онѣ совѣмъ до насъ не принадлежали, и ихъ оболещенія такъ были бы для насъ мало чувствительны, какъ бы они находились въ другомъ комъ либо, а не въ насъ. И въ семъ точно разумѣ пишетъ премудрый Апостолъ: „И вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ“ (Римл., 1, 6, 11).

А отсюда видимъ, что, кто отвергается себя, тотъ отвергается себя и не отвергается. Отвергается въ изъясненномъ нами разумѣ, а не отвергается себя, посліку чрезъ сіе отверженіе избираетъ себѣ, что больше полезно, поелику чрезъ то становится ближе къ Богу; а вещь, приближающаяся къ своему центру, не отступаетъ отъ естества своего, но слѣдуетъ ему. И понеже мы, отрицаясь себя, больше находимъ себя,—для того Спаситель нашъ въ нынѣшнемъ же Евангеліи сказалъ: „Иже хочетъ душу свою спасти, то есть, не отрещись себя, погубить ю, а иже погубить душу свою, то есть, отвержется себя, спасетъ ю“.

А изъ всего сказаннаго намъ надобно заключить, что если бы человѣкъ всегда точно послѣдовалъ закону своей совѣсти, и оной ни въ чемъ не преступалъ бы, то и не было бы причины Спасителю сказать: „Иже хочетъ по Мяѣ ити, да отвержется себе“, понеже, исполняя точно законъ Его, тѣмъ самымъ слѣдовалъ бы за Нимъ.

Познавъ теперь, въ чемъ состоитъ отверженіе самого себя, боюсь, чтобы не показалось кому весьма строгимъ ученіе сіе; однако, положивъ, что оно, подлинно, такое есть, надобно почитать ту строгость, которая ведетъ насъ къ совершенству. Впрочемъ, можетъ ли то ученіе назваться строгимъ, которое исполнили люди, подверженные подобнымъ съ нами немощамъ? Предстань здѣсь ты, Авраамъ, отецъ вѣрующихъ; предстань и дай намъ самимъ собою примѣръ отверженія себя. Сей праведный мужъ, по несчастію время, жилъ между людьми, кои, отступивъ отъ благочестія, вели развращенную жизнь и своими худыми примѣрами не токмо смущали душу праведнаго, но и добродѣтель его приводили въ опасность. Гласъ Божій, обитающій въ непорочной совѣсти, тогда возопилъ ему: „Изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже ти покажу“ (Быт., 12, 1), то есть, оставь видимое и извѣстное и предпочти невидимое и неизвѣстное. Повиновался избранный мужъ трудному сему повелѣнію, послѣдовалъ гласу тому, оставилъ мѣсто рожденія, домъ, сродство и житейскія выгоды и всему тому предпочелъ благочестіе, а чрезъ то, от-

вергшись самого себя, міру оставилъ лѣнѣйшій примѣръ, какъ побѣждать препятствія, кои встрѣчаются съ нами въ пути добродѣтели.

Тотъ же Божественный гласъ вопіеть и тебѣ, возлюбленный Богу христіанинъ, и говоритъ: „изыди не изъ земли твоея, но изъ самого себя, изъ внутренности тлѣнія твоего; изыди не отъ рода твоего, но отъ вреднаго съ худыми людьми обращенія; изыди не изъ дому отца твоего, но разорви крѣпкіи узелъ, которымъ связываетъ тебя худая привычка,—и иди въ землю, высшую небесъ, въ которой обитаетъ Богъ,—въ землю, княщую медомъ услажденія вѣчнаго и млекою спокойствія совѣсти“. Такимъ образомъ совершается отверженіе себя, такимъ образомъ слѣдовать надобно за Избавителемъ своимъ.

И кто бы не захотѣлъ бѣжать велѣдъ гласа сего? Но дѣлають намъ въ томъ затрудненіе слѣдующія Евангельскія слова: „и возметъ крестъ свой“. А сямъ означается, что за отверженіемъ себя тотчасъ слѣдуетъ крестъ, то-есть, различныя искушенія; крестъ двоякій: внутренний и ви́шній. Внутренний крестъ есть оное сраженіе плоти и духа, — сраженіе, которое находимъ мы въ самихъ себѣ, когда склонности чувствъ противятся разуму, когда видимъ и похваляемъ лучшее, а слѣдуемъ худшему, когда и то и другое оставить не хотимъ, а то и другое вмѣстѣ получить мы не можемъ. Крестъ тѣмъ тягостнѣе, что оный пронзаетъ сердце наше и отъемлетъ покой нашей совѣсти. Другой крестъ есть ви́шній, которымъ насъ обременяють со стороны: ибо, отрекшись себя и слѣдуя добродѣтели, надобно на себя поднять цѣлый полкъ, страстью поработенныхъ, людей. Никто не любитъ противное себѣ. Твое, христіанинъ, благочестіе вооружаетъ противъ тебя нечестиваго, твоя справедливость не мила мздоимцу, твоя прозорливость досадна хитрому ласкателю, твое воздержаніе безпокоитъ роскошнаго, твоя тщательность въ гнѣвъ приводитъ лѣнливаго, твое постоянство мучить человѣка распутнаго: „Аще отъ міра бысте были“, — говоритъ Спаситель Своимъ ученикамъ, — „міръ убо свое любилъ бы: якоже вѣсте отъ міра, но Азъ избрахъ вы, сего ради ненавиждь васъ міръ“ (Іоанн., 15, 19).

Неси убо крестъ сей великодушно: иди на Голгоѳу за твоимъ Подвигоположникомъ и въ терпѣніи твоёмъ полагай спокойствіе духа твоего; докажи міру, что твое терпѣніе сильнѣе есть, нежели его гоненіе.

Знаю, что мысль иногда говоритъ тебѣ подобно, какъ говорилъ Исаакъ отцу своему, когда тотъ хотѣлъ принести его въ жертву: „Отче, се огонь и дрова, а гдѣ есть овца на всесоженіе“ (Быт., 22, 7)? Говоритъ иногда мысль и тебѣ: „Отче небесный! се — огонь и дрова, се — огонь искушеній и напастей и дрова, разжигающія оный огонь; а гдѣ есть утѣшеніе Твое? гдѣ есть всемогущая помощь Твоя?“ По могутъ ли

произнесены быть сія слова, чтобы въ тотъ же часъ сердце твое не наполнилось сладчайшимъ, небеснаго утѣшенія, нектаромъ?

Мы въ самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ утѣшаемся, во-первыхъ, благою совѣстію, которая живо увеселяетъ духъ нашъ; и если бы кто не доволенъ былъ симъ, то позволилъ ли бы онъ мнѣ желать себѣ всякаго благополучія съ худою совѣстію? Второе, утѣшаемся твердымъ упованіемъ, что добродѣтель наша въ свое время откроется въ полномъ сіяніи; и если бы кто симъ не доволенъ былъ, то позволилъ ли бы мнѣ онъ желать себѣ всякаго счастья, которое, наконецъ, обращалось бы въ горестъ и печаль? „Аще кто приобрящетъ міръ весь, а душу свою отщепитъ, какаѣ польза человѣку тому“ (Марк., 8, 36)?

Но почто я утруждаю слушателей моихъ и увѣщаваю къ той добродѣтели, къ исполненію которой они обязали себя въ крещеніи и тоже всегда подтверждаютъ въ причастіи, и кои, самымъ дѣломъ отирая обязанности, возложенныя отъ Церкви и отъ общества, воинствуютъ подъ знаменемъ креста Христова? А, во-первыхъ, Ты, Благочестивѣйшая Монархія наша, нося на священныхъ своихъ раменахъ тягостное бремя великаго правленія, склоняешь на себя очи не токмо всѣхъ насъ, но и самого Владѣющаго свѣтомъ, и самой собою доказываешь, сколь великія дѣла можетъ понести и совершить душа, посвятившая себя небесной помощи. Почему осталось мнѣ молить токмо великаго Подвигоположника, да облегчаетъ Вамъ спасительное иго Ваше, и симъ путемъ славы да введетъ Васъ въ обитель вѣчнаго покоя. Аминь.

Слово во святыи и Великій пятокъ *).

„Егда же пріять оцетъ Иисусъ, рече: совершишася. И преклонъ главу предаде духъ“.

(Іоанн., гл. 19, ст. 30).

Собравшись въ сей храмъ священный, празднуемъ мы, благословенные христіане, смерть Страдальца неповиннаго, Который тѣмъ для насъ любезнѣе, что Онъ въ семъ видѣ представляется намъ не для того, акибы мы желали Ему такимъ родомъ смерти умереть, но что Его смерть есть свѣтлѣйшее доказательство любви Его къ намъ, — что Его смерть есть дѣйствительное врачеваніе смертности нашей. Знаю я, что непрічастные таинствъ христіанскихъ могутъ дивиться и причитать намъ въ стыдъ, что мы почитаемъ Распятаго; могутъ они

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, въ Москвѣ, 1767 года, апрѣля 6 дня.

говорить: „Иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти? аще Сынъ Божій есть, да снидеть со креста“ (Мате., 27, 42). Такія стрѣлы бросаютъ на насъ іудеи, симъ поносятъ насъ язычникъ. Но наше благоговѣніе къ Нему тѣмъ непорочиѣе и святѣе, что ни стыдъ ложный, ни наружность обманчивая не колеблютъ нашу истину, — что мы утверждаемся на внутренности, на сокровенной силѣ премудрости Божіей, которая людямъ невнимательнымъ часто кажется слабою. Духъ Божій давно предвидѣлъ сіе и благовременно предостерегъ, чтобы мы не преткнулись на таковое мнѣніе міра. „Видите званіе ваше, братіе“, — говоритъ Онъ намъ устами Павловыми, — „яко буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ, и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и пещущая, да сущая упразднить, яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ“ (1 Кор., 1, 26—29). На семъ основаніи той же Апостолъ пишетъ къ возлюбленному ученику своему: „Не постыдися, чадо, страстію Господа нашего Іисуса Христа, ни мною юзникомъ Его“ (2 Тим., 1, 8), — не постыдися: ибо преодолѣть таковой стыдъ, который съ нами встрѣчается, когда надобно идти противъ поврежденныхъ мнѣній міра, — преодолѣть сей ложный стыдъ есть свѣтлѣйшая побѣда.

Но обратимъ очи свои къ Солнцу правды, заходящему на горизонтъ крестномъ, и послушаемъ, что Онъ, при послѣднемъ дыханіи блаженной жизни Своей, говоритъ. Говоритъ Онъ: „Совершишася!“ Что же сіе слово значить? научи насъ съ крестной кафедры Ты Самъ, великій Архіерей, прошедый небеса и входяй во внутреннія, премудрости Божіей, завѣсы, — раздери покрывало, которое отъ насъ сокрываетъ святилище истины, и даждь намъ видѣть сокровенныя тайны Твои!

СОВЕРШИШАСЯ.

Понеже въ словѣ семъ не изъяснено, что совершилось, для того надлежитъ изслѣдовать, *что такое приведено въ совершенство и въ окончаніе*, — тѣмъ паче, что слово сіе сказано отъ великаго нашего Учителя при послѣднемъ часѣ. И потому должно оно заключать въ себѣ содержаніе важное, и мы обыкновенно памятуемъ и повторяемъ часто тѣ слова, которыя слышали мы отъ любимыхъ нами умирающихъ.

СОВЕРШИШАСЯ.

Совершились, во-первыхъ, всѣ страданія Спасителя нашего, какія злость человѣческая выдумать, и человѣкъ претерпѣть можетъ. Первые дни младенчества были началомъ Его жизни и, вмѣстѣ, началомъ Его гоненія. Тотъ, Который на небеса уготовлялъ намъ вѣчныя обители, не имѣлъ на земли, гдѣ главу приклонить; Тотъ, Который безсмертною цнщею истины насыщалъ человѣческій родъ, былъ гладенъ и жажденъ

через все теченіе лѣтъ Своихъ; Тотъ, лице Котораго дѣлаетъ радость ангеламъ, былъ ослеванъ, но ланитамъ бійенъ и весь окровавленъ; Тотъ, Который взялъ на рамена Свои бремя грѣховъ всего міра, былъ отягощенъ крестомъ и мучительно пригвожденъ на немъ. Подлинно, облеченъ Онъ былъ въ порфиру, но въ порфиру поруганія, — данъ былъ въ руки и скипетръ, но которымъ сокрушали Его главу, — возложенъ былъ и вѣнецъ, но вѣнецъ терновый. Мученіе тѣмъ неслозиѣе, что соединено съ поруганіями: ибо одно терзаетъ тѣло, другое пронзаетъ духъ. Пилать, сколь, впрочемъ, ни былъ къ милосердію мало преклоненъ, не могъ не быть тронуть симъ позорищемъ и для того вывелъ Его, обогрѣннаго текущею кровію, предъ собраніе и сказалъ: „Се, человѣкъ!“ Ежели ваше сердце мученіемъ иснасытно, видите, что все Его тѣло сдѣлалось одною язвою; и ежели васъ не умягчаетъ Его неповинность, да умягчитъ общее человѣчество. „Се, человѣкъ!“

Въ какомъ видѣ отъ Пилата представленъ Иисусъ, въ такомъ Его давно предусмотрѣлъ Исаія пророкъ: „Видѣхомъ Его: и не имяше вида, ни доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ: человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый“, то-есть, отъ младенчества привыкшій „терпѣти болѣзнь, яко овча на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ Своихъ: во смиреніи Его судъ Его взятъ“ (Ис., 53, 2, 3, 7, 8). Премудрость Божественная, вознесенная на крестъ, воображая, или паче, терня всѣ таковыя мученія во плоти, несправедливо ли,—разсудите,—возопила: „Совершишася!“ Егда же пріять оцетъ, Иисусъ рече: „Совершишася: и преклонъ главу, предаде духъ“.

Совершился, второе, всѣ дѣла великаго посольства Его. Волю небеснаго Отца открылъ, истину всѣмъ благовѣствоваль, отъ заблужденій отвелъ, основалъ славную Церковь, состоящую изъ всѣхъ народовъ сущихъ подъ небесемъ; а, наконецъ, все сіе запечаталъ кровію Своею и чрезъ то примирилъ небо и землю, какъ-то изъясняетъ божественный Павелъ: „Благоволи Богъ Тѣмъ примирити всяческая съ Собою, умиротворивъ кровію креста Его, чрезъ Него, аще земная, аще ли небесная“ (Колос., 1, 20). И для того Самъ Спаситель, отходя къ испитію смертной чаши, говорилъ къ Отцу Своему: „Отче! дѣло совершихъ, еже даль еси Мнѣ да сотворю“ (Іоанн., 17, 4); а на крестѣ въ томъ же разумѣ возопилъ: „Совершишася“.

Совершилось, третіе, чаяніе языковъ. Всѣ народы ожидали себѣ утѣшенія отъ Бога, утѣшенія Израилева. Ибо кто, страстями смущаемый, не беспокоится совѣстію? и кто, преступая богописанный на сердцѣ законъ, не убоится суда Господа Саваога? Сей страхъ засвидѣтельствовали всѣ народы своими жертвами: ибо къ чему бы проливать жи-

потныхъ кровь, и таковымъ ужаснымъ зрѣлищемъ служить божеству, еслибы сіе не было знакомъ трепещущей совѣсти, которая, смущаясь воображеніемъ суда нелицепріятнаго, думала удовлетворить вѣчной правдѣ пролитіемъ крови неповинныхъ животныхъ, вмѣсто своей, и тѣмъ успокоить бы себя? Хотя сіе средство само чрезъ себя къ оправданію было недѣйствительно, ибо, по основаніямъ христіанскимъ, „не возможно крови тельчей и козлей отпущати грѣхъ“ (Евр., 10, 4); однако, оно доказывало, что весь міръ признавалъ себя повиннымъ предъ верховнымъ Законодателемъ, слѣдовательно, доказывало нужду и чаяніе утѣшенія Божія.

Сіе чаяніе на крестѣ совершилось: что мы не могли исполнить, то исполнилъ, вмѣсто насъ, великій Ходатай нашъ. Ибо, взявъ лице человѣка, Божіимъ гнѣвомъ поражаемаго, принесъ Себя въ жертву и пролитіемъ Своей неповинной крови погасилъ гнѣвъ неба; обративъ на Себя все дѣйствіе правосудія, обезоружилъ оное, а оставилъ для насъ едино милосердіе. И мы можемъ теперь со дерзновеніемъ вѣры нашей сказать: „Отче небесный! можетъ ли Твоя правда въ насъ поразить что-нибудь, которое не было бы окроплено дражайшею кровію Сына Твоего?“ Можетъ ли совѣсть наша не успокоится, видя удовлетвореніе за грѣхи наши, приносимое Тебѣ чрезъ Единороднаго Твоего? „Кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдай. Кто осуждаетъ? Христосъ Исусъ, за насъ умершій“ (Римл., 8, 33—34). Спаситель, висавшій на крестѣ, видя исполненіе сего вождельнѣйшаго для насъ дѣйствія, возопилъ: „Совершишася“.

Совершились также всѣ пророческія предсказанія, а равно всѣ жертвы и прообразы Вѣтнаго Завѣта. Се—твой, Церковь, Исаакъ, отеческою рукою за насъ жертвуемый! се—окровавленная не риза Іосифа твоего, но пречистая плоть! се—агнецъ пасхальный, въ твое спасеніе закалаемый, котораго вѣрою причащаемся мы! се—поражаемый камень, и источающій не воду, но токи крови! се—истинная жертва и всесоженіе, по принесеніи которой всѣ прочія жертвы устыдились и сокрылись: ибо, всѣ онѣ, по разумѣнію Апостольскому, были только „тѣнь грядущихъ благъ, а не самый видъ вещей“ (Евр., 10, 1). Окончились, притомъ, и пророческія предсказанія и тѣмъ себя оправдали; исполнились сіи слова Исаіины: „Предана бысть на смерть душа Его, и со беззаконными вмѣнися“ (Ис., 53, 12); исполнилось предвѣщаніе Моисево: „Узрите животь вашъ висающъ предъ очеса вашими“ (Второз., 28, 66); исполнилось и оное пророчество Давидово: „Даша въ снѣдь Мою желчь, и въ жажду Мою напоиша Мя оцта“ (Псал., 68, 22). И для того Искупитель нашъ, когда вкусилъ оцта, съ желчію смѣшаннаго, и притомъ видѣлъ, что все, сказанное о Немъ, исполнилось,—заключилъ смѣшаннаго: „Совершишася!“

Окончаніе получилъ и самъ законъ; законъ, написанный въ сердцѣ нашемъ правосудною рукою Божіею, ибо „кончина закона—Христосъ“. „Вы иѣсте,—привѣтствуетъ насъ Апостоль,—„подъ закономъ, но подъ благодатию“ (Римл., 10, 4; 6, 14). Не должно думать, акибы сими словами отвергаемъ былъ законъ Божій; никакъ. Но чрезъ сіе Писаніе даетъ намъ знать, что истинно вѣрующій не находигъ себя подъ игомъ закона, который поражаетъ своего преступника проклятіемъ,—что надъ христіаниномъ, признающимъ немощи свои и прибѣгающимъ къ благодати, законъ строгости своей исполнить не можетъ.

Совершились и всѣ Божіи опредѣленія о спасеніи вѣрующихъ и объ осужденіи невѣрующихъ. Ибо, какъ приемлющіе сію великую жертву опредѣляются въ животь, такъ отвергающіе оную—въ смерть, по свидѣтельству Евангелія: „Вѣруй въ оны, иѣсть осужденъ: а не вѣруй, уже осужденъ есть“ (Іоанн., 3, 18).

Сіи слова Евангельскія, съ одной стороны, наполняютъ духъ нашъ великимъ утѣшеніемъ и радостію;—съ другой, трепетомъ и ужасомъ. О! отврати, Спасителю, чтобы мы исключаемы были изъ сей молитвы: „Азъ о сихъ молю: не о всемъ мірѣ молю“ (Іоанн., 17, 9).

Совершились, наконецъ, всѣ дѣла милосердія и долготерпѣнія Божія. Ибо висѣтъ на крестѣ Существо, всѣхъ тварей святѣйшему, есть доказательство милосердія и любви Божіей къ намъ, которую ни языкъ изъяснить, ни мысль понять совершенно не можетъ. И потому справедливо сіе страданіе Божественнаго лица отъ Церкви называется „истощаніемъ“, акибы сказать: Богъ оказалъ Себя столь милосерднымъ къ намъ, что, кажется, истощилъ весь источникъ благодати Своей; и понеже совершилось Его милосердіе, то тѣмъ самымъ совершилось и Его долготерпѣніе. Ибо когда Богъ не можетъ показать больше милосердія, и если бы кто пренебрегъ и сіе милосердіе, то больше для него быть не можетъ долготерпѣнія Божія, какъ свидѣтельствуєтъ Писаніе: „Волею согрѣшающимъ намъ по принятіи разума истинны, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва“ (Евр., 10, 26); и, сіе вообразивъ, Спаситель возопилъ: „Совершишася!“

Видимъ мы теиерь, слушатели, какъ понимать намъ должно произнесенное Христомъ слово, и какой таинственный разумъ заключается въ немъ. Но, вотъ, новое затрудненіе, требующее великаго и строгаго изслѣдованія. Всѣ, совершившіяся смертію Спасителевою, дѣла, о которыхъ сказали мы, еще остаются нѣкоторымъ образомъ несовершенными, коли въ насъ не совершились вѣра и любовь. И для того дражайшій Избавитель, желая спасенія нашего и совершеннаго окончанія дѣламъ Своимъ, требуетъ отъ насъ изъясненія, можемъ ли и мы сказать: „Совершишася?!“.

Совершились Его страданія. Такъ пересталъ ли ты своими пороками уязвлять уязвленнаго Христа и тѣмъ въ другой разъ распинать Сына Божія? или еще Онъ въ тебѣ страждетъ, чего не страдалъ отъ іудеевъ? Ибо тягостнѣ Ему грѣхи христіанскіе, нежели мученія іудейскія; неносиѣ для Него преступленіе завѣта, въ который ты вступишь съ Имъ, нежели то копіе, которымъ прободено было ребро Его.

Совершились всѣ дѣла посольства Его. Такъ совершилось ли въ тебѣ благое изволеніе послѣдовать гласу небесному? И пересталъ ли ты противиться Духу Святому, къ добродѣтели тебя возбуждающему? Ибо святая истина вѣры остается для насъ безплодною, ежели оную не объемлемъ благимъ изволеніемъ сердца.

Совершилось чаяніе всѣхъ языковъ. Такъ совершилось ли въ тебѣ желаніе осіяннымъ быть лучами благодати? Чувствуешь ли въ сердцѣ своемъ утѣшеніе? слышишь ли въ душѣ твоей сей вопль: „Приди, Господи Іисусе! Приди, готово сердце мое, Боже! готово“ (Псал., 56, 8). Или погружаешь себя въ нѣкоторомъ глубокомъ снѣ, и нечувствительнъ къ истинной и вѣчной пользѣ твоей?

Совершились всѣ предсказанія пророковъ. Такъ совершилось ли въ тебѣ познаніе христіанской истины, и довелъ ли ты свое познаніе до такого совершенства, чтобы сердце твое можно было назвать книгою Христовою? или еще млекою питаешься и младенецъ въ училищѣ Іисусовомъ? или еще сомнѣнія колеблютъ твою мысль и корабль твоей вѣры клонятъ къ погруженію?

Совершились опредѣленія Божія. Такъ привелъ ли ты добродѣтель свою въ такое состояніе, чтобы тебѣ быть написаннымъ въ книгахъ живота? или херувимъ съ мечемъ пламеннымъ возбраняетъ тебѣ входъ во врата райскія и отгоняетъ тебя отъ селенія праведныхъ?

Совершились дѣла милосердія и долготерпѣнія Божія. Такъ содрогаешься ли ты отъ сего великаго милосердія? Боишься ты правосудія Божія, но не больше ли надлежитъ тебѣ бояться милосердія сего? Ибо если бы кто, находясь подъ единою строгостію правосудія, преступилъ законъ, можетъ быть, представилъ бы въ свое извиненіе сію самую строгость, которая поразила его уныніемъ; но ты, видя, изліянный предъ тобою, весь источникъ благодати и снисхожденія, если бы, со всѣмъ тѣмъ, нарушилъ сей завѣтъ, завѣтъ любви,—что тогда можешь принести въ свое извиненіе? И, чтобы заключить все вкратцѣ, совершилось ли въ тебѣ намѣреніе доброе, желаніе похвальное? приведено ли къ окончанію начатое благое дѣло? бросилъ ли ты совѣмъ худую привычку, отъ которой столько разъ тщетно отставалъ? восходишь ли на высоту добродѣтели и отверзаешь ли себѣ дверь въ незаходимаго?.. Ахъ, слушатели, сколь всѣ сіи вопросы важны! а притомъ съ какимъ затрудне-

нѣмъ должны дать на нихъ свои изъясненія не малая часть христіанъ! Однако отвѣтствовать надлежитъ: Христось повелѣваетъ, Церковь, умоляетъ, польза наша требуетъ.

Что же на сіе отвѣтствовать будешь ты, христіанинъ,—ты, участникъ Новаго Завѣта и призванный въ царство благодати? Ежели, съ помощію Божіею, одно изъ того совершилъ, другое покаяніемъ исправилъ: то слыши гласъ, съ креста тебѣ глаголющій: „Днесъ будешь со Мною въ раи“ (Лук., 23, 43); „благій рабе и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего“ (Матѣ., 25, 21). А ежели не исполнилъ и непрестаннымъ пребываніемъ во злѣ ожесточилъ ты сердце свое, горе тебѣ! Ты—преступникъ завѣта, презритель крови Господней, суетный проповѣдникъ смерти Его, и осужденный испить чашу некончаемой горести.

Но, чтобы всею своею тяжестію не поразили насъ такія слова, истиннымъ покаяніемъ да облобызаемъ раны Спасительныя и слезами своими да засвидѣтельствуемъ, что мы повинны по немощи, что мы во грѣхѣхъ не ожесточены, и возопіемъ къ Нему: Спасителю Христе! Твои заслуги суть дражае, нежели, чтобы мы могли за нихъ возблагодарить Тебя. Смерть Твоя сколь сильна была въ приведеніи насъ въ вѣру Твою, въ вѣчный завѣтъ съ Тобою,—тая же да споспѣшествуетъ намъ непорочно соблюсти вѣру сію, сей завѣтъ до конца, чтобы мы, достигши до послѣдняго часа нашей жизни, достигши и до возможной намъ степени добродѣтели, могли съ Тобою сказать: „Совершишася!“ Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла и Тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Кого Мя глаголють человеѣцы быти сына человеѣческаго?“

(Матѣ., гл. 16, ст. 13).

Церковь Божія, совершая различныя празднованія, подаетъ различныя случаи къ нашему наставленію. Праздникъ истинный есть, когда онъ соединенъ съ полезнымъ упражненіемъ: ибо тогда духъ нашъ спокоенъ, и сердце наше тогда наполняется неложнымъ веселіемъ. Нынѣшнее Евангеліе, проповѣдуя о врученіи ключей святому Петру, о непоколебимомъ основаніи Церкви, о различіи между откровеніемъ плоти и духа, и откровеніемъ Отца небеснаго, между прочимъ, упоми-

*) Сказано въ Москвѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ большой придворной церкви, іюня 29 дня, 1767 года.

наеть и о различныхъ мнѣніяхъ, какія были у людей, о, спешемъ съ небеси и подъ видомъ человѣчества на земли странствовавшемъ, Господѣ. Одни Его равняли съ Іоанномъ Крестителемъ, другіе называли Ілією Пророкомъ, третьи—Іеремією, а иные—однимъ изъ знатнѣйшихъ, изъ мертвыхъ воставшихъ, прорсковь. Въ разбирательство различія мнѣній сихъ входить мы нужды не имѣемъ: ибо, послѣдую святому Петру, о Спасителѣ нашемъ со всею Церковію торжественно исповѣдуемъ мы, яко „Онъ есть Христось, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти“ (Матѣ., 16, 16; 1 Тимое., 1, 15).

Впрочемъ, съ немалою пользою можемъ мы войти въ общее разсужденіе о различіи людскихъ мнѣній: ибо и о насъ не одни бывають мнѣнія человѣческія; и потому, *какое изъ нихъ, подлинно, есть справедливо, и которое дѣлаетъ намъ прямую честь*, изслѣдовать теперь почитаю за полезное и нинѣшнему торжеству за пристойное. Помощи же требуемъ отъ Тебя, Боже всякаго просвѣщенія! На насъ, предстоящихъ предъ Твоимъ всемогуществомъ, блесни оный лучъ, которымъ просвѣщается свѣтильникъ нашъ.

„Кого Мя глаголють человѣцы быти“?

Честь обыкновенно поставляется въ добромъ мнѣніи другихъ о насъ, и оно есть основаніе всѣхъ тѣхъ наружныхъ засвидѣтельствований, какія мы отдаемъ человѣку, достойному добраго мнѣнія. Но извѣстно, что различныя могутъ быть у людей мысли, и часто то мнѣніе, которое кажется добрымъ, самую вещь есть худо; а, напротивъ, которое кажется худымъ, само въ себѣ есть доброе: слѣдовательно, нерѣдко бѣдный человѣкъ обманывается тѣмъ, что бываетъ тогда спокоень, когда онъ окруженъ обстоятельствами, нарушающими спокойствіе его, и, напротивъ, печалится тогда, когда имѣеть въ себѣ основаніе къ истинной радости. Таковой случай требуетъ основательно разобрать, на чемъ какое мнѣніе должно быть утверждаемо, когда оно справедливо, чтобы не обмануться намъ въ томъ удовольствіи, какое рождаетъ истинная честь.

Итакъ, во-первыхъ, высокія должности обыкновенно производять въ насъ высокое мнѣніе о тѣхъ, которые возведены на оныя степени, и заставляють насъ отдавать имъ всякіе знаки подобающаго почтенія. Подлинно, „нѣсть власть, аще не отъ Бога“ (Римлян., 13, 1); и совѣтъ наша, признавая, что различныя званія уставлены отъ Вышняго къ блаженству общему, велить намъ почитать сіи, освященныя Божиимъ благословеніемъ, степени. Да и никакая должность сама чрезъ себя не есть безчестна, когда она служитъ къ общей пользѣ: прерѣнна одна только праздность и роскошь.

Но, чтобы за честію званія слѣдовала честь и того, который

тѣмъ званіемъ почтенъ, надобно, чтобы онъ былъ исполнителемъ обязательствъ званія своего; надобно, чтобы онъ сіяніе должности не помрачалъ нерадвніемъ своимъ, чтобы высокую степень не унижилъ злонавіемъ своимъ. Не мѣсто украшаетъ человѣка, но человѣкъ—мѣсто. Судейскій столъ красенъ правосудіемъ, воинскій мечъ блистаетъ вѣрностію, пастырская кафедра возносится духовною ревностію, художественный домъ славетъ прилежаніемъ, орудіе поселянина красно трудолюбіемъ. Вѣрный исполнитель званія возвышаетъ и низкое мѣсто, а нерадивый и высокое унижаетъ; вѣрный исполнитель званія къ славіи должности своей отъ себя сообщаетъ новое сіяніе, а нерадивый помрачаетъ и то, которымъ всякое знаніе отъ Бога есть прославлено. Пусть таковой высоко самъ о себѣ мечтаетъ, и въ мысли своей часто повторяетъ сіи слова: „Кого, кого я глаголють человѣцы быти?“ По истина, когда на вѣсы свои полагаетъ сіе великое мечтаніе, находитъ въ немъ одну только суетную пышность; истина, о вѣсахъ справедливо разсуждающая, почитаетъ его за тяжесть обществу, стыдъ добродѣтели, безчестіе справедливости.

А ты, который порученную тебѣ должность считаешь священнымъ долгомъ, даннымъ отъ руки Вышняго,—ты, который въ исполненіи должности поставляешь все удовольствіе совѣсти своей и украшеніе жизни твоей, скажи, какія дѣлаешь воображенія о своей чести? Сколь часто въ мысли своей повторяешь сіи слова: „Кого я глаголють человѣцы быти?“ Но мы видимъ, что не удовлетворишь ты нашъ вопросъ своимъ изъясненіемъ; видимъ, ибо вѣдаемъ, что, колико высокъ еси, толико смиряешь себя; ты только скажешь съ Павломъ къ намъ: „задняя позабываю, а въ предняя простираюся“ (Филипп., 3, 13).

Но когда ты столько смиренномудръ, такъ мы скажемъ, что люди думаютъ о тебѣ? Они предъ всѣми явно говорятъ, что ты—правосудный судія, что ты—защитникъ бѣдности, ничѣмъ непоколебимый, что ты—пастырь ревностный, что ты—воинъ мужественный и великодушный, что ты—гражданинъ добродѣтельный, что ты—человѣкъ честный. Таковое доброе мнѣніе другихъ о насъ дѣлаетъ намъ истинную честь; да изъ сего же видимъ, что доброе мнѣніе утверждается не на одномъ токмо званіи, но при томъ и на исполненіи его. Но поступимъ далѣе.

Второе. Почтенное мнѣніе дѣлаетъ въ насъ благородная природа; и, затѣмъ, многіе высоко сами о себѣ думаютъ, что произошли отъ великихъ людей, и другихъ тоже заставляютъ о себѣ думать. Нѣтъ сомнѣнія, что почтенно имя заслуженныхъ людей, и благополучными должны назваться тѣ, кои происходятъ отъ нихъ. Для чего благополучными?—для того, что имѣютъ домашній примѣръ добродѣтели,—для

того, что имъ къ истинной славѣ отворена дверь рукою предковъ ихъ,— для того, что особенный стыдъ поразить ихъ долженъ, если бы не подражали заслугамъ тѣхъ, отъ коихъ заимствуютъ славу. Такъ благородная природа можетъ ли терпѣть мысли низкія и подлыя? Такъ добродѣтели предковъ увольняютъ ли насъ быть добродѣтельными? Такъ общалъ ли Богъ всегда миловать дѣтей развратныхъ для того, что они имѣли отцевъ благочестивыхъ? Не можетъ ли благородство не быть унижено въ тѣхъ потомкахъ, кои своимъ злонавіемъ потемняли бы славу предковъ своихъ и, сообщенную имъ чрезъ кровь, великость почитали бы для себя случаемъ ко всякому своевольству?

Быть благороднымъ, по силѣ Божественныхъ Писаній, и быть нагненнымъ, мстительнымъ, несправедливымъ, быть развратнымъ суть понятія, дѣлающія противорѣчіе. Любовь, терпѣніе, воздержаніе, великодушіе, просвѣщеніе—того, кто украшенъ ими, возноситъ выше міра и выше мнѣній его, и даетъ право благородства, чтобы быть чадомъ Божіимъ. И потому не за меньшихъ, но едва ли не за большихъ, могутъ быть почтены тѣ, кои своею заслугою, своимъ потомъ, безъ всякаго предстательства снискали высокія титулы и сдѣлались благословеннымъ корнемъ будущей славы своихъ потомковъ. Препровождаемый симъ ликомъ добродѣтелей, ты, благородный, хотя бы и не говорилъ о себѣ: „Кого мя глаголють человецы быти“, однако, все о тебѣ говорятъ, что ты—свѣтильникъ, поставленный на златомъ свѣщникѣ,—что ты—драгій камень въ златой оправѣ,—что ты—украшеніе роду своему и честь отечеству твоему. Таковое разсужденіе должно служить къ особенному увеселенію благородныхъ и къ утѣшенію для тѣхъ, кои со всею своею честностію имѣютъ несчастіе быть презираемы отъ надменныхъ суетою людей. Не унывайте вы въ непорочности своей: васъ почитаетъ вѣчная истина; въ книгѣ животной вы заслужили себѣ имена и титулы пресвѣтлыя; Духъ Божій называетъ васъ царскимъ священіемъ, родомъ избраннымъ, возлюбленными и домашними своими. При сихъ титулахъ темнѣетъ всякое сіяніе міра; но сія титулы никому не даются, развѣ украшенному благородствомъ добродѣтели. Не оставимъ же, хотя кратко, воснудься и другихъ разсужденій.

Почтенное также мнѣніе дѣлаетъ въ насъ ученіе; и, затѣмъ, многіе, просвѣтившись науками, высоко мечтаютъ о себѣ, да и другіе иногда думаютъ о нихъ то же. Нѣтъ сомнѣнія, что просвѣщеніе есть особый даръ милосердаго Божества, да и просвѣщенный человекъ достоинъ всякаго почтенія; но—когда достигъ того конца, для котораго ученіе нужно и предлагается, то—есть, чтобы исправить сердце свое, чтобы побѣждать страсти свои, чтобы знать снисходить немощамъ другихъ и врачевать оныя, чтобы собою дать примѣръ добродѣтели и случай

къ прославленію Отца свѣтовъ. Соединенное съ симъ ученіе возноситъ человѣка съ земли и творитъ близкимъ Богу, а безъ того трудъ суетенъ, и просвѣщеніе темно. Если кто только надымается ученіемъ и презираетъ другихъ, если превратить хочеть все по своимъ мыслямъ, если, входя въ тонкости и въ мелкости, проходить истину спасенія, — таковой есть суетность и достоинъ сожалѣнія, что, принявъ сокровище Божественное, не можетъ употребить оное въ пользу свою и другихъ. Дѣлаетъ честь ученіе, но украшаемое честностію, совѣстію несорочною и нравами похвальными: тогда-то ты, который вкусилъ сладость истины небесной, тогда ты — сынъ мудрости вѣчной, участникъ свѣта несозданнаго, — тогда ты — содругъ разумныхъ духовъ ангельскихъ. Сіе разсужденіе служить къ утѣшенію тѣхъ, кои высокими науками не просвѣщены, однако, честностію нравовъ преукрашены: ибо и неученый, но добродѣтельный, человѣкъ осудить ученаго предъ Богомъ, поелику исполняетъ безъ ученія то, чего требуетъ ученіе.

Есть еще мнѣніе, которое отдаетъ честь богатымъ. Но, не входя въ пространное разбирательство мнѣнія сего, можемъ кратко сказать, что богатство само черезъ себя есть вещь средняя: по разнымъ употребленіямъ бываетъ оно добро и худо. Даетъ Богъ его добрымъ, и, затѣмъ, нельзя его назвать худымъ; имѣютъ же его и худые, и потому нельзя его почестъ за истинный плодъ добродѣтели: честь или безчестіе богатаго зависитъ отъ добраго или худаго употребленія богатства.

Итакъ, уже изъ всего сказаннаго нами ясно видимъ, на чемъ должно быть утверждено мнѣніе другихъ о насъ и взаимно наше о другихъ, и что дѣлаетъ намъ истинную честь. Кто исполняетъ званіе свое съ благою совѣстію, кто съ заслугами предковъ соединяетъ свои, кто ученіе свидѣтельствуетъ честностію, кто богатство имѣетъ нажитое и управляемое добродѣтелію: тотъ безъ всякаго прекословія достоинъ почтенія; и никто не имѣетъ права на честь, какъ токмо сего рода люди. Церковь Божія тщится всегда внушать намъ такіа чистыя понятія; но, чтобы они были въ насъ еще дѣйствительнѣе, представляетъ предъ очи наши примѣры, добродѣтелію прославленныхъ, мужей. Мы взираемъ нынѣ къ вамъ, Церковію празднуемые Апостолы! Вы были движущею причиною слова сего: вы же и запечатайте оное примѣромъ своимъ. Разсуждая апостольскую честь, каковою они прославлены на небесахъ и на земли, нельзя сказать, чтобы сія честь не была истинная и величайшая. Но чѣмъ они заслужили ее? — не просто апостольство прославило ихъ: ибо въ ликѣ апостоловъ былъ Иуда, но — вѣрность и ревность въ семъ священномъ званіи. Были они, какъ сами признаютъ, не высокородны, но почитаются нынѣ отъ увѣнчанныхъ главъ, — не были философы, но сердце свое содѣлали книгохранительницею премудрости

вѣчною,—не были они богаты, но нищета ихъ не унизила. Они знали и въ довольствѣ быть воздержны, и въ скудости довольны, и потому достойно имиѣ ублажаются честію, да и честію истинною, ибо оную утвердилъ Самъ Богъ, Который и въ знаніи премудръ, и въ награжденіи справедливъ. Остается токмо молить Его благоутробіе, да поможетъ намъ быть подражателями апостоловъ, удостоявъ насъ быть зрителями ихъ добродѣтели.

Желали бы мы здѣсь окончить разсужденіе свое, но слово наше само собою стремится къ Всенесвѣтлѣйшей Монархинѣ нашей, и оно лишилось бы важнѣйшаго своего доказательства, если бы не привести ее въ примѣръ, примѣръ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ яснѣе ея добродѣтель,—добродѣтель поражающая не мысль токмо, но и чувства наши. Мы говорили объ истинной чести. Ты, Августѣйшая Самодержица, почтена отъ Бога честію между смертными высочайшею, честію Императорскою. Но сія честь, сама собою великая, заимствуетъ свое сіяніе, свою красоту отъ онаго неусыпнаго попеченія, которое прилагаешь о благополучіи нашемъ,—отъ оныхъ великихъ трудовъ, коими снискиваешь покой намъ. Примѣры тому—ежедневные, ежечасные примѣры: недавно воспріятое путешествіе доказываетъ, что вкупѣ имѣешь Ты и духъ попечительный, и мысль проникающую въ нужды подданныхъ своихъ. Видятъ Тебя всегда подвизающуюся грады царствующіе; но видѣли уже и другіе грады и села; да и сами рѣки будутъ проповѣдывать потомкамъ, что имѣли овѣ счастье видѣть Тебя, на нихъ разбирающую дѣла имперіи. Почтена Ты и благороднѣйшею кровію, которую заимствуешь отъ великихъ предковъ Твоихъ, государей Всероссійскихъ; но сія честь тѣмъ свѣтлѣе, что Ты — подражательница дѣлъ ихъ, что украшаешь имя ихъ, что прославляешь добродѣтелию кровь ихъ. Почтена Ты отъ Бога отмѣннымъ просвѣщеніемъ, — что видно не токмо изъ многихъ, Монаршею Твоею рукою писанныхъ, установленій; но паче изъ славнаго предиріятія, чтобы положить новые законы, и даннаго къ тому, собственными трудами сочиненнаго, основанія. Но просвѣщеніе сіе тѣмъ любезнѣе, что склоняется къ благополучію общему. О богатствѣ не говорю, развѣ поелику оно есть у Величества Твоего орудіе къ призрѣнію бѣдныхъ и къ изліянію щедротъ на требующихъ помощи. Богъ, возвысивъ славу Твою, дражайшая отечества Мать, возвысивъ до толикой степени, да утвердить оную и больше умножать да не престанеть.

Сей, Августѣйшей Родительницы, славы и Ты, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, дражайшій нашъ имянинникъ, сей славы Ты — преемникъ, и потому будь подражатель. Попечительный Промыслъ открылъ Тебѣ пространнѣйшій путь къ истинной чести. Рожденъ Ты отъ крови порфирородной, отъ Матери Августѣйшей; сію кровь прославь дѣлами

Твоими. Ты — Наслѣдникъ престола: предуготовляй убо дарованія, потребныя для прохожденія сей должности. Премудрость Божественная призываетъ Тебя въ Свой нѣдра; благоволи опочивать въ нихъ съ сладостію: подражай младому Соломону, который не другаго чего отъ Бога просилъ, какъ токмо премудрости. Благополучный же Твой во всемъ успѣхъ требуетъ не увѣщанія, но паче поздравленія, а также и молитвъ, да свѣтъ несозданный пребываетъ въ Тебѣ всегда незаходимъ.

Боже, неисчерпаемый источникъ благодати! къ Тебѣ взываетъ Монархія наша, держа въ рукахъ возлюбленнаго сына своего: они сами себя и всѣ дѣла свои посвящаютъ промыслу Твоему, Господи! Спаси Царя и услыши ны, въ онъ же аще день призовемъ Тя. Аминь.

Слово во время Высочайшаго присутствія Ея Императорскаго Величества въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, іюля 5 дня, 1767-го года.

„Вѣмы, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое“.

(Римл., гл. 8, ст. 28).

Ежели человѣкъ, когда любить другого нелицемѣрно, — всячески старается, чтобы его желаніямъ дѣлать удовольствіе, чтобы благополучіе его подкрѣплять и не допустить до него никакихъ злосчастныхъ случаевъ: то возможно ли, чтобы Богъ, Который сей законъ любви вліялъ въ человѣческія сердца, — чтобы Богъ не поспѣствовалъ тѣмъ, кои воспалены любовію къ Нему, слѣдовательно, коихъ любить и Онъ Самъ, — чтобы не помогать имъ въ исполненіи ихъ намѣреній, чтобы самыя препятствія не обращать ненавидящимъ въ стыдъ, а имъ въ славу? Истина сія есть свѣтла сама собою, ибо сама собою есть основательна. Сего бо требуетъ Божія и благодать и святость, и справедливость и оная любовь, которою Онъ объемлетъ добродѣтель, яко чистѣйшій лучъ несозданнаго Своего свѣта.

И хотя, подлинно, понятіе наше не есть всегда столь счастливо, чтобы проникнуть въ союзъ вещей, часто покрытый завѣсою судьбы Божіихъ, и усмотрѣть, какими тайными путями Богъ приводитъ намѣренія праведныхъ Своихъ къ благому концу; однако, не оставлены мы безъ сильнѣйшихъ о томъ увѣреній. Мы вопрошаемъ васъ, красотою добродѣтели уловленные, — скажите, что вы чувствуете тогда, когда духъ вашъ, посредствомъ любви, соединяется съ Богомъ? Находите ли такіе непріятные слухи, которые бы въ тотъ же часъ силою утѣше-

нія Божія не были отведены, или, по крайней мѣрѣ, облегчены бы не были? Но они всё уже предупреждаютъ нашъ вопросъ; они намъ вопіютъ: „воззрите на всё мимошедшіе рсды и видите, кто вѣрова Господеви и постыдѣся“ (Сирах., 2, 10)? И потому слѣдовало бы намъ исчислять теперь всё древніе примѣры, чрезъ которые любовь Божія къ праведнымъ прославляла себя; но не для чего намъ странствовать по многимъ древнимъ вѣкамъ. Попечительное Господне Провидѣніе наполнило всё вѣка примѣрами такихъ людей, кои намъ были бы всегдашнимъ побужденіемъ къ добродѣтели.

Мы взираемъ, во-первыхъ, къ тебѣ, духомъ въ Бозѣ, а тѣломъ съ нами опочивающій, святой Сергій! Собравшихся насъ днесъ къ тебѣ на пиръ духовный напитай безсмертною пищею добродѣтели своей. Когда мы, слушатели, читаемъ исторію блаженной жизни его, находимъ въ ней яснѣйшія доказательства благочестивой любви, которою горѣла душа его къ возлюбившему насъ прежде Богу. Яснѣйшія, говорю, доказательства: ибо его любовь къ Богу не состояла въ томъ, чтобы признавать оную одними токмо устами, но утверждаема была добродѣтелию, яко истиннымъ плодомъ божественной любви. Страсти, которыя смущаютъ внутренній нашъ покой, онъ счастливо побѣждалъ и содержалъ ихъ въ рукахъ воли своей, ибо тщался всегда послѣдовать разуму и покорять ему склонности тѣлесныя. Въ пищѣ и питіи онъ наблюдалъ твердое воздержаніе, а тѣмъ самымъ осудилъ роскошь; слѣдовательно, отвелъ отъ себя великое искушеніе, какое причиняетъ утучнившаяся плоть. Къ большому дѣйствию добродѣтели содержалъ себя въ трудахъ и всегда имѣлъ преподобныя свои руки, заняты какимъ-нибудь упражненіемъ; а чрезъ то прогналъ праздность, нечистый источникъ пороковъ,—и черезъ то же тѣло свое не допустилъ до разслабленія, а мысли до развлеченія. При сихъ трудахъ онъ былъ крайній любитель покоя, не покоя прайдного и потому безчестнаго, но который состоитъ въ удаленіи отъ тѣхъ случаевъ, какими міръ обыкъ смущать духъ нашъ, и который состоитъ въ тишинѣ, происходящей отъ взаимнаго согласія склонностей тѣлесныхъ съ душевными.

За первѣйшее же свое упражненіе блаженный почиталъ, чтобы воспѣвать имя Господне, чтобы размышленіями о будущей красотѣ увеселять свой духъ и, выходя аки изъ самого себя, преселяться къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ обитаетъ блаженное Божество. Сіе упражненіе его было первое, упражненіе сладчайшее: всякій въ томъ подвигъ онъ почиталъ для себя легкимъ, всякій трудъ—покоемъ, день соединялъ съ ноцію, въ которую онъ освѣщаемъ былъ свѣтомъ незаходимаго солнца. О, коликими неизглаголанными сладостями наполненной таковой душѣ надобно быть!

Препровождаемый симъ ликомъ добродѣтелей, нашъ подвижникъ былъ общій всѣмъ наставникъ, немощныхъ утѣшитель, вѣры правило, святости образъ. Ибо, по истинѣ, добродѣтельный человѣкъ есть самый лучшій учитель и проповѣдникъ: онъ учитъ вездѣ и проповѣдуетъ всегда, если не устами, такъ самымъ дѣломъ, своимъ обращеніемъ, своими нравами, своимъ примѣромъ, тѣмъ дѣйствительнѣе, что мысль нашу движеть больше дѣло, нежели одно слово.

При всѣхъ оныхъ исправленіяхъ блаженный Сергій былъ кро-токъ и, чѣмъ выше восходилъ онъ на высоту совершенства, тѣмъ больше уничижалъ себя предъ Богомъ,—тѣмъ больше находилъ нужду не разслабѣвать въ подвигѣ. Рѣдная добродѣтель! ибо часто великія дарованія и совершенства совсѣмъ разрушаетъ одно надменное о себѣ мечтаніе.

Взирая на таковыя добродѣтели празднуемаго нами святаго, не видите ли вы, празднолюбцы, до какой возведены онѣ степени? Не видите ли, какія струи протекають изъ того сердца, въ которомъ есть кипящій источникъ любви Божіей? Теперь посмотримъ, какъ Богъ любящимъ поспѣшествуетъ во всемъ во благое,—въ чемъ праведный сей намъ паки служить вмѣсто доказательства неоспоримаго.

Я уже не говорю о томъ, что Богъ наполнялъ сердце его внутреннимъ удовольствіемъ, что вливалъ въ него божественныя Свои утѣшенія, что не давалъ ему чувствовать горестей міра: ибо сіе есть неотъемлемое, сіе есть естественное награжденіе добродѣтели. Не говорю также и о томъ, какіе вѣнцы получилъ онъ на небеси: ибо сіе на вѣки утверждено неложнымъ Евангельскимъ обѣщаніемъ. Только о томъ долженъ сказать, что Богъ еще въ жизни наградилъ его и тѣмъ, чего, по извѣстнымъ единому Богу судьбамъ, не всегда сподобляется добродѣтель, то есть, что былъ онъ отъ всѣхъ людей любимъ и почитаемъ. Самые великіе Всероссійскіе князья расположены были особеннымъ усердіемъ и почтеніемъ въ нему, да и вся Россія, какъ прежде, такъ и нынѣ со сладостію всегда воспоминаетъ имя Сергія. Сія есть истинная слава добродѣтели, чтобы ей никогда не умирать, и тѣмъ она различествуетъ отъ порока, что услажденіе его есть временное, а той—вѣчное. Не только же сія честь добродѣтельныхъ слѣдуетъ за однимъ лицомъ ихъ, но прославляетъ тѣ самыя мѣста, которыя освящены ихъ подвигами. Сія, основанная праведнымъ Сергіемъ, обитель всегда была любезна самимъ великимъ государямъ Всероссійскимъ: они дѣлали честь его памяти своимъ присутствіемъ; они съ усердіемъ лобызали драгоцѣнныя останки блаженнаго тѣла его, почему праведный Богъ, въ награжденіе ихъ вѣры, въ семъ самомъ мѣстѣ неоднократно при трудныхъ обстоятельствахъ посылалъ имъ Свою небесную помощь.

Какъ Ты, Всепресвѣтлѣйшая Монархня, Всемилостивѣйшая Государыня наша,—истинная и ревностная подражательница всѣхъ славныхъ дѣлъ и благочестія государей Всероссийскихъ: то въ сей самый часъ, въ который мы имѣемъ счастье взирать на пресвѣтлѣйшее Вашего Императорскаго Величества лицо, въ сей самый часъ Церковь Божія видитъ Тебя, предстоящую со страхомъ живому Богу и приносящую Ему безкровную жертву, то есть, усердіе духа своего. Въ сей часъ она видитъ предстоящее Величество Твое предъ гробомъ Праведника сего и размышленіемъ его добродѣтели услаждающуюся. Мы вѣдаемъ, да и кто не знаетъ сего, колкими обременена Ты дѣлами, утверждающими благополучіе наше? И сіе одно исправленіе таковыхъ дѣлъ по справедливости должно быть почитаемо богослуженіемъ. Однако, они не воспренятствовали самодержавію Твоему предпринять сіе благочестивое путешествіе; могу даже сказать, что сіи самыя дѣла были побужденіемъ Тебѣ къ сему дѣлу вѣры. Ибо гдѣ же Величеству Твоему найти покой, если не подъ сѣнію любви Бога? гдѣ—прохладу, если не изъ источниковъ Израилевыхъ? гдѣ—ободреніе, какъ не при тѣхъ мѣстахъ, гдѣ—слѣды жившихъ въ добродѣтели и прославившихся?

Любезнымъ окомъ всегда да взираетъ Царь царствующихъ на сію Твою, Великая Государыня, вѣру, да утвердить державу Твою, престоль Твой да утвердить миромъ и тишиною, да украшаетъ премудростію порфиру Твою,—о чемъ помолись, блаженный Сергіе, и сіе великое усердіе къ тебѣ Помазанницы Божіей награди ходатайствомъ своимъ и испрошеніемъ у Бога, ей и дражайшему сыну ея, ненарушимаго здравія, многихъ лѣтъ и благополучнаго надъ нами царствованія. Аминь.

Слово во время присутствія Его Императорскаго Высочества въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ *).

„Мнѣ же зѣло чести быша друзи Твои, Боже!“

(Псал., 138, ст. 17).

Не трудно узнать, кого разумѣть подъ именемъ друзей Божіихъ, духовною мудростію прославленный, Давидъ. Разумѣть онъ людей, любящихъ добродѣтель, наблюдающихъ непорочно законъ совѣсти своей и чрезъ святость подобающихъ Пресвятому Богу. Великое преимуще-

*) Сказано юля 17 дня 1767 года.

ство и честь превосходная! Ибо ежели быть другомъ знаменитаго нѣ-
 его вельможи, кольми паче быть другомъ царя земнаго, есть достоин-
 ство во между людьми блистательнѣйшее и величайшее, поелику таковой
 другъ всѣхъ бываетъ почитаемъ, прославляемъ, и къ нему же всѣ
 въ нуждахъ своихъ имѣютъ убѣжище надежное: то что надобно сказать
 о тѣхъ, коихъ Самъ Богъ, Который и въ знаніи премудръ, и въ избраніи
 строгъ, и въ награжденіи справедливъ,—коихъ Самъ Богъ удостоилъ
 Собою Своими друзьями, и принялъ въ блаженное Свое дружество, —
 дружество почитаемое ангелами, желаемое херувимами, поклоняемое
 серафимами? Можетъ ли, Боже великій, смертный быть вознесенъ до
 такого достоинства, чтобы могъ называться другомъ Твоимъ? можетъ ли
 изъ персти слѣпленое созданіе быть возвышено до того, чтобы ему
 быть участну Твоихъ сокровеннѣйшихъ совѣтовъ? Божіе слово выво-
 дитъ насъ изъ сего удивленія: оно сказываетъ объ Авраамѣ, яко
 друга Авраамъ Богу, и вмѣнилъ ему въ правду: и другъ Божій на-
 речеся“ (Іак., 2, 23). То же утверждаетъ Спаситель нашъ, Который сіе
 великое имя присволяетъ апостоламъ Своимъ, слѣдовательно, и всѣмъ
 поборникамъ ихъ добродѣтели. Онъ сказалъ имъ: „Не ктому васъ
 назвалъ рабы, яко рабъ не вѣсть, что творить господинъ его: васъ же
 назвалъ други, яко вся, яже слышахъ отъ отца Моего, - сказахъ вамъ“
 (Іоанн., 15, 15). И потому справедливо Псаломникъ воспѣлъ предъ Бо-
 гомъ: „Мнѣ же зѣло честни быша друзи Твои, Боже!“

Но, чтобы больше познать намъ преимущество дружества святыхъ
 съ Богомъ, посмотримъ, для какихъ причинъ они именуются друзьями
 Божиими. И сіе можемъ мы узнать изъ свойствъ истиннаго друга.

Другъ по самому своему имени значить „другой я“, то-есть, зна-
 чить такого человѣка, который мыслями и желаніями сходенъ со мною,
 душа котораго связана съ моею, и на котораго я такъ же, какъ на себя,
 возлагаюсь могу во всякихъ случаяхъ. И для того основательно нѣкто
 сказалъ, что „другъ есть одна душа, живущая въ двухъ тѣлахъ“. Такъ
 ясно изъ сего и видно, что другъ Божій есть тотъ, воля котораго со-
 общена съ пресвятою волею Божіею, который своими желаніями един-
 ственно къ Нему стремится, духъ котораго любовію соединенъ есть
 съ Духомъ Божиимъ, и который по таковой любви столь увѣренъ
 въ Божіей благодати къ себѣ, что не сумнитъ получить отъ Него все
 благо, къ пользѣ его служащее. По такимъ свойствамъ праведный
 духъ преселяется въ Бога, и весь Богъ—въ немъ, а чрезъ то дѣлается
 наравнѣ что единое съ Богомъ, и аки бы утопаетъ въ безднѣ совер-
 шенства Божественныхъ. Сей тѣсный союзъ праведнаго съ Богомъ
 утверждается на оной любви, которою горитъ къ нему душа правед-
 наго, слѣдовательно, котораго любить и Самъ Богъ: ибо Онъ любящія

Его любить, и сія взаимная любовь добродѣтельному даетъ право именоваться другомъ Божиимъ.

Когда же онъ есть другъ Божій, то и участникъ сокровеннѣйшихъ Его тайнъ и совѣтовъ. Понеже обыкновенно истиннымъ друзьямъ своимъ мы открываемъ свои мысли, изъясняемъ намѣренія, объявляемъ совѣты, и онымъ сообщаемъ самыя сокрытыя помысленія сердца нашего, или, кратко сказать, вручаемъ имъ все сердце свое и въ семъ врученіи находимъ особенное свое удовольствіе. Ибо и несчастье облегчается, когда изъяснимъ оное другу,—и счастье не столь бываетъ для насъ радостно, когда оное не сообщимъ вѣрному другу своему. Богъ всеблагій, удостоивая человѣка любящаго добродѣтель, имени друга Своего, благоволяетъ открывать ему и Свои совѣты, которые закрыты отъ всѣхъ прочихъ тварей. Нѣкогда Онъ сказалъ избранному Своему Аврааму, любовь котораго къ Богу довольно была освидѣтельствована,—Онъ сказалъ ему: „Еда утаю Азь отъ Авраама, раба Моего, яже Азь творю“ (Быт., 18, 17)? О великое слово, заключающее въ себѣ несказанное снисхожденіе Божіе къ смертному! „Еда утаю Азь отъ Авраама раба Моего, яже Азь творю“? то есть, скрою ли Я что-нибудь отъ того, котораго люблю, и добродѣтель котораго открыта предъ очами Моими? Скрою ли Я что-нибудь? Боже, живый во свѣтѣ неприступномъ! „что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его“? Когда Твои совѣты отстоятъ отъ нашихъ, сколько отстоятъ небо отъ земли, такъ надобно и тому человѣку, котораго благость Твоя творить участникомъ совѣтовъ Своихъ, отстоятъ отъ другихъ человѣкъ столько, сколько отстоятъ небо отъ земли.

Но какія же тайны открываетъ Богъ избраннымъ Своимъ? Онъ открываетъ имъ въ настоящемъ и естественномъ видѣ красоту добродѣтели, и потому они столь плѣняются ею. Онъ открываетъ имъ таинственные пути Провидѣнія Своего, которымъ управляетъ Онъ родомъ человѣческимъ и всѣмъ міромъ, и потому они столь великодушны въ несчастіи, и столь умѣренны въ благополучіи міра сего. Онъ открываетъ имъ величество Божественныхъ совершенствъ Своихъ,—и потому они бываютъ столь осторожны во всѣхъ поступкахъ своихъ, чтобы не обезобразить себѣ образа и подобія Божія. Онъ открываетъ имъ превосходство оной любви, которую оказалъ Онъ въ искупленіи человѣческаго рода чрезъ Единороднаго Сына Своего,—и потому они съ толикою вѣрою приносятъ Ему жертву благодаренія и хваленія. Онъ открываетъ имъ цѣну награжденій и вѣнцовъ, которые уготованы имъ на небеси; и потому они столь мало привязываютъ себя къ сему міру, а устремляются всѣми желаніями своими къ блаженной вѣчности. Вотъ—какія тайны открываетъ Богъ избраннымъ Своимъ, — тайны

великій,—тайны, составляющія блаженство наше! О, когда бы мы посмотрѣли на душу праведнаго,—увидѣли бы оную, всю исписанную перстомъ живаго Бога!

Но тайны оныя сокрыты отъ людей, поработенныхъ страстями. Павелъ былъ участенъ сей высокой чести, онъ былъ восхищенъ предъ лицо величества Божія и слышалъ таинственные глаголы. Но скажи намъ, любезный Павле, какіе глаголы слышалъ ты? Онъ, къ печали нашей, отвѣчаетъ намъ, яко „глаголы оныя не лѣтъ есть“, не можно „человѣку глаголати“ (2 Кор., 12, 4). Но понеже и самъ Павелъ былъ человѣкъ, однако глаголы тѣ удостоенъ былъ слышать: такъ какому же человѣку не можно вмѣститъ оныхъ словъ? Изъ сего затрудненія выводитъ насъ Спаситель: ученикамъ Своимъ Онъ такъ говорилъ, какъ прежде сказали мы: „Не кому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господинъ его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ отца Моего, сказахъ вамъ“. Такъ изъ сихъ словъ видимъ, что таинъ Божіихъ не вмѣщаетъ рабъ; а рабъ, по Евангельскому же изъясненію, есть всякій служащій грѣху: „Всякъ служай грѣху, рабъ есть грѣха“ (Іоани., 8, 43).

По истинѣ, рабъ есть, кто плѣненъ страстями,—кто связанъ худою привычкою, какъ оковами,—котораго склонности тѣлесныя влекутъ насильно, куда хотять; а разумъ остается связанъ и недѣйствителенъ. И потому таковой не можетъ понять тайны Божіи, ибо его и мысль помрачена, и сердце пороками занято, и воля превращена. О, злосчастное состояніе рабовъ таковыхъ,—тогда какъ, напротивъ, состояніе друзей Божіихъ вождѣбно и радостно!

Разсуждая о сихъ преимуществахъ добродѣтельныхъ людей, видите, не справедливо ли святой Давидъ воспѣлъ предъ Богомъ: „Мнѣ же зѣло честни быта друзи Твои, Боже!“ Ибо какъ не почитать тѣхъ, коихъ почтилъ Самъ Богъ, коихъ возвысилъ Онъ до толикаго достоинства, что сотворилъ ихъ участниками совѣтовъ Своихъ и назвалъ друзьями Своими? Изъ числа таковыхъ друзей Божіихъ предлежитъ предъ очами нашими праведникъ сей, прендобный Сергій, святое тѣло котораго между нами оставилъ праведный Богъ въ доказательство, сколь любезна Ему добродѣтель. Ибо блаженный сей любилъ Бога всею душею, и сердце его было святилищемъ Духа Господня: то засвидѣтельствовало святость его житія, непорочность нравовъ и всѣ дѣла, растворенныя любовію къ ближнему. И для того, содержай въ рукъ Своей мѣру правды, Богъ столь прославилъ имя его: честенъ онъ нынѣ всей Церкви, честенъ намъ, честенъ и всей Россіи.

Честенъ и предъ очами Твоими, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ! Ты, заимствуя кровь отъ великихъ государей Всероссій-

скихъ, прославленныхъ какъ другими многими дѣлами, такъ и благочестіемъ, симъ пришествіемъ своимъ доказываешь, что Ты—подражатель истинный и благоговѣнія ихъ. О! какъ любезно Россіи взирать на Твою порфиросносую особу, въ сихъ молодыхъ лѣтахъ притекающую къ источникамъ духовнымъ и почерпающую изъ нихъ воду животную къ напоенію возрастающихъ плодовъ Твоихъ! Мы предъ Тобою держимъ изъясниться искренно, что, если всякому, то Тебѣ наиначе подobaетъ предъ очами своими всегда имѣть жившихъ въ добродѣтели людей. Вѣдаемъ мы, что добродѣтель уже избрала себѣ мѣсто въ сердцѣ Твоемъ; но, чтобы она всегда въ Тебѣ была непоколебима, Богъ повелѣваетъ Тебѣ укрѣплять ее примѣрами праведныхъ мужей,—не токмо же укрѣплять, а и ободрять себя, чтобы въ теченіе добродѣтели приходило отъ силы въ силу и отъ славы въ славу. Видишь, благовѣрный Государь, на праведникъ семь, что добродѣтель увѣнчивается безсмертіемъ, что ея честь, слава и награжденіе насильствомъ время не истребляются. Колкое сіе есть ободреніе къ добродѣтели!

Боже, услыши молитвы наши! Угодниче Господень, блаженный Сергіе! сію благороднѣйшую отрасль государей Всероссийскихъ, кои къ тебѣ всегда имѣли особенное усердіе,—сію отрасль благороднѣйшую, пресвѣтлѣйшаго Наслѣдника Россіи благослови и ходатайствомъ своимъ испроси у престола Господня, да опочиваетъ на немъ Духъ Его; Духъ премудрости и благочестія; да будетъ онъ Россіи радость, отечеству—слава, Церкви—красота. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„Тако тецѣте, да постигнете“.

(1 Кор., гл. 9, ст. 24).

Когда воспоминаемъ мы день, въ который Богъ произвелъ въ міръ любезнаго сына Августѣйшей Матери и Высокаго Наслѣдника Великой Монархини нашей, тогда на память мнѣ приходятъ оныя апостольскія слова: „Тако тецѣте, да постигнете“. Ибо жизнь сія есть нѣкоторый родъ теченія, и человѣкъ, чрезъ рожденіе выходя изъ своего ничтожества, вступаетъ въ славный подвигъ добродѣтели. Чтобы теченіе наше въ семь подвигъ было несуетно, чтобы сраженіе славно, чтобы полученіе намѣренія несумнительно, божественный Апостоль возбуждаетъ

* Сказано въ Москвѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ приворной церкви, 1767 года, сентября 20 дня.

насъ сими словами: „Тако тецѣте, да постигнете“. Выведены вы изъ небытія въ бытіе, которое есть начало дѣйствія, поставлены на все-свѣтномъ зрѣлищѣ, на сіе зрѣлище открыты небеса, взирають на васъ очи ангельскія, взирають и Самъ небесный Подвигположникъ, держа въ рукахъ вѣнцы неувядаемые. Выходите, подвизайтесь, сражайтесь, теките, одинъ другаго предупреждая, тщитесь предвосхитить вѣнецъ и онимъ украсить побѣдоносную главу свою. Не шадите силъ своихъ для столь великой почести: „такъ тецѣте, да постигнете“. Но понеже, по Апостольскимъ же словамъ, „аще кто и постраждетъ, не вѣнчается, аще незаконно“ подвизаться „будетъ“ (2 Тим., 2, 5), — для того надлежитъ изслѣдовать, *чего достигать намъ надобно*. Ибо конецъ всякаго дѣла хотя есть послѣдній въ исполненіи, но первый въ намѣреніи, дабы всѣ наши труды не были суетны, если конца знать не будемъ. А Ты, великій Подвигположникъ, благоволи управлять текущую колесницу славы нашей и подвигъ нашего слова увѣнчай подвигомъ самаго дѣла.

ТАКО ТЕЦѢТЕ, ДА ПОСТИГНЕТЕ.

Сіи слова Апостоль писалъ къ Коринѳянамъ, у которыхъ между разными, такъ называемыми, олимпійскими играми было въ употребленіи бѣганіе на колесницахъ. Кто другихъ предускорялъ и прежде достигалъ до назначенной мѣты, тотъ признаваемъ былъ за побѣдителя и получалъ въ почестъ вѣнецъ, сплетенный изъ листьевъ извѣстнаго древа. Отъ сихъ увеселеній чувственныхъ Павелъ возводитъ христіанина къ увеселеніямъ духовнымъ, въ которыхъ онъ также находитъ колесницу, теченіе, вѣнецъ и торжество. Въ семъ духовномъ подвигѣ колесница есть разумъ, правимый вѣрою, теченіе есть непрестанное упражненіе въ добродѣтели со всегдашнимъ приращеніемъ совершенства, вѣнецъ есть слава неумирающая, торжество есть услажденіе вѣчное.

Но, чтобы подробнѣе взойти намъ въ сіе нравоучительное разсужденіе, посмотримъ, всѣ ли текутъ? всѣ ли такъ текутъ, какъ надлежитъ? кто законно течетъ и непогрѣшительно постигаетъ?

Нельзя сказать, чтобы всѣ были въ подвигѣ теченія. Люди, которые опочиваютъ въ нѣдрахъ праздности, у которыхъ всѣ члены изнѣжены отъ роскоши, не могутъ понести трудовъ, какихъ требуетъ подвигъ добродѣтели. Они любятъ ходить по цвѣтамъ, они страшатся взойти на оную священную высоту, на которой поставленъ храмъ добродѣтели: ибо чрезъ праздность они разслабили всѣ силы тѣлесныя и душевныя, умертвили естественныя способности, погасили духъ благородства и превратили Божіе намѣреніе. И для того, понеже они не текутъ, такъ и не постигаютъ: какъ ничего не дѣлають, такъ ничего и не получаютъ, кромѣ печальныхъ слѣдствій, препровождаемыхъ лишеніемъ истинной славы.

Но суть и такіе, которые и текутъ, но не постигаютъ, — которые хотя и подвизаются, но не увѣчиваются. Ихъ Апостоль обозначилъ симъ краткимъ словомъ „такъ:“ „Такъ тецете“, — изъ чего разумѣть можно, что не всѣ текутъ такъ, какъ надлежитъ. За таковыхъ почесть должно корыстолюбцевъ и честолюбцевъ.

Корыстолюбцы во всѣхъ своихъ дѣлахъ смотрятъ на корысть, и не принимаютъ за то, отъ чего не надѣются получить себѣ прибытка. Но надобно различать пользу и корысть: подъ именемъ корысти разумѣется приращеніе къ богатству, а польза заключаетъ все то, что какимъ-либо образомъ служить къ совершенству нашему. И потому, подлинно, нѣтъ дѣйствія честнаго, которое вмѣстѣ не было бы и полезно; но нельзя сказать, чтобы оно всегда было и прибыточно: напротивъ, нерѣдко случается, что честность дѣйствія заставляетъ добродѣтельнаго человѣка жертвовать ей тратою своей корысти. Однако, сія трата довольно награждается другою превосходною пользою, которая, ежели не въ другомъ чемъ, такъ по крайней мѣрѣ состоитъ въ приведеніи души въ большее совершенство. Но человѣкъ корыстолюбивый не уважаетъ сію пользу для того, что онъ не видитъ ея, ибо истинная польза усматривается очами разума; а онъ управляется одними чувствами, которыми, понеже осязаетъ прибытокъ, то посему и увлечется имъ. Такимъ людямъ непонятна общая польза: они не разумѣютъ, что значить дѣлать добро по движенію совѣсти, дѣлать добро для внутренняго удовольствія души; они не любятъ, кто проповѣдуетъ имъ, что не всякій способъ есть позволителенъ къ обогащенію. Такъ чѣмъ же различествуютъ таковыя отъ прочихъ животныхъ безсловесныхъ? имъ Богъ — чрево: они пригвождены къ землѣ и на небо очей своихъ возвести не могутъ; они — стыдъ человѣчеству и безчестіе образу Божию. И для того справедливо Евангеліе называетъ ихъ „въ себя, а не въ Бога богатѣющими“ (Лук., 12, 21).

Однако, совѣмъ тѣмъ, они текутъ, то-есть, сносятъ много трудовъ, не дають покоя мыслямъ и сна очамъ, выдумывая съ великимъ затрудненіемъ разные способы къ удовольствію своей корыстолюбивой склонности. Текутъ они, но не постигаютъ, — подвизаются, но лишаются вѣнца, не для того, аки бы мало подвизались, но для того, что не такъ текутъ, какъ требуетъ правило добродѣтельнаго подвига и законъ честности. „Не вѣсте ли“, говоритъ Апостоль, „яко текущи въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же приемятъ почесть? Тако тецете, да постигнете“ (1 Кор., 9, 24). Впрочемъ, извѣстно, что симъ разсужденіемъ не опровергается всякій прибытокъ, развѣ токмо безчестный. Прибытокъ, соединенный съ честностію, есть святъ и непороченъ, и онъ не можетъ быть полученъ иначе, развѣ подвигомъ добродѣтели.

Другой родъ все текущихъ суть честолюбцы. Нѣтъ употребительнѣе сего слова—„честолюбіе“, и обыкновенно говорятъ, что надобно дѣлать добро по честолюбію, что желаніе чести есть побужденіе къ добродѣтели. Но, чѣмъ употребительнѣе сіе слово, тѣмъ больше потребно объяснить оное и опредѣлить ему настоящій разумъ. Ежели подъ именемъ чести разумѣть такъ, какъ обыкновенно разумѣютъ, „доброе мнѣніе людей о комъ-нибудь“, и сіе мнѣніе почитать единственнымъ побужденіемъ къ добродѣтели, то добродѣтель можетъ остаться въ опасномъ положеніи. Для чего? — для того, что люди нерѣдко обманываются, почему иногда привязываютъ доброе мнѣніе къ тому, что онаго не достойно,—для того, что люди не всегда бываютъ безпристрастны, и потому не рѣдко добродѣтель опорочиваютъ, а порокъ оправдываютъ. Кто изъ васъ не знаетъ не малое число такихъ примѣровъ, что ласкатель — въ почтеніи, а праведный человѣкъ — въ презрѣніи,—что многоглаголивый и дерзновенный почитается за разумнаго, а скромный—за малознающаго? Кто не знаетъ, что нерѣдко кроткаго считаютъ за боязливаго, благочестиваго—за суевѣра, а дерзновенно о всѣхъ вещахъ божественныхъ разсуждающаго—за просвѣщеннаго? Таковыя превратныя мнѣнія тѣмъ несносиѣе, что иногда и по смерти слѣдуютъ за тѣми же, коихъ неправедно прославляли въ жизни. Исторія часто превозноситъ до небесъ тѣхъ, которые должны быть преданы вѣчному забвенію, а остаются въ глубокомъ молчаніи оныя, которые въ добродѣтели славно подвизались предъ очами всевидящаго Бога. На сіе можетъ сказать кто, что должно довольствоваться добрымъ мнѣніемъ большаго числа людей; но сія выкладка трудна, и сіе было бы—добродѣтель дѣлать на удачу.

При сихъ превратныхъ человѣческихъ мнѣніяхъ, что надобно дѣлать тому, который исполнялъ бы добродѣтель по одному побужденію получить за то честь, и чести бы не получилъ? что надобно дѣлать тому?—бросить добродѣтель, или, по крайней мѣрѣ, расслабить въ семь подвиговъ, не получивъ того конца, для котораго онъ предпринималъ все свое дѣло. Расслабить, говорю, ибо, дѣйствительно, изъ числа сего рода людей—тѣ, которые жалуются, говоря: „я по заслугамъ своимъ не имѣю награжденія“; „другихъ, недостойныхъ предпочитаютъ мнѣ“; „что пользы, что я былъ столько добродѣтеленъ“? Жалуются, ропщутъ, отчаяваются, и въ отчаяніи своемъ часто отваживаются силою достать то, что получить не могли надлежащимъ путемъ. Такъ они жалуются, такъ смущаются, но утѣшить себя не имѣютъ чѣмъ: понеже въ добродѣтели своей не смотрѣли ни на что, какъ только на честь, которой когда лишились, такъ лишились всего. Да и добродѣтель уже не можетъ остаться при нихъ: ибо они, дѣлая ее, взирали не столько на

нее, сколько на пользу свою. И потому принять честолюбіе за единственное побужденіе къ добродѣтели, есть отнять у добродѣтели гонимой.

Скажи ты намъ, мнѣ Церковію празднуемый мученикъ,—что ты утѣшалъ себя въ страданіяхъ? Мы видимъ, что міръ мало дѣлалъ чести твоей добродѣтели, когда огнемъ сожигалъ священное тѣло твое. Но увѣряетъ насъ Духъ Святый, что ты утѣшалъ себя самою добродѣтелію; и потому она столько же любимую казалась тебѣ и на оубъ, какъ бы опочивала и на престолѣ. Хотя люди и иное о добродѣтели твоей думали, но оправдала тебя совѣсть, но утѣшалъ тебя Богъ.

Такъ какое же должно имѣть побужденіе къ добродѣтели,—справедливо спросить кто? На сіе отвѣтствую, что добродѣтель должна быть любима сама для себя. А изъ сего да не подумаешь кто, что я добродѣтель представляю будто сухою и безплодною; нѣтъ, не отдѣлю я отъ добродѣтели тѣхъ выгоды, кои отъ нея разлучиться не могутъ. Такія выгоды суть, во-первыхъ, внутреннее сладчайшее удовольствіе совѣсти и неизглаголанное спокойствіе духа, которое никто отнять не можетъ отъ добродѣтельнаго: ни время, ни хитрый клеветникъ, ни злой ненавистникъ, ни тать, ни страсть. Второе, честь, да какая?—которую добродѣтель имѣетъ у Бога: награжденіе, какое ей представлено у праведнаго Правителя всѣхъ вещей и Судии. Сіи выгоды отъ добродѣтели суть неотъемлемы: онѣ вѣчны, и нельзя истребить ихъ, не истребивъ самую добродѣтель. Сіи-то выгоды возбуждать насъ должны къ исполненію добродѣтели. Что же? надобно ли совсѣмъ презирать честь мірскую?—нѣтъ, надобно желать, чтобы всѣ люди имѣли мнѣніе доброе о добродѣтельныхъ и ихъ бы только однихъ почитали. И потому, когда за добродѣтелію слѣдуетъ и мірская честь, она должна употреблять въ свою пользу; а ежели не слѣдуетъ, для того скорбѣть не надобно: ибо, получивъ существо вещи, не для чего мислжалѣтъ, что не получилъ, что при той вещи есть случайное.

Сіе разсужденіе беретъ свое начало изъ основаній Евангельскихъ, а Евангельское намѣреніе есть, чтобы подкрѣпить людей по Евангелію честныхъ, но отъ міра нелюбимыхъ,—чтобы подать утѣшеніе добродѣтели въ случаѣ ея неласковаго приѣма отъ міра. Кто по симъ христіанскимъ истинамъ поступаетъ,—міръ на немъ и милость. Кто таковою образомъ течетъ, правильно течетъ, и законно подвизается,—течетъ и постигаетъ: постигаетъ внутреннее спокойствіе духа, сладчайшую радость совѣсти, похоть отъ руки Вышняго, вѣнецъ славы небесной неувядаемый. Получаетъ же часто честь и отъ міра: ибо слава добродѣтели столь велика, что принуждаетъ себя почитать и тогда и самыхъ развращенныхъ.

Тезите убо, христіане, симъ путемъ, который назначаетъ вамъ мѣстна, и поспѣшайте къ той мѣстѣ, которую предлагаетъ вамъ Евангеліе. Вы призваны въ подвигъ сей: совлачайтесь одежды тѣлнія, исполняйте свои званія, не ослабѣвайте въ нихъ; почитите добродѣтель паче прѣбитковъ и паче мнѣній міра. Впрочемъ, будьте увѣрены, что не прѣршите вы въ своемъ теченіи: приметъ васъ колесница славы, и съ гласъ небесный огласитъ уши ваши: побѣждающему дамъ съести оденую Меня. О Боже! да удостоится подвигъ нашъ похваленъ быть Твоимъ вѣчнымъ словомъ.

А Ты, Благочестивѣйшая Государыня наша, благоволи предшествовать намъ въ семъ подвигѣ. Извѣстно, сколь примѣръ Твой есть дѣятеленъ въ семъ, какъ и во всякомъ случаѣ; да и обязана Ты Верховнымъ Правителемъ, священною рукою своею, отверзати намъ дверь къ теченію благословенному. Мы, предводительствуемые Тобою и вооруженные истиною, пойдемъ на брань противъ всего того, что не имѣетъ міра съ добродѣтелію, что нарушаетъ блаженство наше; пойдемъ же въ извѣстномъ упованіи, чтобы, наконецъ, воскътъ намъ предъ Богомъ побѣдительное во гласъ веселія и радованія. И хотя сіе соудино съ трудомъ и не малымъ, но сладко видѣтъ дѣтей, матерними сѣнами шествующихъ и носящихъ предъ Тобою вѣтви благодѣланія. Но почто я говорю сіе? текущую, да еще съ великою славою, къ теченію побуждаю? Извѣстны Твои труды, извѣстенъ подвигъ въ добродѣтели. Я, и со мною всякъ воображаетъ съ сладостію оную борьбу добродѣтели, которая недавно оказалась въ лицѣ Твоемъ: одна добродѣтель приносила Тебѣ титлы, другая отрицала принять ихъ. Славное сраженіе! что же, наконецъ? Добродѣтель получила сама надъ собою побѣду и, попустивъ себѣ съ одной стороны быть побѣжденной, съ сего сраженія возвратилась тѣмъ съ большимъ торжествомъ и славою. Богъ, Который такими зрѣлищами увеселяетъ очи Свои,—Богъ да поспѣшествуетъ Тебѣ, Великая Монархія, продолжать благополучно подвигъ сей и да предуготовитъ Тебѣ столько вѣнцевъ, сколько есть нашихъ желаній, или паче, сколько есть въ Богѣ благоволенія о добродѣтели.

Въ май симъ рассужденіямъ, и зри примѣры Ты, Благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій торжественникъ нашъ! зри примѣры столь Тебѣ близкіе или, паче сказать, домашніе. При благополучномъ теченіи мѣръ Твоихъ, при умножающейся, всего общества, о Тебѣ надеждѣ, что можемъ мы Тебѣ сказать пристойнѣе сего Апостольскаго слова: „Тако тецые, да постигнете?“ Теченіе Твое обращаетъ на Тя очи всѣхъ, желающихъ быть участниками, наслаждаться торжествомъ Твоимъ. Удотребляй въ пользу сіи желанія, прославь надежды наша,

исполни чаянія. Слыши, Богъ глаголетъ Тебѣ съ небесъ святыхъ Своихъ: „сыне, даждь ми сердце твое“ (Притч., 23, 26). Не отрицай сего требованія столь справедливаго и столь Тебѣ полезнаго; отдай сердце свое Тому, Кто создалъ его и Который соединить всегда хочетъ оное съ Духомъ Своимъ.

О, взирая на всѣ дѣла смертныхъ и оныя праведно увѣчивая, Боже! не преставай Монархиню нашу и дражайшаго сына ея покрывать безсмертною Твоею десницею; Ты сотворилъ ее матерью, увеселяющею Наслѣдника и насъ: возвесели и сердце ея такъ, какъ веселится мать о любезныхъ чадахъ своихъ. Аминь.

Слово въ день святыхъ Апостолъ Петра и Павла, и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Отвѣщавъ Симонъ Петръ, рече: Ты еси Христось, Сынъ Бога живаго“.

(Матѣ., гл. 16, ст. 16).

Сей отвѣтъ Апостольскій содержитъ въ себѣ исповѣданіе вѣры нашей, то есть, дѣйствіе, коимъ предъ всѣми необязанно объявляемъ о себѣ, что мы, служители Бога истиннаго и усердные послѣдователи Евангелія,—что мы почтеніе Его ставимъ за первѣйшій долгъ нашего обязательства и желаемъ жертвовать всѣмъ славѣ Его. Симвъ даромъ Божественнымъ Церковь христіанская по справедливости признаетъ себя одолженною усердію, ревности, трудамъ и болѣзнямъ нынѣ празднуемыхъ апостоловъ Петра и Павла,—почему и обязуется она, исполняя долгъ благодарности, почитать ихъ память, прославлять имя и проповѣдывать ихъ заслуги.

Но что достойное принесемъ мы къ похвалѣ вашей, о божественные мужи и священные тайноводители? мысль наша не сильна объять понятіемъ своимъ всѣ ваши добродѣтели, языкъ изнемогаетъ изобрѣсти способныя слова къ соплетенію вамъ вѣнца похвальнаго, и мы почитаемъ ваши заслуги паче удивленіемъ, нежели исчисленіемъ. Если святой Златоустъ, столь многими похвалами возвеличившій апостола Павла, имѣлъ нужду на послѣдокъ сказать, что „удобиѣ есть океанъ исчерпать, нежели Павловы похвалы исчислить“, то что же довольно сказать возмогутъ бранныя уста наши? Однако, дабы намъ сей день, день Церкви торжественный, Россіи всерадостный, почитать

Сказано въ Петергофѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1768 года, іюня 29 дня.

возможнымъ усердіемъ, предложимъ бесѣду о *свойствахъ или о силѣ Евангельской вѣры*, которая столь славно дѣйствовала чрезъ апостоловъ въ обращеніи ко Христу многихъ народовъ.

А Ты, Христе Спасителю, умудривый апостоловъ Твоихъ, сотвори, да будетъ слово наше не въ препрѣтельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа Твоего и силы!

Изъ исторіи церковной намъ довольно извѣстно, что проповѣдь апостольская не была безплодна; но, гдѣ она проходила, вездѣ оставляла по себѣ слѣды своей силы и плоды спасенія. Въ самыя времена апостольскія уже во всѣхъ частяхъ свѣта были христіане, и, чѣмъ далѣе проходило время, тѣмъ больше возрастало и умножалось сіе благословенное сѣмя. Народы оставляли свои обычаи, бросали суевѣрныя преданія, начали гасить огонь идоложертвенный, гнущаться алтарями, воздвигнутыми ложнымъ божествамъ, и радоваться, что небо даровало имъ, блаженнѣйшій паче предковъ ихъ, жребій.

Но какъ превеликой трудности дѣло есть оставить обычаи, обряды, преданія, предрасудки, наипаче связанные съ закономъ, то, напротивъ, надлежитъ быть великой и Божественной силѣ Евангелія, которая славно восторжествовала надъ всѣмъ тѣмъ, потому наипаче, что проповѣдники Евангелія не имѣли никакого оружія, ни власти, ни вѣтхоственной хитрости, ни подвижности философской и ничего, что обыкъ уважать мѣръ. Почему и причину такового успѣха надлежитъ искать не въ тѣхъ, кои токмо послужили орудіемъ сему дѣйствию, но въ самомъ проповѣдуемомъ ученіи, въ самомъ Евангеліи.

Таковая сила открывается намъ въ слѣдующихъ свойствахъ евангельской вѣры, свойствахъ отъ нея неотъемлемыхъ и ей единственно всегда принадлежащихъ.

Первое свойство Евангелія, къ обращенію сердца дѣйствительно служащее, есть духъ снисхожденія и кротости. Ежели правда,—какъ то и подлинной, и о семъ сумнѣться не можно,—что человѣкъ удовлетворяется ласкою больше, нежели страхомъ,—кротостію, нежели строгостію,—снисхожденіемъ паче, нежели насильственнымъ требованіемъ: то нигдѣ не найдемъ мы, чтобы сіе было хранимо съ большею святостію, какъ въ ученіи Евангелія. Мы слышимъ въ немъ, что призываются всѣ труждающіеся и чувствующіе обремененіе въ совѣсти, чтобы они могли быть успокоены. Мы слышимъ въ немъ, что Богъ, промысливъ о птицѣхъ, о цвѣтѣхъ, о травѣхъ, простираетъ попеченіе Свое о человѣкѣхъ столь далеко, что и всѣ власы главы его изочтены предъ Нимъ. Мы слышимъ въ немъ, что Отецъ небесный любитъ насъ, что Онъ приходитъ въ непорочное сердце и въ немъ творитъ Себѣ обитель. Мы слышимъ въ немъ грѣшниковъ, къ покаянію призываемыхъ самымъ нѣжнымъ обра-

зомъ. Мы видимъ въ немъ мытарско покаяніе неотвергаемое,—слезы жены, въ распутствѣ живущей, презираемыя,—Закхенно обращеніе пріемлемое. Мы видимъ въ немъ стремленіе, желавшее съ небеси свести огонь на грѣшный градъ, удерживаемое,—сердечный вопль разбойника, милостиво выслушанный. Мы видимъ въ немъ Самого Основателя вѣры нашей на крестѣ, при послѣднемъ издыханіи за распинателей Своихъ молящагося.

Чье сердце будетъ столь ожесточено, чтобы такими примѣрами къ умилению подвижено не было, если оно имѣетъ хотя малое чувство своей повинности предъ Богомъ?

Изъ сего не можно заключить, акибы сіе снисхожденіе простиралось даже до послабленія. Нѣтъ, оно только надлежитъ до чловѣка, кающагося и ищущаго исправленія своего; а, ожесточенный въ злости своей, снмъ снисхожденіемъ благодати пользоваться права не имѣетъ: ибо и чувствовать его не можетъ онъ.

Съ изъясненнымъ нами свойствомъ соединяется другое свойство Евангелія, утѣшительное, въ случаѣ смущенія совѣсти, искушеній, страданія и часа смертнаго. Совѣсти, смущаемой страхомъ суда Божія, Евангеліе благовѣствуетъ миръ, купленный кровію Сына Божія и пріобрѣтенный снисхожденіемъ на землю живущаго на небесахъ; во время искушеній оно напоминаетъ, что, якоже искушается сребро въ огнѣ, такъ сердца праведныхъ—у Бога, и имѣетъ сынъ, его же не наказуетъ отецъ; при сильномъ же нападеніи ихъ велитъ Апостольской трубѣ гласить въ уши наши: „искушеніе васъ не достиже, точію чловѣческое: вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, неже можете“ (1 Кор., 10, 13). Въ случаѣ неповинныхъ страданій оно утѣшаетъ насъ великимъ примѣромъ пострадавшаго за насъ и со креста къ намъ вопіющаго: „аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ“ (Іоанн., 15, 18). Во время же смертнаго часа Евангеліе утѣшаетъ мысль нашу, что смерть есть пріобрѣтеніе лучшей жизни,—что она есть достиженіе мѣты, при которой увѣчиваются славно подвизавшіеся,—что она есть та блаженная частица времени, въ которую очи наши перестаютъ видѣть суету мірскихъ превращеній и соблазновъ. Все сіе если бы устами богодухновенными, каковы, на примѣръ, были Павловы, было предложено тебѣ, въ невѣри пребывающій чловѣкъ,—можъ ли бы ты столь ожесточить себя, чтобы не прилѣпиться къ такому ученію?

Къ сему же разсужденію надлежитъ и то, что Евангеліе утверждаетъ насъ несумнительною надеждою благъ будущихъ, которое обѣщаніе тѣмъ дѣйствительнѣе въ сердцахъ нашихъ, что оно и съ разумомъ согласно, и съ безсмертіемъ души сходственно. Соединиться, на примѣръ,

съ свѣтомъ несозданнымъ, почерпнуть отсюда избыточное познаніе истинъ, не есть ли естественно душѣ нашей, одаренной, малымъ въ некоторомъ свѣтомъ разума, и всегда познать что-нибудь желающей? любить любовію вѣчную предметъ, наполненный всѣми совершенствами, не есть ли свойственно склонности сердца нашего, которое естественно стремится къ соединенію со всякимъ добромъ? Быть во всегдашнемъ содружествѣ съ тѣми, кои въ мірѣ были добродѣтельными всѣхъ, можетъ ли разумъ нашъ требовать что-нибудь основательнѣе, и духъ нашъ желать что-нибудь съ большимъ усиліемъ? быть въ таковомъ блаженномъ состояніи, безъ всякаго смущенія, чтобы могло когда что нибудь поколебать оное,—не требуетъ ли сего безсмертіе, коимъ отъ Бога почтена душа наша?

Таковыя обѣщанія, таковыя блага, столь превосходныя и столь сродныя намъ, какое, думаете, произведутъ дѣйствіе въ оной душѣ, которая хотя мало увѣрена, что она создана для вѣчности, и съ какимъ усердіемъ приметъ она ученіе благовѣствующее ей о томъ? Будетъ ли уже удивительно, что человѣкъ, восхищенный любовію таковыхъ благъ, не за великое вмѣнить почести, богатство и славу, еслибы они были препятствіемъ ему къ достиженію оныхъ благъ? будетъ ли уже удивительно, что многіе въ христіанствѣ знаменитые мужи воображеніемъ сихъ благъ столь утѣшались въ срединѣ страданій, что или не чувствовали, или сносили великодушно самыя лютыя мученія? Нынѣ празднуемый Апостолъ Павелъ въ срединѣ бури напастей, кои онъ самъ исчисляеть, говоритъ: „радуясь во страданіихъ моихъ“ (Колосс. 1, 24).

Откуда тебѣ, великій герой христіанства, толкое мужество, что при раздробленіи тѣла твоего духъ твой непоколебимъ и радостенъ? „Недостойны“,—отвѣчаетъ онъ,—„страданія нынѣшняго времени въ сравненіи славы имущія явитися въ насъ“ (Римл., 8, 18) и для того „радуясь во страданіихъ моихъ“. О, великое дѣйствіе, знаменіе великой силы! ибо извѣстно, сколько человѣкъ животолюбивъ и сколь естественно страшенъ разрывъ живота! Но когда онъ на все сіе дерзаетъ и небоязненно жертвуетъ своею жизнію: то какой надлежитъ быть силѣ такъ дѣйствующей въ мысли и сердцѣ? какой, ежели не Божественной?

Подлинно, можетъ случиться, что иной на все отважится по однимъ впрочемъ, лестнымъ, суетнымъ, воображеніямъ. Но таковыя безразсудныя стремленія весьма удобно различить отъ истиннаго суевѣрія; и если бы кто дерзнулъ почестъ несущественными таковыя обѣщанія, каковыя суть Евангельскія,—тому надобно отрещись благородства естества своего и со стыдомъ унизить себя въ состояніе животныхъ безсловесныхъ.

Не должны же мы молчаніемъ пройти и то, чѣмъ всякое ученіе особенно выводитъ себя изъ подозрѣнія, а именно: что Евангеліе содержитъ въ себѣ силу весьма побудительную къ добродѣтели. Ибо оно склоняетъ всѣ свои намѣренія туда, чтобы расположить человѣка къ благоправію и всѣ его склонности принести въ жертву святости. „Конецъ завѣщанія есть“, — говоритъ Апостоль, — „любвы отъ чиста сердца и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя“ (1 Тим., 1, 5). И для того Евангеліе наисильнѣйшимъ образомъ увѣряетъ всякаго, что безъ добрыхъ дѣлъ никакъ не возможно сподобиться блаженства и зрѣнія Божія, — что любовь, какъ есть первѣйшее средство къ благодати, такъ и послѣдній конецъ вѣры, — что мы одолжены любить и исполнять добродѣтель не меньше и тогда, когда бы за нее гонимы были.

Сии побужденія тѣмъ непорочнѣе, что они приводятъ насъ къ исполненію закона не страхомъ и не по корыстолюбію, но по одной любви, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы намъ засвидѣтельствовать предъ Богомъ, что мы памятуемъ Его къ себѣ любовью, — что мы ею уязвлены и безпокоимся о способахъ засвидѣтельствованія взаимной любви нашей. И кто, слыша сіе, не восчувствуетъ въ себѣ жаркаго стремленія, чтобы броситься въ объятія добродѣтели?

Итакъ, изъ настоящаго разсужденія нашего всякъ можетъ довольно видѣть, сколь велика есть сила вѣры Евангельской въ обращеніи человѣческаго сердца; и когда со вниманіемъ разсудимъ все сказанное нами, меньше удивляться станемъ, что апостолы могли столько народовъ отвести отъ принятыхъ ими преданій и обратить къ вѣрѣ столь увѣрительной, столь святой и непорочной. „Оружія воинства нашего“, — восклицаетъ апост. Павелъ, „не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердей: помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій, и плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово“ (2 Кор., 10, 4—5).

Когда же такъ многомогуща сила Евангелія, то для чего многіе не токмо не пріемлютъ сіе ученіе, но и противятся и гонять? На сіе справедливо отвѣтствуется, что то происходитъ отъ невниманія, отъ предразсужденія, отъ упрямства, подкрѣпляемаго самолюбіемъ, отъ развращенной жизни и отъ суетнаго мудрованія. Но часто причиною сему бываетъ и то, что отъ неискреннихъ и суевѣрныхъ учителей въ истину Христову примѣшивався много лжи, студныхъ суевѣрствъ, пустыхъ басней, преданій неизвѣстныхъ и вредныхъ, такъ что истина, отъ такихъ представленная, больше уже не походитъ на саму себя. Сіе неутвержденнымъ душамъ подаетъ случай къ великому соблазну: ибо онѣ, примѣшавъ грубую ложь и осязаемое суевѣрство, уже не вѣрятъ и тому, чему вѣрять неотмѣнно надобно. Но совершенно просвѣщен-

ный сямъ искушенъ быть не можетъ: ибо онъ, съ помощію благодати, умѣеть различить истину отъ лжи, и потому для примѣси лжи истину пренебрегать не дерзнетъ.

Но время уже намъ, слушатели, обратить слово свое къ самимъ себѣ и въ самихъ насъ признать и прославить неизреченную благодать Божию, что благоволилъ Онъ осіять насъ свѣтомъ Евангельской вѣры и утвердилъ насъ на камени православія. Что воздадимъ благодарному намъ Господу, и какія принесемъ Ему жертвы хвалы и благодаренія?

Ты, истинный христіанинъ,—ты силу Евангелія въ сердцѣ своемъ болѣе чувствуешь, нежели сколько слово мое изъяснить можетъ. Оныя воздыханія, кои Павелъ называетъ, „неизглаголанными“, тебѣ извѣстны. Ты разумѣешь, что есть даръ сыноположенія? что есть обрученіе духа? что есть оный жаркій вопль сердца: „Авва Отче“? Въсталище сихъ дѣйствій есть сердце твое, сихъ плодовъ сладость вкушаетъ душа твоя.

Радуйся убо, Христова Церковь, на такомъ основаніи утвержденная! радуйся, благочестивое сословіе христіанъ, почтенное таковымъ о тебѣ благоволеніемъ! радуйся особенно ты, Христова Церковь, насажденная въ плодоносномъ вертоградѣ пространной Россіи, и паки реку, радуйся, что имѣешь ты благочестивую Монархиню, величайшую твою покровительницу, усердную защитницу вѣры и славы твоей. Ты зришь въ Ней любовь къ Богу пламенѣющую, къ тайнамъ твоимъ почтеніе, къ святости твоей благоговѣніе, къ празднованіямъ твоимъ склонность радостную, къ проповѣди слова твоего охоту усердную. Зришь ее, созидающую новые законы, затѣмъ наипаче, дабы на благочестіи основать правосудіе и съ истиною соединить добродѣтель. Почему, пролей молитвы твои къ Богу, да совершитъ сіе намѣреніе ея, да достигнетъ онаго времени, въ кое Россія имѣетъ припасть предъ жертвенникомъ твоимъ и принести благодареніе Сѣдѣющему на херувимѣхъ, во гласѣ радованія и исповѣданія, во гласѣ шума празднующихъ.

Сіи желанія и молитвы православной Церкви о Тебѣ благоволи внушить, Великая Монархиня, и возвеселись духомъ Твоимъ, что имѣешь столь славную свидѣтельницу заслугъ Твоихъ и проповѣдницу добродѣтелей твоихъ.

Возносить свои молитвы о Тебѣ къ престолу благодати Церковь особенно одолжена, ибо Богъ въ день преславнаго Твоего на Всероссийскій престолъ восшествія вручилъ ей Твою священную особу сими словами: „вручаю вамъ Фіву сестру нашу: да примете ю о Господѣ достойно святымъ и споспѣшествуйте ей, о нейже аще отъ васъ потребуетъ вещи: ибо сія заступница многимъ бысть, и самому мнѣ“ (Римл., 16, 1—2). Сіи слова прими, Монархиня, за особенное дѣйствіе промысла Господня о Тебѣ, такъ какъ и мы приедемъ оныя за осо-

бенное отъ небесъ увѣреніе, яко скипетръ Твой есть правосудіе, и порфира Твоя есть покровъ милосердія.

Отъ Августѣйшей матери склоняемъ слово наше къ Тебѣ, благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій нашъ имяниницъ! Россія, пріемля участіе въ радости дня сего, откровенно признается, что ея радость тѣмъ больше умножается, что надежда ея пріемлетъ исполненіе, что ея сердечныя предвѣщанія о Тебѣ сбываются. Ибо она видитъ, и видитъ съ веселіемъ, сколь счастливо соотвѣтствуешь Ты матернимъ попеченіямъ о Тебѣ Августѣйшей Родительницы, и, проходя мужественно подвигъ ученія и добродѣтели, спѣшишь, дабы увѣнчать главу свою вѣнцемъ славы неумирающей. Сіе тѣмъ надежише, что полагаешь все то на основаніи благочестія, которое въ сердцѣ Твоемъ себѣ водрузило вѣчную обитель. Ибо уже Тебѣ извѣстны тайны Господни, и вмѣстѣ Ты въ понятіе свое высокія истины закона. Впрочемъ, внемли, что Тебѣ вѣщаетъ тезоименитый Павелъ: „никто же о юности твоей да нерадитъ, внемли чтенію, утѣшенію, ученію. Не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ: но образъ буди всѣмъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою. Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай, въ сихъ разумѣй, да преслѣваніе твое явлено будетъ во всѣхъ“ (1 Тим., 4, 12—15).

Боже! Просвѣщенная Тобою Россія молитъ Тебя: духъ благоволенія Твоего да опочиваетъ всегда на Помазанницѣ Твоей съ плодотворною отраслью ея, чтобы мы, зря на нихъ процвѣтающихъ въ благоденствіи, могли предъ Тобою восклицать: „удивилъ есть Господь сотворити съ ними: удивилъ есть Господь сотворити съ нами“ (Псал. 125, 2—3). Аминь.

Слово на основаніе знаменитаго соборнаго Исаакіевскаго храма въ Санктпетербургѣ *).

„Господи! возлюбихъ благолюбіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея“

(Псал., 25, ст. 8).

Когда царствующій Давидъ пришелъ въ размышленіе о всѣхъ тѣхъ благодѣяніяхъ, коими благословила его щедрота Божія, когда онъ вообразилъ состояніе, въ которомъ прежде былъ, и способъ, коимъ

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества. Святѣйшаго Синода, и всего синклита, 1768 года, августа 8 дня.

восшелъ на славу царствія и сѣлъ на престолѣ величества, когда онъ представилъ себѣ, что враги его пали подъ ноги его, что предѣлы его царства расширились и стали внѣ опасности, что домъ его утвердился и все владѣніе увѣнчано миромъ и благоденствіемъ, когда все сіе, говорю, принялъ благочестивый Царь въ мысль свою: тотчасъ призываетъ къ себѣ толкователя таинъ и воли Божіей, пророка Навана, открываетъ ему мысль свою и говоритъ: „множество благодѣяній Господнихъ чувствуетъ сердце мое, и сіе чувство возбуждаетъ меня, принести Ему видимый знакъ благодарности моей. Я хочу создать храмъ Невмѣстному, и домъ опочивающему на херувимѣхъ, ибо мнѣ стыдно, святой Пророкъ, что я, по благости Божіей, живу въ дому великолѣпнои, а кивотъ Господень странствуя стоитъ въ скинии“. И рече Царь къ Навану пророку: „Се, мнѣ азъ живу въ дому кедровѣмъ, кивотъ же Божій стоитъ посреде скинии“. Похвалилъ Пророкъ сіе Царево намѣреніе и сказалъ ему: „вся елика суть въ сердца твоемъ, иди и твори, яко Господь съ тобою“ (2 Царств., 7, 2, 3).

Таковымъ же дѣйствіемъ и осѣненіемъ духа возбужденную зримъ днесь Благочестивѣйшую и Августѣйшую Императрицу всея Россіи. Она, принявъ въ мысль свою, или паче всегда содержа въ мысли своей благодѣянія, коими она отъ Бога благословенна, коими отъ Бога благословенна и держава ея, и чувствуя въ сердцѣ все то, что можетъ произвести въ немъ сильное воображеніе благодѣяній Божіихъ, воспріяла святое намѣреніе, создать храмъ Вездѣсущему, и славу Его съ небеси привлечь на мѣсто, воздвигенное имени Его. Почему предъ величествомъ Его и можетъ она съ Давидомъ изъясниться сими словами: „Господи мой, Господи! Я, раба Твоя, принявшая отъ Тебя скипетръ и царство, и на высочайшій жребій смертныхъ вознесенная, благодарность мою симъ свидѣтельствую, восхотѣла создать храмъ славы Твоей и домъ имени Твоему. Сіе малое приношу Тебѣ въ жертву, вмѣсто всесоженій тучныхъ и вмѣсто всѣхъ закалаемыхъ. Обрадуи духъ мой, чтобы Тебѣ угодно было сіе мое приношеніе, и прими приносящую Твоя отъ Твоихъ. Сіе же приношу Тебѣ отъ всего моего царства, да знаютъ всѣ, яко руководствую ихъ къ почтенію Твоему. Подлинно, я вѣдаю, что слава Твоя невмѣстима, и Ты обитаеши во храмахъ пышныхъ нерукотворенныхъ, но Ты, въ дѣвической утробѣ вмѣстишься,—Ты вездѣ сѣи, вселися и на мѣстѣ семъ благоволеніемъ Своимъ, и тѣмъ утверди слово Пророка Твоего, яко ты на земли являешия, и съ человѣки обитаеши“. Таковымъ образомъ Благочестивѣйшая Императрица наша можетъ предъ Богомъ изъясниться съ Давидомъ.

Но, вотъ, здѣсь усматриваемъ мы особенныя судьбы Божія, что Монархія Всероссийская преимуществуетъ предъ Царемъ Израилевымъ

въ дѣлѣ семь. Ибо хотя Давидъ и взялъ намѣреніе, создать святилище Вышнему; однако, не удостоился онъ чести сей, чтобы ему положить основаніе храма, но именно сказано ему: „не ты созиждеши Мнѣ домъ“, для чего?—заче человѣкъ вопиеть еси ты и крови проліялъ еси. Не ты созиждеши Мнѣ домъ: но Соломонъ созиждеть домъ Мой“ (1 Паралл., 28, 3, 6), — изрекъ ему Вышній. Достойно и прилично изслѣдовать здѣсь, для чего Богъ присвоаетъ сію честь Соломону? Причина тому изображена въ святомъ же Писаніи, что Соломонъ былъ „миролюбецъ“, и все царство его славно было спокойствіемъ и тишиною: ибо и самое имя Соломонъ означаетъ: „мирный“; и для того Богъ, яко Богъ мира и любви, благоволилъ воспріять жертву сію отъ миролюбивой души.

Можемъ ли мы здѣсь не признать, сколь живо изобразуется сіе свойство Соломоново въ великой нашей Монархинѣ, и сколь справедливо потому она заслуживаетъ благоволеніе Господне о намѣреніи своемъ? Соломонъ былъ миролюбивъ и царство его было мирно. Признаемъ: ибо о томъ свидѣлствуетъ слово Божіе. Но не свидѣлствуютъ ли самыя дѣла и не гласятъ ли, паче всякій трубы тебѣ, Россія, сколь миролюбивою Государынею благословило тебя небо. Ея состраданіемъ утѣшаются вѣсчастные, ея человѣколюбіе чувствуютъ согрѣшившіе, ея нѣжность сердца, хотя нѣмотствующими языками, но очень ясно, провозглашаетъ младенческой возрастъ, отъ нея призрѣнный и благаго жребія удостоенный. Сколь же духъ ея удаленъ отъ кровопролитія и всякой жестокости, то видно изъ всегдашняго теченія дѣлъ, изъ повседневныхъ резолюцій, изъ многихъ манифестовъ и указовъ; а особливо сей духъ человѣколюбія, во всей своей полнотѣ разлитый, видимъ въ данномъ наказѣ къ сочиненію законовъ.

Здѣсь вопрошаю я васъ, участники глубочайшаго знанія Бога нашего: по всѣмъ основаніямъ премудрости духовной, не то же ли дѣйствіе признаете вы въ Монархинѣ нашей, восхотѣвшей создать храмъ Богу, какое было въ Соломонѣ? И не потому ли Богъ благоволилъ принять отъ нея жертву сію, что она приноситъ ее руками, держащими маслину мира, или паче усердіемъ души сострадательной и человѣколюбивой? Ибо извѣстно, что Богъ нашъ есть Богъ любви и мира. Онъ любитъ человѣчество и ищетъ согласія; Онъ желаетъ быть прославляемъ соединеніемъ сердець, и не велитъ приносить жертвы къ алтарю своему прежде, нежели примиримся съ братомъ, опечалившимъ насъ. Онъ обѣщается тамъ быть, гдѣ будутъ два или три собраны во имя Его. Почему и храмъ, воздвигнутый Ему, есть мѣсто мира и взаимнаго согласія, мѣсто Божія милостиваго снисхожденія къ человѣческимъ требованіямъ, — мѣсто, гдѣ собираются дѣти единого отца, и

гдѣ едиными усты и единымъ сердцемъ прославляютъ Его. Такъ, кто пристойнѣе можетъ, или справедливѣе, сказать, кто паче достоинъ создать храмъ Господу Саваоу? кто?—развѣ особа, прославленная миролюбіемъ и человѣколюбіемъ управляемая.

Но какъ Давидъ и Соломонъ восхотѣли не просто создать храмъ, храмъ великолѣпный, храмъ славою своею достойный царя Израилева и имени Господа силъ, то и въ семь дѣлѣ великая Императрица всея Россіи есть благороднѣйшая подражательница. Ибо ея держава предпріяла на мѣстѣ семь воздвигнуть храмъ съ таковымъ благолѣшиемъ, чтобы онъ провозвѣщалъ вкусъ и величество поклоняемаго нами Бога, и славу Россіи.

Хотя, подлинно, благолѣпіе храма состоятъ во внутренней красотѣ тѣхъ душъ, кои собираются на славословіе Божіе во храмъ, но и внѣшнее благолѣпіе уважаемо быть должно, и притомъ тѣмъ паче, что оно не токмо есть знакъ внутренней душевной красоты, но и къ ней же сильно возбуждаетъ и дѣйствительно приводитъ. Знакъ есть: ибо, кто тщится возвеличить славу Вышняго, тотъ уже любитъ Вышняго; кто усердствуетъ украшать Его храмъ, тотъ уже украшенъ добродѣтелию благочестія; кто поставляетъ Ему жертвенникъ, того душа готова есть къ приношенію жертвою; кто веселится духомъ часто посѣщать домъ Божій, тотъ сердцемъ своимъ привязанъ къ Живущему въ немъ. И потому великая Монархиня наша, полагая основаніе сего храма, напередъ положила крѣпкое въ сердцѣ своемъ основаніе благочестія; создавая сей храмъ, сама себя предуготовила храмъ Святому Духу, почему и благолѣпіе храма сего будетъ нѣкоторое всегдашнее изображеніе красоты внутренняго ея сердечнаго храма.

А сіе самое и есть уже нѣкоторое довольное къ внутреннему благолѣшію руководство для другихъ. Пусть кто, какъ хочетъ, но человѣкъ не—ангелъ: мысль наша не можетъ быть поражена, ежели чувства напередъ не тронуты ни мало. Духъ нашъ съ тѣломъ соединенъ столь тѣснымъ союзомъ, что, чѣмъ большее есть удареніе чувствъ, тѣмъ сильнѣйшее воображеніе мыслей. На семь основаніи всѣ въ свѣтѣ законы были окружены извѣстными обрядами, коими привлекаемы были человѣческія чувства; а чрезъ то мысль была восхищаема къ большому святости почтенію. То же видимъ и въ Іудейскомъ храмѣ, о которомъ Святое Писаніе говоритъ, что онъ не токмо былъ великолѣпнѣе, но что, притомъ, все оное было устроено по особенному Божію повелѣнію. Въ семь былъ кивотъ, златомъ украшенный, и херувимы златые, осѣняющіе его, жертвенники, кадильницы и свѣщники златые, елеи чистый и огонь неугасимый, и завѣса, покрывающая таинственное мѣсто; такъ же столпы, купѣли, крыльца, переходы искусствомъ раз-

личныхъ художествъ возвелъ чины. Къ чему бы все сіе Богъ повелѣлъ устроить, если бы оно не приводило къ оному почтенію, котораго требуетъ святыня?

Да и самый сей міръ, который по справедливости долженъ назваться храмомъ великимъ Бога,—самый сей міръ не для того ли столь совершенъ, украшенъ, возвеличенъ, чтобы чувства, бывъ удивлены и поражены таковою красотою, возбудили духъ нашъ пасть предъ Живущимъ во свѣтъ непреступнымъ, и возлюбить безконечную Его красоту?

Но что я говорю, что ви́шнее благолѣпіе возбуждаетъ къ внутреннему? Не возбуждаетъ токмо, а и въ стыдъ приводитъ насъ, если бы неодушевленные вещи были столь благолѣпны предъ лицомъ Творца естества, а мы не сохранили бы красоту, взятую съ образа и подобія Божія? Ви́шнее благолѣпіе храма увѣщаваеъ тебя, христіанинъ, чтобы ты благочиніемъ духа и тѣла твоего служилъ Господеви. Жертва, приносимая на украшенномъ жертвенникѣ внушаетъ тебѣ, что сердце твое должно быть жертвенникомъ, украшеннымъ чистотою совѣсти. Кадильница золотая, испущающая благовоніе, напоминаетъ, чтобы молитвы твои были благовонны добродѣтелию. Завѣса, закрывающая святыню отъ тѣлесныхъ очей, оберегаетъ тебя, чтобы имѣть внутреннія очи, всегда чисто Бога зряща. Твердое основаніе храма учитъ насъ, чтобы полагать добрыя дѣла на основаніи истинной вѣры, и тогда бы думать, что мы—тверды, когда истина укрѣплена исполненіемъ закона. Самъ храмъ со святымъ Петромъ вошеетъ намъ такъ: „ко Господу приходяще, яко камени живу, отъ челоуѣкъ убо уничижену, отъ Бога же избрану, честну, и сами яко каменіе живо зиждетъ въ храмъ духовенъ, святителство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови Исусъ Христомъ“ (1 Петр., 2, 4—5). Нѣтъ убо сомнѣнія, что челоуѣколюбивый Богъ ви́шнею красотою привлекаетъ насъ къ внутреннему благолѣпію; а изъ сего сами можете видѣть, сколь пріятную жертву Богу приносить тотъ, кто сооружаетъ Ему великолѣпный храмъ, и притомъ, сколь великое дѣлаеъ онъ украшеніе вѣрѣ и пользу рачителямъ благочестія.

Богъ по многимъ дѣламъ возвеличивый имя Твое, Августѣйшая Монархія, не оставилъ, чтобы и въ семь дѣлъ не употребить Твою десницу благодѣтельнымъ для насъ орудіемъ благости Своей. Сей храмъ будетъ вѣчнымъ монументомъ благочестія Твоего, и, слѣдовательно, Церковь обязана Тебѣ вѣчною благодарностію. Благоволи вообразить, великая Государыня, что въ позднѣйшіе вѣка, когда въ храмѣ семь будутъ священныя собранія при излітіи сердець своихъ предъ Богомъ, Ты первая, яко основательница, въ соборѣ ихъ духомъ почитаема будещи и отъ всѣхъ будущихъ родовъ имаши благословитися. Церковь, когда на все сіезираеъ, когда разсуждаеъ и благочестіе

Твое, и будущую пользу чадъ своихъ, и славу свою;—что тогда чувствуетъ она?—она возноситъ свои руки къ Основателю своему, и призываетъ на главу Твою всѣ благословенія, должныя добродѣтели Твоей; она возлагаетъ на насъ долгъ, чтобы мы, ея служители, именовъ всѣхъ христіанъ и именовъ самой ея, принесли Тебѣ благодарность, состоящую въ проповѣданіи Твоей вѣры къ Богу, и въ прошеніи, да Церковь, якоже начала еси, всегда подѣ покровительствомъ Своимъ сохраняеши и все да устрояеши въ лучшее.

Боже великій, Его же престоль небо и земля подножіе! благословивый сіе, Монархини нашей, намѣреніе, благопоспѣши и совершити оное, дабы тогда въ восторгѣ радостномъ предъ Тобою мы воспѣли пѣснь сію: „Востани, Господи, въ покой Твой, Ты и кивоть святыни Твоя“ (Псал., 131, 8). Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича *).

„Возложить на вы руки своя, и ижденуть, предающе на сонмища и темницы, ведомы къ царемъ и владыкамъ, имене Моего ради“.

(Лук., гл. 21, стих. 12).

Нынѣ чтенное Евангеліе, по причинѣ празднуемаго Церковію въ сей день пострадавшаго за истину, святаго Евстаѳія, даетъ намъ знать, что не всякая ревность по Бозѣ есть пріятна Богу. Ибо если къ дѣйствию, самому чрезъ себя похвальному, примѣшается страсть, тогда она все портитъ и своею строптивостію развращаетъ путь Божественный.

Сіе доказываетъ нынѣшнее же Евангеліе тѣмъ, что нѣкогда страстная по большой части ревность была причиною, что послѣдователь Евангелія со всею своею кротостію былъ связуемъ, изгоняемъ, предаемъ на судъ, ведомъ къ царямъ и владыкамъ, защитникамъ те есть истины, чтобы отъ нихъ страдать за истину. Таковой поступокъ можетъ справедливо возбудить насъ и къ сожалѣнію, и къ негодованію,—почему онъ былъ бы и не достоинъ разсужденія нашего. Но когда, напротивъ, видимъ мы нынѣ монарховъ благочестивыхъ и православ-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ придворной геркви въ Санктпетербургѣ 1768 года, Сентября 20 дня.

ныхъ, истину любящихъ и отъ истины любимыхъ, Евангелію послѣдующихъ и дѣйствіемъ его, то есть, кротостію и челоуѣколюбіемъ украшаемыхъ: то съ сей стороны осіяваетъ насъ свѣтъ радости, и расширяетъ наши уста къ прославленію Отца свѣтовъ и Бога, любящаго тварь Свою. И для того не бесполезно, думаю, взойти намъ въ дальнѣйшее разсужденіе о ревности, каковую требуетъ законъ истинный отъ насъ. Сіе разсужденіе прилично и торжественному дню сему, который одолажаетъ насъ горѣть ревностію къ Богу, милостиво благословляющему Россію.

Взираю убо къ Тебѣ, Господи Боже! Ты недостаточное слово мое раствори солию благодати Твоей къ общей пользѣ нашей.

Ревность есть горячее стремленіе духа нашего къ защищенію славы Божіей, относительно закона. Мы въ семъ разумѣ беремъ сіе слово: ибо многія могутъ быть его обозначенія.

Взявъ ревность въ таковомъ разумѣ, не видно, чтобы въ ней было что-нибудь непохвальное. Ибо горѣть духомъ, чтобы слава Божія была проповѣдуема во всѣхъ концахъ вселенной,—чтобы всѣ люди святымъ руководствомъ были просвѣщены къ Богу и почтенію Его,—въ разсужденіи сего горѣть духомъ, то есть, изыскивать къ тому справедливыя и челоуѣколюбивыя способы, есть дѣло достойное всякой похвалы. Ибо симъ доказывается любовь къ Богу, къ ближнему, любовь къ истинѣ, которую мы не скрываемъ подъ спудомъ, но поставляемъ на свѣтъ, да свѣтитъ всѣмъ и да руководствуетъ всѣхъ. И для того святой Павелъ учитъ: „добро, еже ревновати всегда“; однако, притомъ прибавляетъ: „въ добрѣмъ“ (Галат., 4, 18).

Но сіе есть несчастіе челоуѣческаго рода, что часто и въ самыя святія дѣйствія вкрадывается злоупотребленіе и обращаетъ добродѣтель въ порокъ. Сіе бываетъ, когда челоуѣкъ выходитъ изъ своихъ предѣловъ и, не управляя себя разумомъ, слѣдуетъ страсти. Ревность по Бозѣ, чѣмъ больше имѣетъ въ себѣ жара и горячаго стремленія, тѣмъ больше требуетъ осторожности и умѣренности, чтобы сей священный огонь не обратился въ пожаръ, истребляющій все безъ разбора. А сіе необходимо выйдетъ, если, вмѣсто защищенія славы Божіей, будетъ дѣйствовать страсть мщенія,—вмѣсто усердія къ пользѣ истины, вмѣшается корысть собственная,—если, вмѣсто любви къ ближнему, будетъ всѣмъ располагать страсть самолюбія.

Какія же слѣдствія изъ таковой ложной ревности могутъ произойти, ежели не худыя и вредныя? Отсюда, во-первыхъ, послѣдуетъ гоненіе, чтобы заблуждающаго, вмѣсто того, чтобы исправить и привести на путь истины,—истребить отъ земли живыхъ. Вмѣсто ученія, увѣщанія, доказательствъ, вмѣсто всѣхъ правоучительныхъ и благо-

разумныхъ способовъ, будетъ свирѣпствовать одинъ духъ нетерпимости, какъ то доказали намъ печальными примѣрами многіе вѣка больше, нежели надобно. Оставляю въ подробности описывать таковыя свирѣпости, чтобы тѣмъ скрыть стыдъ человѣческаго поползновенія; а только при семъ примѣтить должны, что человѣкъ, такимъ образомъ гонимый, не только объ истинѣ не увѣряется ни мало, но еще въ мнѣніи своемъ ожесточается болѣе. Ибо онъ, не видя иныхъ доказательствъ, кромѣ насильственныхъ, по справедливости можетъ заключить, что у гонящей стороны нѣтъ другихъ сильнѣйшихъ доказательствъ. А изъ того и самая истина претерпѣваетъ немалый ущербъ величества своего. Ибо она представится, акибы не имѣла никакой собственной своей силы къ увѣренію; и будто она, какъ ложь, требуетъ въ своей слабости сторонняго насильственнаго подкрѣпленія. Такъ можно ли утвердить, чтобы таковая ревность была угодна Богу,—Богу хранителю порядка всѣхъ вещей, и истины защитнику всемогущему? и таковой родъ людей не тщетно ли увѣряетъ себя, аки бы ихъ ревности огонь достоинъ былъ алтара божественнаго? какъ-то о нихъ Спаситель нашъ сказалъ апостоламъ Своимъ: „всякъ, иже убіетъ вы, возмнися службу приносить Богу“ (Іоанн., 16, 2).

Никто не почувствовалъ на себѣ столько тяжестей ревности гонительной, сколько благословенное христіанство. Основатель вѣры нашей, по слѣпому стремленію народа и по корыстолюбивой ревности фарисеевъ, первый имѣлъ нужду испить чашу смертную. То же предрекъ Онъ и проповѣдникамъ истины Своей, которые и понесли самымъ дѣломъ тяжкій крестъ сей, и кровь христіанская пролилась источниками. Въ первенствующія времена христіанства всѣ почти храмы основаны были на гробахъ мученическихъ, да и нынѣ Церковь Христова празднуетъ большую часть святыхъ тѣхъ, кои мучительнымъ лишеніемъ жизни доказали, что истина въ ихъ сердцахъ напечатана была неистребимо и непобѣдимо. Что же гонители получили черезъ все то?—славу христіанскую больше умножили, и, напоследокъ, сами принуждены были уступить побѣду и торжество истинѣ.

Но, ахъ! пусть бы такъ было, что язычество, поклонявшееся воинскимъ Марсамъ и громопоражающимъ Юпитерамъ опорочило себя такою ревностію. Но и между исповѣдающими имя кротчайшаго Учителя, во смиреніи Котораго судъ Его взятъ, были подобныя замахи. Оный жаръ ревности, который долженъ воспалить сердце христіанина, и у христіанъ часто былъ жаръ неспасительный. Слѣпота, не знающая положить предѣловъ истинной ревности, страсть мщенія и корысти часто производили слѣдствія погибельныя, достойныя не христіанства, а язычества. Темный западъ показалъ много намъ такихъ примѣровъ.

Признаться надобно, что таковые ревнители дѣлають великій стыдъ Евангелію, ученію наполненному кротости и челоуѣколюбія, Евангелію, учащему любить враговъ своихъ и удерживающему хотѣвшихъ огонь съ небеси свести,—Евангелію, ублажающему кроткихъ и похваляющему ревность, но по разуму. Когда бы они вообразили все сіе, устыдились бы и ужаснулись, сколь далеко отстоятъ отъ слѣдовъ того Учителя, славу Котораго защищать себѣ кажутся.

Да не подумаетъ кто изъ сего, акибы мы совѣмъ уничтожали ревность по Бозѣ, или какимъ-нибудь образомъ ослабить ее старались; никакъ. Сіе было бы истребить благороднѣйшее дѣйствіе Духа Божія. Напротивъ, гласомъ самой истины утвердить можно, что великаго развращенія знакъ былъ бы, если бы кто совѣмъ погасилъ въ себѣ духъ ревности справедливой, что можно назвать недугомъ несоболѣзнованія, или нечувствительности. Сіе можетъ происходить отъ незнанія вѣры своей, или отъ нетвердаго ея увѣренія объ истинѣ; какъ то обыкновенно бываетъ въ тѣхъ, которые иное исповѣдуютъ, а другое въ сердцѣ признаютъ. Такъ какъ же бы въ такомъ могъ возгорѣть какой-либо жаръ Божественный?

Слѣдствія таковой холодности не меньше вредны, какъ и ревности безразсудной, понеже изъ того можетъ родиться безобразная смѣсь различныхъ мнѣній, и превращеніе правилъ нравоученія. Ибо если основаніе всѣхъ, до нравовъ надлежащихъ, дѣйствій есть справедливое расположеніе мыслей, слѣдовательно, нельзя худо думать, а дѣлать хорошо, то различныя и между собою несогласныя мнѣнія не будутъ ли слабымъ и опаснымъ правиломъ челоуѣческихъ поступковъ; особливо въ обществѣ: „въ обществѣ“, говорю, которое связуется наипаче согласіемъ спасительной и отъ людей больше всего почитаемой истины закона. И потому нельзя не видѣть съ горестію и не слышать съ печалію о таковыхъ случаяхъ, въ коихъ трогаются необязненно самыя святыя вещи, и почитается разумнѣйшимъ тотъ, кто дерзновеннѣе терзаетъ залогъ, освященный обществомъ. Добродѣтельныя души проказуются симъ до внутренности и, воспламеняемыя ревностію Господа Саваоа, сердечно сожалеютъ, что здоровое тѣло терпитъ столь болѣзненные удары и терзается утроба матерная.

О, блаженъ тотъ, кто убѣгаетъ обѣихъ сихъ крайностей! Кто идетъ среднею и царскою дорогою, отвращенъ отъ злой и безразсудной ревности, но управляемъ священнымъ огнемъ ревности мудрой и челоуѣколюбивой!

Въ таковой ревности должна быть преданность къ вѣрѣ иѣжкая, но безъ суетвѣрія, усердіе къ истинѣ безкорыстное, любовь къ ближнему чистая и нелицемѣрная, чтобы не подать другимъ немощнымъ

соблазна, осторожность благоразумная. Таковой ревнитель есть вѣрный Церкви сынъ, общества членъ мудрый и благороднѣйшій, всѣхъ любящій и отъ всѣхъ любимый.

Святое Писаніе въ примѣръ истинной ревности между многими представляетъ намъ апостола Павла, который къ Коринтянамъ пишетъ такими словами: „ревную по васъ Божіею ревностію (2 Кор., 11, 2) ибо я обручилъ васъ единому мужу, чтобы вы предстали Христу, яко дѣва чистая“. И для того крайне беспокоюсь и боюсь, чтобы въ васъ простота истины Евангельской прехищрена не была мудрowanіями міреками. Сія ревность Апостольская была усердная и притомъ безкорыстная, ибо онъ же въ другомъ мѣстѣ изъясняется: „не ищу вашихъ, но васъ (2 Кор., 12, 14): я съ пріятностію претерплю всякій убытокъ, хотя бы то стоило и потери жизни моей, ради пользы душъ вашихъ“.

Такою ревностію всякій христіанинъ долженъ украшать себя, а, особливо, служители Церкви симъ огнемъ, отъ жертвенника Господня возженнымъ, устнѣ свои и сердце воспалять обязуются, убѣгая безразсуднаго стремленія, противнаго человѣколюбію и кротости христіанской, да помышляютъ день и ночь о справедливыхъ средствахъ къ утверженію добродѣтели и къ расширенію царства Иисусъ Христова, да бдѣть о стадѣ своемъ, да некій волкъ восхититъ и разгонитъ овцы; чтобы могли изъ глубины чистыя совѣсти сказать: „ревную по васъ ревностію“,—да ревностію не человѣческою, но ревностію „Божіею“.

При семъ столь важномъ разсужденіи нашемъ, на кого мы, слушатели первѣе воззримъ, какъ не на Твою, благочестивѣйшая Монархія, Августѣйшую особу, не только потому, что Ты глава еси врученной Тебѣ отъ Бога христіанской державы, и не потому только, что Ты величайшая еси покровительница православія нашего; но что въ священномъ лицѣ Твомъ яснѣйше блистаетъ ревность по Бозѣ, да ревность мудрая, ревность человѣколюбивая. Она наипаче возбудила величество Твое принять престоль, она же и утверждаетъ его. Сіе не мы токмо, но и окрестные всѣ проповѣдуютъ гласами немолчными, то есть, что при Твоей мудрости связана ревность безразсудная; а справедливая находитъ примѣръ въ тебѣ самой: молчать дерзость святыни касающаяся; но не молчать уста истины. Сей духъ вліялъ въ Тебя Богъ въ тотъ блаженный часъ, когда Онъ паче причастникъ твоихъ помазалъ Тебя елеемъ радости: „елеемъ радости“,—сказалъ Духъ Святыи, ибо Монаршее лице есть сладчайшій свѣтъ, всегда осіявающій радостію подданныхъ своихъ. Да сохраняетъ убо всеблагій Богъ сія дражайшія Твои дарованія, и да глаголетъ всегда таинственною бесѣдою въ сердце Твое, да увеселяетъ величество Твое любовію подданныхъ Твоихъ, и да даруетъ Тебѣ видѣть народъ свой, достигшій до благопо-

лучія величайшаго въ свѣтѣ. Да наполняетъ же радостію духъ Твой, и сія сладчайшая надежда Твоя и наша, вселюбивѣйшій сынъ Твой, живое изображеніе добродѣтелей Твоихъ и благонадежнѣйшій хранитель безсмертной славы Твоей.

А Ты, Пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ! въ сей день рожденія Твоего намъ радостнаго и вождельнаго, ничѣмъ святѣ мысль свою утрудить не можешь, какъ размысленіемъ благодѣяній той великой особы, посредствомъ которой Богъ даровалъ Тебѣ бытіе въ сей день. Да вообразить со всякимъ вниманіемъ мысль Твоя ея болѣзни, ея попеченіе и труды о воспитаніи Твоемъ и благополучіи жизни Твоей. Размысленіе сіе одолажаетъ Тебя, Благовѣрный Государь, горѣтъ къ ней любовію сыновнею, благодарностію усерднѣйшею, а благодарность сія состоитъ въ соответствованіи желанію и чаянію ея и всея Россіи о Тебѣ. Но, о, блаженство наше! Наслѣдникъ Всероссійскій возрастаетъ лѣтами и дарованіями, обогащается просвѣщеніемъ, наполняется святою ревностію къ Богу и къ истинѣ, приближается къ своему совершенству, а тѣмъ веселитъ Августѣйшую Родительницу свою, веселитъ всѣхъ насъ и тѣмъ вѣщаетъ желаніе наше.

Боже, Россіи милостивый покровитель! Неусыпающее око Твое да бдитъ всегда надъ Монархинею нашею и наслѣдникомъ ея: Благословляя ихъ, Ты благодѣтельствуешь намъ, и сохраняя ихъ, одолаешь Россію приносить Тебѣ всегда жертву благодаренія. Аминь.

Слово въ день торжественный, за предпріятыи великодушно и благополучно совершившіяся въ прехожденіи оспы, подвигъ Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества *).

Россія! „благослови Господа, вѣщающаго тя милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желаніе твое“.

(Псал., 102, ст. 1—5).

Въ сей благословенный часъ представъ, слушатели, предъ лице Бога всемогущаго, Бога о твари Своей милостиво промышляющаго, мы имѣемъ славный случай взойти въ размысленіе оказаннаго намъ Божіи благодѣянія, въ которомъ вся Россія, или, могу сказать, весь человѣ-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ большой придворной церкви 1768 года, ноября 22 дня.

чeskій родъ пріемлетъ сладчайшее участіе. Всеавгустѣйшую Монархнію Россіи и любезнѣйшаго сына ея увидѣли мы въ здравіи вождѣленномъ и видѣ радостномъ,—увидѣли же по благополучномъ окончаніи таковаго случая, который могъ колебать и самыхъ великодушныхъ изъ насъ, чтобы не лишиться сихъ дражайшихъ для насъ въ свѣтѣ особъ.

Какое слово можетъ изъяснить оную радость, которою нынѣ преисполнены сердца всѣхъ вѣрныхъ отечества сыновъ? и чья мысль довольна понять Твои, Боже, судьбы и въ правосудномъ наказаніи, и въ милостивомъ премѣненіи онаго?

Поспѣшимъ, слушатели, принести жертвы благодарныя благодарствующему намъ Богу, и своими исповѣданіями предъ Нимъ засвидѣтельствуемъ, что мы празднуемъ днесь торжество общаго избавленія.

Монархія предшествуетъ намъ въ семь священномъ дѣйствіи. Она, обращая радостный взоръ свой, говоритъ намъ словами Писанія Святаго: „пожрети Господу придохъ: освятитесь и возвеселитесь днесь со мною“ (1 Царств., 16, 5). Аки бы рекла: „сердце мое чувствуетъ „величество благодѣній Божіихъ. Я подкрѣплена въ часъ бѣдствія „моего всеисильною Его рукою. Онъ приложилъ мнѣ врачество великодушія и просвѣтилъ мысль мою прозорливостію Божественною; Онъ „уврачевалъ тѣло мое и успокоилъ духъ мой; Онъ и плодъ утробы „моей, плодъ сладчайшій и однородный, содѣлалъ сообщникомъ той же „благости Своей и моей радости, и для того всѣ кости мои съ веселиемъ говорить: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ? за все сіе „я хочу принести Ему жертву, возложивъ на жертвенникъ Его сердце „свое и сердце сына моего, и возжегши оное моимъ благовѣніемъ и „усердіемъ къ Нему. А вы, возлюбленное мое достояніе, освятитесь „и возвеселитесь днесь со мною. Благодѣніе мое почитаю собственнымъ своимъ, соедините съ моимъ желанія ваши. Послѣдствуйте Мнѣ!“

Слѣдуемъ, любезная мать отечества, тѣмъ усердіе, чѣмъ больше признаемъ себя одолженными Вамъ. Но благоволи, всемилостивѣйшая Государыня, чтобы мы хотя нѣсколько коснулись обстоятельствъ онаго случая, счастливымъ происшествіемъ котораго имѣютъ пользоваться всѣ вѣка будущіе.

Извѣстный родъ болѣзни, слушатели, столь отягощаль человѣчeskій родъ, что стenanіе его слышно было по всей вселенной. Сія, могу сказать, зараза нападала на всякій возрастъ, не падала младенчества, осаждала юношество, да и самая старость не оставалась отъ нея въ безопасности—гноила и безобразила тѣло, прекрасный домъ безсмертной души; тѣхъ, кои еще не извѣдали на себѣ печальнаго опыта, мучила ужаснымъ чаяніемъ, въ другихъ погашала самый свѣтъ жизни, да часто въ то время, когда только человѣкъ начиналъ вкушать жизни. Къ

избавленію отъ сего, иного средства не находилось, кромѣ терпѣнія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отчаянія. Врачи со всѣмъ своимъ искусствомъ оставляли насъ безъ помощи, и тѣмъ большому искушенію подвергали терпѣніе наше.

Когда вообразимъ мы прешедшее время (ибо отъ нынѣшняго случая должно считать новую „эпоху“),—тѣмъ больше мысль наша поражается, что, можно сказать, человѣкъ самъ былъ причиною столь опаснаго страданія своего. Будучи одаренъ яснымъ свѣтомъ разума, возжженнымъ отъ свѣта несозданнаго, не всегда слѣдовалъ его руководству, при которомъ могъ бы онъ найти средства къ отвращенію сего несчастія дѣйствительныя.

Подлинно, слѣдуя разсужденію богословскому, нельзя почестъ сію болѣзнь иначе, какъ наказаніемъ Божиимъ. И мы потому справедливо съ Давидомъ признаться должны предъ Богомъ, вопія къ Нему: „возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего: отстави отъ мене раны твоя: отъ крѣпости бо руки Твоея азъ исчезаю“ (Псал., 37, 6; 38, 11). Ибо истина сія есть неоспоримая и достойна смиренномудрія нашего, что причиною всѣхъ несчастій тѣла и души есть не точное слѣдованіе закону разума и правилу совѣсти. И потому нѣтъ болѣзни, которая въ началѣ своемъ не произошла бы отъ превращенія закона естественнаго. Мы таковое признаніе въ часъ сей должны открыть правосудію Божію, „да всяка уста заградятся и повинень будетъ весь міръ Богови“ (Римл., 3, 19).

Но, при всемъ томъ, должны ли мы столько ослабѣть отъ правосудной руки Божіей, чтобы, впрочемъ, не прибѣгнуть къ Его милосердію? „Еда во вѣки отринеть Господь и не приложитъ благоволити паки? или до конца милость Свою отсѣчетъ? еда забудеть ущедрити Богъ? или удержитъ во гнѣвѣ Своемъ щедроты Своя“ (Псал., 76, 8—10).

Нѣтъ ничего, что привязывало бы болѣе сердце наше любовію къ Богу, какъ то, что Его правосудіе всегда растворено милосердіемъ. Его раны приносятъ намъ исцѣленіе, да сіе исцѣленіе и благоволилъ Онъ положить въ томъ же самомъ союзѣ вещей, изъ котораго вывести для насъ наказаніе. Во всѣхъ тваряхъ мы видимъ многіе тому примѣры.

Когда по естественнымъ причинамъ начнетъ свирѣпствовать вѣтеръ и сокрушать дрова и зданія, или воскипитъ море и волненіемъ своимъ будетъ грозить кораблю бѣдствіемъ, или когда возгорится огнь и пламенемъ своимъ станетъ пожирать всякое вещество: тогда въ томъ же самомъ союзѣ находятся и средства, которыя или собственною силою, или при помощи разума человѣческаго останавливаютъ бѣдственныя для насъ дѣйствія оныхъ вещей.

Сіе же можно сказать и обо всѣхъ болѣзняхъ, отъ коихъ однимъ терпѣніемъ защищается человѣческое естество, что Промыслъ Божій противъ всѣхъ ихъ не оставилъ положить въ томъ же союзѣ вещей врачевства дѣйствительныя. Мы часто ногами топчемъ траву, могущую исцѣлить насъ отъ той болѣзни, отъ которой умираемъ,—и, еслибы могли пересмотрѣть всю природу, увидѣли бы, что, гдѣ мы получаемъ вредъ, тамъ и окружилъ насъ Богъ вещами цѣлѣбноносными.

Но что для сего надобно?—надобно благоразуміе, вниманіе, великодушіе и всегдашнее тщаніе. Создатель естества хочетъ, чтобы разумъ нашъ былъ въ непрерывномъ дѣйствіи, и удовольствіе наше было бы тѣмъ большее, что оно происходило бы изъ внутренняго источника нашего. А безъ того когда мы страждемъ, то умножается наказаніе по мѣрѣ нашего нерадѣнія.

Къ утверженію сего, хотя бы мы и не имѣли другихъ доказательствъ, всякаго и малопросвѣщеннаго доволенъ увѣрить намишій случай радостный. Нѣкоторые люди, тщанію и просвѣщенію конкъ отдать мы должны справедливую честь, возбужденные свирѣпостію и опасностію извѣстной болѣзни и любовію къ человѣчеству, начали размышлять, какимъ бы образомъ, ежели не совсѣмъ истребить оную опасность ея, такъ по крайней мѣрѣ уменьшить ея страданіе. Споспѣшествовало имъ въ томъ все естество, показывая многіе тому примѣры въ тваряхъ. До чего же не достигаетъ разумъ и тщаніе человѣческое, при руководствѣ Промысла Божія? На послѣдокъ—опытъ оправдалъ ихъ предпріятіе, да какъ?—та же самая болѣзнь дѣлалась причиною собственнаго своего истребленія, опасность ея совсѣмъ отнята, а страданіе столь уменьшено, что осталось томко сожалѣтельное воспомнаніе о тѣхъ, кои не имѣли счастья предохранить жизнь свою симъ опытомъ.

Теперь что оставалось дѣлать роду человѣческому, какъ токмо, при благодареніи Промыслу, пользоваться симъ благодѣяніемъ Его? Но еще неохотно соглашался человѣкъ разстаться съ тѣмъ игомъ, къ которому привыкъ; еще немалымъ препятствіемъ тому было малодушіе нѣкоторыхъ, мысль не просвѣщенная прозорливостію другихъ. Итакъ, надобно было для сего одной особы великодушной, особы довольно знающей союзъ премудрости Божіей.

Сіи великія дарованія давно свѣтъ съ удивленіемъ примѣчаетъ въ великой Монархинѣ всей Россіи. Она, размышляя о собственной своей безопасности, посліку та соединена съ безопасностію всего отечества, не меньше принимала въ уваженіе безопасность возлюбленнаго сына своего и единственной надежды нашей: ибо онъ былъ ближайшею къ тому року жертвою. Сіе терзало матернее ея сердце и было всегдашнимъ облакомъ, которое смущало ея радость о Немъ.

Что же въ таковыхъ обстоятельствахъ предпріемлетъ Великая Екатерина? Она, по извѣстному своему во всѣхъ случаяхъ великодушію и по извѣстной къ роду человѣческому любви, первая вступила въ славный родъ подвига и сраженія. Въ семь сраженій, съ одной стороны, видны были свирѣпость болѣзни, необходимость страданія, опасность жизни,—съ другой стороны, ея великодушіе, прозорливость увѣряющая о благополучномъ событіи; желаніе, чтобы дать собою примѣръ къ счастью всѣхъ народовъ, особливо же отечества своего, а при томъ матернею особою доказать сыну своему, что сіе дѣйствіе оставляетъ его безопаснымъ: ибо опасность она взяла на опытъ собственной жизни своей. О, примѣръ въ вѣкахъ не слышанный! Признаемся, всемилостивѣйшая Государыня, что когда коснулся ушесъ нашихъ сей слухъ, содрогнулись въ насъ сердца наши, и, егда нѣкогда восчувствовали себя, обратились въ сердечныя желанія ко Врачу душъ и тѣлесъ, чтобы милостиво благоволилъ обрадовать насъ видѣть благополучное и славное происшествіе.

Что же? какое было окончаніе подвига сего? „Любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благо“. Естество уступило благоразумію, свирѣпость болѣзни побѣждена великодушіемъ, опасность опровержена прозорливостію мудрою, и дражайшія для насъ, паче всего, особы, по таковой побѣдѣ, притекли къ алтарю Господню, въ видѣ радостномъ и здравіи вождельвнномъ.

Теперь взываю я къ вамъ, всѣ народы и племена, ибо дѣло намъ съ вами есть общее. Воздвигните вы очи свои на отечество наше, и слышите его обладательницу, миръ всѣмъ вамъ благовѣствующую. Успокойтесь уже отъ того страха, который васъ или мучилъ чаяніемъ, или крушилъ слѣдствіями. Признайте источникъ благодѣянія въ высокомъ примѣрѣ Монархини нашей и, слѣдуя оному къ собственному благополучію своему, составьте съ нами общее торжество, шумъ котораго простирался бы до небесъ.

А Ты, Боже, располагая вся по Своему изволенію, вѣдаемъ, яко веселишися о дѣлѣхъ Своихъ. Сей спасительный способъ всегда открытъ былъ въ сокровищѣ священнаго союза тварей Твоихъ; но мы смотрѣли на сіе невнимательнымъ окомъ и тѣмъ сами себѣ умножали милостивое Твое наказаніе. Ты бо Богъ дивенъ въ правосудіи и милостивъ въ наказаніи: единою рукою, къ возбужденію покаянія, точишь изъ очесъ нашихъ слезы, другою отираешь ихъ.

Что убо Ему, обрадованные слушатели, въ благодарность принесемъ? Вѣдаемъ, яко Онъ благихъ нашихъ не требуетъ: Его бо есть земля и исполненіе ея. Такъ посвятимъ Ему воспаленное любовію сердце, обратимъ къ Нему всѣ свои желанія, горячими молитвами наполнимъ храмъ

сей и торжественно предъ Нимъ обяжемъ себя, чтобы намъ изъ нынѣшняго благодѣянiя Его дѣлать всегда доброе употребленiе, къ собственной же нашей пользѣ и къ славѣ милосердiя Его.

Но мы сего никогда исполнить не возможемъ, чтобы въ тотъ же часъ не представить намъ славнаго Твоего, Августѣйшаго Самодержица, примѣра,—чтобы въ тотъ же часъ не восчувствовать, сколь много величеству Твоему мы остаемся одолженными. Не довольно ли было для Твоей добродѣтели, чтобы всегдашними трудами изнурять здравiе свое для нашего благополучiя и лишать себя сладкаго покоя? не довольно ли было сего для Твоей добродѣтели? Нѣтъ, Ты, великая героиня, по своему великодушiю, жертвовала уже намъ и жизнью своею и тѣмъ показала свѣту неслыханный примѣръ—удивляться Твоей душѣ Божественной и ублажать жребiй нашъ.

Чѣмъ мы возможемъ соотвѣтствовать сему? Мы уже, по вѣрности подданнической, обѣщались предъ Богомъ не щадить жизни своей за сохраненiе дражайшей Твоей жизни и Высокаго Наслѣдника Твоего. Теперь пакн на себя приедемъ то-же обязательство, но для того, что Ты, Монархиня, уже нашему благу жизнью Своею жертвовала.

Однако, со всѣмъ тѣмъ, охотно признаемся, что мы больше должны Величеству Твоему, нежели чтобы въ силахъ были равно соотвѣтствовать тому. И для того прибѣгаемъ къ Богу всемогущему и молимъ Его усердно, да наградитъ Онъ Твою къ намъ любовь небесными Своими дарованiями,—да укрѣпитъ здравiе Твое, да продолжитъ Твою жизнь и да соберетъ въ едино сердце Твое всѣ тѣ удовольствiя, которыми всякъ изъ подданныхъ Твоихъ отъ сего случая наслаждаться будетъ.

Стремится же слово наше и къ Тебѣ, пресвѣтлѣйшiй Государь Наслѣдникъ, сообщникъ славнаго подвига Твоей Августѣйшей Родительницы! Мы въ сей часъ предъ Тобою должны открыть то, что доселѣ молчать принуждены были. Возрасталъ Ты къ радости нашей, процвѣталъ дарованiями, показывалъ въ себѣ ясные знаки достойные Всероссiйскаго Наслѣдника, имѣющаго управлять жребiемъ нашимъ. Но сіе все насъ не веселило: когда воображали объ извѣстной болѣзни, не рѣдко обыкшей погашать свѣтъ жизни нашей, мы, радуясь о Твоихъ дарованiяхъ, вмѣстѣ ужасались, чтобы сія надежда наша не превращена была въ неутѣшное рыданiе.

Но Богъ, къ намъ милостивый, положилъ уже конецъ Твоему безпокойству и страху нашему. И кто возможетъ изъяснить нашу радость о томъ? Но кто же положить предѣлъ и удивленiю нашему, что въ семъ случаѣ опасности Твоей благоволила предшествовать Тебѣ дражайшая Родительница Твоя?! Небесный Отецъ едиnorodнаго Сына Сво-

его предаль на смерть за избавленіе міра. Теперь видимъ, что матеръ жертвовала жизнью своею для сына своего: она въ рожденіи Твоемъ сообщила Тебѣ свою жизнь, теперь паки воспріяла на жизнь свою опытъ Твоей опасности. Ничего не осталось у ней, чтобы она не сообщила Тебѣ: такъ имѣешь ли что, благовѣрный Государь, чѣмъ бы Ты не долженъ былъ ея матерней любви къ Тебѣ?

Напиши сіе на скрижали сердца Твоего, и ничему никогда оноо изгладить не допусти. Увеселяй матернее сердце подражаніемъ ея добродѣтели и, къ исполненію ея удовольствія, продолжай честный подвигъ ученія тѣмъ охотиѣ, что уже теперь безъ всякаго смущенія въ радости духа потекутъ дни Твои.

Боже! прими жертву искреннѣйшую благодарности, которую Тебѣ Россія приноситъ. Прими милостиво, яко кадило благовонное и все-сожженіе тучное, чтобы мы всегда прославляли Тебя, Тебя вѣчающаго насъ милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желаніе наше. Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла и тезоименитетва Его Императорскаго Высочества *)).

„Еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ“.

(Мате., гл. 16., ст. 19).

Церковь совершаетъ днесь радостную память своихъ основателей, первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, и всѣхъ чадъ своихъ созываетъ велегласно къ духовному празднованію сему. Къ большому же прославленію блаженнаго дня сего, любезное отечество наше къ тому присоединяетъ и другое торжество. Различныя причины, но едино дѣйствіе радости производятъ. Съ одной стороны, представляются священные мужи, коихъ заслуги и добродѣтель всегда останутся безсмертными, съ другой—выходитъ на путь славы Наслѣдникъ Всероссійскій, котораго Августѣйшая Матеръ руководствуетъ добродѣтелию по стопамъ мужей великихъ. Тамъ видимъ божественнаго Петра, держащаго ключи, яко знакъ довѣренности въ дѣлахъ спасенія: здѣсь соображаемъ

*) Сказано въ Петергофѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества и Его Высочества, въ 1769 г.

Монархию, отвергающую намъ храмъ блаженства и въ ономъ благоудно священнодѣйствующую. Съ горнихъ странъ открывается славный духовною мудростію Павелъ, поддерживаемый мечемъ, знаменіемъ подвиговъ своихъ: здѣсь всѣ концы земли видятъ Россію, устрашающую мечемъ мужества враговъ своихъ, и правосудіе торжествующее. О, день радостный, день изъ дней года блаженнѣйшій! вси народи Россійскіи, восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радованія!

При такомъ торжествѣ всѣхъ, чувствуя расширяющееся сердце мое, отверзаю свободно уста свои и хочу изъяснить вамъ, слушатели, въ началѣ мною связанныя Евангельскія слова о вязаніи и рѣшеніи. Ибо, какъ всякое радованіе происходитъ отъ свободности духа и состоянія (въ порабоженіи бо всякъ молчитъ и унываетъ): то за приличное и полезное почитаю теперь предложить нѣкоторое разсужденіе *о свободности*. Ты же, Боже, и мудрости податель и связанный нѣмотою языкъ разрѣшай, недостойнаго проповѣдника слово раствори солию благодати.

„Еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ“.

Сія слова Спасителевы хотя означаютъ особый родъ вязанія и рѣшенія,—о чемъ мы послѣ изъяснить не оставимъ; но нѣтъ препятствія, чтобы разсужденіемъ своимъ простерлись мы и до всякой свободности и противнаго ей состоянія. Ибо въ общемъ понятіи: „связанъ“—то-же, что рабъ или невольникъ; а: „разрѣшенъ“—то же, что свободный или вольный. И какъ могутъ быть различные способы вязанія и рѣшенія, такъ потому суть различные и роды свободности и рабства.

Первое мѣсто занимаетъ свободность естественная, которая состоитъ въ независимости отъ другаго и въ самопроизвольномъ управленіи всѣхъ своихъ поступковъ. Таковою свободностію наслаждался первосозданный Адамъ, а кромѣ его, можетъ быть, никто. Ибо, какъ скоро люди, по умноженіи рода человѣческаго, оставивъ поля, лѣса и горы, собрались въ села и города, составили общества и препоручили правительству другихъ покой свой и безопасность: то въ сіе время свободность естественная перемѣнила видъ свой, но не существо. „Видъ“, говорю, а не „существо“, понеже предлогъ каждаго правленія есть, чтобы дѣйствія подвластныхъ направить къ полученію самаго большаго изъ всѣхъ добра; а сіе точно и сходно съ естествомъ свободности естественной.

Почему, если бы кто отвращался таковой зависимости, тотъ долженъ отъ людей удалиться и жить одинъ въ лѣсу со звѣрями, лишаясь всѣхъ выгодъ человѣчества. А когда бы онъ восхотѣлъ жить въ обществѣ, но себя не покорялъ благоучрежденному правленію, то справе-

дливо онъ долженъ бы преданъ быть своевольству всѣхъ наглыхъ и остаться безъ защищенія всякаго; а притомъ, чтобы не могъ и самъ вредить другимъ, долженъ быть связанъ. Сія ли есть свобода естественная? сіе ли есть состояніе, сходное съ естествомъ человѣческимъ? Не въ томъ бо состоитъ вольность, чтобы дѣлать кому что угодно, но что съ закономъ сходно; въ противномъ случаѣ не была бы вольность, но своевольство. Такимъ образомъ, свободный есть настоящій рабъ и невольникъ; а зависящій отъ правительства, когда, кажется, теряетъ свою свободу,—самую вещь тогда же сохраняетъ оную.

Мы разумѣемъ здѣсь зависимость отъ правленія мудраго, правосуднаго и человѣколюбиваго, гдѣ право всякаго остается подъ святымъ охраненіемъ; гдѣ уста невозбранно говорятъ истину предъ тѣми, коихъ Богъ называетъ богами,—гдѣ беззаконіе истребляется съ сожалѣніемъ лица согрѣшившаго, но съ большимъ сожалѣніемъ общества, дабы его покой чѣмъ нарушенъ быть не могъ,—гдѣ слабость находитъ прощеніе и исправленіе,—гдѣ молчитъ одна неправда и прячется хитрость и ласкательство; словомъ: гдѣ дѣйствуетъ благая совѣсть и страхъ или, паче, любовь Божія.

О, сколь любезна такая зависимость! о, драгоценны, ежели могу сказать, узы такового подчиненія! Подлинно, у тебя связаны руки, но къ худому; заграждены уста, но къ ласкательству; связано сердце, но къ хитрости и лукавству; связана и мысль, но къ богопротивнымъ воображеніямъ и намѣреніямъ. Такое состояніе есть златаго вѣка, ибо въ то время, когда ты веселишься подъ древомъ своимъ и подъ смоковницею своею во всякомъ довольствѣ; въ то время тебя охраняетъ правитель, коему ты препоручилъ покой свой, и, при сладкомъ снѣ твоёмъ, никакой опасности къ тебѣ прикоснуться не допускаетъ бдительнымъ попеченіемъ своимъ.

А изъ сего кто не видитъ, что правленіе есть лучший способъ сохраненія свободы естественной? И кто ему подчиненъ, „разрѣшенъ на земли“, ибо сила законовъ охраняетъ его; „разрѣшенъ и на небесѣхъ“, ибо „сущія власти отъ Бога учинены суть“. Но, кто такому подчиненію не покоряется,—тотъ „связанъ на земли“, ибо подвергаетъ себя рабству естественному; „связанъ же и на небесѣхъ“, ибо „противляяйся власти Божію повелѣнію противляется“.

Другая „свободность“ есть „моральная“, или касательная нравовъ, которая „состоитъ въ независимости отъ власти страстей и пороковъ“. Въ разсужденіи сего свободенъ есть, кто слѣдуетъ руководству разума и хранитъ добродѣтель, а рабъ или связанъ есть, кто работаетъ страсти и послѣдуетъ ей, яко воля ведомый на заколеніе: „имъ же бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть“ (2 Петр., 2, 19),—сказалъ

Апостоль. Подлинно, рабъ есть, ибо онъ не то дѣлаеть, что хочетъ; но то, что ненавидитъ, содѣваетъ. Понеже трудно кому-нибудь быть столь развращенну, чтобы не видѣлъ онъ красоты добродѣтели и въ самомъ дѣйстви порока своего; но, побѣжденъ страстію и привычкою, насильственно бѣгаетъ за худымъ: „насильственно“, говорю, ибо онъ тогда стремится противъ естества, и ложному божеству приносить жертву рукою дрожащею. Печальное состояніе! разодранну быть въ самомъ себѣ и стать подданнымъ, или, и плѣннымъ мучительнѣйшей страсти, лишаясь покоя совѣсти и радости душевной.

Когда Давидъ порабощенъ былъ страстію, онъ произносилъ сіи печальныя слова: „нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ“ (Псал., 37, 4—5). Но когда сила благаго Промысла извела его изъ такового состоянія, онъ возопилъ тогда въ радости сердца: „о, Господи, азъ рабъ Твой, азъ рабъ Твой: растерзалъ еси узы моя, и за сіе пожру Тебѣ жертву хвалы“ (Псал., 115, 7—8). Подлинно, есть для чего радоваться тому, кто свободенъ отъ сего порабощенія. Ибо онъ благое творить безъ всякаго смущенія въ спокойствіи духа: поелику то дѣлаеть, что и разумъ его представляетъ лучшимъ,—что и Божій и человѣческій законъ предписываетъ,—что и ему и всѣмъ полезно,—чему воля безъ сопротивленія послѣдуетъ, и изъ чего совѣсть чувствуетъ удовольствіе неизглаголанное.

Къ сей свободности ведутъ насъ всѣ святыя книги, всѣ увѣщанія праведныхъ, всѣ примѣры добродѣтельныхъ. И по истинѣ, сіе дѣло само чрезъ себя есть достойное великаго уваженія: ибо, лишаясь кто сей свободности, не токмо бываетъ рабъ порока, но осуждается въ рабское состояніе и въ обществѣ, понеже „добродѣтель съ заслугою возводитъ на степенъ свободности или благородства“. Слѣдовательно, какъ добродѣтельный человѣкъ можетъ быть въ обществѣ рабомъ по случаю, такъ обезславленный пороками заслуживаетъ лишень быть свободности по справедливости.

Впрочемъ, благодареніе Промыслу, что рабское состояніе не мѣшаетъ быть добродѣтельнымъ, слѣдовательно, свободнымъ и радостнымъ по духу. Таковъ мужъ любезенъ предъ лицомъ поработившихъ его и страшенъ предъ очами связывающихъ его. Павелъ сидѣлъ нѣкогда въ темницѣ въ узахъ, но въ полунощи, въ радости духа, воспѣвалъ своего Создателя и темничнаго начальника ввелъ въ свободу Евангельскую, а мучителей своихъ вездѣ по вселенной вязалъ стыдомъ и мученіемъ совѣсти и, такимъ образомъ, связанныхъ передавалъ суду Божію. Такъ не видимъ ли ясно, что служитель порока есть „связанъ на земли“? ибо чаша строгости законовъ приуготовлена ему; „связанъ

и на небесѣхъ“, ибо гнѣвъ Божій и тѣснота на всякую душу чловѣка творящаго злое. Но другъ добродѣтели „разрѣшенъ на земли“, ибо почитается онъ отъ закона честнымъ членомъ общества; „разрѣшенъ и на небесѣхъ“, ибо имя его написано есть во градѣ небеснѣхъ.

Отъ таковой свободности слово наше прямо течетъ къ свободности Евангельской, ибо она есть дополнительное слѣдствіе свободности моральной. А свободность Евангельская состоитъ, первое, въ освобожденіи насъ отъ наказанія Божія заслуженнаго законопреступленіемъ; второе, въ наклонности сердца нашего къ исполненію закона не по страху, но по любви,—не по слѣпому стремленію, но по ясному понятію добра и худа. О первомъ говорить Спаситель: „аше сынъ вы свободить, свободни будете“ (Іоанн., 8, 36); о второмъ рассуждаетъ Апостоль: „грѣхъ вами да не обладаетъ“; для чего? — „нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію“ (Римл., 6, 14). Благодать въ семъ мѣстѣ обозначаетъ сыновнее радостное состояніе, а подъ именемъ закона разумѣется состояніе строгости и страха.

Таковой родъ свободности есть изъ благороднѣйшихъ: ибо проистекаетъ онъ изъ источника чистѣйшаго. Иной исполняетъ законъ, опасаясь за преступленіе наказанія; иной — для пользы чаемой; другой — для снисканія славы. Все можетъ быть не худо, да опасно, чтобы при случаѣ, когда бы таковой не предвидѣлъ за порокъ свой наказанія, или не надѣялся бы получить себѣ чаемой пользы или славы, что не рѣдко случиться можетъ,—чтобы, говорю, при такомъ случаѣ не ослабъ онъ въ дѣланіи добродѣтели, или и совѣмъ не пренебрегъ оную. Но, укрѣпляемый свободностію Евангельскою, понимаетъ ясно благо и зло и слѣдствія ихъ, увѣренъ о мудрости и благодати Законодателя, чувствуетъ любовь и благодѣянія своего Промыслителя: находить въ Немъ Отца и для того исполняетъ законъ не по силѣ приказанія одного, ибо таковой есть временщикъ,—не отъ страха, ибо таковъ есть рабъ и подль; но по любви, ибо онъ почитаетъ себя сыномъ; но отъ ревности, ибо честность почитаетъ паче всякаго прибѣтка; но отъ благоразумія, ибо онъ просвѣщенъ есть Духомъ Святымъ. И потому нѣтъ опасности, чтобы и тогда, когда бы случай за его честность грозилъ ему вредомъ и безчестіемъ,—чтобы и тогда сдѣлался онъ измѣнникомъ добродѣтели.

Въ семъ-то разсужденіи во святыхъ книгахъ пишется, что „праведнику законъ не лежитъ“, что мы „избавлены отъ закона“ (1 Тимое., 1, 9), не для того, аки бы праведникъ исполнять законъ не одолженъ былъ; но что для праведника законъ не есть принудительный повелитель, а есть зеркало, живо представляющее его добродѣтели. О, когда бы таковая свободность имѣла больше дѣйствія въ сердцахъ чловѣче-

скихъ! меньше бы законодатели и законоблустители имѣли затрудненія; меньше бы добродѣтель имѣла худаго примѣса. Ибо недостатокъ сей свободности есть причина, что къ благочестію пристаесть нѣскольکو лицемѣрія, въ дружбу вмѣшиваются прибытокъ, въ благодѣтельную склонность вкрадывается тщеславіе, а подѣ ревностію кроется мстительность собственная. И потому таковой есть „связанъ на земли“, ибо двоедушно есть сердце его; „связанъ и на небеси“, ибо Богъ любитъ кадила благовонное безъ примѣса всякаго зловонія.

Остается еще разсмотрѣть намъ послѣдній родъ свободности, которую можно назвать „церковною“. О ней особливо говорятъ, въ заглавіи отъ насъ положенныя, Евангельскія слова о духовномъ вязаніи и рѣшеніи. О сей свободности между разными происходятъ разныя сужденія и споры, и вслѣдъ опредѣляетъ оную по мѣрѣ своего понятія или страсти. Но, сообразуясь съ основаніемъ Писанія и самой истины, должно сказать, что „свободность церковная состоитъ въ правѣ пользоваться всеми преимуществами, соединенными съ Церковію“. А преимущества Церкви суть — быть членомъ сего святаго общества, имѣть участіе находиться во всёхъ его священныя собраніяхъ, съ прочими выхваля общаго Владыку, наслаждаться умнымъ зрѣніемъ Его совершенствъ; пользоваться дражайшимъ даромъ, чтобы быть участникомъ святой трапезы и подѣ видимыми знаками питаться Тѣломъ и Кровію Господнею. Въ семъ состоитъ рѣшеніе, или свободность церковная; слѣдовательно, вязаніе состоитъ въ лишеніи всёхъ оныхъ преимуществъ.

Можно было бы здѣсь доказать, что выше изъясненныя свободности суть соединены „существенно“. Ибо какъ основаніемъ всёхъ свободностей есть едина добродѣтель, а всёхъ рабствъ едина пороки, то не возможно, чтобы кто, лишаясь единой свободности, вкупѣ не лишился и прочихъ. Можно было бы сіе обстоятельнѣе доказать, но не достанетъ теперь времени; и потому заключаю только тѣмъ, что, кто сей свободности лишенъ, тотъ „связанъ на земли“, ибо не можетъ онъ почтенъ быть честнымъ въ гражданствѣ членомъ; „связанъ и на небесѣхъ“, ибо лишенъ надежды спасенія. Но, кто свободностію сею пользуется, тотъ „разрѣшенъ на земли“, ибо, кто вѣренъ въ совѣсти Богу, тотъ вѣренъ и обществу; „разрѣшенъ же и на небесѣхъ“, ибо предстаетъ онъ суду Божию съ добрымъ засвидѣтельствомъ отъ всего христіанства.

При окончаніи сужденія нашего таковымъ образомъ, слово мое склоняется уже къ вамъ, слушатели, поелюку вы—и примѣръ и утвержденіе онаго. Вы наслаждаетесь свободностію естественною подѣ богомудрымъ правительствомъ человеколюбивой Монархини и сладко опочиваете подѣ счастливою тѣнію ея попеченія; вы украшаетесь свобод-

ностію добродѣтели, ибо отечество находитъ васъ вѣрными своими сынами и усердными должностей исполнителями. Васъ Отецъ небесный признаетъ свободными и Евангельскими, ибо требованіе Его закона есть сходственно съ сердечными вашими склонностями; вы свободны и по Церкви, ибо она почитаетъ васъ благочестивыми чадами своими и ревностными защитниками пользы ея и славы. Да благословитъ Вышній возрастать въ васъ симъ великимъ дарованіямъ, а чрезъ васъ дать міру примѣръ благочестія къ Богу и вѣрности къ отечеству!

Но, прежде всего и паче всего, обязаны мы призывать сіи небесныя благословенія на священную Твою главу, Благочестивѣйшая Монархія! Ибо свободности, о конхъ мы разсуждали, и на конхъ основано истинное блаженство наше, — сіи свободности и хранить и утверждаетъ Твой самодержавный скипетръ. Твоимъ попеченіемъ правосудіе торжествуетъ, и невинность, подъ Твоею порфирію, находитъ себѣ убѣжище. Не сіе ли есть благословенное владычество свободности естественной? Твоими законами руководствуемся къ добродѣтели, а чрезъ то избегаемъ безчестнаго рабства пороковъ. Твоя матерняя любовь къ подданнымъ возлагаетъ на насъ обязательство свободности Евангельской, чтобы исполнять Божій и Твой законъ, по чувству любви къ Тебѣ и благодарности къ благодѣяніямъ Твоимъ. Твоимъ благочестіемъ всѣ мы спокойны пребываемъ въ нѣдрахъ святой Церкви, а чрезъ то препроводя жизнь на земли благочестно, уповаемъ и на небеси жить вѣчно и блаженно. Все сіе воображая, будемъ ли мы столь не чувствительны, чтобы при всякомъ случаѣ не быть громкими проповѣдниками Твоихъ благодѣяній и, наслаждаясь пріятнымъ покоемъ, не признавать виновницу оного?

Врагъ христіанства и мира нѣсколько помутилъ сладкій нашъ покой; но уповаемъ на Бога, въ рукахъ Своихъ держащаго вѣсы правосудія, что постигнетъ его судьба древняго фараона, о коемъ пишется, яко на сіе особливо попустилъ ожесточиться ему Богъ, да покажетъ въ низверженіи его силу и славу Свою. Откроетъ и нынѣ, — въ упованіи вѣры нашей глаголемъ, — откроетъ силу Свою Держатель небеснаго круга, откроетъ и славу Россіи — любезнаго достоянія Своего. Какъ скоро возсіяетъ солнце Его правосудія, луна постыдится со свѣтомъ своимъ и скроетъ гордые свои рога. Да обрадуетъ убо насъ Господь силъ увидѣть вскорѣ главу Твою, Великая Государыня, — увидѣть главу Твою лаврами увѣчанну, — лаврами, подъ тѣнію коихъ вѣрнымъ подданнымъ Твоимъ было бы всегда пріятное, вкупѣ же и славное, успокоеніе.

Обратимъ же мы рѣчь свою и къ дражайшему имениннику нашему. Ты, Благовѣрный Государь, — виновникъ настоящаго торжества Россіи.

О, коль желательно и славно быть причиною радости другихъ! Сіе есть свойственно Богу, Который ежечасно изливаетъ веселіе на тварь Свою. Достигай до сего крайняго совершенства смертныхъ: судьба къ тому Тебя произвела въ свѣтъ; Промыслъ даровалъ Тебѣ живой примѣръ царской добродѣтели въ великой Родительницѣ Твоей; Церковь представляетъ о Тебѣ ходатаевъ къ Богу, нынѣ празднуемыхъ Апостоловъ и всѣхъ святыхъ; мы желаніями своими уповаемъ того же отъ щедроты небесъ. Но, чтобы судьба достигла своего конца, чтобы промышленіе было дѣйствительно, чтобы примѣръ былъ плодоносенъ, чтобы молитвы были сильны, чтобы желаніе наше осталось не постыдно, — споспѣшествуй всему тому, благовѣрный Государь, добрымъ своимъ произволеніемъ. Судьбѣ соотвѣтствуй сохраненіемъ благородства природы; промышленію—согласіемъ, примѣру—подражаніемъ; желанію—совершеніемъ; моливаемъ—добродѣтелию. Тогда судьба возсіяетъ, промыслъ вознесется, примѣръ возгремѣтъ, желаніе наше прославится.

Боже! мы вѣдаемъ, яко Ты созерцаеши всю вселенную и десницею Своею содержиши всѣ концы земли. Россія возноситъ къ Тебѣ длани свои, препоручая благости Твоей дражайшихъ особъ своихъ. Ты съ горнихъ мѣстъ зриай всегда на нихъ онымъ окомъ, кое не дремлетъ, ниже усыпаетъ, храня своего Израиля. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„И власть главы вашей не погибнетъ“.

(Лук., гл. 21, ст. 18).

Сей гласъ Евангельскій есть гласъ милосерднаго промысла и челоуѣколюбія Божія. И хотя онъ во всякое время жизни нашей есть утѣшитель, кто бо не возвеселится духомъ, слыша столь милостивое отъ всемогущаго Владыки обнадеживаніе? но особливо сей гласъ радости долженъ быть, если обратить его къ челоуѣку, выходящему на свѣтъ сей, то есть, въ оную частицу времени, когда онъ слабъ и подверженъ всѣмъ опасностямъ,—когда говорю, вообразить, что въ таковой часъ къ нему такъ говоритъ Промыслъ: „Созданіе слабое, но созданіе „премудрыхъ рукъ Божіихъ! въ таковой твоей слабости осѣняетъ тебя „сила Вышняго, охраняетъ тебя рука Всемогущая. И потому ни по- „слѣдній власть главы твоей не погибнетъ, ни малѣйшій случай

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ придворной церкви, 1769 года, сентября 20 дня.

„чай не можеть тебѣ приключиться, чтобы онъ не былъ утверждёнъ „небеснымъ опредѣленіемъ къ собственному благу твоему“. Ибо нѣтъ сумнѣнія никакого, слушатели, что жизнь наша есть величайшее благодѣяніе Провидѣнія небеснаго,—что жизнь наша состоитъ подъ всегдашнимъ управленіемъ премудраго Бога. И потому намѣрень я непространнымъ словомъ мудростью вашему изъяснить о *настоящей жизни человеческой, что она не есть стая суетна, горестна и несчастлива, какъ нѣкоторые описываютъ оную, а другіе не такъ о ней понимаютъ.* И сіе разсужденіе заслуживаетъ вниманія нашего, какъ для собственной каждаго пользы, такъ особливо, дабы виновникъ настоящаго торжества могъ почувствовать всю силу Промысла, управляющаго жизнь человѣка всегда во благое. Ты же, Господи, сіе благословенное собраніе осѣни сплюю Твоею и сотвори, да слово наше будетъ достойно сего священнаго училища Твоего!

Какъ бытіемъ и дѣлами нашими управляетъ Богъ всегдашнимъ Своимъ промысломъ, то и не для чего было бы сомнѣваться о настоящей жизни человеческой, что она есть добра сама чрезъ себя. Но, понеже нѣкоторые охуждаютъ и окаяваютъ оную, или, по крайней мѣрѣ, почитаютъ ее быть источникомъ больше скуки и печали, нежели удовольствія и радости, то и настойтъ нужда разогнать сію темноту, въ мысляхъ нѣкоторыхъ загустѣвшую, дабы можно было благодушно проходить сіе теченіе, отъ Создателя намъ назначенное.

Жизнь человеческую можно понимать двоякимъ образомъ: или въ началѣ ея, или въ ея продолженіи. Въ началѣ своемъ она есть произведеніе человѣка изъ небытія въ бытіе. Что можеть быть величественнѣе сего? Выйти изъ бездны бесплоднаго ничтожества и взойти на высоту Создательскихъ совершенствъ, смотрѣть вездѣ разсѣянные слѣды премудрости безконечной и видѣть союзъ, конемъ твари, будучи связаны, стремятся къ единому концу для нихъ благополучному: что можеть быть превосходнѣе сего? И можно ли подумать, чтобы человѣкъ, въ такомъ состояніи поставленный рукою всеяльною, могъ сказать: „сіе состояніе мнѣ скучно и горестно есть“? не паче ли онъ долженъ бы вознести къ небесамъ свой гласъ благодарный?

Что же есть жизнь человѣка и въ ея продолженіи?—она есть теченіе дѣлъ сходныхъ съ естествомъ его. Теченіе сіе должно стремиться къ добродѣтели, а добродѣтель приводитъ къ Богу: отъ добродѣтели раждается въ душѣ истинное удовольствіе, а соединеніе съ Богомъ есть источникъ блаженства безконечнаго. Положивъ, что человѣкъ не былъ бы участенъ сей жизни, тѣмъ самымъ къ блаженству такому онъ имѣлъ бы предъ собою двери, мракомъ небытія затворенныя: ибо кого нѣтъ, тотъ ничего чувствовать не можеть. Итакъ,

если, земнородный, ты недоволенъ жребіемъ бытія своего, то тѣмъ самымъ нечувствительно отрицаешься и онаго блаженства, для котораго произвела тебя благодать Божія. Впрочемъ, сего не возможно и понять, чтобы премудрый и преблагій Богъ бытіе намъ даровалъ для одного мученія нашего и ввелъ бы насъ въ такую жизнь, которая была бы единымъ токмо отягощеніемъ намъ.

И для того слово Божіе всею своею силою увѣряетъ насъ, что жизнь сія происходила изъ источника Божественнаго. Оно свидѣтельствуєтъ, что „Господь Богъ вдуну въ лице человѣка дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу“ (Быт., 2, 7); оно говоритъ, что „долгота житія и лѣта жизни въ въ десницѣ Господни“ (Притч., 7, 3, 16); оно проповѣдуетъ, что человѣкъ „созданъ по образу Божію и по подобію“ (Быт., 1, 26—27). А какъ въ сихъ послѣднихъ словахъ заключается великое преимущество человѣческаго бытія, то царствующій Пророкъ имѣлъ причину предъ Господомъ воснѣтъ: „что есть человѣкъ, яко помниши его? или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангель, славою и честію вѣнчалъ еси его“ (Псал., 8, 5, 6). А изъ сихъ преимуществъ очень видимо, какъ оцѣнить должны мы свою жизнь.

Таковое разсужденіе, кромѣ того, что есть истинно,—и весьма полезно для благопоспѣшества сей же самой жизни, которую намъ препроводять должно. Ибо, положивъ, что жизнь наша есть благодѣяніе и благословеніе Создателя, возбудимся чрезъ то къ благодарности и любви къ Нему: станемъ щадить время дней нашихъ, въ разсужденіи, что праздность и нѣкоторымъ образомъ ввергаетъ насъ въ прежнее состояніе небытія: ибо, кто ничего не дѣлаетъ, оный такъ можетъ почитаемъ быть, какъ бы его не было. Будемъ благодущны во всякомъ случаѣ, то есть трудномъ, скучномъ и несчастливомъ, вѣдая, что Промыслъ Божій свято управляетъ всѣми приключеніями. Теченіе жизни сей проходить будемъ радостно, и спокойно окончимъ послѣдніе часы нашихъ дней, оставаясь въ увѣреніи, что сей предѣлъ есть святъ и справедливъ.

Но если бы принять противное мнѣніе, то есть, что жизнь сія есть суетна и горестна, могутъ произойти изъ того весьма неприятыя слѣдствія, а именно: будемъ скучать жизнью своею и роптать на Того, Который даровалъ намъ оную; бросимъ себя въ нѣкоторый родъ унынія и расслабленія, а чрезъ то сдѣлаемся неспособными: къ понесенію должностей и ко взаимнымъ услугамъ общества, ибо умертвимъ свои силы и иссушимъ источникъ дѣйствій. Да и какаѣ были бы уже нужда много прилежать къ трудамъ и дѣламъ, если бы согласиться на сіе печальное мнѣніе, что все въ свѣтѣ суетно? А изъ сего

очень видно, сколь изряднымъ членомъ общества можетъ быть, кто такими мыслями питаетъ себя.

А хотя бы и подлинно,—положимъ на одинъ часъ,—жизнь сія была горестна и суетна: не знаю, какое намѣреніе имѣлъ бы тотъ, который охотился бы такое наше несчастіе представлять ежечасно предъ очи наши, и старался бы больше растравлять сію рану вмѣсто того, чтобы лѣчить оную. Печаль и уныніе всегда по себѣ оставляютъ худые слѣды: ибо мѣшаютъ съ благодушіемъ проходить свое знаніе, а чрезъ то отнимаютъ наилучшее средство къ благополучію и временному и вѣчному. А если и надобна въ жизни сей печаль, то не иная, развѣ каковую похваляетъ апостоль Павелъ, которую и называетъ онъ: „печаль яже по Бозѣ“ (2 Кор., 7, 10). Она состоитъ въ чувствительномъ терзаніи совѣсти по содѣланіи грѣха: ибо чрезъ такую печаль грѣхъ истребляется; слѣдовательно, и сія печаль надобна для истребленія ея же самой, дабы снискать чрезъ то спокойствіе и радость духа.

Къ большему изъясненію разсужденія нашего нужно разсмотрѣть, откуда происходитъ оная мрачная мысль о жизни сей, дабы, узнавъ причину, истребить оную, а, притомъ, нѣсколько изъяснить и поправить и противное мнѣніе.

Таковая мысль, во-первыхъ, происходитъ въ нѣкоторыхъ отъ несчастливаго, меланхолическаго, состава ихъ расположенія. Они, имѣя мысль, помраченную разными скучными воображеніями, и мучась непрестанно внутреннимъ безпокойствомъ, все уже себѣ представляютъ не веселымъ, худымъ и испорченнымъ; все имъ не нравится, все досадно, и изъ таковой своей собственной жизни дѣлаютъ генеральное заключеніе о жизни воѣхъ вообще: подобно тому какъ человѣку, имѣющему глаза боляція иктерическою болѣзнію, все представляется желтымъ. Но таковые люди достойны не столь обвиненія, сколь сожалѣнія: ибо ихъ произволеніе не весьма бываетъ дѣйствительно, по несчастію природы или воспитанія.

Второе, происходитъ, часто поминаемое, мнѣніе и отъ непрямаго выразумѣнія нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писанія. На многихъ мѣстахъ Писанія святаго, подлинно, находимъ мы, что жизнь сія описывается жизнію суетною, горестною и окаянною. Мы можемъ нѣкоторыя мѣста, именно, здѣсь привести. Пророкъ Давидъ съ жалобою говоритъ: „увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися“ (Псал., 119, 5)! Сходно съ нимъ говоритъ апостоль Павелъ: „Окаяненъ азъ человѣкъ! кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея“ (Римл., 7, 24)? Таковыхъ же мыслей и апостоль Іаковъ: „Кая жизнь ваша?“—пишетъ онъ, „пара бо есть“ (Іак., 4, 14). Все же сіе заключается въ оныхъ Соломоновыхъ словахъ: „Суета суетствъ, и всяческая суета“ (Еккл., 1, 2).

Но какъ все ученіе Писанія Божественнаго справедливо почитается ученіемъ Святаго Духа, то посему и не можно разумѣть помянутыя слова такъ, чтобы онѣя прямо оуждали жизнь человѣческую, которая есть дражайшій даръ Бога человѣколюбиваго. Но какъ же ихъ толковать и разумѣть надобно?—разумѣть надлежитъ не о жизни человѣческой вообще, но о жизни человѣковъ нѣкоторыхъ, а именно: суетна есть жизнь того, который препровождаетъ оную въ суетѣ, то есть, въ однѣхъ забавахъ, съ потерю душевнаго совершенства и съ упущеніемъ своей должности. Горестна есть жизнь того, который, не зная или потерявъ вкусъ сладости добродѣтели, думаетъ найти оную въ услажденіи страстей. Окаянна есть жизнь того, который, безчестя оную пороками и беззаконіями, дѣлаетъ ее еще путемъ, ведущимъ къ вѣчному несчастію. Подлинно, жизнь таковыхъ людей есть суетна и несчастлива; и весьма надлежитъ оную окаевать, дабы ихъ чрезъ то вывести изъ опаснаго расслабленія и крайняго нерадѣнія о добродѣтели и о благахъ будущихъ.

А если бы онѣя писанія святаго слова взять генерально о жизни человѣческой, то суетною должна бы называться жизнь и того, который упражняется мыслию и сердцемъ въ дѣлахъ, къ пользѣ благочестія и общества служащихъ. Была бы горестна жизнь и того, который сладчайшими добродѣтели плодами душу свою всегда питаетъ; была бы окаянна жизнь и тѣхъ, кои святостію, яко солнце, въ мірѣ просіяли. Но можно ли намъ быть столь отважными, чтобы къ несчастію своему такъ думать о жизни тѣхъ, примѣру коихъ мы послѣдовать должны?

Что же жизнь сія называется „краткою, во мгновеніи она преходящею“,—и сіе разумѣется въ сравненіи вѣчности, предъ которою не толькоо на есть кратка, но почти—ничто. Однако сіе не мѣшаетъ быть и называться жизни нашей долгою, когда она состоитъ въ предѣлахъ, отъ Премудрости вѣчной назначенныхъ. Подлинно, она можетъ быть кратка и по самой себѣ; но для онаго, который пороками и страстями самъ себѣ сокращаетъ ее, и самъ себѣ препятствуетъ пользоваться благостію Господнею. Но, присемъ, можетъ сказать кто: „различныя страсти, труды, скуки и несчастія, коими наполнена жизнь сія, могутъ ли допустить почестъ ее счастливою“? На сіе отвѣтствуется, что страсть и пороки не дозволяютъ почестъ счастливою жизнь того, кто онымъ работаетъ, какъ уже выше сказано. Труды и соединяемыя съ ними, на краткое время, скуки необходимо нужны какъ для добродѣтели, такъ и для будущей жизни; слѣдственно, благополучію жизни сей они не только не препятствуютъ, но еще и споспѣшествуютъ. Несчастія же, если приключаются за дѣла худыя, приключаютъ жизнь несчастливою для тѣхъ, кои сами себя ввергли въ оную. Несчастія же за

истину и добродѣтель не суть несчастія, развѣ мнимыя: ибо они не только внутренняго совершенства не нарушаютъ, но паче оное устроятъ; а притомъ у Бога и у добрыхъ людей списываютъ себѣ истинную славу и издвоздааніе. Сохрани Богъ, чтобы мы Нерона, оное чудовище челоуѣчества, и Прода, впрочемъ вознесенныхъ, почли блаженными; а Петра, Павла и Іоанна, мужей въ свѣтѣ добродѣтельнѣйшихъ, но отъ нихъ неповинно убиенныхъ, вмѣняли бы несчастливыми и окаянными? Итакъ, отсюда мы можемъ видѣть, что жизнь наша, сама чрезъ себя не заслуживаетъ оужденія.

Однако, притомъ, въ предосторожность людямъ, по душѣ разслабленнымъ, если они между нами по несчастію находятся, гласомъ Господнимъ объявляемъ мы, что жизнь ихъ суетна и несчастлива, сколько бы имъ чувства ни льстили, и сколько бы они сами себя пріятно ни обманывали; а едина жизнь челоуѣка, званію своему соответствующаго, челоуѣка чрезъ добродѣтель къ будущей жизни себя приготавлиющаго, едина таковаго жизнь есть благая, твердая, благополучная и благословенная, хотя бы иногда она и была смущаема нѣкоторыми превратами несчастія: и мы бы, увидѣвъ таковаго, съ веселіемъ душевнымъ сказали ему: „теченіе жизни твоей прекрасно: ибо добродѣтельно; жизнь твоя преблагенна, ибо совѣтъ твой не зазорна; дух твой радостенъ, ибо онъ непороченъ. И сія радость тѣмъ есть большая, что она есть нѣкоторое предчувствіе радости вѣчной: ибо начинается здѣсь—въ душѣ непорочной рай будущій, блаженный“.

Но уже время окончить намъ, слушатели, свою бесѣду. Тожмо молю, да не пренебрежемъ забвеніемъ сіе разсужденіе, полеже оно служить съ величайшею пользою къ благоспѣшеству жизни сей. Да затвердимъ въ своей мысли и сердцѣ, чтобы жизнь сію не препроводятъ въ праздности: ибо потоліку она есть блаженна, поеліку находится въ движеніи добрыхъ дѣлъ; а безъ того жизнь не есть жизнь, но нѣкоторое мертвое и безобразное изображеніе жизни. Притомъ, твердо да увѣримъ себя, что не можетъ быть участникомъ вѣчной жизни, который не съ усердіемъ и вѣрностію въ жизни сей проходить должность, отъ судьбы Господни назначенную.

Къ большему же изъясненію разсуждаемой истины, дозволю намъ, Всемилостивѣйшая Государыня, привести въ примѣръ Твою, Богомъ управляемую, жизнь. Двѣ причины мы къ сему имѣемъ. Первая, что, какъ жизнь жизньію почитается тѣмъ свойственнѣе, чѣмъ въ большемъ движеніи благихъ дѣлъ состоитъ она, то чья же жизнь есть упражнена толикими дѣлами и попеченіями, какъ не Твоя Монаршая? Мысль Твоя простирается и къ внутреннему учрежденію государства, и къ вѣншей оборонѣ оного, и къ устроенію общей пользы, и къ удоволь-

ствію каждаго и разсужденіемъ, и повелѣніемъ, и словомъ, и перомъ, и совѣтомъ, и наставленіемъ, и другими многочисленными способами. Вторая причина, что жизнь Твоя, яко жизнь Монаршая, есть естественное основаніе жизни нашихъ и самый лучший ихъ же образецъ. Ибо если взять жизнь за теченіе дѣлъ, то наши жизни суть нѣкоторые потоки, которые, какъ начало, приѣмлютъ отъ пространнаго моря дѣйствій Твоихъ, такъ въ оное же паки обращаются. Проходи убо, Помазанница Господня, сей подвигъ тѣмъ охотиѣе, что отъ него зависитъ блаженство многихъ народовъ. Вѣдаемъ, что теченіе Твое многотрудно, но со всѣмъ тѣмъ преблаженно: жизнь Твоя многопечетельна, но для другихъ радостотворна. Сей есть самый лучший жребій смертнаго не ослабѣвать въ своемъ подвигѣ, и съ благодушіемъ приближаться къ полученію вѣнца безсмертія. Наляцы, успѣвай и царствуй; мечи стрѣлы на враговъ Твоихъ: Твоя добродѣтель ихъ побѣдитъ, и челоуколюбію Твоему Господь покоритъ ихъ варварство. Веди же симъ путемъ и сей дражайшій плодъ утробы Твоей. Даровавъ ему жизнь, оживотвори его и духомъ добродѣтелей Твоихъ.

А Ты, Благовѣрный Государь, вонми сіе разсужденіе наше и оное прими вмѣсто, должнаго отъ насъ въ настоящій день Тебѣ, поздравленія.

Ты нынѣ совершаешь день Твоего въ міръ сей вшествія. Открой убо свою благодарность, во-первыхъ, Господу, оживляющему всѣ твари и содержащему въ Своей рукѣ духи сильныхъ земли; а притомъ и сему, Божественнаго о Тебѣ Промысла, богоизбранному орудію, дражайшей Родительницѣ своей: докажи же свою благодарность прехожденіемъ теченія своего въ благодушіи и исполненіемъ обязательствъ, которыя на Тебя возложили Богъ и естество, вѣра и отечество. И какъ мы увѣрены о Твоихъ благихъ склонностяхъ: то и уповаемъ, что колесница Твоя, чѣмъ выше восходитъ на горизонтъ чаянія Россіи, тѣмъ въ большемъ сіяніи имѣетъ открыть себя. „Пятнадцать лѣтъ уже миновало“. Но мы лѣта Твои исчисляемъ не столь днями и часами, сколько успѣхами и мужественнымъ Твоимъ прохожденіемъ въ дѣлѣ добродѣтели. Впрочемъ, слыши, что вѣщаетъ Тебѣ Духъ Святой: „Сыне, чти Господа, и укрѣпишися: храни Его заповѣди, и поживеши: словеса же Его соблюди яко звѣнцы очію: обложи же ими твоя персты, напиши же я на скрижали сердца твоего, да жива будетъ душа твоя, и благодать будетъ на Твоей выи: Господь бо будетъ на всѣхъ путехъ твоихъ и утвердитъ ногу твою, да не поползнешися“ (Притч., 7, 1—3; 3, 22, 26).

Господи! предъ лицемъ Твоимъ предстоитъ днесь Помазанница Твоя, вознося предъ Тобою и дарованный ей отъ Тебя плодъ, пред-

стоитъ же съ жертвою благочестія и благоговѣнія. Ты благослови дни ихъ и, за извѣстную Тебѣ ихъ добродѣтель, обрадуй всѣхъ насъ славою, миромъ и тишиною. Амань.

Слово, говоренное при освященіи знаковъ новаго военнаго ордена святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія *).

Пространная и пріятная матерія предлагается къ разсужденію нашему, слушатели! Ибо—се, устанавлиются почести воинамъ мужественнымъ, се соплетаются вѣнцы побѣдоносцамъ, се видимъ достойное за добродѣтель воздаяніе, и сильное къ ней же побужденіе. А съ симъ вкупѣ воображаемъ и мудрую прозорливость Самодержицы нашей и возрастающую славу Россіи, и Божіе о ней благоволеніе.

Придите убо, истинные отечества любители! придите, выкрикнемъ прилежиѣ въ сіе дѣйствіе и насладимся удовольствія, отсюда обильно протекающаго.

Рѣчь наша есть не объ удаленныхъ въ послѣдніе край земли странахъ, но объ отечествѣ нашемъ,—не о народахъ, морями и долами отъ насъ отдѣленныхъ, но о любезныхъ нашихъ согражданахъ,—не о славѣ, каковою въ свѣтѣ гремѣли Геркулесы, Александры, Аннибалы, Сципіоны и прочіе, но каковою россияне прославились и прославляются. Ибо, если съ прилежаніемъ разсмотримъ мы домашніе примѣры,—найдемъ не меньше знаменитыхъ храбростію мужей, какъ сколько намъ представляеть ихъ и древность.

Самые первые Россійскіе князи мужествомъ своимъ не сосѣдей токмо, но и дальныхъ содержали въ границахъ справедливости и въ почтенія въ себѣ. Ихъ власть распростиралась по берегамъ Дуная; на ихъ геройство не одинъ разъ съ удивленіемъ взирали стѣны Константинопольскія, и сей, Европу и Азію соединяющій, градъ Россійскому скипетру жертвовалъ данью. И если когда сіянію Россіи каковыя ущербы приключались, то по скоромъ прехожденіи затменія, она паки въ прежнемъ своемъ блистаніи возсіявала, и случившіяся въ тѣлѣ ея болѣзни послужили къ большому утвержденію здравія ея.

Но, когда Богъ въ Россіи возставилъ паки самодержавіе, когда, притомъ, воздвигъ и мужа по сердцу своему, Петра, глаголю, именовемъ

*) Сказано въ присутіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, Святѣйшаго Синода, Правительствующаго Сената и всего случившагося военнаго чина, въ бывшей придворной церкви, въ С.-Петербургѣ, 1769 года, ноября 26 дня.

и дѣлами Великаго,—съ того времени сіе благословенное древо паче и паче утвердило корень свой, вѣтви его далѣе распространились, и подъ пріятную его тѣнь притекли множество народовъ искать себѣ покоя. Тогда-то отечество наше въ большую стало приходить славу, какъ другими многими дѣлами, такъ особливо мужествомъ своимъ и храбростію воинства своего. Имя „Россійанинъ“ стало у всѣхъ народовъ почтенное, у недоброжелателей страшное: гдѣ Россійскія знамена показываются, тамъ и мужественный непріятель приходитъ въ сумнѣніе,—тамъ и мудрый политикъ находитъ затрудненіе, какъ отвратить опасность. Мужеству война нашего всѣ мѣста стали проходимыми, всѣ крѣпости перестали быть неприступными. Границы Россійскія столь ратпространились, что превосшли границы древней Имперіи Римской и всей Европы; и если бы нынѣ Россія не восхотѣла своихъ предѣловъ расширять далѣе, то не для того, аки бы подъ Божіимъ предводительствомъ не могла она мужественно стремиться до концевъ вселенной; но что уже почла бы себя обильно удовольствованною настоящею славою.

Зря на сіе съ удивленіемъ, окрестные народы, изобрѣли способъ для себя полезнѣйшій, для насъ славнѣйшій: начали искать покровительства Россіи и почтять себѣ за честь быть въ союзѣ съ отечествомъ нашимъ.

Все сіе воображая, или паче сказать, очами своими видя, мы, Россіяне, что думать или говорить должны? кажется, что, принесши благодареніе Господу силъ и владѣющему небомъ и землею, могли бы мы утвердительно заключить, что слава наша взшла на высочайшую свою степень,—что мужество и храбрость россиянъ достигла своихъ предѣловъ,—что осталось токмо сохранять, а не умножать столь великое сокровище.

Но настоящія времена,—о, времена блаженныя!—ясно доказываютъ, что милостивый Божій Промыслъ ведетъ насъ еще къ превосходнѣйшей славѣ и хочетъ милосердно возвысить Свое достояніе паче и паче. О, благодѣтелю нашъ Господи! веліе Твое есть промышленіе о насъ! неисповѣданы и неизслѣдимы судьбы Твои!

Россія покоилась въ объятіяхъ мира и наслаждалась въ тишинѣ плодами славы своей. Страшный военный звукъ молчалъ, и храброе оружіе отдыхало. Сей сладкій покой отважился помутить вѣроломный непріятель и дерзнулъ разбудить спящаго льва. Возсталъ воинъ противъ своего хотѣнія, гнѣваясь на дерзнувшаго беспокоить его; и тотчасъ мужество россиянъ открылось въ прежней славѣ, или и большей. Ибо Господь поборствовалъ по насъ, ибо воевали стихіи со стороны нашей, и Днѣстръ почти то же сталъ агарянину, что древле египтянину было Чермное море. Бѣжить дерзкій непріятель, оставляя вездѣ

по слѣдамъ своимъ страхъ и стыдъ. Входитъ россиянинъ въ его предѣлы, занимаетъ его княженія, доходитъ до бреговъ Дунайскихъ и, находясь теперь въ семъ славномъ теченіи, простираетъ желанія свои и намѣренія далѣе. Таковыя дѣйствія воинства нашего коликою радостію исполнили все отечество, и колкія надежды впредь вложили въ мысль нашу—того слово мое изъяснить не можетъ.

Довольно сказать, что, управляемая мудростію божественною, Государыня наша сіе счастливое дѣйствіе оружія своего почла способнѣйшимъ случаемъ къ установленію почестей мужества военнаго, дабы и прежнюю славу, храбростію снисканную, утвердить и вновь доказанную наградить, и другихъ возбудить къ той же ревности, а чрезъ то державу Россіи или далѣе распространить, или, по крайней мѣрѣ, всѣмъ непріятелямъ сдѣлать ее страшною.

Къ большему же доказательству святости и справедливости намѣренія сего, не можно здѣсь оставить, чтобы хотя кратко не показать, сколь достойно и вообще должно быть уважаемо воинство, и особливо какъ справедливо храбрые поступки нѣкоторыхъ заслуживаютъ награжденіе.

Что бо есть воинство?—воинство есть защита отечества, ограда государства, вѣры оборона, охраненіе не имѣній нашихъ токмо, но и жизней нашихъ. Что земледѣлецъ спокойно влечетъ свой плугъ, что класами роскошествуютъ поля, что корабль свободно плыветъ въ свое пристанище, что художникъ въ тишинѣ упражняетъ свои руки въ работѣ, что совершаются въ веселіи и радости церковныя собранія,—кому мы симъ всѣмъ одолжены особеннымъ образомъ? кому? если не мужеству воинства, отъ нападенія и козней непріятельскихъ тѣлами своими насъ закрывающаго?

Ихъ трудъ намъ приобрѣтаетъ покой; плодами, кровію ихъ напоенными и возрастшими, мы наслаждаемся; лишеніе ихъ жизней сохраняетъ наши жизни. О, доказательство величайшее вѣрности и любви къ отечеству! „Больши сея любви,—сказалъ Спаситель нашъ,—больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя“ (Іоан. 15, 13). Ибо человекъ ничего въ свѣтѣ не оцѣниваетъ дороже жизни своей. Когда убо таковое неоцѣненное сокровище воинъ охотно отдаетъ въ пользу общую, то есть, „нашу“,—какое, думаете, возлагаетъ онъ обязательство на насъ къ благодарности и воздаянію?

Всякъ другаго состоянія человекъ имѣетъ въ производствѣ дѣла своего особливый для себя предметъ, собственную корысть и пользу. Земледѣлецъ взираетъ на богатую жатву, которою онъ имѣетъ наслаждаться домашними своими; художникъ ободряетъ себя довольною платою за работу свою; купецъ размышляетъ о прибыткахъ, кои пода-

дуть жизни его довольное и спокойное содержаніе; судія получаетъ подобающее награжденіе, не лишаясь, однако, жизни, безъ которой и все награжденіе ни къ чему бы не послужило. Подлинно, во всѣхъ сихъ дѣлахъ заключается и общая польза, но такъ, что соединяется притомъ и собственная каждаго.

Но какой предметъ имѣеть воинъ, видя предъ очами смерть? и при опасности жизни своей можетъ ли онъ веселить себя надеждою, что удастся ему пользоваться воображаемыми выгодами? О, сколь сильно такому человѣку надобно быть увѣрену въ общемъ добрѣ,—слѣдовательно, сколь много честну! ибо хотя, положимъ, воинъ и получаетъ награжденіе довольное, и оно къ ревности есть побудительно, но можетъ ли онъ во время ужаснаго жара воображать сіе награжденіе? и предстоящая смерть дозволить ли ему столь вольно располагать своими мыслями? Нѣтъ, не столько воображаемое награжденіе, сколь ревность къ отечеству и общая польза одушевляеть его тогда. Ибо тотъ, кто думаетъ умереть, о здѣшнемъ награжденіи размышлять много не можетъ; однако, тѣмъ самымъ дѣлаетъ себя больше награжденія достойнымъ. Впрочемъ, всякъ воюющій, хотя и предохраненъ будетъ судьбою Господнею отъ смертнаго случая, однако, такъ долженъ почитаемъ быть, какъ бы онъ уже за отечество животъ свой положилъ. Ибо онъ жизнь свою на жертву уже принесъ, всѣ смертные страхи претерпѣлъ; не доставало токмо одной минуты нечувствительной.

Ежели же мужество воинства вообще заслуживаетъ столь великое уваженіе, то что надобно особливо сказать о тѣхъ, которыхъ древность называла героями, то есть, „полубогами“,—кои въ мужественномъ воинствѣ нашемъ отличились мужествомъ своимъ? которые опасностію жизней своихъ защитили жизни и самыхъ тѣхъ, кои защищаютъ наши жизни? Таковые должны быть отличены по справедливости, ибо и въ добродѣтели суть разныя степени. „Мнози текутъ въ позорищи, но не вси приемятъ почеть“ (I Кор., 9, 24). И хотя въ свѣтѣ обыкновенно таковыхъ людей бываетъ весьма мало, но Россія ими и была и есть изобильна. Это доказываютъ какъ всѣ прешедшія времена, такъ и война настоящая, въ которой многіе бѣжали на мечи и огни не иначе, какъ бы къ полученію вѣнцовъ прекрасныхъ, а почитали себѣ за смерть, если бы непріятелю обратили тылъ.

О, войны мужественные! вы—дражайшій залогъ отечества. Ваше блистаніе славы радостно въ очахъ нашихъ. Какъ таковыхъ справедливость могла бы оставить безъ награжденія? и какъ благоразуміе могло бы попустить, чтобъ зеленѣющіе и цвѣтущіе сіи лавры увяли?

Но такового несчастія не можно опасаться во времена наши. Благочестивая Монархиня наша и умершихъ на брани воиновъ безъ на-

граждениа не оставила: мудрое и святое оное учреждение ея, чтобы по умершимъ на брани за вѣру и отечество отъ Церкви приносить Богу ежегодныя молитвы. Таковое для умершихъ награждение изъ возможныхъ есть наибольшее: ибо, чрезъ сіе отъ всей Церкви предъ престоломъ Господнимъ воспоминаніе, ихъ души награждаются блаженнымъ вѣчнымъ покоемъ, заслуги ихъ предаются безсмертію, плачущіи же и болѣзнующіи объ ихъ лишеніи приемятъ чувствительнѣйшее утѣшеніе.

Таковымъ образомъ, монархія, отдавъ справедливый долгъ положившимъ за отечество животъ свой, се устанавлиетъ и оставшимся, съ блистаніемъ подвиговъ своихъ и заслугъ, достойное награждение. Се почести, се вѣнцы, се воздаяніе! тутъ вкупѣ соединены и побужденіе къ мужеству, и награждение за оное, и честь, и польза, и чувствительная благодарность отечества къ заслугамъ ихъ.

„Время убо воспривѣтствовать васъ, о храброе Россійское воинство, съ таковымъ счастіемъ, съ Монаршимъ, а вкупѣ и Божиимъ, о васъ благоволеніемъ. Прежде заслуги ваши отличили васъ, отнынѣ заслуги ваши будутъ отличены и приведены отечеству въ откровеніе. Состояніе ваше вмѣсто того, чтобы оно могло почитаться страшнымъ, стало завиднымъ. Мужайтесь убо и крѣпитесь; радуйтесь о прешедшемъ, вооружайте себя храбростію къ будущему. Платите сіе одолженіе вѣрностію усердною, и ревностію непобѣдимую; охраняйте границы отечества вашего, или оныя и распространяйте. Докажите свѣту, что Россія есть жилище героевъ и покровительство прибѣгающихъ къ ней народовъ. А притомъ, если угодно, изъясните всѣмъ и о намѣреніяхъ ея, что оныя не состоятъ въ несправедномъ похищеніи чужихъ владѣній, но въ правосудномъ отмщеніи покушеній напрасныхъ и въ покровительствѣ утѣсняемыхъ мучительною властію. Мечъ Россійскій блистаетъ, не—чтобы напрасно умертвить, но чтобы животъ даровать угрожаемымъ смертію“.

Впрочемъ, съ сего священнаго мѣста долженъ я вамъ, о войны, напомнать, что мужество не должно быть безъ человѣколюбія. И для того основаніемъ храбрости своей полагайте законное правило, неустрашимость свою умѣряйте благоразуміемъ и страхомъ суда Божія. Когда удостоитесь сихъ знаковъ ношенія, то „облецытесь вкупѣ въ броню правды, препояшите чресла ваша истиною, уготовайте ноги къ благовѣствованію мира, воспримите щитъ вѣры и племъ спасенія, и вооружите себя мечемъ духовнымъ, иже есть глаголь Божій“ (Ефес., 6, 14—17). „Аще бо и постраждетъ кто,—говоритъ слово Божіе,—не вѣнчается, аще не законно подвизатися будетъ“ (2 Тим., 2, 5).

По выслушаніи таковаго привѣтствія и по возчувствованіи живою радости, храброе Россійское воинство обращается къ Тебѣ, Всепре-

свѣтлѣйшая Монархія! Оно, чувствуя такое о себѣ благоволеніе Величества Твоего, приноситъ усердное благодареніе. Оно почитаетъ сіе установленіе за сильнѣйшее подкрѣпленіе охоты къ высокой службѣ Твоей. Оно такое, имѣющее быть, отличіе заслугъ ихъ вмѣняетъ за оживленіе своей жизни,—жизни въ жертву отечества посвященной. Оно признается, что новый жаръ воспламенитъ ихъ, и потщится доказать, что они суть слуги, достойные таковой Монархини; оно обѣщается сіи знаки оставить своимъ дѣтямъ въ дражайшее наслѣдіе и въ вѣчное имени Твоего прославленіе.

Съ такимъ искреннимъ изъясненіемъ храбраго Твоего, Великая Государыня, воинства сорадуется и все отечество и, съ ними вкупѣ благодарность свою всегда изъяслять, почитаетъ и почитать будетъ за наибольшее обязательство вѣрности своей.

О благопоспѣшествѣ же сего Ея Императорскаго Величества намѣренія и предпріятія, и о благословеніи знаковъ сихъ остается вамъ, священнѣйшіе мужи, молитву свою принести Богу всеблагому и всемогущему. Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“.

(1 Іоан., гл. 5, ст. 4).

Сей благословенный день представляетъ намъ вождѣльный случай и къ радости, и къ поученію, и къ славѣ нашей. Ибо Церковь Христова совершаетъ днесь торжественную память первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, знаменитыхъ въ христіанствѣ мужей и основателей Божественной вѣры нашей,—вѣры, которая возсіяла на востокѣ, достигла же и до сѣвера,—вѣры, которая насъ соединяетъ со многочисленными народами, разсѣянными по лицу земли, съ живущими на рѣкахъ Дуная, Нила, Тигра и Ефрата, и на островахъ Архипелага; съ народами преславныхъ славянъ, древнихъ грековъ и колхидовъ, именовъ въ свѣтѣ извѣстными. Сіи многочисленные христіанъ соборы сей день вкупѣ съ нами празднуютъ, съ такими же священными обрядами, и одними съ нами пѣснопѣніями совершаютъ духовныя торжества

*) Сказано въ Петергофѣ въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1770 года.

свои, а тѣмъ самымъ и мы можемъ почестъ ихъ аки членовъ единого тѣла, и они въ число сыновъ отечества нашего вмѣщены быть усердно желали бы. Но, ахъ! сіе напоминаніе не можетъ ли смутить радость нашу? ибо, вспомяная сіе, не можемъ не представить себѣ, что всѣ оныя народы стонуть подъ тяжкимъ рабства бременемъ, и ниже сего священнѣйшаго имени—„вѣра“ свободно произнести дерзають. Ихъ праздники растворены плачемъ: они самый день сей торжествуютъ съ воздыханіемъ и сѣтованіемъ. Ибо „завѣтъ завѣщаша селенія Идумейска и Исмаильтѣяне, Моавъ и Агаряне, Геваль и Аммонъ и Амаликъ, иноплеменицы; иже рѣша: да наслѣдимъ себѣ святилище Божіе. Придите и потребимъ я отъ языка и не помянется имя Израилево кому. Боже! кто уподобится Тебѣ? Не премолчи, ниже укротися, Боже“ (Псал., 82, 6—8, 13, 2, 5)! Но я лучше желалъ бы таковое напоминаніе скрывать въ сердцѣ, тайно вопіющемъ къ Богу, если бы Господь Саваоѣвъ и Богъ ополченія Израилева не благоволялъ праведное оружіе наше и, аки за руку взявъ помазанницу Свою, не говорилъ ей, какъ иногда помазанному Своему Киру: „Азъ предъ тобою пойду и горы уравнию, отверзу предъ тобою врата, и гради не затворятся“ (Ис., 45, 1—2); если бы и самое ученіе вѣры нашей къ тому же не споспѣшествовало. Ибо се слышимъ Апостольскій гласъ, яко трубу трубящую въ уши наши: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“; сія вѣра утѣсняемая, вѣра страждущая, есть вкупѣ вѣра побѣждающая и торжествующая. И понеже таковыя слова для настоящихъ обстоятельствъ нашихъ видятся быть приличны и ободрительны, то не бесполезно будетъ взойти въ разсужденіе. *въ какомъ разумѣ присволяется побѣда силѣ вѣры.* Ты же, Господи Боже, углемъ, отъ жертвенника Твоего взятымъ, повели херувиму коснуться недостойныхъ устъ нашихъ, яко же иногда устъ Исаи Твоего, да возможемъ повѣдати судьбы Твои.

СИЯ ЕСТЬ ПОВѢДА, ПОВѢДИВШАЯ МІРЪ, ВѢРА НАША.

Хотя семи словами обозначается и извѣстная побѣда, то-есть, каковую Апостолы имѣли надъ людьми развратными, въ разсужденіи ложныхъ, до закона ихъ надлежащихъ предувѣреній и заблужденій, однако, нѣтъ препятствія симъ словамъ дать и общее означеніе: поелику и всякаго рода побѣда должна быть приписана Божественной силѣ вѣры.

Къ утверженію же сего разсмотримъ свойства и плоды вѣры, которые если для побѣдителя найдемъ нужными: то тѣмъ самымъ и можемъ побѣду приписать силѣ вѣры. Вступимъ въ доказательство.

Во-первыхъ. Для полученія побѣды потребно благоразуміе и совѣтъ: благоразуміе, чтобы окомъ ума обозрѣть всѣ обстоятельства и изъ нихъ заключить непогрѣшительныя слѣдствія; а совѣтъ, чтобы,

не излишне мечтая о себѣ, умѣть пользоваться разсужденіями и другихъ. Но всякое неложное просвѣщеніе откуда почерпается, если не изъ источника закона Божія? Въ немъ содержатся истины, которыя служатъ основаніемъ для всякаго знанія и дѣйствія человѣческаго. „Начало бо премудрости страхъ Господень, и благочестіе въ Бога есть начало чувства“, то есть, распознанія добра и зла: „премудрость же и наказаніе нечестивіи уничтожатъ“ (Притч., 1, 7), говоритъ слово Божіе.

Но если гдѣ весьма нужно есть, то особливо въ страшномъ военномъ подвигѣ такое просвѣщеніе отъ закона Божія. Ибо сколько тутъ можетъ встрѣтиться неудоборѣшимыхъ затрудненій, сколько можетъ открыться случаевъ, которыхъ человѣческой умъ предвидѣть не можетъ! Всѣ расположенія иногда въ едино мгновеніе ока принимаютъ на себя иной видъ, и вдругъ становятся зависящими отъ единой судьбы Всемогущаго. Мысль слабаго смертнаго, зря на сіе, при томъ видя и смертоносные удары другихъ, и воображая свою предъ ногами стоящую опасность, едва ли можетъ быть столь тверда, чтобы не поколебаться и не почувствовать въ себѣ нѣкотораго мрака,—если бы сила свѣта Божественнаго не разгоняла сей мракъ и не подкрѣпляла слабости человѣчества. Сіе знать лучше могутъ, которые самымъ дѣломъ извѣдали надобность просвѣщенія небснаго въ такихъ случаяхъ. И для того Израильскій Царь признается предъ всемогущимъ Содержателемъ свѣта, что Онъ научаетъ рудъ его на ополченіе и персты его на брань. Да если бы время дозволило приводить намъ примѣры побѣдителей и изъ языческой исторіи,—мы увидѣли бы, что и они не вступали въ брань, развѣ призывавъ помощь Вышняго на свои дѣйствія, и не оканчивали оной, развѣ приписывая побѣду руководствующей силѣ Божественнаго Промысла.

Второе. Для полученія побѣды потребна справедливость въ началіи военного дѣйствія и честность въ продолженіи его. „Справедливость“, чтобы не приступать къ сей крайности, развѣ по истощеніи всѣхъ другихъ способовъ, и то для защищенія собственнаго, или утѣсняемой неповинности; а „честность“, чтобы въ продолженіи дѣйствовала та же причина справедливости, которая начала, то есть, чтобы непріятельскую несправедливость ослабить, дабы она вредить не могла другимъ неповиннымъ. Если кто мало преступитъ сіи предѣлы, то можетъ онъ впасть въ злосчастное состояніе жезловъ ярости Господней.

Но кто, въ сихъ границахъ справедливости и честности, удержать презрителя закона Божія и небоющагося суда Его? Онъ есть звѣръ необузданный: жертвуетъ всѣмъ суетѣ славолюбія своего, стenanіе страждущаго человѣчества, превращеніе въ пепель цвѣтущихъ градовъ, терзаніе сосущихъ сосцы матерніе суть для него наилучшія основанія,

на коихъ онъ создаетъ безсмертіе имени своего. Одно изъ такихъ представляетъ Пророкъ, такъ разсуждающаго съ самимъ собою. „Сотрашу грады населенныя, вселеную всю объиму рукою моею яко гнѣздо, и яко оставленная лица возьму: и нѣтъ, иже убѣжить мене или противу мнѣ речеть, и отверзеть уста“ (Ис., 10, 14). О, стыдъ человѣчества!

Но таковъ ли побѣдитель есть хранитель истиннаго благочестія?—никакъ. Онъ любитъ Вышняго и для того падить и созданнаго по образу Его; онъ просвѣщенъ истинною закономъ Господня, и для того знаетъ, въ чемъ поставлять настоящую славу, которая не можетъ состоять въ несправедливости; онъ чаеъ предстать престолу награждителя добродѣтели и наказателя порока, и для того хранится, дабы, чрезъ нарушеніе правды вѣчной, не впасть въ руки Бога живаго. Когда верховная небесная власть вручить такому герою правленіе народа, онъ бываетъ его отцемъ, ибо внимаеъ гласу вѣчной премудрости, его руководствующей. Онъ защищаетъ порученныхъ ему отъ нападений противныхъ, но такъ, что и въ самомъ непріятелѣ почитаетъ человѣчество и, побѣждая его, благодѣтельствуеъ ему, ибо дѣйствіе злости его пресѣкаетъ.

Когда кто, такимъ образомъ будучи расположенъ, вступаетъ въ брань противъ врага, поправшаго всѣ Божественныя и человѣческія законы—что?—Око всевидящее закрываетъ ли тогда отъ таковаго благосклонный взоръ Свой? Промыслъ, управляющій всѣми дѣлами свѣта, остается ли тогда празденъ, какъ бы сіе дѣло до Него ничѣмъ не принадлежало? Царь царей, подлинно ли тогда—въ такомъ состояніи, какъ о Немъ говоритъ нечестивый у Псаломника: „не узреть, ниже уразумѣтъ Богъ Іаковль“ (Псал., 93, 7)? Нѣтъ, „се, не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля“ (Псал., 120, 4).

Богъ невидимо подкрѣпляетъ руку благочестиваго подвижника Своего, вразумляетъ его въ изобрѣтеніи способовъ въ часъ смятенія наполняетъ сердце его великодушіемъ и храбростію и подаетъ мужество воинству его.

„Мужество“, сказала я, ибо оно не отъ другаго чего происходитъ, какъ токмо отъ справедливаго дѣла, почему римскій витія изрядно опредѣляетъ, что „мужество есть добродѣтель, воюющая за справедливость“. Не множество воинства, не мечи и оружія, не долгое упражненіе въ военныхъ дѣйствіяхъ суть единственная причина храбрости. Ибо всѣ сіи обстоятельства суть внѣшнія и сами чрезъ себя недвижимы,—почему не они движутъ духъ нашъ, но сами требуютъ отъ мужественной души въ движеніе приведены быть. Но воинъ храбръ бываетъ тогда, когда не зазорна его совѣсть, не смущена мысль, и

чувствует справедливость стоящую съ своей стороны: ибо въ такомъ случаѣ онъ беретъ на себя свойство суди, который идетъ наказать виноватаго.

Но не имѣющій надѣянія на справедливость свою смущается мыслию, унываетъ духомъ, очи его наполняются мракомъ, его страшатъ сновидѣнія, ему мечтается, что надъ противною стороною видитъ различные знаменія покровительства небеснаго. А при томъ совѣсть зазорная открываетъ пламя вѣчное сквозь огни орудій военныхъ, и послѣ поля сраженія указываетъ ему путь лежащъ ко аду, и для того трепещеть и, бѣгствомъ смерти настоящей, ищетъ скрыться отъ бѣдности будущей.

И отъ сего-то родится сей ужасъ, называемый „панический“, который внезапно поражаетъ все воинство и отъ сего-то бываетъ, что не тоемо гонить единъ тысящу, а два тьму, но и бѣгаетъ нечестивый, никому же гонящу. „Се не въ силѣ констѣй восхоцеть, ниже въ лыстѣхъ мужескихъ Вышній благоволить: Господь въ боящихся Его и во уповающихъ на милость Его“ (Псал., 146, 10).

Таковый богобоязливый герой нельзя, чтобы не былъ украшенъ и человѣколюбіемъ, которое свойство какъ есть плодъ благочестія, такъ и для истиннаго побѣдителя есть нужное.

Ибо въ случаѣ военномъ дѣйствіе человѣколюбія есть не допускать простираться далѣе предѣла, справедливостію предписаннаго, то есть, ослабивъ неправду дѣйствующую, впрочемъ, и непріятеля щадить, и человѣчество въ немъ почитать сроднымъ себѣ. Сіе противъ непріятеля оружіе есть насильнѣйшее: ибо и неукротимые звѣри укрощаются ласкою и любовію, а добродѣтель и въ непріятелѣ хвалима и любима есть.

Дарій, побѣжденный отъ Александра, когда услышалъ, что Александръ, будучи и побѣдитель и молодъ и холостъ, со взятыми въ полонъ матерію его и женою и дѣтьми обходится человѣколюбиво и цѣломудренно, и, едва о томъ увѣрившись, напоследокъ поднявъ руки къ небу, сказалъ: о боги! если ваша воля есть, продолжите мнѣ царствованіе; но если иначе судьбами вашими опредѣлено, молю, да никто сядетъ на моемъ престолѣ, какъ сей благій непріятель и милостивый побѣдитель.

Да и наше любезное отечество особливо прославилось сею божественною добродѣтелію предъ прочими въ свѣтѣ народами.

И если когда, нынѣ, поистинѣ, сія добродѣтель царствуетъ въ сѣдѣщей на Россійскомъ престолѣ, благоутробнѣйшей Матери отечества. Не надобно разбирать, что сіе или оное Великой Екатерины дѣло доказываетъ человѣколюбіе ея. Всѣ вообще ея дѣла, не исключая ни одного, утверждены на семь божественномъ основаніи. И какъ она

величество свое нѣкоторымъ образомъ сокрываетъ въ существѣ любви матерней: то ея имперія кажется благоустроеннымъ семействомъ, подданные берутъ свойство дѣтей, и страхъ, отдаваемый престолу, перемѣнился въ любовь. Что же сіе есть, когда не жить блаженно на землѣ? А вы, нынѣ плѣнные варвары, можете ли не признать, что плѣнь вашъ есть состояніе свободы, которой вы въ минимумъ свободномъ состояніи своемъ не имѣли, и что въ первый разъ въ жизни у непріятелей своихъ узнали вы, что то есть дѣйствіе истиннаго человеколюбія?

Положимъ убо, что человеколюбіе весьма свойственно есть истинному побѣдителю. Впрочемъ, несумнительно, откуда сія любезная добродѣтель происходитъ: ибо и понять нельзя, чтобы она могла обитать въ сердцѣ нечестивомъ и беззаконномъ. Сіе есть торжество вѣры, чтобы любить враговъ своихъ и благотворить ненавидящимъ насъ. О, священное Евангеліе! о любезный законъ! ты располагаешь духъ нашъ ко вмѣщенію сего небеснаго дара и творишь насъ смертныхъ подражателями Божества благаго и человеколюбиваго.

Кто убо не воскликнетъ съ Апостоломъ сихъ его божественныхъ словъ: „Сія есть побѣда, побѣждающая міръ, вѣра наша“? Вѣра съ такими свойствами, какъ нами описана, есть непобѣдима. Побѣждается мнимый вѣрный со своимъ безвѣріемъ: ибо въ порочныхъ и развратныхъ не такъ есть вѣра, какъ тѣнь оной и нѣкоторый слабый блескъ сего божественнаго сіянія.

А чтобы разсужденіе сіе подѣйствовало въ сердцахъ нашихъ болѣе, вотъ—и примѣры, изъ которыхъ одинъ представляетъ намъ днесь празднующую Церковь, другой—торжествующая при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ Россія. Нынѣ празднуемые Апостолы имѣли ополченіе противъ опаснѣйшихъ непріятелей, каковыя суть различныя предубѣжденія и заблужденія, соединенныя съ упрямствомъ и съ гоненіемъ ихъ неповинности; но, съ помощію вѣры, какъ сами признають, одержали они побѣду надъ ними. Были они просвѣщены Духомъ Святымъ, и потому ложь уступила истинѣ. Справедливость и честность была съ ихъ стороны, ибо ихъ одушевляло не корыстолюбіе и славолюбіе, но единственное усердіе къ пользѣ рода человеческого одушевляло ихъ; и для того страсть, постыдившись, скрылась. Они были мужественны, ибо увѣреніе справедливости хранили въ сердцѣ своемъ, и для того духъ гонителей ослабъ. Въ нихъ обитало человеколюбіе: ибо они и врагамъ своимъ благодѣтельствовали, и убійцамъ доброжелательствовали, и для того лютость руки опустила, а они получили совершенную побѣды славу; смерть ихъ для нихъ сдѣлалась жизнію, а для непріятелей смертію. Въ плѣнь свой привели многочисленные народы

и принудили ожесточеннѣйшихъ принести жертву простотѣ истины, а для того и досель, яко побѣдителей, прославляемъ и въ торжествахъ ихъ приедемъ радостнѣйшее участіе. Возникни же и ты главу свою, плодоносная Россія, и нечисли намъ побѣды свои, да возрадуются сынове твои. Врагъ христіанства, да и отъ всего рода человѣческаго за безчеловѣчіе ненавидимый, дерзнулъ обнажить мечъ свой противъ избранныхъ Божіихъ. Судія свѣта, взирая съ высоты небесъ на сіе позорище, взвѣсилъ на вѣсахъ Своего правосудія обѣ стороны и нашель одну легку, яко наполненную токмо суетою горячія опрометности, и несноснаго надменія; другая сторона оказалась предъ Нимъ имѣющею тяжесть справедливости, челоуѣколюбія и упованія на Него. И потому одной сторонѣ Онъ ниспослалъ благословеніе, другой изрекъ проклятіе.

Сіе не есть витійство словъ моихъ. Хотя судьбы Божія смертнымъ и непостижимы, но отъ событія своего онѣ познаваются. Мы уже имѣли удовольствіе видѣть различныя знаменія небеснаго благоволенія о воинствѣ нашемъ. Прежде нежели весна своею красотою начала увеселять очи наши, лавры побѣдъ изъ странъ восточныхъ для насъ процвѣтали, и вѣнцемъ славы главы побѣдителей неоднократно были увѣнчиваемы. Но нынѣ, о Царю царствующихъ! житель сѣвера торжествуетъ въ странахъ полудня и востока. Пелопонесъ и славный въ древности Лакедемонъ уже—подъ скипетромъ Россійскимъ; и полдень, страннымъ дѣйствіемъ Божественнаго Промысла, соединенъ съ сѣверомъ. Мѣста, гдѣ днесъ празднуемые Апостолы побѣдили нечестіе и насадили вѣру,—тамъ россиянинъ входитъ въ подвигъ Апостольскій,—тамъ нечестіе, наки возрастшее, истребляетъ и вѣрѣ утѣсняемой подаетъ свободу.

Возблагодумствуй, славная многими дѣлами Греція, и усердіемъ и вѣрою своею споспѣшествуй избавителямъ твоимъ. А вы, храбрые подвижники, любезные сограждане наши, вооружите себя вѣрою и добродѣтелию: изошряйте мечъ свой, прилѣпите упованіемъ ко Всемогущему и послѣдуйте Его руководству. Впрочемъ, благонадежно есть, что опрометчивость уступить благоразумію, безчиніе—порядку, наглость—челоуѣколюбію, нечестіе—благочестію. „Аще Богъ по насъ, кто на ны“ (Римл., 8, 31)?

Но, хотя бы и оскудѣла вѣра наша предъ лицомъ поклоняемаго нами Бога, Твои, Благочестивѣйшая Монархія, внутреннія жертвы, кои Ты тайно совершаешь въ сердцѣ своемъ,—сіи жертвы восходятъ на небеса и сильны склонить милосердое Существо къ откровенію Его судебъ во дни наши. Настоящее съ вѣроломнымъ непріятелемъ дѣйствіе вѣсть Всевѣдущій, знаетъ же и свѣтъ, откуда свое взяло начало. Утѣсенная неповинность, и многая вѣра, при конечномъ изнеможеніи своемъ, со всѣхъ сторонъ къ Тебѣ вошляи и простирали свои руки

узами обремененные. Благочестивая и человеколюбивая душа Твоя симъ пронзена до внутренности своей. Да и гдѣ же человеколюбіе можетъ болѣе найти своего дѣйствія? гдѣ и сила Россіи можетъ употреблена быть полезнѣе и славнѣе? И для того сіи побужденія благословилъ Вышній, дѣйствіе оружія Твоего вездѣ гремитъ, связанная свобода по малу начинаетъ развязывать свои узы; истомленный гласъ вѣры священной начинаетъ приходить въ силу и свободнѣе провозглашать величія Божія. И кажется, Управляя царствами человѣческими такъ располагаетъ все, что все намъ пріятствовать, все благое предвозвѣщать видится. Иди убо, Великая Государыня, во благодушнѣи путемъ Господнимъ и ревнуй быть Моисеемъ, изведшимъ Израиля изъ работы Фараона. Ставь избавительницей Россіи, не воспредай далѣе разливаться источнику славы Твоея: видно, судьба верховная сіе Тебѣ опредѣлила отъ дней вѣчныхъ. Потщись, да воспоютъ дщери Сіони соединенный востокъ съ сѣверомъ: „поймъ Господеви, славно бо прославися“ (Исход., 15, 1).

Но, воображая будущія торжества и славы, переходящія за наши предѣлы, обратимъ мысль и слово свое и на домашнее блаженство наше. Россія въ сей день во всемъ пространствѣ своемъ въ церковныхъ и домашнихъ собраніяхъ воспоминаетъ Твое, Благовѣрный Государь, сладчайшее имя, да не просто имя, но вкушѣ увеселяетъ себя и исчисленіемъ дарованій Твоихъ. Иной, сидя въ столицѣ градовъ отягощенъ лѣтами, сказываетъ младымъ дѣтямъ своимъ примѣченное имъ въ Тебѣ благоразуміе и просвѣщеніе и увѣщаетъ ихъ подражать Тебѣ. Другой близъ береговъ Каспійскихъ возвѣщаетъ Твое благочестіе, которое имѣлъ счастье зрѣть при Твоихъ упражненіяхъ вѣры. Иной въ покрытыхъ снѣгами странахъ проповѣдуетъ Твое снисхожденіе и благодѣтельную къ несчастливымъ склонность. Дражайшій Наслѣдникъ! таковыя о тебѣ примѣчанія суть столько же для Тебя обязательства не токмо утвердить ихъ истину, но и умножить дарованія. Сіи сыновъ отечества о Тебѣ радованія суть столько же печати, приложенныя къ сердцу Твоему, дабы блюсти сіе сокровище и предохранить его отъ тлѣнія вѣка. Иди свободно, руководствуемый Промысломъ. Се, врата Господни отверзаются Тебѣ. люби вѣру, храни добродѣтель, ревнуй объ истинной славѣ, которая состоитъ въ благодѣтельствovanіи человѣческому роду. „Искушеній юныхъ блюдишь: держися же правды, вѣры, любви, мира со всѣми призывающими Господа отъ чистаго сердца, да совершенъ будещи Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ“ (2 Тим., 2, 22; 2 Тим., 3, 13).

Боже! судъ Твой Цареву даждь и правду Твою сыну Цареву. Возсіяй во днехъ ихъ правду и множество мира, дондеже отъимется луна. Аминь.

Слово при соверше́ніи молитвъ надъ гробомъ Петра Великаго, по причинѣ одержанной флотомъ Россійскимъ, надъ Оттоманскимъ флотомъ, въ Архипелагѣ, славной побѣды, 1770 г., іюня 24 дня *).

Если мужа праведнаго память должна быть съ похвалами, да и съ похвалами вѣчными, по словамъ Духа Святаго, то, собравшись въ сей священный храмъ, мы ничего прежде вообразить не можемъ, ни на что прежде съ большею похвалою языкъ нашъ не долженъ устремиться, какъ на основателя сего храма и царствующаго града сего, Петра, глаголю, именуемъ славнаго, дѣлами Великаго, истиннаго отца отечества нашего.

Но при семъ случаѣ, видя насъ, приготавливающихъ уже мужу сему сердечныя приношенія, и нами жертвы уже курящіяся, можетъ кто, удивившись, спросить: какая бы причина была, которая возбудила бы насъ къ нынѣшнему особливому прославленію мужа сего? ибо имя Его никогда въ забвеніи быть не можетъ. Аще мы умолчимъ, каменіе сіи возопіютъ; аще мы умолчимъ, возопіютъ о немъ стѣны града сего, безчисленные остатки дѣлъ и рукъ Его, ибо, на что ни обратимъ взоръ свой, все ему одолжено началомъ, все—плодь Его благоразумія и просвѣщенія. Онъ ввелъ въ отечество наше художества и науки; его рука открыла намъ завѣсу видѣть случаи свѣта и, проникая въ нихъ, предвѣщать всѣ замыслы противныхъ. Его геройскій духъ привелъ воинство въ сіе состояніе, въ которомъ мы нынѣ видимъ его и радуемся, въ которомъ его нынѣ видитъ свѣтъ и удивляется; его десница открыла намъ сокровища земныя и насъ обогатила; его просвѣщенію сама Церковь признаетъ себя одолженною, ибо получила отъ него новое свѣтило. И сіе бо самое, что съ сего мѣста провозглашаетъ народу поученія, и сіе самое есть плодь его благоразумія; словомъ, все, что ни видимъ, что ни вообразимъ, Петръ или изобрѣлъ, или утвердилъ, или основалъ, или къ тому случаю подалъ.

При толикихъ его славныхъ дѣлахъ и великихъ одолженіяхъ отечеству, можетъ ли Россія столь забыть себя, чтобы Петрово имя всегда не прославлять и имъ при всякомъ случаѣ не увеселять себя?

Такъ что же возбудило насъ къ нынѣшнему особливому имени Его, прославленію?

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ Петро-Павловскомъ соборѣ 1770 г., сентября 25 дня.

На сей вопросъ любопытнаго отвѣтъ готовъ: Петръ Великій воскресъ, воскресъ въ великой преемницѣ своей—Екатериинѣ Второй, ибо не можетъ живѣе изображенъ быть характеръ Петрова Божественнаго духа, какъ онъ сіяетъ въ Монархинѣ нашей. Дѣла, коими нынѣ прославляется отечество наше, можно сказать, производить или воскресшій Петръ, или паче, вселившаяся въ Екатерину, Петрова душа.

Предоставивъ удобнѣйшему времени исчисленіе ихъ всѣхъ, коснемся хотя кратко нынѣшнихъ славныхъ военныхъ происшествій,—происшествій, которыя колеблуть свѣтъ, а Россію заставляютъ лить слезы радости.

Удары, которыми сокрушаются рога гордой луны, уже слышны вездѣ по вселенной: воинство, Петромъ учрежденное, а Екатериною правимое, прослыло непобѣдимымъ. Всѣ страхи, которые могли бы поколебать смертнаго, суть для него токмо большее поощреніе къ мужеству. Каждое его движеніе дѣлаетъ новое торжество. Россіянинъ уже обыкъ не оставлять своихъ слѣдовъ, развѣ со славою,—и путь, гдѣ проходитъ, замѣчаетъ трофеями: ибо руки его—яко желѣзны, мышцы мѣдны, грудь адамантова, а душа геройская.

И для того не всегда можно и непріятелю нашему въ слабость причитать, что онъ противъ лица таковаго воинства стоять не можетъ и въ бѣгъ обращается: ибо иногда отъ мужественнаго и побѣдиму быть слава есть.

Но какъ бы то ни было, слава побѣдъ трубою своею непрестанно оглашаетъ уши наши: не успѣемъ, такъ сказать, окончить одно торжество, какъ надобно начинать другое. Новая вѣсть! какая?—извѣстная. Непритель побѣжденъ, прогнанъ, россиянинъ торжествуетъ, получилъ величайшую добычу, завладѣлъ лагеремъ; да въ немъ же возсылаетъ Богу и благодарныя молебствія. Летать сюда знамена; и се—ихъ множество предъ очами нашими: знакъ мужества и слабости: слабости сопротивныхъ, храбрости воинства нашего.

Хотѣлъ бы я болѣе удержать слово свое въ сей пріятной матеріи, но, се, оно стремится къ другому не меньше пріятному, или и славнѣйшему предмету.

Помянувъ въ началѣ Петровы дѣла, мы прешли было молчаніемъ славнѣйшее изобрѣтеніе ума и тщанія его,—изобрѣтеніе ему единому свойственное,—изобрѣтеніе, какого и для него самого не было ничего пріятнѣе и вниманія его достойнѣе. Сіе изобрѣтеніе есть флотъ Россійскій. Извѣстно, что держава наша со всѣхъ сторонъ окружена морями, да и сосѣдями, кои владычествовали тѣми морями. Россіяне, по несчастію тогдашнихъ временъ, на сіе взирали невнимательнымъ окомъ: морское плаваніе имъ было не свѣдомо или и ужасно. И когда

мы, такимъ образомъ, дремали, недоброжелатели не безъ удовольствія внутренняго взирали на сіе и крайне опасались, чтобы не пробудились мы.

Сей нѣжный случай не могъ укрыться отъ бодрого ока Петрова. И что не возможно Монарху мудрому, тщательному и любимому народомъ своимъ? Божія судьба, которая уже положила прославить Россію, подала ему случай видѣть малый ботикъ, который хранится въ семь мѣстѣ и достоинъ быть храненъ вѣчно: отъ сего въ пространномъ Петровомъ умѣ родились великія мысли. Началъ созидать морскія плавающія крѣпости и составлялъ изъ нихъ великій Россійскій флотъ: великій не числомъ токмо кораблей, но великій и силою и славою, ибо въ своемъ, такъ сказать, младенчествѣ получилъ онъ уже побѣды надъ тѣми, которые давно превозносились сею славою.

Но возстань теперь, Великій Монархъ, отечества нашего отецъ! возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое; оно не истлѣло отъ времени, и слава его не помрачилась. Возстань и насладись плодами трудовъ твоихъ. Флотъ, тобою устроенный, уже—не на морѣ Балтійскомъ, не на морѣ Каспійскомъ, не на морѣ Черномъ, не на океанѣ Сѣверскомъ; но гдѣ?—онъ—на морѣ Медитерранскомъ, въ странахъ восточныхъ, въ Архипелагѣ, близъ стѣнъ Константинопольскихъ,—въ тѣхъ, то есть, мѣстахъ, куда ты нерѣдко обращалъ око свое и гордую намѣревалъ смирить Порту. О, какъ бы твое, Великій Петръ, сердце возрадовалось, если бы... Но слыши! мы тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ, слыши: флотъ твой въ Архипелагѣ, близъ береговъ Азійскихъ, до конца истребилъ Оттоманскій флотъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя, именовъ твоимъ наполняютъ весь востокъ и стремятся предъ стѣны Византійскія.

Симъ славнымъ происшествіемъ обрадовано отечество твое, а особливо Помазанница Господня, любезнѣйшая сродница твоя, по Божь сію побѣду твоему имени посвящаетъ, и насъ, чадъ своихъ, привела предъ лице блаженныхъ мощей твоихъ прославить имя твое; а въ имени твоёмъ прославить добродѣтель, въ добродѣтели же прославить Самого Бога. Услыши наши сіи къ тебѣ провозглашенія, или паче Ты, Господи Боже духомъ и всякія плоти, упокой въ нѣдрахъ твоихъ любезную намъ Петрову душу, и въ радости вѣчной благоволи чувствовать ей удовольствіе и сего торжества.

Тебѣ же, Великая Монархня, столь благородно приписывающей Петрову имени славу нынѣшней побѣды,—славу, въ которой сама имѣешь наибольшее участіе; какія жертвы благодарности принесеть тебѣ отечество, и чѣмъ возвеличимъ мы имя твое? Твои наставленія были руководствомъ военнымъ твоимъ, и главною причиною побѣдъ ихъ.

Твои молитвы воздвигали вѣтры и обращали ихъ на лице сопротивныхъ. Слава твоя превознесенна; но она еще есть тѣмъ большая, что ты поставляешь славу свою не просто въ побѣдахъ; но—поелику онѣ доставляютъ благополучіе народу твоему. Мы, привѣтствуя тебя, Великая Государыня, съ таковымъ Вышняго о тебѣ благоволеніемъ, усердно молимъ Его же благодать, да оное вѣчно надъ тобою сохраняется.

Да возрадуется же и твое сердце, Благовѣрный Государь, высокопovelительный Генераль-Адмираль! Сіе торжество есть тебѣ свойственно: ибо оно сопряжено съ званіемъ порученнымъ тебѣ отъ Монархини. Радуемся же и мы съ тобою, ибо надѣемся несумнѣнно, что ты снисканную славу не токмо сохранишь, но и умножишь. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„Пріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день люты и вся содѣявше стати“.

(Ефес., гл. 6, ст. 13).

Церковь Христова празднуетъ нынѣ день храбраго воина своего, который почелъ дражайшій залогъ вѣры своей больше, нежели собственную жизнь свою, и, ополчившись оружіями Божиими, мужественно сталъ противу тѣхъ, кои напрасно устремились на похищеніе онаго сокровища Его. Въ сей же день и Всероссийскій дражайшій Наслѣдникъ началъ теченіе жизни своей и вступилъ въ подвигъ противу всего того, что бы могло ему препятствовать въ полученіи побѣды надъ всѣми могущими случиться затрудненіями и искушеніями. О, день благословенный! день съ истиннымъ благоговѣніемъ и съ непритворною радостію празднованъ быть достойный! Россія! празднуй праздники твои и веселися въ торжествахъ своихъ. Церковь представляетъ тебѣ воиновъ духовныхъ. Виѣ предѣлъ твоихъ герои непобѣдимые сообщаютъ славу твою концамъ вселенной. Внутри возрастаетъ герой къ надежному сохраненію снисканной славы. Престоломъ твоимъ владѣчиваетъ мудростію Божественною просвѣщенная Монархиня и мать истинная отечества своего. Приидите, составимъ ликъ, вознесемъ имя Господне и, смѣшавъ насъ съ прочими смертными, отличимъ себя

*.) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1770 г., сентября 20 дня.

единымъ токмо симъ, что мы, пользуясь большею предъ прочими народами Божескою благодію, больше въ томъ оказываемъ предъ Нимъ признанія и благодарности. Примемъ,—по увѣщанію Апостольскому,—все оружія Божія; и если мы не можемъ или не имѣемъ случая стать таковыми героями, каковыми нынѣ прославляется Россія, такъ можемъ, да и должны, стать героями духовными, о каковыхъ намъ воспоминали нынѣ чтенное Евангеліе и Апостоль, и къ подражанію которыхъ днесъ праздуемый Великомученикъ возбуждаетъ насъ примѣромъ самого себя. А Ты, Утѣшителю благій, представь намъ трапезу слова и души алчущія правды напитай пищею безсмертною.

ПРИМИТЕ ВСЯ ОРУЖІЯ БОЖІА.

Оружія, коими представляетъ намъ Апостоль ополченнаго воина христіанскаго, суть истина, правда, миръ, вѣра, спасеніе, глаголь Божій. И нѣтъ сомнѣній, что Павелъ, при описаніи таковымъ образомъ подвижника Евангельскаго, представлялъ себѣ вооруженіе военное, ибо въ томъ же мѣстѣ онъ поминаетъ военный поясъ, броню, шлемъ, щитъ и мечъ. Извѣстно же, что сіи вооруженія были, а нѣкоторыя употребляются и нынѣ воинами.

На основаніи сего Апостольскаго разсужденія, „сдѣлаемъ мы сравненіе съ воиномъ подвижника Евангельскаго“, къ большому познанію превосходства обоихъ героевъ.

Помянутыми оружіями ополченный, воинъ, который имѣлъ и духъ мужественный и неустрашимый, и храбро подвизался противу непріятелей,—въ древности назывался героемъ, то есть, „полубогомъ“. Ибо хотя язычники, храня остатокъ почтенія къ закону, и стыдились вмѣщать всѣхъ таковыхъ въ число боговъ, но величество ихъ завоеваній и особливое мужество не дозволяли же и не отличать ихъ отъ другихъ людей.

Воинъ христіанскій, который вооруженъ исчисленными отъ Апостола оружіями и разумно и храбро дѣйствуетъ ими, по превосходству достоинъ имени героя, но на основаніи истиннаго богословія. Ибо онъ въ числѣ прочихъ людей, коихъ малодушіе держитъ подъ порабощеніемъ страсти, никакъ безъ обиды добродѣтели оставленъ быть не можетъ. „Лучше бо мужъ долготерпѣливъ,—по словамъ премудраго изъ царей,—паче крѣпкаго, удерживаяй же гнѣвъ паче вземляющаго вѣрадъ“ (Притч., 16, 32). Человѣкъ, который есть господинъ сердца своего, господинъ самого себя, есть тотъ, котораго благодать преобразила, и который есть участникъ Божественнаго естества, по онымъ словамъ апостола Петра: „Всѣ,—говоритъ онъ,—Божественныя силы поданы намъ познаніемъ призвавшаго насъ славою и добродѣтелію, да сихъ ради

будете Божественнаго причащiицы естества, отбѣгше, яже въ мiрѣ, страстныя тли“ (2 Петр., 3—4).

Воинъ имѣеть нужду сражаться съ непріятелями, которые, завѣтъ любви и чести нарушивъ, ищутъ разорить отечество его, лишитъ вольности и поработитъ его согражданъ, отнять жизнь у неповинныхъ и, удовольствовавъ страсть, поставитъ свои трофеи на развалинахъ цвѣтущихъ градовъ любезнаго жилища его.

Герой христіанскій имѣеть непріятелей, страсти и пороки, которые всегда силятся нарушить покой душевный и, свергнувъ разумъ съ своего престола, дать всю силу своевольству и развращенію. Непрiатель страшный и опаснѣйшій: страшный, ибо, съ одной стороны, онъ всегда есть главная причина в самой вышней войны; опасный, ибо часто онъ ниже видѣ непріятеля имѣеть, но прикрывается именемъ домашняго нашего и пріятнаго сожителя.

Воинъ, чтобы отразить непріятельскую силу и всё его ухищренія сдѣлать тщетными, подѣмлетъ величайшій подвигъ: нѣтъ труда, который бы ослабилъ его; нѣтъ воображенія столь ужаснаго, которое устало бы его; нѣтъ рода смерти, который поколебалъ бы его. Надобно поистинѣ, чтобы сила Вышняго управляла сердцами таковыхъ, и духъ Господа Саваога ободрялъ мысли ихъ.

И герой христіанскій, чтобы ослабить силу страстей и получить побѣду надъ искушеніями, имѣеть нужду сносить величайшій подвигъ: ибо противъ сихъ непріятелей нѣтъ отдохновенія, они всегда воюютъ. И потому оружія изъ рукъ никогда выпускать не можно: никогда не можно дать мѣста слабости и нерадѣію. При малѣйшей неосторожности земнородный уязвляется смертоносною стрѣлою, которая рана нѣисцѣлима, развѣ обжита будетъ горькими слезами покаянія.

Воинъ имѣеть различныя оружія, щиты, копія, мечи и прочія орудія, коими защищаетъ себя отъ нападеній непріятельскихъ, и тѣмъ ослабляетъ его силу, стремящуюся на отнятіе жизни.

И герой христіанскій имѣеть свои оружія, коими его вооружила рука всесіяльная. Оружіе истины, коимъ защищаетъ себя отъ лжи и клеветы; оружіе правды, коимъ умерщвляетъ зависть, гнѣвъ и корыстолюбіе; оружіе мира, коимъ поражаетъ безчеловѣчіе и лютость; оружіе вѣры, коимъ побѣждаетъ невѣріе, суевѣріе и распустность нравовъ; оружіе глагола Божія, которымъ отражаетъ суесловіе, словопрвiе и развратность мнѣній.

Итакъ, сей герой (христіанскій) отовсюду безопасенъ, остается побѣдителемъ, торжествуетъ и поетъ пѣснь побѣдную. Если бы сіи оружія всегда были употребляемы, всякая другая брань престала бы; глубокій и безопасный миръ царствовалъ бы въ родѣ человѣческомъ.

Ибо, при соблюденіи добродѣтели, въ ея непорочности страсть молчать и не смѣть начать студнаго дѣйствія своего.

Воинъ проливаетъ кровь и приноситъ жизнь свою въ жертву вѣрѣ и отечеству. Жертва—самая богоугодная и славная, и всѣхъ ветхозаконныхъ жертвъ лучшая! Жертва подобная токмо Христовой жертвѣ, когда Спаситель, бывъ Самъ непороченъ и неповиненъ, предалъ дражайшую жизнь Свою за другихъ, ихъ же до конца возлюбилъ. Ибо, какъ нѣтъ для насъ дражае вѣры и отечества, такъ ничто не можетъ быть любезнѣе и почтеннѣе и жертвы, за нихъ приносимой. И потому безсумнительно можно вѣрить, что за вѣру и отечество положившіе животъ своей причитаются въ число святыхъ мучениковъ въ Церкви, на небесѣхъ торжествующей,—и что не столько мы имѣемъ нужду о нихъ молитвы приносить, сколько сами ихъ молитвъ требовать.

Герой христіанскій жертвуетъ также самимъ собою и жизнью своею добродѣтели и благочестію. Ибо онъ лучше предастъ жизнь свою на всякій родъ смерти, нежели захочетъ остаться явнымъ нарушителемъ вѣчной, божеской правды. Жертва велика и священнѣйшая, и основаніе всѣхъ жертвъ. Ибо жертва героя военнаго потолику есть любезна и почтенна, поелику добродѣтель сердце героя располагаетъ и поелику война для того и предприимается, чтобы неправду постыдить, а правдѣ торжество доставить. И для того не безъ великаго основанія апост. Павелъ жертву добродѣтели назвалъ „дополненіемъ жертвы Христовой“ (Колосс., I, 24). Изъ числа таковыхъ героевъ есть нынѣ празднуемый Великомученикъ, который съ женою своею и младыми дѣтьми не устрашился жесточайшей смерти. Ибо вверженъ былъ въ разженнаго мѣднаго вола: о ужасъ! а для чего?—чтобы соблюсти любовь къ Тому, Который далъ ему дыханіе и способность любить,—чтобы не нарушить обязательства вѣчнаго закона, сильно обязанною которымъ почитаетъ себя всякая честная душа.

Воинъ, полученіемъ побѣды надъ непріателемъ, снискиваетъ славу и благополучіе своему отечеству: ибо доставляетъ ему твердый и полезный миръ,—предѣлы его отъ всѣхъ нападений дѣлаетъ безопасными, а тѣмъ самымъ приноситъ покой и изобиліе всѣмъ состояніямъ государства.

Герой христіанскій, торжествуя надъ порокомъ и вознося рогъ добродѣтели, есть красота Церкви, утвержденіе общества, подпора законовъ. Ибо мужъ добродѣтельный созидаетъ общество и Церковь своимъ полезнѣйшимъ примѣромъ, и незаконнымъ не даетъ ослабить силу законовъ Божескихъ и гражданскихъ. Почему, еслибы таковыхъ по несчастію въ родѣ человѣческомъ не было, законы остались бы поправы, и общества потряслись бы въ своихъ основаніяхъ.

Воинъ, входя во всё вышеупомянутые подвиги и предавая себя смертнымъ страхамъ, воображаетъ награжденія, которыми онъ можетъ на время пользоваться, и то если судьба предохранить жизнь его: представляетъ безсмертіе своего имени тогда, когда снѣ самъ имѣеть быть покрытъ мракомъ смерти.

Герой христіанскій и о побѣдахъ своихъ не воображаетъ, но свѣтлымъ окомъ вѣры усматриваетъ вѣчную славу, безсмертіе истинное, не имени своего токмо, но и самого себя, неокончаемое съ Богомъ и съ ангелами торжество, съ провозглашеніемъ оной пѣсни побѣдной: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ: полны суть небеса и земля славы Его“. Ибо онъ увѣренъ Духомъ Святымъ, что, по разрѣшеніи отъ здѣшней жизни, наслѣдитъ небо и имѣеть приступить къ горѣ Сіонстѣй и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, къ торжеству и церкви переводныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и къ Судіи всѣхъ Богу, и къ духамъ праведниковъ совершенныхъ. Сіе утверждая, Павелъ велегласно вопіеть: мы, христіане, течемъ небезвѣстно: „мы подвизаемся, не яко воздухъ бѣ“ (1 Кор., 9, 26). Ибо и текущіи въ позорищи не безъ награжденія остаются, но съ тѣмъ различіемъ, что они убо текутъ, да примуть вѣнецъ истлѣнень; мы же—неистлѣнень. О! если бы и герои военные не воображали сихъ вѣнцовъ, то должно бы или расслабнуть, или отъ насъ быть оплакиваны, что только страдали бы безъ всякаго упованія о будущихъ за то воздаяніяхъ.

Итакъ, благословенные христіане, видѣли ли вы превосходство и славу свою? Ибо въ лицѣ героя христіанскаго описаны вы сами. Что можетъ быть величественіе такого героя? что любезнѣе? что славнѣе сего зрѣлища, на которомъ воинствуетъ подвижникъ евангельскій? Побѣдитель народовъ нерѣдко бываетъ невольникомъ и плѣнникомъ своихъ страстей и тѣмъ помрачаетъ всю славу свою; но вѣнецъ героя христіанскаго предохраняетъ добродѣтель отъ всякаго тлѣнія, и увянуть ему не допускаетъ.

Такое геройство должно быть для насъ тѣмъ любезнѣе, что колесница славы его никому не возбранена: всѣмъ открыта—и мужамъ и женамъ, и знатнымъ, и простымъ, и воинамъ, и земледѣльцамъ, и ученымъ, и неученымъ, и богатымъ, и убогимъ, и старымъ, и младымъ: всѣ могутъ торжествовать на колесницѣ сей, всѣ могутъ быть участниками сей славы.

Такъ вы, души слабыя и ползающія, которыя, можетъ быть, дивитесь самъ торжествамъ, а получить ихъ честолюбія не имѣете, — вы, которыя безъ сопротивленія уступаете другимъ вѣнцы безсмертныя, только чтобы отъ васъ никто не требоваль отчета въ вашей слабости,

и чтобы могли вы свободно поступать по первымъ движеніямъ вашихъ склонностей, — вы таковыя, выведите себя изъ обмана. Вы всѣ призваны къ сему геройству, нѣтъ срединъ въ пунктѣ семъ: надобно или покрыту быть стыдомъ и безчестіемъ съ слабыми, или быть увѣнчану славою съ героями.

Если же геройство христіанское въ себѣ заключаетъ толикое превосходство и славу, что, кажется, ничего нельзя вообразить величественнѣе, то что уже надобно сказать о тѣхъ, которые имѣли бы счастье, или паче особое благословеніе Божіе соединить оба геройства въ единомъ своемъ лицѣ, прославиться героемъ и военнымъ и христіанскимъ, — которые имѣли бы мужество побѣдить непріятели и порокъ, и вкупѣ торжествовать надъ обоими, и вкупѣ превозноситься вѣнцемъ славы видимымъ и нетлѣннымъ? О, сіяніе славы лучей солнечныхъ блистательнѣйшее! О, блаженство, больше какого человѣкъ ни желать, ни вмѣстить не можетъ!

Но нѣтъ ли таковыхъ возвеличенныхъ Богомъ мужей въ нѣдрахъ отечества нашего, въ числѣ чадъ Православной нашей Церкви? Господи Боже, Покровителю нашъ! мы должны принести Тебѣ исповѣданіе въ часть сей: ибо во всю землю изыде вѣщаніе о мужествѣ воиновъ нашихъ, и въ концы вселенныя слава побѣдъ ихъ. Храбрости ихъ дивятся поля и горы, неустрашимость же ихъ провозглашаютъ волны морскія да и причиною сей храбрости ихъ не суть слѣпая отвага, или оказаніе вѣрности тѣлесной, или чаяніе токмо награжденія и добычъ. Нѣтъ, сіи причины для нихъ малы и низки; ихъ мужество основано на добродѣтели: причиною храбрости ихъ и нещадѣнія жизни были и суть любовь къ своему отечеству, сохраненіе вѣрности къ своему государю, усердіе къ своему закону и чаяніе получить вѣнецъ нетлѣнный отъ руки праведнаго Судіи—Бога. По симъ праведнымъ и святымъ основаніямъ кто не почтетъ ихъ въ числѣ героевъ и военныхъ и христіанскихъ? кто не почтетъ ихъ быть изъ числа тѣхъ подвижниковъ, которые, по словамъ Апостольскимъ, „побѣдиша царствія, быша крѣпцы во бранѣхъ“, но коихъ, впрочемъ, по добродѣтели „не бѣ достоинъ весь міръ“? (Евр., 11, 33, 34, 38).

О таковыхъ герояхъ отечество наше, нынѣ радуясь и съ ними вкупѣ торжествуя, прежде всего обращаетъ мысль и очи свои на Твое всепресвѣтлѣйшее лице, великая героиня, Всемилостивѣйшая Государыня наша: ибо Духъ Святый начерталь всѣ виды геройства въ Твоей душѣ, и намъ ихъ открываетъ, яко чрезъ свѣтлое зеркало, чрезъ дѣла Твои.

Великодушіе, съ которымъ проходишь трудный подвигъ царствованія, жертвуя всѣмъ покоемъ своимъ благополучію народа своего,

есть несомнительное знаменіе мужественной души. Просвѣщеніе, коимъ озаряетъ Тя Отець свѣтовъ, въ предпріятіи начинаій важнѣйшихъ, вмѣстѣ же отечеству славныхъ и полезныхъ, есть ясное доказательство великаго духа Твоего. Всегдашнее Твое тщаніе, чтобы добродѣтель во всѣхъ сердцахъ владычествовала, а порокъ и страсть были бы попораны и презрѣнны, есть свойство героя христіанскаго. Сіи-то мужественныя Твои дѣла суть истинное одушевленіе оныхъ подвиговъ, коими нынѣ торжествуетъ воинство Твои: ибо примѣръ героя, въ дѣйствіяхъ Твоихъ изображаемый, налагаетъ на нихъ необходимость быть мужественными. Ты духомъ своимъ предводительствуешь ихъ, Ты вкупѣ съ ними, или паче всѣхъ ихъ, труды и страхи военные въ сердцахъ своемъ сносишь; почему если что остается къ славѣ ихъ, то сіе, что они суть достойныя орудія геройства Твоего. Но можемъ ли мы при семъ умолчать, что во время военныхъ звуковъ и страшныхъ для непріятели поражений, отечество, мудростію Твоею управляемое, внутри тихо и спокойно, не иначе, какъ бы во время глубочайшаго мира: зданія къ украшенію государства совершаются, правосудіе течетъ своимъ порядкомъ, гласы церковныя свѣтло провозглашаютъ, мореплаваніе въ своемъ состояніи, земледѣліе ничѣмъ не обезкоено. И думать можно, что въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ владѣнія Твоего суть такіе, кои въ простотѣ своей начертуютъ, какъ Архимедъ, по землѣ бразды, не слыша о военныхъ происшествіяхъ, какъ оный мудрецъ о взятіи своего города, и развѣ громкогласящею трубою побѣды пробуждаются отъ сладкаго покоя своего къ пріятному торжеству. Признавая Тебя, Августѣйшая Монархія, виновницей таковаго нашего благополучія, при благодарномъ нашемъ признаніи обращаемся къ Вышнему, управляющему Тобою и царствомъ Твоимъ, да укрѣпитъ Онъ десницу Твою на враги видимые и невидимые, да утвердитъ престолъ Твой, яко днѣ неба, и сію золотую отрасль Твою да возвращаетъ предъ лицомъ Твоимъ, напоая Его изобильною струею добродѣтелей Твоихъ.

А Ты, Пресвѣтлѣйшій Государь, Наслѣдникъ, дражайшій виновникъ нынѣшняго нашего торжества, благоволи вникнуть въ сіе наше разсужденіе о геройствѣ. Ты рожденъ отъ героини: духъ ея одушевляетъ Тебя; и уже многіе знаки довольно увѣряютъ насъ, что Ты расположенъ къ мужеству,—что Ты при всякихъ случаяхъ являешь храбрость, достойную особы Твоей. Но отъ просвѣщенія Твоего не сокрыто есть и сіе, что прежде, нежели приступить къ оному мужеству, должно стать героемъ христіанскимъ, ополчиться противъ порока, попорать страсть, возложить узду разума на склонности свои и не допустить никакимъ искушеніямъ ослабить духа своего: ибо безъ сего оное геройство есть токмо мримое, безъ сего всякая другая храбрость бѣдственна и опасна.

Прими убо вся оружія Божія, препояши чресла Твои истинною и просвѣщеніемъ: расположи теченіе Твое, дабы оно клонилось къ человѣколюбію и благодѣтельству: ополчись мечемъ глагола Божія — любовію къ Богу и закону Его, и имъ отражай всякое возстающее искушеніе. Храбръ и непобѣдимъ есть таковой герой! Симъ-то образомъ возможши противитися въ день лютъ, то есть, во время юности, обыкшей свирѣпствовать страстями; симъ образомъ спокойно, славно и свято долгое поживеши время, и приложатся Тебѣ лѣта живота.

О, управляяй царствами человѣческими, Боже, призрѣвъ на усердный, къ Тебѣ вошіющій, гласъ Россіи, сохрани для блаженства нашего сихъ дражайшихъ особъ и тѣмъ утверди слово Твое, яко всякъ, уповаая на Тя, не постыдится. Аминь.

Увѣщательное посланіе ко градамъ Тверской паствы, по посвященіи во Архіепископа на Тверскую епархію, октября 10 дня 1770 года.

Богоспасаемая Тверскія паствы Богохранимымъ градомъ Твери, Кашину, Торжку, Старицъ, Ржеву, Зубцову и Осташкову, и всякой веси и живущимъ православнымъ христіанамъ, всякаго чина и состоянія, возлюбленнымъ Богу, благодать и любы и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, Отецъ щедротъ, и Богъ всякія утѣхи, иже по многѣи Своей милости, дѣйствіемъ Помазанницы Своея, Благочестивѣйшія Самодержицы нашея, избралъ мене, аще и недостойнаго, къ подыятію ига Евангельскаго и къ прохожденію званія Архіерейскаго, пасти Церковь, кровію Его искупленную, и именемъ Его запечатлѣнныхъ управляти Божественнымъ словомъ на всякое дѣло благое, приуготовляя чрезъ оное къ пристанищу спасенія вѣчнаго. Того ради воображая и чувствуя сей долгъ мой, во-первыхъ, благодарю Божественному Промыслу, тако о мнѣ благоволившему, и молю благость Его, да поможетъ мнѣ соотвѣтствовать святому Его званію и соблюсти благодать Архіерейства въ чистотѣ совѣсти. При семъ васъ, любезнѣйшая врученная мнѣ паства, привѣтствую духомъ моимъ и желаю пастырски, да благословеніе Божіе всегда будетъ надъ всѣми вами; притомъ молю, да всякъ изъ васъ въ должности, въ каковую призванъ кто отъ Бога, пребываетъ радѣтельно, честно и богоугодно. Священники! имѣйте попеченіе о врученныхъ вамъ христіанскихъ душахъ, наставляйте ихъ ученіемъ слова Божія, и въ самихъ себѣ показывайте добраго житія примѣръ: ибо горе тому, иже взялъ ключъ

разумѣнія, но ни самъ не входитъ въ двери царскія и другихъ не вводитъ. Монахи! обѣщаніе свое храните въ воздержаніи и цѣломудріи, и въ житіи своемъ представьте образецъ христіанскія святости. Господа! родительское попеченіе прилагайте о подчиненныхъ вамъ, и своимъ благо-разумнымъ и челоувѣколюбивымъ правленіемъ снискивайте имъ благо-получіе и временное и вѣчное, намятуя, яко и вы сами Господа имате на небесѣхъ. Раби! повинуйтеся своимъ господамъ и ихъ возлюбите, яко же дѣтямъ любити отца подобаетъ, работающе, не аки предъ очами челоувѣческими, но аки предъ очами Самого Бога. Судіи! сохраните правду и судите великому и малому безъ лицепріятія, охраняя себя отъ всякія страсти и мздоимства, яко судъ Божій есть. Подчиненные судіямъ! не будите мстительны и сварливы: любовію христіанскою снисходите къ немощамъ братій вашихъ и побѣждайте благимъ злое, ибо симъ образомъ не токмо себѣ, но и обществу покой пріобрѣтаете, и поставленныхъ надъ вами судей отъ многихъ затрудненій и безпо-койствъ избавите. Родители! имѣйте попеченіе о добромъ воспитаніи дѣ-тей вашихъ, наставляйте ихъ въ законѣ Господни, не соблазняйте мла-дья души ихъ худыми примѣрами поступковъ своихъ, а паче ко всякой честности ихъ пріуготовляйте добрыми и разумными своими нравами. Дѣти! любите и почитайте родителей своихъ; наставленія ихъ храните въ сердцѣ своемъ и въ старости не оставляйте праведно снабдѣвать ихъ. Куницы! служите обществу честнымъ своимъ трудомъ, и отъ лжи и неправды себя охраняйте, вѣдая, яко самый большій прибытокъ есть благочестіе съ довольствомъ, а не со излишествомъ. Земледѣльцы и художники! пребывайте въ благословенномъ трудѣ своемъ и блюдитесь отъ всякаго обмана и развращенія, и молитвою своею къ Богу приобѣ-гать не забывайте. Всѣхъ же православныхъ христіанъ, всякаго чина и состоянія, молю: препровождайте жизнь свою, яко же прилично бла-гочестивымъ христіанамъ и честнымъ гражданамъ, да цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще бла-женнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Ісуса Христа. Отторгающихся же отъ соединенія православныхъ нашея Церкви, и недугомъ раскола немоществующихъ да обратитъ милосердый Господь къ соединенію, да вкупѣ съ нами едиными усты и единымъ сердцемъ, въ союзѣ любви и согласія, прославяютъ Бога Отца и Господа нашего Ісуса Христа со Святымъ Духомъ. Наконецъ, смиренно всѣхъ прошу и о мнѣ недостойномъ пастырѣ вашемъ приносить Богу свои молитвы, да поможетъ мнѣ вседѣйствующая благодать Его безпреткно-венно и радостно проходить званіе мое, къ славѣ Его Божественной, къ созиданію св. Церкви, къ благоустроенію общества и къ удоволь-ствію всѣхъ васъ. Благодать Божія да пребудетъ со всѣми вами. Аминь.

Слово на Новый, 1771 годъ. *)

„Се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія.“

При вшествіи нашемъ въ торжественныя врата новаго года, се открывается пространная матерія къ духовному любомудрію нашему. Новый годъ насталь! Боже вѣчный! благослови начало теченія нашего и теченія всѣхъ тварей. Новый годъ насталь! и мы стали въ срединѣ прешедшихъ и вновь и открываемыхъ Божиихъ благодѣяній. Къ чему убо паче слово наше обратимъ, слушатели?—къ исчисленію ли оказанныхъ надъ нами въ прошедшее время Божескихъ щедротъ и благословеній, дабы симъ возбудить намъ самихъ себя къ благодарности,—или къ размышленію объ открываемыхъ вновь и чаемыхъ Его же благодѣяній, дабы чрезъ то утвердить намъ сердце свое упованіемъ на Него и расположить оное любовію къ Нему? Ибо если обратимъ мы взоръ свой на прошедшее время, видимъ, что въ ономъ всякій день, часъ и минута замѣчены особливымъ каковымъ-либо Божиимъ благословеніемъ, и сіе одоужаетъ насъ быть благодарными. Воззримъ ли въ будущее?—и се блистаетъ намъ благоприятная заря, изводящая солнце благо міромъ правящаго Промысла, а сіе велитъ намъ несомнительную и впредь полагать надежду на Него. Такъ вмѣстимъ же въ разсужденіе наше оба сіи важные пункта, и примемъ на себя, хотя краткимъ словомъ, „изъяснить благодѣянія Божіи, оказанныя вообще надъ всѣми нами“: ибо зѣло радостно человѣку исчислять свои счастливыя успѣхи, да и впредь надѣяться того же.

Мы, любезные гражданае, соединены однимъ союзомъ общества, едино любезное отечество объемлетъ насъ, мы обитаемъ подъ крылами пространной и преславной Россіи. Почему, если какое благодѣяніе съ небесъ изливается на отечество наше, мы всѣ бываемъ участниками того, капли сей небесной росы орошаютъ всѣхъ насъ. Слѣдовательно, и проповѣдать благость сію надобно такъ, какъ бы уста всѣхъ россиянь были соединены воедино.

Благополучіе общества тогда есть въ своемъ полномъ совершенствѣ, когда оно внутри благоучреждено, а внѣ безопасно. Благоучрежденіе внутреннее основывается на премудрости, правосудіи и чело-вѣколюбіи правящихъ обществомъ и проистекающихъ отъ престола ихъ законовъ. Ибо никто не можетъ сумнѣться, чтобы народъ не про-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества.

цвѣталъ тамъ, гдѣ сіи добродѣтели и прямо разумѣются, и безпрепятственно дѣйствуютъ и благоразсудительно употребляются.

Отечество наше, хотя было управляемо и всегда сими добродѣтелями, почему до толикаго величества и славы и могло оно возрасти; но если возрастающимъ совершенствамъ отъ судьбы положенъ каковый предѣлъ, то можно не безъ вѣроятности заключить, что мы, съ благословеніемъ Вышняго, нынѣ достигли онаго. Нашъ вѣкъ есть вѣкъ просвѣщенія, — вѣкъ, который славу предковъ нашихъ возноситъ, потомкамъ же приуготовляетъ зѣло богатое наслѣдство.

Законы, сія душа благоучрежденія внутренняго, вѣдаетъ, съ великимъ раченіемъ и мудростію приводятся нынѣ въ совершенство, и сколь отличный видъ и красоту приѣмлютъ на себя; и для того мы имѣемъ нынѣ удовольствіе видѣть въ божественной оградѣ отечества нашего правосудіе въ лучшемъ порядкѣ. Ибо безпристрастный судія созерцаетъ уже исходящія узаконенія въ большей ясности и, находя оныя сходственными съ человѣчествомъ и собственнымъ благоразуміемъ любезнѣе приѣмлетъ и охотнѣе исполняетъ ихъ, страстный же судія поражается оною же свѣтлостію и не находитъ, подъ какимъ бы видомъ страсть свою могъ скрыть.

Правда, нельзя сказать, чтобы не было и такихъ, изъ которыхъ одни не столь счастливы понятіемъ, другіе къ удовольствію слабости и и страсти своей изыскиваютъ всякіе способы. Но первые, благонадежно есть, что просвѣтятся, въ школѣ мудрости, Монархиною учрежденной, другіе отъ часу больше будутъ находить счастливыхъ для себя препятствій. Впрочемъ, едва ли намъ смертнымъ того и желать возможно, чтобы не осталось и малѣйшихъ слѣдовъ порока. Великое есть человѣческое блаженство и совершенство общества, когда превосходить перевѣсъ добродѣтели: ибо тогда уже и самыя недостатки очень благовременно служатъ къ большому открытію славы добродѣтели.

При наблюденіи же правосудія, не позабыто въ наказаніи не столь стремиться къ истребленію преступника несчастливаго, сколь къ истребленію порока, и строгость суда растворять такою умѣренностью, чтобы изъ того была отвращена и общая опасность, и самому согрѣшившему данъ былъ случай и способъ заживить свою рану. Ибо никогда, понятіемъ, правительство не заключало въ себѣ столь обильно попечительнаго и человѣколюбиваго духа. Нынѣ согрѣшившій не столь, можетъ быть, бояться наказанія, какъ собственнаго суда совѣсти своей, каковый судъ отворила нынѣ царствующая Премудрость. Ибо всякъ лучше наученъ понимать честность, и яснѣе открыты безобразныя и вредныя слѣдствія порока, коихъ согрѣшившій не зная, или зная несо-

вершенно, и при самомъ наказаніи больше, можетъ быть, осуждаетъ своего судію, нежели самого себя. Нынѣ гласъ закона есть единъ съ онымъ гласомъ Апостольскимъ: „Хощеши ли не бояться власти? благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него“ (Римл., 13, 3).

При таковомъ разливающимся повсюду просвѣщеніи, и начинающимъ всѣмъ познавать истинную силу честности и благородства нѣтъ сомнѣній, что туманъ низкаго духа тѣмъ больше будетъ опадать, чѣмъ больше ясные лучи просвѣщенія стануть восходить на горизонтѣ нашемъ. Пусть токмо всякъ ревностно упражняется въ богодухновенной книгѣ, которая нынѣ подана отъ престола къ сочиненію законовъ: въ ней найдетъ просвѣщеніе истинное, человѣколюбимъ одушевленное и украшенное не токмо неложнымъ поаятіемъ общей пользы, но и ревностнымъ попеченіемъ о той же пользѣ.

Гдѣ—тотъ безцѣнный ковчегъ, въ который Великій Александръ хотѣлъ положить Гомерову Илиадѣ, чтобы въ немъ съ благоговѣніемъ положено было сіе наставленіе, яко сокровище премудрости? Но не можетъ быть для него ковчега драгоцѣннѣе, какъ сердце наше: въ немъ хранить оное должны мы, не столь для прославленія онаго, какъ для пользы своей, ибо его слава состоитъ въ пользѣ нашей.

Хотѣлъ бы я пространнѣе изъяснить, какое новое просвѣщеніе возсіяло въ мысляхъ нашихъ, но излишне витійствовать словомъ тамъ, гдѣ свидѣтельствуется самое дѣло. Вы, любезные сограждане, вы и собственнымъ признаніемъ, и чувствованіемъ сладкихъ плодовъ благословеннаго правленія утверждаете слово наше. Который гласъ Россія нынѣ произноситъ громче, какъ не сей, что она съ радостію взираетъ на, возсіявшее и ее просвѣщающее, новое свѣтило? когда благополучіе отечества нашего и слава его восходили до толикой степени?

Земледѣліе не только не препятствуется, но и прилагается стараніе о размноженіи онаго нарочно учрежденнымъ обществомъ. Коммерція процвѣтаетъ и, чтобы она еще паче свое имѣла дѣйствіе, такъ же не оставлено имѣть о томъ особое попеченіе. Мздоимство отъ судовъ столь далеко отогнано, что если бы кто онымъ нынѣ опорочить себя еще не стыдился, то по крайней мѣрѣ ищетъ коварнѣйшихъ и сокровеннѣйшихъ способовъ, слѣдовательно, уже и много сдѣлано, когда причинено столь великое затрудненіе страсти. Училища при таковыхъ обстоятельствахъ не могутъ быть не въ почтеніи, ибо открыта стала настоящая цѣна ученія. Но и Церковь Божія не осталась въ общемъ всѣхъ благосостояніи, чтобы не имѣть въ томъ счастливаго для себя участія: ибо суевѣрство обезсилено, но истинное благочестіе возноситъ свою главу, и спокойство производитъ въ честныхъ душахъ плоды свои. Къ чести же закона и временъ нашихъ и то да будетъ

сказано, что имѣнія, посвященныя Церкви, такъ распоряжены, что вмѣстѣ служить и украшеніемъ алтарю, и къ довольному, а, притомъ, къ спокойному и беззазрительному содержанію служителей святилища.

О другихъ же учрежденіяхъ не безъ затрудненія великаго было бы, если бы мы отважились подробно изъяснить объ оныхъ. Оное, поистинѣ, родительское попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ и несчастливыхъ сиротъ, и учрежденныя мѣста для воспитанія сами собою вопіють, и заставляютъ тѣхъ призрѣнныхъ удивляться, что ихъ несчастливый рокъ сдѣлался случаемъ къ ихъ спасенію. Не должно же къ похвалѣ нынѣшняго времени молчаніемъ перейти и то, что и въ самыхъ домашнихъ расположеніяхъ примѣчается иной уже, лучшей порядокъ, ибо уменьшена суровость, и больше взяло власти человѣколюбіе: ибо, благоразумно ослабляя непомѣрные узы рабства, больше дозволяется дѣйствовать совѣсти. Да и въ обхожденіяхъ житейскихъ суета гордости и пустой пышности вдругъ, не знаю какъ, исчезла. У вышнихъ съ нижними обхожденіе стало ласковѣе, возвышенная бровь на всѣхъ стала взирать снисходительнѣе, подчиненный начальнику не дрожа изъясняетъ мысли свои, и отличныя достоинства степени не стали мѣшать почитать другихъ человѣками и братіями.

Все сіе, какъ оно сказано по безпристрастному признанію, и по свидѣтельству отъ самыхъ дѣлъ, не есть ли яснѣйшее доказательство внутренняго благоучрежденія отечества нашего? не громко ли всякой трубы проповѣдуетъ не намъ токмо, но и всѣмъ окрестнымъ народамъ, что мы живемъ въ золотомъ вѣкѣ? Како убо не признаемъ собственное блаженство наше? слѣдовательно, какъ не воспоемъ Богу, благодѣющему намъ и не вознесемъ во гласъ радостномъ и въ духъ благодарномъ щедроты Вышняго, благословляющаго Ресеню?

Но какъ въ началѣ рѣчи нами сказано, что благополучіе общества требуетъ, дабы оно не токмо внутри было благоучреждено, но и внѣ безопасно, то послѣдованіе слова требуетъ нѣсколько сказать и о семь. Ибо не довольно, чтобы вертоградъ былъ изрядно расположенъ и обогащенъ всякими плодами: ему надобно быть защищенну и крѣпкою оградю, дабы не былъ онъ подверженъ расхищенію хищныхъ звѣрей и птицъ.

Внѣшняя безопасность состоитъ въ порядкѣ, мужествѣ и вѣрности воинства: ибо они есть надежное забрало отечества и твердая преграда всякому, напрасно стремящемуся нарушить покой общій.

Доказывать, сколь надежна есть сія почтенная оборона наша, при другомъ положеніи обстоятельствъ, можетъ быть нѣсколько открылось бы затрудненій, или доказательства могли бы показаться не такъ ясны, но въ нынѣшнее время, когда слава оружія нашего гремитъ

вездѣ по вселенной, когда непріятель раскаявается о своей дерзости, когда лавровыя вѣнцы побѣды процвѣтаютъ въ самой своей силѣ, — ить удобнѣе и пріятнѣе разсужденія о сей матеріи.

Но что мы прежде начнемъ исчислять изъ счастливыхъ дѣйствій оружія нашего? Ибо виды и побѣды мужества воиновъ нашихъ суть многоразличны и потому многочисленны. Здѣсь видимъ, что Днѣстръ взялъ нашу сторону, и, которые хотѣли скрыться отъ побѣждающаго героя, бѣгство тѣхъ удержала водная стихія и принудила покориться побѣдителяю. Тамъ слышимъ, что Хотинъ, возгнушавшись своими нечеловѣколюбивыми облатателями, поразивъ ихъ страхомъ, выгналъ изъ стѣнъ своихъ и отдалъ себя въ руки россіянину, могущему лучше управлять человѣческимъ родомъ. Тамъ Яссы и Бухарестъ, противъ обычая плѣняемыхъ, встрѣчаютъ мнимыхъ своихъ непріятелей съ распростертыми дланями и въ плѣнѣ своемъ находятъ все счастье свое. А вы, Ларга, Кагуль и Дунай, останетесь вѣчными монументами храбрости россіянь. Ибо вы были свидѣтелями тѣхъ поражений непріятеля, отъ которыхъ онъ доселѣ отдохнуть не можетъ и, съ умиленіемъ взирая на собранные остатки свои, если что находить къ утѣшенію, то сіе, что имѣлъ счастье быть побѣдимъ отъ героевъ, прославленныхъ не больше мужествомъ, какъ и человѣколюбіемъ.

Оставалось было нѣкоторое затрудненіе воину нашему при воеваніи не столь съ непріятелемъ, сколь съ натурою, съ Бендерскими мѣстами, то-есть, натурою укрѣпленными. Но и сіе послужило токмо къ изведенію въ ясный день безпримѣрной храбрости воиновъ нашихъ. Безпримѣрной, говорю, ибо дѣлать споръ, кому предпочтительнѣе занять мѣсто на стѣнѣ въ виду всѣми образы вооруженнаго непріятеля, дѣлать споръ въ семь случаѣ, представлять на то свои права, нѣкоторымъ образомъ жаловаться и принудить предводителя такъ любезно, но странно спорящихъ, примирять и изыскивать способы ко взаимному ихъ удовольстію, — сіе если не безпримѣрно, то по крайней мѣрѣ таково, что никогда большаго по мужеству примѣра никто не показывалъ и показать не можетъ. Итакъ, Бендеры покрыты торжествующими трофеями Россіи. Великій Петръ! Ты имѣлъ мужество побѣдить храбраго и непримиримаго сѣвернаго непріятеля; теперь и самое то мѣсто, гдѣ онъ находилъ послѣднее себѣ убѣжище и откуда бросалъ свои замахи, чтобы воспрепятствовать тебѣ совершенно побѣдить нынѣшнихъ непріятелей нашихъ, и самое сіе мѣсто счастливая судьба вручила потомкамъ твоимъ. Не довольно ли уже сего къ славѣ мужества воинства нашего? — Нѣтъ! О, предпріятіе славное и примѣра въ исторіи не имѣющее! Когда непріятель былъ занятъ оными поражениями, и токмо обращалъ изумленный взоръ свой на сію сторону, въ то самое время,

противъ его и всѣхъ чаянiя, россiйскiй флотъ изъ глубочайшаго сѣвера, обозрѣвъ вокругъ берега Европы, прилетѣлъ на востокъ и тотчасъ открылъ владычество свое въ Архипелагѣ. Агарянннъ сталъ въ изумленiи, пораженъ однимъ видомъ героевъ, и, въ такомъ будучи несостояннiи, думалъ найги спасенiе тамъ, гдѣ его постигла судьба несчастливая. Ибо, какъ явное было благоволенiе небесное о нашихъ герояхъ, то бездна и пламень соединились къ погибели непрiтельской и всѣхъ орудiй его.

Присемъ, не должно оставить безъ примѣчанiя, что если бы герои наши взошли въ тѣ отдаленнѣйшiя мѣста, токмо, чтобы воевать и открыть свѣту мужество свое, и сiе не было бы противъ обычая народовъ. Но зри совсѣмъ отличную картину: народъ, тамъ обитающiй, приемлетъ ихъ за своихъ избавителей и спасителей, да что говорю: „тамъ?“—россиянннъ еще доселѣ не вступалъ нкуда, чтобы отъ обитателей той земли прежде онъ ожидаемъ не былъ и не встрѣчаемъ былъ съ неизглаголанною радостiю. Свидѣтелемъ тому суть Молдавія, Валахiя, Морея, Архипелагъ и Георгiя, а чрезъ сiе самый естественный порядокъ вещей дѣлаетъ его законнымъ обладателемъ тѣхъ мѣстъ. Ибо кто законнѣе можетъ править народомъ, какъ не любимый имъ, и въ правленiи котораго находитъ онъ свой покой и благомудрiе? И сiя-то есть истинная причина, что Богъ споспѣшествуетъ оружию нашему, яко оружию справедливому: идѣже бо—справедливость, тамъ—и помощь Господня.

При таковыхъ мужественныхъ успѣхахъ воинства нашего уже не для чего изъяснять, сколь безопасно отечество наше отвиѣ,—не безопасно токмо, но и страшно и славно. Ибо могутъ ли чего опасаться предѣлы наши, когда непрiтель оставляетъ свои? можетъ ли житель нашъ обезпокоенъ быть, когда непрiтель въ столицѣ своей содрогаеть отъ страха? Итакъ, мы подъ тѣнiю сей обороны спокойно опочиваемъ и плодами мирнаго сожителства во время войнъ наслаждаемся. А сiе не больше доказываетъ внѣшнюю безопасность, какъ и внутреннее благоучрежденiе, ибо, что воинство находится въ такомъ порядкѣ, что подчиненiе совершенно наблюдается, что сердца воиновъ всѣхъ расположены любовiю къ отечеству и вѣрностiю,—сiе есть плодъ правленiя мудраго.

Что убо, любезные сограждане! не видимъ ли, коликими благодаренiями благословилъ насъ Вышнiй? Ибо Его благая и всесильная рука учреждаетъ и порядокъ общежителства человѣческаго, и споспѣшествуетъ на брани. Сiе, какъ во всякихъ другихъ случаяхъ, такъ особливо въ теченiи настоящей войны, мы уже не токмо очами своими видѣли, но, такъ сказать, и руками своими осязали. Мы видѣли,

ВУ
650

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ПЛАТОНА
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Книга 2.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ
РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ за 1913 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

Обыкновенно говоримъ, что мы празднуемъ святымъ для прославления ихъ. Но сіе слово требуетъ изъясненія. Ибо святые столь уже прославлены, что намъ къ славѣ ихъ ничего прибавить нельзя; а въ святцахъ только быть написаннымъ—не велико для тѣхъ, ихъ же имена написаны въ книгахъ животныхъ. Также, чтобы только громогласными пѣніями, а не духомъ возносить имя святыхъ, не можетъ быть много пріятно святымъ, которые еще на землѣ были живые органы Святаго Духа. Но въ семъ состоитъ празднованіе и прославленіе святыхъ, а состоитъ въ томъ, чтобы, празднуя святымъ, вспоминать добродѣтели ихъ и, вспоминая добродѣтели, подражать имъ. „Иные суть нравы святыхъ,—говоритъ Златоустъ,—иные свѣта сего. Между свѣтскими, которые, де, высокой чести достигли, тѣ не очень бы хотѣли видѣть другихъ равныхъ себѣ, понеже зависть пресѣкаетъ любовь; но не такъ, де, между святыми, и совсѣмъ противное тому. Тогда наипаче святые чувствуютъ удовольствіе чести своей, когда видятъ, что собратія ихъ тѣхъ же съ ними благу участія сподобляются“.

Такъ представимъ же мы себѣ пресвѣтлый блаженный соборъ, и вдругъ откроется намъ земной рай, разными добродѣтели цвѣтами пренещенней. Мы тутъ увидимъ золотой цвѣтъ премудрости, цвѣтъ воздержанія, цвѣтъ кротости, цвѣтъ терпѣнія, цвѣтъ милосердія, цвѣтъ великодушія и, краснѣйшій всѣхъ, цвѣтъ любви. Ты почтишь въ Авраамѣ страннолюбіе, удивишься въ Исифѣ цѣломудрію, похвалишь въ Іовѣ терпѣніе, прославишь въ Давидѣ благочестіе, облобызаешь въ Петрѣ усердіе къ Богу, возвеличишь Павлову ревность, усладишься въ Златоустѣ словомъ духовной премудрости, почудишься въ женскомъ составѣ Феклы мужеству, поревнуешь въ Магдалинѣ воспламененному къ Богу сердцу, увѣчаешь въ царствующей Пульхеріи мудрое попеченіе о благополучіи подданныхъ. Нѣтъ, по истинѣ, ни одного добраго дѣла, примѣръ котораго Богъ не оставилъ бы намъ въ другихъ великихъ мужахъ.

И хотя, подлинно, самый разумъ есть наилучшій предводитель ко всякой добродѣтели; но примѣръ, не знаю какъ, сильнѣе побуждаетъ насъ къ тому же. Разумъ представляетъ добродѣтель, что она достойна подражанія; а примѣръ приводитъ насъ въ стыдъ, что мы не слѣдуемъ ей, которой слѣдовали и прославились ею другіе такіе же, какъ мы, люди. Когда нѣтъ столько просвѣщенія, чтобы совершенно понять превосходство добродѣтели: такъ, вотъ, окружень ты примѣрами тѣхъ, кои, бывши подобострастны тебѣ, возлюбили добродѣтель и отъ ней получили сіе награжденіе, что и они вѣчно радуются, и имя ихъ не умираетъ. Ты въ самый сей часъ празднуешь память ихъ; а симъ дѣйствіемъ не только отдаешь достойную заслугамъ святыхъ честь; но и воспоминаешь добродѣтель ихъ, и сіе воспоминаніе одно

уже приносить тебѣ не малую пользу: ибо начинать услаждаться только добродѣтелию, не малая уже есть степенъ къ добродѣтели.

Но, чтобы взойти тебѣ на высшую степенъ совершенства и составить истинное святымъ торжество.— построй имъ храмъ въ сердцѣ твоёмъ, наниси добродѣтели ихъ икону на душѣ твоей, поставь свѣчу нелицемѣрной любви, зажги имъ кадило непорочной совѣсти, принеси елей милосердія. Нельзя не похвалить и тѣхъ, которые во имя святыхъ строятъ храмы, изображаютъ ихъ подвиги на иконѣ, и другіе совершаютъ обряды отъ усердія къ имени святыхъ. Но не можно же опять сказать, чтобы въ спѣхъ однихъ наружныхъ дѣйствіяхъ состояло все должное святымъ почтеніе: ибо если бы сіе такъ было, то одни богатые были бы истинные почитатели Бога и святыхъ; а убогіе изъ сего духовнаго празднованія выключены бы были. Но мы имѣемъ благого Бога, Который не отвергаетъ и богатство непорочное, лобызаетъ же и нищету добродѣтельную. Не можетъ убогіи построить храмъ, да можетъ самого себя сдѣлать пріятнымъ добродѣтели жилищемъ; не имѣетъ, за что кунить масла и свѣчи,—да можетъ имѣть духъ, горящій свѣтлымъ благочестія огнемъ. Не за что ему написать икону святыхъ, нечѣмъ обложить ее; но онъ можетъ написать ее въ самой глубинѣ сердца своего и украсить неувядаемыми цвѣтами благихъ дѣлъ. Богатый благодарѣтельствомъ и щедротою къ бѣднымъ пусть почитаетъ святыхъ, а убогіи, имѣя богатство вѣры, составляетъ святымъ торжество. Сему не мѣшаетъ нищета: ибо и всѣ почти святые были нищи тѣломъ, да богаты духомъ. Найдеть, подлинно, и богатый такихъ, которые богатство земное премѣнили на небесное; найдеть же и нищій, которые въ скудости своей получили богатство вѣчной радости, а потому празднованіе святыхъ есть общій христіанскій ширъ. Ихъ исправленіями пользуемся мы, ихъ трудами успокоиваемся, въ терпѣніемъ укрѣпляемся, ихъ подвиги и побѣды—наши вѣнцы. Слава ихъ есть слава наша: понеже прославлять святыхъ не что иное есть, какъ пользоваться себя, подражая добродѣтели ихъ, такъ же, какъ, на примѣръ, слава книги есть, когда я изъ нея почерпаю просвѣщеніе. Въ семъ состоитъ истинное празднованіе святымъ.

Но при семъ скажетъ кто, что мы празднуемъ святымъ и для того, чтобы ихъ призывать въ помощь и просить ихъ о молитвенномъ ходатайствѣ за насъ къ Богу. Изрядное и благочестивое дѣло! Ибо нѣтъ сомнѣнія, что святые желаютъ намъ всякаго добра и того же съ собою блаженства; и сіе ихъ желаніе открыто есть всегда предъ очами Божиими. Но при томъ и то извѣстно, что, когда призываемъ святыхъ надобно, чтобы мы были добродѣтельны, или по крайней мѣрѣ ревнители ихъ добродѣтели, то есть, чувствовали бы отвращеніе къ своимъ

порокамъ, и раскаяніе въ своихъ беззаконіяхъ. А безъ сего какъ по-смѣешь ты, человѣкъ, прибѣгать къ святымъ? Или ты думаешь, что святые будутъ за тебя посредственниками къ Богу и тогда, когда ты—нераскаянный презритель вѣчнаго закона Божія? Думаешь ли ты, чтобы святые не отвращались того на небеси, отъ чего они всевозможно удалялись, еще будучи на земли? Пѣть, такое призываніе не прославляетъ, но безчеститъ имя святыхъ. Когда призываешь святыхъ, не будь ненавистникъ святости ихъ.

Но опять можетъ намъ кто-нибудь предложить, что для того-то и должно призывать святыхъ, что—грѣшны мы, и сами чрезъ себя къ Богу не имѣемъ дерзновенія. На сіе отвѣтствовать надлежитъ, что грѣшникъ грѣшнику рознь. Кто признаетъ себя грѣшникомъ и предъ Богомъ безъотвѣтнымъ, тотъ признаетъ уже свою предъ Богомъ повинность; слѣдовательно, тотъ уже на нѣкоторую степень отступилъ отъ порока и приблизился къ добродѣтели, а тѣмъ самымъ отъ милосердія Божія отверженъ быть не можетъ: ибо „сердце сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ“ (Псал., 50, 19). А ежели кто въ нераскаяннѣ злобы своей пребываетъ, тому, послушайте, что говоритъ Богъ: „вскую ты повѣдаши оправданія Моя и воспріемлещи законъ Мой усты твоими? ты же возненавидѣлъ еси наказаніе“ (Псал., 49, 16—17). И потому такой грѣшникъ какъ Богу есть ненавистникъ, такъ отъ святыхъ любимъ быть не можетъ: ибо не можетъ быть пріятно святымъ то, что есть не пріятно Богу. Радуются, по слову Христову, ангелы на небеси о грѣшникѣ, но о грѣшникѣ кающемся. Грѣшная душа, признающая скудости свои, имѣетъ дерзновеніе къ милосердію Божию, слѣдовательно, имѣетъ дерзновеніе и ко святымъ. Въ такомъ расположеніи сердца нашего можемъ мы прибѣгать къ святымъ и молитвы свои соединять съ молитвами ихъ. Но, притомъ, прежде и иначе прибѣгать мы должны къ Самому Богу, яко всевѣдущему, яко всеблагому, яко предваряющему желанія наша. Мы не можемъ прибѣгать къ святымъ, миновавъ Пресвятаго Бога: ибо святые знаютъ прошенія наши не чрезъ самихъ себя, но поелику открываетъ имъ Богъ, какъ учитъ благочестивая наша Церковь.

А отсюда видно не только то, чѣмъ и какъ можемъ мы прославлять святыхъ, но видно и то, что, когда прославляемъ мы святыхъ, тогда прославляемъ Самого Бога. Ибо, похваляя святыхъ, похваляемъ добродѣтель, а похваляя добродѣтель, мы похваляемъ Бога, источника добродѣтели. И потому праздники святыхъ суть праздники Божіи. „Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ: Богъ Израилевъ“ (Псал., 67, 36)! Того ради должны мы всѣмъ сердцемъ благодарить всеблагаго Бога, что Онъ во всякомъ родѣ и во всякое время воздвигъ такихъ мужей,

добродѣтели которыхъ всякъ могъ бы подражать. И съ симъ точно намѣреніемъ прославилъ Онъ имена ихъ безсмертіемъ. Многихъ, которыхъ міръ почитаетъ за великихъ героевъ, слава исчезла, но смиренная добродѣтель громка по всемъ вѣкамъ. Мы позабыли, кто царствовалъ въ Египтѣ, да цѣломудреннаго Іосифа не забыли. Не велики у насъ имена древнихъ Вавилонскихъ царей, но велики и любезны имена трехъ Вавилонскихъ отроковъ, которые мужествомъ благочестія силу огня побѣдили. Римъ насъ больше услаждаетъ, когда намъ поминать о Петрѣ и Павлѣ, нежели когда сказываетъ о Ромулахъ, о Нумахъ, о Тарквиніяхъ, о Фабриціяхъ и прочихъ. „Житія и похвалы святыхъ,—говоритъ одинъ церковный историкъ,—подобны свѣтлостію звѣздамъ: яко же бо звѣзды положены на небеси, но всю небесную просвѣщаютъ. Онѣ отъ индіанъ зрятся, но сокрываются отъ скиновъ, землю озаряютъ, и морю свѣтятъ, и корабли плавающихъ управляютъ, ихъ же именъ хотя и не знаемъ множества ради, но свѣтлой добротѣ ихъ чудимся. Такъ и свѣтлостъ святыхъ, хотя ихъ тѣла затворены во гробахъ, но силы ихъ не ограничиваются въ поднебесной земными предѣлами. Чудимся тѣхъ житію, и удивляемся славѣ, ею же Богъ угодившихъ Ему прославляетъ“.

Многіе жалуются, что ихъ добродѣтель гонятъ, и что они со всею своею доброю совѣстію остаются безъ утѣшенія. Что? ежели бы, при томъ, по смерти добродѣтельныхъ имя совѣмъ исчезало, то могу сказать, едва ли бы и самые крѣпкіе вѣрою не поколебались; едва ли бы не заговорили съ оными безумными, отъ Соломона описанными, что „одинъ случай человѣка и скота, какъ смерть того, такъ и смерть сего, и духъ единъ во всѣхъ, и что излишне имѣсть человѣкъ паче скота?—ничтоже“ (Еккл., 3, 19). Но когда сіи же малодушные увидятъ, что добродѣтель по смерти не умираетъ, прославляется, слышатъ цѣлыя соборы на хвалу свою, многіе народы—на удивленіе свое, тогда, вдругъ измѣнившись, съ веселымъ восторгомъ возопіютъ: „воззрите на всѣ мимошедшіе роды, кто вѣрова Господеву и постыдѣся“ (Сирах., 2, 10)?

Благодарить убо, и паки говорю, Господа должно, что Онъ, оставивъ примѣры святыхъ, столь сильно тѣмъ возбуждаетъ насъ къ добродѣтели. Да благодарить надобно не словомъ, но дѣломъ; а дѣломъ благодаримъ, когда, празднуя святымъ, ревнуемъ имъ исправленіемъ. Но такъ ли празднуемъ мы? Смѣхъ—праздники христіанскіе. Когда празднуется, напримѣръ, воздержаніе Іоанново, тогда празднолюбцы утопаютъ въ винѣ. Когда празднуется чистота блаженной Дѣвы, тогда приносится богатая жертва плотскимъ склонностямъ. Когда прославляемъ апостольскіе смертные подвиги, тогда всюду гремятъ сладо-

страстные увеселенія; когда почитаемъ страданія мученическія, тогда дома наши наполняются ласкательными и лицемѣрными поздравителями. Когда празднуемъ носившихъ чрезъ всю жизнь крестъ терніи, тогда властвуетъ роскошь, и своевольствуетъ праздность. Ахъ! пусть послушаютъ изрядные христіане, что Богъ такимъ празднователямъ нѣкогда сказалъ: „праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя, вы Мнѣ стали въ сытость, ктому не стерплю грѣховъ вашихъ“ (Ис., 1, 14). Пріятнѣе было святымъ, когда ихъ гнали и мучили, нежели, когда такимъ образомъ празднуемъ память ихъ: ибо они муками увеселялись, а такими празднованіями оскорбляются, и это потому, что мученія служили къ славѣ ихъ, а празднованія такія помрачаютъ славу ихъ. По отселѣ будемъ мы молить Подвигположника всѣхъ святыхъ Бога, чтобы, съ помощію Его, достойно празднуя святымъ на землѣ, сподобились мы причастниками быть и свѣтлаго торжества на небеси. Аминь.

Слово въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„На семь каменъ созижду Церковь Мою“.
(Матѣ., гл. 16, ст. 18).

Два храма невмѣстимаго Божества мысль наша представить себѣ можетъ, а именно: видимый сей міръ и Церковь. Ибо какъ весь міръ Богъ наполняетъ присутвіемъ Своимъ, такъ и въ Церкви Своей обитаетъ Онъ особеннымъ образомъ. Но міръ состоитъ изъ разныхъ одушевленныхъ вещей, а Церковь—изъ однихъ добродѣтельныхъ душъ. И для того,—по свидѣтельству святыхъ книгъ,—„небо и небо небесе не довлѣютъ“, чтобы вмѣстить безконечнаго Бога (3 Царств., 8, 27); а о Церкви Своей Онъ Самъ у Пророка говоритъ: „здѣсь—покой Мой во вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволихъ его“ (Псал., 131, 14). Весь міръ создать стоило Богу единого слова: „рече, и быша: повелѣ, и создашася“ (Псал., 148, 5). Но, чтобы создать Церковь, надобно было ему Самому видѣ раба принять, и Своею кровію напоить ея основаніе. Сей священный домъ Отецъ создалъ, Сынъ искупилъ, Духъ Святой освятить; и потому, когда міръ изъ основаній своихъ подвижется, Церковь во вѣкъ пребудетъ непоколебима. Что предвидя, про-

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ Красноѣмъ Селѣ при лагерѣ, 1765 г., мѣсяца іюня 29 дня.

рокъ Исаія сими привѣтствуетъ ее словами: „ты нареченна градь Господень, Сіонъ святаго Израилева, положу тя въ радость вѣчную, веселіе родомъ родовъ“. И по сей-то причинѣ нынѣшнее Евангеліе благовѣствуетъ намъ, что Церковь создана на каменн. Но, дабы яснѣе понять сію твердость Церкви, потщимся мы доказать то изъ самаго событія. Ты же, Всемогущій міра и Церкви Правитель, благоволи, зобравшейся во имя Твое, церкви сей мало вникнуть въ Божественныя дѣла Твои, и почудиться премудрости Твоей.

Въ совѣсть всякаго Богъ вложилъ чувство богопочитанія. Сія сила совѣсти благополучно дѣйствовала во многихъ; собраніе сихъ многихъ истинныхъ богопочитателей есть Церковь. И понеже она сила совѣсти имѣла свое дѣйствіе отъ самаго начала міра, такъ тогда же Церковь и получила свое основаніе. Основаніе сіе Евангеліе, нынѣ чтенное, называетъ каменнымъ. Причина тому есть ясна сама чрезъ себя: ибо домъ на твердомъ каменномъ основаніи строится затѣмъ, дабы случающіеся вѣтры, бури, дожди и другія противности не могли повредить его. Почему, когда и Церковь создана на каменн, слѣдуетъ, что она имѣла свои опасности. Твердость какого нибудь дома узнаемъ мы изъ того, ежели онъ при всѣхъ своихъ противностяхъ пребудетъ непоколебимъ. Почему, ежели хотимъ узнать и твердость Церкви, и что, подлинно, создана она на каменн,—надобно разсмотрѣть, какъ она, при всѣхъ своихъ бывшихъ несчастіяхъ осталась со всею своею славою.

Церковь имѣла два несчастія. Съ одной стороны, ее безпокоила злоба и суевѣрство; а съ другой, смущали ее вредныя мнѣнія и ученія.

Первое безпокойство Церкви Спаситель начинаетъ отъ крови Авеля праведнаго, которую пролилъ родной братъ Каинъ: всѣ убо гонители „путемъ Каиновымъ ходятъ“ (Иуд. посл., ст. 11). Отъ Каина пошелъ нечестивый родъ, а отъ Сифа, наслѣдника Авелева, благочестивый. Первые были непрестаннымъ препятствіемъ въ благочестіи симъ послѣднимъ. Но послѣ истреблены были потопомъ; а Церковь въ маломъ ковчегѣ была сохранена отъ всепожирающей бездны. Послѣ потопа, при умноженіи человѣческаго рода, умножилось число злыхъ людей, которыхъ, какъ будто, предводителемъ былъ нечестивый Хамовъ родъ. Около сихъ время возникло идолопоклонство, и сіе зло разливалось по всей вселенной; но при томъ во всякомъ родѣ и вездѣ были такіе люди, которые въ срединѣ суевѣрствъ хранили истину вѣры непорочно. Нѣтъ сомнѣнія, что они отъ суевѣрнаго рода были безпокоены, хотя ихъ имена древность времени и скрыла отъ насъ. По случаю умножившихся въ свѣтѣ заблужденій Богъ благоволилъ Церковь Свою при-

своить къ Авраамову роду, дабы весь свѣтъ могъ ясно видѣть его судьбы въ управленіи сей видимой Церкви, которая въ лицѣ своемъ представляла всѣхъ избранныхъ Божиихъ, разсѣянныхъ по лицу земли. Авраамъ Исаакъ, Іаковъ доблестно прошли чрезъ огонь искушеній и напастей. Благочестивое потомство ихъ въ желѣзной печи порабощенія мучилось чрезъ нѣсколько вѣковъ отъ египтянъ. По ишествіи Церкви изъ Египта разные народы на нее напали и тщались искоренить ее. Когда казалось, что Церковь получила покой въ землѣ обѣтованія, тогда-же она была обезкоена и отъ разныхъ сосѣднихъ народовъ утѣсняема; а, напослѣдокъ, и изъ мѣста своего была выгнана рукою двухъ сильныхъ восточныхъ владѣтелей Салманассара Ассирійскаго и Навуходоносора, Вавилонскаго царя. По ишествіи Церкви изъ плѣна Вавилонскаго, нѣсколько времени казалась она быть успокоена, пока, напослѣдокъ, не подпала тѣмъ же искушеніямъ и п. Маккавеевъ. И сіе злоключеніе продолжалось почти до самаго Спасителява пришествія въ міръ.

Мы теперь видимъ, какимъ несчастіямъ была подвержена Церковь Ветхозавѣтная. Всѣ пророки понесли прекословіе и озлобленіе; и всѣ крѣпкіе отъ Израила и мужи чрезвычайной святости отъ самаго тогдашняго времени питаемы были хлѣбомъ оскорбленія, и пили чашу горести. Кратко сказать: кровь праведная начала быть проливаема отъ Авеля, а кончалась на Крестителѣ Ю.ниѣ, предвозвѣстникѣ благодати. И сіе— въ Ветхомъ Завѣтѣ.

А въ Новой благодати Самъ Спаситель предназначъ сей святѣйшій подвигъ, и Своею Божественною особою освятилъ для всѣхъ насъ спасительное ношеніе креста. Своему Учителю послѣдовали ученики, которые посланы были отъ Него въ міръ, яко агнцы посреди волковъ. Нынѣ празднуемые нами, Апостолы увѣнчались сею блаженною кончиною. Они сами о себѣ говорятъ, что свѣтъ ихъ почелъ за соръ, и что они „позоръ были міру и ангеломъ и человѣкомъ“ (I Коринѣ, 4, 9). И какъ апостольская кровь была нѣкоторымъ сѣменемъ, изъ котораго нечаянно произросло неисчислимое множество христіанъ, то всѣ они, какъ овцы, были закалаемы и, какъ пшеница, пожинаемы были. Но сіе несчастіе было для Церкви самое счастливое: ибо, когда казалась она не только быть утѣсняною, но и совсѣмъ уничтоженною, тогда нечаянно съ бдѣшею славою расширялась, на подобіе искры, которая, бывши сокровена, вдругъ возжигаетъ великій пламень. И сіе подало случай одному церковному учителю сказать: „чѣмъ больше насъ жмутъ, тѣмъ больше растемъ; сѣмя есть кровь христіанская“.

Сии явныя злоключенія продолжались до временъ Константина Великаго. Престали они при семъ благочестивомъ Государѣ; но не

престали скрытыя, какія во всякое время добродѣтель претерпѣваетъ отъ злобы. Христіане по всей вселенной оскорбляемы и убиваемы были отъ частыхъ набѣговъ невѣрныхъ народовъ. Но, кромѣ сего, чрезъ недолгое время паки на Церковь Христову палъ жребій несчастливый. Востокомъ завладѣлъ Магометъ, и сія язва, разливаясь по Аравіи, Египтѣ, Палестинѣ и Сири, напоследокъ заразила весь востокъ,—отъ чего восточная Церковь приведена въ печальное состояніе, въ которомъ и доселѣ еще мы оплакиваемъ ее. Въ сіи же самыя несчастливыя времена западъ отдѣлился отъ востока и подверженъ сталъ игу властолюбиваго папы, который, нося на себѣ имя христіанское, сдѣлался горькимъ христіанъ гонителемъ.

При сихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, когда Церковь на востокѣ поработана была, а на западѣ была она развращена, что дѣлаеть Богъ? О, неусыпнаго Его о Церкви промысла! сію великую утрату дополнилъ Онъ Россією, которую около самыхъ тѣхъ временъ благоволилъ просвѣтити истинною вѣрою, и престоль вѣчнаго царства Своего принесть къ намъ. А тѣмъ самымъ Господь прясно доказалъ, что Онъ Церковь Свою основалъ на камени, и что ее ни врата адовы (Матѣ., 16, 18), то есть, никакія вражескія козни преодолѣть не могутъ. Видѣли мы, какія были противъ Церкви бури, но утихли, погасли огни, притупились мечи, и врагу оскудѣша оружія въ конецъ; а Церковь, сверхъ желанія и чаянія враговъ своихъ, торжествуетъ надъ ними.

И торжество сіе покажется намъ свѣтлѣйшее, ежели заглянемъ мы и на безпокойства внутреннія, которыя она такъ же побѣдила, но тѣмъ съ большею славою, чѣмъ опаснѣйшія были сіи смущенія. Ибо чрезъ нихъ тщался врагъ напасть на самыя основанія вѣры и погасить искру истины, зажженную въ самой внутренности души. Инымъ влагалъ онъ въ мысль, что Бога нѣтъ; инымъ,—что ихъ два—добрый и злой; другимъ, что ихъ—великое множество; иные думали, что хотя и есть Богъ, но о мірѣ никакого не имѣеть попеченія; другіе оттуда заключали, что въ свѣтѣ дѣлается или по случаю или по необходимости, слѣдовательно, въ одно мѣшали добродѣтель и порокъ. Другіе нападали на безсмертіе души, и тщались опровергнуть всѣ будущія блаженныя надежды; иные не хотѣли признать немощи естества нашего, и упорно отвергали Евангельскую благодать, которая ее исцѣляетъ. Всѣ вѣка такими чудовищами были обезчещены, и стъ нихъ наибольше раздиралась утроба Церкви Христовой. Ежели разсудить по-человѣчески, кажется, не можно бы надѣяться и слѣдамъ остаться истины при такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, а наипаче, что гонителей было наибольшее число; а Церковь, напротивъ, была малое стадо

избранныхъ Божиихъ. Но итъ: сей священный корабль между волнами не погрузился, сія райская роза между терніями больше процвѣтала, сіе золото вѣры всегда съ большею свѣтлостію выходило изъ огненной печи несчастія.

Мы здѣсь не должны обойти и Церковь російскую, которая такъ же, какъ и Церковь вселенская, чрезъ многія безпокойства достигла до толикой славы. При самомъ ея младенествѣ бывшія въ Россіи междоусобныя войны, кто не скажетъ, сколько дѣлали препятствія расширенію царства Иисусъ Христова? не успѣло сіе волненіе утихнуть, какъ вдругъ загремѣла ужасная буря татарской орды, которая плѣнила Россію, и всюду разсѣяла священныхъ христіанъ собранія. Подъ симъ игомъ не одинъ вѣкъ страдало отечество наше, и Церковь казалась быть при послѣднемъ своемъ издыханіи; но вдругъ всесплный ея Правитель запретилъ бурѣ, и стала тишина велия. Симъ Божиимъ благодѣяніемъ и доселѣ Церковь наша наслаждается: не имѣетъ она никакого гоненія, ибо царствуетъ въ Церкви миръ, подъ покровительствомъ благочестивѣйшей нашей Монархини, вѣнецъ которой украшается усердною къ Богу вѣрою, престоль—премудростію, порфира—милосердіемъ.

Такъ гдѣ же дѣлись твои, о Церковь, возлюбленная мать наша,— гдѣ дѣлись твои гонители? куда прошли облака твоего несчастія? Мы уже ихъ, слава Богу, не видимъ; ищемъ ихъ мѣста, и не обрѣтаемъ. А, напротивъ, видимъ лице твое радостное, смотрящее на собранныхъ въ нѣдра твои чадъ твоихъ. Но чѣмъ, скажи ты намъ, чѣмъ побѣдила ихъ ты, которая не имѣешь и не любишь никакихъ оружій? Мы видимъ, что ты побѣдила ихъ терпѣніемъ, слезами своими ихъ потопила, ихъ мечи притупила своею плотію, ихъ огни погасила своею кровію, совѣмъ ихъ посрамила надеждою будущей радости. Веселися убо и ликовай, Христова Церковь, священный ковчегъ истины! возвеличи Господа, благодѣтельствующаго тебѣ, возноси, яко трубу, гласъ твой во вся концы земли, что твое основаніе есть на недвижимомъ камени; и потому врата адовы не преодолеютъ тебя.

Помянувъ о Церкви Россійской, мы не должны оставить, чтобы не помянуть и о самой Россіи. Всемогущая десница Господня, которая управляетъ Церковію, та же управляетъ и государствами; а наипаче, что благополучіе Церкви соединено есть съ благополучіемъ государства. Церковь Россійская, связали мы, имѣла свои безпокойства, многимъ же и Россія подвержена была переменамъ, многимъ несчастіямъ. Но, побѣдивъ мужественно всѣ противности, она все въ большую возрастала славу, наподобіе винограда, который, чѣмъ больше обрѣзывается, тѣмъ изобильнѣйшій приноситъ плодъ. Еще мы всѣ носимъ въ свѣжей памяти, сколько возвеличилъ Богъ отечество наше чрезъ Великаго Петра, и его

мужествомъ посрамилъ неприятелей нашихъ. Въ полномъ теченіи славы осталась Россія по смерти сего почтеннаго безсмертіемъ мужа. Но какъ уже и послѣ того времени начали входить въ отечество наше нѣкія смущенія, — и тогда Богъ показалъ Себя неспящимъ о благополучіи нашемъ: обрадовалъ Онъ скорбящихъ россіянъ кротчайшею и милосердѣйшею Елисаветою.

Потомъ избралъ Тебя, Всеавгустѣйшая Государыня наша, священнымъ орудіемъ Своего премудраго промысла. Ты утѣшила мать нашу — Церковь, а печальному отечеству была сама матерью радости и, положивъ сіе твердое основаніе, строишь на немъ храмъ благополучія благоразумнымъ правительствомъ. Добродѣтель въ Твоемъ сердцѣ находитъ себѣ пріятное жилище, неповинность — безопасное убѣжище, заслуга — щедрое награжденіе, Божія благодать — всегда готовое содѣйствіе. И потому увѣрены мы, что неусыпно хранить Богъ Церковь нашу, хранить и отечество, и неразрывность сего святаго союза утвердилъ Онъ въ помазанной себѣ твоей.

Но, о несказаннаго къ намъ Божія милосердія! не довольно было Ему утѣшить насъ настоящими, ежели бы при томъ еще не ободрить и будущею надеждою. Видимъ мы всепресвѣтлѣйшую Монархиню нашу, яко плодоносное древо, во всей своей полнотѣ добродѣтелями цвѣтушую; видимъ же и прекрасную Ея вѣтвь, Тебя, Пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, дражайшій нашъ имянинникъ! мы почитаемъ особу Твою за несумнительный залогъ продолженія Божіей къ намъ благодати, и потому Церковь уповаетъ въ свое время найти въ Тебѣ духъ, напоенный благочестіемъ и ревностію къ расширенію вѣчнаго царства; а отечество — сокровище добродѣтелей. Дабы сему чаянію удовлетворить, потщись Ты, Благовѣрный Государь, чтобы цвѣты молодыхъ Твоихъ лѣтъ принесли довольные плоды. Ты имѣешь побужденіе домашнее и дѣйствительное — Ея Императорское Величество, дражайшую Родительницу свою: заимствуя отъ нея жизнь естественно, заимствуй отъ нея и добродѣтель добровольно. Но, вотъ, и примѣры, которые подаетъ Тебѣ Самъ Богъ, нынѣ празднуемые апостолы: Петръ и Павелъ. Петръ да будетъ Тебѣ примѣръ благочестія, а Павелъ — премудрости: Петровыми ключами отверзай храмъ полезныхъ ученій, а Павловымъ мечемъ разсѣкай всѣ узлы трудности, которые препятствовали бы Тебѣ въ прекрасномъ семъ теченіи. Мы сего желаемъ, мы надѣемся, мы молимъ всещедрого Бога, чтобы попеченіе Ея Императорскаго Величества о Тебѣ обрадовано было благословеннымъ успѣхомъ, а чаяніе вся Россія исполненіемъ того. Аминь.

Слово при заложении Императорской Академіи Художествъ и при ней церкви *).

(О ВОСПИТАНИИ).

Нѣтъ нужды много думать, о чемъ намъ теперь говорить надобно. Сія Академія Художествъ, и сіе основаніе святаго храма подають довольную къ словамъ матерію. Академія назначается, чтобы быть мѣстомъ добродѣтели, а церковь освящается, чтобы быть жилищемъ Бога, источника добродѣтели. Тамъ имѣеть быть предуготовленіе сердець къ принятію всякаго добра, здѣсь Духъ Святый на предуготовленной благой землѣ будетъ сѣять сѣмя Божественнаго слова. Тамъ будутъ подвиги и честные труды, здѣсь—духовное успокоеніе и награжденіе: разныя, подлинно, дѣйствія, но одинъ конецъ.

Не должно быть свѣтское училище безъ молитвеннаго храма: ибо суетны были бы все наши предпріятія, ежели бы они не оживляемы были благочестіемъ. Но и сама Церковь не малою лишилась бы помощи, ежели бы не было мѣсть къ доброму воспитанію для тѣхъ, коихъ она должна содержать въ нѣдрахъ своихъ. Напрасно, напримѣръ, Церковь будетъ вопить, чтобы вознесъ на небо сердце свое тотъ, который такъ воспитанъ, что, кромѣ земнаго, ни о чемъ не думаетъ. Напрасно будетъ увѣщавать она къ любви Божіей того, который не наставленъ, сколько Богъ есть превосходное добро. Не много также успѣетъ она, ежели будетъ предлагать ученіе добродѣтели тому, который отъ самаго младенчества привыкъ добродѣтель поставлять въ однихъ прибыткахъ или пріятностяхъ.

И кажется мнѣ, для того, что Церковь родителямъ, учителямъ, приставникамъ и всемъ попечителямъ симъ говорить словами: „сердце мое сѣждаетъ горькая печаль, что вижу приводимыхъ ко мнѣ дѣтей, къ высокому ученію моему не предуготовленныхъ. Избавьте меня скорби сей: труды, которые я полагаю о пользѣ всѣхъ, раздѣлите со мною. Имѣю я, подлинно, спасительное сѣмя, но не дайте мнѣ тернія, не дайте каменія; а добрымъ воспитаніемъ представляйте мнѣ ихъ сердца, яко благую землю. Сей умиленный Церкви гласъ кого не возбудитъ, чтобы не пренебрегать святую должность воспитанія? А иначе, что, видится мнѣ, и самые младенцы къ намъ простирають руки слабыя свои, и нѣмотствующимъ своимъ языкомъ къ намъ говорятъ:

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества 1765 года, іюля 7 дня.

„Богъ насъ произвелъ на свѣтъ слабѣе животныхъ другихъ неотмѣнно съ тѣмъ, что Онъ положился на ваше о насъ попеченіе. Такъ почитайте вы за священное сіе обязательство, и увѣрьте себя, что, исполняя сіе дѣло, исполняете вы дѣло Самого Бога“.

Я уже оставляю то, что занлатить долгъ своимъ родителямъ мы можемъ не инымъ чѣмъ, какъ равнымъ попеченіемъ о воспитаніи другихъ.

Но надобно знать, „въ чемъ состоитъ послушаніе“. Изъ прежде-реченнаго уже видѣть можно, что воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели. И потому не состоитъ оно въ иѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя поражаютъ обыкли только своєю паружностію, а больше ничего: не состоитъ воспитаніе въ семъ. А состоитъ оно въ томъ, чтобы взойти познаніемъ въ самого себя, познать Создателя своего, познать конецъ созданія своего; на семъ неизблемомъ основаніи утвердись, душу свою такъ приуготовить, чтобы снискать къ благочестію усердіе, къ Государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ нижнимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь;—въ должности быть прилежнымъ, въ домо-строительствѣ тщательнымъ, въ трудахъ нелѣностнымъ, въ частіи невоз-носливымъ, въ несчастіи неунылымъ, къ общей пользѣ ревностнымъ, во всякихъ обхожденіяхъ быть искреннимъ, ласковымъ, учтивымъ, снисходи-тельнымъ. Въ семъ состоитъ существенная сила воспитанія.

Но иѣтъ, думаю, столь мало просвѣщеннаго, который не зналъ бы этого. А какимъ образомъ сіе производить въ дѣло,—въ томъ уже есть больше трудности. Разные къ тому суть способы, разные пути. И сія, думаю, разность и происходящая изъ того трудность есть причина, что бывають въ воспитаніи великіе непорядки, много развращенія.

Первый и наилучшій, по мнѣнію моему, къ воспитанію способъ есть добрый примѣръ: онъ есть всегда дѣйствителенъ для всѣхъ, а наипаче для младенческаго возраста. Младенцы еще не имѣють совершеннаго употребленія въ разсужденіи: они управляются почти одними чувствами, и потому, ежели что видять, ежели что слышать,—тѣмъ поражаются, то крѣпко печатлѣють въ памяти. Сія, укрѣпленные въ младенчествѣ, добрыя или худыя воображенія во все почти будущее время будутъ служить имъ во всякихъ дѣлахъ основаніемъ: ибо, чѣмъ новый сосудъ будетъ напоенъ, трудно, чтобы тотъ запахъ онъ потерялъ когда. Ежели младенецъ имѣеть родителей или приставниковъ, которые при всякомъ случаѣ показываютъ живые знаки благочестія, неотмѣнно и младенецъ напоенъ будетъ тѣмъ же духомъ благочестія; ежели же имѣеть суевѣрныхъ, или къ закону презрительныхъ, нельзя, чтобы и онъ тѣмъ же не зараженъ былъ порокомъ. Ежели младое дитя во всегдашнемъ

домашнемъ обхожденіи видитъ или слышитъ примѣры роскоши или ску-
пости, излишнее пристрастіе къ веселостямъ и другимъ наружностямъ,—
весьма трудно, чтобы сія язва слабыхъ не коснулась младенческихъ
чувствъ. Не хочешь, чтобы младенецъ рзвращенъ былъ?—не дѣлай
предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть; но будь предъ нимъ
зеркаломъ, въ которомъ онъ усмотрѣть могъ бы, чему ему подражать
надобно.

Сія, ежели можно сказать, нѣмая наука, дѣйствительнѣе оной
многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ
ничего. Что пользы разсуждать о теченіи небесныхъ круговъ; а сердце
имѣть привязанное къ страстямъ земнымъ? Что пользы знать развязывать
хитросплетенныя слова, а не знать развязывать узлы сумнящейся совѣсти?
„Что пользы человѣку, аще пріобрѣщетъ міръ весь, а душу свою от-
щетитъ?“ говоритъ Евангеліе (Марк., 8, 36). Не презираю я науки, но
утверждаю, что онѣ лишаются своей пользы, ежели не будутъ препро-
вождаемы честностію дѣлъ. Прибавить здѣсь надобно и то, что науки
не могутъ имѣть своего дѣйствія, развѣ когда младенецъ при-
детъ въ нѣкоторый возрастъ. Но что, ежели онъ въ самомъ началѣ
своихъ дней, ежели въ самой колыбели приглядится къ такимъ примѣ-
рамъ, которые не расположили его нимало къ принятію добра? Тщетны
тогда будутъ науки и бесполезны. Да что говорить бесполезны?—не
можетъ быть вреднѣе того человѣка, который имѣлъ бы науки, но не
имѣлъ исправленной совѣсти. И потому не сомнительно, что самая луч-
шая наука бываетъ дѣломъ, а не однимъ словомъ.

Сія наука есть Евангельская: ибо свойственно есть христіанской
мудрости, чтобы не словами, но дѣлами философствовать. Евангеліе
учитъ, что царствіе Божіе—не въ словеси, но въ силѣ; оно хочетъ,
чтобы послѣдователь его былъ, яко свѣтило въ мірѣ. „Тако да просвѣ-
титсѣ свѣтъ нашъ предъ человѣки, яко да видятъ наша добрая дѣла,
и прославятъ Отца нашего, иже есть на небесѣхъ“ (Матѣ., 5, 16). По-
чему нельзя не признаться, чтобы сей способъ, то есть, добрый при-
мѣръ, для воспитанія дѣтей не былъ самый наилучшій.

Принявъ сіе основаніе, сколько возможно, должно отъ младенца
удалить худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя книги, со-
блазнительныя представленія; а вмѣсто того приставлять къ нимъ не-
засорныхъ пѣстуновъ, добрыхъ учителей, честныхъ приставниковъ, ко-
торые не только были бы ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но при-
томъ имѣли бы и духъ патріотическій.

При семъ не бесполезно помянуть и о томъ, что наипаче примѣ-
рами вдыхать надобно въ нѣжныя младенческія сердца? Первѣе всего,
надлежитъ внушать имъ страхъ Божій: ибо „начало премудрости страхъ

Господень^а (Притч., 1, 7). Трудно, чтобы, симъ необузданный, человекъ могъ удержать непристойныя склонности, которыя, совѣмъ тѣмъ, непрестанно воюють на разумъ. Положимъ, что откровенно и по наружности будетъ притворять себѣ нѣкоторый видъ честности, боясь наказанія отъ законовъ правительства. Но, коли страха Божія нѣтъ, онъ наполненъ будетъ непристойными мыслями и вредными намѣреніями, которыя при всякомъ скрытомъ случаѣ будетъ стараться производить въ дѣло, а, связавъ уздою страха Божія худыя человѣческія хотѣнія, онъ отворить чрезъ то невозбранный путь ко всякому честному дѣлу. Послѣ сего безирепятственно можно будетъ приводить всякаго къ наукамъ и художествамъ, смотря по состоянію, по способностямъ, по склонностямъ, по лѣтамъ и по другимъ обстоятельствамъ.

Подлинно, полезны науки, но полезны и искусства. Науки просвѣщаютъ мысль, искусства не допускаютъ до душевнаго расслабленія; науки показываютъ путь ко всякому добру, искусства, дѣйствительно, тѣмъ пользуются; науки наставляютъ, какъ избирать доброе житія состояніе,—искусства самымъ дѣломъ въ томъ состоять. Я могу прибавить въ похвалу искусствъ и то, что науки легко можно употребить во зло, и злоупотребленныя причиняють великій вредъ; а искусства, не знаю, можно ли употребить во зло,—и потому они полезны всегда. Честный художникъ съ кротостію сидитъ въ своемъ уединеніи при благословенномъ дѣлѣ, и тѣмъ пользуется себя, пользуется общество и духомъ своимъ премудраго поета Творца.

Такъ кто же теперь не видитъ, что, ежели младенецъ по изъясненнымъ нами основаніямъ будетъ воспитанъ, не сомнительно можемъ надѣяться, что онъ имѣетъ быть добрый христіанинъ, честный гражданинъ, бережливый домостроитель, вѣрный другъ, надежный сосѣдь, пріятный товарищъ? Всего сего тѣмъ удобіе можемъ надѣяться отъ дѣтей, что ихъ и память тверда, и силы свѣжи, и члены проворны, и удобно могутъ въ послушаніе приведены быть,

Но почто много говорить мнѣ о воспитаніи, слушателей моихъ утруждать рѣчью о томъ, чего самую вещь они видятъ передъ своими очами? Никто столь совершенно не понимаетъ пользу воспитанія, сколько Ваше Императорское Величество, дражайшая Всероссійская Матерь! Ибо, что мы говорили о воспитаніи словомъ, то Ваше Величество исполнили самымъ дѣломъ. Изъ многихъ Вашего Величества обществу преполезныхъ дѣлъ не знаемъ, которое изъ нихъ предпочесть одно другому: столь они превосходны всѣ!

Сія, основанная Вашимъ Величествомъ, Академія Искусствъ, трудно сказать, больше ли есть доказательство милосердія Вашего къ подданнымъ, или мудрости въ изобрѣтеніи столь честнаго способа

къ благополучію ихъ. Ваше Величество, воображая обширность своего владѣнія и пользу художествъ, которая втекаетъ во всѣ государственныя состоянія, посвятили сіе мѣсто исполненію сего спасительнаго намѣренія; а дабы все сіе было надежнѣе, не оставили въ уваженіе принять и первую должность воспитанія. За сіе высокоmaterнее попеченіе одолженными Вашему Величеству признають себя Церковь, отечество, юношество; и я сознаю себя слабымъ, чтобы могъ довольно изъяснить ихъ благодарность. Церковь имѣеть отсюда ожидать добрыхъ христіанъ, отечество—честныхъ гражданъ; а сами юноши, почитая себя одолженными своимъ родителямъ просто жизнию, будутъ одолжены Вашему Величеству доброю жизнью. Они жалуется на свою натуру, что не успѣшила она дать имъ столько способности, чтобы могли изъяснить словомъ то, что чувствуютъ они въ сердцѣ. Но недостатокъ ихъ, по возможности, дополняетъ отечество, желая Вашему Императорскому Величеству благополучнаго царствованія, должайшей и ненавѣтной жизни и спасенія души. При чемъ и всѣ мы молимъ премилосерднаго Господа, дабы Онъ увѣнчалъ сіе благословенное Ваше тѣсаніе дѣйствительнымъ плодомъ. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

(О ПОЛЬЗѢ УЧЕНІЙ).

„Положите на сердцахъ вашихъ, не прежде поучатися отвѣщавати“.

(Лук., гл. 21, ст. 14).

Мудролюбивые мужи разсуждаютъ, отчего человѣку надобно свое исправленіе начинать—отъ разума или отъ воли, и почти всѣ согласны въ томъ, что—отъ разума. Причину тому даютъ сію, что воля или сердце исправно тогда, когда оно желаетъ добра, и отвращается зла; а нельзя, де, ни добра желать, ни зла отвращаться, не имѣя просвѣщеннаго понятія о добрѣ и злѣ. Но вѣчная премудрость, Евангеліемъ проповѣдуемая, кажется, учить противное тому. „Положите,—говоритъ она,—на сердцахъ вашихъ, не прежде поучатися отвѣщавати“, то есть, старайтесь прежде снискать честность души, а витійство словъ и просвѣщеніе ума будутъ даны вамъ послѣ. Однако, въ сихъ противностяхъ нѣтъ противности: ибо, хотя конецъ какого-нибудь дѣла испол-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ придворной церкви, 1765 года, сентября 20 дня.

няется послѣ, но въ намѣреніи оны—прежде. Такъ и добронравіе, хотя слѣдуетъ за прозвѣщеніемъ разума, однако, въ намѣреніи должно быть оно прежде: понеже для того надобно учиться, дабы украсить себя честно-стію нравовъ; и ежели бы не предположить сего конца, то не нужны, по крайней мѣрѣ, суетны были бы все ученія. И потому справедливо совѣтуетъ Евангеліе, чтобы всякъ изъ насъ положилъ на сердце своемъ—„не прежде поучатся отвѣщать“. Но, къ большому изъясненію истины сей и къ умноженію свѣтлости торжественнаго сего дня, разсудимъ мы обстоятельнѣе „о пользѣ ученій“. А Ты, Отче свѣтовъ, изъ Божественныхъ Твоихъ сокровищъ открой намъ безвѣтная и тайная премудрости Твоея!

Излишне было бы доказывать, что ученія пристойны человѣку: ибо подъ именемъ ученія разумѣемъ мы познаніе истины; а человѣкъ одаренъ разумомъ, то есть, способностью познавать истину. Печему если бы кто отвергалъ ученіе, тотъ не только отвергалъ бы разумъ, но долженъ бы отказаться и самаго человѣчества.

Во-первыхъ, ученіемъ мы снискиваемъ просвѣщеніе мыслей. Отворено предъ нами зрѣлище Создательныхъ премудрыхъ дѣлъ: закроемъ ли мы предъ нимъ очи свои, и не наче ли въ нѣкоторомъ восторгѣ возопіемъ: „яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи“ (Псал., 103, 24), „полны суть небо и земля славы Твоея“? А ученія отверзаютъ намъ дверь въ сей священный храмъ: при руководствѣ ихъ мы узнаемъ начало вещей, порядокъ, союзъ, дѣйствія, конецъ и пользу; снискиваемъ понятіе о составѣ міра, о стихіяхъ, о теченіяхъ свѣтилъ небесныхъ, о явленіяхъ воздушныхъ, о свойствахъ тѣлъ, о животныхъ и о разныхъ ихъ родахъ, растущихъ изъ земли и объ ихъ видахъ, а напаче о самихъ себѣ, о добродѣтели и порокахъ и объ ихъ добрыхъ или худыхъ слѣдствіяхъ. Да еще крылами ученій мы возлетаемъ и къ истинамъ высочайшимъ, которыми приближаемся къ неприступному Божеству и разсматриваемъ красоту несозданную. О, koliko богатство благодти Божіей! кака я изобильная трапеза представляется въ наслажденіе наше! И хотя мы понимаемъ очень мало, но и сіе малое сколь есть велико для насъ! При томъ, будемъ ли мы извинительны, ежели бы и малое сіе захотѣли терять нерадѣніемъ своимъ?

Да что нужды входить въ такія подробности? — можетъ сказать кто. На сіе отвѣствуемъ: нужда—та, чтобы силу нашей души не оставить безъ дѣйствія, чтобы искру нашего ума не погасить, чтобы удивиться премудрости Божіей, чтобы, вникнувъ въ союзъ вещей, усмотрѣть, какъ мы тутъ же связаны, и изъ того познать, куда намъ намѣреніями своими и дѣлами клониться надобно.

А когда человѣческій разумъ обогатится познаніемъ истины, рождается изъ того внутреннее удовольствіе, ибо всякая истина сама

через себя есть красоты неизглаголанной. „Она есть сіяніе дѣла присносущнаго и непорочноѣ зеркало Божія дѣйствія и образа благодати Его; она благолѣпнѣе солнца и превосходитѣ всякаго расположенія звѣзд“ (Премудр., 7, 26, 29). Такъ какому же надобно быть удовольствію въ сердцаѣ того, который наслаждается симъ сокровищемъ?—по истинѣ, великому. Несмотря на сіе, въ Притчахъ пишется: „яждь медь, сыне, благъ бо есть сотъ, да насладится гортань твоя: сиче уразумѣши премудрость душею твоею“ (Притч., 24, 13, 14). Услажденіе сіе растеть по мѣрѣ познанія; чѣмъ больше кто познаеть и чѣмъ выше восходитъ познаніемъ, тѣмъ больше умножается внутреннее удовольствіе.

Однако, со вѣмъ тѣмъ, познаніе наше здѣсь есть низко и недостаточно: тягостію тѣла обременяется духъ нашъ, и страстей смущеніемъ притуляется острозрительность ума нашего. Но когда сложимъ съ себя тягостное бремя плоти сей, когда соединимся съ чистѣйшимъ существомъ Божиимъ, тогда въ несозданномъ свѣтѣ Его узримъ свѣтъ незаходимый. Ибо въ жизни сей,—по Апостольскимъ словамъ,— „отъ части разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ: егда же придетъ совершенное, тогда, еже отъ части, упряднится“ (1 Корине., 13, 9, 10), то есть, пропадетъ, такъ, какъ пропадаетъ капля, падшая въ море. И потому здѣшнее познаніе есть часть познанія небеснаго; слѣдовательно, и настоящее удовольствіе есть нѣкоторое предчувствіе будущаго безконечнаго наслажденія. Такъ не видимъ-ли мы превосходства ученій? При отшествіи нашемъ въ вѣчность, богатство здѣсь оставимъ, съ почестями разстанемся, съ увеселеніями простимся; а свѣтъ ума, который мы снискали ученіями, не только не погаснетъ, но паче возсіяетъ. Но сойдемъ мы паки съ небесныхъ круговъ на земный сей шаръ.

Ученія не только услаждаютъ наше сердце, хотя и сіе есть нужная часть блаженства человѣческаго: ученіями мы приобрѣтаемъ себѣ разныя житейскія выгоды, какъ въ разсужденіи общества, такъ для всякаго особъ. Въ разсужденіи общества, отъ ученія происходятъ добрые законы, ими хранится правосудіе, благословляется земледѣліе, процвѣтають торги, избобрѣтаются художества, содержится въ порядкѣ воинство, и, при твердой безопасности, царствуетъ глубокой миръ.

Явился нѣкогда Богъ младому Соломону и, въ полномъ величествѣ славы Своей, сказалъ ему: „проси, что хоцеши себѣ“ (3 Царств., 3, 5). Сей порфиноносный отрокъ, еще не имѣя данной себѣ премудрости, показалъ духъ достойный премудрости; желаніе сердца своего онъ изъяснилъ сими словами: „Азъ есмь отрокъ малъ, и не вѣмъ исхода

моего и входа моего“: даждь рабу Твоему сердце смыслено слышати и судити люди Твоя въ правдѣ, еже разумѣвати посредѣ добра и зла“ (3 Царств., 3, 7, 9). И угодно было сіе слово предъ Господомъ: Соломонъ получилъ сокровища премудрости, а съ ней снискалъ себѣ богатство и славу, а подданнымъ тишину и благоденствіе.

Тотъ же самый Божій гласъ вопіеть и всякому изъ насъ: „проси, что хощеша себѣ“. На сей снисходительный привѣтъ Господень кто не воскликнулъ бы съ радостью: „Боже Отцевъ! Даждь миѣ при Твоихъ престолахъ сѣдящую премудрость и не отрини мене отъ отроковъ Твоихъ“ (Премудр. Солом., 9, 4)?! Ибо, вкупѣ съ премудростью, приходятъ вся благая. Мужъ, одаренный разумомъ, порядоченъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, прилеженъ въ домостроительствѣ, гнушается роскошью, удаленъ и отъ скупости, въ отправленіи своей должности не принужденъ, въ обхожденіяхъ приятенъ, во всякихъ случаяхъ остороженъ. Ученіе въ счастьи—украшеніе, въ несчастіи—утѣха, въ скудности—богатство, въ трудахъ—покой, въ затрудненіяхъ—совѣтникъ, въ пути—товарищъ, въ уединеніи—сладкій другъ, въ богомыслияхъ—вождь къ Богу, ходатай къ соединенію съ Нимъ. Но, не входя въ подробныя похвалы премудрости, надобно заключить Соломоновыми словами: „долгота житія и лѣта жизни въ десницѣ ея, въ шуйцѣ же ея богатство и слава: отъ устъ ея исходитъ правда, законъ же и милость на языкѣ носить. Путіе ея путіе добри и вси стези ея мирны. Древо живота есть всѣмъ держалимся ея, и поклоняющимся на ню, яко на Господа тверда“ (Притч., 3, 16, 17, 18).

Не достало бы намъ дня сего, ежели бы исчислять всѣ плоды ученія. Но, присемъ, не надобно позабыть онаго, положеннаго въ заглавіи нашей рѣчи, евангельскаго слова, которое напоминало, чтобы положить на сердце своемъ—„не преждепоучатися отвѣщавати“, то есть, чтобы мы объ истинѣ мудрствовали не словами, а дѣлами. Ибо сіе доказываетъ, что самый лучший плодъ и нужный конецъ всѣхъ ученій есть честность нравовъ и добродѣтель: безъ сего всѣ науки суетны и труды бесполезны. Ежели кто къ ученію прилежитъ, а нерадитъ о добродѣтели, тотъ нечувствительно самъ старается, какъ бы снисканное ученіе потерять; и потому онъ дважды бѣденъ: первое, что лишень добродѣтели,—второе, что трудится все.

Къ отвращенію сего, Евангеліе употребляетъ всѣ силы: оно учитъ, что „никто же вжегъ свѣтильникъ, поставляетъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ, иже въ храмниѣ суть“ (Мат., 5, 15). „Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любви же не имамъ, быхъ яко мѣдъ звѣнящи, или кимваль звяцаий. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру,

яко и горы преставляти, любви же не имамъ, ничто же есмь“ (1 Коринѣ., 13, 1, 2). Да и во многихъ мѣстахъ Писанія Духъ Святыи оуждаеть ученія въ тѣхъ людяхъ, которые, надымаясь пустымъ знаніемъ вещей, о благочестіи и добродѣтели мало думаютъ. Такъ-то самое лучшее Божественное дарованіе, чрезъ злоупотребленіе человѣческое, можетъ быть случаемъ худыхъ слѣдствій!

Не удивительно, что невѣжество есть источникъ многихъ не порядковъ, суевѣрствъ и развращеній. То же самое случается и съ тѣми, которые и учатся, да не тому, чему бы надлежало, или и тому, да не такъ употребляютъ оное. Многіе, оставивъ источники Израилевы, черпаютъ изъ кладязей погибельныхъ; многіе, только помазавши губы науками, высоко о себѣ мечтаютъ. Сія досадная мечта о себѣ рождаетъ излишніе вымыслы и затѣи, изъ которыхъ часто выходитъ безобразное и нелѣпное. Отсюда же высказываютъ непомѣрные любопытства и, слѣдовательно, сомнѣнія въ несомнительныхъ вещахъ; а оттуда проникаетъ часто развращеніе, а нерѣдко и безбожіе. Сіе-то разсуждая, премудрый Павелъ написалъ, что „разумъ кичить, а любви созидаетъ“ (1 Кор., 8, 1), то есть, высокія знанія могутъ быть причиной пустой пышности, а непорочная совѣсть полезна для всѣхъ. И потому, не знаю я, невѣжество ли, или такіе высокоумѣрные умы больше причиняютъ вреда; не знаю, не лучше ли грубость, соединенная съ постоянствомъ, нежели ученая вѣтренность: ибо не все то, что блещетъ, есть злато. Остается убо всѣмъ послѣдовать Евангельскому совѣту, чтобы „не прежде поучаться отвѣщавати“, то есть, хотя и прилежать къ снисканію наукъ, да такъ, чтобы притомъ не выпускать изъ виду добродѣтель.

При окончаніи разсужденія сего, обращаю слово мое къ Августѣйшему Вашего Императорскаго Величества лицу. Я увѣренъ, что мудростію всякаго слова Вашего Величества дѣйствительнѣе знаменитый примѣръ, которымъ и пользу просвѣщенія утверждаете, и злоупотребленіе суемудреннѣхъ приводите въ стыдъ. Ваше благоразумное правительство ясно доказываетъ, источникъ какихъ плодовъ есть просвѣщенная душа. Ваша неутомимость въ трудахъ можетъ и самаго лѣниваго возбудить къ должности своей; Ваше усердіе къ благочестію сильно согрѣтъ и самыя холодныя въ вѣрѣ сердца. Свѣтильникъ Вашъ не сокровенъ подъ спудомъ, но поставленъ на златомъ свѣщникѣ благовѣрнаго царствованія и свѣтитъ всему сѣверу, достигаетъ до послѣднихъ краевъ востока, или паче до концевъ земли. Возведи окрестъ очи Твои и виждь собранная чада Твоя, съ колѣкимъ благоговѣніемъ наслаждаются матерняго Твоего взора, но не могутъ насладиться. Море служитъ Тебѣ, принося богатство иныхъ странъ; земля, удобряемая раченіемъ Твоимъ, благославляетъ Тебя плодами; рѣки плещутъ Тебѣ руками съ веселіемъ; грады ближайшіе и отда-

ленные покоятся подъ сѣнью Твоего самодержавія, разные народы провозглашаютъ славу Твою разными языками; а все вкупѣ, возводя къ небу руки свои, призываютъ на главу Твою все благословенія Господни. Да возрадуется убо душа Твоя о сихъ благодѣяніяхъ Божіихъ о Тебѣ, и въ веселіи сердечномъ да поеть предъ Нимъ съ Псалмопѣвцемъ: „Тебѣ пожру жертву хвалы: отверзите мнѣ врата правды, вшедь въ ня исповѣмся Господеви“ (Псал., 49, 14; 117, 19).

Но минемъ ли мы первый предметъ радости Твоей и нашей, Его Императорское Высочество, виновника нынѣшняго нашего торжества? Богъ вѣчный, взирая съ высоты Свѣтлѣ Своея и вида Тебя, Великая Государыня, трудящуюся въ вертоградѣ Россійскомъ. Своими нетлѣнными устами рекъ: „въ вѣкъ сохранию ей милость Мою, и завѣтъ Мой вѣренъ ей“ (Псал., 88, 29). Мудрость продолжу въ благороднѣйшей крови ея и труды ея утвержду въ благословенномъ Наслѣдникѣ ея. Сіе небесное увѣреніе да наполнитъ райскимъ веселіемъ сердце Вашего Величества, да ободритъ душу Вашу и къ будущимъ подвигамъ.

Да внимаеть же сіе и Твой духъ, Благовѣрный Государь Цесаревичъ! Богъ, Богъ всехъ временъ, положилъ Тебѣ нынѣшній день основаніемъ двѣнадцатаго года. Солнце, теча по зодіаку, чѣмъ выше поднимается тѣмъ большій жаръ испускаеть смертнымъ: и Ты, восходя на высоту теченія лѣтъ, согрѣвай желанія наши благою надеждою. Когда наступаетъ весна, птицы своимъ сладкопѣніемъ оглашаютъ воздухъ, земля покрывается цвѣтами, и малѣйшія животныя начинаютъ трудиться, приготавливая себѣ пищу для будущаго времени. Нынѣ—весна лѣтъ Твоихъ: цвѣты премудрости Твоей да процвѣтають, и благовоніе Твоихъ разсужденій да разливается по нашимъ чувствамъ, дабы мы въ свое время могли собрать благословенную жатву. Не для того сіе говоримъ, чтобы мы не увѣрены были о Твоихъ великихъ успѣхахъ въ наукахъ; никакъ. Но да будетъ простительно наше желаніе, что оно ненасытимо,—что мы, видя въ Тебѣ великое, желаемъ и надѣмся еще большаго; и въ сей радостной надеждѣ поемъ: „се, зима прейде, дождь отъиде, отъиде себѣ, цвѣти явишася на земли, время обрѣзанія приспѣ, гласъ горлицы слышанъ бысть въ земли нашей“ (Пѣсн. 2, 11—12).

Боже Святой и во святыхъ почивай! Сіи священныя особы—Всеавгустѣйшую Монархину нашу и дражайшаго Сына ея благослови небеснымъ Твоимъ благословеніемъ: Духъ Твой Святой да найдетъ на нихъ, и сила Твоя да освѣняетъ Ихъ. Аминь.

Слово въ недѣлю двадцать шестую по Пятидесятницѣ *).

„Что сотворю, яко не имамъ гдѣ собрати плодовъ Моихъ“?

(Лук., гл. 12, ст. 14).

Много человекъ самъ себя беспокоить. Иной, не безъ причины жалуясь, говоритъ: „что дѣлать? не имѣю, чѣмъ проводить бѣдную свою жизнь“; а нѣнѣшній богачъ, не меньше жалуясь, самъ въ себѣ размышляетъ: „что дѣлать? не знаю, гдѣ мнѣ дѣвать богатство свое“. Одинъ мучится скудостію, другой беспокоится изобиліемъ: разныя причины, но производятъ одно дѣйствіе. Однако, не скудость есть причина безпокойства, но малодушіе; также не изобиліе вещей есть причина заботы, а ненасытное желаніе. Но, какъ бы то ни было, возможно сіи противныя жалобы согласить. Ежели недостатки скуднаго растворить излишествомъ богатаго, то у обоихъ останется умѣренность; слѣдовательно, тотъ и другой долженъ перестать беспокоиться. Такъ почто же было тебѣ, богачъ, думать ломать житницы свои? почто предпринимать столько труда? Алчныя утробы бѣдныхъ суть безопасныя житницы богатства твоего: руками убогихъ, отъ тебя снабдѣнныхъ, можешь построить себѣ не житницы на земли, но хранину нерукотворенну. вѣчну на небесѣхъ.

Однако, со всѣмъ тѣмъ, какъ нельзя не имѣть никакого попеченія о нуждахъ житейскихъ, такъ не полѣнимся изслѣдовать, *какіе надобно положить предѣлы нашимъ желаніямъ въ разсужденіи богатства?* А Ты, въ милости богатый Господи, дѣйствіемъ истины Твоей открой завѣсу нашихъ мыслей и управь сердце наше къ одному совровищу, которому не прикасается тлѣніе.

Различныя житейскія нужды неотмѣнно требуютъ отъ насъ пристойнаго попеченія о содержаніи своемъ: „никто же бо когда плоть свою возненавидѣ, но ищетъ и грѣшетъ ю“ (Ефес., 5, 29). И потому нельзя сказать, чтобы со всѣмъ возбранено было стараться о пользѣ своей и искать себѣ честнымъ образомъ прибытковъ. Но паче святой Апостоль повелѣваетъ, что, ежели кто не трудится, тотъ да не ястъ (2 Сол., 3, 10); да и самъ онъ, днемъ упражняясь въ проповѣди, ночь не спавъ, сидя при руководствіи своемъ и промышляя о пищѣ слѣдующихъ дней (2 Сол., 3, 8). Но было и много богатыхъ, которые, при великомъ своемъ изобиліи, не потеряли и богатства добродѣтели. Понеже

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1785 года, ноября 20 дни.

скудость и богатство суть среднія вещи, которыя употреблены быть могутъ на добро и зло; и для того справедливо Сирахъ говоритъ: „добро есть богатство, въ немъ же нѣсть грѣха, и зла есть нищета во устахъ нечестиваго“ (Сирах., 13, 30). А когда Евангеліе сказываетъ, чтобы мы не пеклись объ завтрашнемъ днѣ (Матѣ., 6, 34), симъ не запрещается всякое и умѣренное попеченіе, но запрещается попеченіе чрезмѣрное, когда кто, на подобіе безсловеснаго животнаго, думаетъ единственно о тѣлесномъ насыщеніи и о прибыткахъ, оставивши попеченіе о благочестіи и о честности. Въ томъ же разумѣ велѣно намъ взирать и на птицъ небесныхъ (Матѣ., 6, 26), чтобы мы не думали, аки бы все зависѣло токмо отъ нашего тщанія, но ваче увѣряли бы себя, что все бываетъ по волѣ Промысла Божія, Который благословляетъ нашъ трудъ.

По сіе есть несчастіе человѣческаго рода, что рѣдко когда мы можемъ сохранить свои мѣры. Оное справедливое попеченіе о нуждахъ своихъ часто обращается въ студный порокъ корыстолюбія, сребролюбія, непоумѣрной заботливости, скупости и роскоши.

Сіе бываетъ, когда, *во-первыхъ*, человѣкъ желаетъ больше, нежели сколько ему надобно. Хотя, подлинно, трудно опредѣлить, сколько кому имѣть надлежитъ, а наипаче ежели разсуждать различность состояній; однако, не трудно примѣтить ненасытное желаніе. Извѣстно, что всякому надобно имѣть нѣсколько одежды, не для нищности и гордости, но для прикрытія наготы и для согрѣтія немощнаго тѣла. Надобно имѣть пищу и питіе, не для пресыщенія и пьянства, но чтобы утолить гладъ и жажду и подкрѣпить изнуренныя трудомъ силы. Надобенъ домъ не для увеселенія очесъ, не для насыщенія, надменнаго мечтанія, но чтобы защитить себя было гдѣ отъ воздушныхъ безпокойствъ. Надобна нѣкоторая частица земли для своего пропитанія и для всякихъ житейскихъ выгодъ. Вотъ—наши нужды, и, хотя онѣ теперь не все подробно исчислены, однако отсюда можно довольно узнать, что попеченія наши должны быть умѣренны.

Но надобно ужаснуться, когда посмотрѣть, сколько заботится смертный человѣкъ: днемъ ломаетъ голову, ночью не спитъ и сохнетъ отъ непрестанныхъ думокъ. Иной множеству одеждъ не полагаетъ числа, другой въ приготовленіи разныхъ родовъ пищи и питія не знаетъ мѣры, третій въ строеніи огромныхъ зданій превосходитъ всякую надобность, четвертый желанію расширить свои владѣнія не полагаетъ никакихъ границъ. Почто столь много безпокоишь себя, человѣче, и непоумѣрно стараешься о томъ, что есть излишне и потому бесполезно? Весьма великій сапогъ не годится на ногу твою, понеже препятствуетъ хожденію твоему: подобно, и излишнія заботы не сходны съ твоимъ составомъ,

который, по премудрому Создателю расположенію, можетъ быть доволенъ малымъ. Но, когда посмотрѣть на твои деннонощныя суеты, можно не безъ причины подумать, что ты или не такъ понимаешь себя, или считаешь себя безсмертнымъ, или не вѣруешь Божію Промыслу, Который и малѣйшую птицу питаетъ и полевой цвѣтъ украшаетъ. Такіе ненасытные люди сожалѣнія достойны, что столь много, а напрасно, себя беспокоятъ; но притомъ и досадны, что, сами излишествомъ всякимъ изобилуя, попускаютъ другимъ истаять отъ скудости, а иногда и всякаго проклятія достойны, когда раззореніемъ другихъ обогащаютъ себя и на развалинахъ убогихъ свои расширяютъ зданія. И сей есть первый способъ не позволительнаго корыстолюбія.

Второе, когда кто, думая о прибыткахъ, позабываетъ то, въ чемъ больше есть надобности и пользы, то есть, обогащать душу свою благочестіемъ и добродѣтелію. Перазумный человѣкъ! ты оставляешь большее, а ищешь меньшаго,—проходишь вѣчное, а бѣгаешь за временнымъ,—думаешь о деньгахъ, а теряешь сокровище некрадомое, каковое есть свѣтъ разума и непорочные нравы. Не душа ли больше есть пищи и тѣло одежды? О такихъ-то нынѣшнее Евангеліе сказало, что они „въ себя, а не въ Бога богатѣютъ“ (Лук., 12, 21).

Третье, когда кто, собирая богатство, надѣется во время несчастія защитить имъ себя. О, суетная надежда! отъ несчастія думаютъ избавиться тѣмъ, что бываетъ причиною несчастія. „Богатый, говоритъ святой Златоустъ, окруженъ ненавистниками и навѣтниками: всѣмъ раблѣнствовать, всѣмъ ласкательствовать принужденъ бываетъ“. Да и подлинно, въ судахъ неправедные судіи пристально смотрятъ на богатаго, въ домахъ вору окрадываютъ, на дорогахъ разбойники нападаютъ. Многіе думали, собравши богатство, пожить при всякомъ довольствѣ, но нечаянно раззорились. Многіе, не прилежа о воспитаніи дѣтей, думали снабдить ихъ имѣніемъ, но дѣти, получивъ имѣніе, промотали. Многіе надѣялись, собравши богатство, повеселиться, но, между тѣмъ, застигла или печальная старость, или напали болѣзни, причиною которыхъ были безвременныя заботы. Иные думали богатствомъ нажить себѣ пріятелей; но кто не знаетъ, сколь надежны пріятели, купленные деньгами!? А то уже и смѣшно, что многіе берегутъ деньги, какъ сказываютъ, на смерть, чтобы было, чѣмъ погребетись. Сіе не для того говорятъ, акибы они много о смерти думали, ибо извѣстно, что ничего такъ сребролюбецъ не боится, какъ смерти; но чтобы сдѣлать нѣкоторый видъ неурстойнымъ желаніямъ своимъ. И такъ смерть, вмѣсто того чтобы отвращать ихъ отъ сребролюбія, сдѣлалась нечаяннымъ случаемъ къ сребролюбію. Послушайте же вы, плѣненные сею страстію: „не пользуютъ имѣнія въ день ярости“ (Притч., 11 4). Но пускай такъ, что аки бы можно было деньгами отъ несча-

стія откупиться. Со всімъ тѣмъ, надежиѣе полагаться на добродѣтель, которая не только отъ несчастія избавить, но и не допустить до несчастія можетъ. Но пойдѣмъ далѣе.

Четвертое, и тотъ безчеститъ себя порокомъ корыстолюбія, который безразсудно думаетъ, что все зависитъ отъ его трудовъ, а не паче отъ благословенія Божія. Такихъ людей не трудно примѣтить. Если кто въ работѣ не даетъ себѣ отдыху съ видимымъ поврежденіемъ своего здравія; кто не говоритъ ни о чемъ другомъ, какъ токмо о прибыткахъ; кто не отъ суеты отстаетъ въ праздничные дни, во дни, посвященные на богослуженіе, — такового, безъ сомнѣнія, за корыстолюбца почитай. И часто случается, что, такимъ образомъ снисканное, имѣніе въ одинъ часъ пропадаетъ. Дождь, громъ, молнія, потопленіе, хотя, подлинно, суть дѣйствія естественныя, но, притомъ, они часто служатъ своему Создателю орудіемъ къ наказанію нечестивыхъ. Кто никакихъ трудовъ не жалѣетъ для прибытковъ, а не думаетъ о благочестіи и добродѣтели: тотъ, положимъ, что изыскиваетъ, на примѣръ, сто способовъ обогатить себя, но между тѣмъ теряетъ тысячу способовъ сохранить богатство свое.

Пятое, когда кто къ богатству пристрастенъ такъ, что не хочетъ никогда разстаться съ нимъ, не памятуя того, что мы какъ наги вошли въ міръ сей, извѣстно, что наги и выйдемъ. И потому надлежитъ съ вещами міра сего поступать такъ, какъ пристойно страждущимъ, то есть, пользоваться ими, но притомъ готовымъ быть всякій часъ оставить ихъ. Такіе, къ имѣнію пристрастившіеся, люди весьма бываютъ жалки во время смерти: беспокоятся, что принуждены оставить любезнѣйшую въ жизни вещь, а притомъ терзаются воображеніями, не зная кому-то достанется. Въ срединѣ сего волненія повѣтъ буря ужасной смерти и, разбивъ корабль, разсыплетъ всѣ мечтанія. „Часто я смѣялся, говоритъ Златоустъ, „когда читалъ духовныя, въ которыхъ умирающей другимъ оставляетъ то и то“. Но хотѣлъ бы онъ или не хотѣлъ, долженъ все оставить. А иные, чему опять смѣяться можно, нѣкоторымъ страннымъ образомъ ничего не оставляютъ. А какъ? — закапываютъ въ землю и при смерти завидуютъ въ невозможномъ. Такіе, когда умираютъ, не они богатство оставляютъ, но богатство оставляетъ ихъ.

Шестое, вотъ — еще новыи родъ корыстолюбцевъ: нѣкоторые непрестанно собираютъ богатство, а не имѣютъ ничего. Разумѣю я скупыхъ; скупыхъ, говорю, которые не — владѣтели имѣнія своего, но бѣдные приставники; они богатство собираютъ, чтобы больше собирать. Сей идолъ у нихъ есть неприкосновенный, которому они жертвуютъ всю свою жизнь. Такіе люди, кому кажутся смѣшны, а миѣ жалки;

трудятся, потѣютъ, суетятся, въ день беспокоятся, всю ночь свои кладовыя осматриваютъ, а, совсѣмъ тѣмъ, ходятъ въ раздранныхъ рубищахъ, живутъ поангельски, почти ничего не ѣдятъ, не пьютъ, жена не одѣта, сынъ брошенъ безъ воспитанія, бѣгають отъ пріятелей, чуждаются сродниковъ и весь свѣтъ мотовствомъ порицають, въ одеждѣ срамны, въ обхожденіяхъ задумчивы и отъ непрестаннаго мыслей напряженія безкровны. „А кто себѣ золь, кому добръ будетъ“ (Сирах., 14, 5)? написалъ Сирахъ. Си-то подобны оному баснословному Танталу, который стоялъ въ водѣ по горло, а напиться не могъ. Кажется, за сей порокъ не должно имъ другого ожидать наказанія, кромѣ собственнаго своего мученія.

Но время перемѣняетъ видъ свой. Какъ стали люди просвѣщенные и учтивость знающіе, гнушаться начали скупости порокомъ; но, какъ говорятъ, изъ огня въ воду. Многіе, вмѣсто скупости, обожили блистательную роскошь, или, простѣе сказать, мотовство. Изрядная добродѣтель! не знаю, что изъ нихъ одно другому предпочесть. Скупость беспокоитъ своего рачителя, роскошь влечетъ за собою цѣлый полкъ болѣзней; скупость не пользуется своими трудами, роскошь похищаетъ чужіе труды; та отягощаетъ или стѣсняетъ человѣческое сердце, сія расслабляетъ всѣ душевныя силы. Скупость вредитъ тому, кѣмъ она владѣетъ; а роскошь нерѣдко цѣлыя государства раззоряетъ. И потому повѣтріе роскоши едва ли не смертоноснѣе: ибо не такъ удобно скупость, какъ роскошь сообщаетъ ядъ свой.

Напоследокъ, связываемъ себя порокомъ корыстолюбія тогда, когда временнаго богатства не употребляемъ на приобрѣтеніе богатства вѣчнаго. Итъ лучшаго торга, какъ купить за временное вѣчное и за тлѣніе—нетлѣнное; а сей торгъ бываетъ, когда отъ имѣнія своего снабжаемъ бѣдныхъ, увѣчныхъ, обиженныхъ, немощныхъ, сродниковъ, пріятелей и всѣхъ ближнихъ приобѣгающихъ къ намъ. Ибо въ такомъ случаѣ богатство не только не есть безчестно, но еще ходатайствуетъ намъ безчисленныя Божіи благословія.

И потому и удобно заключить, что, ежели кого Богъ благословилъ богатствомъ, и онъ не причастенъ нынѣ, сказанныхъ нами, пороковъ, тотъ можетъ со дерзновеніемъ сказать душѣ своей: душѣ, „имаша блага многа“, имѣешь богатство, которымъ стада бѣдныхъ щитаются,—„блага лежаща на лѣта долга“: ибо, такъ употребленное, богатство и по смерти не оставитъ тебя, но препроводитъ въ небесныя обители: яждь съ благословеніемъ, пей съ благодареніемъ и веселись предчувствіемъ блаженной надежды. Аминь.

Слово на Новый, 1766 годъ *).

Проходя далѣе путемъ нашей жизни, сподобился мы, возлюбленные слушатели, въ новое теченіе вещей вступити, а чрезъ то ближе къ предѣлу нашему стали,—ближе къ вѣчности стали. Окончили одинъ годъ, начинаемъ другой. Слава Тебѣ, премудрый Правитель міра, что въ безмѣрной безднѣ тѣлѣ Ты не позабылъ частицу и нашего состава, ибо „составъ мой яко ничтоже предъ Тобою“ (Псал., 38, 6). Но при семь, и остите, смущаюсь, когда вижу, что цвѣтъ лѣтъ нашихъ, напо слѣдокъ, увядаетъ, и все непрестанно къ тлѣнію приближается. Которые, яко утреннее солнце, восходили, тѣ, наконецъ, темнымъ занавѣсомъ покрываются; у однихъ уже опредѣленіе смерти на лицѣ написано, а другіе не меньше имѣютъ нужду взывать ко Господу: „скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моихъ кое есть“ (Псал., 38, 5)? О, какое сіе есть естественное таинство! Признаюсь, слушатели, что темнѣетъ свѣтъ въ очахъ моихъ, и помрачается моя мысль, когда воображаю цѣлый союзъ всѣхъ вещей, покрытый непроницаемою тьмою; а еще больше ужасаюсь, когда помышляю о безднѣ вѣчности, которая должна въ себѣ сокрыть всѣ перемѣны вещей. Но оставимъ премудрости Божіей сіи, столь высокія и для слабости нашей мало понятныя, тонкости; сойдемъ пониже: *разсудимъ, какое есть сходство между теченіемъ времени и теченіемъ нашихъ лѣтъ и дѣлъ?* И сіе слово наше посвящаемъ Тебѣ, Боже всѣхъ временъ! Да будетъ оно въ семь году благословеннымъ началомъ нашихъ благихъ дѣлъ.

Августинъ, западной Церкви учитель, говаривалъ: „что есть время, разумѣю, когда никто меня о томъ не спрашиваетъ; когда же кто спросилъ бы меня о томъ, не зналъ бы, какъ отвѣчать“. И подлинно, явственное понятіе времени не безъ трудности находятъ сами изыскатели мудрости. Однако, то извѣстно, что время не есть какая вещь, но свойство, заключаемое въ вещахъ. Міръ сей можемъ мы представить себѣ на подобіе великой рѣки, которая движется непрестаннымъ теченіемъ, и въ которой одна капля влечется за другою. Ежели бы кто на берегу сей великой рѣки сидѣлъ и замѣчалъ оныя взаимныя слѣдованія капель, тотъ дѣлалъ бы не иное что, какъ считалъ бы время, и когда бы то теченіе разсѣкалъ или на много или на мало, то изъ того происходило бы время или долгое или краткое. Мы обыкли считатьъ время по теченіямъ солнца и луны: ибо рѣдко какое тѣло

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ея Императорскаго Высочества, въ придворной церкви, 1766 года.

имѣетъ столь порядочное теченіе, какъ оныя свѣтила. Сіе и надобно для вѣрнаго исчисленія времени,—что Самъ Богъ подтверждаетъ въ книгѣ Бытійской: „Да будутъ,—сказалъ Онъ,—свѣтила на тверди небеснѣй... въ знаменія и во времена, и во дни и въ лѣта“ (Быт., 1, 14). Отсюда-то явствуетъ, что время безъ перемѣнъ быть не можетъ, и все, что подлежитъ перемѣнамъ, есть во времени; а что подлежитъ перемѣнамъ, то подвержено и тлѣнію. Красота цвѣтовъ увядаетъ; пріятная, покрывающая землю, зеленость желтѣетъ и иссыхаетъ; высокіе кедръ сокрушаются; твердые металлы съѣдаетъ ржа; всѣ животныя на воздухѣ, на землѣ и въ водѣ умирають и гниють; изъ гладкихъ полей вдругъ дѣлаются бездны, а изъ безднъ выходятъ огнедышущія горы. Гдѣ теперь—оныя, древностію прославляемыя, пирамиды, обелиски, статуи, колоссы и висячіе сады? гдѣ—бывшія цвѣтущія имперіи вавилонская, египетская, персидская, греческая, римская? Все уступило времени, все погребено подъ развалинами вѣковъ.

Изъ общей судьбы всѣхъ вещей нельзя исключить и насъ: ибо и человекъ—во времени, и всѣ его дѣла—во времени. Еще бо мы не достигли до оной блаженной вѣчности, Христомъ обѣщанной; еще не возсіяваетъ намъ то солнце, которое днемъ и ночью свѣтитъ и не знаетъ запада; еще не дошли мы до того пребывающаго града, котораго строитель и художникъ — Богъ; еще не увѣчана безсмертіемъ глава наша, еще стоимъ на пути, еще плаваемъ въ океанѣ міра сего. Какія мы тернимъ перемѣны въ семь странствій,—кто сего или на другихъ не примѣтилъ, или на самомъ себѣ не дозналъ?

Перемѣна въ насъ бываетъ или по лѣтамъ или по дѣламъ. По лѣтамъ: младенчество полно слабостей; въ среднемъ возрастѣ, ежели что уцѣлѣетъ отъ болѣзней, то създають заботы или несчастія; а несчастіямъ помогаютъ страсти; дряхлая же старость сама чрезъ себя—болѣзнь. Легли здоровы, встали больны; пошли веселы, возвращаемся смутны; теперь красивъ, завтра безобразенъ; нынѣ легокъ и проворенъ, но послѣ скоро, какъ только солнце сдѣлаетъ нѣсколько круговъ, самъ себѣ тягостенъ и несносенъ. Да и надобно ли сему удивляться, когда цѣлость нашего состава разрушается, ежели только порвется тоненькая жилочка, или остановится маленькая капелька крови. Такъ справедливо Писаніе Святое напоминаетъ намъ: „какая жизнь наша?—говоритъ оно,—царь есть, иже въ малѣ является, потомъ же исчезаетъ“ (Іак., 4, 14). Надменные и высоко о себѣ мечтающіе пусть памятують сію нашего естества слабость; а мы къ тому же прибавимъ и сіе, что жизнь наша, кромѣ всѣхъ оныхъ слабостей, еще ограничена весьма краткими предѣлами. Не успѣемъ, такъ сказать, осмотрѣться, взошедши въ сей, отъ Бога намъ построенный, домъ,—какъ вотъ и зовуть оттуда вошь.

Нѣкогда фараонъ спросилъ Іакова, отца Іосифова, сколько ему лѣтъ? Іаковъ отвѣчалъ: „малы и злы быша дніе лѣтъ житія моего“ (Быт., 47, 9). А сколько тогда ему было лѣтъ?—сто тридцать. Что говоришь ты, старче Божій! еще ли твои лѣта были кратки? О, когда бы ты зналъ, что дніе лѣтъ нашихъ едва достигаютъ семидесяти лѣтъ, а и крѣпкіе едва восьмидесяти, да и то съ трудомъ и болѣзнями! Вотъ—какая въ лѣтахъ нашихъ перемѣна!

Но придемъ въ большее умиленіе, или паче ужаснемся, когда посмотримъ на перемѣну нравовъ нашихъ. О нетвердости младенческихъ, тутъ же и отроческихъ, разсудковъ и желаній не говорю. Юность свирѣпствуетъ сладострастіемъ, мужество — честолюбіемъ, старость — корыстолюбіемъ; въ низкомъ состояніи—малодушны, въ среднемъ—недовольны, въ высокомъ—непомѣрны; въ скудости роншаемъ, въ богатствѣ суеتمدимся, въ чести надываемся, вездѣ безпокоимъ себя. Невѣжа суевѣрствуетъ, полученный все знаетъ, просвѣщенный обо всемъ сумнится. Теперь кротокъ и тихъ, черезъ часъ пылаешь гнѣвомъ и мѣшаешь небо съ землею; теперь обходителенъ, приятенъ и другъ,—завтра и холоденъ, и неприступенъ, и врагъ; нынѣ набоженъ и благочестивъ, а послѣ, сбросивъ съ себя узду страха Божія, бѣгаешь по стремнинамъ и горамъ всякихъ своевольствъ.

Разсуждая сія перемѣны лѣтъ и нравовъ нашихъ, кого мы поставимъ виною ихъ?—перемѣны нашихъ лѣтъ. Положимъ, что причиною суть неясныя Божія судьбы; но кому присвоимъ перемѣну нашихъ нравовъ? Дерзимъ ли то приписать Богу? Но ежели добросовѣстный человѣкъ не можетъ безъ сожалѣнія смотрѣть на сіе нравовъ развращеніе, то всеблагій ли Богъ благоволитъ о немъ? Ахъ, мои слушатели! Виною тому есть небреженіе наше, неосторожность и вольное порабощеніе себя страстямъ. Пускай бы мы извинительны были, ежели бы погрѣшили въ одномъ чемъ или въ другомъ по слабости своей; ибо—человѣки мы. А ежели въ порокахъ себя погружаемъ, ежели записываемъ себя невольниками страстей, ежели не дремлемъ, но на оба уха безопасно спимъ; то не остается намъ, какъ только стыдиться и краснѣть. „Азъ рѣхъ: бози есте. А вы есте плоть, духъ ходяй и не обращающаяся“ (Псал., 81, 6; 77, 39). Того ради подобаетъ намъ себя исправить, чтобы не вотще благодать Божію принять: „се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія“ (2 Кор., 6, 2)!

Но не совсѣмъ же надобно смущаться намъ. Ибо хотя во времени терпимъ мы столь много перемѣнъ, хотя время въ тлѣніе приводятъ все почти, но во времени же пакы все отрощается. При открытіи пріятной весны солнце свѣтлѣе блистаетъ, земля украшается цвѣтами, источники прозрачнѣе текутъ, древа покрываются листвіемъ и

плодами, и обновляется весь видъ естества. Между толякими, обновляемыми тѣлами одно-ли наше тѣло ислѣветъ безвозвратно?—нѣтъ, благовословенные христіане! И мы ожидаемъ тлѣнному естеству нашему обновляющей весны,—ожидаемъ, егда недостатки наши скроются при свѣтлости блаженной славы: ожидаемъ, „егда смертное сіе облечется въ безсмертіе, и тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе (1 Кор., 15, 54). Но пойдѣмъ далѣе и продолжимъ изъяснять преложеніе наше.

Время есть или прошедшее, или настоящее, или будущее. Прошедшее ничто, настоящее есть едва понимаемая точка, будущее не извѣстно. Не забудьте, что мы здѣсь сравниваемъ теченіе времени съ теченіемъ нашихъ лѣтъ и дѣлъ. Прошедшее лѣтъ нашихъ время—ничто, будущее не извѣстно, настоящее—наималѣйшій пунктъ. Можно сказать о прошедшемъ времени лѣтъ нашихъ, что оно прошло, но нельзя того сказать о нашихъ дѣлахъ: наши прошедшія дѣла не прошли. Нѣтъ, пройти они не могутъ: остались они, да и всегда останутся въ совѣсти. Добрыя дѣла всегда веселятъ, веселятъ своимъ воспоминаніемъ, веселятъ своими безсмертными плодами; а худыя дѣла всегда беспокоятъ своимъ воспоминаніемъ, беспокоятъ своими вредительными слѣдствіями. И такъ, дѣла наши не проходятъ, а хотя бы они и подлинно прошли, но паки возвращаются, добрыя—къ нашей радости, а худыя—къ нашему мученію. Для сего разогнемъ мы святую книгу. Вотъ, что тамъ написано: „въ величѣмъ дому не точію сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни; и ови убо въ честь, ови же не въ честь. Аще убо кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь, освященъ, и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованъ“ (2 Тимое., 2, 20, 21). Вы и безъ меня понимаете силу словъ сихъ. Въ обществѣ христіанскомъ суть и добрые и худые люди: одни подобны златымъ, другіе глинянымъ сосудамъ. Но изъ глинянаго сосуда не можетъ быть золотой, такъ же, какъ и изъ золотого глиняный; а изъ худого человѣка можетъ быть добрый человѣкъ, такъ же, какъ и добрый можетъ стать худымъ. Вы—сосуды златыя! вы—добродѣтельныя! вы—усыновленные Богу души! берегитесь, чтобы не потерять сіе сокровище; берегитесь, чтобы изъ сосудовъ златыхъ не стать глиняными. „Мняйся стояти, пусть блюдется, да не падеть“ (1 Коринт., 10, 12). А вы, сосуды глиняные, вы, которые охотно работаете подъ тяжкимъ игомъ порока, вспомните благородство естества своего и потщитесь изъ сосудовъ глиняныхъ стать златыми. Не знаю, можетъ ли что быть пріятнѣе, какъ видѣть, что грѣшникъ обращается отъ своего заблужденія и чрезъ то дѣлаетъ радость всѣмъ на небеси ангеламъ; напротивъ, нѣтъ плачевнѣе и горестнѣе, какъ видѣть, что хорошій человѣкъ начинаетъ становиться худымъ. И такъ, видимъ мы, что про-

шедшія дѣла возвращаются, добрыя къ нашей радости, а худыя къ нашему мученію. Что же касается до нашихъ будущихъ дѣлъ, они почти всегда бывають основаны на прошедшихъ и настоящихъ нашихъ дѣлахъ. Кто всегда ведетъ себя честно и тѣмъ какъ бы нѣкоторую привычку къ добродѣтели снискалъ; кто склонности свои привелъ въ порядокъ; кто и воображеніемъ беззаконія гнушаться приобучалъ себя, о томъ весьма надежно можемъ заключить, что онъ и впредь или нимало или весьма трудно поколеблется. Наипаче же, наши дѣла зависятъ не отъ слѣпой какой судьбины, но отъ произволенія и Божіей благодати, которая всегда споспѣшествуетъ нашимъ добрымъ намѣреніямъ.

И потому отсюда слѣдуетъ заключить, что продолженіе времени, есть продолженіе благодати Божіей къ намъ. Сіе Божіе благодѣяніе прославить въ часъ сей мы должны, ибо теперь входимъ мы въ двери новаго года. Новый годъ есть благопріятный всякому случай къ новымъ подвигамъ, къ новымъ заслугамъ, случай благословенный къ продолженію добрыхъ намѣреній, къ оказанію ревности, къ исправленію погрѣшностей: младымъ—къ снисканію просвѣщенія, старымъ—къ приуготовленію себя къ нестарѣющей жизни, грѣшникамъ—къ покаянію, праведникамъ къ большому въ добродѣтели успѣху; всѣмъ—къ исполненію своей должности.

Въ сіи златыя двери новаго года, рукою Божію отворенныя, первую Тебя, Всепресвѣтлѣйшая Монархиня наша, вводитъ Господь въ ковчѣ и Владыка всякой жизни: первую, говорю, ибо Ты—первая служительница дѣлъ Господнихъ, первое и священное орудіе рукъ Его. При входѣ Твоемъ въ сей священный храмъ времени, что Тебѣ выходитъ въ срѣтеніе, благоволи объявить намъ, намъ усердіемъ слѣдующимъ за Тобою? Но видимъ и очень ясно видимъ, что встрѣчаетъ Величество Твое трудъ и попеченіе обо всѣхъ насъ. О, повидимому, неприятная встрѣча, однако, необходимо нужная и притомъ препротождаемая удовольствіемъ совѣсти и вѣчнаго награжденія! Подвигъ прешедшаго года Ты благополучно окончила, другой слѣдуетъ. Теки, священная главо наша, теки симъ благословеннымъ путемъ. За прешедшее благодаря, весело предъ Господомъ возглашай: „Боже, въ псалтири десятиструннѣмъ воспою Тебѣ, дающему спасеніе царемъ“ (Псал., 143, 9, 10). И сіе благооспѣшество въ прешедшихъ дѣлахъ да будетъ Тебѣ несумнительнымъ увѣреніемъ и о будущемъ Господнемъ благоволеніи къ Тебѣ. А мы, что въ благодарность принесемъ за всѣ Твои благодѣянія, за всѣ труды и неуслышныя о насъ попеченія, самодержавію Твоему? что?—принесемъ усердіемъ зажженное, а вѣрностію запечатлѣнное сердце: больше сего ничѣмъ заслуги свои наградить не мо-

жемъ. Сіе признаніе недостатковъ нашихъ увеличиваетъ славу Твою.

Что же скажемъ Тебѣ, золотая вѣтвь золотого древа, благовѣрный Государь Цесаревичъ! Ты, съ теченіемъ времени, возрасташь къ радости нашей,—почему въ засвидѣтельствованіе усердной Твоей Всемощему Промыслителю благодарности, всякій часъ почитай за дражайшій случай къ умноженію внутренняго Твоего сокровища, и при восхожденіи Твоемъ на высоту лѣтъ съ большимъ сіяніемъ да блистаютъ Твои, намъ прелюбезныя, дарованія. Такимъ образомъ, весна Твоихъ лѣтъ возложить на главу Твою вѣнецъ, снѣженный изъ цвѣтовъ премудрости и добродѣтели.

Боже! въ десницѣ Твоей содержай всѣ концы земли, отворивый намъ двери новаго года, отверзи и двери правды, да вшедь въ нихъ принесемъ Тебѣ жертву благихъ дѣлъ въ вою благоуханія духовнаго, дондеже сподобимся наслаждаться Самимъ Тобою въ блаженной вѣчности. Аминь.

Слово, сказанное при погребеніи

Господина Генераль-Фельдмаршала, Сенатора, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, обоихъ Россійскихъ орденовъ, Бѣлаго Орла и святая Анны, Кавалера, бывшаго Канцлера, Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина *).

„Блаженіи мертвіи, умирающіи о Господѣ отиниѣ. Ей, глаголетъ Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ“.

(Апок., гл. 14, ст. 13).

Сей печальный гробъ представляетъ предъ очи наши общую человѣческую судьбу, которой никто изъ смертныхъ избѣжать не можетъ. Но, почто я сказалъ, избѣжать? ибо о смерти суть разныя человѣческія мнѣнія. Иные, подлинно, смерти страшатся и всемѣрно желали бы оной избѣжать; а другіе, напротивъ, не только смерти не ужасаются, но нѣкоторымъ образомъ оной и желаютъ. Одни говорятъ: „О смерти, коль горька твоя есть память?“ а другіе вопіють: „Мнѣ еже жити, Христось, а еже умрети, приобрѣтеніе есть. Увы мнѣ, яко пришельствіе мое“, то есть, странствованіе въ жизни сей, „продолжися“ (Сирах., 41, 1; Филип., 1, 21; Псал., 119, 5)! Сія разность мнѣній человѣческихъ о смерти происходитъ оттого, что одни, будучи плѣнены страстями, чрезмѣрно привязываютъ себя къ жизни сей; другіе, будучи плѣнены любовію Бога, ищутъ совершеннаго съ Нимъ соединенія. Мы, слушатели, суще чада Церкви и дѣти воскресенія, да подражаемъ при-

*) Говорено въ Невскомъ монастырѣ, апрѣля 15 дня, 1766 года.

мѣру благочестивыхъ, и небоязненнымъ духомъ должны встрѣчать приходящую смерть. Но, чтобы намъ больше увѣренными остаться въ томъ, посмотримъ, что мы чрезъ смерть теряемъ въ жизни сей и что приобретаемъ въ жизни будущей?

Смертію разрушается сей нашъ тѣлесный составъ, и душа, аки обнаженная, изъ жилища своего выходитъ. „Но вѣмы, яко аще земная наша хранина тѣла разорится, созданіе имама отъ Бога, хранину нерукотворену, вѣчну на небесѣхъ“ (2 Кор., 5, 1). Почему не о томъ скорбѣть надобно, что на время одежду тѣла скидаемъ съ себя, но паче о семъ въздыхаемъ, обещиися желающе въ жилище наше небесное.

Смертію лишаемся жизни сей, которая, сколь многими горестями есть наполнена,—кому изъ васъ не извѣстно. Чрезъ все теченіе краткой жизни сей боремся мы съ болѣзнями, съ бѣдами, съ несчастіями, а паче со страстями. Сколько въ свѣтѣ есть болѣзненныхъ Лазарей, сколько страждущихъ Іововъ, сколько несчастливыхъ Іосифовъ! Яко въ океанѣ, волнуемся житейскими попеченіями, и одна, такъ сказать, волна не успѣетъ пройти, какъ надобно встрѣчать другую. И сіи тяжкіе удары не престають насъ поражать дотолѣ, пока, напоследокъ, не опровергнуть во гробъ, яко разбитый корабль—въ пристанище. Такой жизни мы чрезъ смерть лишаемся!

Но, вмѣсто той, приобретаемъ жизнь вѣчную, безболѣзненную,—жизнь, въ которой нѣтъ страсти смущающей, нѣтъ зависти изсушающей, нѣтъ бѣдъ оскорбляющихъ, въ которой нѣтъ дряхлой старости, нѣтъ же и младенческой слабости, но состояніе присноцвѣтущее, никакимъ переменамъ неподлежащее, пребываніе блаженное, никакихъ предѣловъ неимущее, житіе непорочное отъ всякихъ несовершенствъ удаленное. Сіе въ высокой мысли своей воображая, блаженный Давидъ съ радостнымъ восторгомъ возопилъ: „Господи силъ, блаженни живущи въ дому Твоемъ: въ вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя. Лучше день единъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящъ“ (Псал., 83, 5, 11).

Смертію лишаемся мы всѣхъ всѣхъ богатствъ: ибо извѣстно, что какъ наги вошли въ міръ сей, наги и выйдемъ. Но не знаю, должно ли намъ печалиться о сей утратѣ, ежели разсудимъ, сколько надобно суетиться, чтобы приобрести ихъ, а не меньше заботиться, чтобы сберечь оныя. Ежели снискивать богатство честнымъ образомъ, надобно весьма много труда; ежели—безчестнымъ, надобно отяготить совѣсть свою; ежели его ни на что не жалѣть, надобно впасть въ безпутную роскошь; ежели чрезмѣрно беречь его, надобно обезславить себя гнуснымъ порокомъ скупости. Но положимъ, что богатство здѣсь есть полезно для всякихъ житейскихъ нуждъ; да можно ли сказать что оно теряемъ мы, когда промѣниваемъ его на богатство небесное? Не въ

нашихъ ли ухахъ слышно всегда оное Евангельское слово: „Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлѣть, и идѣже татѣ подкопываютъ и крадутъ: скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлѣть, и идѣже татѣ не подкопываютъ, ни крадутъ: идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше“ (Мате., 6, 19, 21).

Смертію лишаемся мы почестей. Подлинно, здѣсь надобно оставить всѣ гербы нашего достоинства и проститься со всѣми титулами славы нашей. Но не высочайшей ли есть чести степень, чтобы удостоиться быть участникомъ сокровенныхъ Божіихъ совѣтовъ и пребывать въ Его вѣчной любви? Святой Богословъ въ Откровеніи видѣлъ блаженныхъ, сѣдящихъ на престолахъ, облеченныхъ въ бѣлыя ризы, носящихъ торжественныя вѣтви, и имѣющихъ вѣнцы золотые на главахъ своихъ (Апок., 20, 4).

Смертію лишаемся мы пріятелей и друзей, но какихъ?—часто невѣрныхъ ласкателей, которые больше смотрятъ пользу свою, нежели нашу. Хотя и, подлинно, лишаемся истинныхъ пріятелей и вѣрныхъ друзей, но, вмѣсто того, входимъ въ сожитіе съ чистѣйшими ангелами, съ пророками, съ преславнымъ апостольскимъ ликомъ, съ торжествующими мучениками, съ увѣнчанными преподобными и со всякимъ праведнымъ духомъ; будемъ веселиться ихъ обращеніемъ, услаждаться бесѣдою, играть отъ шума празднующихъ. Да еще и того нельзя сказать, чтобы мы вѣрныхъ друзей лишились: нѣтъ, мы только предшествуемъ имъ и за нѣсколько времени напередъ, какъ бы изъ потопленія, на берегъ выплываемъ: рано ли поздно ли, всѣ къ единой мѣтѣ поспѣшаемъ.

Смертію наша тѣлесная красота помрачается, всѣ части согниваютъ и въ прахъ обращаются, рассыпаются кости, разрываются жилы, и весь составъ истлѣваетъ. Но нѣкогда, въ послѣдній день, воскреснемъ со славою, и тогда предъ имѣющимъ возсіять Солнцемъ правды, Христомъ, предстанемъ веселыми и радостными: очистятся наши чувства, просвѣтится мысль, всѣ душевныя и тѣлесныя силы прославятся. „Еже бо сѣется,—по Апостольскимъ словамъ,—въ немощи, то востаетъ въ силѣ: сѣется въ тлѣніи, востаетъ въ нетлѣніи: сѣется не въ честь, востаетъ въ славу“ (1 Кор., 15, 42, 43).

Смертію расстаемся мы со свѣтомъ, и всѣ вещи при западѣ нашемъ пропадаютъ изъ глазъ нашихъ. Но, вмѣсто того, входимъ торжественно во врата вѣчности и соединяемся съ крайнимъ добромъ, Богомъ. Сей союзъ блаженнаго съ Богомъ будетъ столь крѣпокъ, что Богъ будетъ въ немъ, а онъ—въ Богѣ, будетъ обоженъ, или, по Павлову слову, „Богъ будетъ всяческая во всѣхъ“ (1 Кор., 15, 28), то есть Онъ будетъ разуму—свѣтъ, сердцу—веселіе и тишина, очамъ—

радость, вкусу—сладость, ушамъ—приятность, Онъ будетъ тѣлу красота, пища и одежда; Онъ будетъ всяческая во всѣхъ. И тогда исполнится пророчество Исаиино: „Придуть въ Сионъ съ радостію и веселіемъ вѣчнымъ: на главѣ бо ихъ и веселіе и хвала и радость приметь я, отбѣже болѣзнь и печаль и воздыханіе“ (Ис., 35, 10).

Теперь мы можемъ видѣть, слушатели, сколь мало смерть есть страшна человѣку, утвержденному христіанскимъ упованіемъ; и потому можно заключить, что, кто, лишаясь жизни сей, получаетъ жизнь вѣчную, безболѣзненную,—лишаясь богатства земного, воспріимлетъ богатство небесное,—лишаясь друзей, тотъ удостоивается сожитія святыхъ. Кто, разставшись съ свѣтомъ симъ, сподобляется быть участникомъ блаженнаго лицезрѣнія Божія,—тотъ не умираетъ, но представляется отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси,—на малое время сномъ смерти засыпаетъ, чтобы свѣтлѣе воскреснуть въ соборѣ святыхъ; тотъ не умираетъ, но возобновляется, прославляется и отъ всѣхъ своихъ трудовъ успокоивается. „Блаженіи мертвіи умирающіи о Господѣ огнемъ: ей, глаголетъ Духъ, да почіють отъ трудовъ своихъ“.

Таковою блаженною кончиною опочилъ въ Бозѣ сей, высокопочтенный и многими титулами прославленный, мужъ, „имя рекъ“, котораго тѣло предаемъ земли, изъ коей оно и создано, а духъ молитвами всей Церкви препоручаемъ щедротамъ и милосердію Божію. „Блаженъ тотъ, по словамъ Писанія Святого,—за которымъ благія дѣла вслѣдъ его ходятъ!“ Мужъ сей знаменитыми своими дѣлами еще въ жизни сей заслуживалъ себѣ безсмертіе и, собирая сокровище добродѣтелей, предуготовлялъ себя чрезъ то къ сокровищу небесному, чекрадомому. Отъ самыхъ младыхъ лѣтъ посвятилъ онъ себя общей пользѣ своего отечества и такъ восходилъ по степенямъ почестей, что одно достоинство было основаніемъ и заслугою другого. Былъ онъ уже въ знатнѣйшихъ должностяхъ еще при ономъ, безсмертія достойномъ, Государѣ Петрѣ Великомъ, и къ сему преславному Монарху отправленъ былъ отъ королевскаго аглицкаго двора съ кредитивомъ министра,—чѣмъ, какъ премудраго онаго Самодержца сердце было особливо обрадовано, такъ и онъ получилъ отъ него себѣ славу, и отъ щедраго Государя награжденіе. Былъ также министромъ и при другихъ разныхъ иностранныхъ дворахъ и отличалъ себя прозорливою политикою въ неопущеніи пользы дражайшаго отечества своего. Потомъ, будучи возведенъ на высокое достоинство главнаго министерства, онъ-ча раменахъ Своихъ несъ тяжесть многихъ государственныхъ дѣлъ столь благополучно, что тѣмъ облегчалось чувствительно бремя атласа Россійскаго; и по всему тому былъ вѣрный Самодержцевъ Всероссійскихъ слуга, общества полезный членъ, отечества истинный патріотъ.

Всѣ сіи добродѣтели, можетъ, не такъ были бы видны, ежели бы Богъ, по невѣдомымъ Своимъ судьбамъ, не посѣтилъ его нѣкоторыми несчастіями, но которыя онъ столь великодушно снесъ, что показали себя и безропательнымъ послушникомъ судебъ Божіихъ, и благочестивымъ христіаниномъ. Почему, наконецъ, и обрадовалъ его Богъ, въ награжденіи терпѣнія его, высочайшимъ къ нему благоволеніемъ нынѣ благополучно царствующей Всепресвѣтлѣйшей Великой Самодержицы нашей. Въ семь состояніи послѣдніе свои дни онъ посвятилъ богомыслию и приготовленію себя къ вѣчному покою и, въ глубокой старости достигши 73 лѣтъ, преставился благочестиво и можетъ съ Павломъ сказать: „Подвигомъ добрымъ подвизахся, течение скончахъ, вѣру соблюдахъ“ (2 Тимоѳ., 4, 7). А мы, со всею Церковію, помоллимся о немъ, да вѣнецъ правды воздастъ ему Господь праведный Судія, и въ ликѣ блаженныхъ да устроитъ его въ святой Своей вѣчности. Аминь.

Слово въ недѣлю Ваій *).

„Рцыте дщери Сіоновъ: се, Царь твой
грядетъ тебѣ кротокъ“.

(Мате., гл. 21, ст. 5).

Вида днесь Церковь Божию, со всякимъ благочиніемъ собравшуюся, увѣряю себя, что вижу я духовный Іерусалимъ, таинственный Сіонъ градъ Бога живаго. Да вкупѣ умными очами зрю и Божественнаго Избавителя, предуготовляющаго Свое преславное, не въ земный оный Іерусалимъ, но въ души ваши вшествіе, и желающаго въ сердцахъ вашихъ вѣчную Себѣ поставить обитель. Ибо Самъ Онъ сказалъ: „идѣже собрани будутъ два или трие во имя Мое, ту есмь и Азъ посредѣ ихъ“ (Мате., 18, 20). Почему, имѣя отъ Евангелія повелѣніе, чтобы о томъ всей Церкви возвѣстать, велегласно во уши ваши вопію: „Се, Царь вашъ грядетъ вамъ кротокъ“. Сколь ни вождѣлѣбно само по себѣ Его пришествіе, но оно тѣмъ радостѣе, что преисповождается есть кротостію: „се, Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ“. Хотя вся жизнь Его украшаема была сею добродѣтелію, но ею обрадовалъ Онъ насъ наипаче тогда, когда шествовалъ въ Іерусалимъ съ тѣмъ, чтобы положить основаніе Новаго Завѣта, и запечатать оный Своею кровію,—съ тѣмъ, чтобы объявить Себя Законодателемъ Евангельской благодати, и ея дѣйствіе поставить правиломъ вѣры и любви. Такъ, ежели великій Законодатель нашъ столь кротокъ и тихъ, что не приводитъ въ суетное

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1766 года, апрѣля 6 дня.

удивленіе наружною пышностію и не поражаетъ сердца смертныхъ страхомъ, ежели Онъ, — по Проческимъ словамъ, — „не преречетъ, не возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіяхъ гласа его“ (Ис., 42, 2); ежели Онъ послушливъ былъ даже до смерти; ежели Онъ и за распятелей Своихъ молился: то какой можетъ быть законъ Его? какой? — развѣ кроткій, снисходительный, утѣшительный, радостный.

Но, понеже сія матерія и сама чрезъ себя есть важная, и намъ, яко христіанамъ, весьма полезная, а инымъ, имѣющимъ малое, можетъ, о ней просвѣщеніе, и неотмѣнно нужная: такъ изслѣдуемъ, *какое есть спокойство или характеръ Евангелія?* А Ты, Христе Спасителю, истину Евангелія чрезъ слово Твое въ сердцахъ нашихъ насади, насажденную благодатию Твоею напои, а добродѣтелию возрасти.

Чтобы имѣть намъ ясное понятіе объ Евангеліи, надобно напередъ знать, что есть законъ, и какия его свойства? Подъ именемъ закона разумѣемъ мы врожденную всякому человѣку силу, по которой узнаетъ снѣ, что—добро, и что—худо, и что дѣлать, и что не дѣлать надобно. Сей законъ называется естественный, по правиламъ котораго точно поступать мы обязаны совѣстію своею. Кто сей законъ совершенно исполнить, тотъ предъ судомъ Божиимъ есть праведенъ, поелику исполнилъ все то, что ему въ законѣ предписано; а кто въ чемъ-нибудь наималѣйшемъ законъ преступилъ, тотъ предъ Божиимъ судомъ сталъ повиненъ и подверженъ Его правосудію. Ибо, какъ не возможно, по силѣ вѣчной правды, не признать праведнымъ совершеннаго исполнителя закона, такъ не возможно не почестъ повиннымъ преступника закона. Ежели бы кто законъ исполнилъ совершенно и чрезъ то праведнымъ сталъ бы предъ Богомъ,—такое оправданіе, по христіанскому богословію, было бы „оправданіе отъ дѣлъ закона“, и сей способъ оправданія, могу сказать, былъ бы самый естественный. Слѣдовательно, ежели бы сей естественный способъ оправданія оставался и нынѣ въ полной своей силѣ, то и не было бы нужды въ Евангеліи, какъ говорить Апостоль: „Аще закономъ правда, убо Христосъ туне умре“ (Галат., 2, 21).

Но можемъ ли мы оправдаться онымъ естественнымъ способомъ, то есть, исполненіемъ закона, — я то оставляю суду совѣсти вашей. А между тѣмъ объявляю вамъ мнѣніе Апостольское, какое онъ, въ лицѣ своемъ, произноситъ о всѣхъ людяхъ: „законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага; но азъ плотянь есмь, проданъ подъ грѣхъ: не еже бо хочу, сіе творю: но еже ненавижу, то содѣваю“ (Римл., 7, 12, 14, 15). А изъ того заключаетъ оный великій учитель: „яко нѣсть праведенъ никто же, да всяка уста заградятся и повиненъ будетъ весь міръ Божови, зане отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть предъ Нимъ“

(Римл., 3, 10, 20). Такъ, вотъ, видимъ, что оный естественный способъ оправданія болѣе не можетъ силы своей имѣть, или, лучше сказать, словами Писанія Святого, „законъ изнемогъ“ въ томъ, чтобы представить насъ праведными предъ Богомъ чрезъ исполненія свои; слѣдовательно, ясно видите, что одна натуральная религія болѣе въ мірѣ мѣста своего имѣть не можетъ.

Дозвольте мнѣ теперь отворить дверь къ Евангелію. Въ такомъ печальномъ состояніи, скажите, чѣмъ вы утѣшите себя? Скажите, чѣмъ ободрите вы свой разслабленный духъ? чѣмъ увѣрите повинное сердце свое, что оно суда Божія бояться не должно? хотите ли, чтобы правосудный Богъ пришелъ къ вамъ въ сіяніи неприступной славы, въ гнѣвѣ ярости Своей, и требовалъ бы отъ васъ точнаго исполненія заповѣдей Своихъ? или желаете, чтобы Онъ, скрывъ нестерпимые для грѣшника лучи Своего Божества, явился подъ образомъ естества нашего и Своею снисходительною кротостію утѣшилъ бы нашъ трепещущій духъ? О, Боже милосердый! не види въ судъ съ рабы Твоими. Въ Тебѣ сокровенны неисчерпаемые источники благодати. Когда мы не можемъ похвалиться исполненіемъ закона, остается намъ единое средство, чтобы съ истиннымъ покаяніемъ прибѣгать къ Господню милосердію; а проповѣдь милосердія есть Евангеліе. Когда не можемъ оправдать себя дѣлами, остается имѣть упованіе оправдаться благодатію; а ходатай благодати есть Господь Иисусъ Христосъ. Когда не можемъ мы сами чрезъ себя, за преступленіе закона, удовлетворить Божію правосудію,—имѣемъ единороднаго Сына Божія, удовлетворившаго за насъ жертвою смерти Своея. „Благодатію есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ васъ: Божій даръ: не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится“ (Ефес., 2, 8, 9). Итакъ, преjde сѣнь законная, благодати пришедшей.

Но, можетъ, я отяготилъ мысль вашу сими высокими разсужденіями: однако, будучи увѣренъ о вашей усердной охотѣ къ слушанію слова Божія, дерзаю продолжать рѣчь мою. Чтобы еще больше узнать намъ духъ Евангелія, изъяснимъ сіе такимъ примѣромъ, на которомъ прежде всѣхъ оказалась Евангельская сила. Первый человекъ созданъ въ неповинности и, за правило всѣхъ своихъ дѣйствій, имѣлъ законъ совѣсти своей. Ежели бы онъ свою неповинность не опорочилъ никакимъ преступленіемъ закона, онъ былъ бы въ состояніи естественнаго, а не Евангельскаго закона. Но когда законъ преступилъ, въ то самое время естественный способъ оправданія потерялъ свою силу, а, вмѣсто того, открылись ему вдругъ два состоянія, состояніе—правосудія и состояніе милосердія Божія: правосудія, ежели бы въ преступленіи своемъ остался онъ нераскаяннымъ; а милосердія или Евангелія, ежели бы съ чистымъ покаяніемъ призналъ свою немощь. Почему милосердый Богъ

и призвалъ его симъ, по истинѣ, Евангельскимъ гласомъ: „Адаме, гдѣ еси“ (Быт., 3, 10)? Въ какомъ состояніи—ты, возлюбленное рукъ Моихъ созданіе? почто скрываешься? гдѣ дерзновеніе врожденной тебѣ неповинности? Вижу Я, что подвергъ ты себя суду своей совѣсти, но Я милосердіемъ Моимъ утѣшаю тебя и, понеже ты нарушилъ завѣтъ закона, приѣмлю тебя въ новый завѣтъ благодати.

Какими словами утѣшалъ Богъ перваго человѣка, тѣми же призываетъ и насъ къ Себѣ дражайшій Спаситель нашъ. Онъ говоритъ: „приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“ (Матѣ., 11, 28).

Кто изъ христіанъ, слыша сіи слова, не возрадуется духомъ своимъ, и не признаетъ снисходительное свойство Евангелія? Для того-то Пророкъ, предвидѣвъ сію благодать, повелѣваетъ возвѣстити о ней всей Церкви: „рыцѣ дщери Сіоновѣ: се, Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ“ (Ис., 62, 11). Для сего и я, по случаю кроткаго Его вшествія въ Іерусалимъ, которое мы нынѣ празднуемъ, почелъ за пристойное говорить объ утѣшительномъ свойствѣ Евангельскаго закона.

Ежели бы кто, совѣмъ тѣмъ, защищалъ естественный законъ съ предосужденіемъ Евангельской благодати (ибо, впрочемъ, и мы его не отвергаемъ), тому я съ Павломъ свидѣтельствую, что онъ долженъ весь законъ исполнить; но, когда явится преступникомъ его, ему нѣтъ больше участія въ благодати Евангельской; а, вмѣсто того, самъ себя онъ подвергаетъ правосудію Всемогущаго. Такая несчастливая мысль рождается отъ неумѣрнаго самолюбія, отъ сокровенной гордости, отъ непризнанія своей слабости, отъ незнанія силы закона, отъ невѣдѣнія Божія правосудія. Но, познавъ свойство Евангелія, не оставимъ, хотя кратко, изъяснить дѣйствія или плоды Христовой благодати.

Когда Евангельскій законъ основанъ на милосердіи Божіемъ, прямо изъ того слѣдуетъ, что, кто прибѣгъ подъ покровъ сей благодати, тотъ приѣмлетъ оставленіе грѣховъ, входитъ въ златое состояніе первосозданной неповинности, вступаетъ въ завѣтъ любви, присоединяется въ число чадъ Божіихъ. О, благость неизглаголанная! не только не осудилъ грѣшныхъ насъ, но и помиловалъ, — не только помиловалъ, но и оправдалъ, — не только оправдалъ, но и удостоилъ быть чадами любви Своей.

„Тѣмъ же убо,—привѣтствуетъ насъ святой Апостоль,— къ тому нѣсте странни и пришельцы, но сожителе святымъ и приснии Богу“ (Ефес., 2, 19). „И понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына Своего, въ сердца ваша, вопіюща: Авва Отче. Тѣмже уже нѣси рабъ, но сынъ: аще ли же сынь, то наслѣдникъ Божій Іисусъ Христомъ“ (Галат., 4, 6, 7).

Ся-то сыновняя любовь истинныхъ христіанъ къ Богу заставляеть ихъ произносить оныя жаркія слова: „сущи въ тѣлѣ семь въздыхаемъ отягчаемъ“; и потому „дерзаемъ и благоволимъ паче отыти отъ тѣла, и внити ко Господу“ (2 Кор., 5, 4, 8). Доколѣ, радость наша, будешь скрываться отъ насъ? Ты возжегъ искру Твоей любви въ сердцахъ нашихъ, приведи оную въ совершенный пламень. Духъ нашъ возносится къ Тебѣ и не престаеть беспокоиться, пока совершенно не успокоится въ Тебѣ. Ты намъ влилъ предчувствіе блаженства Твоего, дай и совершенное наслажденіе. Кто въ душѣ своей находитъ такое расположеніе, тотъ есть участникъ благодати и сынъ царствія.

Но не оставимъ помянуть еще сладчайшій плодъ Евангелія, а именно, что оно для насъ—дѣйствительнѣйшее побужденіе къ исполненію воли небеснаго Отца. Подлинно, и законъ насъ къ тому же побуждаеть, но страхомъ, а Евангеліе—любовію. И потому послѣдователь закона, какъ рабъ, боясь наказанія своего господина, аки не хотя дѣлаеть добро; а послѣдователь Евангелія, яко сынъ, по усердію отдаеть себя въ объятія добродѣтели. Какъ? буду ли я и тогда неблагодарнымъ, когда отъ щедрой руки Господней получилъ столь изобильныя благодѣянія? буду ли столь ослѣвленъ, чтобы хотѣлъ своими пороками оскорблять столь любовнаго ко мнѣ Отца?

Въ разсужденіи сего святой апостолъ Павелъ вопіеть: „нѣсте подъ закономъ, но подъ благодатию“ (Римл., 6, 14). Благословенные христіане! вы нѣсте подъ закономъ, но подъ благодатию, не для того, аки бы вы уволены были отъ исполненія закона, но для того, что возбуждать себя должны вы къ исполненію его не страхомъ, а сыновнимъ усердіемъ. „Нѣсте подъ закономъ, но подъ благодатию“.

О, блаженныхъ насъ, удостоившихся причастниками быть толикой благи! слыши, дщерь Сіоня! слыши, Христова Церкви! се, Царь твой грядеть тебѣ кротокъ. Постели предъ Нимъ ризы смиреннаго сердца; встрѣчай Его съ ваими добродѣтели и радостнымъ восклицаніемъ, открой Ему усердную внутренность свою.

А ежели кто сей радости не чувствуетъ, у того, видно, еще не расцвѣли вѣтви покаянія, или и расцвѣтшія увяли. Но мы, суще чада Евангелія, утвердимъ себя въ благодати сей твореніемъ благихъ дѣлъ, тѣмъ паче, что приближаются дни искупленія нашего, да сподобимся, понесши крестъ страстей Господнихъ, быть обрадованными и славою Его воскресенія. Аминь.

Слово о содѣявшихъ въ 1754 году убійство надъ матерію и сестрою своими, а нынѣ преданныхъ церковному покаянію предъ народомъ *).

Православной Церкви чада!

Церковь Божія видитъ теперь предъ очами своими печальное зрѣлище, которымъ матернее ея сердце внутренне прободается. Се, вамъ предстоятъ два злодѣя, къ тягчайшей смерти осужденные: мужъ и жена, убійцы матери и сестры своей. О, страшнаго злодѣянія! о, звѣрскаго терзанія! таковою, едва слышанною, дерзостію возстали они противъ самаго естества, погасили внутреннее чувствіе совѣсти; попрали кровь Новаго Завѣта, обезчестили Евангеліе, оскорбили Духа Божія, себя оторвали отъ тѣла Церкви Христовой. О, какая лютая язва для Церкви! Вѣдаете вы, что Церковь есть священное стадо духовныхъ овецъ; но се—ея буря и волны. Церковь есть мать, въ нѣдрахъ своихъ согрѣвающая чадъ своихъ, но се—ея изверги. Кто дастъ главѣ нашей воду и очамъ нашимъ источникъ слезъ, да возможемъ оплакать бѣдное сихъ преступниковъ состояніе!

Извѣстно вамъ, православные христіане, сколь страшное опредѣленіе законъ Божій издаетъ на человѣкоубійцѣ. Въ словѣ Божиёмъ написано тако: „Проливай кровь человѣчу, въ ея мѣсто его пролетитъ: яко во образъ Божій сотвори хъ человѣка“ (Быт., 9, 6), глаголетъ Господь Саваоѣ. А сила сихъ словъ есть та, что человѣкоубійца согрѣшаетъ противъ самого величества Божія, и власть, которую Богъ имѣетъ надъ жизнію человѣческою, злодерзкій сей похищаетъ у Него.

Но что можемъ мы сказать объ отцеубійствѣ? какую заслуживаетъ оно казнь? Божественный Законодатель объ отцеубійцѣ ничего и не помянулъ, какъ будто не надѣялся Онъ, чтобы могло быть такое чудовище, которое вооружилось бы противъ давшихъ ему жизнь, ибо въ законѣ гласитъ тако: „иже злословитъ отца своего, или мать свою, смертію да умретъ, и иже бьетъ отца своего или мать свою, смертію да умретъ“ (Исх., 21, 15, 16). Видите, что законъ тому, кто злословитъ или бьетъ родителей, опредѣляетъ смерть; а о тѣхъ, которые родителей убиваютъ, ничего не упоминаетъ: не для того, аки бы они не достойны были всякой казни, но для того, что будто невѣроятнымъ казалось быть такой ехиднѣ, которая растерзала бы утробу своей матери. И ежели тотъ, кто злословитъ своихъ родителей, подлежитъ

*) Сказано въ Москвѣ въ притворахъ церковей, куда преступники приводимы были, 1769 года, въ мѣсяцъ Маѣ

смерти и временной и вѣчной, то какой уже казни повиненъ есть тотъ, который свои несчастныя руки омочилъ въ крови своей матери и сродства своего? Въ такой грѣшной душѣ сама совѣсть есть жесточайшее и непрестанное мученіе, и судъ сей совѣсти тѣмъ страшнѣе, что онъ есть нѣкоторое преддверіе будущаго праведнаго суда. О, коль страшно есть впасть въ руки Бога жива! „Ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое“ (Римл., 2, 8, 9).

Но, о, Боже праведный! „аще беззаконія изриши, кто постоитъ“ (Псал., 129, 3)? Твое есть оное, оживляющее насъ, слово: „яко не хочу смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему“ (Иезек., 33, 11). Подлинно, законъ представляетъ намъ Бога праведнѣйшимъ и нелицеприятнымъ Судіею; но Евангеліе намъ проповѣдуетъ Его же благоутробнымъ Отцемъ. Законъ отворяетъ преступникамъ своимъ адъ; но Евангеліе отверзаетъ кающимся рай. Законъ вопіетъ: „проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всемъ писанномъ въ книгѣ закона“ (Второз., 27, 26); но благодать съ кротостью призываетъ и говоритъ: „обратитесь, и обращуся къ вамъ. Измыйтеся и чисти будете, отымите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моима. И аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю“ (Ис., 1, 16, 18).

О, крайняго снисхожденія небснаго! Самъ Господь Богъ, будучи подвиженъ неизлагоданымъ милосердіемъ, принялъ на Себя нашу тлѣнную плоть! Всѣ естества нашего немощи на Себѣ понесъ, пострадалъ и умеръ съ тѣмъ единственно, чтобы грѣшнаго человѣка спасти, падшаго возставить, немощнаго исцѣлить, беззаконіями умершаго воскресить, и для того Самъ Онъ Себя уподобляетъ доброму пастырю, ищущему, погибшей и на горахъ заблуждающей, овцы (Мате., 18, 12, 13).

Таковаго милосердія Своего яснѣйшіе примѣры Господь оставилъ намъ. Онъ Давида, неповинно убившаго Урію, но покаявшагося, помиловалъ; Онъ мытаря, грѣхами отягченнаго, оправдалъ; Онъ Петра, отвергшагося Его, но обратившагося не презрѣлъ, а принялъ его горькія слезы. Онъ Савла, бывшаго гонителя Своего и убійцу многихъ святыхъ, но обратившагося, не только не осудилъ, а еще устроилъ его Своимъ избраннымъ сосудомъ, и причелъ его къ апостольскому лику. Онъ разбойника, который неповинно умертвилъ многихъ людей, разбойника, говорю, не отвергъ, но принялъ его истинное, краткими словами изъясненное, покаянiе, и двери царствiя ему отверзъ.

Да почто приводитъ намъ, возобновленные, многіе примѣры? Мы сами, благословенные христіане, мы сами — живое свидѣтельство сей великой благодати Божіей. Послушайте что Апостоль ко всѣмъ намъ

вопѣть: „Богъ богатъ смѣй въ милости, за премногую любовь Свою, ею же возлюбилъ насъ, сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшенными, со-оживи Христомъ: благодатию есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ насъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится“ (Ефес., 2, 4, 5, 8, 9).

Кто изъ насъ, братіе, слыша сіи великіе примѣры челоуѣколюбія Господня, не утвердитъ сердце свое, чтобы грѣхами не оскорблять сего милосердаго Благодѣтеля? И кто, чувствуя совѣсть свою, беззаконіями отягощенную, не отвергнетъ отчаяніе и къ милосердію Господню не прибѣгнетъ?

Сія благодѣтельная Божія десница касается и васъ, злосчастные убійцы! Сей источникъ благодати и вамъ отворенъ, ежели только чувствуете раскаяніе въ злодѣйствѣ своемъ. Не слышите ли, какъ благодать ударяетъ въ двери вашего сердца, и вопіетъ въ уши ваши сладчайшій гласъ нашего Спасителя: „Приидите ко Миѣ вы, обремененные грѣхами! Я вашихъ беззаконій отвращаюсь, но ваше покаяніе не отвергаю“ (Матѣ., 11, 29). Миѣ ненавистно ваше сердце, но—когда оно есть нераска-янно; ваше обращеніе, отъ зла на добро, превращаетъ Мой судъ на милость. Ваши слезы погашаютъ огонь Моей ярости. На ваше обѣщаніе исправленія, Мои руки къ объятію вашему простираются. Страшить васъ Мое правосудіе: подлинно, стрѣлы онаго уже на васъ напряжены; но милосердіе Мое превозмогаетъ. Посмотрите на Мои раны, которыми Я за грѣхи ваши уязвленъ; посмотрите, сквозь прободенное копіемъ ребро, на сердце Мое, — и видите, коюкою оно пылаетъ къ любовію челоуѣчеству“.

Сими, даже каменную душу умягчить могущими, словами подвигнувшись, соберите вы свой смущенный духъ, слезами сокрушите сердце свое, и тяжкими воздыханіями откройте внутренность свою Врачу душъ и тѣлесъ. Церковь Христова, имѣя порученную ей власть вязать и рѣшить, увѣряетъ васъ именемъ Господнимъ, что ваше покаяніе не отвергнуто, но принято будетъ, яко драгій залогъ обращенія вашего отъ зла къ добру. Да и самымъ дѣломъ вы въ томъ уже увѣрены: ибо видите, что святая Церковь васъ, яко недостойныхъ, отъ себя не отогнала, но открыла свои нѣдра и, яко чадолюбивая мать, одолжена приложить попеченіе свое о васъ. Налагаетъ она на васъ сіи легкія раны, да исцѣлитъ вашу болѣзненную душу: симъ временнымъ наказаніемъ предвосхищаетъ васъ отъ адскаго вѣчнаго мученія.

А намъ, чада Православной Церкви, попечительный Божій Промыслъ чрезъ сей печальный случай подаетъ великое наставленіе. Ибо все сіе сказали мы не съ тѣмъ, чтобы падшимъ ругаться; но чтобы тѣхъ, которые стоятъ, осторожнѣйшими сдѣлать,—не съ тѣмъ, чтобы раны

уязвленнымъ приумножить, но наче, чтобы, неуязвленныхъ еще, не вредными соблукти,—не съ тѣмъ, чтобы волнующихся погрузить, но чтобы тѣхъ, которые благополучно плывутъ, предохранить. Теперь мы очами своими видимъ дѣйствія правосудія и милосердія Божія: правосудіе—въ наказаніи грѣшниковъ, милосердіе—въ призваніи ихъ къ покаянію. Побоймся убо Божія правосудія, чтобы на себя не привлечь оное нашими грѣхами. А милосердіемъ Его да утвердимъ себя не возвращаться на прежніе пороки: счастливъ тотъ, кто бѣдствіями другихъ дѣлается осторожнѣйшимъ!

За все сіе благодареніе приносимъ челоуѣколюбивому Богу, удивляясь премудрости Его. Сею благодарностію обязана Ему Церковь и мы: Церковь истому, что прославляетъ Онъ ея силу въ наказаніи порока и святость въ различеніи овцы отъ козлища; а мы—для того, что сей случай даетъ намъ наставленіе.

Достойно же по Бозѣ прославлять и благочестіе вѣрной Божіей служительницы, Великой и милосердой Самодержицы нашей Екатерины Алексѣевны. Чѣмъ ужаснѣйшимъ видитъ Она преступленіе, тѣмъ усерднѣе, о спасеніи души преступника, къ Церкви прибѣгаетъ. Ею души сихъ оскверненныхъ приводятся къ Божію милосердію, ею и мечъ правосудія надъ оскверненнымъ ихъ тѣломъ для того самаго удерживается. Не се ли, Христова Церковь, прямое тебѣ—утвержденіе? не се ли—древнихъ твоихъ и святыхъ установленій исполненіе?

Но обратимся уже мы, ученики кротчайшаго Спасителя, къ сямъ злосчастливымъ, подвигнемся сожалѣніемъ о нихъ, поболیمъ сердцемъ, покажемъ силу христіанской любви: много бо поразить ихъ можетъ сей всенародный позоръ, да не опровергнетъ ихъ великая сія скорбь въ отчаяніе. Помолимся о нихъ со всею Церковію.

Боже милосердія и Отче щедротъ! воспламени сердца сихъ грѣшниковъ къ покаянію: прими ихъ, къ Тебѣ припадающихъ, обычнымъ Твоимъ благоутробіемъ; трепещущую отъ суда Твоего совѣсть ихъ ободрь Евангельскимъ Твоимъ благословеннымъ гласомъ и, аще пріидутъ въ прямое раскаяніе злодѣянія своего, причти ихъ избранному Твоему стаду.

А вы, бѣдствующія души, употребите милосердное снисхожденіе благаго Бога, общія молитвы всей Церкви и благочестивое попеченіе Монархини о васъ къ излеченію вашихъ грѣховныхъ ранъ,—да не како, сіе пренебрегше, и временному тягчайшему и будущему безконечному наказанію неизбѣжно себя подвергнете. Аминь.

Слово въ день свв. Апостоловъ Петра и Павла и Тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Блаженъ еси, Симоне, варъ Юна, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но отецъ Мой, иже на небесѣхъ“.

(Матѣ., гл. 16, ст. 17).

Куда ни обратимъ мы очи свои, вездѣ находимъ радостные предметы блаженства нашего. Воззримъ ли мы на святое общество благословеннаго христіанства, видимъ милосердо взирающее на него око Святаго Израилева. Посмотримъ ли на Россію, видимъ въ ней цвѣтущее древо мудраго самодержавія, подъ тѣнью котораго сладко все покоеся. Церковь нынѣшнимъ празднованіемъ выводитъ предъ насъ два великіе примѣра святости и благочестія; Россія всегда предъ очами своими имѣеть дражайшую двоюку, Благочестивѣйшую Монархиню съ любезнѣйшимъ Ея сыномъ, предметъ нашей радости, вину благополучія, примѣръ добродѣтели. Церковь празднуетъ днесь своихъ основателей, трудами которыхъ міръ приведенъ въ первосозданное благообразіе; Россія совершаетъ нынѣ торжество Тезоименитства Всероссійскаго Наслѣдника, плода благословеннаго Августѣйшей Матери, почитая въ Монархинѣ исполненіе своихъ желаній, а въ Наслѣдникѣ сладчайшую надежду. Итакъ, Церковь и Россія вкупѣ приводятъ намъ примѣры неба и земли; небо и земля соглашаются къ общему нашему блаженству. Все намъ пріятствуетъ: отъ всѣхъ странъ вѣетъ зефиръ благоденствія. „Что воздадимъ Господеви за вся, яже воздаде намъ? Слышите языцы и покарайтесь, яко съ нами Богъ“ (Псал., 115, 3; Ис., 8, 9).

Но, чтобы наша радость была не блистательна только, но и плодородна, растворимъ ее духовною бесѣдою; посмотримъ, *какое блаженство Спаситель присвоаетъ Петру, и относитъ оное не до явленія плоти и крови, но до явленія небснаго Отца.* А Ты, Боже духовъ и всякія плоти, нашъ, плотию обременяемый, духъ подыми отъ земныхъ къ горнимъ и, очистивъ мысленное око, даждь разумно видѣти Тя.

„Блаженъ еси, Симоне, варъ Юна, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ“. Въ семъ Евангельскомъ текстѣ нѣкоторыя слова требуютъ изъясненія, а именно, что означаетъ „явленіе, плоть и кровь, явленіе плоти и крови, и явленіе Отца небснаго“?

---

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ Петергофѣ, 1786 года, іюня 29 дня.

Явленіе значить познаніе вещей, ибо неизвѣданныя вещи кажутся намъ сокровенными въ глубокой темнотѣ; да и, подлинно, союзъ вещей для слабаго понятія нашего есть непроходимая бездна. Подъ именемъ плоти и крови разумѣются способности въ человѣкѣ, которыя приличествуютъ ему не яко человѣку, но яко животному, чрезъ которыя, слѣдовательно, не различествуетъ онъ отъ другихъ животныхъ, на примѣръ, зрѣніемъ или слышаніемъ собирать образы вещей, желать вкусу пріятнаго и прочее. Итакъ, явленіе плоти и крови въ человѣкѣ есть познаніе вещей общее всѣмъ животнымъ, утверждаемое не на разумѣ, но на чувствахъ, низкое, земное, тѣлесное. Подъ именемъ Отца небеснаго, хотя извѣстно, кого намъ воображать надобно, но здѣсь, относительно познанія, разумѣется несозданный свѣтъ вѣчнаго ума, нѣкоторую искру котораго получила разумная тварь. И потому явленіе Отца небеснаго есть познаніе вещей, утверждаемое на чистомъ разумѣ, который управляется не чувствами, но лучами несозданнаго свѣта,—который, возвышая себя выше видимыхъ существъ, входитъ въ невидимое и туда вперяетъ око умаго своего зрѣнія.

По изъясненіи сихъ Евангельскихъ словъ, взслѣдуемъ, какое, именно, познаніе относитъ надобно до явленія плоти и крови, и какое до явленія небеснаго Отца?

Явленіе плоти и крови, во-первыхъ, есть, когда что почитается за истинное и доброе по одной привычкѣ. Многіе тому послѣдуютъ, то одобряютъ и держатъ, что приняли съ млекою младенчества, или что видятъ у большей людей части въ употребленіи. Но какъ разумъ, да и всегдашній опытъ насъ увѣряетъ, что мы привыкаемъ не только къ доброму, но едва ли не больше и къ худому,—для того разсужденіе, утверждаемое на одной только привычкѣ, приличествуетъ больше животнымъ, нежели разумной твари.

Отсюда раждается невѣжество и суевѣрство: понеже мысль, связанная привычкою, какъ оковами, сама отнимаетъ у себя вольность къ изслѣдованію новыхъ истинъ, и въ скудности своей почитаетъ себя довольною, въ невѣжествѣ просвѣщенною, въ заблужденіи благочестивою. Сія болѣзнь тѣмъ опаснѣе, что развѣ съ великою трудностію можно излѣчить ее: понеже привычка становится другою природою, и потому обыкновенно соединена бываетъ она съ непобѣдимымъ упорствомъ. Сіе великимъ было препятствіемъ теченію проповѣди Апостольской: ибо надобно было истреблять заблужденіе въ такихъ мысляхъ, въ коихъ оно долгимъ обычаемъ вкоренилось и утвердилось. Притомъ, сіе же самое есть доказательство, что проповѣдь апостольская было дѣло Божіе, когда ложныя мнѣнія, многими вѣками укрѣпленныя, наконецъ, покорили себя сладкому игу Евангелія.

Когда преславный именемъ и дѣлами Государь Петръ Великій въ свой народъ вводилъ просвѣщеніе и честное поправленіе правовъ, о, сколь свирѣпо тогда противъ него вооружалась плоть и кровь! сколь много привычка препятствовала сему благословенному предпріятію! Она заставляла обычаямъ поработенныхъ говорить: „мы и безъ наукъ хлѣбъ ѣдали; сіе дѣло небывалое. Наши отцы и безъ того жили“... Но, всё сіи трудности побѣдивъ, Великій Государь всёмъ вѣкамъ оставилъ имя свое любезнымъ. Подлинно, не надобно и обычаямъ перемѣнять, но добрыхъ: а худое и вредное перемѣнить на доброе и полезное. есть дѣйствіе разума, Духомъ Святымъ просвѣщеннаго. Дабы кто не зараженъ былъ порокомъ худой привычки, надобно стараніе прилагать о добромъ воспитаніи, чтобы въ младенцѣ, который почти только состоитъ изъ плоти и крови, плоть оживлять духомъ разсужденія, и чтобы въ немъ кровь приобучена была течь по жиламъ премудрости, дабы любленіе истины и добродѣтели стало въ немъ какъ бы привычкою.

До худой же привычки можетъ надлежать и то, когда что-нибудь почитается добрымъ и истиннымъ за одну древность. Подлинно, древность можетъ быть доказательствомъ истины, но не всегда сіе доказательство неоспоримо: ибо въ древности, какъ было много хорошаго, такъ было же не мало и худого. И потому надлежитъ дать свободу просвѣщенному разуму, чтобы изслѣдывать и самую древность и въ ней разсобрать, что подражанія, и что отвращенія достойно.

Но и то есть дѣйствіе плоти и крови, когда что-нибудь почитается справедливымъ и хорошимъ за одну новость. Какъ помянутый порокъ бываетъ чаще у старыхъ людей, такъ сей по большей части— у молодыхъ: ихъ горячая мысль поражается, когда что нибудь остро, хотя неосновательно, выдуманно или написано,—когда что прелестно, хотя слабо, сдѣлано. Они тогда становятся надменны, думая, что сіе было бы нѣкоторый родъ поработенія, еслибы старымъ мнѣніямъ послѣдовать, думая, что ихъ предки и вся древность была въ заблужденіи, которое узнать имъ посчастливилось. Такіе люди подобны младенцамъ, которые на все новое отдаютъ свои глаза, и въ руки свои брать не боятся самое разженное уголье, прельщаясь видомъ ихъ, почему и ожигаются. Еслибы новость была основаніемъ истины, то надобно бы сей истинѣ перемѣниться въ ложь, когда бы новость состарѣлась; но истина ни старѣетъ, ни обновляется: ибо она есть вѣчна. И потому всякую новость съ перваго раза должно почитать за подозрительную, пока здравымъ разумомъ довольно изслѣдована не будетъ, и пока не будетъ усмотрѣно, что въ самой той новости есть нѣкая важность основательной древности. Но посмотримъ, нѣтъ ли еще другихъ плотскихъ разсужденій.

Есть также дѣйствіе плоти и крови, когда только почитается за истинное и доброе то, что умножаетъ наше имѣніе, что пріятно чувствамъ, что соединено съ честію. Подлинно, позволительно умножать имѣніе, но справедливымъ образомъ; безгрѣшны пріятности чувствъ, но когда онѣ не противны разуму; похвальна честь, только бы она состояла не такъ въ имѣніи другихъ о насъ, которое часто бываетъ несправедливо, какъ въ любленіи честности. Однако, очень часто случается противное сему: ибо для пріобрѣтенія истины и добродѣтели надобно имѣть трудъ и пролить не одну каплю пота, надобно иногда понести нѣкоторую утрату имѣнія, а иногда надобно подвергнуть себя худому, хотя неосновательному, имѣнію другихъ; но какъ все сіе есть непріятно нѣжности нашихъ чувствъ и не вмѣстительно первому легкому воображенію; для сего часто плоть и кровь беретъ верхъ надъ разумомъ, и чувства порабащаютъ себѣ духъ. Одинъ въ своей должности нерадивъ, понеже не хочетъ свои изнѣженные члены трудомъ обезпокоить; другой правду нарушаетъ, дабы чрезъ то умножить свой прибытокъ; третій умалчиваетъ правду, чтобы не нажить себѣ враговъ и чрезъ то бы не понести ущерба чести своей. Такія и подобныя плотскія разсужденія, трудно сказать, сколь много повреждаютъ похвальную нашихъ дѣлъ систему.

Сіе было великимъ препятствіемъ апостольскимъ подвигамъ. Они проповѣдывали крестъ, или великодушное терпѣніе всякихъ противностей, нищету, или добровольное лишеніе всего для истины; проповѣдывали, чтобы презрѣть всѣ имѣнія о насъ другихъ, сколько бы они ни были блистательны, еслибы иначе нельзя было записаться въ книгу живота. Можете вообразить, сколь такое ученіе могло быть пріятно человѣку, плотию и кровію порабащенному!

Для чего и нынѣ Церковь Божія въ нѣкоторыхъ своихъ дѣтяхъ не видитъ такихъ непорочныхъ нравовъ, какихъ бы она желала? для чего ея святое ученіе во многихъ остается безплодно? для чего не имѣетъ она сего удовольствія, чтобы видѣть страсти подъ ногами у добродѣтели? О, ты, плоть и кровь! ты тяжестью своею обременяешь сердца наши и не допускаешь вознестись къ горнимъ!

Но, вотъ, еще новое и странное дѣйствіе плоти и крови, когда кто въ разбираіи истины единственно полагается на свой разумъ, и почитаетъ за справедливое то, что разсужденію его кажется справедливымъ. Подлинно, разумъ самъ чрезъ себя всегда есть предводитель къ истинѣ; но, кому неизвѣстно, съ какими слабостями онъ въ насъ соединенъ? Вотъ — причина тому, что мы имѣемъ малое и немногихъ вещей познаніе, да и въ то весьма сокровенно вкрадываются страсти и столь хитро насъ прельщаютъ, — что мы часто почитаемъ за здравый

разумъ то, что есть одно чувственное воображеніе: что мы думали быть духъ, а оно есть плоть. А хотя бы кто науками и довольно просвѣщенъ былъ, но хитросплетенные логическіе софизмы, но школьныя суетавія, но пустыя тонкости едва ли не большую часть отвели отъ истины. Вѣдаете вы, какихъ, между прочимъ, смѣшныхъ миѣній были изобрѣтатели тѣ, коихъ древность почитала за философовъ. Есть и нынѣ такіе мудрецы самозванцы, которые, будучи надменны сами собою, своими страстными миѣніями хотятъ поработить и иныхъ, и удивительнымъ какимъ-то образомъ, другихъ повреждая и безчестя, чрезъ то себѣ славу снискиваютъ. Послушаемъ Павла, учителя христіанской мудрости, что онъ говорить къ таковымъ: „азъ, братіе, не могахъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотнымъ“ (1 Кор., 3, 1). Для чего?—понеже „душевень“ или плотской „человѣкъ не приѣмлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовиѣ востязуется“ (1 Коринт., 2, 14), то есть, небесныя истины не плотію, но умомъ, просвѣщеннымъ Духомъ Святымъ, изслѣдываются. Но, о Боже, когда толикая темнота покрываетъ нашъ разумъ, и когда столько есть препятствій къ познанію Твоей истины,—въ сей нашей бѣдности къ Тебѣ прибѣгаемъ, Отцу свѣтовъ: ибо Ты, Господи, просвѣщаешь свѣтильникъ нашъ!

Возлюбленный Богу христіанинъ! ты выведенъ изъ сего затрудненія и въ общей всѣхъ нуждѣ ты блаженъ и треблаженъ. Твой умъ осіянь лучами Евангельскаго закона; твоя совѣсть Духомъ Святымъ увѣрена объ отеческой къ тебѣ склонности всемогущаго Промыслителя. Хотя бы ты и не достигъ до пространнаго познанія естественныхъ вещей, но тебѣ открыты истины самонужныя, на которыхъ основано твое вѣчное блаженство. Кто лучшее тебя имѣетъ понятіе о Богѣ, о мірѣ, о самомъ себѣ? Ты воображаешь себѣ Бога существомъ благодѣтельнымъ и милостивымъ, Который, снисходя къ недостаткамъ человечества, явился подъ покрываломъ нашей бренной плоти и, сообщивши Себѣ естество наше, содѣлалъ насъ участниками Своего Божества. Ты обширную громаду міра сего считаешь за руководство къ твоему Избавителю, въ соединеніи съ Которымъ состоитъ все твое совершенство. Ты самого себя представляешь себѣ нѣкою частицею тварей, содержимую въ союзѣ вещей, котораго союза конецъ есть радостная вѣчность. Твое спасеніе состоитъ въ сихъ истинахъ; которыхъ если кто не знаетъ, весьма несчастливъ, хотя бы, впрочемъ, приобрѣлъ знаніе всѣхъ вещей. И для того я привѣтствую тебя именемъ Евангелія: блаженъ еси, христіанинъ, благодатію присвоенное Богу чадо, „яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ, иже на небесѣхъ“. Блаженъ еси, Израилю, яко угодная Богу намъ разумна суть.

А чтобы больше намъ въ семь подвигъ благочестія успѣвать, Церковь святая, какъ всегда, такъ особенно въ нынѣшній день, представляетъ два знаменитые примѣры, двухъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ: горящаго вѣрою Петра и славнаго мудростію Павла. Хотя они были того же съ нами слабаго естества, но, когда восхотѣли, сдѣлали умъ свой богоисанною скрижалію, а сердце жилищемъ духа, трудами своими побѣдили слабости тѣлесныя, воздержаніемъ укротили страсти, богомыслиемъ прогнали земныя мудрованія и дали духу торжествовать надъ плотію,—почему праведно на небеси увѣчаны безсмертіемъ, а на земли всѣмъ вѣкамъ оставили свою жизнь къ подражанію.

Сія примѣры тѣмъ сильнѣе должны возбудить насъ къ подражанію своему, что мы видимъ въ томъ предшествующую намъ и отвергающую славный путь, Благочестивѣйшую нашу Самодержицу. Ея Императорское Величество, какъ есть глава управляющая всѣмъ тѣломъ Россійскаго общества, такъ есть надежнѣйшая руководительница ко всякому дѣлу благочестія. Ея просвѣщенная мысль въ стыдъ приводитъ невѣжество, предъ ея нелюдимымъ благочестіемъ презрѣнно суевѣрство, предъ ногами ея благоразумной кротости лежитъ поверженною жестокость и свирѣпость, ея неутомимость въ трудахъ побѣждаетъ общія слабости, ея щедрота отъемлетъ несчастливый жребій, ея бесѣда растворена солюю благодати, ея матерній взоръ проливаетъ радость, ея средобольное сердце подаетъ отраду бѣднымъ, ея благодѣтельная рука есть покровъ безопасный для всѣхъ.

Благочестивѣйшая Государыня! несозданный свѣтъ озаряетъ мысль Твою, и ковчегъ души Твоей наполненъ благоуханіемъ Святаго Духа. Почему и праведный Богъ, въ награжденіе за Твои добродѣтели, благословляетъ всѣ Твои намѣренія, всѣмъ предпріятіямъ споспѣшествуетъ, всѣ дѣла славою вѣнчаетъ. Онъ показалъ благій промыслъ Свой въ предшедшихъ Твоихъ дѣлахъ, показываетъ въ настоящихъ, но не оставилъ промыслить и о будущихъ, даровавъ Тебѣ любезнѣйшаго, любезными дарованіями украшеннаго, сына. Се, предъ очами Твоими цвѣтетъ онъ, напаяемый изъ источника Твоей мудрости, яко кринъ, струями воды живоной.

А Ты, сладчайшая надежда, Благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій нашъ имянинникъ! мужайся въ подвигъ мудрости и добродѣтели и достигай до онаго блаженства, которое Евангеліемъ присвоется чловѣку, просвѣщаемому явленіемъ Отца небснаго. Да и, дѣйствительно, Твоя особа участна есть сего блаженства: ибо Ты, Благовѣрный Государь, обогащаешь умъ свой знаніемъ разныхъ наукъ, при руководствѣ которыхъ усматриваешь Божественную красоту истины; а сія красота плѣняетъ Твое сердце любовію добродѣтели. Сему по-

спѣшествуетъ чистота Твоего духа, любезная ко всемъ склонность, нелюдимое къ Богу усердіе, которымъ зажжена Твоя непорочная душа. А къ большому дѣйствию, сія цвѣтоносная вѣтви Твоихъ дарованій Ея Императорское Величество, дражайшая Твоя Родительница, согрѣваетъ матернею своею любовію къ Тебѣ и неуспыннымъ попеченіемъ о Твоемъ воспитаніи. Все сіе обрашая въ свою пользу, при руководствѣ всецѣльной Десницы, поспѣшай, пресвѣтлѣйшій Наслѣдникъ, симъ славнымъ путемъ исполняй радость Августѣйшей Матери и усердныя желанія всехъ насъ, — чѣмъ, вѣруемъ, Всеблагій Господь и благословить Россію. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„Возмогайте во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“.

(Ефес., гл. 6, ст. 10).

Возсіялъ намъ какъ оный благословенный день, въ кото́рый Богъ, благодѣтельствуя Россіи, даровалъ намъ дражайшій залогъ благости Своей. Благополучное преуспѣваніе въ возрастѣ лѣтъ и дарованій, высокаго Наслѣдника Августѣйшей нашей Самодержицы, есть толикое Божіе къ Россіи благодѣяніе, что мы непрестанныя хвалы и благодаренія должны воздавать пекущемуся о насъ Промыслу. Ибо, при вождѣлвномъ и мирномъ царствованіи Великой Монархини нашей, когда и высокій ея Наслѣдникъ, шествуя по матернимъ слѣдамъ, непрестанно стремится къ своимъ совершенствамъ, — общее благополучіе больше пріемлетъ сіянія, больше радости, поелику оно утверждается несумнительною надеждою продолженія. И какъ сказалъ Давидъ, что Богъ, видя Свои дѣла въ порядочномъ теченіи, чувствуетъ изъ того нѣкоторое въ Себѣ удовольствіе: „Возвеселится, — говоритъ онъ, — Господь о дѣлѣхъ Своихъ“ (Псал., 103, 31); такъ, поистинѣ, и нынѣ, зря съ горнихъ мѣсть Своихъ на любезное Августѣйшей Матери чадо, Онъ, яко движимъ радостію, устами Апостола Своего глаголетъ къ нему: „Возмогай во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“!

Сей Божественный гласъ возьмемъ мы, слушатели, въ основаніе нашей бесѣды и, прилагая его особливо къ виновнику нынѣшняго торжества, изслѣдуемъ, *въ чемъ состоитъ истинное мужество?* Къ со-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ придворной церкви, въ Саввѣ-Петербургѣ, 1766 года, сентября 20 дня.

дѣйствию же слова нашего призовемъ Божественную благодать: воззри на насъ, всевидящее Око, и гласъ истины Твоя да оглашаетъ наши уши и да движетъ наше сердце!

Мужество есть превосходнѣйшая пзъ добродѣтелей, поелику она есть основаніе другихъ добродѣтелей: ибо нельзя приступить къ какому-нибудь похвальному предпріятію, ежели прежде утвердить не будетъ духъ мужествомъ. Но надобно знать, въ чемъ состоитъ истинное мужество, дабы намъ порока не почестъ за добродѣтель. Мужествомъ, можетъ быть, кто назоветъ тѣлесную крѣпость, каковою, на примѣръ, въ древности прославились Милонъ, Геркулесъ и Сампеонъ, которые со львами боролись и однимъ ударомъ звѣрей убивали,—или каковыя были оныя, древностию же славимыя, исполины, кои однимъ чудовищнымъ видомъ тѣла своего въ страхъ приводили слабыхъ смертныхъ. Но мы весьма далеки отъ того, чтобы добродѣтель мужества поставить въ таковой крѣпости тѣла: ибо слѣдовало бы вѣкъ малосильнымъ быть всегда лишеннымъ сей добродѣтели. Притомъ, еслибы таковой крѣпости присвоить имя мужества, то многіе звѣри всегда превосходили бы насъ сею добродѣтелію. Прейдемъ мы такое погрѣшительное мнѣніе.

У иныхъ заслуживаетъ имя мужественнаго тотъ, который смѣло свергаетъ себя во всякія опасности: бросается, на примѣръ, на непріятели въ то время, когда лучше было бы уступить и чрезъ уступленіе стать побѣдителемъ,—идетъ отважно въ ту страну, гдѣ, на примѣръ свирѣпствуетъ моровая язва,—принимается за дѣло выше своихъ силъ и чрезъ то повреждаетъ здравіе свое. Итъ въ семъ мужества, но—одна безразсудность; слѣпымъ жаромъ движимое стремленіе; машина сильно бросающая, но не знающая своей мѣты. Таковая дерзновенная безразсудность часто бываетъ подвигаема видомъ ложной ревности, и трудно сказать, причиною какихъ вредныхъ слѣдствій бываетъ она тогда. Вамъ извѣстны тѣ люди, которые, надѣясь, не знаю, вѣнецъ какой святости получить, бросаются въ огонь и сжигаются, конхъ бѣдность оплакиваетъ Церковь и отечество наше.

Но паче всего обижаютъ истинную добродѣтель мужества тѣ, кои приписываютъ оную героямъ міра сего, то есть, тѣмъ, которые, по движенію только суетнаго славолюбія, раззорили цвѣтушіе грады, опустошили плодоносіемъ кипящія земли, обезчадили родителей, вездѣ по себѣ оставили страхъ и ужасъ. Боже мой! что мнѣ прежде дѣлать? человѣческую ли слѣпоту оплакивать, или самую добродѣтель, которая въ мнѣніи человѣческомъ столь низка и повержена? Покрыть все поле трупами: это—мужество; въ пенель обратить грады: это—геройство; воздухъ наполнить стenanіемъ: это дастъ имя великаго. Таковыя суть и

мужественны и велики и герои. Такъ что же—тѣ, за слѣдами которыхъ шествуетъ миръ и спокойствіе? которые суть древо, дающее сладкую тѣнь? которые во всѣхъ смертныхъ почитаютъ человѣчество? которымъ жизнь неповинныхъ есть дарованіе небесное и неприкосновенное? Такъ сіи не мужественны? такъ сіи не велики? такъ сіи не—герои? Клянусь вѣчною истиною, что сіи суть справедливые подражатели человѣколюбиваго Божества,—что сіи-то суть самое большее благодѣяніе, какое родъ человѣческой получить можетъ отъ щедроты небесъ.

Не говорю я здѣсь о тѣхъ, которые принимаются за мечъ противъ человѣколюбивой склонности сердца своего, которые обливаютъ его прежде слезами своими, нежели другихъ кровію, которые находятъ себя принужденными, печальною крайностію, пролить кровь другихъ, не съ тѣмъ, чтобы шумомъ своего имени чрезъ всѣ вѣка гремятъ, но чтобы отвратить тотъ ударъ, которымъ раззоряется благополучіе другихъ. Таковое мужество есть неслышное, таковая крайность оправдывается истиною, и сіе мужество тѣмъ больше возноситъ своего героя, что онъ тогда вмѣщаетъ въ свое лице опасность всѣхъ, чтобы отвратить оную отъ всѣхъ, и чрезъ то обязываетъ всѣхъ быть одолженными себѣ жизнью.

Но уже перестанемъ, слушатели, изобличать человѣческія слабости, представимъ слово наше въ прямомъ видѣ,—посмотримъ, въ чемъ же состоитъ истинное мужество?

Гдѣ есть мужество, тамъ слѣдуетъ быть и противностямъ, которыя надобно побѣждать. Противности, всегда предлежащія человѣку, суть двоякія: одні внутреннія, другія внѣшнія. Внутреннія суть страсти и пороки, а внѣшнія двоякаго рода: въ первомъ родѣ—труды, соединенныя съ каждою должностію, а во второмъ родѣ—всякія несчастія. И потому истинное мужество, во-первыхъ, есть, когда кто побѣждаетъ страсти; а подъ именемъ страстей мы разумѣемъ склонности, стремящіяся противъ здраваго разума. Печальнымъ искусомъ всякій изъ насъ на себѣ позналъ, сколь страшенъ видъ сей домашней войны. Но напрасно я сказалъ, что видъ войны сей страшенъ: нѣтъ, видъ ея прелестенъ и тѣмъ больше опасенъ. О, поистинѣ, великій герой есть, кто торжествуетъ надъ сими непріятелями и содержитъ свои стремленія въ рукахъ своей воли. Кто гнѣвомъ не воспаляется, кто гордость попираетъ, кто сребролюбію смѣется, кто роскошью гнушается, кто бѣдностію не сокрушается, кто не плѣняется завистію, не расслабляется лѣнностію и чувственными сладострастіями не увлечается,—кто таковъ есть, да придетъ къ намъ, и мы увѣнчаемъ любезную его главу лаврами безсмертія. Многіе взяли неприступные грады, но плѣнились отъ страстей своихъ; многіе укротили свирѣпыя народы, но остались не-

вольниками непристойныхъ склонностей; и потому сія побѣда далеко есть блистательнѣе другихъ, сей подвигъ есть Евангельскій, сіе торжество достойно зрѣнія ангеловъ.

Во-вторыхъ, имени мужественнаго достоинъ и тотъ, который не ослабѣваетъ въ дѣлахъ своей должности. Вѣдаете вы, что надобно побѣдить многія затрудненія, пролить много поту, не одну ночь проводить безъ сна тому, кто понадлежащему должность свою исполнить хочетъ. Не говорю о многихъ скукахъ, неудовольствіяхъ, досадахъ, которыя при всякомъ случаѣ встрѣчаются съ нами. Сія затрудненія намъ кажутся тѣмъ больше скучными, что противное тому прелестно: ибо весьма пріятно для нашихъ чувствъ, чтобы погулять и препровождать часы въ однихъ веселыхъ разговорахъ, на мягкой постели нѣжить свои члены и другими суетами забавлять себя. Вотъ—противности! вотъ—мѣсто похваляемой нами добродѣтели! вотъ—пространное поле геройствовать мужественному духу!

Побѣдить себя противъ оныхъ чувственныхъ прелестей, отрясти отъ своихъ очей дреманіе, безъ скуки снести хлопоты домашнія, терпѣливо выслушать жалобы оскорбляемой неповинности, великодушно разобрать самыя мелкія обстоятельства всякаго дѣла, безъ отягощенія въ непогоду, въ ненастье идти въ приказъ, въ полкъ, въ церковь, предварить восходящее солнце и въ жертву оному принести бодрость нашего духа,—побѣдить всѣ сіи, для нѣжности нашихъ чувствъ непріятныя, затрудненія благополучно, есть побѣда великая; преодолѣть сіе есть великое торжество. Таковая добродѣтель есть истинное мужество, таковой торжественникъ есть истинный христіанскій герой,—и онъ тѣмъ славнѣе, что возвращается съ своей побѣды неокровавленный, но имѣя спокойное и цвѣтущее лицо; а это есть знакъ внутренняго удовольствія, какое чувствуетъ въ себѣ человѣкъ, когда должность свою исполнить.

Въ третьихъ, истинное мужество—побѣдить несчастія. Вѣдаете вы, что и на самыхъ добродѣтельныхъ людей часто падаетъ несчастливый жребій, ежели только можно назвать несчастіемъ, чтобы страдать за справедливость. Клевета часто повреждаетъ ихъ честное имя: зависть не рѣдко лишаетъ ихъ, справедливо нажитаго, имѣнія и заставляетъ омочать слезами свой скудный хлѣбъ, а злость иногда съ мученіемъ отъемлетъ и самую ихъ жизнь. Сія святыя души со всѣмъ своимъ терпѣніемъ, изъ-подъ самаго покрывающаго ихъ алтаря милосердія Божія, вопіють: „Доколѣ, доколѣ, Господи, не мстиши“ (Апок., 6, 10)?

Но на сей радостный день закроемъ мы сіе плачевное зрѣлище, а вмѣсто того возопіемъ: кто хочетъ быть истинный герой, по-

бѣди таковыя несчастія, спеси великодушно противные случаи, укрьши твое сердце, чтобы не разслабло отъ ударовъ злости, непусти ей хвалиться тѣмъ, что она, падая на твою слабую плоть, могла побѣдить и духъ твой. Кто есть сей побѣдитель, да придетъ къ намъ, и мы бросимся въ его объятія, чтобы быть онъ намъ предводителемъ въ подобныхъ случаяхъ; да придетъ къ намъ, и мы увѣнчаемъ его и превознесемъ его похвалами неслестными.

Итакъ, видите вы, возлюбленные слушатели, кто есть и каковъ долженъ быть воинъ христіанскій? Но я, признавая недостатокъ моего слова, хочу, чтобы вы на такого героя посмотрѣли въ томъ видѣ, въ какомъ его представляетъ мужъ великаго въ Церкви имени, апостоль Павелъ.

Апостоль облачаетъ его во вся оружія Божія: препоясываетъ истинною, вмѣсто воинской брони укрьпляетъ грудь его правдою, а ноги—миромъ, даетъ въ руки щитъ вѣры, возлагаетъ на главу шлемъ спасенія, вооружаетъ мечемъ духовнымъ, иже есть глаголь Божій (Ефес., 6, 14—18). Можно ли видѣть героя въ лучшемъ вооруженіи? возможно ли, чтобы, сими оружіями укрьпленный, христіанскій подвижникъ могъ преборимъ быть или страстями, или затрудненіями, или несчастіями?

Имѣя, слушатели, слово объ истинномъ мужествѣ, мы не можемъ не обратить внимательныхъ своихъ очей на героиню нашу, Августѣйшую всей Россіи Самодержицу, мужественный духъ которой есть утвержденіе и украшеніе всѣмъ ея добродѣтелямъ. Мы сказали, что, между прочимъ, надлежитъ до истиннаго мужества, дабы быть великодушному въ сношеніи грудовъ своей должности. Но кто нашаче отягощенъ трудами, какъ Всероссійская Императрица, которая на священныхъ своихъ раменахъ носитъ бремя пространнѣйшей въ свѣтъ имперіи? Подкрѣпляемая Вседержителевою рукою, она столь мужественно шествуетъ симъ геройскимъ путемъ, что, входя въ нужды всякаго и разбирая безчисленныя дѣла, есть приснотекущій источникъ удовольствія общаго. Но сіе еще паче возноситъ мужество ея, что Ея Величество, имѣя кроткій и миролюбивый духъ, владѣніе свое сохраняетъ въ мирѣ, умѣряетъ наказаніе согрѣшившихъ, а чрезъ то, удовлетворяя общей безопасности, и самимъ согрѣшившимъ даетъ время и случай къ исправленію.

Всепресвѣтлѣйшая монархиня! Плодъ сего Твоего миролюбиваго духа и кроткаго царствованія есть тотъ, что наши дни въ радости протекаютъ, что земледѣлецъ спокойно влечетъ свой плугъ, что корабль безпрепятственно идетъ къ своему пристанищу, что жнецъ остритъ свой серпъ на благословенную жатву, что художникъ въ сладкой тишинѣ

упражняешь свои руки въ работѣ, что оружіе отдыхаетъ, а чрезъ то, великая героиня, Ты безъ сраженія ставишь трофеи и торжествуешь не надъ связанными неприятелями, но надъ усердными сердцами. И потому, Августѣйшая Государыня, Твои побѣды суть ежедневныя, Твои торжества суть оныя гласы веселящихся, которыми призываютъ благословенія Божія на Твою главу. Самъ Богъ симъ зрѣлищемъ увеселяется и вопіетъ къ Тебѣ съ высоты святыя Своея: „Возмогай во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“ (Ефес., 6, 10). Да поетъ же предъ Нимъ и Твой духъ въ веселіи духовномъ: „Готово сердце мое, Боже, готово“ (Псал., 56, 8). „Имени Твоему пою, величайя спасенія царева“ (Псал., 17, 50).

Но и Ты, виновникъ нашего торжества, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ! Не особенное ли еси доказательство мужества Августѣйшей Твоей матери? Ибо, чѣмъ болѣе возрастаютъ въ Тебѣ дарованія, тѣмъ болѣе открываются не только Твои совершенства, но и прославляется благородство и попеченіе родившей Тебя. Въ нынѣшній благословенный день, благодѣтельствующій Тебѣ Богъ открылъ пространное поле къ новымъ мужества подвигамъ, и Тебѣ предуготовлена новая колесница славы.

Двѣнадцать лѣтъ теперь миновало Тебѣ. О, вѣсть радостная! О, вѣсть превозделанная! Окончилъ Ты, благовѣрный Государь, благополучно теченіе младенческихъ лѣтъ и, согрѣваемый лучами милосерднаго Провидѣнія, созрѣваешь на подобіе плодовъ сладчайшихъ. Мы радуемся о семъ; но еще превосходнѣе оная наша радость, которая рождается отъ того, что вкупѣ возрастаютъ Твои дарованія,—что, восходя на высоту лѣтъ, простираешь око ума Твоего далѣе, что, расширяясь, Твое сердце становится вмѣстительнѣе для добродѣтели. Можемъ ли мы усумниться, чтобы впредь не больше умножилось сіяніе Твое, когда еще въ молодыхъ лѣтахъ видимъ столь славныя опыты мужества Твоего? Дѣйствіе Твоего просвѣщенія, Государь, ясно видимо въ непорочныхъ нравахъ Твоихъ, въ Твоемъ чистосердечіи, въ Твсихъ благодѣтельныхъ склонностяхъ. Мы, созерцая все сіе, самихъ себя привѣтствуемъ; а Богъ, Его же рука осѣняетъ Твою главу, вопіетъ къ Тебѣ чрезъ соименитаго Тебѣ Павла: „Возмогай во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“. Возмогай въ благочестіи, возмогай въ приумноженіи богатства добродѣтели, къ несказанной радости дражайшей Родительницы Твоей и къ благополучію всѣхъ насъ.

Боже, всемогущій силою и крѣпкой державою! Августѣйшую Монархиню нашу съ любезнѣйшимъ Сыномъ Ея покрывай всегда безсмертною Твоею десницею, и нашу радость о Нихъ сравнивай съ оною радостію, каковую имѣютъ о Тебѣ ангелы Твои на небеса. Аминь.

Слово, говоренное при первомъ случаѣ прихода своего въ лавру, февраля 4 дня, 1767 года.

Взошедъ въ сію богохранимую обитель и въ сей священный храмъ, во-первыхъ, за долгъ свой почитаю принесть благодареніе Господу Богу, что, по благому Его Промыслу, сподобился узрѣть вѣренное мнѣ духовное стадо, со всякимъ благочиніемъ предстоящее. Принося же благодареніе, молю духомъ моимъ милосердіе Его, да подастъ мнѣ силу сказать слово утѣшенія братіи моей, дабы, при семъ благословенномъ случаѣ, не остались мы безъ желаемой пользы духовной.

Что же повелѣваешь Ты, Божія Премудрость? что повелѣваешь Твоему рабу? Слышу я, слышу Твой всеильный гласъ, который, во-первыхъ, касается души моей. Напоминаешь Ты мнѣ святость званія моего и тяжесть возложеннаго бремени: напоминаешь, чтобы вѣрностью дѣлать въ вертоградѣ Христовомъ,—чтобы вѣренное спасеніе другихъ почитать за собственное свое,—чтобы держать въ рукахъ возженную свѣчу Евангелія и свѣтомъ симъ руководствовать къ оному неприступному свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ,—чтобы умѣть править симъ священнымъ жезломъ и употреблять оный благимъ въ руководство, а ненаказаннымъ въ исправленіе. Напоминаешь прилагать попеченіе, дабы, посвятившіе себя Богу, иноки были избранное Божіе стадо,—чтобы обѣщанія наши были засвидѣтельствованы самымъ дѣломъ,—чтобы обитель была мѣстомъ святости,—чтобы монастырь былъ школою благочестія, а жизнь монашествующихъ—примѣромъ добродѣтели.

Слыши, душе моя, и внимай! соотвѣтствуй Божественному гласу и помни, что надобно дать отвѣтъ о приставленіи домовнѣмъ.

Той же гласъ Божественный касается и васъ, мои возлюбленные о Христѣ братія! Онъ воспоминаетъ и вамъ званіе ваше, долгъ, даннаго вами Богу, обѣщанія и святость благочестиваго вашего жительства. Да отверзется слухъ сердца вашего, и сей гласъ примите усердіемъ души вашей. Но, чтобы напоминаніе сіе было въ насъ дѣйствительно не на сей только часъ, а и на всю нашу жизнь, хочу я кратко вамъ изъяснить, *какое въ древнія времена было, и какое нынѣ должно быть начало или побужденіе къ монашескому житію.*

Начало или побужденіе къ монашескому житію въ древности было, „чтобы удалиться отъ міра“. Но сіе слово требуетъ взъясненія: ибо, гдѣ бы кто ни былъ, въ пустынѣ ли, въ лѣсахъ ли, или въ горахъ,—вездѣ онъ окруженъ міромъ; да и самъ онъ, хотя малая, однако, есть нѣкоторая часть міра. Такъ какъ же можно удалиться отъ міра? да и должно ли? ибо міръ заключаетъ въ себѣ прекрасныя дѣла мудраго

Создателя, на которыхъ если мы взираемъ и о нихъ разсуждаемъ со вниманіемъ, руководствуютъ они насъ къ своему Творцу и возбуждаютъ въ насъ благочестивое почитаніе къ верховному ихъ Правителю. Такъ должно ли отъ такового удаляться міра, хотя бы и можно было?

Но, чтобы сіе сумніе было отнято, мы подъ именемъ міра не разумѣемъ сія созданія Божескихъ рукъ, а разумѣемъ все то, что худое грѣхомъ введено въ міръ, а именно: излишнія мірскія суеты, безчестные примѣры другихъ, вредныя съ худыми людьми обхожденія, всякіе соблазны и препятствія къ добродѣтельному и благочестивому житію. И потому удалиться отъ міра значитъ удалиться отъ всего сего и избрать себѣ мѣсто и состояніе въ которомъ безпрепятственно можно было бы упражняться въ святыхъ богомшеліяхъ, духомъ и устами восхвалять своего Господа, въ сладкой тишинѣ сидѣть при какомъ-либо рукодѣліи и, отогнавъ отъ себя праздность, благословенными своими трудами пользоваться не только себя, но вспомошествовать и недостаткамъ другихъ. Такое въ древности было начало и побужденіе къ монашескому житію,—начало святое, побужденіе спасительное, намѣреніе Духу Святому пріятное!

А что, подлинно, такое было побужденіе у древнихъ оныхъ святыхъ монаховъ къ уединенному житію, — послушаемъ свидѣтельства о томъ святыхъ отцевъ. Святый Кассіанъ и Палладій, которые прилежно описали порядокъ и житіе древнихъ египетскихъ монаховъ, о трудолюбіи ихъ пишутъ такъ: „Иной, де, работаетъ, дѣлая землю, иной — виноградъ, иной мѣдъ куеть, иной печеть хлѣбы, иной плетничаетъ, иной красить, иной выдѣлываетъ кожи, иной плететь кошницы большія и малыя, а, притомъ, все Святое Писаніе умѣють наизусть“ (Касс. Настав. кн. 3, гл. 2; Паллад. истор. Лавс., гл. 39). Сіе трудолюбіе не только не препятствовало, но паче помогало, чтобы и уста ихъ всегда наполнены были хвалами Господними,—о чемъ такъ пишетъ блаженный Иеронимъ, великій въ добродѣтели подвижникъ. „По собраніи, де, общемъ монаховъ начинаютъ гремѣть псалмы, гремѣть Писаніе. По совершеніи же молитвы, садятся всѣ, и тотъ, котораго они называютъ отцемъ, въ срединѣ ихъ начинаетъ поученіе; и при сей бесѣдѣ толикое бываетъ молчаніе, что не смѣють харкнуть или осмѣять одинъ на другаго. Сколь похвально онъ говоритъ, сіе доказываетъ плачь слушателей: катятся тихо по устамъ слезы, и болѣзнь свою во внутренности скрываютъ. Когда же, де, начнетъ онъ говорить о царствѣ Христовомъ и о будущемъ блаженствѣ и о славѣ грядущей, въ то время увидѣлъ бы ты, что всѣ они кротко воздыхаютъ и, вознося къ небу очи, въ себѣ говорятъ: кто дастъ мнѣ крилѣ, яко глубинѣ и полещу и вочію“ (Иерон. въ посл. къ Евсток.)!.. Вотъ какое было

житіе и состояніе древнихъ оныхъ блаженныхъ иноковъ, коихъ послѣдователями мы называемся.

А отсюда мы видимъ, что, если кто желаетъ монашество воспріять, онъ долженъ къ святому сему званію себя опредѣлить не затѣмъ, чтобы больше найти себѣ покоя и прохлады,—не затѣмъ, чтобы отдать себя праздности и златое время потерять во снѣ, въ лежаніи, въ суетныхъ разговорахъ и въ другихъ излишествахъ,—не затѣмъ, чтобы себя питать и потомъ трудолюбивцевъ утучнять себя,—не затѣмъ; но чтобы имѣть преподобныя свои руки, занятая какимъ-либо трудомъ, уши отверзаты на слушаніе полезнаго ученія, уста посвятить на хвалу Господню, языкъ — на исправленіе слабостей ближняго, мысль—на познаніе истины, душу—на добродѣтель, всего себя—на жертву Богу.

Да и подлинно, ежели бѣдный земледѣлецъ печется жаромъ солнечнымъ и кровавыми трудами собираетъ себѣ скудную пищу, ежели купецъ странствуетъ въ дальнія земли и преплываетъ пучины, ища пропитанія дому своему, ежели художникъ въ глубокую ночь не погашаетъ своей свѣчи и, прегибаясь, утомляетъ руки свои работою, то отрешившійся ли міра инокъ будетъ сидѣть въ покоѣ? Мы ли будемъ меньше ихъ трудиться? намъ ли пристойно опорочить себя праздностью? намъ, коихъ міръ справедливо желаешь видѣть святѣе другихъ? Нельзя сказать того, что „свѣтскіе имѣютъ домъ, и потому, де, нужда трудиться имъ“. А намъ что же дѣлать? — „Молиться Богу“, — скажемъ мы. Изрядное и благочестивое дѣло! И подлинно, никто столько не долженъ молитвою душу свою освящать, сколько посвятившій себя Богу инокъ. Но хотѣлъ бы я знать, сколько ты, святой отецъ, содержишь себя въ молитвенныхъ упражненіяхъ? Ежели весь день и въ большую часть ночи у тебя въ устахъ гремитъ Божіе слово, а въ сердцѣ горитъ истинное умиленіе, то я долженъ отдать честь твоей добродѣтели и тебя взять въ примѣръ къ своему спасенію. Но понеже сила нашей души не можетъ быть столь тверда и напряженна, чтобы мы непрестанно пребывали въ молитвѣ, то въ какомъ же святомъ упражненіи проходитъ прочее время наше? Ежели мы бываемъ въ церкви въ сутки часа четыре или пять, такъ куда же пропадаютъ прочіе благословенные часы? Я больше молчу, а отдаю сіе слѣдствіе всякому на судъ своей совѣсти, и только съ сожалѣніемъ говорю, что праздная жизнь нѣкоторыхъ монашествующихъ (сохрани, Боже, чтобы я заключалъ тутъ всѣхъ: нѣкоторыхъ, говорю, монашествующихъ!) бываетъ причиною многихъ пороковъ, а именно, унынія или расслабленія душевнаго. Но кто впадаетъ въ уныніе, тотъ начинаетъ скучать, что онъ избралъ для себя такое состояніе, которое уже ему представляется несноснымъ: отъ таковой скуки рождаются задумчивость, а задумчивость подаютъ поводъ къ дурнымъ соласіямъ,

предпріятіямъ и роптаніямъ. Такія мысли безпокойны, сіе внутреннее мученіе несносно: что же дѣлать?—надобно стараться погашать ихъ виномъ. Отъ сего рождается къ пьянству привычка, которая когда къмъ овладѣтъ, то въ немъ истребляетъ и послѣднее чувство добродѣтели, отъ чего, нанослѣдокъ, выходитъ ужасная и многихъ слезъ достойная гибель души.

Да все ли тутъ? Подлинно, страшно и сіе; но, кромѣ того, таковы пороки иѣкорыхъ иноковъ привлекаютъ безчестіе и изощряютъ языки другихъ на все монашеское состояніе. Міръ видитъ все, и иѣкоторые міряне сожальютъ, что не находятъ они святости и въ тѣхъ, кои хъ и обѣщаніе, и общежительство, и самая одежда увѣщаваетъ и побуждаетъ къ святости; а другіе, слѣдуя, можетъ, своей страсти, не только осуждаютъ, но и при всякомъ случаѣ стараются осмѣять. Таковы печальныя слѣдствія праздной жизни!

Нельзя намъ того сказать, что монашеское житіе такъ препроводить, какъ надлежитъ, есть не невозможно,—нельзя намъ того сказать: понеже добровольно мы къ тому себя обязали, а къ невозможному никто себя обязывать не долженъ. Къ большому нашему въ семь увѣренію и подражанію представилъ бы я древнихъ святыхъ иноковъ, кои хъ добродѣтель доселѣ прославляется, представилъ бы я Павловъ Оивейскихъ, великихъ Антоніевъ, Иларіоновъ, Макаріевъ, Марковъ Оряческихъ, Арсеніевъ, Герасимовъ, Саввъ, Евфиміевъ, Аванасіевъ Аеонскихъ и прочихъ многочисленныхъ,—представилъ бы я ихъ; но, вотъ, предъ очами нашими предлежитъ основатель сей обители, преподобный и богоносный Сергій, свѣтило Россійское, монашествующимъ всѣмъ святѣйшій примѣръ. Положивъ въ душѣ своей твердое основаніе посвятить себя всего на службу Богу, онъ столь возвысилъ свою добродѣтель, что сіяніе ея и доселѣ служитъ руководствомъ къ нашему просвѣщенію. Славные слѣды и драгоцѣнные остатки трудолюбія его и нестяжанія мы находимъ въ самой сей обители. Кротость блаженной души его видна была при всякомъ случаѣ, а наипаче, когда онъ на степень Всероссійской митрополіи возводимъ былъ. Роптаніе ложныхъ братій онъ сносилъ столь терпѣливо, что его великодушіе приводило ихъ въ стыдъ, слѣдовательно, въ исправленіе: внутреннія же богомыслия его,—умъ, углубившійся въ чистомъ воображеніи Божества, и жаръ молитвенныхъ приношеній кто исповѣсть?..

Сей блаженный отецъ, который прежде богодухновеннымъ языкомъ, а нынѣ посредствомъ своихъ священныхъ мощей, такъ говоритъ къ намъ: „Духовною восхищаюсь я радостію, что вижу неувядающій вертоградъ, руками моими насажденный и напоенный моимъ потомъ. Процвѣтайте въ дому Господни, собранныя Богомъ чада мои; приносите

плоды достойны покаяніи. Моя жизнь да будетъ вамъ примѣромъ святости: мои, трудомъ изможденныя, руки да прогоняють отъ васъ праздность; моя, отъ носта увядшая, плоть да научить васъ воздержанію; мои, мудрымъ молчаніемъ запечатлѣнныя, уста да наставяють васъ благоразумію; тѣло мое, отъ Бога нетлѣніемъ благословенное, кое вы всегда предъ очами своими имѣете, да будетъ вамъ увѣреніемъ, что добродѣтель ваша предъ щедротами Божиими забвена быть не можетъ. Впрочемъ, да будетъ надъ вами Божіе благословеніе и мои содѣйствующія тому молитвы“!

Сіе увѣщаніе отца нашего да напечатаемъ мы, братіе, на скрижали сердца своего и, оное исполняя, да утвердимъ себя упованіемъ, яко Господь Богъ нашъ всему есть издвоздатель праведный. А чтобы намъ въ семъ прекрасномъ теченіи подвизаться благопоспѣшно, вкупѣ всѣ призовемъ Божественную помощь, Боже милосердія, собравый насъ во едино! соедини крѣпчайшимъ союзомъ любви Твоея, и въ подвигѣ нашемъ да способствуетъ благодать Твоя, и молитвы угодника Твоего. Рцы и намъ, Человѣколюбче, якоже нѣкогда апостоламъ Твоимъ реклъ еси: *Не бойся малое стадо: яко Отецъ небесный блаизволи дати вамъ царство* (Лук., 12, 32). Аминь.

Слово въ недѣлю Сыропустную *).

Духъ Святой, въ чтенномъ нынѣ Евангеліи, избыльное предлагаетъ намъ угощеніе. Слышали вы, что нынѣшнее Евангеліе поминало намъ о трехъ добродѣтеляхъ, въ которыхъ заключается званіе, какъ всякаго христіанина, такъ наипаче монашеское, а именно, „о непамятозлобїи, и воздержаніи, и о нестяжаніи“. О непамятозлобїи содержится въ сихъ словахъ: „Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный“ (Мате., 6, 14). О воздержаніи же сказано такъ: „Егда поститесь, не будите, яко же лицемѣри“ (Мате., 6, 16). А о нестяжаніи такъ изъяснено: „Не скривайте себѣ сокровищъ на земли“ (Мате., 6, 19) и проч. И понеже Спаситель нашъ мало повыше говорилъ о молитвѣ, какой ей должно быть, а послѣ того тотчасъ присовокупилъ и о помянутыхъ нами трехъ добродѣтеляхъ, то изъ сего мы несумнительно можемъ заключить, что, кто хочетъ Богу молиться, потребно, дабы молитва его препровождаема была оными тремя добродѣтелями, то есть, непамятозлобїемъ, или любовію, воздержаніемъ и нестяжаніемъ. И какъ молитвѣ или истинному богочитанію крайне

*) Сказано февраля 18 дня 1767 года въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ.

противно есть лицемѣріе, для того Евангеліе предостерегаетъ, чтобы оныя добродѣтели не были опорочены лицемѣріемъ,—и для того говорить: „Не будите, яко же лицемѣри“. Ибо, если кто другому прощаетъ обиду только словами, а въ сердцѣ на него злобится, тотъ—не другъ, но лицемѣръ; если кто воздержится отъ нѣкоторыхъ яствъ, а страстямъ даетъ волю, тотъ есть не постникъ, а суевѣрный лицемѣръ; если кто о бѣдныхъ словами сожалѣетъ, а душу имѣетъ плѣнненную богатствомъ и скупостію, тотъ—не снабдитель милостивый, но жестокой лицемѣръ. Итакъ, ежели къ помянутымъ добродѣтелямъ будетъ примѣшанъ ядъ лицемѣрія, онѣ повреждаются и пропадаютъ; слѣдовательно, и воздаваемое нами Богу служеніе будетъ недѣйствительно и бесплодно. Когда же лицемѣріе столь есть душевредно, потщимся мечемъ слова Божія истребить оное.

Что же есть лицемѣръ? — По слову Христову,—лицемѣръ есть гробъ повапленный, или покрашенный, который снаружи имѣетъ видъ не худой, а внутри полонъ костей мертвыхъ и всякой нечистоты; лицемѣръ есть, который оцѣждаетъ комары, а верблюды пожираетъ, то есть, малые грѣхи уважаетъ, а великіе ставитъ за ничто; лицемѣръ есть, который почитаетъ собственный прибытокъ выше закона и совѣсти. Лицемѣръ есть, который иное содержитъ въ сердцѣ, иное на языкѣ,—который имѣетъ наружность святую, а внутренность беззаконную; лицемѣръ есть, котораго единъ составъ раздранъ на-двое,—который самъ съ собою не согласенъ; лицемѣръ есть въ человѣчествѣ уродъ, который имѣетъ видъ человѣческой, а мысли бѣсовскія.

Чтобы лучше разсмотрѣть намъ сіе безобразное чудовище, посмотримъ на него съ трехъ сторонъ,—къ чему руководствуетъ насъ самое Евангеліе, а именно, со стороны его непамятозлобія, со стороны его постничества и со стороны нестяжанія его.

Лицемѣръ, въ непамятозлобіи, охотно прощаетъ намъ словами свою обиду, но между тѣмъ ищетъ случая къ отмщенію: обходится съ нами ласково, но въ сердцѣ скрываетъ ядъ злобы; увѣряетъ въ глазахъ, что онъ намъ—другъ искренній и слуга вседоброжелательный, а заочно плететъ сѣти къ уловленію нашему; всѣ наши слова предъ нами чрезмѣрно выхваляетъ и превозноситъ до небесъ самые пороки наши, но, отступивъ на одинъ шагъ, уже во вредъ намъ толкуетъ наши слова и старается опорочить самыхъ добродѣтели наши. Изволь уберечься отъ сей сѣти! Простосердечная душа удобно уловляется таковою хитростію лукаваго лицемѣра и поручаетъ ему сердце свое, котораго онъ скоро бываетъ не только отступникъ, но и предатель. О, какъ горестно предану быть отъ того, которому я свое сердце повѣрилъ и съ которымъ я бесѣдовалъ не иначе, какъ съ самимъ собою!

Таковая простота наша и искренность намъ вредна, а лицемѣру полезна и прибыточна. Возшедши хитро въ насъ и укравши ключи нашего сердца, онъ, во-первыхъ, похищаетъ наше душевное богатство, то есть, обноситъ насъ худымъ именемъ, приводитъ насъ у другихъ въ ненависть и преграждаетъ дороги къ благополучію нашему; а притомъ, умастивъ насъ гладкими словами и обѣщая дать намъ золотыя горы, истощаетъ и послѣдній пожитокъ нашъ.

Надобно ли, слушатели, уже изъяснить вамъ, сколько таковой лицемѣрный нравъ есть человѣчеству досаденъ, Богу противенъ, христіанину непристоенъ? Вы знаете, что Евангеліе хочетъ, дабы христіане были простосердечны такъ, какъ голуби, — чтобы злобою были младенцы, чтобы любили и ненавистниковъ своихъ, добро творили бы и врагамъ своимъ, — чтобы за обиды свои такъ чистосердечно прощали, какъ желали бы самимъ себѣ быть прощеннымъ отъ Бога. Какъ? ты, христіанинъ, будешь думать, какъ отмстить свою обиду? а вотъ, предъ очами твоими виситъ твой распятый Спаситель, Который при послѣднемъ часѣ блаженной жизни Своей молился о распинателяхъ Своихъ, и сей кротчайшій нравъ оставилъ въ примѣръ къ подражанію твоему! Впрочемъ, если ты хочешь слѣдовать худой склонности сердца своего, то послушай, что говоритъ тебѣ нынѣшнее Евангеліе: „Аще отпускаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ небесный: аще ли не отпускаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшенія вашихъ“. Ежели ты не прощаешь брату своему, не простишь тебѣ Богъ твоихъ грѣховъ; ежели ищешь мстить, Богъ будетъ мстителемъ твоимъ; ежели тщишься другого погубить, погубитъ тебя въ гееннѣ огненной праведный Судія: „ею же мѣрю мѣриши, возмѣрится тебѣ“ (Матѣ., 7, 2). Но приступимъ ко второй части Евангелія и посмотримъ уже на лицемѣра со стороны его постничества.

„Егда поститесь, не будите, яко же лицемѣри“. Вещь сожалѣнія достойная, что лицемѣры не въ домахъ только кроются, не въ судебныхныхъ только находятся мѣстахъ, волочатся не по улицамъ только и торгамъ, но дерзаютъ входить и въ храмы священные, отворяютъ себѣ не преподобными руками двери и въ божественный алтарь. Сія мерзость запустѣнія стоитъ иногда на мѣстѣ святѣ; лицемѣры и святѣйшій законъ употребляютъ орудіемъ къ своимъ сквернымъ прибыткамъ, и то, что есть средство ко спасенію, обращаютъ себѣ въ погибель. Не можно описать ихъ лучше, какъ уже они описаны отъ предвѣчной мудрости въ Священномъ Евангеліи (Матѣ., гл. 23). Таковые лицемѣры занимаютъ, — говоритъ Спаситель, — учительскія мѣста и строго нападаютъ на малыя слабости бѣдныхъ людей, а сами питаются неправдою и пьютъ, яко воду, беззаконіе. Они обременяютъ простой народъ запо-

вѣдьями, вымышленными отъ людей, и за преступленіе оныхъ не уми-
лостивляются, развѣ подаянїями; одежду свою они расширяютъ, надѣясь
чрезъ то получить отъ простыхъ важное мнѣніе о себѣ; они любятъ
занимать вездѣ первыя мѣста и присвоять себѣ титулы гордыя. Они
долго молятся, но таковыя ихъ лицемѣрныя молитвы съѣдаютъ цѣлыя
дома бѣдныхъ вдовицъ и пожираютъ послѣднее ихъ имущество; они
одесятствуютъ мяту, и копръ, и киминъ, то есть, при всякомъ случаѣ
показываютъ о себѣ, что они—ревностные хранители и малѣйшихъ обря-
довъ закона; но между тѣмъ нѣтъ въ нихъ и слѣда правды и милости
и вѣры.

Много надобно было бы намъ времени, чтобы совершенно описать
ихъ нравы. Скажемъ еще только, какъ читано въ нынѣшнемъ Евангелии,
что таковыя лицемѣры, когда постятся, наводятъ морщины на лице
свое и не умываютъ оное,—показываютъ, что они изнемогли отъ поста
и едва могутъ ходить,—и все то дѣлаютъ, чтобы другіе почитали ихъ
за святыхъ, а чрезъ то къ имѣнію ихъ отворить двери.

О, зміи, порожденія ехиднины! какъ убѣжите отъ суда огня геенн-
скаго? О, ненавидные предатели закона и торжники вѣры! Прельщая
сердца простыхъ людей, думаете ли вы скрыться отъ Онаго, Который
испытуетъ сердца и утробы? лицемѣря предъ очами человѣческими,
думаете ли, что возможете обмануть и всевидящее оное Око? Вы без-
честите святыя алтари, вами въ поруганіе приходитъ Божественная
вѣра: вы подаете вредный соблазнъ неутвержденнымъ душамъ, которыя,
примѣтивъ въ васъ обманъ, не вѣрятъ и тому, чему вѣрять неотмѣнно
надобно: вы безчестіе наводите и на тѣхъ служителей Церкви, которые
хранятъ святое званіе свое въ чистой совѣсти.

Мы, благословенные христіане, видя, сколь погибельно есть таковое
лицемѣріе, какъ должны поступать сами? Духъ Святой всякій день
чрезъ святое слово Свое учитъ насъ: „милости хочу, а не жертвы“
(Матѣ., 9, 13),—что „жертва Богу духъ сокрушенъ“ (Псал., 50, 19),—
что „истинные почитатели Бога служатъ Богу духомъ и истиною“;
(Іоанн., 4, 23) „духомъ“, то есть, не устами только, не наружностію
одною и не одними обрядами; „а истиною“, то есть, исполненіемъ запо-
вѣдей, Богомъ предписанныхъ, а не отъ людей выдуманныхъ: „духомъ
и истиною“.

Таковое, вотъ, богочитаніе есть неллицемѣрное, есть Евангель-
ское, есть христіанское; таковое богослуженіе привлекаетъ намъ съ
небесъ благословеніе Божіе. При семь и постъ богоугоденъ. Но о
постѣ я долженъ напомнить вамъ особенно: ибо сей день предвозвѣ-
щаетъ намъ его пришествіе; и хотя много долженъ бы я съ вами
бесѣдовать о спасительномъ воздержаніи, но да не утомлю слухъ

вашъ, приведу вамъ одно только мѣсто изъ Псаи пророка, въ которомъ прекрасно описано, какой долженъ быть постъ нашъ (Ис., 58, 3—12). Говорятъ тамъ израильяне: „Господи! какъ? мы постились, но Ты скрылъ Свои очи отъ нашего поста; мы себя истомили, а Ты въ насъ никакой переменъ не примѣтилъ“? Отвѣщаетъ имъ на то Божественный гласъ: „Для того, де, что вы во время поста питаете страсти свои и во дни воздержанія обижаете другихъ, ссоритесь и бѣгаете по судамъ. Что же Миѣ—въ такомъ постѣ? Нѣтъ, такой постъ Миѣ не пріятенъ. А ежели хочешь, чтобы твой постъ былъ угоденъ Миѣ, то разрѣшай всякъ союзъ неправды, разрѣшай долги насильственныхъ писаній, отпусти порабощенныхъ въ свободу и всякое писаніе неправедное раздери. раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой и нищія безпріютныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй и отъ свойственныхъ племени твоего не презри. Ежели такъ будешь поститься, разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ; и предвидеть предъ тобою правда твоя, и слава Божія обьиметъ тя: и будетъ Богъ твой съ тобою присно: и насытятся, якоже желаетъ душа твоя“!

Вотъ, благословенные христіане,—живое изображеніе истиннаго поста! вотъ, какимъ воздержаніемъ прославить себя подобаетъ христіанамъ, а наипаче монахамъ!

Теперь, любезные слушатели, должно бы мнѣ, по обѣщанію своему, разобрать и третію часть нинѣ чтеннаго Евангелія—о нестяжаніи, и посмотрѣть бы на лицемѣра еще подъ симъ видомъ; но чувствую изнеможеніе въ моихъ силахъ. И потому, препоручая сіе Духу Святому, Который не оставитъ научить тщательныя сердца, оканчиваю мое слово, обращая оное къ возлюбленной о Господѣ братиі моеи. Молю васъ утробами Христовыми: потщимся препровождать свою жизнь такъ, чтобы она приносила людямъ добрый примѣръ, совѣсти нашей—удовольствіе и ангеламъ—радость. Да будемъ непамятозлобны и любвеобильны: понеже общежителство связываетъ насъ другъ съ другомъ во едино; да будемъ всегда воздержны, да будемъ нестяжательны: понеже міръ почитаетъ насъ за отречшихся міра; да растворимъ постъ нашъ рукодѣиємъ и трудолюбіемъ: ибо въ семъ наипаче состоитъ монашество, то есть, въ любовномъ житіи, во всегдашнемъ воздержаніи, въ нестяжаніи безпристрастномъ и въ трудолюбіи.

И понеже другое званіе мое разлучаетъ меня съ вами, братіе, на время: то теперь, предстоя жертвеннику Господню, препоручаю васъ Богу и Его благому Промыслу, да Его всесильная десница управляетъ васъ и ко всякому дѣлу благому да наставляетъ. Аминь.

Слово въ недѣлю третью Великаго поста *)

„Иже хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой“.

(Марк., гл. 8, ст. 34).

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Зная, что Ваше Императорское Величество и вы, примѣромъ своей Монархини возбуждаемые, слушатели, всегда съ охотою желаете слышать слово Божіе, и что сія спасительная жажда побуждастъ насъ, дабы оную утолять живою водою ученія, почерпаемою изъ источниковъ Израилевыхъ,—зная сіе, погрѣшилъ бы я противъ самой истины, ежели бы ничего изъ Святаго Писанія не представилъ къ удовольствію вашему. Ибо, какъ желанія вашего ничто не можетъ быть справедливымъ, такъ и духовнаго сего упражненія ничто не можетъ быть пріятнымъ. Какую же трапезу представимъ мы вашимъ, алчущимъ правды, душамъ? Духъ Святой изобильное предлагаетъ намъ угощеніе въ нынѣ чтенномъ Евангелии, но угощеніе странное. Ибо, кто желаетъ быть участникомъ сего духовнаго пира, тотъ долженъ отречься самого себя: „Иже хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ“ (Марк., 8, 34). Чтобы быть истиннымъ послѣдователемъ Начальника вѣры нашей, надобно совсѣмъ перемѣнить себя, надобно выйти изъ самого себя. Предложеніе—темное; гаданіе, запечатлѣнное печатію премудрости Евангельской. Почему молимъ Тебя, Источниче всякаго просвѣщенія! Отверзи намъ умъ разумѣти писанія и научи насъ, какъ, *отвершись самихъ себя, преселиться намъ въ Божественный Духъ Твой?*

Отречься самого себя, повидимому, есть вещь невозможная, ибо кажется, что въ семъ заключается нѣкоторое противорѣчіе: чтобы быть мнѣ самому, и отречься мнѣ же самого себя. Но, хотя бы и можно было, опять, кажется, не должно бы быть то: ибо для того, чтобы отречься самого себя, повидимому, надобно было бы отказаться отъ тѣхъ Создательныхъ законовъ, на которыхъ основаны движенія нашего тѣла и души. Такія недовольно ясныя мѣста Святаго Писанія, если надлежаше истолкованы не будутъ, бывають для другихъ случаевъ къ соблазну. Ибо нѣкоторые, мало просвѣщенные, умы, не возмогши, или не хотя взойти въ глубину божественнаго Писанія, когда находятъ въ немъ нѣкоторыя видимыя противорѣчія, сумняся объ истинѣ, Богомъ намъ преданнаго,

*) Сказано въ Москвѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ придворной церкви, Марта 11 дня, 1767 года.

слова и, за что должны бы осуждать свою слабость, въ томъ оскорбляютъ Духа Святаго, Творца всякой истины.

Но надобно признаться, что и худыя толкованія подаютъ много случаевъ къ развращенію и къ несправедливому заключенію объ истинѣ Святаго Писанія. Приведенное нами Христово слово объ отверженіи себя одни толкуютъ, что отрещись себя есть умерщвлять всѣ склонности, не дѣлая между ними справедливаго различія, и, такъ сказать, изсушать источникъ человѣческихъ дѣйствій. Другіе думаютъ, что нельзя отрещись самого себя, развѣ удалить себя отъ всякаго сообщенія съ людьми и оградиться горами отъ опасности мірскихъ соблазновъ. Иные, толкуя оное же слово, разсуждаютъ, что для отверженія себя не довольно исполнить обязательства, какія мы на себя приняли, вступивъ въ число благословеннаго христіанства, но надобно еще себя обременять другимъ, не знаю чѣмъ; и для того оное Христово слово, чтобы отрещись себя, относятъ не до всѣхъ вообще христіанъ, но токмо до нѣкотораго извѣстнаго состоянія людей. Такія и подобныя толкованія, подлинно, даютъ случай остроумнымъ, но не довольно разсудительнымъ людямъ, не свято думать объ истинѣ христіанской, вмѣсто того, чтобы такъ думать о несправедливыхъ ея толкователяхъ. Но посмотримъ уже, какой есть настоящій и, съ евангельскимъ духомъ сходный, разумъ Христова слова.

Чтобы получить намъ истинное понятіе объ отверженіи себя, надобно напередъ увѣреннымъ быть (о чемъ, думаю, никто и сумнѣться не можетъ), что человѣкъ часто предпочитаетъ худшее лучшему, что не рѣдко послѣдуетъ чувственнымъ склонностямъ въ предосужденіе здравому разуму, и что не всегда бываетъ точнымъ исполнителемъ закона совѣсти, а чрезъ то, выходя изъ подъ владычества добродѣтели, дѣлаетъ себя невольникомъ порока. Принявъ истину сію за несумнительную, не трудно узнать, въ чемъ состоитъ отверженіе самого себя. Ибо, когда идетъ кто противъ несправедливаго усилія своихъ страстей; когда пріятность чувствъ приноситъ въ жертву пользѣ, утверждаемой разумомъ, и когда наружныя выгоды порока почитаетъ меньше тѣхъ трудовъ, которые ведутъ къ добродѣтели: тогда онъ разрываетъ самый крѣпкій узелъ предразсужденія и пристрастія; тогда онъ принуждаетъ себя оставить пріятность и пользу для чувствъ весьма лестную. Тогда онъ побѣждаетъ самого себя, по слову евангельскому; а по выраженію апостола Павла, тогда онъ скидаетъ съ себя ветхаго человѣка и съ худыми дѣлами его, а одѣвается въ новаго, и тщится достигнуть до того совершенства, въ какомъ созданъ первый человѣкъ (Колос., 3, 9—10). И потому отрещись себя, значить, просто сказать, не слушаться самого себя, когда бы мы въ самихъ себѣ чувствовали побу-

жденія, противныя истинѣ, противныя совѣсти и разрушающія истинное блаженство наше. А что не сказано въ евангеліи, чтобы отвергаться намъ худыхъ склонностей, но самихъ себя, чрезъ сіе означается, чтобы мы отъ нихъ такъ отреклись, какъ бы онѣ совѣмъ до насъ не принадлежали, и ихъ оболещенія такъ были бы для насъ мало чувствительны, какъ бы они находились въ другомъ комъ либо, а не въ насъ. И въ семъ точно разумъ пишетъ премудрый Апостолъ: „И вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ“ (Римл., 1, 6, 11).

А отсюда видимъ, что, кто отвергается себя, тотъ отвергается себя и не отвергается. Отвергается въ изъясненномъ нами разумѣ, а не отвергается себя, посліку чрезъ сіе отверженіе избираетъ себѣ, что больше полезно, поелику чрезъ то становится ближе къ Богу; а вещь, приближающаяся къ своему центру, не отступаетъ отъ естества своего, но слѣдуетъ ему. И понеже мы, отрицаясь себя, больше находимъ себя,—для того Спаситель нашъ въ нынѣшнемъ же Евангеліи сказалъ: „Иже хочетъ душу свою спасти, то есть, не отрещись себя, погубить ю, а иже погубить душу свою, то есть, отвержется себя, спасетъ ю“.

А изъ всего сказаннаго намъ надобно заключить, что если бы человѣкъ всегда точно послѣдовалъ закону своей совѣсти, и оной ни въ чемъ не преступалъ бы, то и не было бы причины Спасителю сказать: „Иже хочетъ по Мяѣ ити, да отвержется себе“, понеже, исполняя точно законъ Его, тѣмъ самымъ слѣдовалъ бы за Нимъ.

Познавъ теперь, въ чемъ состоитъ отверженіе самого себя, боюсь, чтобы не показалось кому весьма строгимъ ученіе сіе; однако, положивъ, что оно, подлинно, такое есть, надобно почитать ту строгость, которая ведетъ насъ къ совершенству. Впрочемъ, можетъ ли то ученіе назваться строгимъ, которое исполнили люди, подверженные подобнымъ съ нами немощамъ? Предстань здѣсь ты, Авраамъ, отецъ вѣрующихъ; предстань и дай намъ самимъ собою примѣръ отверженія себя. Сей праведный мужъ, по несчастію время, жилъ между людьми, кои, отступивъ отъ благочестія, вели развращенную жизнь и своими худыми примѣрами не токмо смущали душу праведнаго, но и добродѣтель его приводили въ опасность. Гласъ Божій, обитающій въ непорочной совѣсти, тогда возопилъ ему: „Изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже ти покажу“ (Быт., 12, 1), то есть, оставь видимое и извѣстное и предпочти невидимое и неизвѣстное. Повиновался избранный мужъ трудному сему повелѣнію, послѣдовалъ гласу тому, оставилъ мѣсто рожденія, домъ, сродство и житейскія выгоды и всему тому предпочелъ благочестіе, а чрезъ то, от-

вергшись самого себя, міру оставилъ лѣнѣйшій примѣръ, какъ побѣждать препятствія, кои встрѣчаются съ нами въ пути добродѣтели.

Тотъ же Божественный гласъ вопіеть и тебѣ, возлюбленный Богу христіанинъ, и говоритъ: „изыди не изъ земли твоея, но изъ самого себя, изъ внутренности тлѣнія твоего; изыди не отъ рода твоего, но отъ вреднаго съ худыми людьми обращенія; изыди не изъ дому отца твоего, но разорви крѣпкіи узлы, которымъ связываетъ тебя худая привычка,—и иди въ землю, высшую небесъ, въ которой обитаетъ Богъ,—въ землю, княщую медомъ услажденія вѣчнаго и млекоу спокойствія совѣсти“. Такимъ образомъ совершается отверженіе себя, такимъ образомъ слѣдовать надобно за Избавителемъ своимъ.

И кто бы не захотѣлъ бѣжать велѣдъ гласа сего? Но дѣлають намъ въ томъ затрудненіе слѣдующія Евангельскія слова: „и возметъ крестъ свой“. А сямъ означается, что за отверженіемъ себя тотчасъ слѣдуетъ крестъ, то-есть, различныя искушенія; крестъ двоякій: внутренний и ви́шній. Внутренній крестъ есть оное сраженіе плоти и духа, — сраженіе, которое находимъ мы въ самихъ себѣ, когда склонности чувствъ противятся разуму, когда видимъ и похваляемъ лучшее, а слѣдуемъ худшему, когда и то и другое оставить не хотимъ, а то и другое вмѣстѣ получить мы не можемъ. Крестъ тѣмъ тягостнѣе, что оный пронзаетъ сердце наше и отъемлетъ покой нашей совѣсти. Другой крестъ есть ви́шній, которымъ насъ обременяють со стороны: ибо, отрекшись себя и слѣдуя добродѣтели, надобно на себя поднять цѣлый полкъ, страстью поработенныхъ, людей. Никто не любитъ противное себѣ. Твое, христіанинъ, благочестіе вооружаетъ противъ тебя нечестиваго, твоя справедливость не мила мздоимцу, твоя прозорливость досадна хитрому ласкателю, твое воздержаніе безпокоитъ роскошнаго, твоя тщательность въ гнѣвъ приводитъ лѣнливаго, твое постоянство мучить человѣка распутаго: „Аще отъ міра бысте были“, — говоритъ Спаситель Своимъ ученикамъ, — „міръ убо свое любилъ бы: якоже вѣсте отъ міра, но Азъ избрахъ вы, сего ради ненавиждь васъ міръ“ (Іоанн., 15, 19).

Неси убо крестъ сей великодушно: иди на Голгоу за твоимъ Подвигоположникомъ и въ терпѣніи твоёмъ полагай спокойствіе духа твоего; докажи міру, что твое терпѣніе сильнѣе есть, нежели его гоненіе.

Знаю, что мысль иногда говоритъ тебѣ подобно, какъ говорилъ Исаакъ отцу своему, когда тотъ хотѣлъ принести его въ жертву: „Отче, се огонь и дрова, а гдѣ есть овца на всесоженіе“ (Быт., 22, 7)? Говоритъ иногда мысль и тебѣ: „Отче небесный! се — огонь и дрова, се — огонь искушеній и напастей и дрова, разжигающія оный огонь; а гдѣ есть утѣшеніе Твое? гдѣ есть всемогущая помощь Твоя?“ По могутъ ли

произнесены быть сія слова, чтобы въ тотъ же часъ сердце твое не наполнилось сладчайшимъ, небеснаго утѣшенія, нектаромъ?

Мы въ самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ утѣшаемся, во-первыхъ, благою совѣстію, которая живо увеселяетъ духъ нашъ; и если бы кто не доволенъ былъ симъ, то позволилъ ли бы онъ мнѣ желать себѣ всякаго благополучія съ худою совѣстію? Второе, утѣшаемся твердымъ упованіемъ, что добродѣтель наша въ свое время откроется въ полномъ сіяніи; и если бы кто симъ не доволенъ былъ, то позволилъ ли бы мнѣ онъ желать себѣ всякаго счастья, которое, наконецъ, обращалось бы въ горестъ и печаль? „Аще кто приобрящетъ міръ весь, а душу свою отщепитъ, какаѣ польза человѣку тому“ (Марк., 8, 36)?

Но почто я утруждаю слушателей моихъ и увѣщаваю къ той добродѣтели, къ исполненію которой они обязали себя въ крещеніи и тоже всегда подтверждаютъ въ причастіи, и кои, самымъ дѣломъ отирая обязанности, возложенныя отъ Церкви и отъ общества, воинствуютъ подъ знаменемъ креста Христова? А, во-первыхъ, Ты, Благочестивѣйшая Монархія наша, нося на священныхъ своихъ раменахъ тягостное бремя великаго правленія, склоняешь на себя очи не токмо всѣхъ насъ, но и самого Владѣющаго свѣтомъ, и самой собою доказываешь, сколь великія дѣла можетъ понести и совершить душа, посвятившая себя небесной помощи. Почему осталось мнѣ молить токмо великаго Подвигоположника, да облегчаетъ Вамъ спасительное иго Ваше, и симъ путемъ славы да введетъ Васъ въ обитель вѣчнаго покоя. Аминь.

Слово во святыи и Великій пятокъ *).

„Егда же пріять оцетъ Иисусъ, рече: совершишася. И преклонъ главу предаде духъ“.

(Іоанн., гл. 19, ст. 30).

Собравшись въ сей храмъ священный, празднуемъ мы, благословенные христіане, смерть Страдальца неповиннаго, Который тѣмъ для насъ любезнѣе, что Онъ въ семъ видѣ представляется намъ не для того, акибы мы желали Ему такимъ родомъ смерти умереть, но что Его смерть есть свѣтлѣйшее доказательство любви Его къ намъ, — что Его смерть есть дѣйствительное врачеваніе смертности нашей. Знаю я, что непрічастные таинствъ христіанскихъ могутъ дивиться и причитать намъ въ стыдъ, что мы почитаемъ Распятаго; могутъ они

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, въ Москвѣ, 1767 года, апрѣля 6 дня.

говорить: „Иныя спасе, Себе ли не можеть спасти? аще Сынъ Божій есть, да снидетъ со креста“ (Мате., 27, 42). Такія стрѣлы бросаютъ на насъ іудеи, симъ поносятъ насъ язычникъ. Но наше благоговѣніе къ Нему тѣмъ непорочиѣе и святѣе, что ни стыдъ ложный, ни наружность обманчивая не колеблють нашу истину, — что мы утверждаемся на внутренности, на сокровенной силѣ премудрости Божіей, которая людямъ невнимательнымъ часто кажется слабою. Духъ Божій давно предвидѣлъ сіе и благовременно предостерегъ, чтобы мы не преткнулись на таковое мнѣніе міра. „Видите званіе ваше, братіе“, — говоритъ Онъ намъ устами Павловыми, — „яко буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ, и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и песущая, да сущая упразднитъ, яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ“ (1 Кор., 1, 26—29). На семъ основаніи той же Апостоль пишетъ къ возлюбленному ученику своему: „Не постыдися, чадо, страстію Господа нашего Іисуса Христа, ни мною юзникомъ Его“ (2 Тим., 1, 8), — не постыдися: ибо преодолѣть таковой стыдъ, который съ нами встрѣчается, когда надобно идти противъ поврежденныхъ мнѣній міра, — преодолѣть сей ложный стыдъ есть свѣтлѣйшая побѣда.

Но обратимъ очи свои къ Солнцу правды, заходящему на горизонтѣ крестномъ, и послушаемъ, что Онъ, при послѣднемъ дыханіи блаженной жизни Своей, говоритъ. Говоритъ Онъ: „Совершишася!“ Что же сіе слово значить? научи насъ съ крестной каедрѣ Ты Самъ, великій Архіерей, прошедый небеса и входяій во внутреннія, премудрости Божіей, завѣсы, — раздери покрывало, которое отъ насъ сокрываетъ святилище истины, и даждь намъ видѣть сокровенныя тайны Твои!

СОВЕРШИШАСЯ.

Понеже въ словѣ семъ не изъяснено, что совершилось, для того надлежитъ изслѣдовать, *что такое приведено въ совершенство и въ окончаніе*, — тѣмъ паче, что слово сіе сказано отъ великаго нашего Учителя при послѣднемъ часѣ. И потому должно оно заключать въ себѣ содержаніе важное, и мы обыкновенно памятуемъ и повторяемъ часто тѣ слова, которыя слышали мы отъ любимыхъ нами умирающихъ.

СОВЕРШИШАСЯ.

Совершились, во-первыхъ, всѣ страданія Спасителя нашего, какія злость человѣческая выдумать, и человѣкъ претерпѣть можетъ. Первые дни младенчества были началомъ Его жизни и, вмѣстѣ, началомъ Его гоненія. Тотъ, Который на небесахъ уготовлялъ намъ вѣчныя обители, не имѣлъ на земли, гдѣ главу приклонить; Тотъ, Который безсмертною цнщею истины насыщалъ человѣчскій родъ, былъ гладенъ и жажденъ

через все теченіе лѣтъ Своихъ; Тотъ, лице Котораго дѣлаетъ радость ангеламъ, былъ ослеванъ, но ланитамъ бѣенъ и весь окровавленъ; Тотъ, Который взялъ на рамена Свои бремя грѣховъ всего міра, былъ отягощенъ крестомъ и мучительно пригвожденъ на немъ. Подлинно, облеченъ Онъ былъ въ порфиру, но въ порфиру поруганія, — данъ былъ въ руки и скипетръ, но которымъ сокрушали Его главу, — возложенъ былъ и вѣнецъ, но вѣнецъ терновый. Мученіе тѣмъ нестерпимѣе, что соединено съ поруганіями: ибо одно терзаетъ тѣло, другое пронзаетъ духъ. Пилать, сколь, впрочемъ, ни былъ къ милосердію мало преклоненъ, не могъ не быть тронуть симъ позорищемъ и для того вывелъ Его, обогрѣннаго текущею кровію, предъ собраніе и сказалъ: „Се, человѣкъ!“ Ежели ваше сердце мученіемъ иснасытно, видите, что все Его тѣло сдѣлалось одною язвою; и ежели васъ не умягчаетъ Его неповинность, да умягчитъ общее человѣчество. „Се, человѣкъ!“

Въ какомъ видѣ отъ Пилата представленъ Иисусъ, въ такомъ Его давно предусмотрѣлъ Исаія пророкъ: „Видѣхомъ Его: и не имяше вида, ни доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ: человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый“, то-есть, отъ младенчества привыкшій „терпѣти болѣзнь, яко овча на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ Своихъ: во смиреніи Его судъ Его взятъ“ (Ис., 53, 2, 3, 7, 8). Премудрость Божественная, вознесенная на крестъ, воображая, или паче, терня всѣ таковыя мученія во плоти, несправедливо ли,—разсудите,—возопила: „Совершишася!“ Егда же пріять оцетъ, Иисусъ рече: „Совершишася: и преклонъ главу, предаде духъ“.

Совершился, второе, всѣ дѣла великаго посольства Его. Волю небснаго Отца открылъ, истину всѣмъ благовѣствоваль, отъ заблужденій отвелъ, основалъ славную Церковь, состоящую изъ всѣхъ народовъ сущихъ подъ небесемъ; а, наконецъ, все сіе запечаталъ кровію Своею и чрезъ то примирилъ небо и землю, какъ-то изъясняетъ божественный Павелъ: „Благоволи Богъ Тѣмъ примирити всяческая съ Собою, умиротворивъ кровію креста Его, чрезъ Него, аще земная, аще ли небсная“ (Колос., 1, 20). И для того Самъ Спаситель, отходя къ испитію смертной чаши, говорилъ къ Отцу Своему: „Отче! дѣло совершихъ, еже даль еси Мнѣ да сотворю“ (Іоанн., 17, 4); а на крестѣ въ томъ же разумѣ возопилъ: „Совершишася“.

Совершилось, третіе, чаяніе языковъ. Всѣ народы ожидали себѣ утѣшенія отъ Бога, утѣшенія Израилева. Ибо кто, страстями смущаемый, не безпокоится совѣстію? и кто, преступая богописанный на сердцѣ законъ, не убоится суда Господа Саваога? Сей страхъ засвидѣтельствовали всѣ народы своими жертвами: ибо къ чему бы проливать жи-

потныхъ крови, и таковымъ ужаснымъ зрѣлищемъ служить божеству, еслибы сіе не было знакомъ трепещущей совѣсти, которая, смущаясь воображеніемъ суда нелицепріятнаго, думала удовлетворить вѣчной правдѣ пролитіемъ крови неповинныхъ животныхъ, вмѣсто своей, и тѣмъ успокоить бы себя? Хотя сіе средство само чрезъ себя къ оправданію было недѣйствительно, ибо, по основаніямъ христіанскимъ, „не возможно крови тельчей и козлей отпущати грѣхъ“ (Евр., 10, 4); однако, оно доказывало, что весь міръ признавалъ себя повиннымъ предъ верховнымъ Законодателемъ, слѣдовательно, доказывало нужду и чаяніе утѣшенія Божія.

Сіе чаяніе на крестѣ совершилось: что мы не могли исполнить, то исполнилъ, вмѣсто насъ, великій Ходатай нашъ. Ибо, взявъ лице человѣка, Божіимъ гнѣвомъ поражаемаго, принесъ Себя въ жертву и пролитіемъ Своей неповинной крови погасилъ гнѣвъ неба; обративъ на Себя все дѣйствіе правосудія, обезоружилъ оное, а оставилъ для насъ едино милосердіе. И мы можемъ теперь со дерзновеніемъ вѣры нашей сказать: „Отче небесный! можетъ ли Твоя правда въ насъ поразить что-нибудь, которое не было бы окроплено дражайшею кровію Сына Твоего?“ Можетъ ли совѣсть наша не успокоится, видя удовлетвореніе за грѣхи наши, приносимое Тебѣ чрезъ Единороднаго Твоего? „Кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдай. Кто осуждаетъ? Христосъ Исусъ, за насъ умершій“ (Римл., 8, 33—34). Спаситель, висавшій на крестѣ, видя исполненіе сего вождельнѣйшаго для насъ дѣйствія, возопилъ: „Совершишася“.

Совершились также всѣ пророческія предсказанія, а равно всѣ жертвы и прообразы Вѣтнаго Завѣта. Се—твой, Церковь, Исаакъ, отеческою рукою за насъ жертвуемый! се—окровавленная не риза Іосифа твоего, но пречистая плоть! се—агнецъ пасхальный, въ твое спасеніе закалаемый, котораго вѣрою причащаемся мы! се—поражаемый камень, и источающій не воду, но токи крови! се—истинная жертва и всесоженіе, по принесеніи которой всѣ прочія жертвы устыдились и сокрылись: ибо, всѣ онѣ, по разумѣнію Апостольскому, были только „тѣнь грядущихъ благъ, а не самый видъ вещей“ (Евр., 10, 1). Окончились, притомъ, и пророческія предсказанія и тѣмъ себя оправдали; исполнились сіи слова Исаіины: „Предана бысть на смерть душа Его, и со беззаконными вмѣнися“ (Ис., 53, 12); исполнилось предвѣщаніе Моисево: „Узрите животь вашъ висающъ предъ очеса вашими“ (Второз., 28, 66); исполнилось и оное пророчество Давидово: „Даша въ снѣдь Мою желчь, и въ жажду Мою напоиша Мя оцта“ (Псал., 68, 22). И для того Искупитель нашъ, когда вкусилъ оцта, съ желчію смѣшаннаго, и притомъ видѣлъ, что все, сказанное о Немъ, исполнилось,—заключилъ смѣшаннаго: „Совершишася!“

Окончаніе получилъ и самъ законъ; законъ, написанный въ сердцѣ нашемъ правосудною рукою Божіею, ибо „кончина закона—Христосъ“. „Вы иѣсте,—привѣтствуетъ насъ Апостоль,—„подъ закономъ, но подѣ благодатию“ (Римл., 10, 4; 6, 14). Не должно думать, акибы сими словами отвергаемъ былъ законъ Божій; никакъ. Но чрезъ сіе Писаніе даетъ намъ знать, что истинно вѣрующій не находитъ себя подѣ игомъ закона, который поражаетъ своего преступника проклятіемъ,—что надѣ христіаниномъ, признающимъ немощи свои и прибѣгающимъ къ благодати, законъ строгости своей исполнить не можетъ.

Совершились и всѣ Божіи опредѣленія о спасеніи вѣрующихъ и объ осужденіи невѣрующихъ. Ибо, какъ приемлющіе сію великую жертву опредѣляются въ животь, такъ отвергающіе оную—въ смерть, по свидѣтельству Евангелія: „Вѣруй въ оны, иѣсть осужденъ: а не вѣруй, уже осужденъ есть“ (Іоанн., 3, 18).

Сіи слова Евангельскія, съ одной стороны, наполняютъ духъ нашъ великимъ утѣшеніемъ и радостію;—съ другой, трепетомъ и ужасомъ. О! отврати, Спасителю, чтобы мы исключаемы были изъ сей молитвы: „Азъ о сихъ молю: не о всемъ мірѣ молю“ (Іоанн., 17, 9).

Совершились, наконецъ, всѣ дѣла милосердія и долготерпѣнія Божія. Ибо висѣтъ на крестѣ Существо, всѣхъ тварей святѣйшему, есть доказательство милосердія и любви Божіей къ намъ, которую ни языкъ изъяснить, ни мысль понять совершенно не можетъ. И потому справедливо сіе страданіе Божественнаго лица отъ Церкви называется „истощаніемъ“, акибы сказать: Богъ оказалъ Себя столь милосерднымъ къ намъ, что, кажется, истощилъ весь источникъ благодати Своей; и понеже совершилось Его милосердіе, то тѣмъ самымъ совершилось и Его долготерпѣніе. Ибо когда Богъ не можетъ показать больше милосердія, и если бы кто пренебрегъ и сіе милосердіе, то больше для него быть не можетъ долготерпѣнія Божія, какъ свидѣтельствуется Писаніе: „Волею согрѣшающимъ намъ по принятіи разума истинны, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва“ (Евр., 10, 26); и, сіе вообразивъ, Спаситель возопилъ: „Совершишася!“

Видимъ мы теиерь, слушатели, какъ понимать намъ должно произнесенное Христомъ слово, и какой таинственный разумъ заключается въ немъ. Но, вотъ, новое затрудненіе, требующее великаго и строгаго изслѣдованія. Всѣ, совершившіяся смертію Спасителевою, дѣла, о которыхъ сказали мы, еще остаются нѣкоторымъ образомъ несовершенными, коли въ насъ не совершились вѣра и любовь. И для того дражайшій Избавитель, желая спасенія нашего и совершеннаго окончанія дѣламъ Своимъ, требуетъ отъ насъ изъясненія, можемъ ли и мы сказать: „Совершишася?!“.

Совершились Его страданія. Такъ пересталъ ли ты своими пороками уязвлять уязвленнаго Христа и тѣмъ въ другой разъ распинать Сына Божія? или еще Онъ въ тебѣ страждетъ, чего не страдалъ отъ іудеевъ? Ибо тягостнѣе Ему грѣхи христіанскіе, нежели мученія іудейскія; неносиѣ для Него преступленіе завѣта, въ который ты вступишь съ Имъ, нежели то копіе, которымъ прободено было ребро Его.

Совершились всѣ дѣла посольства Его. Такъ совершилось ли въ тебѣ благое изволеніе послѣдовать гласу небесному? И пересталъ ли ты противиться Духу Святому, къ добродѣтели тебя возбуждающему? Ибо святая истина вѣры остается для насъ безплодною, ежели оную не объемлемъ благимъ изволеніемъ сердца.

Совершилось чаяніе всѣхъ языковъ. Такъ совершилось ли въ тебѣ желаніе осіяннымъ быть лучами благодати? Чувствуешь ли въ сердцѣ своемъ утѣшеніе? слышишь ли въ душѣ твоей сей вопль: „Прииди, Господи Іисусе! Прииди, готово сердце мое, Боже! готово“ (Псал., 56, 8). Или погружаешь себя въ нѣкоторомъ глубокомъ снѣ, и нечувствительнъ къ истинной и вѣчной пользѣ твоей?

Совершились всѣ предсказанія пророковъ. Такъ совершилось ли въ тебѣ познаніе христіанской истины, и довелъ ли ты свое познаніе до такого совершенства, чтобы сердце твое можно было назвать книгою Христовою? или еще млекою питаешься и младенецъ въ училищѣ Іисусовомъ? или еще сомнѣнія колеблютъ твою мысль и корабль твоей вѣры клонятъ къ погруженію?

Совершились опредѣленія Божія. Такъ привелъ ли ты добродѣтель свою въ такое состояніе, чтобы тебѣ быть написаннымъ въ книгахъ живота? или херувимъ съ мечемъ пламеннымъ возбраняетъ тебѣ входъ во врата райскія и отгоняетъ тебя отъ селенія праведныхъ?

Совершились дѣла милосердія и долготерпѣнія Божія. Такъ содрогаешься ли ты отъ сего великаго милосердія? Боишься ты правосудія Божія, но не больше ли надлежитъ тебѣ бояться милосердія сего? Ибо если бы кто, находясь подъ единою строгостію правосудія, преступилъ законъ, можетъ быть, представилъ бы въ свое извиненіе сію самую строгость, которая поразила его уныніемъ; но ты, видя, изліянный предъ тобою, весь источникъ благодати и снисхожденія, если бы, со всѣмъ тѣмъ, нарушилъ сей завѣтъ, завѣтъ любви,—что тогда можешь принести въ свое извиненіе? И, чтобы заключить все вкратцѣ, совершилось ли въ тебѣ намѣреніе доброе, желаніе похвальное? приведено ли къ окончанію начатое благое дѣло? бросилъ ли ты совѣзмъ худую привычку, отъ которой столько разъ тщетно отставалъ? восходишь ли на высоту добродѣтели и отверзаешь ли себѣ дверь въ незаходимая?.. Ахъ, слушатели, сколь всѣ сіи вопросы важны! а притомъ съ какимъ затрудне-

нѣмъ должны дать на нихъ свои изъясненія не малая часть христіанъ! Однако отвѣтствовать надлежитъ: Христось повелѣваетъ, Церковь, умоляетъ, польза наша требуетъ.

Что же на сіе отвѣтствовать будешь ты, христіанинъ,—ты, участникъ Новаго Завѣта и призванный въ царство благодати? Ежели, съ помощію Божіею, одно изъ того совершилъ, другое покаяніемъ исправилъ: то слыши гласъ, съ креста тебѣ глаголющій: „Днесъ будешь со Мною въ раи“ (Лук., 23, 43); „благій рабе и вѣрный, види въ радость Господа твоего“ (Матѣ., 25, 21). А ежели не исполнилъ и непрестаннымъ пребываніемъ во злѣ ожесточилъ ты сердце свое, горе тебѣ! Ты—преступникъ завѣта, презритель крови Господней, суетный проповѣдникъ смерти Его, и осужденный испить чашу некончаемой горести.

Но, чтобы всею своею тяжестію не поразили насъ такія слова, истиннымъ покаяніемъ да облобызаемъ раны Спасительныя и слезами своими да засвидѣтельствуемъ, что мы повинны по немощи, что мы во грѣхѣхъ не ожесточены, и возопіемъ къ Нему: Спасителю Христе! Твои заслуги суть дражае, нежели, чтобы мы могли за нихъ возблагодарить Тебя. Смерть Твоя сколь сильна была въ приведеніи насъ въ вѣру Твою, въ вѣчный завѣтъ съ Тобою,—тая же да споспѣшествуетъ намъ непорочно соблюсти вѣру сію, сей завѣтъ до конца, чтобы мы, достигши до послѣдняго часа нашей жизни, достигши и до возможной намъ степени добродѣтели, могли съ Тобою сказать: „Совершишася!“ Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла и Тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Кого Мя глаголють человеѣцы быти сына человеѣческаго?“

(Матѣ., гл. 16, ст. 13).

Церковь Божія, совершая различныя празднованія, подаетъ различныя случаи къ нашему наставленію. Праздникъ истинный есть, когда онъ соединенъ съ полезнымъ упражненіемъ: ибо тогда духъ нашъ спокоенъ, и сердце наше тогда наполняется неложнымъ веселіемъ. Нынѣшнее Евангеліе, проповѣдуя о врученіи ключей святому Петру, о непоколебимомъ основаніи Церкви, о различіи между откровеніемъ плоти и духа, и откровеніемъ Отца небеснаго, между прочимъ, упоми-

*) Сказано въ Москвѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ большой придворной церкви, іюня 29 дня, 1767 года.

наеть и о различныхъ мнѣніяхъ, какія были у людей, о, спешдемъ съ небеси и подъ видомъ человѣчества на земли странствовавшемъ, Господѣ. Одни Его равняли съ Іоанномъ Крестителемъ, другіе называли Ілією Пророкомъ, третьи—Іеремією, а иные—однимъ изъ знатнѣйшихъ, изъ мертвыхъ воставшихъ, прорсковь. Въ разбирательство различія мнѣній сихъ входить мы нужды не имѣемъ: ибо, послѣдую святому Петру, о Спасителѣ нашемъ со всею Церковію торжественно исповѣдуемъ мы, яко „Онъ есть Христось, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти“ (Матѣ., 16, 16; 1 Тимое., 1, 15).

Впрочемъ, съ немалою пользою можемъ мы войти въ общее разсужденіе о различіи людскихъ мнѣній: ибо и о насъ не одни бывають мнѣнія человѣческія; и потому, *какое изъ нихъ, подлинно, есть справедливо, и которое дѣлаетъ намъ прямую честь*, изслѣдовать теперь почитаю за полезное и нинѣшнему торжеству за пристойное. Помощи же требуемъ отъ Тебя, Боже всякаго просвѣщенія! На насъ, предстоящихъ предъ Твоимъ всемогуществомъ, блесни оный лучъ, которымъ просвѣщается свѣтильникъ нашъ.

„Кого Мя глаголють человѣцы быти“?

Честь обыкновенно поставляется въ добромъ мнѣніи другихъ о насъ, и оно есть основаніе всѣхъ тѣхъ наружныхъ засвидѣствованій, какія мы отдаемъ человѣку, достойному добраго мнѣнія. Но извѣстно, что различныя могутъ быть у людей мысли, и часто то мнѣніе, которое кажется добрымъ, самую вещь есть худо; а, напротивъ, которое кажется худымъ, само въ себѣ есть доброе: слѣдовательно, нерѣдко бѣдный человѣкъ обманывается тѣмъ, что бываетъ тогда спокоень, когда онъ окруженъ обстоятельствами, нарушающими спокойствіе его, и, напротивъ, печалится тогда, когда имѣеть въ себѣ основаніе къ истинной радости. Таковой случай требуетъ основательно разобрать, на чемъ какое мнѣніе должно быть утверждаемо, когда оно справедливо, чтобы не обмануться намъ въ томъ удовольствіи, какое рождаетъ истинная честь.

Итакъ, во-первыхъ, высокія должности обыкновенно производять въ насъ высокое мнѣніе о тѣхъ, которые возведены на оныя степени, и заставляють насъ отдавать имъ всякіе знаки подобающаго почтенія. Подлинно, „нѣсть власть, аще не отъ Бога“ (Римлян., 13, 1); и совѣсть наша, признавая, что различныя званія уставлены отъ Вышняго къ блаженству общему, велить намъ почитать сіи, освященныя Божиимъ благословеніемъ, степени. Да и никакая должность сама чрезъ себя не есть безчестна, когда она служитъ къ общей пользѣ: прерѣнна одна только праздность и роскошь.

Но, чтобы за честію званія слѣдовала честь и того, который

тѣмъ званіемъ почтенъ, надобно, чтобы онъ былъ исполнителемъ обязательствъ званія своего; надобно, чтобы онъ сіяніе должности не помрачалъ нерадвніемъ своимъ, чтобы высокую степень не унижилъ злонавіемъ своимъ. Не мѣсто украшаетъ человѣка, но человѣкъ—мѣсто. Судейскій столъ красенъ правосудіемъ, воинскій мечъ блистаетъ вѣрностію, пастырская кафедра возносится духовною ревностію, художественный домъ славетъ прилежаніемъ, орудіе поселенна красно трудолюбіемъ. Вѣрный исполнитель званія возвышаетъ и низкое мѣсто, а нерадивый и высокое унижаетъ; вѣрный исполнитель званія къ славіи должности своей отъ себя сообщаетъ новое сіяніе, а нерадивый помрачаетъ и то, которымъ всякое знаніе отъ Бога есть прославлено. Пусть таковой высоко самъ о себѣ мечтаетъ, и въ мысли своей часто повторяетъ сіи слова: „Кого, кого я глаголють человѣцы быти?“ По истина, когда на вѣсы свои полагаетъ сіе великое мечтаніе, находитъ въ немъ одну только суетную пышность; истина, о вѣсахъ справедливо разсуждающая, почитаетъ его за тяжесть обществу, стыдъ добродѣтели, безчестіе справедливости.

А ты, который порученную тебѣ должность считаешь священнымъ долгомъ, даннымъ отъ руки Вышняго,—ты, который въ исполненіи должности поставляешь все удовольствіе совѣсти своей и украшеніе жизни твоей, скажи, какія дѣлаешь воображенія о своей чести? Сколь часто въ мысли своей повторяешь сіи слова: „Кого я глаголють человѣцы быти?“ Но мы видимъ, что не удовлетворишь ты нашъ вопросъ своимъ изъясненіемъ; видимъ, ибо вѣдаемъ, что, колико высокъ еси, толико смиряешь себя; ты только скажешь съ Павломъ къ намъ: „задняя позабываю, а въ предняя простираюся“ (Филипп., 3, 13).

Но когда ты столько смиренномудръ, такъ мы скажемъ, что люди думаютъ о тебѣ? Они предъ всѣми явно говорятъ, что ты—правосудный судія, что ты—защитникъ бѣдности, ничѣмъ непоколебимый, что ты—пастырь ревностный, что ты—воинъ мужественный и великодушный, что ты—гражданинъ добродѣтельный, что ты—человѣкъ честный. Таковое доброе мнѣніе другихъ о насъ дѣлаетъ намъ истинную честь; да изъ сего же видимъ, что доброе мнѣніе утверждается не на одномъ токмо званіи, но при томъ и на исполненіи его. Но поступимъ далѣе.

Второе. Почтенное мнѣніе дѣлаетъ въ насъ благородная природа; и, затѣмъ, многіе высоко сами о себѣ думаютъ, что произошли отъ великихъ людей, и другихъ тоже заставляютъ о себѣ думать. Нѣтъ сомнѣнія, что почтенно имя заслуженныхъ людей, и благополучными должны назваться тѣ, кои происходятъ отъ нихъ. Для чего благополучными?—для того, что имѣютъ домашній примѣръ добродѣтели,—для

того, что имъ къ истинной славѣ отворена дверь рукою предковъ ихъ,— для того, что особенный стыдъ поразить ихъ долженъ, если бы не подражали заслугамъ тѣхъ, отъ коихъ заимствуютъ славу. Такъ благородная природа можетъ ли терпѣть мысли низкія и подлыя? Такъ добродѣтели предковъ увольняютъ ли насъ быть добродѣтельными? Такъ общалъ ли Богъ всегда миловать дѣтей развратныхъ для того, что они имѣли отцевъ благочестивыхъ? Не можетъ ли благородство не быть унижено въ тѣхъ потомкахъ, кои своимъ злонавіемъ потемняли бы славу предковъ своихъ и, сообщенную имъ чрезъ кровь, великость почитали бы для себя случаемъ ко всякому своевольству?

Быть благороднымъ, по силѣ Божественныхъ Писаній, и быть нагненнымъ, мстительнымъ, несправедливымъ, быть развратнымъ суть понятія, дѣлающія противорѣчіе. Любовь, терпѣніе, воздержаніе, великодушіе, просвѣщеніе—того, кто украшенъ ими, возноситъ выше міра и выше мнѣній его, и даетъ право благородства, чтобы быть чадомъ Божиимъ. И потому не за меньшихъ, но едва ли не за большихъ, могутъ быть почтены тѣ, кои своею заслугою, своимъ потомъ, безъ всякаго предстательства снискали высокія титулы и сдѣлались благословеннымъ корнемъ будущей славы своихъ потомковъ. Препровождаемый симъ ликомъ добродѣтелей, ты, благородный, хотя бы и не говорилъ о себѣ: „Кого мя глаголють человецы быти“, однако, все о тебѣ говорятъ, что ты—свѣтильникъ, поставленный на златомъ свѣщникѣ,—что ты—драгій камень въ златой оправѣ,—что ты—украшеніе роду своему и честь отечеству твоему. Таковое разсужденіе должно служить къ особенному увеселенію благородныхъ и къ утѣшенію для тѣхъ, кои со всею своею честностію имѣютъ несчастіе быть презираемы отъ надменныхъ суетою людей. Не унывайте вы въ непорочности своей: васъ почитаетъ вѣчная истина; въ книгѣ животной вы заслужили себѣ имена и титулы пресвѣтлыя; Духъ Божій называетъ васъ царскимъ священіемъ, родомъ избраннымъ, возлюбленными и домашними своими. При сихъ титулахъ темнѣетъ всякое сіяніе міра; но сія титулы никому не даются, развѣ украшенному благородствомъ добродѣтели. Не оставимъ же, хотя кратко, воснудься и другихъ разсужденій.

Почтенное также мнѣніе дѣлаетъ въ насъ ученіе; и, затѣмъ, многіе, просвѣтившись науками, высоко мечтаютъ о себѣ, да и другіе иногда думаютъ о нихъ то же. Нѣтъ сомнѣнія, что просвѣщеніе есть особый даръ милосердаго Божества, да и просвѣщенный человекъ достоинъ всякаго почтенія; но—когда достигъ того конца, для котораго ученіе нужно и предлагается, то—есть, чтобы исправить сердце свое, чтобы побѣждать страсти свои, чтобы знать снисходить немощамъ другихъ и врачевать оныя, чтобы собою дать примѣръ добродѣтели и случай

къ прославленію Отца свѣтовъ. Соединенное съ симъ ученіе возноситъ человѣка съ земли и творитъ близкимъ Богу, а безъ того трудъ суетенъ, и просвѣщеніе темно. Если кто только надымается ученіемъ и презираетъ другихъ, если превратить хочеть все по своимъ мыслямъ, если, входя въ тонкости и въ мелкости, проходить истину спасенія, — таковой есть суетность и достоинъ сожалѣнія, что, принявъ сокровище Божественное, не можетъ употребить оное въ пользу свою и другихъ. Дѣлаетъ честь ученіе, но украшаемое честностію, совѣстію несорочною и нравами похвальными: тогда-то ты, который вкусилъ сладость истины небесной, тогда ты — сынъ мудрости вѣчной, участникъ свѣта несозданнаго, — тогда ты — содругъ разумныхъ духовъ ангельскихъ. Сіе разсужденіе служить къ утѣшенію тѣхъ, кои высокими науками не просвѣщены, однако, честностію нравовъ преукрашены: ибо и неученый, но добродѣтельный, человѣкъ осудить ученаго предъ Богомъ, поелику исполняетъ безъ ученія то, чего требуетъ ученіе.

Есть еще мнѣніе, которое отдаеть честь богатымъ. Но, не входя въ пространное разбирательство мнѣнія сего, можемъ кратко сказать, что богатство само черезъ себя есть вещь средняя: по разнымъ употребленіямъ бываетъ оно добро и худо. Даетъ Богъ его добрымъ, и, затѣмъ, нельзя его назвать худымъ; имѣють же его и худые, и потому нельзя его почестъ за истинный плодъ добродѣтели: честь или безчестіе богатаго зависитъ отъ добраго или худаго употребленія богатства.

Итакъ, уже изъ всего сказаннаго нами ясно видимъ, на чемъ должно быть утверждаемо мнѣніе другихъ о насъ и взаимно наше о другихъ, и что дѣлаетъ намъ истинную честь. Кто исполняетъ званіе свое съ благою совѣстію, кто съ заслугами предковъ соединяетъ свои, кто ученіе свидѣтельствуетъ честностію, кто богатство имѣеть нажитое и управляемое добродѣтелію: тотъ безъ всякаго прекословія достоинъ почтенія; и никто не имѣеть права на честь, какъ токмо сего рода люди. Церковь Божія тщится всегда внушать намъ такіа чистыя понятія; но, чтобы они были въ насъ еще дѣйствительнѣе, представляетъ предъ очи наши примѣры, добродѣтелію прославленныхъ, мужей. Мы взираемъ нынѣ къ вамъ, Церковію празднуемые Апостолы! Вы были движущею причиною слова сего: вы же и запечатайте оное примѣромъ своимъ. Разсуждая апостольскую честь, каковою они прославлены на небесахъ и на земли, нельзя сказать, чтобы сія честь не была истинная и величайшая. Но чѣмъ они заслужили ее? — не просто апостольство прославило ихъ: ибо въ ликѣ апостоловъ былъ Иуда, но — вѣрность и ревность въ семъ священномъ званіи. Были они, какъ сами признають, не высокородны, но почитаются нынѣ отъ увѣнчанныхъ главъ, — не были философы, но сердце свое содѣлали книгохранительницею премудрости

вѣчною,—не были они богаты, но нищета ихъ не унизила. Они знали и въ довольствѣ быть воздержны, и въ скудости довольны, и потому достойно имиѣ ублажаются честію, да и честію истинною, ибо оную утвердилъ Самъ Богъ, Который и въ знаніи премудръ, и въ награжденіи справедливъ. Остается токмо молить Его благоутробіе, да поможетъ намъ быть подражателями апостоловъ, удостоявъ насъ быть зрителями ихъ добродѣтели.

Желали бы мы здѣсь окончить разсужденіе свое, но слово наше само собою стремится къ Всенесвѣтлѣйшей Монархинѣ нашей, и оно лишилось бы важнѣйшаго своего доказательства, если бы не привести ее въ примѣръ, примѣръ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ яснѣе ея добродѣтель,—добродѣтель поражающая не мысль токмо, но и чувства наши. Мы говорили объ истинной чести. Ты, Августѣйшая Самодержица, почтена отъ Бога честію между смертными высочайшею, честію Императорскою. Но сія честь, сама собою великая, заимствуетъ свое сіяніе, свою красоту отъ онаго неусыпнаго попеченія, которое прилагаешь о благополучіи нашемъ,—отъ оныхъ великихъ трудовъ, коими снискиваешь покой намъ. Примѣры тому—ежедневные, ежечасные примѣры: недавно воспріятое путешествіе доказываетъ, что вкупѣ имѣешь Ты и духъ попечительный, и мысль проникающую въ нужды подданныхъ своихъ. Видятъ Тебя всегда подвизающуюся грады царствующіе; но видѣли уже и другіе грады и села; да и сами рѣки будутъ проповѣдывать потомкамъ, что имѣли овѣ счастье видѣть Тебя, на нихъ разбирающую дѣла имперіи. Почтена Ты и благороднѣйшею кровію, которую заимствуешь отъ великихъ предковъ Твоихъ, государей Всероссійскихъ; но сія честь тѣмъ свѣтлѣе, что Ты — подражательница дѣлъ ихъ, что украшаешь имя ихъ, что прославляешь добродѣтелию кровь ихъ. Почтена Ты отъ Бога отмѣннымъ просвѣщеніемъ, — что видно не токмо изъ многихъ, Монаршею Твоею рукою писанныхъ, установленій; но паче изъ славнаго предиріятія, чтобы положить новые законы, и даннаго къ тому, собственными трудами сочиненнаго, основанія. Но просвѣщеніе сіе тѣмъ любезнѣе, что склоняется къ благополучію общему. О богатствѣ не говорю, развѣ поелику оно есть у Величества Твоего орудіе къ призрѣнію бѣдныхъ и къ изліянію щедротъ на требующихъ помощи. Богъ, возвысивъ славу Твою, дражайшая отечества Мать, возвысивъ до толикой степени, да утвердить оную и больше умножать да не престанетъ.

Сей, Августѣйшей Родительницы, славы и Ты, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, дражайшій нашъ имянинникъ, сей славы Ты — преемникъ, и потому будь подражатель. Попечительный Промыслъ открылъ Тебѣ пространнѣйшій путь къ истинной чести. Рожденъ Ты отъ крови порфирородной, отъ Матери Августѣйшей; сію кровь прославь дѣлами

Твоими. Ты — Наслѣдникъ престола: предуготовляй убо дарованія, потребныя для прохожденія сей должности. Премудрость Божественная призываетъ Тебя въ Свои нѣдра; благоволи опочивать въ нихъ съ сладостію: подражай младому Соломону, который не другаго чего отъ Бога просилъ, какъ токмо премудрости. Благополучный же Твой во всемъ успѣхъ требуетъ не увѣщанія, но паче поздравленія, а также и молитвъ, да свѣтъ несозданный пребываетъ въ Тебѣ всегда незаходимъ.

Боже, неисчерпаемый источникъ благодати! къ Тебѣ взываетъ Монархія наша, держа въ рукахъ возлюбленнаго сына своего: они сами себя и всѣ дѣла свои посвящаютъ промыслу Твоему, Господи! Спаси Царя и услыши ны, въ онъ же еще день призовемъ Тя. Аминь.

Слово во время Высочайшаго присутствія Ея Императорскаго Величества въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, іюля 5 дня, 1767-го года.

„Вѣмы, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое“.

(Римл., гл. 8, ст. 28).

Ежели человѣкъ, когда любить другого нелицемѣрно, — всячески старается, чтобы его желаніямъ дѣлать удовольствіе, чтобы благополучіе его подкрѣплять и не допустить до него никакихъ злосчастныхъ случаевъ: то возможно ли, чтобы Богъ, Который сей законъ любви вліялъ въ человѣческія сердца, — чтобы Богъ не поспѣствовалъ тѣмъ, кои воспалены любовію къ Нему, слѣдовательно, коихъ любить и Онъ Самъ, — чтобы не помогать имъ въ исполненіи ихъ намѣреній, чтобы самыя препятствія не обращать ненавидящимъ въ стыдъ, а имъ въ славу? Истина сія есть свѣтла сама собою, ибо сама собою есть основательна. Сего бо требуетъ Божія и благодать и святость, и справедливость и оная любовь, которою Онъ объемлетъ добродѣтель, яко чистѣйшій лучъ несозданнаго Своего свѣта.

И хотя, подлинно, понятіе наше не есть всегда столь счастливо, чтобы проникнуть въ союзъ вещей, часто покрытый завѣсою судьбъ Божіихъ, и усмотрѣть, какими тайными путями Богъ приводитъ намѣренія праведныхъ Своихъ къ благому концу; однако, не оставлены мы безъ сильнѣйшихъ о томъ увѣреній. Мы вопрошаемъ васъ, красотою добродѣтели уловленные, — скажите, что вы чувствуете тогда, когда духъ вашъ, посредствомъ любви, соединяется съ Богомъ? Находите ли такіе непріятные слухи, которые бы въ тотъ же часъ силою утѣше-

нія Божія не были отведены, или, по крайней мѣрѣ, облегчены бы не были? Но они всё уже предупреждаютъ нашъ вопросъ; они намъ вопіють: „воззрите на всё мимошедшіе рсды и видите, кто вѣрова Господеви и постыдѣся“ (Сирах., 2, 10)? И потому слѣдовало бы намъ исчислять теперь всё древніе примѣры, чрезъ которые любовь Божія къ праведнымъ прославляла себя; но не для чего намъ странствовать по многимъ древнимъ вѣкамъ. Попечительное Господне Провидѣніе наполнило всё вѣка примѣрами такихъ людей, кои намъ были бы всегдашнимъ побужденіемъ къ добродѣтели.

Мы взираемъ, во-первыхъ, къ тебѣ, духомъ въ Бозѣ, а тѣломъ съ нами опочивающій, святой Сергій! Собравшихся насъ днесъ къ тебѣ на пиръ духовный напитай безсмертною пищею добродѣтели своей. Когда мы, слушатели, читаемъ исторію блаженной жизни его, находимъ въ ней яснѣйшія доказательства благочестивой любви, которою горѣла душа его къ возлюбившему насъ прежде Богу. Яснѣйшія, говорю, доказательства: ибо его любовь къ Богу не состояла въ томъ, чтобы признавать оную одними токмо устами, но утверждаема была добродѣтелию, яко истиннымъ плодомъ божественной любви. Страсти, которыя смущаютъ внутренній нашъ покой, онъ счастливо побѣждалъ и содержалъ ихъ въ рукахъ воли своей, ибо тщался всегда послѣдовать разуму и покорять ему склонности тѣлесныя. Въ пищѣ и питіи онъ наблюдалъ твердое воздержаніе, а тѣмъ самымъ осудилъ роскошь; слѣдовательно, отвелъ отъ себя великое искушеніе, какое причиняетъ утучнившаяся плоть. Къ большому дѣйствию добродѣтели содержалъ себя въ трудахъ и всегда имѣлъ преподобныя свои руки, занятыя какимъ-нибудь упражненіемъ; а чрезъ то прогналъ праздность, нечистый источникъ пороковъ,—и черезъ то же тѣло свое не допустилъ до разслабленія, а мысли до развлеченія. При сихъ трудахъ онъ былъ крайній любитель покоя, не покоя прайдного и потому безчестнаго, но который состоитъ въ удаленіи отъ тѣхъ случаевъ, какими міръ обыкъ смущать духъ нашъ, и который состоитъ въ тишинѣ, происходящей отъ взаимнаго согласія склонностей тѣлесныхъ съ душевными.

За первѣйшее же свое упражненіе блаженный почиталъ, чтобы воспѣвать имя Господне, чтобы размышленіями о будущей красотѣ увеселять свой духъ и, выходя аки изъ самого себя, преселяться къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ обитаетъ блаженное Божество. Сіе упражненіе его было первое, упражненіе сладчайшее: всякій въ томъ подвигъ онъ почиталъ для себя легкимъ, всякій трудъ—покоемъ, день соединялъ съ ноцію, въ которую онъ освѣщаемъ былъ свѣтомъ незаходямаго солнца. О, коликими неизглаголанными сладостями наполненной таковой душѣ надобно быть!

Препровождаемый симъ ликомъ добродѣтелей, нашъ подвижникъ былъ общій всѣмъ наставникъ, немощныхъ утѣшитель, вѣры правило, святости образъ. Ибо, по истинѣ, добродѣтельный человѣкъ есть самый лучшій учитель и проповѣдникъ: онъ учитъ вездѣ и проповѣдуетъ всегда, если не устами, такъ самымъ дѣломъ, своимъ обращеніемъ, своими нравами, своимъ примѣромъ, тѣмъ дѣйствительнѣе, что мысль нашу движеть больше дѣло, нежели одно слово.

При всѣхъ оныхъ исправленіяхъ блаженный Сергій былъ кротокъ и, чѣмъ выше восходилъ онъ на высоту совершенства, тѣмъ больше уничижалъ себя предъ Богомъ,—тѣмъ больше находилъ нужду не разслабѣвать въ подвигѣ. Рѣдная добродѣтель! ибо часто великія дарованія и совершенства совсѣмъ разрушаетъ одно надменное о себѣ мечтаніе.

Взирая на таковыя добродѣтели празднуемаго нами святаго, не видите ли вы, празднолюбцы, до какой возведены онѣ степени? Не видите ли, какія струи протекають изъ того сердца, въ которомъ есть кипящій источникъ любви Божіей? Теперь посмотримъ, какъ Богъ любящимъ поспѣшествуетъ во всемъ во благое,—въ чемъ праведный сей намъ паки служить вмѣсто доказательства неоспоримаго.

Я уже не говорю о томъ, что Богъ наполнялъ сердце его внутреннимъ удовольствіемъ, что вливалъ въ него божественныя Свои утѣшенія, что не давалъ ему чувствовать горестей міра: ибо сіе есть неотъемлемое, сіе есть естественное награжденіе добродѣтели. Не говорю также и о томъ, какіе вѣнцы получилъ онъ на небеси: ибо сіе на вѣки утверждено неложнымъ Евангельскимъ обѣщаніемъ. Только о томъ долженъ сказать, что Богъ еще въ жизни наградилъ его и тѣмъ, чего, по извѣстнымъ единому Богу судьбамъ, не всегда сподобляется добродѣтель, то есть, что былъ онъ отъ всѣхъ людей любимъ и почитаемъ. Самые великіе Всероссійскіе князья расположены были особеннымъ усердіемъ и почтеніемъ въ нему, да и вся Россія, какъ прежде, такъ и нынѣ со сладостію всегда воспоминаетъ имя Сергія. Сія есть истинная слава добродѣтели, чтобы ей никогда не умирать, и тѣмъ она различествуетъ отъ порока, что услажденіе его есть временное, а той—вѣчное. Не только же сія честь добродѣтельныхъ слѣдуетъ за однимъ лицомъ ихъ, но прославляетъ тѣ самыя мѣста, которыя освящены ихъ подвигами. Сія, основанная праведнымъ Сергіемъ, обитель всегда была любезна самимъ великимъ государямъ Всероссійскимъ: они дѣлали честь его памяти своимъ присутствіемъ; они съ усердіемъ лобызали драгоцѣнныя останки блаженнаго тѣла его, почему праведный Богъ, въ награжденіе ихъ вѣры, въ семъ самомъ мѣстѣ неоднократно при трудныхъ обстоятельствахъ посылалъ имъ Свою небесную помощь.

Какъ Ты, Всепресвѣтлѣйшая Монархня, Всемилостивѣйшая Государыня наша,—истинная и ревностная подражательница всѣхъ славныхъ дѣлъ и благочестія государей Всероссийскихъ: то въ сей самой часъ, въ который мы имѣемъ счастье взирать на пресвѣтлѣйшее Ваше Императорскаго Величества лицо, въ сей самой часъ Церковь Божія видитъ Тебя, предстоящую со страхомъ живому Богу и приносящую Ему безкровную жертву, то есть, усердіе духа своего. Въ сей часъ она видитъ предстоящее Величество Твое предъ гробомъ Праведника сего и размышленіемъ его добродѣтели услаждающуюся. Мы вѣдаемъ, да и кто не знаетъ сего, колкими обременена Ты дѣлами, утверждающими благополучіе наше? И сіе одно исправленіе таковыхъ дѣлъ по справедливости должно быть почитаемо богослуженіемъ. Однако, они не воспренятствовали самодержавію Твоему предпринять сіе благочестивое путешествіе; могу даже сказать, что сіи самыя дѣла были побужденіемъ Тебѣ къ сему дѣлу вѣры. Ибо гдѣ же Величеству Твоему найти покой, если не подъ сѣнію любви Бога? гдѣ—прохладу, если не изъ источниковъ Израилевыхъ? гдѣ—ободреніе, какъ не при тѣхъ мѣстахъ, гдѣ—слѣды жившихъ въ добродѣтели и прославившихся?

Любезнымъ окомъ всегда да взираетъ Царь царствующихъ на сію Твою, Великая Государыня, вѣру, да утвердить державу Твою, престоль Твой да утвердить миромъ и тишиною, да украшаетъ премудростію порфиру Твою,—о чемъ помолись, блаженный Сергіе, и сіе великое усердіе къ тебѣ Помазаницы Божіей награди ходатайствомъ своимъ и испрошеніемъ у Бога, ей и дражайшему сыну ея, ненарушаемаго здравія, многихъ лѣтъ и благополучнаго надъ нами царствованія. Аминь.

Слово во время присутствія Его Императорскаго Высочества въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ *).

„Мнѣ же зѣло чести быша друзи Твои, Боже!“

(Псал., 138, ст. 17).

Не трудно узнать, кого разумѣть подъ именемъ друзей Божіихъ, духовною мудростію прославленный, Давидъ. Разумѣть онъ людей, любящихъ добродѣтель, наблюдающихъ непорочно законъ совѣсти своей и чрезъ святость подобающихъ Пресвятому Богу. Великое преимуще-

*) Сказано юля 17 дня 1767 года.

ство и честь превосходная! Ибо ежели быть другомъ знаменитаго нѣ-
кого вельможи, кольми паче быть другомъ царя земнаго, есть достоин-
ство во между людьми блистательнѣйшее и величайшее, поелику таковой
человѣкъ всѣхъ бываетъ почитаемъ, прославляемъ, и къ нему же всѣ
въ нуждахъ своихъ имѣютъ убѣжище надежное: то что надобно сказать
о тѣхъ, коихъ Самъ Богъ, Который и въ знаніи премудръ, и въ избраніи
справедливъ, и въ награжденіи справедливъ,—коихъ Самъ Богъ удостоилъ
Своими друзьями, и принялъ въ блаженное Свое дружество, —
дружество почитаемое ангелами, желаемое херувимами, поклоняемое
серафимами? Можетъ ли, Боже великій, смертный быть вознесенъ до
того высокаго достоинства, чтобы могъ называться другомъ Твоимъ? можетъ ли
нѣко персти слѣвленное созданіе быть возвышено до того, чтобы ему
быть участнику Твоихъ сокровеннѣйшихъ совѣтовъ? Божіе слово выво-
дитъ насъ изъ сего удивленія: оно сказываетъ объ Авраамѣ, яко
друга Авраамъ Богу, и вмѣнился ему въ правду: и другъ Божій на-
речеся“ (Іак., 2, 23). То же утверждаетъ Спаситель нашъ, Который сіе
великое имя присволяетъ апостоламъ Своимъ, слѣдовательно, и всѣмъ
поддержателямъ ихъ добродѣтели. Онъ сказалъ имъ: „Не ктому васъ
называютъ рабы, яко рабъ не вѣсть, что творить господинъ его: васъ же
называютъ други, яко вся, яже слышахъ отъ отца Моего, - сказахъ вамъ“
(Матт., 15, 15). И потому справедливо Псаломникъ воспѣлъ предъ Бо-
гомъ: „Мнѣ же зѣло честни быша друзи Твои, Боже!“

Но, чтобы больше познать намъ преимущество дружества святыхъ
съ Богомъ, посмотримъ, для какихъ причинъ они именуются друзьями
Моеими. И сіе можемъ мы узнать изъ свойствъ истиннаго друга.

Другъ по самому своему имени значить „другой я“, то-есть, зна-
читъ такого человѣка, который мыслями и желаніями сходенъ со мною,
душа котораго связана съ моею, и на котораго я такъ же, какъ на себя,
всегда могу во всякихъ случаяхъ. И для того основательно нѣкто
сказалъ, что „другъ есть одна душа, живущая въ двухъ тѣлахъ“. Такъ
ужасно сего и видно, что другъ Божій есть тотъ, воля котораго со-
общена съ пресвятою волею Божіею, который своими желаніями един-
ственно къ Нему стремится, духъ котораго любовію соединенъ есть
съ Духомъ Божіимъ, и который по таковой любви столь увѣренъ
въ Божіей благодати къ себѣ, что не сумнитя получить отъ Него все
благо, въ пользѣ его служащее. По таковымъ свойствамъ праведный
человѣкъ преселяется въ Бога, и весь Богъ—въ немъ, а чрезъ то дѣлается
насъ нечто единое съ Богомъ, и аки бы утопаетъ въ безднѣ совер-
шенства Божественныхъ. Сей тѣсный союзъ праведнаго съ Богомъ
утверждается на оной любви, которою горитъ къ нему душа правед-
наго, слѣдовательно, котораго любить и Самъ Богъ: ибо Онъ любящія

Его любить, и сія взаимная любовь добродѣтельному даетъ право именоваться другомъ Божиимъ.

Когда же онъ есть другъ Божій, то и участникъ сокровеннѣйшихъ Его тайнъ и совѣтовъ. Понеже обыкновенно истиннымъ друзьямъ своимъ мы открываемъ свои мысли, изъясняемъ намѣренія, объявляемъ совѣты, и онымъ сообщаемъ самыя сокрытыя помысленія сердца нашего, или, кратко сказать, вручаемъ имъ все сердце свое и въ семъ врученіи находимъ особенное свое удовольствіе. Ибо и несчастье облегчается, когда изъяснимъ оное другу,—и счастье не столь бываетъ для насъ радостно, когда оное не сообщимъ вѣрному другу своему. Богъ всеблагій, удостоивая человѣка любящаго добродѣтель, имени друга Своего, благоволяетъ открывать ему и Свои совѣты, которые закрыты отъ всѣхъ прочихъ тварей. Нѣкогда Онъ сказалъ избранному Своему Аврааму, любовь котораго къ Богу довольно была освидѣтельствована,—Онъ сказалъ ему: „Еда утаю Азь отъ Авраама, раба Моего, яже Азь творю“ (Быт., 18, 17)? О великое слово, заключающее въ себѣ несказанное снисхожденіе Божіе къ смертному! „Еда утаю Азь отъ Авраама раба Моего, яже Азь творю“? то есть, скрою ли Я что-нибудь отъ того, котораго люблю, и добродѣтель котораго открыта предъ очами Моими? Скрою ли Я что-нибудь? Боже, живый во свѣтѣ неприступномъ! „что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его“? Когда Твои совѣты отстоятъ отъ нашихъ, сколько отстоятъ небо отъ земли, такъ надобно и тому человѣку, котораго благость Твоя творить участникомъ совѣтовъ Своихъ, отстоятъ отъ другихъ человѣкъ столько, сколько отстоятъ небо отъ земли.

Но какія же тайны открываетъ Богъ избраннымъ Своимъ? Онъ открываетъ имъ въ настоящемъ и естественномъ видѣ красоту добродѣтели, и потому они столь плѣняются ею. Онъ открываетъ имъ таинственные пути Провидѣнія Своего, которымъ управляетъ Онъ родомъ человѣческимъ и всѣмъ міромъ, и потому они столь великодушны въ несчастіи, и столь умѣренны въ благополучіи міра сего. Онъ открываетъ имъ величество Божественныхъ совершенствъ Своихъ,—и потому они бываютъ столь осторожны во всѣхъ поступкахъ своихъ, чтобы не обезобразить себѣ образа и подобія Божія. Онъ открываетъ имъ превосходство оной любви, которую оказалъ Онъ въ искупленіи человѣческаго рода чрезъ Единороднаго Сына Своего,—и потому они съ толикою вѣрою приносятъ Ему жертву благодаренія и хваленія. Онъ открываетъ имъ цѣну награжденій и вѣнцовъ, которые уготованы имъ на небеси; и потому они столь мало привязываютъ себя къ сему міру, а устремляются всѣми желаніями своими къ блаженной вѣчности. Вотъ—какія тайны открываетъ Богъ избраннымъ Своимъ, — тайны

великій,—тайны, составляющія блаженство наше! О, когда бы мы посмотрѣли на душу праведнаго,—увидѣли бы оную, всю исписанную перстомъ живаго Бога!

Но тайны оныя сокрыты отъ людей, поработенныхъ страстями. Павелъ былъ участенъ сей высокой чести, онъ былъ восхищенъ предъ лицо величества Божія и слышалъ таинственные глаголы. Но скажи намъ, любезный Павле, какіе глаголы слышалъ ты? Онъ, къ печали нашей, отвѣчаетъ намъ, яко „глаголы оныя не лѣтъ есть“, не можно „человѣку глаголати“ (2 Кор., 12, 4). Но понеже и самъ Павелъ былъ человѣкъ, однако глаголы тѣ удостоенъ былъ слышать: такъ какому же человѣку не можно вмѣститъ оныхъ словъ? Изъ сего затрудненія выводитъ насъ Спаситель: ученикамъ Своимъ Онъ такъ говорилъ, какъ прежде сказали мы: „Не кому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господинъ его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ отца Моего, сказахъ вамъ“. Такъ изъ сихъ словъ видимъ, что таинъ Божіихъ не вмѣщаетъ рабъ; а рабъ, по Евангельскому же изъясненію, есть всякій служащій грѣху: „Всякъ служай грѣху, рабъ есть грѣха“ (Іоани., 8, 43).

По истинѣ, рабъ есть, кто плѣненъ страстями,—кто связанъ худою привычкою, какъ оковами,—котораго склонности тѣлесныя влекутъ насильно, куда хотять; а разумъ остается связанъ и недѣйствителенъ. И потому таковой не можетъ понять тайны Божіи, ибо его и мысль помрачена, и сердце пороками занято, и воля превращена. О, злосчастное состояніе рабовъ таковыхъ,—тогда какъ, напротивъ, состояніе друзей Божіихъ вождѣбно и радостно!

Разсуждая о сихъ преимуществахъ добродѣтельныхъ людей, видите, не справедливо ли святой Давидъ воспѣлъ предъ Богомъ: „Мнѣ же зѣло честни быта друзи Твои, Боже!“ Ибо какъ не почитать тѣхъ, коихъ почтилъ Самъ Богъ, коихъ возвысилъ Онъ до толикаго достоинства, что сотворилъ ихъ участниками совѣтовъ Своихъ и назвалъ друзьями Своими? Изъ числа таковыхъ друзей Божіихъ предлежитъ предъ очами нашими праведникъ сей, прендобный Сергій, святое тѣло котораго между нами оставилъ праведный Богъ въ доказательство, сколь любезна Ему добродѣтель. Ибо блаженный сей любилъ Бога всею душею, и сердце его было святилищемъ Духа Господня: то засвидѣтельствовало святость его житія, непорочность нравовъ и всѣ дѣла, растворенныя любовію къ ближнему. И для того, содержай въ рукъ Своей мѣру правды, Богъ столь прославилъ имя его: честенъ онъ нынѣ всей Церкви, честенъ намъ, честенъ и всей Россіи.

Честенъ и предъ очами Твоими, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ! Ты, заимствуя кровь отъ великихъ государей Всероссій-

скихъ, прославленныхъ какъ другими многими дѣлами, такъ и благочестіемъ, симъ пришествіемъ своимъ доказываешь, что Ты—подражатель истинный и благоговѣнія ихъ. О! какъ любезно Россіи взирать на Твою порфиросносую особу, въ сихъ молодыхъ лѣтахъ притекающую къ источникамъ духовнымъ и почерпающую изъ нихъ воду животную къ напоенію возрастающихъ плодовъ Твоихъ! Мы предъ Тобою держимъ изъясниться искренно, что, если всякому, то Тебѣ наиначе подobaетъ предъ очами своими всегда имѣть жившихъ въ добродѣтели людей. Вѣдаемъ мы, что добродѣтель уже избрала себѣ мѣсто въ сердцѣ Твоемъ; но, чтобы она всегда въ Тебѣ была непоколебима, Богъ повелѣваетъ Тебѣ укрѣплять ее примѣрами праведныхъ мужей,—не только же укрѣплять, а и ободрять себя, чтобы въ теченіе добродѣтели приходило отъ силы въ силу и отъ славы въ славу. Видишь, благовѣрный Государь, на праведникъ семь, что добродѣтель увѣнчивается безсмертіемъ, что ея честь, слава и награжденіе насильствомъ время не истребляются. Колкое сіе есть ободреніе къ добродѣтели!

Боже, услыши молитвы наши! Угодниче Господень, блаженный Сергіе! сію благороднѣйшую отрасль государей Всероссийскихъ, кои къ тебѣ всегда имѣли особенное усердіе,—сію отрасль благороднѣйшую, пресвѣтлѣйшаго Наслѣдника Россіи благослови и ходатайствомъ своимъ испроси у престола Господня, да опочиваетъ на немъ Духъ Его; Духъ премудрости и благочестія; да будетъ онъ Россіи радость, отечеству—слава, Церкви—красота. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„Такъ тецѣте, да постигнете“.

(1 Кор., гл. 9, ст. 24).

Когда воспоминаемъ мы день, въ который Богъ произвелъ въ міръ любезнаго сына Августѣйшей Матери и Высокаго Наслѣдника Великой Монархини нашей, тогда на память мнѣ приходятъ оныя апостольскія слова: „Такъ тецѣте, да постигнете“. Ибо жизнь сія есть нѣкоторый родъ теченія, и человѣкъ, чрезъ рожденіе выходя изъ своего ничтожества, вступаетъ въ славный подвигъ добродѣтели. Чтобы теченіе наше въ семь подвигъ было несуетно, чтобы сраженіе славно, чтобы полученіе намѣренія несумнительно, божественный Апостоль возбуждаетъ

* Сказано въ Москвѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ приворной церкви, 1767 года, сентября 20 дня.

насъ сими словами: „Тако тецѣте, да постигнете“. Выведены вы изъ небытія въ бытіе, которое есть начало дѣйствія, поставлены на все-свѣтномъ зрѣлищѣ, на сіе зрѣлище открыты небеса, взирають на васъ очи ангельскія, взирають и Самъ небесный Подвигположникъ, держа въ рукахъ вѣнцы неувядаемые. Выходите, подвизайтесь, сражайтесь, теките, одинъ другаго предупреждая, тщитесь предвосхитить вѣнецъ и онимъ украсить побѣдоносную главу свою. Не шадите силъ своихъ для столь великой почести: „тако тецѣте, да постигнете“. Но понеже, по Апостольскимъ же словамъ, „аще кто и постраждетъ, не вѣнчается, аще незаконно“ подвизаться „будетъ“ (2 Тим., 2, 5), — для того надлежитъ изслѣдовать, *чего достигать намъ надобно*. Ибо конецъ всякаго дѣла хотя есть послѣдній въ исполненіи, но первый въ намѣреніи, дабы всѣ наши труды не были суетны, если конца знать не будемъ. А Ты, великій Подвигположникъ, благоволи управлять текущую колесницу славы нашей и подвигъ нашего слова увѣнчай подвигомъ самаго дѣла.

ТАКО ТЕЦѢТЕ, ДА ПОСТИГНЕТЕ.

Сіи слова Апостоль писалъ къ Коринѳянамъ, у которыхъ между разными, такъ называемыми, олимпійскими играми было въ употребленіи бѣганіе на колесницахъ. Кто другихъ предускорялъ и прежде достигалъ до назначенной мѣты, тотъ признаваемъ былъ за побѣдителя и получалъ въ почестъ вѣнецъ, сплетенный изъ листьевъ извѣстнаго древа. Отъ сихъ увеселеній чувственныхъ Павелъ возводитъ христіанина къ увеселеніямъ духовнымъ, въ которыхъ онъ также находитъ колесницу, теченіе, вѣнецъ и торжество. Въ семъ духовномъ подвигѣ колесница есть разумъ, правимый вѣрою, теченіе есть непрестанное упражненіе въ добродѣтели со всегдашнимъ приращеніемъ совершенства, вѣнецъ есть слава неумирающая, торжество есть услажденіе вѣчное.

Но, чтобы подробнѣе взойти намъ въ сіе нравоучительное разсужденіе, посмотримъ, всѣ ли текутъ? всѣ ли такъ текутъ, какъ надлежитъ? кто законно течетъ и непогрѣшительно постигаетъ?

Нельзя сказать, чтобы всѣ были въ подвигѣ теченія. Люди, которые опочиваютъ въ нѣдрахъ праздности, у которыхъ всѣ члены изнѣжены отъ роскоши, не могутъ понести трудовъ, какихъ требуетъ подвигъ добродѣтели. Они любятъ ходить по цвѣтамъ, они страшатся взойти на оную священную высоту, на которой поставленъ храмъ добродѣтели: ибо чрезъ праздность они разслабили всѣ силы тѣлесныя и душевныя, умертвили естественныя способности, погасили духъ благородства и превратили Божіе намѣреніе. И для того, понеже они не текутъ, такъ и не постигаютъ: какъ ничего не дѣлають, такъ ничего и не получаютъ, кромѣ печальныхъ слѣдствій, препровождаемыхъ лишеніемъ истинной славы.

Но суть и такіе, которые и текутъ, но не постигаютъ, — которые хотя и подвизаются, но не увѣчиваются. Ихъ Апостоль обозначилъ симъ краткимъ словомъ „такъ:“ „Такъ тецете“, — изъ чего разумѣть можно, что не всѣ текутъ такъ, какъ надлежитъ. За таковыхъ почесть должно корыстолюбцевъ и честолюбцевъ.

Корыстолюбцы во всѣхъ своихъ дѣлахъ смотрятъ на корысть, и не принимаютъ за то, отъ чего не надѣются получить себѣ прибытка. Но надобно различать пользу и корысть: подъ именемъ корысти разумѣется приращеніе къ богатству, а польза заключаетъ все то, что какимъ-либо образомъ служить къ совершенству нашему. И потому, подлинно, нѣтъ дѣйствія честнаго, которое вмѣстѣ не было бы и полезно; но нельзя сказать, чтобы оно всегда было и прибыточно: напротивъ, нерѣдко случается, что честность дѣйствія заставляетъ добродѣтельнаго человѣка жертвовать ей тратою своей корысти. Однако, сія трата довольно награждается другою превосходною пользою, которая, ежели не въ другомъ чемъ, такъ по крайней мѣрѣ состоитъ въ приведеніи души въ большее совершенство. Но человѣкъ корыстолюбивый не уважаетъ сію пользу для того, что онъ не видитъ ея, ибо истинная польза усматривается очами разума; а онъ управляется одними чувствами, которыми, понеже осязаетъ прибытокъ, то посему и уловляется имъ. Такимъ людямъ непонятна общая польза: они не разумѣютъ, что значить дѣлать добро по движенію совѣсти, дѣлать добро для внутренняго удовольствія души; они не любятъ, кто проповѣдуетъ имъ, что не всякій способъ есть позволителенъ къ обогащенію. Такъ чѣмъ же различествуютъ таковыя отъ прочихъ животныхъ безсловесныхъ? имъ Богъ — чрево: они пригвождены къ землѣ и на небо очей своихъ возвести не могутъ; они — стыдъ человѣчеству и безчестіе образу Божию. И для того справедливо Евангеліе называетъ ихъ „въ себя, а не въ Бога богатѣющими“ (Лук., 12, 21).

Однако, совѣмъ тѣмъ, они текутъ, то-есть, сносятъ много трудовъ, не дають покоя мыслямъ и сна очамъ, выдумывая съ великимъ затрудненіемъ разные способы къ удовольствію своей корыстолюбивой склонности. Текутъ они, но не постигаютъ, — подвизаются, но лишаются вѣнца, не для того, аки бы мало подвизались, но для того, что не такъ текутъ, какъ требуетъ правило добродѣтельнаго подвига и законъ честности. „Не вѣсте ли“, говоритъ Апостоль, „яко текущи въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же приемятъ почесть? Тако тецете, да постигнете“ (1 Кор., 9, 24). Впрочемъ, извѣстно, что симъ разсужденіемъ не опровергается всякій прибытокъ, развѣ токмо безчестный. Прибытокъ, соединенный съ честностію, есть святъ и непороченъ, и онъ не можетъ быть полученъ иначе, развѣ подвигомъ добродѣтели.

Другой родъ все текущихъ суть честолюбцы. Нѣтъ употребительнѣе сего слова—„честолюбіе“, и обыкновенно говорятъ, что надобно дѣлать добро по честолюбію, что желаніе чести есть побужденіе къ добродѣтели. Но, чѣмъ употребительнѣе сіе слово, тѣмъ больше потребно объяснить оное и опредѣлить ему настоящій разумъ. Ежели подъ именемъ чести разумѣть такъ, какъ обыкновенно разумѣютъ, „доброе мнѣніе людей о комъ-нибудь“, и сіе мнѣніе почитать единственнымъ побужденіемъ къ добродѣтели, то добродѣтель можетъ остаться въ опасномъ положеніи. Для чего? — для того, что люди нерѣдко обманываются, почему иногда привязываютъ доброе мнѣніе къ тому, что онаго не достойно,—для того, что люди не всегда бываютъ безпристрастны, и потому не рѣдко добродѣтель опорочиваютъ, а порокъ оправдываютъ. Кто изъ васъ не знаетъ не малое число такихъ примѣровъ, что ласкатель — въ почтеніи, а праведный человѣкъ — въ презрѣніи,—что многоглаголивый и дерзновенный почитается за разумнаго, а скромный—за малознающаго? Кто не знаетъ, что нерѣдко кроткаго считаютъ за боязливаго, благочестиваго—за суевѣра, а дерзновенно о всѣхъ вещахъ божественныхъ разсуждающаго—за просвѣщеннаго? Таковыя превратныя мнѣнія тѣмъ несносиѣ, что иногда и по смерти слѣдуютъ за тѣми же, коихъ неправедно прославляли въ жизни. Исторія часто превозноситъ до небесъ тѣхъ, которые должны быть преданы вѣчному забвенію, а остаются въ глубокомъ молчаніи оныя, которые въ добродѣтели славно подвизались предъ очами всевидящаго Бога. На сіе можетъ сказать кто, что должно довольствоваться добрымъ мнѣніемъ большаго числа людей; но сія выкладка трудна, и сіе было бы—добродѣтель дѣлать на удачу.

При сихъ превратныхъ человѣческихъ мнѣніяхъ, что надобно дѣлать тому, который исполнялъ бы добродѣтель по одному побужденію получить за то честь, и чести бы не получилъ? что надобно дѣлать тому?—бросить добродѣтель, или, по крайней мѣрѣ, расслабить въ семь подвиговъ, не получивъ того конца, для котораго онъ предпринималъ все свое дѣло. Расслабить, говорю, ибо, дѣйствительно, изъ числа сего рода людей—тѣ, которые жалуются, говоря: „я по заслугамъ своимъ не имѣю награжденія“; „другихъ, недостойныхъ предпочитаютъ мнѣ“; „что пользы, что я былъ столько добродѣтеленъ“? Жалуются, ропщутъ, отчаяваются, и въ отчаяніи своемъ часто отваживаются силою достать то, что получить не могли надлежащимъ путемъ. Такъ они жалуются, такъ смущаются, но утѣшить себя не имѣютъ чѣмъ: понеже въ добродѣтели своей не смотрѣли ни на что, какъ только на честь, которой когда лишились, такъ лишились всего. Да и добродѣтель уже не можетъ остаться при нихъ: ибо они, дѣлая ее, взирали не столько на

нее, сколько на пользу свою. И потому принять честолюбіе за единственное побужденіе къ добродѣтели, есть отнять у добродѣтели гонимой.

Скажи ты намъ, нимѣ Церковію празднуемый мученикъ,—что ты утѣшалъ себя въ страданіяхъ? Мы видимъ, что міръ мало дѣлалъ чести твоей добродѣтели, когда огнемъ сожигалъ священное тѣло твое. Но увѣряетъ насъ Духъ Святый, что ты утѣшалъ себя самою добродѣтелію; и потому она столько же любимую казалась тебѣ и на оубъ, какъ бы опочивала и на престолѣ. Хотя люди и иное о добродѣтели твоей думали, но оправдала тебя совѣсть, но утѣшалъ тебя Богъ.

Такъ какое же должно имѣть побужденіе къ добродѣтели,—справедливо спросить кто? На сіе отвѣтствую, что добродѣтель должна быть любима сама для себя. А изъ сего да не подумасть кто, что я добродѣтель представляю будто сухою и безплодною; имѣть, не отдѣляю я отъ добродѣтели тѣхъ выгоды, кои отъ нея разлучиться не могутъ. Такія выгоды суть, во-первыхъ, внутреннее сладчайшее удовольствіе совѣсти и неизглаголанное спокойствіе духа, которое никто отнять не можетъ отъ добродѣтельнаго: ни время, ни хитрый клеветникъ, ни злой ненавистникъ, ни тать, ни страсть. Второе, честь, да какая?—которую добродѣтель имѣетъ у Бога: награжденіе, какое ей представлено у праведнаго Правителя всѣхъ вещей и Судии. Сіи выгоды отъ добродѣтели суть неотъемлемы: онѣ вѣчны, и нельзя истребить ихъ, не истребивъ самую добродѣтель. Сіи-то выгоды возбуждать насъ должны къ исполненію добродѣтели. Что же? надобно ли совѣмъ презирать честь мірскую?—имѣть, надобно желать, чтобы всѣ люди имѣли мнѣніе доброе о добродѣтельныхъ и ихъ бы только однихъ почитали. И потому, когда за добродѣтелію слѣдуетъ и мірская честь, она должна употреблять въ свою пользу; а ежели не слѣдуетъ, для того скорбѣть не надобно: ибо, получивъ существо вещи, не для чего мислжалѣтъ, что не получилъ, что при той вещи есть случайное.

Сіе разсужденіе беретъ свое начало изъ основаній Евангельскихъ, а Евангельское намѣреніе есть, чтобы подкрѣпить людей по Евангелію честныхъ, но отъ міра нелюбимыхъ,—чтобы подать утѣшеніе добродѣтели въ случаѣ ея неласковаго приѣма отъ міра. Кто по симъ христіанскимъ истинамъ поступаетъ,—міръ на немъ и милость. Кто таковою образомъ течетъ, правильно течетъ, и законно подвизается,—течетъ и постигаетъ: постигаетъ внутреннее спокойствіе духа, сладчайшую радость совѣсти, похоть отъ руки Вышняго, вѣнецъ славы небесной неувядаемый. Получаетъ же часто честь и отъ міра: ибо слава добродѣтели столь велика, что принуждаетъ себя почитать и тогда и самыхъ развращенныхъ.

Тезите убо, христіане, симъ путемъ, который назначаетъ вамъ мѣстна, и поспѣшайте къ той мѣстѣ, которую предлагаетъ вамъ Евангеліе. Вы призваны въ подвигъ сей: совлачайтесь одежды тѣлнія, исполняйте свои званія, не ослабѣвайте въ нихъ; почитите добродѣтель паче прѣбитковъ и паче мнѣній міра. Впрочемъ, будьте увѣрены, что не прѣршите вы въ своемъ теченіи: приметъ васъ колесница славы, и съ гласъ небесный огласитъ уши ваши: побѣждающему дамъ състи оденую Меня. О Боже! да удостоится подвигъ нашъ похваленъ быть Твоимъ вѣчнымъ словомъ.

А Ты, Благочестивѣйшая Государыня наша, благоволи предшествовать намъ въ семъ подвигѣ. Извѣстно, сколь примѣръ Твой есть дѣятеленъ въ семъ, какъ и во всякомъ случаѣ; да и обязана Ты Верховнымъ Правителемъ, священною рукою своею, отверзати намъ дверь къ теченію благословенному. Мы, предводительствуемые Тобою и вооруженные истинною, пойдемъ на брань противъ всего того, что не имѣетъ міра съ добродѣтелію, что нарушаетъ блаженство наше; пойдемъ же въ извѣстномъ упованіи, чтобы, наконецъ, воскътъ намъ предъ Богомъ побѣдительное во гласъ веселія и радованія. И хотя сіе соудино съ трудомъ и не малымъ, но сладко видѣтъ дѣтей, матерними сѣнами шествующихъ и носящихъ предъ Тобою вѣтви благодѣланія. Но почто я говорю сіе? текущую, да еще съ великою славою, къ теченію побуждаю? Извѣстны Твои труды, извѣстенъ подвигъ въ добродѣтели. Я, и со мною всякъ воображаетъ съ сладостію оную борьбу добродѣтели, которая недавно оказалась въ лицѣ Твоемъ: одна добродѣтель приносила Тебѣ титлы, другая отрицала принять ихъ. Славное сраженіе! что же, наконецъ? Добродѣтель получила сама надъ собою побѣду и, попустивъ себѣ съ одной стороны быть побѣжденной, съ сего сраженія возвратилась тѣмъ съ большимъ торжествомъ и славою. Богъ, Который таковыми зрѣлищами увеселяетъ очи Свои,—Богъ да поспѣшествуетъ Тебѣ, Великая Монархія, продолжать благополучно подвигъ сей и да предуготовитъ Тебѣ столько вѣнцевъ, сколько есть нашихъ желаній, или паче, сколько есть въ Богѣ благоволенія о добродѣтели.

Вѣ май симъ рассужденіямъ, и зри примѣры Ты, Благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій торжественникъ нашъ! зри примѣры столь Тебѣ близкіе или, паче сказать, домашніе. При благополучномъ теченіи мѣръ Твоихъ, при умножающейся, всего общества, о Тебѣ надеждѣ, что можемъ мы Тебѣ сказать пристойнѣе сего Апостольскаго слова: „Тако тецые, да постигнете?“ Теченіе Твое обращаетъ на Тя очи всѣхъ, желающихъ быть участниками, наслаждаться торжествомъ Твоимъ. Удотребляй въ пользу сіи желанія, прославь надежды наша,

исполни чаянія. Слыши, Богъ глаголетъ Тебѣ съ небесъ святыхъ Своихъ: „сыне, даждь ми сердце твое“ (Притч., 23, 26). Не отрицай сего требованія столь справедливаго и столь Тебѣ полезнаго; отдай сердце свое Тому, Кто создалъ его и Который соединить всегда хочетъ оное съ Духомъ Своимъ.

О, взираяя на всѣ дѣла смертныхъ и оныя праведно увѣчиваяя, Боже! не преставай Монархиню нашу и дражайшаго сына ея покрывать безсмертною Твоею десницею; Ты сотворилъ ее матерью, увеселяющею Наслѣдника и насъ: возвесели и сердце ея такъ, какъ веселится мать о любезныхъ чадахъ своихъ. Аминь.

Слово въ день святыхъ Апостолъ Петра и Павла, и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Отвѣщавъ Симонъ Петръ, рече: Ты еси Христось, Сынъ Бога живаго“.

(Мате., гл. 16, ст. 16).

Сей отвѣтъ Апостольскій содержитъ въ себѣ исповѣданіе вѣры нашей, то есть, дѣйствіе, коимъ предъ всѣми необязанно объявляемъ о себѣ, что мы, служители Бога истиннаго и усердные послѣдователи Евангелія,—что мы почтеніе Его ставимъ за первѣйшій долгъ нашего обязательства и желаемъ жертвовать всѣмъ славѣ Его. Симвъ даромъ Божественнымъ Церковь христіанская по справедливости признаетъ себя одолженною усердію, ревности, трудамъ и болѣзнямъ нынѣ празднуемыхъ апостоловъ Петра и Павла,—почему и обязуется она, исполняя долгъ благодарности, почитать ихъ память, прославлять имя и проповѣдывать ихъ заслуги.

Но что достойное принесемъ мы къ похвалѣ вашей, о божественные мужи и священные тайноводители? мысль наша не сильна объять понятіемъ своимъ всѣ ваши добродѣтели, языкъ изнемогаетъ изобрѣсти способныя слова къ соплетенію вамъ вѣнца похвальнаго, и мы почитаемъ ваши заслуги паче удивленіемъ, нежели исчисленіемъ. Если святой Златоустъ, столь многими похвалами возвеличившій апостола Павла, имѣлъ нужду напоследокъ сказать, что „удобиѣ есть океанъ исчерпать, нежели Павловы похвалы исчислить“, то что же довольное сказать возмогутъ бранныя уста наши? Однако, дабы намъ сей день, день Церкви торжественный, Россіи всерадостный, почитать

Сказано въ Петергофѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1768 года, іюня 29 дня.

возможнымъ усердіемъ, предложимъ бесѣду о *свойствахъ или о силѣ Евангельской вѣры*, которая столь славно дѣйствовала чрезъ апостоловъ въ обращеніи ко Христу многихъ народовъ.

А Ты, Христе Спасителю, умудривый апостоловъ Твоихъ, сотвори, да будетъ слово наше не въ препрѣтельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа Твоего и силы!

Изъ исторіи церковной намъ довольно извѣстно, что проповѣдь апостольская не была безплодна; но, гдѣ она проходила, вездѣ оставляла по себѣ слѣды своей силы и плоды спасенія. Въ самыя времена апостольскія уже во всѣхъ частяхъ свѣта были христіане, и, чѣмъ далѣе проходило время, тѣмъ больше возрастало и умножалось сіе благословенное сѣмя. Народы оставляли свои обычаи, бросали суевѣрные преданія, начали гасить огонь идоложертвенный, гнущаться алтарями, воздвигнутыми ложнымъ божествамъ, и радоваться, что небо даровало имъ, блаженнѣйшій паче предковъ ихъ, жребій.

Но какъ превеликой трудности дѣло есть оставить обычаи, обряды, преданія, предрасудки, наипаче связанные съ закономъ, то, напротивъ, надлежитъ быть великой и Божественной силѣ Евангелія, которая славно восторжествовала надъ всѣмъ тѣмъ, потому наипаче, что проповѣдники Евангелія не имѣли никакого оружія, ни власти, ни вѣтхоственной хитрости, ни подвижности философской и ничего, что обыкъ уважать мѣръ. Почему и причину такового успѣха надлежитъ искать не въ тѣхъ, кои токмо послужили орудіемъ сему дѣйствию, но въ самомъ проповѣдуемомъ ученіи, въ самомъ Евангеліи.

Таковая сила открывается намъ въ слѣдующихъ свойствахъ евангельской вѣры, свойствахъ отъ нея неотъемлемыхъ и ей единственно всегда принадлежащихъ.

Первое свойство Евангелія, къ обращенію сердца дѣйствительно служащее, есть духъ снисхожденія и кротости. Ежели правда,—какъ то и подлинной, и о семъ сумнѣться не можно,—что человѣкъ удовлетворяется ласкою больше, нежели страхомъ,—кротостію, нежели строгостію,—снисхожденіемъ паче, нежели насильственнымъ требованіемъ: то нигдѣ не найдемъ мы, чтобы сіе было хранимо съ большею святостію, какъ въ ученіи Евангелія. Мы слышимъ въ немъ, что призываются всѣ труждающіеся и чувствующіе обремененіе въ совѣсти, чтобы они могли быть успокоены. Мы слышимъ въ немъ, что Богъ, промысливъ о птицѣ, о цвѣтѣ, о травѣ, простираетъ попеченіе Свое о человѣкѣ столь далеко, что и всѣ власы главы его изочтены предъ Нимъ. Мы слышимъ въ немъ, что Отецъ небесный любитъ насъ, что Онъ приходитъ въ непорочное сердце и въ немъ творитъ Себѣ обитель. Мы слышимъ въ немъ грѣшниковъ, къ покаянію призываемыхъ самымъ нѣжнымъ обра-

зомъ. Мы видимъ въ немъ мытарное покаяніе неотвергаемое,—слезы жены, въ распутовѣ живущей, презираемыя,—Закхенно обращеніе пріемлемое. Мы видимъ въ немъ стремленіе, желавшее съ небеси свести огонь на грѣшный градъ, удерживаемое,—сердечный вопль разбойника, милостиво выслушанный. Мы видимъ въ немъ Самого Основателя вѣры нашей на крестѣ, при послѣднемъ издыханіи за распинателей Своихъ молящагося.

Чье сердце будетъ столь ожесточено, чтобы такими примѣрами къ умилению подвижено не было, если оно имѣетъ хотя малое чувство своей повинности предъ Богомъ?

Изъ сего не можно заключить, акибы сіе снисхожденіе простралося даже до послабленія. Нѣтъ, оно только надлежитъ до чловѣка, кающагося и ищущаго исправленія своего; а, ожесточенный въ злости своей, сімъ снисхожденіемъ благодати пользоваться права не имѣетъ: ибо и чувствовать его не можетъ онъ.

Съ изъясненнымъ нами свойствомъ соединяется другое свойство Евангелія, утѣшительное, въ случаѣ смущенія совѣсти, искушеній, страданія и часа смертнаго. Совѣсти, смущаемой страхомъ суда Божія, Евангеліе благовѣствуетъ миръ, купленный кровію Сына Божія и пріобрѣтенный снисхожденіемъ на землю живущаго на небесахъ; во время искушеній оно наминаетъ, что, якоже искушается сребро въ огнѣ, такъ сердца праведныхъ—у Бога, и имѣетъ сынъ, его же не наказуетъ отецъ; при сильномъ же нападеніи ихъ велитъ Апостольской трубѣ гласить въ уши наши: „искушеніе васъ не достиже, точію чловѣческое: вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, неже можете“ (1 Кор., 10, 13). Въ случаѣ невинныхъ страданій оно утѣшаетъ насъ великимъ примѣромъ пострадавшаго за насъ и со креста къ намъ вопіющаго: „аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ“ (Іоанн., 15, 18). Во время же смертнаго часа Евангеліе утѣшаетъ мысль нашу, что смерть есть пріобрѣтеніе лучшей жизни,—что она есть достиженіе мѣты, при которой увѣчиваются славно подвижавшіеся,—что она есть та блаженная частица времени, въ которую очи наши перестаютъ видѣть суету мірскихъ превращеній и соблазновъ. Все сіе если бы устами богодухновенными, каковы, на примѣръ, были Павловы, было предложено тебѣ, въ невѣри пребывающій чловѣкъ,—можъ ли бы ты столь ожесточить себя, чтобы не прилѣпиться къ такому ученію?

Къ сему же разсужденію надлежитъ и то, что Евангеліе утверждаетъ насъ несумнительною надеждою благъ будущихъ, которое обѣщаніе тѣмъ дѣйствительнѣе въ сердцѣ нашемъ, что оно и съ разумомъ согласно, и съ безсмертіемъ души сходственно. Соединиться, на примѣръ,

съ свѣтомъ несозданнымъ, почерпнуть отсюда избыточное познаніе истинъ, не есть ли естественно душѣ нашей, одаренной, малымъ въ некоторомъ свѣтомъ разума, и всегда познать что-нибудь желающей? любить любовію вѣчную предметъ, наполненный всѣми совершенствами, не есть ли свойственно склонности сердца нашего, которое естественно стремится къ соединенію со всякимъ добромъ? Быть во всегдашнемъ содружествѣ съ тѣми, кои въ мірѣ были добродѣтельными всѣхъ, можетъ ли разумъ нашъ требовать что-нибудь основательнѣе, и духъ нашъ желать что-нибудь съ большимъ усиліемъ? быть въ таковомъ блаженномъ состояніи, безъ всякаго смущенія, чтобы могло когда что нибудь поколебать оное,—не требуетъ ли сего безсмертіе, коимъ отъ Бога почтена душа наша?

Таковыя обѣщанія, таковыя блага, столь превосходныя и столь сродныя намъ, какое, думаете, произведутъ дѣйствіе въ оной душѣ, которая хотя мало увѣрена, что она создана для вѣчности, и съ какимъ усердіемъ приметъ она ученіе благовѣствующее ей о томъ? Будетъ ли уже удивительно, что человѣкъ, восхищенный любовію таковыхъ благъ, не за великое вмѣнить почести, богатство и славу, еслибы они были препятствіемъ ему къ достиженію оныхъ благъ? будетъ ли уже удивительно, что многіе въ христіанствѣ знаменитые мужи воображеніемъ сихъ благъ столь утѣшались въ срединѣ страданій, что или не чувствовали, или сносили великодушно самыя лютыя мученія? Нынѣ празднуемый Апостолъ Павелъ въ срединѣ бури напастей, кои онъ самъ исчисляеть, говоритъ: „радуясь во страданіихъ моихъ“ (Колосс. 1, 24).

Откуда тебѣ, великій герой христіанства, толкое мужество, что при раздробленіи тѣла твоего духъ твой непоколебимъ и радостенъ? „Недостойны“,—отвѣчаетъ онъ,—„страданія нынѣшняго времени въ сравненіи славы имущія явитися въ насъ“ (Римл., 8, 18) и для того „радуясь во страданіихъ моихъ“. О, великое дѣйствіе, знаменіе великой силы! ибо извѣстно, сколько человѣкъ животолюбивъ и сколь естественно страшенъ разрывъ живота! Но когда онъ на все сіе дерзаетъ и небоязненно жертвуетъ своею жизнію: то какой надлежитъ быть силѣ такъ дѣйствующей въ мысли и сердцѣ? какой, ежели не Божественной?

Подлинно, можетъ случиться, что иной на все отважится по однимъ впрочемъ, лестнымъ, суетнымъ, воображеніямъ. Но таковыя безразсудныя стремленія весьма удобно различить отъ истиннаго суевѣрія; и если бы кто дерзнулъ почестъ несущественными таковыя обѣщанія, каковыя суть Евангельскія,—тому надобно отрещись благородства естества своего и со стыдомъ унизить себя въ состояніе животныхъ безсловесныхъ.

Не должны же мы молчаніемъ пройти и то, чѣмъ всякое ученіе особенно выводитъ себя изъ подозрѣнія, а именно: что Евангеліе содержитъ въ себѣ силу весьма побудительную къ добродѣтели. Ибо оно склоняетъ всѣ свои намѣренія туда, чтобы расположить человѣка къ благоправію и всѣ его склонности принести въ жертву святости. „Конецъ завѣщанія есть“, — говоритъ Апостоль, — „любвы отъ чиста сердца и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя“ (1 Тим., 1, 5). И для того Евангеліе наисильнѣйшимъ образомъ увѣряетъ всякаго, что безъ добрыхъ дѣлъ никакъ не возможно сподобиться блаженства и зрѣнія Божія, — что любовь, какъ есть первѣйшее средство къ благодати, такъ и послѣдній конецъ вѣры, — что мы одолжены любить и исполнять добродѣтель не меньше и тогда, когда бы за нее гонимы были.

Сии побужденія тѣмъ непорочнѣе, что они приводятъ насъ къ исполненію закона не страхомъ и не по корыстолюбію, но по одной любви, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы намъ засвидѣтельствовать предъ Богомъ, что мы памятуемъ Его къ себѣ любовью, — что мы ею уязвлены и безпокоимся о способахъ засвидѣтельствованія взаимной любви нашей. И кто, слыша сіе, не восчувствуетъ въ себѣ жаркаго стремленія, чтобы броситься въ объятія добродѣтели?

Итакъ, изъ настоящаго разсужденія нашего всякъ можетъ довольно видѣть, сколь велика есть сила вѣры Евангельской въ обращеніи человѣческаго сердца; и когда со вниманіемъ разсудимъ все сказанное нами, меньше удивляться станемъ, что апостолы могли столько народовъ отвести отъ принятыхъ ими преданій и обратитъ къ вѣрѣ столь увѣрительной, столь святой и непорочной. „Оружія воинства нашего“, — восклицаетъ апост. Павелъ, „не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердей: помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій, и плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово“ (2 Кор., 10, 4—5).

Когда же такъ многомогуща сила Евангелія, то для чего многіе не токмо не пріемлютъ сіе ученіе, но и противятся и гонять? На сіе справедливо отвѣтствуется, что то происходитъ отъ невниманія, отъ предразсужденія, отъ упрямства, подкрѣпляемаго самолюбіемъ, отъ развращенной жизни и отъ суетнаго мудрованія. Но часто причиною сему бываетъ и то, что отъ неискреннихъ и суевѣрныхъ учителей въ истину Христову примѣшивався много лжи, студныхъ суевѣрствъ, пустыхъ басней, преданій неизвѣстныхъ и вредныхъ, такъ что истина, отъ такихъ представленная, больше уже не походитъ на саму себя. Сіе неутвержденнымъ душамъ подаетъ случай къ великому соблазну: ибо онѣ, примѣшавъ грубую ложь и осязаемое суевѣрство, уже не вѣрятъ и тому, чему вѣрять неотмѣнно надобно. Но совершенно просвѣщен-

ный сямъ искушенъ быть не можетъ: ибо онъ, съ помощію благодати, умѣеть различить истину отъ лжи, и потому для примѣси лжи истину пренебрегать не дерзнетъ.

Но время уже намъ, слушатели, обратить слово свое къ самимъ себѣ и въ самихъ насъ признать и прославить неизреченную благодать Божию, что благоволилъ Онъ осіять насъ свѣтомъ Евангельской вѣры и утвердилъ насъ на камени православія. Что воздадимъ благодарствующему намъ Господу, и какія принесемъ Ему жертвы хвалы и благодаренія?

Ты, истинный христіанинъ,—ты силу Евангелія въ сердцѣ своемъ болѣе чувствуешь, нежели сколько слово мое изъяснить можетъ. Оныя воздыханія, кои Павелъ называетъ, „неизглаголанными“, тебѣ извѣстны. Ты разумѣешь, что есть даръ сыноположенія? что есть обрученіе духа? что есть оный жаркій вопль сердца: „Авва Отче“? Въстилище сихъ дѣйствій есть сердце твое, сихъ плодовъ сладость вкушаетъ душа твоя.

Радуйся убо, Христова Церковь, на такомъ основаніи утвержденная! радуйся, благочестивое сословіе христіанъ, почтенное таковымъ о тебѣ благоволеніемъ! радуйся особенно ты, Христова Церковь, насажденная въ плодоносномъ вертоградѣ пространной Россіи, и паки реку, радуйся, что имѣешь ты благочестивую Монархиню, величайшую твою покровительницу, усердную защитницу вѣры и славы твоей. Ты зришь въ Ней любовь къ Богу пламенѣющую, къ тайнамъ твоимъ почтеніе, къ святости твоей благоговѣніе, къ празднованіямъ твоимъ склонность радостную, къ проповѣди слова твоего охоту усердную. Зришь ее, созидающую новые законы, затѣмъ наипаче, дабы на благочестіи основать правосудіе и съ истиною соединить добродѣтель. Почему, пролей молитвы твои къ Богу, да совершитъ сіе намѣреніе ея, да достигнетъ онаго времени, въ кое Россія имѣетъ припасть предъ жертвенникомъ твоимъ и принести благодареніе Сѣдѣющему на херувимѣхъ, во гласѣ радованія и исповѣданія, во гласѣ шума празднующихъ.

Сіи желанія и молитвы православной Церкви о Тебѣ благоволи внушить, Великая Монархиня, и возвеселись духомъ Твоимъ, что имѣешь столь славную свидѣтельницу заслугъ Твоихъ и проповѣдницу добродѣтелей твоихъ.

Возносить свои молитвы о Тебѣ къ престолу благодати Церкви особенно одолжена, ибо Богъ въ день преславнаго Твоего на Всероссийскій престолъ восшествія вручилъ ей Твою священную особу сими словами: „вручаю вамъ Фіву сестру нашу: да примете ю о Господѣ достойно святымъ и споспѣшествуйте ей, о нейже аще отъ васъ потребуетъ вещи: ибо сія заступница многимъ бысть, и самому мнѣ“ (Римл., 16, 1—2). Сіи слова прими, Монархиня, за особенное дѣйствіе промысла Господня о Тебѣ, такъ какъ и мы приедемъ оныя за осо-

бенное отъ небесъ увѣреніе, яко скипетръ Твой есть правосудіе, и порфира Твоя есть покровъ милосердія.

Отъ Августѣйшей матери склоняемъ слово наше къ Тебѣ, благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій нашъ имяниницъ! Россія, пріемля участіе въ радости дня сего, откровенно признается, что ея радость тѣмъ больше умножается, что надежда ея пріемлетъ исполненіе, что ея сердечныя предвѣщанія о Тебѣ сбываются. Ибо она видитъ, и видитъ съ веселіемъ, сколь счастливо соотвѣтствуешь Ты матернимъ попеченіямъ о Тебѣ Августѣйшей Родительницы, и, проходя мужественно подвигъ ученія и добродѣтели, спѣшишь, дабы увѣнчать главу свою вѣнцемъ славы неумирающей. Сіе тѣмъ надежише, что полагаешь все то на основаніи благочестія, которое въ сердцѣ Твоемъ себѣ водрузило вѣчную обитель. Ибо уже Тебѣ извѣстны тайны Господни, и вмѣстѣ Ты въ понятіе свое высокія истины закона. Впрочемъ, внемли, что Тебѣ вѣщаетъ тезоименитый Павелъ: „никто же о юности твоей да нерадитъ, внемли чтенію, утѣшенію, ученію. Не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ: но образъ буди всѣмъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою. Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай, въ сихъ разумѣй, да преслѣваніе твое явлено будетъ во всѣхъ“ (1 Тим., 4, 12—15).

Боже! Просвѣщенная Тобою Россія молитъ Тебя: духъ благоволенія Твоего да опочиваетъ всегда на Помазанницѣ Твоей съ плодотворною отраслью ея, чтобы мы, зря на нихъ процвѣтающихъ въ благоденствіи, могли предъ Тобою восклицать: „удивилъ есть Господь сотворити съ ними: удивилъ есть Господь сотворити съ нами“ (Псал. 125, 2—3). Аминь.

Слово на основаніе знаменитаго соборнаго Исаакіевскаго храма въ Санктпетербургѣ *).

„Господи! возлюбихъ благолюбіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея“

(Псал., 25, ст. 8).

Когда царствующій Давидъ пришелъ въ размышленіе о всѣхъ тѣхъ благодѣяніяхъ, коими благословила его щедрота Божія, когда онъ вообразилъ состояніе, въ которомъ прежде былъ, и способъ, коимъ

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества. Святѣйшаго Синода, и всего синклита, 1768 года, августа 8 дня.

восшелъ на славу царствія и сѣлъ на престолѣ величества, когда онъ представилъ себѣ, что враги его пали подъ ноги его, что предѣлы его царства расширились и стали внѣ опасности, что домъ его утвердился и все владѣніе увѣнчано миромъ и благоденствіемъ, когда все сіе, говорю, принялъ благочестивый Царь въ мысль свою: тотчасъ призываетъ къ себѣ толкователя таинъ и воли Божіей, пророка Навана, открываетъ ему мысль свою и говоритъ: „множество благодѣяній Господнихъ чувствуетъ сердце мое, и сіе чувство возбуждаетъ меня, принести Ему видимый знакъ благодарности моей. Я хочу создать храмъ Невмѣстному, и домъ опочивающему на херувимѣхъ, ибо мнѣ стыдно, святой Пророкъ, что я, по благости Божіей, живу въ дому великолѣпнои, а кивотъ Господень странствуя стоитъ въ скинии“. И рече Царь къ Навану пророку: „Се, мнѣ азъ живу въ дому кедровѣхъ, кивотъ же Божій стоитъ посреде скинии“. Похвалилъ Пророкъ сіе Царево намѣреніе и сказалъ ему: „вся елика суть въ сердца твоемъ, иди и твори, яко Господь съ тобою“ (2 Царств., 7, 2, 3).

Таковымъ же дѣйствиємъ и осѣненіемъ духа возбужденную зримъ днесь Благочестивѣйшую и Августѣйшую Императрицу всея Россіи. Она, принявъ въ мысль свою, или паче всегда содержа въ мысли своей благодѣянія, коими она отъ Бога благословенна, коими отъ Бога благословенна и держава ея, и чувствуя въ сердцѣ все то, что можетъ произвести въ немъ сильное воображеніе благодѣяній Божіихъ, воспріяла святое намѣреніе, создать храмъ Вездѣсущему, и славу Его съ небеси привлечь на мѣсто, воздвигенное имени Его. Почему предъ величествомъ Его и можетъ она съ Давидомъ изъясниться сими словами: „Господи мой, Господи! Я, раба Твоя, принявшая отъ Тебя скипетръ и царство, и на высочайшій жребій смертныхъ вознесенная, благодарность мою симъ свидѣтельствую, восхотѣла создать храмъ славы Твоей и домъ имени Твоему. Сіе малое приношу Тебѣ въ жертву, вмѣсто всесоженій тучныхъ и вмѣсто всѣхъ закалаемыхъ. Обрадуи духъ мой, чтобы Тебѣ угодно было сіе мое приношеніе, и прими приносящую Твоя отъ Твоихъ. Сіе же приношу Тебѣ отъ всего моего царства, да знаютъ всѣ, яко руководствую ихъ къ почтенію Твоему. Подлинно, я вѣдаю, что слава Твоя невмѣстима, и Ты обитаеши во храмахъ пышныхъ нерукотворенныхъ, но Ты, въ дѣвической утробѣ вмѣстишься,—Ты вездѣ сѣи, вселися и на мѣстѣ семъ благоволеніемъ Своимъ, и тѣмъ утверди слово Пророка Твоего, яко ты на земли являешия, и съ человѣки обитаеши“. Таковымъ образомъ Благочестивѣйшая Императрица наша можетъ предъ Богомъ изъясниться съ Давидомъ.

Но, вотъ, здѣсь усматриваемъ мы особенныя судьбы Божія, что Монархія Всероссійская преимуществуетъ предъ Царемъ Израилевымъ

въ дѣлѣ семь. Ибо хотя Давидъ и взялъ намѣреніе, создать святилище Вышнему; однако, не удостоился онъ чести сей, чтобы ему положить основаніе храма, но именно сказано ему: „не ты созиждешь Мнѣ домъ“, для чего?—заче человѣкъ вопиеть еси ты и крови проліялъ еси. Не ты созиждешь Мнѣ домъ: но Соломонъ созиждеть домъ Мой“ (1 Паралл., 28, 3, 6), — изрекъ ему Вышній. Достойно и прилично изслѣдовать здѣсь, для чего Богъ присвоаетъ сію честь Соломону? Причина тому изображена въ святомъ же Писаніи, что Соломонъ былъ „миролюбець“, и все царство его славно было спокойствіемъ и тишиною: ибо и самое имя Соломонъ означаетъ: „мирный“; и для того Богъ, яко Богъ мира и любви, благоволилъ воспріять жертву сію отъ миролюбивой души.

Можемъ ли мы здѣсь не признать, сколь живо изобразуется сіе свойство Соломоново въ великой нашей Монархій, и сколь справедливо потому она заслуживаетъ благоволеніе Господне о намѣреніи своемъ? Соломонъ былъ миролюбивъ и царство его было мирно. Признаемъ: ибо о томъ свидѣлствуетъ слово Божіе. Но не свидѣлствуютъ ли самыя дѣла и не гласятъ ли, паче всякій трубы тебѣ, Россія, сколь миролюбивою Государынею благословило тебя небо. Ея состраданіемъ утѣшаются вѣсчастные, ея человѣколюбіе чувствуютъ согрѣшившіе, ея нѣжность сердца, хотя нѣмотствующими языками, но очень ясно, провозглашаетъ младенческой возрастъ, отъ нея призрѣнный и благаго жребія удостоенный. Сколь же духъ ея удаленъ отъ кровопролитія и всякой жестокости, то видно изъ всегдашняго теченія дѣлъ, изъ повседневныхъ резолюцій, изъ многихъ манифестовъ и указовъ; а особливо сей духъ человѣколюбія, во всей своей полнотѣ разлитый, видимъ въ данномъ наказѣ къ сочиненію законовъ.

Здѣсь вопрошаю я васъ, участники глубочайшаго знанія Бога нашего: по всѣмъ основаніямъ премудрости духовной, не то же ли дѣйствіе признаете вы въ Монархій нашей, восхотѣвшей создать храмъ Богу, какое было въ Соломонѣ? И не потому ли Богъ благоволилъ принять отъ нея жертву сію, что она приноситъ ее руками, держащими маслину мира, или паче усердіемъ души сострадательной и человѣколюбивой? Ибо извѣстно, что Богъ нашъ есть Богъ любви и мира. Онъ любитъ человѣчество и ищетъ согласія; Онъ желаетъ быть прославляемъ соединеніемъ сердець, и не велитъ приносить жертвы къ алтарю своему прежде, нежели примиримся съ братомъ, опечалившимъ насъ. Онъ обѣщается тамъ быть, гдѣ будутъ два или три собраны во имя Его. Почему и храмъ, воздвигнутый Ему, есть мѣсто мира и взаимнаго согласія, мѣсто Божія милостиваго снисхожденія къ человѣческимъ требованіямъ, — мѣсто, гдѣ собираются дѣти единого отца, и

гдѣ едиными усты и единымъ сердцемъ прославляютъ Его. Такъ, кто пристойнѣе можетъ, или справедливѣе, сказать, кто паче достоинъ создать храмъ Господу Саваоу? кто?—развѣ особа, прославленная миролюбіемъ и человѣколюбіемъ управляемая.

Но какъ Давидъ и Соломонъ восхотѣли не просто создать храмъ, храмъ великолѣпный, храмъ славою своею достойный царя Израилева и имени Господа силъ, то и въ семь дѣлѣ великая Императрица всея Россіи есть благороднѣйшая подражательница. Ибо ея держава предпріяла на мѣстѣ семь воздвигнуть храмъ съ таковымъ благолѣшемъ, чтобы онъ провозвѣщалъ вкусъ и величество поклоняемаго нами Бога, и славу Россіи.

Хотя, подлинно, благолѣпіе храма состоятъ во внутренней красотѣ тѣхъ душъ, кои собираются на славословіе Божіе во храмъ, но и внѣшнее благолѣпіе уважаемо быть должно, и притомъ тѣмъ паче, что оно не токмо есть знакъ внутренней душевной красоты, но и къ ней же сильно возбуждаетъ и дѣйствительно приводитъ. Знакъ есть: ибо, кто тщится возвеличить славу Вышняго, тотъ уже любитъ Вышняго; кто усердствуетъ украшать Его храмъ, тотъ уже украшенъ добродѣтелию благочестія; кто поставляетъ Ему жертвенникъ, того душа готова есть къ приношенію жертвою; кто веселится духомъ часто посѣщать домъ Божій, тотъ сердцемъ своимъ привязанъ къ Живущему въ немъ. И потому великая Монархиня наша, полагая основаніе сего храма, напередъ положила крѣпкое въ сердцѣ своемъ основаніе благочестія; создавая сей храмъ, сама себя предуготовила храмъ Святому Духу, почему и благолѣпіе храма сего будетъ нѣкоторое всегдашнее изображеніе красоты внутренняго ея сердечнаго храма.

А сіе самое и есть уже нѣкоторое довольное къ внутреннему благолѣшію руководство для другихъ. Пусть кто, какъ хочетъ, но человѣкъ не—ангелъ: мысль наша не можетъ быть поражена, ежели чувства напередъ не тронуты ни мало. Духъ нашъ съ тѣломъ соединенъ столь тѣснымъ союзомъ, что, чѣмъ большее есть удареніе чувствъ, тѣмъ сильнѣйшее воображеніе мыслей. На семь основаніи всѣ въ свѣтѣ законы были окружены извѣстными обрядами, коими привлекаемы были человѣческія чувства; а чрезъ то мысль была восхищаема къ большому святости почтенію. То же видимъ и въ Іудейскомъ храмѣ, о которомъ Святое Писаніе говоритъ, что онъ не токмо былъ великолѣпнѣе, но что, притомъ, все оное было устроено по особенному Божію повелѣнію. Въ семь былъ кивотъ, златомъ украшенный, и херувимы златые, осѣняющіе его, жертвенники, кадиланицы и свѣщники златые, елеи чистый и огонь неугасимый, и завѣса, покрывающая таинственное мѣсто; такъ же столпы, купѣли, крыльца, переходы искусствомъ раз-

личныхъ художествъ возвеличенныя. Къ чему бы все сіе Богъ повелѣлъ устроить, если бы оно не приводило къ оному почтенію, котораго требуетъ святыня?

Да и самый сей міръ, который по справедливости долженъ назваться храмомъ великимъ Бога,—самый сей міръ не для того ли столь совершенъ, украшенъ, возвеличенъ, чтобы чувства, бывъ удивлены и поражены таковою красотою, возбудили духъ нашъ пасть предъ Живущимъ во свѣтъ непреступнымъ, и возлюбить безконечную Его красоту?

Но что я говорю, что ви́шнее благолѣпіе возбуждаетъ къ внутреннему? Не возбуждаетъ токмо, а и въ стыдъ приводитъ насъ, если бы неодушевленные вещи были столь благолѣпны предъ лицомъ Творца естества, а мы не сохранили бы красоту, взятую съ образа и подобія Божія? Ви́шнее благолѣпіе храма увѣщаваеъ тебя, христіанинъ, чтобы ты благочиніемъ духа и тѣла твоего служилъ Господеви. Жертва, приносимая на украшенномъ жертвенникѣ внушаетъ тебѣ, что сердце твое должно быть жертвенникомъ, украшеннымъ чистотою совѣсти. Кадильница золотая, испущающая благовоніе, напоминаетъ, чтобы молитвы твои были благовонны добродѣтелию. Завѣса, закрывающая святыню отъ тѣлесныхъ очей, оберегаетъ тебя, чтобы имѣть внутреннія очи, всегда чисто Бога зряща. Твердое основаніе храма учитъ насъ, чтобы полагать добрыя дѣла на основаніи истинной вѣры, и тогда бы думать, что мы—тверды, когда истина укрѣплена исполненіемъ закона. Самъ храмъ со святымъ Петромъ вошеетъ намъ такъ: „ко Господу приходяще, яко камени живу, отъ челоуѣкъ убо уничижену, отъ Бога же избрану, честну, и сами яко каменіе живо зиждется въ храмъ духовенъ, святителство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови Исусъ Христомъ“ (1 Петр., 2, 4—5). Нѣтъ убо сомнѣнія, что челоуѣколюбивый Богъ ви́шнею красотою привлекаетъ насъ къ внутреннему благолѣпію; а изъ сего сами можете видѣть, сколь пріятную жертву Богу приносить тотъ, кто сооружаетъ Ему великолѣпный храмъ, и притомъ, сколь великое дѣлаеъ онъ украшеніе вѣрѣ и пользу рачителямъ благочестія.

Богъ по многимъ дѣламъ возвеличивый имя Твое, Августѣйшая Монархія, не оставилъ, чтобы и въ семь дѣлъ не употребить Твою десницу благодѣтельнымъ для насъ орудіемъ благости Своей. Сей храмъ будетъ вѣчнымъ монументомъ благочестія Твоего, и, слѣдовательно, Церковь обязана Тебѣ вѣчною благодарностію. Благоволи вообразить, великая Государыня, что въ позднѣйшіе вѣка, когда въ храмѣ семь будутъ священныя собранія при излітіи сердець своихъ предъ Богомъ, Ты первая, яко основательница, въ соборѣ ихъ духомъ почитаема будещи и отъ всѣхъ будущихъ родовъ имаши благословитися. Церковь, когда на все сіезираеъ, когда разсуждаеъ и благочестіе

Твое, и будущую пользу чадъ своихъ, и славу свою;—что тогда чувствуетъ она?—она возноситъ свои руки къ Основателю своему, и призываетъ на главу Твою всѣ благословенія, должныя добродѣтели Твоей; она возлагаетъ на насъ долгъ, чтобы мы, ея служители, именовъ всѣхъ христіанъ и именовъ самой ея, принесли Тебѣ благодарность, состоящую въ проповѣданіи Твоей вѣры къ Богу, и въ прошеніи, да Церковь, якоже начала еси, всегда подѣ покровительствомъ Своимъ сохраняеши и все да устрояеши въ лучшее.

Боже великій, Его же престоль небо и земля подножіе! благословивый сіе, Монархини нашей, намѣреніе, благопоспѣши и совершити оное, дабы тогда въ восторгѣ радостномъ предъ Тобою мы воспѣли пѣснь сію: „Востани, Господи, въ покой Твой, Ты и кивоть святыни Твоя“ (Псал., 131, 8). Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича *).

„Возложить на вы руки своя, и ижденуть, предающе на сонмища и темницы, ведомы къ царемъ и владыкамъ, имене Моего ради“.

(Лук., гл. 21, стих. 12).

Нынѣ чтенное Евангеліе, по причинѣ празднуемаго Церковію въ сей день пострадавшаго за истину, святаго Евстаѳія, даетъ намъ знать, что не всякая ревность по Бозѣ есть пріятна Богу. Ибо если къ дѣйствию, самому чрезъ себя похвальному, примѣшается страсть, тогда она все портитъ и своею строптивостію развращаетъ путь Божественный.

Сіе доказываетъ нынѣшнее же Евангеліе тѣмъ, что нѣкогда страстная по большой части ревность была причиною, что послѣдователь Евангелія со всею своею кротостію былъ связуемъ, изгоняемъ, предаемъ на судъ, ведомъ къ царямъ и владыкамъ, защитникамъ те есть истины, чтобы отъ нихъ страдать за истину. Таковой поступокъ можетъ справедливо возбудить насъ и къ сожалѣнію, и къ негодованію,—почему онъ былъ бы и не достоинъ разсужденія нашего. Но когда, напротивъ, видимъ мы нынѣ монарховъ благочестивыхъ и православ-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ придворной геркви въ Санктпетербургѣ 1768 года, Сентября 20 дня.

ныхъ, истину любящихъ и отъ истины любимыхъ, Евангелію послѣдующихъ и дѣйствіемъ его, то есть, кротостію и челоуѣколюбіемъ украшаемыхъ: то съ сей стороны осіяваетъ насъ свѣтъ радости, и расширяетъ наши уста къ прославленію Отца свѣтовъ и Бога, любящаго тварь Свою. И для того не бесполезно, думаю, взойти намъ въ дальнѣйшее разсужденіе о ревности, каковую требуетъ законъ истинный отъ насъ. Сіе разсужденіе прилично и торжественному дню сему, который одолажаетъ насъ горѣть ревностію къ Богу, милостиво благословляющему Россію.

Взираю убо къ Тебѣ, Господи Боже! Ты недостаточное слово мое раствори солию благодати Твоей къ общей пользѣ нашей.

Ревность есть горячее стремленіе духа нашего къ защищенію славы Божіей, относительно закона. Мы въ семъ разумѣ беремъ сіе слово: ибо многія могутъ быть его обозначенія.

Взявъ ревность въ таковомъ разумѣ, не видно, чтобы въ ней было что-нибудь непохвальное. Ибо горѣть духомъ, чтобы слава Божія была проповѣдуема во всѣхъ концахъ вселенной,—чтобы всѣ люди святымъ руководствомъ были просвѣщены къ Богу и почтенію Его,—въ разсужденіи сего горѣть духомъ, то есть, изыскивать къ тому справедливыя и челоуѣколюбивыя способы, есть дѣло достойное всякой похвалы. Ибо симъ доказывается любовь къ Богу, къ ближнему, любовь къ истинѣ, которую мы не скрываемъ подъ спудомъ, но поставляемъ на свѣтъ, да свѣтитъ всѣмъ и да руководствуетъ всѣхъ. И для того святой Павелъ учитъ: „добро, еже ревновати всегда“; однако, притомъ прибавляетъ: „въ добрѣмъ“ (Галат., 4, 18).

Но сіе есть несчастіе челоуѣческаго рода, что часто и въ самыя святія дѣйствія вкрадывается злоупотребленіе и обращаетъ добродѣтель въ порокъ. Сіе бываетъ, когда челоуѣкъ выходитъ изъ своихъ предѣловъ и, не управляя себя разумомъ, слѣдуетъ страсти. Ревность по Бозѣ, чѣмъ больше имѣетъ въ себѣ жара и горячаго стремленія, тѣмъ больше требуетъ осторожности и умѣренности, чтобы сей священный огонь не обратился въ пожаръ, истребляющій все безъ разбора. А сіе необходимо выйдетъ, если, вмѣсто защищенія славы Божіей, будетъ дѣйствовать страсть мщенія,—вмѣсто усердія къ пользѣ истины, вмѣшается корысть собственная,—если, вмѣсто любви къ ближнему, будетъ всѣмъ располагать страсть самолюбія.

Какія же слѣдствія изъ таковой ложной ревности могутъ произойти, ежели не худыя и вредныя? Отсюда, во-первыхъ, послѣдуетъ гоненіе, чтобы заблуждающаго, вмѣсто того, чтобы исправить и привести на путь истины,—истребить отъ земли живыхъ. Вмѣсто ученія, увѣщанія, доказательствъ, вмѣсто всѣхъ правоучительныхъ и благо-

разумныхъ способовъ, будетъ свирѣпствовать одинъ духъ нетерпимости, какъ то доказали намъ печальными примѣрами многіе вѣка больше, нежели надобно. Оставляю въ подробности описывать таковыя свирѣпости, чтобы тѣмъ скрыть стыдъ человѣческаго поползновенія; а только при семъ примѣтить должны, что человѣкъ, такимъ образомъ гонимый, не только объ истинѣ не увѣряется ни мало, но еще въ мнѣніи своемъ ожесточается болѣе. Ибо онъ, не видя иныхъ доказательствъ, кромѣ насильственныхъ, по справедливости можетъ заключить, что у гонящей стороны нѣтъ другихъ сильнѣйшихъ доказательствъ. А изъ того и самая истина претерпѣваетъ немалый ущербъ величества своего. Ибо она представится, акибы не имѣла никакой собственной своей силы къ увѣренію; и будто она, какъ ложь, требуетъ въ своей слабости сторонняго насильственнаго подкрѣпленія. Такъ можно ли утвердить, чтобы таковая ревность была угодна Богу,—Богу хранителю порядка всѣхъ вещей, и истины защитнику всемогущему? и таковой родъ людей не тщетно ли увѣряетъ себя, аки бы ихъ ревности огонь достоинъ былъ алтара божественнаго? какъ-то о нихъ Спаситель нашъ сказалъ апостоламъ Своимъ: „всякъ, иже убіетъ вы, возмнися службу приносить Богу“ (Іоанн., 16, 2).

Никто не почувствовалъ на себѣ столько тяжестей ревности гонительной, сколько благословенное христіанство. Основатель вѣры нашей, по слѣпому стремленію народа и по корыстолюбивой ревности фарисеевъ, первый имѣлъ нужду испить чашу смертную. То же предрекъ Онъ и проповѣдникамъ истины Своей, которые и понесли самымъ дѣломъ тяжкій крестъ сей, и кровь христіанская пролилась источниками. Въ первенствующія времена христіанства всѣ почти храмы основаны были на гробахъ мученическихъ, да и нынѣ Церковь Христова празднуетъ большую часть святыхъ тѣхъ, кои мучительнымъ лишеніемъ жизни доказали, что истина въ ихъ сердцахъ напечатана была неистребимо и непобѣдимо. Что же гонители получили черезъ все то?—славу христіанскую больше умножили, и, напоследокъ, сами принуждены были уступить побѣду и торжество истинѣ.

Но, ахъ! пусть бы такъ было, что язычество, поклонявшееся воинскимъ Марсамъ и громопоражающимъ Юпитерамъ опорочило себя такою ревностію. Но и между исповѣдающими имя кротчайшаго Учителя, во смиреніи Котораго судъ Его взятъ, были подобныя замахи. Оный жаръ ревности, который долженъ воспалить сердце христіанина, и у христіанъ часто былъ жаръ неспасительный. Слѣпота, не знающая положить предѣловъ истинной ревности, страсть мщенія и корысти часто производили слѣдствія погибельныя, достойныя не христіанства, а язычества. Темный западъ показалъ много намъ такихъ примѣровъ.

Признаться надобно, что таковыя ревнители дѣлають великій стыдъ Евангелію, ученію наполненному кротости и челоуѣколюбія, Евангелію, учащему любить враговъ своихъ и удерживающему хотѣвшихъ огонь съ небеси свести,—Евангелію, ублажающему кроткихъ и похваляющему ревность, но по разуму. Когда бы они вообразили все сіе, устыдились бы и ужаснулись, сколь далеко отстоятъ отъ слѣдовъ того Учителя, славу Котораго защищать себѣ кажутся.

Да не подумаетъ кто изъ сего, акибы мы совѣмъ уничтожали ревность по Бозѣ, или какимъ-нибудь образомъ ослабить ее старались; никакъ. Сіе было бы истребить благороднѣйшее дѣйствіе Духа Божія. Напротивъ, гласомъ самой истины утвердить можно, что великаго развращенія знакъ былъ бы, если бы кто совѣмъ погасилъ въ себѣ духъ ревности справедливой, что можно назвать недугомъ несоболѣзнованія, или нечувствительности. Сіе можетъ происходить отъ незнанія вѣры своей, или отъ нетвердаго ея увѣренія объ истинѣ; какъ то обыкновенно бываетъ въ тѣхъ, которые иное исповѣдуютъ, а другое въ сердцѣ признаютъ. Такъ какъ же бы въ такомъ могъ возгорѣть какой-либо жаръ Божественный?

Слѣдствія таковой холодности не меньше вредны, какъ и ревности безразсудной, понеже изъ того можетъ родиться безобразная смѣсь различныхъ мнѣній, и превращеніе правилъ нравоученія. Ибо если основаніе всѣхъ, до нравовъ надлежащихъ, дѣйствій есть справедливое расположеніе мыслей, слѣдовательно, нельзя худо думать, а дѣлать хорошо, то различныя и между собою несогласныя мнѣнія не будутъ ли слабымъ и опаснымъ правиломъ челоуѣческихъ поступковъ; особливо въ обществѣ: „въ обществѣ“, говорю, которое связуется наипаче согласіемъ спасительной и отъ людей больше всего почитаемой истины закона. И потому нельзя не видѣть съ горестію и не слышать съ печалію о таковыхъ случаяхъ, въ коихъ трогаются необязненно самыя святыя вещи, и почитается разумнѣйшимъ тотъ, кто дерзновеннѣе терзаетъ залогъ, освященный обществомъ. Добродѣтельныя души проказуются симъ до внутренности и, воспламеняемыя ревностію Господа Саваоа, сердечно сожалеютъ, что здравое тѣло терпитъ столь болѣзненные удары и терзается утроба матерная.

О, блаженъ тотъ, кто убѣгаетъ обѣихъ сихъ крайностей! Кто идетъ среднею и царскою дорогою, отвращенъ отъ злой и безразсудной ревности, но управляемъ священнымъ огнемъ ревности мудрой и челоуѣколюбивой!

Въ таковой ревности должна быть преданность къ вѣрѣ иѣжная, но безъ суетвѣрія, усердіе къ истинѣ безкорыстное, любовь къ ближнему чистая и нелицемѣрная, чтобы не подать другимъ немощнымъ

соблазна, осторожность благоразумная. Таковой ревнитель есть вѣрный Церкви сынъ, общества членъ мудрый и благороднѣйшій, всѣхъ любящій и отъ всѣхъ любимый.

Святое Писаніе въ примѣръ истинной ревности между многими представляетъ намъ апостола Павла, который къ Коринтянамъ пишетъ такими словами: „ревную по васъ Божію ревностію (2 Кор., 11, 2) ибо я обручилъ васъ единому мужу, чтобы вы предстали Христу, яко дѣва чистая“. И для того крайне беспокоюсь и боюсь, чтобы въ васъ простота истины Евангельской прехищрена не была мудростями міреками. Сія ревность Апостольская была усердная и притомъ безкорыстная, ибо онъ же въ другомъ мѣстѣ изъясняется: „не ищу вашихъ, но васъ (2 Кор., 12, 14): я съ пріятностію претерплю всякій убытокъ, хотя бы то стоило и потери жизни моей, ради пользы душъ вашихъ“.

Такою ревностію всякій христіанинъ долженъ украшать себя, а, особливо, служители Церкви симъ огнемъ, отъ жертвенника Господня возженнымъ, устнѣ свои и сердце воспалять обязуются, убѣгая безразсуднаго стремленія, противнаго человѣколюбію и кротости христіанской, да помышляютъ день и ночь о справедливыхъ средствахъ къ утверженію добродѣтели и къ расширенію царства Иисусъ Христова, да бдѣть о стадѣ своемъ, да некій волкъ восхититъ и разгонитъ овцы; чтобы могли изъ глубины чистыя совѣсти сказать: „ревную по васъ ревностію“,—да ревностію не человѣческою, но ревностію „Божію“.

При семъ столь важномъ разсужденіи нашемъ, на кого мы, слушатели первѣе воззримъ, какъ не на Твою, благочестивѣйшая Монархія, Августѣйшую особу, не только потому, что Ты глава еси врученной Тебѣ отъ Бога христіанской державы, и не потому только, что Ты величайшая еси покровительница православія нашего; но что въ священномъ лицѣ Твомъ яснѣйше блистаетъ ревность по Бозѣ, да ревность мудрая, ревность человѣколюбивая. Она наипаче возбудила величество Твое принять престоль, она же и утверждаетъ его. Сіе не мы токмо, но и окрестные всѣ проповѣдуютъ гласами немолчными, то есть, что при Твоей мудрости связана ревность безразсудная; а справедливая находитъ примѣръ въ тебѣ самой: молчать дерзость святыни касающаяся; но не молчать уста истины. Сей духъ вліялъ въ Тебя Богъ въ тотъ блаженный часъ, когда Онъ паче причастникъ твоихъ помазалъ Тебя елеемъ радости: „елеемъ радости“,—сказалъ Духъ Святыи, ибо Монаршее лице есть сладчайшій свѣтъ, всегда осіявающий радостію подданныхъ своихъ. Да сохраняетъ убо всеблагій Богъ сія дражайшія Твои дарованія, и да глаголетъ всегда таинственною бесѣдою въ сердце Твое, да увеселяетъ величество Твое любовію подданныхъ Твоихъ, и да даруетъ Тебѣ видѣть народъ свой, достигшій до благопо-

лучія величайшаго въ свѣтѣ. Да наполняетъ же радостію духъ Твой, и сія сладчайшая надежда Твоя и наша, вселюбивѣйшій сынъ Твой, живое изображеніе добродѣтелей Твоихъ и благонадежнѣйшій хранитель безсмертной славы Твоей.

А Ты, Пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ! въ сей день рожденія Твоего намъ радостнаго и вождельнаго, ничѣмъ святѣ мысль свою утрудить не можешь, какъ размысленіемъ благодѣяній той великой особы, посредствомъ которой Богъ даровалъ Тебѣ бытіе въ сей день. Да вообразить со всякимъ вниманіемъ мысль Твоя ея болѣзни, ея попеченіе и труды о воспитаніи Твоемъ и благополучіи жизни Твоей. Размысленіе сіе одождаетъ Тебя, Благовѣрный Государь, горѣтъ къ ней любовію сыновнею, благодарностію усерднѣйшею, а благодарность сія состоитъ въ соответствованіи желанію и чаянію ея и всея Россіи о Тебѣ. Но, о, блаженство наше! Наслѣдникъ Всероссійскій возрастаетъ лѣтами и дарованіями, обогащается просвѣщеніемъ, наполняется святою ревностію къ Богу и къ истинѣ, приближается къ своему совершенству, а тѣмъ веселитъ Августѣйшую Родительницу свою, веселитъ всѣхъ насъ и тѣмъ вѣщаетъ желаніе наше.

Боже, Россіи милостивый покровитель! Неусыпающее око Твое да бдитъ всегда надъ Монархинею нашею и наслѣдникомъ ея: Благословляя ихъ, Ты благодѣтельствуешь намъ, и сохраняя ихъ, одождаетъ Россію приносить Тебѣ всегда жертву благодаренія. Аминь.

Слово въ день торжественный, за предпріятыи великодушно и благополучно совершившіяся въ прехожденіи оспы, подвигъ Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества *).

Россія! „благослови Господа, вѣщающаго тя милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желаніе твое“.

(Псал., 102, ст. 1—5).

Въ сей благословенный часъ представъ, слушатели, предъ лице Бога всемогущаго, Бога о твари Своей милостиво промышляющаго, мы имѣемъ славный случай взойти въ размысленіе оказаннаго намъ Божіи благодѣянія, въ которомъ вся Россія, или, могу сказать, весь человѣ-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ большой придворной церкви 1768 года, ноября 22 дня.

чeskій родъ пріемлетъ сладчайшее участіе. Всеавгустѣйшую Монархнію Россіи и любезнѣйшаго сына ея увидѣли мы въ здравіи вождѣленномъ и видѣ радостномъ,—увидѣли же по благополучномъ окончаніи таковаго случая, который могъ колебать и самыхъ великодушныхъ изъ насъ, чтобы не лишиться сихъ дражайшихъ для насъ въ свѣтѣ особъ.

Какое слово можетъ изъяснить оную радость, которою нынѣ преисполнены сердца всѣхъ вѣрныхъ отечества сыновъ? и чья мысль довольна понять Твои, Боже, судьбы и въ правосудномъ наказаніи, и въ милостивомъ премѣненіи онаго?

Поспѣшимъ, слушатели, принести жертвы благодарныя благодарствующему намъ Богу, и своими исповѣданіями предъ Нимъ засвидѣтельствуемъ, что мы празднуемъ днесь торжество общаго избавленія.

Монархія предшествуетъ намъ въ семь священномъ дѣйствіи. Она, обращая радостный взоръ свой, говоритъ намъ словами Писанія Святаго: „пожрети Господу придохъ: освятитесь и возвеселитесь днесь со мною“ (1 Царств., 16, 5). Аки бы рекла: „сердце мое чувствуетъ „величество благодѣній Божіихъ. Я подкрѣплена въ часъ бѣдствія „моего всеильною Его рукою. Онъ приложилъ мнѣ врачество великодушія и просвѣтилъ мысль мою прозорливостію Божественною; Онъ „уврачевалъ тѣло мое и успокоилъ духъ мой; Онъ и плодъ утробы „моей, плодъ сладчайшій и однородный, содѣлалъ сообщникомъ той же „благости Своей и моей радости, и для того всѣ кости мои съ веселиемъ говорить: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ? за все сіе „я хочу принести Ему жертву, возложивъ на жертвенникъ Его сердце „свое и сердце сына моего, и возжегши оно моею благовѣніемъ и „усердіемъ къ Нему. А вы, возлюбленное мое достояніе, освятитесь „и возвеселитесь днесь со мною. Благодѣніе мое почитаю собственнымъ своимъ, соедините съ моимъ желанія ваши. Послѣдствуйте Мнѣ!“

Слѣдуемъ, любезная мать отечества, тѣмъ усердіе, чѣмъ больше признаемъ себя одолженными Вамъ. Но благоволи, всемилостивѣйшая Государыня, чтобы мы хотя нѣсколько коснулись обстоятельствъ онаго случая, счастливымъ происшествіемъ котораго имѣютъ пользоваться всѣ вѣка будущіе.

Извѣстный родъ болѣзни, слушатели, столь отягощаль человѣчeskій родъ, что стenanіе его слышно было по всей вселенной. Сія, могу сказать, зараза нападала на всякій возрастъ, не падала младенчества, осаждала юношество, да и самая старость не оставалась отъ нея въ безопасности—гноила и безобразила тѣло, прекрасный домъ безсмертной души; тѣхъ, кои еще не извѣдали на себѣ печальнаго опыта, мучила ужаснымъ чахніемъ, въ другихъ погашала самый свѣтъ жизни, да часто въ то время, когда только человѣкъ начиналъ вкушать жизни. Къ

избавленію отъ сего, иного средства не находилось, кромѣ терпѣнія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отчаянія. Врачи со всѣмъ своимъ искусствомъ оставляли насъ безъ помощи, и тѣмъ большому искушенію подвергали терпѣніе наше.

Когда вообразимъ мы прешедшее время (ибо отъ нынѣшняго случая должно считать новую „эпоху“),—тѣмъ больше мысль наша поражается, что, можно сказать, человѣкъ самъ былъ причиною столь опаснаго страданія своего. Будучи одаренъ яснымъ свѣтомъ разума, возжженнымъ отъ свѣта несозданнаго, не всегда слѣдовалъ его руководству, при которомъ могъ бы онъ найти средства къ отвращенію сего несчастія дѣйствительныя.

Подлинно, слѣдую разсужденію богословскому, нельзя почестъ сію болѣзнь иначе, какъ наказаніемъ Божиимъ. И мы потому справедливо съ Давидомъ признаться должны предъ Богомъ, вопія къ Нему: „возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего: отстави отъ мене раны твоя: отъ крѣпости бо руки Твоея азъ исчезаю“ (Псал., 37, 6; 38, 11). Ибо истина сія есть неоспоримая и достойна смиренномудрія нашего, что причиною всѣхъ несчастій тѣла и души есть не точное слѣдованіе закону разума и правилу совѣсти. И потому нѣтъ болѣзни, которая въ началѣ своемъ не произошла бы отъ превращенія закона естественнаго. Мы таковое признаніе въ часъ сей должны открыть правосудію Божію, „да всяка уста заградятся и повинень будетъ весь міръ Богови“ (Римл., 3, 19).

Но, при всемъ томъ, должны ли мы столько ослабѣть отъ правосудной руки Божіей, чтобы, впрочемъ, не прибѣгнуть къ Его милосердію? „Еда во вѣки отринетъ Господь и не приложитъ благоволити паки? или до конца милость Свою отсѣчетъ? еда забудеть ущедрити Богъ? или удержитъ во гнѣвѣ Своемъ щедроты Своя“ (Псал., 76, 8—10).

Нѣтъ ничего, что привязывало бы болѣе сердце наше любовію къ Богу, какъ то, что Его правосудіе всегда растворено милосердіемъ. Его раны приносятъ намъ исцѣленіе, да сіе исцѣленіе и благоволилъ Онъ положить въ томъ же самомъ союзѣ вещей, изъ котораго вывести для насъ наказаніе. Во всѣхъ тваряхъ мы видимъ многіе тому примѣры.

Когда по естественнымъ причинамъ начнетъ свирѣпствовать вѣтеръ и сокрушать дрова и зданія, или воскипитъ море и волненіемъ своимъ будетъ грозить кораблю бѣдствіемъ, или когда возгорится огнь и пламенемъ своимъ станетъ пожирать всякое вещество: тогда въ томъ же самомъ союзѣ находятся и средства, которыя или собственною силою, или при помощи разума человѣческаго останавливаютъ бѣдственныя для насъ дѣйствія оныхъ вещей.

Сіе же можно сказать и обо всѣхъ болѣзняхъ, отъ коихъ однимъ терпѣніемъ защищается человѣческое естество, что Промыслъ Божій противъ всѣхъ ихъ не оставилъ положить въ томъ же союзѣ вещей врачевства дѣйствительныя. Мы часто ногами топчемъ траву, могущую исцѣлить насъ отъ той болѣзни, отъ которой умираемъ,—и, еслибы могли пересмотрѣть всю природу, увидѣли бы, что, гдѣ мы получаемъ вредъ, тамъ и окружилъ насъ Богъ вещами цѣлѣбноносными.

Но что для сего надобно?—надобно благоразуміе, вниманіе, великодушіе и всегдашнее тщаніе. Создатель естества хочетъ, чтобы разумъ нашъ былъ въ непрерывномъ дѣйствіи, и удовольствіе наше было бы тѣмъ большее, что оно происходило бы изъ внутренняго источника нашего. А безъ того когда мы страждемъ, то умножается наказаніе по мѣрѣ нашего нерадѣнія.

Къ утверженію сего, хотя бы мы и не имѣли другихъ доказательствъ, всякаго и малопросвѣщеннаго доволенъ увѣрить намишій случай радостный. Нѣкоторые люди, тщанію и просвѣщенію конкъ отдать мы должны справедливую честь, возбужденные свирѣпостію и опасностію извѣстной болѣзни и любовію къ человѣчеству, начали размышлять, какимъ бы образомъ, ежели не совсѣмъ истребить оную опасность ея, такъ по крайней мѣрѣ уменьшить ея страданіе. Споспѣшествовало имъ въ томъ все естество, показывая многіе тому примѣры въ тваряхъ. До чего же не достигаетъ разумъ и тщаніе человѣческое, при руководствѣ Промысла Божія? На послѣдокъ—опытъ оправдалъ ихъ предпріятіе, да какъ?—та же самая болѣзнь дѣлалась причиною собственнаго своего истребленія, опасность ея совсѣмъ отнята, а страданіе столь уменьшено, что осталось томко сожалѣтельное воспомнаніе о тѣхъ, кои не имѣли счастья предохранить жизнь свою симъ опытомъ.

Теперь что оставалось дѣлать роду человѣческому, какъ токмо, при благодареніи Промыслу, пользоваться симъ благодѣяніемъ Его? Но еще неохотно соглашался человѣкъ разстаться съ тѣмъ игомъ, къ которому привыкъ; еще немалымъ препятствіемъ тому было малодушіе нѣкоторыхъ, мысль не просвѣщенная прозорливостію другихъ. Итакъ, надобно было для сего одной особы великодушной, особы довольно знающей союзъ премудрости Божіей.

Сіи великія дарованія давно свѣтъ съ удивленіемъ примѣчаетъ въ великой Монархинѣ всей Россіи. Она, размышляя о собственной своей безопасности, посліку та соединена съ безопасностію всего отечества, не меньше принимала въ уваженіе безопасность возлюбленнаго сына своего и единственной надежды нашей: ибо онъ былъ ближайшею къ тому року жертвою. Сіе терзало матернее ея сердце и было всегдашнимъ облакомъ, которое смущало ея радость о Немъ.

Что же въ таковыхъ обстоятельствахъ предпріемлетъ Великая Екатерина? Она, по извѣстному своему во всѣхъ случаяхъ великодушію и по извѣстной къ роду человѣческому любви, первая вступила въ славный родъ подвига и сраженія. Въ семь сраженій, съ одной стороны, видны были свирѣпость болѣзни, необходимость страданія, опасность жизни,—съ другой стороны, ея великодушіе, прозорливость увѣряющая о благополучномъ событіи; желаніе, чтобы дать собою примѣръ къ счастью всѣхъ народовъ, особливо же отечества своего, а при томъ матернею особою доказать сыну своему, что сіе дѣйствіе оставляетъ его безопаснымъ: ибо опасность она взяла на опытъ собственной жизни своей. О, примѣръ въ вѣкахъ не слышанный! Признаемся, всемилостивѣйшая Государыня, что когда коснулся ушесъ нашихъ сей слухъ, содрогнулись въ насъ сердца наши, и, егда нѣкогда восчувствовали себя, обратились въ сердечныя желанія ко Врачу душъ и тѣлесъ, чтобы милостиво благоволилъ обрадовать насъ видѣть благополучное и славное происшествіе.

Что же? какое было окончаніе подвига сего? „Любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благо“. Естество уступило благоразумію, свирѣпость болѣзни побѣждена великодушіемъ, опасность опровержена прозорливостію мудрою, и дражайшія для насъ, паче всего, особы, по таковой побѣдѣ, притекли къ алтарю Господню, въ видѣ радостномъ и здравіи вождельвнномъ.

Теперь взываю я къ вамъ, всѣ народы и племена, ибо дѣло намъ съ вами есть общее. Воздвигните вы очи свои на отечество наше, и слышите его обладательницу, миръ всѣмъ вамъ благовѣствующую. Успокойтесь уже отъ того страха, который васъ или мучилъ чаяніемъ, или крушилъ слѣдствіями. Признайте источникъ благодѣянія въ высокомъ примѣрѣ Монархини нашей и, слѣдуя оному къ собственному благополучію своему, составьте съ нами общее торжество, шумъ котораго простирался бы до небесъ.

А Ты, Боже, располагая вся по Своему изволенію, вѣдаемъ, яко веселишися о дѣлѣхъ Своихъ. Сей спасительный способъ всегда открытъ былъ въ сокровищѣ священнаго союза тварей Твоихъ; но мы смотрѣли на сіе невнимательнымъ окомъ и тѣмъ сами себѣ умножали милостивое Твое наказаніе. Ты бо Богъ дивенъ въ правосудіи и милостивъ въ наказаніи: единою рукою, къ возбужденію покаянія, точишь изъ очесъ нашихъ слезы, другою отираешь ихъ.

Что убо Ему, обрадованные слушатели, въ благодарность принесемъ? Вѣдаемъ, яко Онъ благихъ нашихъ не требуетъ: Его бо есть земля и исполненіе ея. Такъ посвятимъ Ему воспаленное любовію сердце, обратимъ къ Нему всѣ свои желанія, горячими молитвами наполнимъ храмъ

сей и торжественно предъ Нимъ обяжемъ себя, чтобы намъ изъ нынѣшняго благодѣянiя Его дѣлать всегда доброе употребленiе, къ собственной же нашей пользѣ и къ славѣ милосердiя Его.

Но мы сего никогда исполнить не возможемъ, чтобы въ тотъ же часъ не представить намъ славнаго Твоего, Августѣйшаго Самодержица, примѣра,—чтобы въ тотъ же часъ не восчувствовать, сколь много величеству Твоему мы остаемся одолженными. Не довольно ли было для Твоей добродѣтели, чтобы всегдашними трудами изнурять здравiе свое для нашего благополучiя и лишать себя сладкаго покоя? не довольно ли было сего для Твоей добродѣтели? Нѣтъ, Ты, великая героиня, по своему великодушiю, жертвовала уже намъ и жизнью своею и тѣмъ показала свѣту неслыханный примѣръ—удивляться Твоей душѣ Божественной и ублажать жребiй нашъ.

Чѣмъ мы возможемъ соотвѣтствовать сему? Мы уже, по вѣрности подданнической, обѣщались предъ Богомъ не щадить жизни своей за сохраненiе дражайшей Твоей жизни и Высокаго Наслѣдника Твоего. Теперь пакн на себя прiемлемъ то-же обязательство, но для того, что Ты, Монархиня, уже нашему благу жизнью Своею жертвовала.

Однако, со всѣмъ тѣмъ, охотно признаемся, что мы больше должны Величеству Твоему, нежели чтобы въ силахъ были равно соотвѣтствовать тому. И для того прибѣгаемъ къ Богу всемогущему и молимъ Его усердно, да наградитъ Онъ Твою къ намъ любовь небесными Своими дарованiями,—да укрѣпитъ здравiе Твое, да продолжитъ Твою жизнь и да соберетъ въ едино сердце Твое всѣ тѣ удовольствiя, которыми всякъ изъ подданныхъ Твоихъ отъ сего случая наслаждаться будетъ.

Стремится же слово наше и къ Тебѣ, пресвѣтлѣйшiй Государь Наслѣдникъ, сообщникъ славнаго подвига Твоей Августѣйшей Родительницы! Мы въ сей часъ предъ Тобою должны открыть то, что доселѣ молчать принуждены были. Возрасталъ Ты къ радости нашей, процвѣталъ дарованiями, показывалъ въ себѣ ясные знаки достойные Всероссiйскаго Наслѣдника, имѣющаго управлять жребiемъ нашимъ. Но сiе все насъ не веселило: когда воображали объ извѣстной болѣзни, не рѣдко обыкшей погашать свѣтъ жизни нашей, мы, радуясь о Твоихъ дарованiяхъ, вмѣстѣ ужасались, чтобы сiя надежда наша не превращена была въ неутѣшное рыданiе.

Но Богъ, къ намъ милостивый, положилъ уже конецъ Твоему безпокойству и страху нашему. И кто возможетъ изъяснить нашу радость о томъ? Но кто же положить предѣлъ и удивленiю нашему, что въ семъ случаѣ опасности Твоей благоволила предшествовать Тебѣ дражайшая Родительница Твоя?! Небесный Отецъ едиnorodнаго Сына Сво-

его предаль на смерть за избавленіе міра. Теперь видимъ, что матеръ жертвовала жизнью своею для сына своего: она въ рожденіи Твоемъ сообщила Тебѣ свою жизнь, теперь паки воспріяла на жизнь свою опытъ Твоей опасности. Ничего не осталось у ней, чтобы она не сообщила Тебѣ: такъ имѣешь ли что, благовѣрный Государь, чѣмъ бы Ты не долженъ былъ ея матерней любви къ Тебѣ?

Напиши сіе на скрижали сердца Твоего, и ничему никогда оное изгладить не допусти. Увеселяй матернее сердце подражаніемъ ея добродѣтели и, къ исполненію ея удовольствія, продолжай честный подвигъ ученія тѣмъ охотиѣ, что уже теперь безъ всякаго смущенія въ радости духа потекутъ дни Твои.

Боже! прими жертву искреннѣйшую благодарности, которую Тебѣ Россія приноситъ. Прими милостиво, яко кадило благовонное и все-сожженіе тучное, чтобы мы всегда прославляли Тебя, Тебя вѣчающаго насъ милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желаніе наше. Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *)).

„Еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ“.

(Мате., гл. 16., ст. 19).

Церковь совершаетъ днесь радостную память своихъ основателей, первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, и всѣхъ чадъ своихъ созываетъ велегласно къ духовному празднованію сему. Къ большому же прославленію блаженнаго дня сего, любезное отечество наше къ тому присоединяетъ и другое торжество. Различныя причины, но едино дѣйствіе радости производять. Съ одной стороны, представляются священные мужи, коихъ заслуги и добродѣтель всегда останутся безсмертными, съ другой—выходитъ на путь славы Наслѣдникъ Всероссійскій, котораго Августѣйшая Матеръ руководствуетъ добродѣтелию по стопамъ мужей великихъ. Тамъ видимъ божественнаго Петра, держащаго ключи, яко знакъ довѣренности въ дѣлахъ спасенія: здѣсь соображаемъ

*) Сказано въ Петергофѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества и Его Высочества, въ 1769 г.

Монархию, отвергающую намъ храмъ блаженства и въ ономъ благоудно священнодѣйствующую. Съ горнихъ странъ открывается славный духовною мудростію Павелъ, поддерживаемый мечемъ, знаменіемъ подвиговъ своихъ: здѣсь всѣ концы земли видятъ Россію, устрашающую мечемъ мужества враговъ своихъ, и правосудіе торжествующее. О, день радостный, день изъ дней года блаженнѣйшій! вси народи Россійскіи, восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радованія!

При такомъ торжествѣ всѣхъ, чувствуя расширяющееся сердце мое, отвергаю свободно уста свои и хочу изъяснить вамъ, слушатели, въ началѣ мною связанныя Евангельскія слова о вязаніи и рѣшеніи. Ибо, какъ всякое радованіе происходитъ отъ свободности духа и состоянія (въ порабоженіи бо всякъ молчитъ и унываетъ): то за приличное и полезное почитаю теперь предложить нѣкоторое разсужденіе о свободности. Ты же, Боже, и мудрости податель и связанный нѣмотою языкъ разрѣшай, недостойнаго проповѣдника слово раствори солию благодати.

„Еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ“.

Сія слова Спасителевы хотя означаютъ особый родъ вязанія и рѣшенія,—о чемъ мы послѣ изъяснить не оставимъ; но нѣтъ препятствія, чтобы разсужденіемъ своимъ простерлись мы и до всякой свободности и противнаго ей состоянія. Ибо въ общемъ понятіи: „связанъ“—то-же, что рабъ или невольникъ; а: „разрѣшенъ“—то же, что свободный или вольный. И какъ могутъ быть различные способы вязанія и рѣшенія, такъ потому суть различные и роды свободности и рабства.

Первое мѣсто занимаетъ свободность естественная, которая состоитъ въ независимости отъ другаго и въ самопроизвольномъ управленіи всѣхъ своихъ поступковъ. Таковою свободностію наслаждался первосозданный Адамъ, а кромѣ его, можетъ быть, никто. Ибо, какъ скоро люди, по умноженіи рода человѣческаго, оставивъ поля, лѣса и горы, собрались въ села и города, составили общества и препоручили правительству другихъ покой свой и безопасность: то въ сіе время свободность естественная перемѣнила видъ свой, но не существо. „Видъ“, говорю, а не „существо“, понеже предлогъ каждаго правленія есть, чтобы дѣйствія подвластныхъ направить къ полученію самаго большаго изъ всѣхъ добра; а сіе точно и сходно съ естествомъ свободности естественной.

Почему, если бы кто отвращался таковой зависимости, тотъ долженъ отъ людей удалиться и жить одинъ въ лѣсу со звѣрями, лишаясь всѣхъ выгодъ человѣчества. А когда бы онъ восхотѣлъ жить въ обществѣ, но себя не покорялъ благоучрежденному правленію, то справе-

дливо онъ долженъ бы преданъ быть своевольству всѣхъ наглыхъ и остаться безъ защищенія всякаго; а притомъ, чтобы не могъ и самъ вредить другимъ, долженъ быть связанъ. Сія ли есть свобода естественная? сіе ли есть состояніе, сходное съ естествомъ человѣческимъ? Не въ томъ бо состоитъ вольность, чтобы дѣлать кому что угодно, но что съ закономъ сходно; въ противномъ случаѣ не была бы вольность, но своевольство. Такимъ образомъ, свободный есть настоящій рабъ и невольникъ; а зависящій отъ правительства, когда, кажется, теряетъ свою свободу,—самую вещь тогда же сохраняетъ оную.

Мы разумѣемъ здѣсь зависимость отъ правленія мудраго, правосуднаго и человѣколюбиваго, гдѣ право всякаго остается подъ святымъ охраненіемъ; гдѣ уста невозбранно говорятъ истину предъ тѣми, коихъ Богъ называетъ богами,—гдѣ беззаконіе истребляется съ сожалѣніемъ лица согрѣшившаго, но съ большимъ сожалѣніемъ общества, дабы его покой чѣмъ нарушенъ быть не могъ,—гдѣ слабость находитъ прощеніе и исправленіе,—гдѣ молчитъ одна неправда и прячется хитрость и ласкательство; словомъ: гдѣ дѣйствуетъ благая совѣсть и страхъ или, паче, любовь Божія.

О, сколь любезна такая зависимость! о, драгоценны, ежели могу сказать, узы такового подчиненія! Подлинно, у тебя связаны руки, но къ худому; заграждены уста, но къ ласкательству; связано сердце, но къ хитрости и лукавству; связана и мысль, но къ богопротивнымъ воображеніямъ и намѣреніямъ. Такое состояніе есть златаго вѣка, ибо въ то время, когда ты веселишься подъ древомъ своимъ и подъ смоковницею своею во всякомъ довольствѣ; въ то время тебя охраняетъ правитель, коему ты препоручилъ покой свой, и, при сладкомъ снѣ твоёмъ, никакой опасности къ тебѣ прикоснуться не допускаетъ бдительнымъ попеченіемъ своимъ.

А изъ сего кто не видитъ, что правленіе есть лучший способъ сохраненія свободы естественной? И кто ему подчиненъ, „разрѣшенъ на земли“, ибо сила законовъ охраняетъ его; „разрѣшенъ и на небесѣхъ“, ибо „сущія власти отъ Бога учинены суть“. Но, кто такому подчиненію не покоряется,—тотъ „связанъ на земли“, ибо подвергаетъ себя рабству естественному; „связанъ же и на небесѣхъ“, ибо „противляяйся власти Божію повелѣнію противляется“.

Другая „свободность“ есть „моральная“, или касательная нравовъ, которая „состоитъ въ независимости отъ власти страстей и пороковъ“. Въ разсужденіи сего свободенъ есть, кто слѣдуетъ руководству разума и хранитъ добродѣтель, а рабъ или связанъ есть, кто работаетъ страсти и послѣдуетъ ей, яко волъ ведомый на заколеніе: „имъ же бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть“ (2 Петр., 2, 19),—сказалъ

Апостоль. Подлинно, рабъ есть, ибо онъ не то дѣлаеть, что хочетъ; но то, что ненавидитъ, содѣваетъ. Понеже трудно кому-нибудь быть столь развращенну, чтобы не видѣлъ онъ красоты добродѣтели и въ самомъ дѣйстви порока своего; но, побѣжденъ страстію и привычкою, насильственно бѣгаетъ за худымъ: „насильственно“, говорю, ибо онъ тогда стремится противъ естества, и ложному божеству приносить жертву рукою дрожащею. Печальное состояніе! разодранну быть въ самомъ себѣ и стать подданнымъ, или, и плѣннымъ мучительнѣйшей страсти, лишаясь покоя совѣсти и радости душевной.

Когда Давидъ порабощенъ былъ страстію, онъ произносилъ сіи печальныя слова: „нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ“ (Псал., 37, 4—5). Но когда сила благаго Промысла извела его изъ такового состоянія, онъ возопилъ тогда въ радости сердца: „о, Господи, азъ рабъ Твой, азъ рабъ Твой: растерзалъ еси узы моя, и за сіе пожру Тебѣ жертву хвалы“ (Псал., 115, 7—8). Подлинно, есть для чего радоваться тому, кто свободенъ отъ сего порабощенія. Ибо онъ благое творить безъ всякаго смущенія въ спокойствіи духа: поелику то дѣлаеть, что и разумъ его представляетъ лучшимъ,—что и Божій и человѣческій законъ предписываетъ,—что и ему и всѣмъ полезно,—чему воля безъ сопротивленія послѣдуетъ, и изъ чего совѣсть чувствуетъ удовольствіе неизглаголанное.

Къ сей свободности ведутъ насъ всѣ святыя книги, всѣ увѣщанія праведныхъ, всѣ примѣры добродѣтельныхъ. И по истинѣ, сіе дѣло само чрезъ себя есть достойное великаго уваженія: ибо, лишаясь кто сей свободности, не токмо бываетъ рабъ порока, но осуждается въ рабское состояніе и въ обществѣ, понеже „добродѣтель съ заслугою возводитъ на степенъ свободности или благородства“. Слѣдовательно, какъ добродѣтельный человѣкъ можетъ быть въ обществѣ рабомъ по случаю, такъ обезславленный пороками заслуживаетъ лишень быть свободности по справедливости.

Впрочемъ, благодареніе Промыслу, что рабское состояніе не мѣшаетъ быть добродѣтельнымъ, слѣдовательно, свободнымъ и радостнымъ по духу. Таковъ мужъ любезенъ предъ лицомъ поработившихъ его и страшенъ предъ очами связывающихъ его. Павелъ сидѣлъ нѣкогда въ темницѣ въ узахъ, но въ полунощи, въ радости духа, воспѣвалъ своего Создателя и темничнаго начальника ввелъ въ свободу Евангельскую, а мучителей своихъ вездѣ по вселенной вязалъ стыдомъ и мученіемъ совѣсти и, такимъ образомъ, связанныхъ передавалъ суду Божію. Такъ не видимъ ли ясно, что служитель порока есть „связанъ на земли“? ибо чаша строгости законовъ приуготовлена ему; „связанъ

и на небесахъ“, ибо гнѣвъ Божій и тѣснота на всякую душу чловѣка творящаго злое. Но другъ добродѣтели „разрѣшенъ на земли“, ибо почитается онъ отъ закона честнымъ членомъ общества; „разрѣшенъ и на небесахъ“, ибо имя его написано есть во градѣ небеснѣмъ.

Отъ таковой свободности слово наше прямо течетъ къ свободности Евангельской, ибо она есть дополнительное слѣдствіе свободности моральной. А свободность Евангельская состоитъ, первое, въ освобожденіи насъ отъ наказанія Божія заслуженнаго законопреступленіемъ; второе, въ наклонности сердца нашего къ исполненію закона не по страху, но по любви,—не по слѣпому стремленію, но по ясному понятію добра и зла. О первомъ говоритъ Спаситель: „аше сынъ вы свободить, свободни будете“ (Іоанн., 8, 36); о второмъ рассуждаетъ Апостоль: „грѣхъ вами да не обладаетъ“; для чего? — „нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію“ (Римл., 6, 14). Благодать въ семъ мѣстѣ обозначаетъ сыновнее радостное состояніе, а подъ именемъ закона разумѣется состояніе строгости и страха.

Таковой родъ свободности есть изъ благороднѣйшихъ: ибо проистекаетъ онъ изъ источника чистѣйшаго. Иной исполняетъ законъ, опасаясь за преступленіе наказанія; иной — для пользы чаемой; другой — для снисканія славы. Все можетъ быть не худо, да опасно, чтобы при случаѣ, когда бы таковой не предвидѣлъ за порокъ свой наказанія, или не надѣялся бы получить себѣ чаемой пользы или славы, что не рѣдко случиться можетъ,—чтобы, говорю, при такомъ случаѣ не ослабъ онъ въ дѣланіи добродѣтели, или и совѣмъ не пренебрегъ оную. Но, укрѣпляемый свободностію Евангельскою, понимаетъ ясно благо и зло и слѣдствія ихъ, увѣренъ о мудрости и благодати Законодателя, чувствуетъ любовь и благодѣянія своего Промыслителя: находить въ Немъ Отца и для того исполняетъ законъ не по силѣ приказанія одного, ибо таковой есть временщикъ,—не отъ страха, ибо таковъ есть рабъ и подль; но по любви, ибо онъ почитаетъ себя сыномъ; но отъ ревности, ибо честность почитаетъ паче всякаго прибѣтка; но отъ благоразумія, ибо онъ просвѣщенъ есть Духомъ Святымъ. И потому нѣтъ опасности, чтобы и тогда, когда бы случай за его честность грозилъ ему вредомъ и безчестіемъ,—чтобы и тогда сдѣлался онъ измѣнникомъ добродѣтели.

Въ семъ-то разсужденіи во святыхъ книгахъ пишется, что „праведнику законъ не лежитъ“, что мы „избавлены отъ закона“ (1 Тимое., 1, 9), не для того, аки бы праведникъ исполнять законъ не одолженъ былъ; но что для праведника законъ не есть принудительный повелитель, а есть зеркало, живо представляющее его добродѣтели. О, когда бы таковая свободность имѣла больше дѣйствія въ сердцахъ чловѣче-

скихъ! меньше бы законодатели и законооблустители имѣли затрудненія; меньше бы добродѣтель имѣла худаго примѣса. Ибо недостатокъ сей свободности есть причина, что къ благочестію пристаеъ нѣскольکو лицемѣрія, въ дружбу вмѣшиваются прибытокъ, въ благодѣтельную склонность вкрадывается тщеславіе, а подѣ ревностію кроется мстительность собственная. И потому таковой есть „связанъ на земли“, ибо двоедушно есть сердце его; „связанъ и на небеси“, ибо Богъ любитъ кадило благовонное безъ примѣса всякаго зловонія.

Остается еще разсмотрѣть намъ послѣдній родъ свободности, которую можно назвать „церковною“. О ней особливо говорятъ, въ заглавіи отъ насъ положенныя, Евангельскія слова о духовномъ вязаніи и рѣшеніи. О сей свободности между разными происходятъ разныя разсужденія и споры, и вслѣдъ опредѣляетъ оную по мѣрѣ своего понятія или страсти. Но, сообразуясь съ основаніемъ Писанія и самой истины, должно сказать, что „свободность церковная состоитъ въ правѣ пользоваться всеми преимуществами, соединенными съ Церковію“. А преимущества Церкви суть — быть членомъ сего святаго общества, имѣть участіе находиться во всёхъ его священныя собранія, съ прочими выхваля общаго Владыку, наслаждаться умнымъ зрѣніемъ Его совершенствъ; пользоваться дражайшимъ даромъ, чтобы быть участникомъ святой трапезы и подѣ видимыми знаками питаться Тѣломъ и Кровію Господнею. Въ семъ состоитъ рѣшеніе, или свободность церковная; слѣдовательно, вязаніе состоитъ въ лишеніи всёхъ оныхъ преимуществъ.

Можно было бы здѣсь доказать, что выше изъясненныя свободности суть соединены „существенно“. Ибо какъ основаніемъ всёхъ свободностей есть едина добродѣтель, а всёхъ рабствъ едина пороки, то не возможно, чтобы кто, лишаясь единой свободности, вкупѣ не лишился и прочихъ. Можно было бы сіе обстоятельнѣе доказать, но не достанетъ теперь времени; и потому заключаю только тѣмъ, что, кто сей свободности лишенъ, тотъ „связанъ на земли“, ибо не можетъ онъ почтенъ быть честнымъ въ гражданствѣ членомъ; „связанъ и на небесѣхъ“, ибо лишенъ надежды спасенія. Но, кто свободностію сею пользуется, тотъ „разрѣшенъ на земли“, ибо, кто вѣренъ въ совѣсти Богу, тотъ вѣренъ и обществу; „разрѣшенъ же и на небесѣхъ“, ибо предстаетъ онъ суду Божию съ добрымъ засвидѣтельствомъ отъ всего христіанства.

При окончаніи разсужденія нашего таковымъ образомъ, слово мое склоняется уже къ вамъ, слушатели, поелюку вы—и примѣръ и утвержденіе онаго. Вы наслаждаетесь свободностію естественною подѣ богомудрымъ правительствомъ человеколюбивой Монархини и сладко опочиваете подѣ счастливою тѣнію ея попеченія; вы украшаетесь свобод-

ностію добродѣтели, ибо отечество находитъ васъ вѣрными своими сынами и усердными должностей исполнителями. Васъ Отецъ небесный признаетъ свободными и Евангельскими, ибо требованіе Его закона есть сходственно съ сердечными вашими склонностями; вы свободны и по Церкви, ибо она почитаетъ васъ благочестивыми чадами своими и ревностными защитниками пользы ея и славы. Да благословитъ Вышній возрастать въ васъ симъ великимъ дарованіямъ, а чрезъ васъ дать міру примѣръ благочестія къ Богу и вѣрности къ отечеству!

Но, прежде всего и паче всего, обязаны мы призывать сіи небесныя благословенія на священную Твою главу, Благочестивѣйшая Монархія! Ибо свободности, о конхъ мы разсуждали, и на конхъ основано истинное блаженство наше, — сіи свободности и хранить и утверждаетъ Твой самодержавный скипетръ. Твоимъ попеченіемъ правосудіе торжествуетъ, и невинность, подъ Твоею порфирію, находитъ себѣ убѣжище. Не сіе ли есть благословенное владычество свободности естественной? Твоими законами руководствуемся къ добродѣтели, а чрезъ то избегаемъ безчестнаго рабства пороковъ. Твоя матерняя любовь къ подданнымъ возлагаетъ на насъ обязательство свободности Евангельской, чтобы исполнять Божій и Твой законъ, по чувству любви къ Тебѣ и благодарности къ благодѣяніямъ Твоимъ. Твоимъ благочестіемъ всѣ мы спокойны пребываемъ въ нѣдрахъ святой Церкви, а чрезъ то препроводя жизнь на земли благочестно, уповаемъ и на небеси жить вѣчно и блаженно. Все сіе воображая, будемъ ли мы столь не чувствительны, чтобы при всякомъ случаѣ не быть громкими проповѣдниками Твоихъ благодѣяній и, наслаждаясь пріятнымъ покоемъ, не признавать виновницу оного?

Врагъ христіанства и мира нѣсколько помутилъ сладкій нашъ покой; но уповаемъ на Бога, въ рукахъ Своихъ держащаго вѣсы правосудія, что постигнетъ его судьба древняго фараона, о коемъ пишется, яко на сіе особливо попустилъ ожесточиться ему Богъ, да покажетъ въ низверженіи его силу и славу Свою. Откроетъ и нынѣ, — въ упованіи вѣры нашей глаголемъ, — откроетъ силу Свою Держатель небеснаго круга, откроетъ и славу Россіи — любезнаго достоянія Своего. Какъ скоро возсіяетъ солнце Его правосудія, луна постыдится со свѣтомъ своимъ и скроетъ гордые свои рога. Да обрадуетъ убо насъ Господь силъ увидѣть вскорѣ главу Твою, Великая Государыня, — увидѣть главу Твою лаврами увѣчанну, — лаврами, подъ тѣнію коихъ вѣрнымъ подданнымъ Твоимъ было бы всегда пріятное, вкупѣ же и славное, успокоеніе.

Обратимъ же мы рѣчь свою и къ дражайшему имениннику нашему. Ты, Благовѣрный Государь, — виновникъ настоящаго торжества Россіи.

О, коль желательно и славно быть причиною радости другихъ! Сіе есть свойственно Богу, Который ежечасно изливаетъ веселіе на тварь Свою. Достигай до сего крайняго совершенства смертныхъ: судьба къ тому Тебя произвела въ свѣтъ; Промыслъ даровалъ Тебѣ живой примѣръ царской добродѣтели въ великой Родительницѣ Твоей; Церковь представляетъ о Тебѣ ходатаевъ къ Богу, нынѣ празднуемыхъ Апостоловъ и всѣхъ святыхъ; мы желаніями своими уповаемъ того же отъ щедроты небесъ. Но, чтобы судьба достигла своего конца, чтобы промышленіе было дѣйствительно, чтобы примѣръ былъ плодоносенъ, чтобы молитвы были сильны, чтобы желаніе наше осталось не постыдно, — споспѣшествуй всему тому, благовѣрный Государь, добрымъ своимъ произволеніемъ. Судьбѣ соотвѣтствуй сохраненіемъ благородства природы; промышленію—согласіемъ, примѣру—подражаніемъ; желанію—совершеніемъ; моливаемъ—добродѣтелию. Тогда судьба возсіяетъ, промыслъ вознесется, примѣръ возгремѣтъ, желаніе наше прославится.

Боже! мы вѣдаемъ, яко Ты созерцаеши всю вселенную и десницею Своею содержиши всѣ концы земли. Россія возноситъ къ Тебѣ длани свои, препоручая благости Твоей дражайшихъ особъ своихъ. Ты съ горнихъ мѣстъ зриай всегда на нихъ онымъ окомъ, кое не дремлетъ, ниже усыпаетъ, храня своего Израиля. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„И власть главы вашей не погибнетъ“.

(Лук., гл. 21, ст. 18).

Сей гласъ Евангельскій есть гласъ милосерднаго промысла и челоуѣколюбія Божія. И хотя онъ во всякое время жизни нашей есть утѣшитель, кто бо не возвеселится духомъ, слыша столь милостивое отъ всемогущаго Владыки обнадеживаніе? но особливо сей гласъ радости долженъ быть, если обратить его къ челоуѣку, выходящему на свѣтъ сей, то есть, въ оную частицу времени, когда онъ слабъ и подверженъ всѣмъ опасностямъ,—когда говорю, вообразить, что въ таковой часъ къ нему такъ говоритъ Промыслъ: „Созданіе слабое, но созданіе „премудрыхъ рукъ Божіихъ! въ таковой твоей слабости осѣняетъ тебя „сила Вышняго, охраняетъ тебя рука Всемогущая. И потому ни по- „слѣдній власть главы твоей не погибнетъ, ни малѣйшій случай

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ придворной церкви, 1769 года, сентября 20 дня.

„чай не можеть тебѣ приключиться, чтобы онъ не былъ утверждёнъ „небеснымъ опредѣленіемъ къ собственному благу твоему“. Ибо нѣтъ сумнѣнія никакого, слушатели, что жизнь наша есть величайшее благодѣяніе Провидѣнія небеснаго,—что жизнь наша состоитъ подъ всегдашнимъ управленіемъ премудраго Бога. И потому намѣрень я непространнымъ словомъ мудростью вашему изъяснить о *настоящей жизни человеческой, что она не есть столь суетна, горестна и несчастлива, какъ нѣкоторые описываютъ оную, а другіе не такъ о ней понимаютъ*. И сіе разсужденіе заслуживаетъ вниманія нашего, какъ для собственной каждаго пользы, такъ особливо, дабы виновникъ настоящаго торжества могъ почувствовать всю силу Промысла, управляющаго жизнь человѣка всегда во благое. Ты же, Господи, сіе благословенное собраніе осѣни сплюю Твоею и сотвори, да слово наше будетъ достойно сего священнаго училища Твоего!

Какъ бытіемъ и дѣлами нашими управляетъ Богъ всегдашнимъ Своимъ промысломъ, то и не для чего было бы сомнѣваться о настоящей жизни человеческой, что она есть добра сама чрезъ себя. Но, понеже нѣкоторые охуждаютъ и окаяваютъ оную, или, по крайней мѣрѣ, почитаютъ ее быть источникомъ больше скуки и печали, нежели удовольствія и радости, то и настойтъ нужда разогнать сію темноту, въ мысляхъ нѣкоторыхъ загустѣвшую, дабы можно было благодушно проходить сіе теченіе, отъ Создателя намъ назначенное.

Жизнь человеческую можно понимать двоякимъ образомъ: или въ началѣ ея, или въ ея продолженіи. Въ началѣ своемъ она есть произведеніе человѣка изъ небытія въ бытіе. Что можеть быть величественнѣе сего? Выйти изъ бездны бесплоднаго ничтожества и взойти на высоту Создательскихъ совершенствъ, смотрѣть вездѣ разсѣянные слѣды премудрости безконечной и видѣть союзъ, конемъ твари, будучи связаны, стремятся къ единому концу для нихъ благополучному: что можеть быть превосходнѣе сего? И можно ли подумать, чтобы человѣкъ, въ такомъ состояніи поставленный рукою всеяльною, могъ сказать: „сіе состояніе мнѣ скучно и горестно есть“? не паче ли онъ долженъ бы вознести къ небесамъ свой гласъ благодарный?

Что же есть жизнь человѣка и въ ея продолженіи?—она есть теченіе дѣлъ сходныхъ съ естествомъ его. Теченіе сіе должно стремиться къ добродѣтели, а добродѣтель приводитъ къ Богу: отъ добродѣтели раждается въ душѣ истинное удовольствіе, а соединеніе съ Богомъ есть источникъ блаженства безконечнаго. Положивъ, что человѣкъ не былъ бы участенъ сей жизни, тѣмъ самымъ къ блаженству такому онъ имѣлъ бы предъ собою двери, мракомъ небытія затворенныя: ибо кого нѣтъ, тотъ ничего чувствовать не можеть. Итакъ,

если, земнородный, ты недоволенъ жребіемъ бытія своего, то тѣмъ самымъ нечувствительно отрицаешься и онаго блаженства, для котораго произвела тебя благодать Божія. Впрочемъ, сего не возможно и понять, чтобы премудрый и преблагій Богъ бытіе намъ даровалъ для одного мученія нашего и ввелъ бы насъ въ такую жизнь, которая была бы единымъ токмо отягощеніемъ намъ.

И для того слово Божіе всею своею силою увѣряетъ насъ, что жизнь сія простикала изъ источника Божественнаго. Оно свидѣтельствуеть, что „Господь Богъ вдуну въ лице человѣка дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу“ (Быт., 2, 7); оно говоритъ, что „долгота житія и лѣта жизни въ въ десницѣ Господни“ (Притч., 7, 3, 16); оно проповѣдуетъ, что человѣкъ „созданъ по образу Божію и по подобію“ (Быт., 1, 26—27). А какъ въ сихъ послѣднихъ словахъ заключается великое преимущество человѣческаго бытія, то царствующій Пророкъ имѣлъ причину предъ Господомъ воснѣтъ: „что есть человѣкъ, яко помниши его? или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангель, славою и честію вѣнчалъ еси его“ (Псал., 8, 5, 6). А изъ сихъ преимуществъ очень видимо, какъ оцѣнить должны мы свою жизнь.

Таковое разсужденіе, кромѣ того, что есть истинно,—и весьма полезно для благопоспѣшества сей же самой жизни, которую намъ препроводять должно. Ибо, положивъ, что жизнь наша есть благодѣяніе и благословеніе Создателя, возбудимся чрезъ то къ благодарности и любви къ Нему: станемъ щадить время дней нашихъ, въ разсужденіи, что праздность и нѣкоторымъ образомъ ввергаетъ насъ въ прежнее состояніе небытія: ибо, кто ничего не дѣлаетъ, оный такъ можетъ почитаемъ быть, какъ бы его не было. Будемъ благодущны во всякомъ случаѣ, то есть трудномъ, скучномъ и несчастливомъ, вѣдая, что Промыслъ Божій свято управляетъ всѣми приключеніями. Теченіе жизни сей проходить будемъ радостно, и спокойно окончимъ послѣдніе часы нашихъ дней, оставаясь въ увѣреніи, что сей предѣлъ есть святъ и справедливъ.

Но если бы принять противное мнѣніе, то есть, что жизнь сія есть суетна и горестна, могутъ произойти изъ того весьма неприятыя слѣдствія, а именно: будемъ скучать жизнью своею и роптать на Того, Который даровалъ намъ оную; бросимъ себя въ нѣкоторый родъ унынія и расслабленія, а чрезъ то сдѣлаемся неспособными: къ понесенію должностей и ко взаимнымъ услугамъ общества, ибо умертвимъ свои силы и иссушимъ источникъ дѣйствій. Да и какаѣ были бы уже нужда много прилежать къ трудамъ и дѣламъ, если бы согласиться на сіе печальное мнѣніе, что все въ свѣтѣ суетно? А изъ сего

очень видно, сколь изряднымъ членомъ общества можетъ быть, кто такими мыслями питаетъ себя.

А хотя бы и подлинно,—положимъ на одинъ часъ,—жизнь сія была горестна и суетна: не знаю, какое намѣреніе имѣлъ бы тотъ, который охотился бы такое наше несчастіе представлять ежечасно предъ очи наши, и старался бы больше растревлять сію рану вмѣсто того, чтобы лѣчить оную. Печаль и уныніе всегда по себѣ оставляютъ худые слѣды: ибо мѣшаютъ съ благодушіемъ проходить свое знаніе, а чрезъ то отнимаютъ наилучшее средство къ благополучію и временному и вѣчному. А если и надобна въ жизни сей печаль, то не иная, развѣ каковую похваляетъ апостоль Павелъ, которую и называетъ онъ: „печаль яже по Бозѣ“ (2 Кор., 7, 10). Она состоитъ въ чувствительномъ терзаніи совѣсти по содѣланіи грѣха: ибо чрезъ такую печаль грѣхъ истребляется; слѣдовательно, и сія печаль надобна для истребленія ея же самой, дабы снискать чрезъ то спокойствіе и радость духа.

Къ большему изъясненію разсужденія нашего нужно разсмотрѣть, откуда происходитъ оная мрачная мысль о жизни сей, дабы, узнавъ причину, истребить оную, а, притомъ, нѣсколько изъяснить и поправить и противное мнѣніе.

Таковая мысль, во-первыхъ, происходитъ въ нѣкоторыхъ отъ несчастливаго, меланхолическаго, состава ихъ расположенія. Они, имѣя мысль, помраченную разными скучными воображеніями, и мучась непрестанно внутреннимъ безпокойствомъ, все уже себѣ представляютъ не веселымъ, худымъ и испорченнымъ; все имъ не нравится, все досадно, и изъ таковой своей собственной жизни дѣлаютъ генеральное заключеніе о жизни воѣхъ вообще: подобно тому какъ человѣку, имѣющему глаза боляція иктерическою болѣзнію, все представляется желтымъ. Но таковыя люди достойны не столь обвиненія, сколь сожалѣнія: ибо ихъ произволеніе не весьма бываетъ дѣйствительно, по несчастію природы или воспитанія.

Второе, происходитъ, часто поминаемое, мнѣніе и отъ непрямаго выразумѣнія нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писанія. На многихъ мѣстахъ Писанія святаго, подлинно, находимъ мы, что жизнь сія описывается жизнію суетною, горестною и окаянною. Мы можемъ нѣкоторыя мѣста, именно, здѣсь привести. Пророкъ Давидъ съ жалобою говоритъ: „увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися“ (Псал., 119, 5)! Сходно съ нимъ говоритъ апостоль Павелъ: „Окаяненъ азъ человѣкъ! кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея“ (Римл., 7, 24)? Таковыхъ же мыслей и апостоль Іаковъ: „Кая жизнь ваша?“—пишетъ онъ, „пара бо есть“ (Іак., 4, 14). Все же сіе заключается въ оныхъ Соломоновыхъ словахъ: „Суета суетствъ, и всяческая суета“ (Еккл., 1, 2).

Но какъ все ученіе Писанія Божественнаго справедливо почитается ученіемъ Святаго Духа, то посему и не можно разумѣть помянутыя слова такъ, чтобы онѣя прямо оуждали жизнь человѣческую, которая есть дражайшій даръ Бога человѣколюбиваго. Но какъ же ихъ толковать и разумѣть надобно?—разумѣть надлежитъ не о жизни человѣческой вообще, но о жизни человѣковъ нѣкоторыхъ, а именно: суетна есть жизнь того, который препровождаетъ оную въ суетѣ, то есть, въ однѣхъ забавахъ, съ потерю душевнаго совершенства и съ упущеніемъ своей должности. Горестна есть жизнь того, который, не зная или потерявъ вкусъ сладости добродѣтели, думаетъ найти оную въ услажденіи страстей. Окаянна есть жизнь того, который, безчестя оную пороками и беззаконіями, дѣлаетъ ее еще путемъ, ведущимъ къ вѣчному несчастію. Подлинно, жизнь таковыхъ людей есть суетна и несчастлива; и весьма надлежитъ оную окаевать, дабы ихъ чрезъ то вывести изъ опаснаго расслабленія и крайняго нерадѣнія о добродѣтели и о благахъ будущихъ.

А если бы онѣя писанія святаго слова взять генерально о жизни человѣческой, то суетною должна бы называться жизнь и того, который упражняется мыслию и сердцемъ въ дѣлахъ, къ пользѣ благочестія и общества служащихъ. Была бы горестна жизнь и того, который сладчайшими добродѣтели плодами душу свою всегда питаетъ; была бы окаянна жизнь и тѣхъ, кои святостію, яко солнце, въ мірѣ просіяли. Но можно ли намъ быть столь отважными, чтобы къ несчастію своему такъ думать о жизни тѣхъ, примѣру коихъ мы послѣдовать должны?

Что же жизнь сія называется „краткою, во мгновеніи она преходящею“,—и сіе разумѣется въ сравненіи вѣчности, предъ которою не толькоо на есть кратка, но почти—ничто. Однако сіе не мѣшаетъ быть и называться жизни нашей долгою, когда она состоитъ въ предѣлахъ, отъ Премудрости вѣчной назначенныхъ. Подлинно, она можетъ быть кратка и по самой себѣ; но для онаго, который пороками и страстями самъ себѣ сокращаетъ ее, и самъ себѣ препятствуетъ пользоваться благостію Господнею. Но, присемъ, можетъ сказать кто: „различныя страсти, труды, скуки и несчастія, коими наполнена жизнь сія, могутъ ли допустить почестъ ее счастливою“? На сіе отвѣтствуется, что страсть и пороки не дозволяютъ почестъ счастливою жизнь того, кто онымъ работаетъ, какъ уже выше сказано. Труды и соединяемыя съ ними, на краткое время, скуки необходимо нужны какъ для добродѣтели, такъ и для будущей жизни; слѣдственно, благополучію жизни сей они не только не препятствуютъ, но еще и споспѣшествуютъ. Несчастія же, если приключаются за дѣла худыя, приключаютъ жизнь несчастливою для тѣхъ, кои сами себя ввергли въ оную. Несчастія же за

истину и добродѣтель не суть несчастія, развѣ мнимыя: ибо они не только внутренняго совершенства не нарушаютъ, но паче оное устроятъ; а притомъ у Бога и у добрыхъ людей списываютъ себѣ истинную славу и издвоздааніе. Сохрани Богъ, чтобы мы Нерона, оное чудовище человѣчества, и Прода, впрочемъ вознесенныхъ, почли блаженными; а Петра, Павла и Іоанна, мужей въ свѣтѣ добродѣтельнѣйшихъ, но отъ нихъ неповинно убиенныхъ, вмѣняли бы несчастливymi и окаянными? Итакъ, отсюда мы можемъ видѣть, что жизнь наша, сама чрезъ себя не заслуживаетъ оужденія.

Однако, притомъ, въ предосторожность людямъ, по душѣ разслабленнымъ, если они между нами по несчастію находятся, гласомъ Господнимъ объявляемъ мы, что жизнь ихъ суетна и несчастлива, сколько бы имъ чувства ни льстили, и сколько бы они сами себя пріятно ни обманывали; а едина жизнь человѣка, званію своему соответствующаго, человѣка чрезъ добродѣтель къ будущей жизни себя приготавливающаго, едина таковаго жизнь есть благая, твердая, благополучная и благословенная, хотя бы иногда она и была смущаема нѣкоторыми превратами несчастія: и мы бы, увидѣвъ таковаго, съ веселіемъ душевнымъ сказали ему: „теченіе жизни твоей прекрасно: ибо добродѣтельно; жизнь твоя преблагенна, ибо совѣтъ твой не зазорна; дух твой радостенъ, ибо онъ непороченъ. И сія радость тѣмъ есть большая, что она есть нѣкоторое предчувствіе радости вѣчной: ибо начинается здѣсь—въ душѣ непорочной рай будущій, блаженный“.

Но уже время окончить намъ, слушатели, свою бесѣду. Тожмо молю, да не пренебрежемъ забвеніемъ сіе разсужденіе, полеже оно служить съ величайшею пользою къ благоспѣшеству жизни сей. Да затвердимъ въ своей мысли и сердцѣ, чтобы жизнь сію не препроводять въ праздности: ибо потоліку она есть блаженна, поеліку находится въ движеніи добрыхъ дѣлъ; а безъ того жизнь не есть жизнь, но нѣкоторое мертвое и безобразное изображеніе жизни. Притомъ, твердо да увѣримъ себя, что не можетъ быть участникомъ вѣчной жизни, который не съ усердіемъ и вѣрностію въ жизни сей проходить должность, отъ судьбы Господни назначенную.

Къ большему же изъясненію разсуждаемой истины, дозволю намъ, Всемилостивѣйшая Государыня, привести въ примѣръ Твою, Богомъ управляемую, жизнь. Двѣ причины мы къ сему имѣемъ. Первая, что, какъ жизнь жизнью почитается тѣмъ свойственнѣе, чѣмъ въ большемъ движеніи благихъ дѣлъ состоитъ она, то чья же жизнь есть упражнена толикими дѣлами и попеченіями, какъ не Твоя Монаршая? Мысль Твоя простирается и къ внутреннему учрежденію государства, и къ вѣншей оборонѣ оного, и къ устроенію общей пользы, и къ удоволь-

ствію каждаго и разсужденіемъ, и повелѣніемъ, и словомъ, и перомъ, и совѣтомъ, и наставленіемъ, и другими многочисленными способами. Вторая причина, что жизнь Твоя, яко жизнь Монаршая, есть естественное основаніе жизни нашихъ и самый лучший ихъ же образецъ. Ибо если взять жизнь за теченіе дѣлъ, то наши жизни суть нѣкоторые потоки, которые, какъ начало, приѣмлютъ отъ пространнаго моря дѣйствій Твоихъ, такъ въ оное же наки обращаются. Проходи убо, Помазанница Господня, сей подвигъ тѣмъ охотиѣе, что отъ него зависитъ блаженство многихъ народовъ. Вѣдаемъ, что теченіе Твое многотрудно, но со всѣмъ тѣмъ преблаженно: жизнь Твоя многопопечительна, но для другихъ радостотворна. Сей есть самый лучший жребій смертнаго не ослабѣвать въ своемъ подвигѣ, и съ благодушіемъ приближаться къ полученію вѣнца безсмертія. Наляцы, успѣвай и царствуй; мечи стрѣлы на враговъ Твоихъ: Твоя добродѣтель ихъ побѣдить, и челоуколюбію Твоему Господь покорить ихъ варварство. Веди же симъ путемъ и сей дражайшій плодъ утробы Твоей. Даровавъ ему жизнь, оживотвори его и духомъ добродѣтелей Твоихъ.

А Ты, Благовѣрный Государь, вонми сіе разсужденіе наше и оное прими вмѣсто, должнаго отъ насъ въ настоящій день Тебѣ, поздравленія.

Ты нынѣ совершаешь день Твоего въ міръ сей вшествія. Открой убо свою благодарность, во-первыхъ, Господу, оживляющему всѣ твари и содержащему въ Своей рукѣ духи сильныхъ земли; а притомъ и сему, Божественнаго о Тебѣ Промысла, богоизбранному орудію, дражайшей Родительницѣ своей: докажи же свою благодарность прехожденіемъ теченія своего въ благодушіи и исполненіемъ обязательствъ, которыя на Тебя возложили Богъ и естество, вѣра и отечество. И какъ мы увѣрены о Твоихъ благихъ склонностяхъ: то и уповаемъ, что колесница Твоя, чѣмъ выше восходитъ на горизонтъ чаянія Россіи, тѣмъ въ большемъ сіяніи имѣетъ открыть себя. „Пятнадцать лѣтъ уже миновало“. Но мы лѣта Твои исчисляемъ не столь днями и часами, сколько успѣхами и мужественнымъ Твоимъ прохожденіемъ въ дѣлѣ добродѣтели. Впрочемъ, слыши, что вѣщаетъ Тебѣ Духъ Святой: „Сыне, чти Господа, и укрѣпишися: храни Его заповѣди, и поживеши: словеса же Его соблюди яко звѣнцы очію: обложи же ими твоя персты, напиши же я на скрижали сердца твоего, да жива будетъ душа твоя, и благодать будетъ на Твоей выи: Господь бо будетъ на всѣхъ путехъ твоихъ и утвердитъ ногу твою, да не поползнешися“ (Притч., 7, 1—3; 3, 22, 26).

Господи! предъ лицемъ Твоимъ предстоить днесъ Помазанница Твоя, вознося предъ Тобою и дарованный ей отъ Тебя плодъ, пред-

стоитъ же съ жертвою благочестія и благоговѣнія. Ты благослови дни ихъ и, за известную Тебѣ ихъ добродѣтель, обрадуй всѣхъ насъ славою, миромъ и тишиною. Амань.

Слово, говоренное при освященіи знаковъ новаго военнаго ордена святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія *).

Пространная и пріятная матерія предлагается къ разсужденію нашему, слушатели! Ибо—се, устанавлиются почести воинамъ мужественнымъ, се соплетаются вѣнцы побѣдоносцамъ, се видимъ достойное за добродѣтель воздаяніе, и сильное къ ней же побужденіе. А съ симъ вкупѣ воображаемъ и мудрую прозорливость Самодержицы нашей и возрастающую славу Россіи, и Божіе о ней благоволеніе.

Придите убо, истинные отечества любители! придите, выкрикнемъ прилежиѣ въ сіе дѣйствіе и насладимся удовольствія, отсюда обильно протекающаго.

Рѣчь наша есть не объ удаленныхъ въ послѣдніе край земли странахъ, но объ отечествѣ нашемъ,—не о народахъ, морями и долами отъ насъ отдѣленныхъ, но о любезныхъ нашихъ согражданахъ,—не о славѣ, каковою въ свѣтѣ гремѣли Геркулесы, Александры, Аннибалы, Сципіоны и прочіе, но каковою россияне прославились и прославляются. Ибо, если съ прилежаніемъ разсмотримъ мы домашніе примѣры,—найдемъ не меньше знаменитыхъ храбростію мужей, какъ сколько намъ представляеть ихъ и древность.

Самые первые Россійскіе князи мужествомъ своимъ не сосѣдей токмо, но и дальныхъ содержали въ границахъ справедливости и въ почтеніи въ себѣ. Ихъ власть распростиралась по берегамъ Дуная; на ихъ геройство не одинъ разъ съ удивленіемъ взирали стѣны Константинопольскія, и сей, Европу и Азію соединяющій, градъ Россійскому скипетру жертвовалъ данью. И если когда сіянію Россіи каковыя ущербы приключались, то по скоромъ прехожденіи затменія, она паки въ прежнемъ своемъ блистаніи возсіявала, и случившіяся въ тѣлѣ ея болѣзни послужили къ большому утвержденію здравія ея.

Но, когда Богъ въ Россіи возставилъ паки самодержавіе, когда, притомъ, воздвигъ и мужа по сердцу своему, Петра, глаголю, именовемъ

*) Сказано въ присутіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, Святѣйшаго Синода, Правительствующаго Сената и всего случившагося военнаго чина, въ бывшей придворной церкви, въ С.-Петербургѣ, 1769 года, ноября 26 дня.

и дѣлами Великаго,—съ того времени сіе благословенное древо паче и паче утвердило корень свой, вѣтви его далѣе распространились, и подъ пріятную его тѣнь притекли множество народовъ искать себѣ покоя. Тогда-то отечество наше въ большую стало приходить славу, какъ другими многими дѣлами, такъ особливо мужествомъ своимъ и храбростію воинства своего. Имя „Россійанинъ“ стало у всѣхъ народовъ почтенное, у недоброжелателей страшное: гдѣ Россійскія знамена показываются, тамъ и мужественный непріятель приходитъ въ сумнѣніе,—тамъ и мудрый политикъ находитъ затрудненіе, какъ отвратить опасность. Мужеству война нашего всѣ мѣста стали проходимыми, всѣ крѣпости перестали быть неприступными. Границы Россійскія столь ратпространились, что превосшли границы древней Имперіи Римской и всей Европы; и если бы нынѣ Россія не восхотѣла своихъ предѣловъ расширять далѣе, то не для того, аки бы подъ Божіимъ предводительствомъ не могла она мужественно стремиться до концевъ вселенной; но что уже почла бы себя обильно удоволствованною настоящею славою.

Зря на сіе съ удивленіемъ, окрестные народы, изобрѣли способъ для себя полезнѣйшій, для насъ славнѣйшій: начали искать покровительства Россіи и почтять себѣ за честь быть въ союзѣ съ отечествомъ нашимъ.

Все сіе воображая, или паче сказать, очами своими видя, мы, Россіяне, что думать или говорить должны? кажется, что, принесши благодареніе Господу силъ и владѣющему небомъ и землею, могли бы мы утвердительно заключить, что слава наша взшла на высочайшую свою степень,—что мужество и храбрость россиянъ достигла своихъ предѣловъ,—что осталось токмо сохранять, а не умножать столь великое сокровище.

Но настоящія времена,—о, времена блаженныя!—ясно доказываютъ, что милостивый Божій Промыслъ ведетъ насъ еще къ превосходнѣйшей славѣ и хочетъ милосердно возвысить Свое достояніе паче и паче. О, благодѣтелю нашъ Господи! веліе Твое есть промышленіе о насъ! неисповѣданы и неизслѣдимы судьбы Твои!

Россія покоилась въ объятіяхъ мира и наслаждалась въ тишинѣ плодами славы своей. Страшный военный звукъ молчалъ, и храброе оружіе отдыхало. Сей сладкій покой отважился помутить вѣроломный непріятель и дерзнулъ разбудить спящаго льва. Возсталъ воинъ противъ своего хотѣнія, гнѣваясь на дерзнувшаго беспокоить его; и тотчасъ мужество россиянъ открылось въ прежней славѣ, или и большей. Ибо Господь поборствовалъ по насъ, ибо воевали стихіи со стороны нашей, и Днѣстръ почти то же сталъ агарянину, что древле египтянину было Чермное море. Бѣжить дерзкій непріятель, оставляя вездѣ

по слѣдамъ своимъ страхъ и стыдъ. Входить россиянинъ въ его предѣлы, занимаетъ его княженія, доходить до бреговъ Дунайскихъ и, находясь теперь въ семъ славномъ теченіи, простираетъ желанія свои и намѣренія далѣе. Таковыя дѣйствія воинства нашего коликою радостію исполнили все отечество, и колкія надежды впредь вложили въ мысль нашу—того слово мое изъяснить не можетъ.

Довольно сказать, что, управляемая мудростію божественною, Государыня наша сіе счастливое дѣйствіе оружія своего почла способнѣйшимъ случаемъ къ установленію почестей мужества военнаго, дабы и прежнюю славу, храбростію снисканную, утвердить и вновь доказанную наградить, и другихъ возбудить къ той же ревности, а чрезъ то державу Россіи или далѣе распространить, или, по крайней мѣрѣ, всѣмъ непріятелямъ сдѣлать ее страшною.

Къ большему же доказательству святости и справедливости намѣренія сего, не можно здѣсь оставить, чтобы хотя кратко не показать, сколь достойно и вообще должно быть уважаемо воинство, и особливо какъ справедливо храбрые поступки нѣкоторыхъ заслуживаютъ награжденіе.

Что бо есть воинство?—воинство есть защита отечества, ограда государства, вѣры оборона, охраненіе не имѣній нашихъ токмо, но и жизней нашихъ. Что земледѣлецъ спокойно влечетъ свой плугъ, что класами роскошествуютъ поля, что корабль свободно плыветъ въ свое пристанище, что художникъ въ тишинѣ упражняетъ свои руки въ работѣ, что совершаются въ веселіи и радости церковныя собранія,—кому мы симъ всѣмъ одолжены особеннымъ образомъ? кому? если не мужеству воинства, отъ нападенія и козней непріятельскихъ тѣлами своими насъ закрывающаго?

Ихъ трудъ намъ приобрѣтаетъ покой; плодами, кровію ихъ напоенными и возрастшими, мы наслаждаемся; лишеніе ихъ жизней сохраняетъ наши жизни. О, доказательство величайшее вѣрности и любви къ отечеству! „Больши сея любви,—сказалъ Спаситель нашъ,—больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя“ (Іоан. 15, 13). Ибо человекъ ничего въ свѣтѣ не оцѣниваетъ дороже жизни своей. Когда убо таковое неоцѣненное сокровище воинъ охотно отдаетъ въ пользу общую, то есть, „нашу“,—какое, думаете, возлагаетъ онъ обязательство на насъ къ благодарности и воздаянію?

Всякъ другаго состоянія человекъ имѣетъ въ производствѣ дѣла своего особливый для себя предметъ, собственную корысть и пользу. Земледѣлецъ взираетъ на богатую жатву, которою онъ имѣетъ наслаждаться домашними своими; художникъ ободряетъ себя довольною платою за работу свою; купецъ размышляетъ о прибыткахъ, кои пода-

дуть жизни его довольное и спокойное содержаніе; судія получаетъ подобающее награжденіе, не лишаясь, однако, жизни, безъ которой и все награжденіе ни къ чему бы не послужило. Подлинно, во всѣхъ сихъ дѣлахъ заключается и общая польза, но такъ, что соединяется притомъ и собственная каждаго.

Но какой предметъ имѣеть воинъ, видя предъ очами смерть? и при опасности жизни своей можетъ ли онъ веселить себя надеждою, что удастся ему пользоваться воображаемыми выгодами? О, сколь сильно такому человѣку надобно быть увѣрену въ общемъ добрѣ,—слѣдовательно, сколь много честну! ибо хотя, положимъ, воинъ и получаетъ награжденіе довольное, и оно къ ревности есть побудительно, но можетъ ли онъ во время ужаснаго жара воображать сіе награжденіе? и предстоящая смерть дозволить ли ему столь вольно располагать своими мыслями? Нѣтъ, не столько воображаемое награжденіе, сколь ревность къ отечеству и общая польза одушевляеть его тогда. Ибо тотъ, кто думаетъ умереть, о здѣшнемъ награжденіи размышлять много не можетъ; однако, тѣмъ самымъ дѣлаетъ себя больше награжденія достойнымъ. Впрочемъ, всякъ воюющій, хотя и предохраненъ будетъ судьбою Господнею отъ смертнаго случая, однако, такъ долженъ почитаемъ быть, какъ бы онъ уже за отечество животъ свой положилъ. Ибо онъ жизнь свою на жертву уже принесъ, всѣ смертные страхи претерпѣлъ; не доставало токмо одной минуты нечувствительной.

Ежели же мужество воинства вообще заслуживаетъ столь великое уваженіе, то что надобно особливо сказать о тѣхъ, которыхъ древность называла героями, то есть, „полубогами“,—кои въ мужественномъ воинствѣ нашемъ отличились мужествомъ своимъ? которые опасностію жизней своихъ защитили жизни и самыхъ тѣхъ, кои защищаютъ наши жизни? Таковые должны быть отличены по справедливости, ибо и въ добродѣтели суть разныя степени. „Мнози текутъ въ позорищи, но не вси приѣмлютъ почеть“ (I Кор., 9, 24). И хотя въ свѣтѣ обыкновенно таковыхъ людей бываетъ весьма мало, но Россія ими и была и есть изобильна. Это доказываютъ какъ всѣ прешедшія времена, такъ и война настоящая, въ которой многіе бѣжали на мечи и огни не иначе, какъ бы къ полученію вѣнцовъ прекрасныхъ, а почитали себѣ за смерть, если бы непріятелю обратили тылъ.

О, войны мужественные! вы—дражайшій залогъ отечества. Ваше блистаніе славы радостно въ очахъ нашихъ. Какъ таковыхъ справедливость могла бы оставить безъ награжденія? и какъ благоразуміе могло бы попустить, чтобъ зеленѣющіе и цвѣтущіе сіи лавры увяли?

Но такового несчастія не можно опасаться во времена наши. Благочестивая Монархиня наша и умершихъ на брани воиновъ безъ на-

граждениа не оставила: мудрое и святое оное учреждение ея, чтобы по умершимъ на брани за вѣру и отечество отъ Церкви приносить Богу ежегодныя молитвы. Таковое для умершихъ награждение изъ возможныхъ есть наибольшее: ибо, чрезъ сіе отъ всей Церкви предъ престоломъ Господнимъ воспоминаніе, ихъ души награждаются блаженнымъ вѣчнымъ покоемъ, заслуги ихъ предаются безсмертію, плачущіи же и болѣзнующіи объ ихъ лишеніи приемятъ чувствительнѣйшее утѣшеніе.

Таковымъ образомъ, монархія, отдавъ справедливый долгъ положившимъ за отечество животъ свой, се устанавлиетъ и оставшимся, съ блистаніемъ подвиговъ своихъ и заслугъ, достойное награждение. Се почести, се вѣнцы, се воздаяніе! тутъ вкупѣ соединены и побужденіе къ мужеству, и награждение за оное, и честь, и польза, и чувствительная благодарность отечества къ заслугамъ ихъ.

„Время убо воспривѣтствовать васъ, о храброе Россійское воинство, съ таковымъ счастіемъ, съ Монаршимъ, а вкупѣ и Божиимъ, о васъ благоволеніемъ. Прежде заслуги ваши отличили васъ, отнынѣ заслуги ваши будутъ отличены и приведены отечеству въ откровеніе. Состояніе ваше вмѣсто того, чтобы оно могло почитаться страшнымъ, стало завиднымъ. Мужайтесь убо и крѣпитесь; радуйтесь о прешедшемъ, вооружайте себя храбростію къ будущему. Платите сіе одолженіе вѣрностію усердною, и ревностію непобѣдимую; охраняйте границы отечества вашего, или оныя и распространяйте. Докажите свѣту, что Россія есть жилище героевъ и покровительство прибѣгающихъ къ ней народовъ. А притомъ, если угодно, изъясните всѣмъ и о намѣреніяхъ ея, что оныя не состоятъ въ несправедномъ похищеніи чужихъ владѣній, но въ правосудномъ отмщеніи покушеній напрасныхъ и въ покровительствѣ утѣсняемыхъ мучительною властію. Мечъ Россійскій блистаетъ, не—чтобы напрасно умертвить, но чтобы животъ даровать угрожаемымъ смертію“.

Впрочемъ, съ сего священнаго мѣста долженъ я вамъ, о войны, напомнать, что мужество не должно быть безъ человѣколюбія. И для того основаніемъ храбрости своей полагайте законное правило, неустрашимость свою умѣряйте благоразуміемъ и страхомъ суда Божія. Когда удостоитесь сихъ знаковъ ношенія, то „облецытесь вкупѣ въ броню правды, препояшите чресла ваша истиною, уготовайте ноги къ благовѣствованію мира, воспримите щитъ вѣры и племъ спасенія, и вооружите себя мечемъ духовнымъ, иже есть глаголь Божій“ (Ефес., 6, 14—17). „Аще бо и постраждетъ кто,—говоритъ слово Божіе,—не вѣнчается, аще не законно подвизатися будетъ“ (2 Тим., 2, 5).

По выслушаніи таковаго привѣтствія и по возчувствованіи живою радости, храброе Россійское воинство обращается къ Тебѣ, Всепре-

свѣтлѣйшая Монархія! Оно, чувствуя такое о себѣ благоволеніе Величества Твоего, приносить усердное благодареніе. Оно почитаетъ сіе установленіе за сильнѣйшее подкрѣпленіе охоты къ высокой службѣ Твоей. Оно такое, имѣющее быть, отличіе заслугъ ихъ вмѣняетъ за оживленіе своей жизни,—жизни въ жертву отечества посвященной. Оно признается, что новый жаръ воспламенитъ ихъ, и потщится доказать, что они суть слуги, достойные таковой Монархини; оно обѣщается сіи знаки оставить своимъ дѣтямъ въ дражайшее наслѣдіе и въ вѣчное имени Твоего прославленіе.

Съ такимъ искреннимъ изъясненіемъ храбраго Твоего, Великая Государыня, воинства сорадуется и все отечество и, съ ними вкупѣ благодарность свою всегда изъяслять, почитаетъ и почитать будетъ за наибольшее обязательство вѣрности своей.

О благопоспѣшествѣ же сего Ея Императорскаго Величества намѣренія и предпріятія, и о благословеніи знаковъ сихъ остается вамъ, священнѣйшіе мужи, молитву свою принести Богу всеблагому и всемогущему. Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“.

(1 Іоан., гл. 5, ст. 4).

Сей благословенный день представляетъ намъ вождѣльный случай и къ радости, и къ поученію, и къ славѣ нашей. Ибо Церковь Христова совершаетъ днесь торжественную память первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, знаменитыхъ въ христіанствѣ мужей и основателей Божественной вѣры нашей,—вѣры, которая возсіяла на востокѣ, достигла же и до сѣвера,—вѣры, которая насъ соединяетъ со многочисленными народами, разсѣянными по лицу земли, съ живущими на рѣкахъ Дуная, Нила, Тигра и Ефрата, и на островахъ Архипелага; съ народами преславныхъ славянъ, древнихъ грековъ и колхидовъ, именовъ въ свѣтѣ извѣстными. Сіи многочисленные христіанъ соборы сей день вкупѣ съ нами празднуютъ, съ таковыми же священными обрядами, и одними съ нами пѣснопѣніями совершаютъ духовныя торжества

*) Сказано въ Петергофѣ въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1770 года.

свои, а тѣмъ самымъ и мы можемъ почестъ ихъ аки членовъ единого тѣла, и они въ число сыновъ отечества нашего вмѣщены быть усердно желали бы. Но, ахъ! сіе напоминаніе не можетъ ли смутить радость нашу? ибо, вспомянувъ сіе, не можемъ не представить себѣ, что всѣ оныя народы стонуть подъ тяжкимъ рабства бременемъ, и ниже сего священнѣйшаго имени—„вѣра“ свободно произнести дерзають. Ихъ праздники растворены плачемъ: они самый день сей торжествуютъ съ воздыханіемъ и сѣтованіемъ. Ибо „завѣтъ завѣщаша селенія Идумейска и Исмаильтѣяне, Моавъ и Агаряне, Геваль и Аммонъ и Амаликъ, иноплеменицы; иже рѣша: да наслѣдимъ себѣ святилище Божіе. Придите и потребимъ я отъ языка и не помянется имя Израилево кому. Боже! кто уподобится Тебѣ? Не премолчи, ниже укротися, Боже“ (Псал., 82, 6—8, 13, 2, 5)! Но я лучше желалъ бы таковое напоминаніе скрывать въ сердцѣ, тайно вопіющемъ къ Богу, если бы Господь Саваоѣвъ и Богъ ополченія Израилева не благоволялъ праведное оружіе наше и, аки за руку взявъ помазанницу Свою, не говорилъ ей, какъ иногда помазанному Своему Киру: „Азъ предъ тобою пойду и горы уравнию, отверзу предъ тобою врата, и гради не затворятся“ (Ис., 45, 1—2); если бы и самое ученіе вѣры нашей къ тому же не споспѣшествовало. Ибо се слышимъ Апостольскій гласъ, яко трубу трубящую въ уши наши: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“; сія вѣра утѣсняемая, вѣра страждущая, есть вкупѣ вѣра побѣждающая и торжествующая. И понеже таковыя слова для настоящихъ обстоятельствъ нашихъ видятся быть приличны и ободрительны, то не бесполезно будетъ взойти въ разсужденіе. *въ какомъ разумѣ присволяется побѣда силѣ вѣры.* Ты же, Господи Боже, углемъ, отъ жертвенника Твоего взятымъ, повели херувиму коснуться недостойныхъ устъ нашихъ, яко же иногда устъ Исаи Твоего, да возможемъ повѣдати судьбы Твои.

СИЯ ЕСТЬ ПОВѢДА, ПОВѢДИВШАЯ МІРЪ, ВѢРА НАША.

Хотя семи словами обозначается и извѣстная побѣда, то-есть, каковую Апостолы имѣли надъ людьми развратными, въ разсужденіи ложныхъ, до закона ихъ надлежащихъ предувѣреній и заблужденій, однако, нѣтъ препятствія симъ словамъ дать и общее означеніе: поелику и всякаго рода побѣда должна быть приписана Божественной силѣ вѣры.

Къ утвержденію же сего разсмотримъ свойства и плоды вѣры, которые если для побѣдителя найдемъ нужными: то тѣмъ самымъ и можемъ побѣду приписать силѣ вѣры. Вступимъ въ доказательство.

Во-первыхъ. Для полученія побѣды потребно благоразуміе и совѣтъ: благоразуміе, чтобы окомъ ума обзрѣть всѣ обстоятельства и изъ нихъ заключить непогрѣшительныя слѣдствія; а совѣтъ, чтобы,

не излишне мечтая о себѣ, умѣть пользоваться разсужденіями и другихъ. Но всякое неложное просвѣщеніе откуда почерпается, если не изъ источника закона Божія? Въ немъ содержатся истины, которыя служатъ основаніемъ для всякаго знанія и дѣйствія человѣческаго. „Начало бо премудрости страхъ Господень, и благочестіе въ Бога есть начало чувства“, то есть, распознанія добра и зла: „премудрость же и наказаніе нечестивіи уничтожатъ“ (Притч., 1, 7), говоритъ слово Божіе.

Но если гдѣ весьма нужно есть, то особливо въ страшномъ военномъ подвигѣ такое просвѣщеніе отъ закона Божія. Ибо сколько тутъ можетъ встрѣтиться неудоборѣшимыхъ затрудненій, сколько можетъ открыться случаевъ, которыхъ человѣческой умъ предвидѣть не можетъ! Всѣ расположенія иногда въ едино мгновеніе ока принимаютъ на себя иной видъ, и вдругъ становятся зависящими отъ единой судьбы Всемогущаго. Мысль слабаго смертнаго, зря на сіе, при томъ видя и смертоносные удары другихъ, и воображая свою предъ ногами стоящую опасность, едва ли можетъ быть столь тверда, чтобы не поколебаться и не почувствовать въ себѣ нѣкотораго мрака,—если бы сила свѣта Божественнаго не разгоняла сей мракъ и не подкрѣпляла слабости человѣчества. Сіе знать лучше могутъ, которые самымъ дѣломъ извѣдали надобность просвѣщенія небснаго въ такихъ случаяхъ. И для того Израильскій Царь признается предъ всемогущимъ Содержателемъ свѣта, что Онъ научаетъ рудъ его на ополченіе и персты его на брань. Да если бы время дозволило приводить намъ примѣры побѣдителей и изъ языческой исторіи,—мы увидѣли бы, что и они не вступали въ брань, развѣ призывавъ помощь Вышняго на свои дѣйствія, и не оканчивали оной, развѣ приписывая побѣду руководствующей силѣ Божественнаго Промысла.

Второе. Для полученія побѣды потребна справедливость въ началіи военного дѣйствія и честность въ продолженіи его. „Справедливость“, чтобы не приступать къ сей крайности, развѣ по истощеніи всѣхъ другихъ способовъ, и то для защищенія собственнаго, или утѣсняемой неповинности; а „честность“, чтобы въ продолженіи дѣйствовала та же причина справедливости, которая начала, то есть, чтобы непріятельскую несправедливость ослабить, дабы она вредить не могла другимъ неповиннымъ. Если кто мало преступитъ сіи предѣлы, то можетъ онъ впасть въ злосчастное состояніе жезловъ ярости Господней.

Но кто, въ сихъ границахъ справедливости и честности, удержать презрителя закона Божія и небоющагося суда Его? Онъ есть звѣръ необузданный: жертвуетъ всѣмъ суетѣ славолюбія своего, стenanіе страждущаго человѣчества, превращеніе въ пепель цвѣтушихъ градовъ, терзаніе сосущихъ сосцы матерніе суть для него наилучшія основанія,

на коихъ онъ создаетъ безсмертіе имени своего. Одно изъ такихъ представляетъ Пророкъ, такъ рассуждающаго съ самимъ собою. „Сотрашу грады населенныя, вселеную всю объиму рукою моею яко гнѣздо, и яко оставленная лица возьму: и нѣтъ, иже убѣжить мене или противу мнѣ речеть, и отверзеть уста“ (Ис., 10, 14). О, стыдъ челоуѣчества!

Но таковъ ли побѣдитель есть хранитель истиннаго благочестія?—никакъ. Онъ любитъ Вышняго и для того падить и созданнаго по образу Его; онъ просвѣщенъ истинною закономъ Господня, и для того знаетъ, въ чемъ поставлять настоящую славу, которая не можетъ состоять въ несправедливости; онъ чаеъ предстать престолу награждителя добродѣтели и наказателя порока, и для того хранится, дабы, чрезъ нарушеніе правды вѣчной, не впасть въ руки Бога живаго. Когда верховная небесная власть вручить такому герою правленіе народа, онъ бываетъ его отцемъ, ибо внимаеъ гласу вѣчной премудрости, его руководствующей. Онъ защищаетъ порученныхъ ему отъ нападений противныхъ, но такъ, что и въ самомъ непріятелѣ почитаетъ челоуѣчество и, побѣждая его, благодѣтельствуеъ ему, ибо дѣйствіе злости его пресѣкаетъ.

Когда кто, такимъ образомъ будучи расположенъ, вступаетъ въ брань противъ врага, поправшаго всѣ Божественныя и челоуѣческія законы—что?—Око всевидящее закрываетъ ли тогда отъ таковаго благосклонный взоръ Свой? Промыслъ, управляющій всѣми дѣлами свѣта, остается ли тогда празденъ, какъ бы сіе дѣло до Него ничѣмъ не принадлежало? Царь царей, подлинно ли тогда—въ такомъ состояніи, какъ о Немъ говоритъ нечестивый у Псаломника: „не узрѣть, ниже уразумѣть Богъ Іаковль“ (Псал., 93, 7)? Нѣтъ, „се, не воздремлетъ, ниже уснетъ храняи Израиля“ (Псал., 120, 4).

Богъ невидимо подкрѣпляетъ руку благочестиваго подвижника Своего, вразумляетъ его въ изобрѣтеніи способовъ въ часъ смятенія наполняетъ сердце его великодушіемъ и храбростію и подаетъ мужество воинству его.

„Мужество“, сказала я, ибо оно не отъ другаго чего происходитъ, какъ токмо отъ справедливаго дѣла, почему римскій витія изрядно опредѣляетъ, что „мужество есть добродѣтель, воюющая за справедливость“. Не множество воинства, не мечи и оружія, не долгое упражненіе въ военныхъ дѣйствіяхъ суть единственная причина храбрости. Ибо всѣ сіи обстоятельства суть внѣшнія и сами чрезъ себя недвижимы,—почему не они движутъ духъ нашъ, но сами требуютъ отъ мужественной души въ движеніе приведены быть. Но воинъ храбръ бываетъ тогда, когда не зазорна его совѣсть, не смущена мысль, и

чувствуетъ справедливость стоящую съ своей стороны: ибо въ такомъ случаѣ онъ беретъ на себя свойство суди, который идетъ наказывать виноватаго.

Но не имѣющій надѣянія на справедливость свою смущается мыслию, унываетъ духомъ, очи его наполняются мракомъ, его страшатъ сновидѣнія, ему мечтается, что надъ противною стороною видитъ различные знаменія покровительства небеснаго. А при томъ совѣсть зазорная открываетъ пламя вѣчное сквозь огни орудій военныхъ, и послѣ поля сраженія указываетъ ему путь лежащъ ко аду, и для того трепещеть и, бѣгствомъ смерти настоящей, ищетъ скрыться отъ бѣдности будущей.

И отъ сего-то родится сей ужасъ, называемый „панический“, который внезапно поражаетъ все воинство и отъ сего-то бываетъ, что не тоемо гонить единъ тысящу, а два тьму, но и бѣгаетъ нечестивый, никому же гонящу. „Се не въ силѣ констѣй восхоцеть, ниже въ лыстѣхъ мужескихъ Вышній благоволить: Господь въ боящихся Его и во уповающихъ на милость Его“ (Псал., 146, 10).

Таковой богобоязливый герой нельзя, чтобы не былъ украшенъ и человѣколюбіемъ, которое свойство какъ есть плодъ благочестія, такъ и для истиннаго побѣдителя есть нужное.

Ибо въ случаѣ военномъ дѣйствіе человѣколюбія есть не допускать простираться далѣе предѣла, справедливостію предписаннаго, то есть, ослабивъ неправду дѣйствующую, впрочемъ, и непріятеля щадить, и человѣчество въ немъ почитать сроднымъ себѣ. Сіе противъ непріятеля оружіе есть насильнѣйшее: ибо и неукротимые звѣри укрощаются ласкою и любовію, а добродѣтель и въ непріятелѣ хвалима и любима есть.

Дарій, побѣжденный отъ Александра, когда услышалъ, что Александръ, будучи и побѣдитель и молодецъ и холостъ, со взятыми въ полонъ матерію его и женою и дѣтьми обходится человѣколюбиво и цѣломудренно, и, едва о томъ увѣрившись, напоследокъ поднявъ руки къ небу, сказалъ: о боги! если ваша воля есть, продолжите мнѣ царствованіе; но если иначе судьбами вашими опредѣлено, молю, да никто сядетъ на моемъ престолѣ, какъ сей благій непріятель и милостивый побѣдитель.

Да и наше любезное отечество особливо прославилось сею божественною добродѣтелію предъ прочими въ свѣтѣ народами.

И если когда, нынѣ, поистинѣ, сія добродѣтель царствуетъ въ сѣдѣщей на Россійскомъ престолѣ, благоутробнѣйшей Матери отечества. Не надобно разбирать, что сіе или оное Великой Екатерины дѣло доказываетъ человѣколюбіе ея. Всѣ вообще ея дѣла, не исключая ни одного, утверждены на семь божественномъ основаніи. И какъ она

величество свое нѣкоторымъ образомъ сокрываетъ въ существѣ любви матерней: то ея имперія кажется благоустроеннымъ семействомъ, подданные берутъ свойство дѣтей, и страхъ, отдаваемый престолу, перемѣнился въ любовь. Что же сіе есть, когда не жить блаженно на землѣ? А вы, нынѣ плѣнные варвары, можете ли не признать, что плѣнъ вашъ есть состояніе свободы, которой вы въ минимумъ свободномъ состояніи своемъ не имѣли, и что въ первый разъ въ жизни у непріятелей своихъ узнали вы, что то есть дѣйствіе истиннаго чело-вѣколюбія?

Положимъ убо, что чело-вѣколюбіе весьма свойственно есть истинному побѣдителю. Впрочемъ, несумнительно, откуда сія любезная добродѣтель происходитъ: ибо и понять нельзя, чтобы она могла обитать въ сердцѣ нечестивомъ и беззаконномъ. Сіе есть торжество вѣры, чтобы любить враговъ своихъ и благотворить ненавидящимъ насъ. О, священное Евангеліе! о любезный законъ! ты располагаешь духъ нашъ ко вмѣщенію сего небеснаго дара и творишь насъ смертныхъ подражателями Божества благаго и чело-вѣколюбиваго.

Кто убо не воскликнетъ съ Апостоломъ сихъ его божественныхъ словъ: „Сіа есть побѣда, побѣждающая міръ, вѣра наша“? Вѣра съ такими свойствами, какъ нами описана, есть непобѣдима. Побѣждается мнимый вѣрный со своимъ безвѣріемъ: ибо въ порочныхъ и развратныхъ не такъ есть вѣра, какъ тѣнь оной и нѣкоторый слабый блескъ сего божественнаго сіянія.

А чтобы разсужденіе сіе подѣйствовало въ сердцахъ нашихъ болѣе, вотъ—и примѣры, изъ которыхъ одинъ представляетъ намъ днесь празднующую Церковь, другой—торжествующая при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ Россія. Нынѣ празднуемые Апостолы имѣли ополченіе противъ опаснѣйшихъ непріятелей, каковыя суть различныя предубѣжденія и заблужденія, соединенныя съ упрямствомъ и съ гоненіемъ ихъ неповинности; но, съ помощію вѣры, какъ сами признають, одержали они побѣду надъ ними. Были они просвѣщены Духомъ Святымъ, и потому ложь уступила истинѣ. Справедливость и честность была съ ихъ стороны, ибо ихъ одушевляло не корыстолюбіе и славолюбіе, но единственное усердіе къ пользѣ рода чело-вѣческаго одушевляло ихъ; и для того страсть, постыдившись, скрылась. Они были мужественны, ибо увѣреніе справедливости хранили въ сердцѣ своемъ, и для того духъ гонителей ослабъ. Въ нихъ обитало чело-вѣколюбіе: ибо они и врагамъ своимъ благодѣтельствовали, и убійцамъ доброжелательствовали, и для того лютость руки опустила, а они получили совершенную побѣды славу; смерть ихъ для нихъ сдѣлалась жизнію, а для непріятелей смертію. Въ плѣнъ свой привели многочисленные народы

и принудили ожесточеннѣйшихъ принести жертву простотѣ истины, а для того и досель, яко побѣдителей, прославляемъ и въ торжествахъ ихъ приедемъ радостнѣйшее участіе. Возникни же и ты главу свою, плодоносная Россія, и нечисли намъ побѣды свои, да возрадуются сынове твои. Врагъ христіанства, да и отъ всего рода человѣческаго за безчеловѣчіе ненавидимый, дерзнулъ обнажить мечъ свой противъ избранныхъ Божиихъ. Судія свѣта, взирая съ высоты небесъ на сіе позорище, взвѣсилъ на вѣсахъ Своего правосудія обѣ стороны и нашель одну легку, яко наполненную токмо суетою горячія опрометности, и несноснаго надменія; другая сторона оказалась предъ Нимъ имѣющею тяжесть справедливости, челоуѣколюбія и упованія на Него. И потому одной сторонѣ Онъ ниспослалъ благословеніе, другой изрекъ проклятіе.

Сіе не есть витійство словъ моихъ. Хотя судьбы Божія смертнымъ и непостижимы, но отъ событія своего онѣ познаваются. Мы уже имѣли удовольствіе видѣть различныя знаменія небеснаго благоволенія о воинствѣ нашемъ. Прежде нежели весна своею красотою начала увеселять очи наши, лавры побѣдъ изъ странъ восточныхъ для насъ процвѣтали, и вѣнцемъ славы главы побѣдителей неоднократно были увѣнчиваемы. Но нынѣ, о Царю царствующихъ! житель сѣвера торжествуетъ въ странахъ полудня и востока. Пелопонесъ и славный въ древности Лакедемонъ уже—подъ скипетромъ Россійскимъ; и полдень, страннымъ дѣйствіемъ Божественнаго Промысла, соединенъ съ сѣверомъ. Мѣста, гдѣ днесъ празднуемые Апостолы побѣдили нечестіе и насадили вѣру,—тамъ россиянинъ входитъ въ подвигъ Апостольскій,—тамъ нечестіе, наки возрастшее, истребляетъ и вѣрѣ утѣсняемой подаетъ свободу.

Возблагодумствуй, славная многими дѣлами Греція, и усердіемъ и вѣрою своею споспѣшествуй избавителямъ твоимъ. А вы, храбрые подвижники, любезные сограждане наши, вооружите себя вѣрою и добродѣтелию: изошряйте мечъ свой, прилѣпите упованіемъ ко Всемогущему и послѣдуйте Его руководству. Впрочемъ, благонадежно есть, что опрометчивость уступить благоразумію, безчиніе—порядку, наглость—челоуѣколюбію, нечестіе—благочестію. „Аще Богъ по насъ, кто на ны“ (Римл., 8, 31)?

Но, хотя бы и оскудѣла вѣра наша предъ лицомъ поклоняемаго нами Бога, Твои, Благочестивѣйшая Монархія, внутреннія жертвы, кои Ты тайно совершаешь въ сердцѣ своемъ,—сіи жертвы восходятъ на небеса и сильны склонить милосердое Существо къ откровенію Его судебъ во дни наши. Настоящее съ вѣроломнымъ непріятелемъ дѣйствіе вѣсть Всевѣдущій, знаетъ же и свѣтъ, откуда свое взяло начало. Утѣсенная неповинность, и многая вѣра, при конечномъ изнеможеніи своемъ, со всѣхъ сторонъ къ Тебѣ вошляи и простирали свои руки

узами обремененные. Благочестивая и человеколюбивая душа Твоя симъ пронзена до внутренности своей. Да и гдѣ же человеколюбіе можетъ болѣе найти своего дѣйствія? гдѣ и сила Россіи можетъ употреблена быть полезнѣе и славнѣе? И для того сіи побужденія благословилъ Вышній, дѣйствіе оружія Твоего вездѣ гремитъ, связанная свобода по малу начинаетъ развязывать свои узы; истомленный гласъ вѣры священной начинаетъ приходить въ силу и свободнѣе провозглашать величія Божія. И кажется, Управляя царствами человѣческими такъ располагаетъ все, что все намъ пріятствовать, все благое предвозвѣщать видится. Иди убо, Великая Государыня, во благодушнн путемъ Господнимъ и ревнуй быть Моисеемъ, изведшимъ Израиля изъ работы Фараона. Ставь избавительницей Россіи, не воспредай далѣе разливаться источнику славы Твоея: видно, судьба верховная сіе Тебѣ опредѣлила отъ дней вѣчныхъ. Потщись, да воспоютъ дщери Сіони соединенный востокъ съ сѣверомъ: „поймъ Господеви, славно бо прославися“ (Исход., 15, 1).

Но, воображая будущія торжества и славы, переходящія за наши предѣлы, обратимъ мысль и слово свое и на домашнее блаженство наше. Россія въ сей день во всемъ пространствѣ своемъ въ церковныхъ и домашнихъ собраніяхъ воспоминаетъ Твое, Благовѣрный Государь, сладчайшее имя, да не просто имя, но вкупѣ увеселяетъ себя и исчисленіемъ дарованій Твоихъ. Иной, сидя въ столицѣ градовъ отягощенъ лѣтами, сказываетъ младымъ дѣтямъ своимъ примѣченное имъ въ Тебѣ благоразуміе и просвѣщеніе и увѣщаетъ ихъ подражать Тебѣ. Другой близъ береговъ Каспійскихъ возвѣщаетъ Твое благочестіе, которое имѣлъ счастье зрѣть при Твоихъ упражненіяхъ вѣры. Иной въ покрытыхъ снѣгами странахъ проповѣдуетъ Твое снисхожденіе и благодѣтельную къ несчастливымъ склонность. Дражайшій Наслѣдникъ! таковыя о тебѣ примѣчанія суть столько же для Тебя обязательства не токмо утвердить ихъ истину, но и умножить дарованія. Сии сыновъ отечества о Тебѣ радованія суть столько же печати, приложенныя къ сердцу Твоему, дабы блюсти сіе сокровище и предохранить его отъ тлѣнія вѣка. Иди свободно, руководствуемый Промысломъ. Се, врата Господни отверзаются Тебѣ. люби вѣру, храни добродѣтель, ревнуй объ истинной славѣ, которая состоитъ въ благодѣтельствovanіи человѣческому роду. „Искушеній юныхъ блюдишь: держися же правды, вѣры, любви, мира со всѣми призывающими Господа отъ чистаго сердца, да совершенъ будещи Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ“ (2 Тим., 2, 22; 2 Тим., 3, 13).

Боже! судъ Твой Цареву даждь и правду Твою сыну Цареву. Возсіяй во днехъ ихъ правду и множество мира, дондеже отъимется луна. Аминь.

Слово при соверше́ніи молитвъ надъ гробомъ Петра Великаго, по причинѣ одержанной флотомъ Россійскимъ, надъ Оттоманскимъ флотомъ, въ Архипелагѣ, славной побѣды, 1770 г., іюня 24 дня *).

Если мужа праведнаго память должна быть съ похвалами, да и съ похвалами вѣчными, по словамъ Духа Святаго, то, собравшись въ сей священный храмъ, мы ничего прежде вообразить не можемъ, ни на что прежде съ большею похвалою языкъ нашъ не долженъ устремиться, какъ на основателя сего храма и царствующаго града сего, Петра, глаголю, именуемъ славнаго, дѣлами Великаго, истиннаго отца отечества нашего.

Но при семъ случаѣ, видя насъ, приготавливающихъ уже мужу сему сердечныя приношенія, и нами жертвы уже курящіяся, можетъ кто, удивившись, спросить: какая бы причина была, которая возбудила бы насъ къ нынѣшнему особливому прославленію мужа сего? ибо имя Его никогда въ забвеніи быть не можетъ. Аще мы умолчимъ, каменіе сіи возопіютъ; аще мы умолчимъ, возопіютъ о немъ стѣны града сего, безчисленные остатки дѣлъ и рукъ Его, ибо, на что ни обратимъ взоръ свой, все ему одолжено началомъ, все—плодь Его благоразумія и просвѣщенія. Онъ ввелъ въ отечество наше художества и науки; его рука открыла намъ завѣсу видѣть случаи свѣта и, проникая въ нихъ, предварять всѣ замыслы противныхъ. Его геройскій духъ привелъ воинство въ сіе состояніе, въ которомъ мы нынѣ видимъ его и радуемся, въ которомъ его нынѣ видитъ свѣтъ и удивляется; его десница открыла намъ сокровища земныя и насъ обогатила; его просвѣщенію сама Церковь признаетъ себя одолженною, ибо получила отъ него новое свѣтило. И сіе бо самое, что съ сего мѣста провозглашаетъ народу поученія, и сіе самое есть плодь его благоразумія; словомъ, все, что ни видимъ, что ни вообразимъ, Петръ или изобрѣлъ, или утвердилъ, или основалъ, или къ тому случаю подалъ.

При толикихъ его славныхъ дѣлахъ и великихъ одолженіяхъ отечеству, можетъ ли Россія столь забыть себя, чтобы Петрово имя всегда не прославлять и имъ при всякомъ случаѣ не увеселять себя?

Такъ что же возбудило насъ къ нынѣшнему особливому имени Его, прославленію?

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ Петро-Павловскомъ соборѣ 1770 г., сентября 25 дня.

На сей вопросъ любопытнаго отвѣтъ готовъ: Петръ Великій воскресъ, воскресъ въ великой преемницѣ своей—Екатериинѣ Второй, ибо не можетъ живѣе изображенъ быть характеръ Петрова Божественнаго духа, какъ онъ сіяетъ въ Монархинѣ нашей. Дѣла, коими нынѣ прославляется отечество наше, можно сказать, производить или воскресшій Петръ, или паче, вселившаяся въ Екатерину, Петрова душа.

Предоставивъ удобнѣйшему времени исчисленіе ихъ всѣхъ, коснемся хотя кратко нынѣшнихъ славныхъ военныхъ происшествій,— происшествій, которыя колеблютъ свѣтъ, а Россію заставляютъ лить слезы радости.

Удары, которыми сокрушаются рога гордой луны, уже слышны вездѣ по вселенной: воинство, Петромъ учрежденное, а Екатериною правимое, прослыло непобѣдимымъ. Всѣ страхи, которые могли бы поколебать смертнаго, суть для него токмо большее поощреніе къ мужеству. Каждое его движеніе дѣлаетъ новое торжество. Россіянинъ уже обыкъ не оставлять своихъ слѣдовъ, развѣ со славою,—и путь, гдѣ проходить, замѣчаетъ трофеями: ибо руки его—яко желѣзны, мышцы мѣдны, грудь адамантова, а душа геройская.

И для того не всегда можно и непріятелю нашему въ слабость причитать, что онъ противъ лица таковаго воинства стоять не можетъ и въ бѣгъ обращается: ибо иногда отъ мужественнаго и побѣдиму быть слава есть.

Но какъ бы то ни было, слава побѣдъ трубою своею непрестанно оглашаетъ уши наши: не успѣемъ, такъ сказать, окончить одно торжество, какъ надобно начинать другое. Новая вѣсть! какая?—извѣстная. Непріятель побѣжденъ, прогнанъ, россиянинъ торжествуетъ, получилъ величайшую добычу, завладѣлъ лагеремъ; да въ немъ же возсылаетъ Богу и благодарныя молебствія. Летать сюда знамена; и се—ихъ множество предъ очами нашими: знакъ мужества и слабости: слабости сопротивныхъ, храбрости воинства нашего.

Хотѣлъ бы я болѣе удержать слово свое въ сей пріятной матеріи, но, се, оно стремится къ другому не меньше пріятному, или и славнѣйшему предмету.

Помянувъ въ началѣ Петровы дѣла, мы прешли было молчаніемъ славнѣйшее изобрѣтеніе ума и тщанія его,—изобрѣтеніе ему единому свойственное,—изобрѣтеніе, какого и для него самого не было ничего пріятнѣе и вниманія его достойнѣе. Сіе изобрѣтеніе есть флотъ Россійскій. Извѣстно, что держава наша со всѣхъ сторонъ окружена морями, да и сосѣдями, кои владычествовали тѣми морями. Россіяне, по несчастію тогдашнихъ временъ, на сіе взирали невнимательнымъ окомъ: морское плаваніе имъ было не свѣдомо или и ужасно. И когда

мы, такимъ образомъ, дремали, недоброжелатели не безъ удовольствія внутренняго взирали на сіе и крайне опасались, чтобы не пробудились мы.

Сей нѣжный случай не могъ укрыться отъ бодрого ока Петрова. И что не возможно Монарху мудрому, тщательному и любимому народомъ своимъ? Божія судьба, которая уже положила прославить Россію, подала ему случай видѣть малый ботикъ, который хранится въ семь мѣстѣ и достоинъ бытъ храненъ вѣчно: отъ сего въ пространномъ Петровомъ умѣ родились великія мысли. Началъ созидать морскія плавающія крѣпости и составлялъ изъ нихъ великій Россійскій флотъ: великій не числомъ токмо кораблей, но великій и силою и славою, ибо въ своемъ, такъ сказать, младенчествѣ получилъ онъ уже побѣды надъ тѣми, которые давно превозносились сею славою.

Но возстань теперь, Великій Монархъ, отечества нашего отецъ! возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое; оно не истлѣло отъ времени, и слава его не помрачилась. Возстань и насладись плодами трудовъ твоихъ. Флотъ, тобою устроенный, уже—не на морѣ Балтійскомъ, не на морѣ Каспійскомъ, не на морѣ Черномъ, не на океанѣ Сѣверскомъ; но гдѣ?—онъ—на морѣ Медитерранскомъ, въ странахъ восточныхъ, въ Архипелагѣ, близъ стѣнъ Константинопольскихъ,—въ тѣхъ, то есть, мѣстахъ, куда ты нерѣдко обращалъ око свое и гордую намѣревалъ смирить Порту. О, какъ бы твое, Великій Петръ, сердце возрадовалось, если бы... Но слыши! мы тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ, слыши: флотъ твой въ Архипелагѣ, близъ береговъ Азійскихъ, до конца истребилъ Оттоманскій флотъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя, именовъ твоимъ наполняютъ весь востокъ и стремятся предъ стѣны Византійскія.

Симъ славнымъ происшествіемъ обрадовано отечество твое, а особливо Помазанница Господня, любезнѣйшая сродница твоя, по Божь сію побѣду твоему имени посвящаетъ, и насъ, чадъ своихъ, привела предъ лице блаженныхъ мощей твоихъ прославить имя твое; а въ имени твоёмъ прославить добродѣтель, въ добродѣтели же прославить Самого Бога. Услыши наши сіи къ тебѣ провозглашенія, или паче Ты, Господи Боже духомъ и всякія плоти, упокой въ нѣдрахъ твоихъ любезную намъ Петрову душу, и въ радости вѣчной благоволи чувствовать ей удовольствие и сего торжества.

Тебѣ же, Великая Монархня, столь благородно приписывающей Петрову имени славу нынѣшней побѣды,—славу, въ которой сама имѣешь наибольшее участіе; какія жертвы благодарности принесеть тебѣ отечество, и чѣмъ возвеличимъ мы имя твое? Твои наставленія были руководствомъ военнымъ твоимъ, и главною причиною побѣдъ ихъ.

Твои молитвы воздвигали вѣтры и обращали ихъ на лице сопротивныхъ. Слава твоя превознесенна; но она еще есть тѣмъ большая, что ты поставляешь славу свою не просто въ побѣдахъ; но—поелику онѣ доставляютъ благополучіе народу твоему. Мы, привѣтствуя тебя, Великая Государыня, съ таковымъ Вышняго о тебѣ благоволеніемъ, усердно молимъ Его же благодать, да оное вѣчно надъ тобою сохраняется.

Да возрадуется же и твое сердце, Благовѣрный Государь, высокопovelительный Генераль-Адмираль! Сіе торжество есть тебѣ свойственно: ибо оно сопряжено съ званіемъ порученнымъ тебѣ отъ Монархини. Радумся же и мы съ тобою, ибо надѣмся несумнѣнно, что ты снисканную славу не токмо сохранишь, но и умножишь. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„Пріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день люты и вся содѣявше стати“.

(Ефес., гл. 6, ст. 13).

Церковь Христова празднуетъ нынѣ день храбраго воина своего, который почелъ дражайшій залогъ вѣры своей больше, нежели собственную жизнь свою, и, ополчившись оружіями Божиими, мужественно сталъ противу тѣхъ, кои напрасно устремились на похищеніе онаго сокровища Его. Въ сей же день и Всероссийскій дражайшій Наслѣдникъ началъ теченіе жизни своей и вступилъ въ подвигъ противу всего того, что бы могло ему препятствовать въ полученіи побѣды надъ всѣми могущими случиться затрудненіями и искушеніями. О, день благословенный! день съ истиннымъ благоговѣніемъ и съ непритворною радостію празднованъ быть достойный! Россія! празднуй праздники твои и веселися въ торжествахъ своихъ. Церковь представляетъ тебѣ воиновъ духовныхъ. Виѣ предѣлъ твоихъ герои непобѣдимые сообщаютъ славу твою концамъ вселенной. Внутри возрастаетъ герой къ надежному сохраненію снисканной славы. Престоломъ твоимъ владѣчиваетъ мудростію Божественною просвѣщенная Монархиня и мать истинная отечества своего. Приидите, составимъ ликъ, вознесемъ имя Господне и, смѣшавъ насъ съ прочими смертными, отличимъ себя

*.) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1770 г., сентября 20 дня.

единымъ токмо симъ, что мы, пользуясь большею предъ прочими народами Божескою благодію, больше въ томъ оказываемъ предъ Нимъ признанія и благодарности. Принимаемъ,—по увѣщанію Апостольскому,—все оружія Божія; и если мы не можемъ или не имѣемъ случая стать таковыми героями, каковыми нынѣ прославляется Россія, такъ можемъ, да и должны, стать героями духовными, о каковыхъ намъ воспоминали нынѣ чтенное Евангеліе и Апостоль, и къ подражанію которыхъ днесъ праздуемый Великомученикъ возбуждаетъ насъ примѣромъ самого себя. А Ты, Утѣшителю благій, представь намъ трапезу слова и души алчущія правды напитай пищею безсмертною.

ПРИМИТЕ ВСЯ ОРУЖІЯ БОЖІЯ.

Оружія, коими представляетъ намъ Апостоль ополченнаго воина христіанскаго, суть истина, правда, миръ, вѣра, спасеніе, глаголь Божій. И нѣтъ сомнѣній, что Павелъ, при описаніи таковымъ образомъ подвижника Евангельскаго, представлялъ себѣ вооруженіе военное, ибо въ томъ же мѣстѣ онъ поминаетъ военный поясъ, броню, шлемъ, щитъ и мечъ. Извѣстно же, что сіи вооруженія были, а нѣкоторыя употребляются и нынѣ воинами.

На основаніи сего Апостольскаго разсужденія, „сдѣлаемъ мы сравненіе съ воиномъ подвижника Евангельскаго“, къ большому познанію превосходства обоихъ героевъ.

Помянутыми оружіями ополченный, воинъ, который имѣлъ и духъ мужественный и неустрашимый, и храбро подвизался противу непріятелей,—въ древности назывался героемъ, то есть, „полубогомъ“. Ибо хотя язычники, храня остатокъ почтенія къ закону, и стыдились вмѣщать всѣхъ таковыхъ въ число боговъ, но величество ихъ завоеваній и особенное мужество не дозволяли же и не отличать ихъ отъ другихъ людей.

Воинъ христіанскій, который вооруженъ исчисленными отъ Апостола оружіями и разумно и храбро дѣйствуетъ ими, по превосходству достоинъ имени героя, но на основаніи истиннаго богословія. Ибо онъ въ числѣ прочихъ людей, коихъ малодушіе держитъ подъ порабощеніемъ страсти, никакъ безъ обиды добродѣтели оставленъ быть не можетъ. „Лучше бо мужъ долготерпѣливъ,—по словамъ премудраго изъ царей,—паче крѣпкаго, удерживаяй же гнѣвъ паче вземляющаго вѣрадъ“ (Притч., 16, 32). Человѣкъ, который есть господинъ сердца своего, господинъ самого себя, есть тотъ, котораго благодать преобразила, и который есть участникъ Божественнаго естества, по онымъ словамъ апостола Петра: „Всѣ,—говоритъ онъ,—Божественныя силы поданы намъ познаніемъ призваншаго насъ славою и добродѣтелію, да сихъ ради

будете Божественнаго причастицы естества, отбѣгше, яже въ мірѣ, страстныя тли“ (2 Петр., 3—4).

Воинъ имѣеть нужду сражаться съ непріятелями, которые, завѣтъ любви и чести нарушивъ, ищутъ разорить отечество его, лишитъ вольности и поработитъ его согражданъ, отнять жизнь у неповинныхъ и, удовольствовавъ страсть, поставить свои трофеи на развалинахъ цвѣтущихъ градовъ любезнаго жилища его.

Герой христіанскій имѣеть непріятелей, страсти и пороки, которые всегда силятся нарушить покой душевный и, свергнувъ разумъ съ своего престола, дать всю силу своевольству и развращенію. Непритель страшный и опаснѣйшій: страшный, ибо, съ одной стороны, онъ всегда есть главная причина в самой вышней войны; опасный, ибо часто онъ ниже видѣ непріятеля имѣеть, но прикрывается именемъ домашняго нашего и пріятнаго сожителя.

Воинъ, чтобы отразить непріятельскую силу и всё его ухищренія сдѣлать тщетными, подѣмлетъ величайшій подвигъ: нѣтъ труда, который бы ослабилъ его; нѣтъ воображенія столь ужаснаго, которое утратило бы его; нѣтъ рода смерти, который поколебалъ бы его. Надобно поистинѣ, чтобы сила Вышняго управляла сердцами таковыхъ, и духъ Господа Саваоѳа ободрялъ мысли ихъ.

И герой христіанскій, чтобы ослабить силу страстей и получить побѣду надъ искушеніями, имѣеть нужду сносить величайшій подвигъ: ибо противъ сихъ непріятелей нѣтъ отдохновенія, они всегда воюютъ. И потому оружія изъ рукъ никогда выпускать не можно: никогда не можно дать мѣста слабости и нерадѣгію. При малѣйшей неосторожности земнородный уязвляется смертоносною стрѣлою, которая рана нѣисцѣлима, развѣ обжита будетъ горькими слезами покаянія.

Воинъ имѣеть различныя оружія, щиты, копія, мечи и прочія орудія, коими защищаетъ себя отъ нападеній непріятельскихъ, и тѣмъ ослабляетъ его силу, стремящуюся на отнятіе жизни.

И герой христіанскій имѣеть свои оружія, коими его вооружила рука всесіяльная. Оружіе истины, коимъ защищаетъ себя отъ лжи и клеветы; оружіе правды, коимъ умерщвляетъ зависть, гнѣвъ и корыстолюбіе; оружіе мира, коимъ поражаетъ безчеловѣчіе и лютость; оружіе вѣры, коимъ побѣждаетъ невѣріе, суевѣріе и распустность нравовъ; оружіе глагола Божія, которымъ отражаетъ суесловіе, словопрвнне и развратность міѣній.

Итакъ, сей герой (христіанскій) отовсюду безопасенъ, остается побѣдителемъ, торжествуетъ и поетъ пѣснь побѣдную. Если бы сіи оружія всегда были употребляемы, всякая другая брань престала бы; глубокій и безопасный миръ царствовалъ бы въ родѣ человѣческомъ.

Ибо, при соблюденіи добродѣтели, въ ея непорочности страсть молчать и не смѣть начать студнаго дѣйствія своего.

Воинъ проливаетъ кровь и приноситъ жизнь свою въ жертву вѣрѣ и отечеству. Жертва—самая богоугодная и славная, и всѣхъ ветхозаконныхъ жертвъ лучшая! Жертва подобная токмо Христовой жертвѣ, когда Спаситель, бывъ Самъ непороченъ и неповиненъ, предалъ дражайшую жизнь Свою за другихъ, ихъ же до конца возлюбилъ. Ибо, какъ нѣтъ для насъ дражае вѣры и отечества, такъ ничто не можетъ быть любезнѣе и почтеннѣе и жертвы, за нихъ приносимой. И потому безсумнительно можно вѣрить, что за вѣру и отечество положившіе животъ своей причитаются въ число святыхъ мучениковъ въ Церкви, на небесѣхъ торжествующей,—и что не столько мы имѣемъ нужду о нихъ молитвы приносить, сколько сами ихъ молитвъ требовать.

Герой христіанскій жертвуетъ также самимъ собою и жизнью своею добродѣтели и благочестію. Ибо онъ лучше предасть жизнь свою на всякій родъ смерти, нежели захочетъ остаться явнымъ нарушителемъ вѣчной, божеской правды. Жертва велика и священнѣйшая, и основаніе всѣхъ жертвъ. Ибо жертва героя военнаго постолику есть любезна и почтенна, поелику добродѣтель сердце героя располагаетъ и поелику война для того и предприимается, чтобы неправду постыдить, а правдѣ торжество доставить. И для того не безъ великаго основанія апост. Павелъ жертву добродѣтели назвалъ „дополненіемъ жертвы Христовой“ (Колосс., I, 24). Изъ числа таковыхъ героевъ есть нынѣ празднуемый Великомученикъ, который съ женою своею и младыми дѣтьми не утратился жесточайшей смерти. Ибо вверженъ былъ въ разженнаго мѣднаго вола: о ужасъ! а для чего?—чтобы соблюсти любовь къ Тому, Который далъ ему дыханіе и способность любить,—чтобы не нарушить обязательства вѣчнаго закона, сильно обязанною которымъ почитаетъ себя всякая честная душа.

Воинъ, полученіемъ побѣды надъ непріателемъ, снискиваетъ славу и благополучіе своему отечеству: ибо доставляетъ ему твердый и полезный миръ,—предѣлы его отъ всѣхъ нападений дѣлаетъ безопасными, а тѣмъ самымъ приноситъ покой и изобиліе всѣмъ состояніямъ государства.

Герой христіанскій, торжествуя надъ порокомъ и вознося рогъ добродѣтели, есть красота Церкви, утвержденіе общества, подпора законовъ. Ибо мужъ добродѣтельный созидаетъ общество и Церковь своимъ полезнѣйшимъ примѣромъ, и незаконнымъ не даетъ ослабить силу законовъ Божескихъ и гражданскихъ. Почему, еслибы таковыхъ по несчастію въ родѣ человѣческомъ не было, законы остались бы поправы, и общества потряслись бы въ своихъ основаніяхъ.

Воинъ, входя во всё вышеупомянутые подвиги и предавая себя смертнымъ страхамъ, воображаетъ награжденія, которыми онъ можетъ на время пользоваться, и то если судьба предохранить жизнь его: представляетъ безсмертіе своего имени тогда, когда снѣ самъ имѣеть быть покрытъ мракомъ смерти.

Герой христіанскій и о побѣдахъ своихъ не воображаетъ, но свѣтлымъ окомъ вѣры усматриваетъ вѣчную славу, безсмертіе истинное, не имени своего токмо, но и самого себя, неокончаемое съ Богомъ и съ ангелами торжество, съ провозглашеніемъ оной пѣсни побѣдной: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ: полны суть небеса и земля славы Его“. Ибо онъ увѣренъ Духомъ Святымъ, что, по разрѣшеніи отъ здѣшней жизни, наслѣдитъ небо и имѣеть приступитъ къ горѣ Сіонстѣй и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, къ торжеству и церкви переводныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и къ Судіи всѣхъ Богу, и къ духамъ праведниковъ совершенныхъ. Сіе утверждая, Павелъ велегласно вопіеть: мы, христіане, течемъ небезвѣстно: „мы подвизаемся, не яко воздухъ бѣ“ (1 Кор., 9, 26). Ибо и текущіи въ позорищи не безъ награжденія остаются, но съ тѣмъ различіемъ, что они убо текутъ, да примуть вѣнецъ истлѣнень; мы же—неистлѣнень. О! если бы и герои военные не воображали сихъ вѣнцовъ, то должно бы или расслабнуть, или отъ насъ быть оплакиваны, что только страдали бы безъ всякаго упованія о будущихъ за то воздаяніяхъ.

Итакъ, благословенные христіане, видѣли ли вы превосходство и славу свою? Ибо въ лицѣ героя христіанскаго описаны вы сами. Что можетъ быть величественіе такого героя? что любезнѣе? что славнѣе сего зрѣлища, на которомъ воинствуетъ подвижникъ евангельскій? Побѣдитель народовъ нерѣдко бываетъ невольникомъ и плѣнникомъ своихъ страстей и тѣмъ помрачаетъ всю славу свою; но вѣнецъ героя христіанскаго предохраняетъ добродѣтель отъ всякаго тлѣнія, и увянуть ему не допускаетъ.

Такое геройство должно быть для насъ тѣмъ любезнѣе, что колесница славы его никому не возбранена: всѣмъ открыта—и мужамъ и женамъ, и знатнымъ, и простымъ, и воинамъ, и земледѣльцамъ, и ученымъ, и неученымъ, и богатымъ, и убогимъ, и старымъ, и младымъ: всѣ могутъ торжествовать на колесницѣ сей, всѣ могутъ быть участниками сей славы.

Такъ вы, души слабыя и ползающія, которыя, можетъ быть, дивитесь самъ торжествамъ, а получить ихъ честолюбія не имѣете, — вы, которыя безъ сопротивленія уступаете другимъ вѣнцы безсмертныя, только чтобы отъ васъ никто не требоваль отчета въ вашей слабости,

и чтобы могли вы свободно поступать по первымъ движеніямъ вашихъ склонностей, — вы таковыя, выведите себя изъ обмана. Вы всѣ призваны къ сему геройству, нѣтъ срединъ въ пунктѣ семъ: надобно или покрыту быть стыдомъ и безчестіемъ съ слабыми, или быть увѣчанну славою съ героями.

Если же геройство христіанское въ себѣ заключаетъ толикое превосходство и славу, что, кажется, ничего нельзя вообразить величественнѣе, то что уже надобно сказать о тѣхъ, которые имѣли бы счастье, или паче особенное благословеніе Божіе соединить оба геройства въ единомъ своемъ лицѣ, прославиться героемъ и военнымъ и христіанскимъ, — которые имѣли бы мужество побѣдить непріятели и порокъ, и вкупѣ торжествовать надъ обоими, и вкупѣ превозноситься вѣнцемъ славы видимымъ и нетлѣннымъ? О, сіяніе славы лучей солнечныхъ блистательнѣйшее! О, блаженство, больше какого человѣкъ ни желать, ни вмѣстить не можетъ!

Но нѣтъ ли таковыхъ возвеличенныхъ Богомъ мужей въ нѣдрахъ отечества нашего, въ числѣ чадъ Православной нашей Церкви? Господи Боже, Покровителю нашъ! мы должны принести Тебѣ исповѣданіе въ часть сей: ибо во всю землю изыде вѣщаніе о мужествѣ воиновъ нашихъ, и въ концы вселенныя слава побѣдъ ихъ. Храбрости ихъ дивятся поля и горы, неустрашимость же ихъ провозглашаютъ волны морскія да и причиною сей храбрости ихъ не суть слѣпая отвага, или оказаніе вѣрности тѣлесной, или чаяніе токмо награжденія и добычъ. Нѣтъ, сіи причины для нихъ малы и низки; ихъ мужество основано на добродѣтели: причиною храбрости ихъ и нещадѣнія жизни были и суть любовь къ своему отечеству, сохраненіе вѣрности къ своему государю, усердіе къ своему закону и чаяніе получить вѣнецъ нетлѣнный отъ руки праведнаго Судіи—Бога. По симъ праведнымъ и святымъ основаніямъ кто не почтетъ ихъ въ числѣ героевъ и военныхъ и христіанскихъ? кто не почтетъ ихъ быть изъ числа тѣхъ подвижниковъ, которые, по словамъ Апостольскимъ, „побѣдиша царствія, быша крѣпцы во бранѣхъ“, но коихъ, впрочемъ, по добродѣтели „не бѣ достоинъ весь міръ“? (Евр., 11, 33, 34, 38).

О таковыхъ герояхъ отечество наше, нынѣ радуясь и съ ними вкупѣ торжествуя, прежде всего обращаетъ мысль и очи свои на Твое всепресвѣтлѣйшее лице, великая героиня, Всемилостивѣйшая Государыня наша: ибо Духъ Святой начерталь всѣ виды геройства въ Твоей душѣ, и намъ ихъ открываетъ, яко чрезъ свѣтлое зеркало, чрезъ дѣла Твои.

Великодушіе, съ которымъ проходишь трудный подвигъ царствованія, жертвуя всѣмъ покоемъ своимъ благополучію народа своего,

есть несомнительное знаменіе мужественной души. Просвѣщеніе, коимъ озаряетъ Тя Отець свѣтовъ, въ предпріятіи начинаій важнѣйшихъ, вмѣстѣ же отечеству славныхъ и полезныхъ, есть ясное доказательство великаго духа Твоего. Всегдашнее Твое тщаніе, чтобы добродѣтель во всѣхъ сердцахъ владычествовала, а порокъ и страсть были бы попораны и презрѣнны, есть свойство героя христіанскаго. Сіи-то мужественныя Твои дѣла суть истинное одушевленіе оныхъ подвиговъ, коими нынѣ торжествуетъ воинство Твои: ибо примѣръ героя, въ дѣйствіяхъ Твоихъ изображаемый, налагаетъ на нихъ необходимость быть мужественными. Ты духомъ своимъ предводительствуешь ихъ, Ты вкупѣ съ ними, или паче всѣхъ ихъ, труды и страхи военные въ сердцахъ своемъ сносишь; почему если что остается къ славѣ ихъ, то сіе, что они суть достойныя орудія геройства Твоего. Но можемъ ли мы при семъ умолчать, что во время военныхъ звуковъ и страшныхъ для непріятели пораженій, отечество, мудростію Твоею управляемое, внутри тихо и спокойно, не иначе, какъ бы во время глубочайшаго мира: зданія къ украшенію государства совершаются, правосудіе течетъ своимъ порядкомъ, гласы церковныя свѣтло провозглашаютъ, мореплаваніе въ своемъ состояніи, земледѣліе ничѣмъ не обезкоено. И думать можно, что въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ владѣнія Твоего суть такіе, кои въ простотѣ своей начертаютъ, какъ Архимедъ, по землѣ бразды, не слыша о военныхъ происшествіяхъ, какъ оный мудрецъ о взятіи своего города, и развѣ громкогласящею трубою побѣды пробуждаются отъ сладкаго покоя своего къ пріятному торжеству. Признавая Тебя, Августѣйшая Монархія, виновницей таковаго нашего благополучія, при благодарномъ нашемъ признаніи обращаемся къ Вышнему, управляющему Тобою и царствомъ Твоимъ, да укрѣпитъ Онъ десницу Твою на враги видимые и невидимые, да утвердитъ престолъ Твой, яко днѣ неба, и сію золотую отрасль Твою да возвращаетъ предъ лицомъ Твоимъ, напоая Его изобильною струею добродѣтелей Твоихъ.

А Ты, Пресвѣтлѣйшій Государь, Наслѣдникъ, дражайшій виновникъ нынѣшняго нашего торжества, благоволи вникнуть въ сіе наше разсужденіе о геройствѣ. Ты рожденъ отъ героини: духъ ея одушевляетъ Тебя; и уже многіе знаки довольно увѣряютъ насъ, что Ты расположенъ къ мужеству,—что Ты при всякихъ случаяхъ являешь храбрость, достойную особы Твоей. Но отъ просвѣщенія Твоего не сокрыто есть и сіе, что прежде, нежели приступить къ оному мужеству, должно стать героемъ христіанскимъ, ополчиться противъ порока, попорать страсть, возложить узду разума на склонности свои и не допустить никакимъ искушеніямъ ослабить духа своего: ибо безъ сего оное геройство есть токмо мрмное, безъ сего всякая другая храбрость бѣдственна и опасна.

Прими убо вся оружія Божія, препояши чресла Твои истинною и просвѣщеніемъ: расположи теченіе Твое, дабы оно клонилось къ чловѣколюбію и благодѣтельству: ополчись мечемъ глагола Божія — любовію къ Богу и закону Его, и имъ отражай всякое возстающее искушеніе. Храбръ и непобѣдимъ есть таковой герой! Симъ-то образомъ возможши противитися въ день лютъ, то есть, во время юности, обыкшей свирѣпствовать страстями; симъ образомъ спокойно, славно и свято долгое поживеши время, и приложатся Тебѣ лѣта живота.

О, управляяй царствами чловѣческими, Боже, призрѣвъ на усердный, къ Тебѣ вошющій, гласъ Россіи, сохрани для блаженства нашего сихъ дражайшихъ особъ и тѣмъ утверди слово Твое, яко всякъ, уповаая на Тя, не постыдится. Аминь.

Увѣщательное посланіе ко градамъ Тверской паствы, по посвященіи во Архіепископа на Тверскую епархію, октября 10 дня 1770 года.

Богоспасаемая Тверскія паствы Богохранимымъ градомъ Твери, Кашину, Торжку, Старицѣ, Ржеву, Зубцову и Осташкову, и всякой веси и живущимъ православнымъ христіанамъ, всякаго чина и состоянія, возлюбленнымъ Богу, благодать и любы и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, Отецъ щедротъ, и Богъ всякія утѣхи, иже по многѣи Своей милости, дѣйствіемъ Помазанницы Своея, Благочестивѣйшія Самодержицы нашея, избралъ мене, аще и недостойнаго, къ подыятію ига Евангельскаго и къ прохожденію званія Архіерейскаго, пасти Церковь, кровію Его искупленную, и именовъ Его запечатлѣнныхъ управляти Божественнымъ словомъ на всякое дѣло благое, приуготовляя чрезъ оное къ пристанищу спасенія вѣчнаго. Того ради воображая и чувствуя сей долгъ мой, во-первыхъ, благодарю Божественному Промыслу, тако о мнѣ благоволившему, и молю благость Его, да поможетъ мнѣ соотвѣтствовать святому Его званію и соблюсти благодать Архіерейства въ чистотѣ совѣсти. При семъ васъ, любезнѣйшая врученная мнѣ паства, привѣтствую духомъ моимъ и желаю пастырски, да благословеніе Божіе всегда будетъ надъ всѣми вами; притомъ молю, да всякъ изъ васъ въ должности, въ каковую призванъ кто отъ Бога, пребываетъ радѣтельно, честно и богоугодно. Священники! имѣйте попеченіе о врученныхъ вамъ христіанскихъ душахъ, наставляйте ихъ ученіемъ слова Божія, и въ самихъ себѣ показывайте добраго житія примѣръ: ибо горе тому, иже взялъ ключъ

разумѣнія, но ни самъ не входитъ въ двери царскія и другихъ не вводитъ. Монахи! обѣщаніе свое храните въ воздержаніи и цѣломудріи, и въ житіи своемъ представьте образецъ христіанскія святости. Господа! родительское попеченіе прилагайте о подчиненныхъ вамъ, и своимъ благо-разумнымъ и челоувѣколюбивымъ правленіемъ снискивайте имъ благо-получіе и временное и вѣчное, намятуя, яко и вы сами Господа имате на небесѣхъ. Раби! повинуйтеся своимъ господамъ и ихъ возлюбите, яко же дѣтямъ любити отца подобаетъ, работающе, не аки предъ очами челоувѣческими, но аки предъ очами Самого Бога. Судіи! сохраните правду и судите великому и малому безъ лицепріятія, охраняя себя отъ всякія страсти и мздоимства, яко судъ Божій есть. Подчиненные судіямъ! не будите мстительны и сварливы: любовію христіанскою снисходите къ немощамъ братій вашихъ и побѣждайте благимъ злое, ибо симъ образомъ не токмо себѣ, но и обществу покой пріобрѣтаете, и поставленныхъ надъ вами судей отъ многихъ затрудненій и безпо-койствъ избавите. Родители! имѣйте попеченіе о добромъ воспитаніи дѣ-тей вашихъ, наставляйте ихъ въ законѣ Господни, не соблазняйте мла-дья души ихъ худыми примѣрами поступковъ своихъ, а паче ко всякой честности ихъ пріуготовляйте добрыми и разумными своими нравами. Дѣти! любите и почитайте родителей своихъ; наставленія ихъ храните въ сердцѣ своемъ и въ старости не оставляйте праведно снабдѣвать ихъ. Куницы! служите обществу честнымъ своимъ трудомъ, и отъ лжи и неправды себя охраняйте, вѣдая, яко самый большій прибытокъ есть благочестіе съ довольствомъ, а не со излишествомъ. Земледѣльцы и художники! пребывайте въ благословенномъ трудѣ своемъ и блюдитесь отъ всякаго обмана и развращенія, и молитвою своею къ Богу приобѣ-гать не забывайте. Всѣхъ же православныхъ христіанъ, всякаго чина и состоянія, молю: препровождайте жизнь свою, яко же прилично бла-гочестивымъ христіанамъ и честнымъ гражданамъ, да цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще бла-женнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Ісуса Христа. Отторгающихся же отъ соединенія православныхъ нашея Церкви, и недугомъ раскола немоществующихъ да обратитъ милосердый Господь къ соединенію, да вкупѣ съ нами едиными усты и единымъ сердцемъ, въ союзѣ любви и согласія, прославяютъ Бога Отца и Господа нашего Ісуса Христа со Святымъ Духомъ. Наконецъ, смиренно всѣхъ прошу и о мнѣ недостойномъ пастырѣ вашемъ приносить Богу свои молитвы, да поможетъ мнѣ вседѣйствующая благодать Его безпреткно-венно и радостно проходить званіе мое, къ славѣ Его Божественной, къ созиданію св. Церкви, къ благоустроенію общества и къ удоволь-ствію всѣхъ васъ. Благодать Божія да пребудетъ со всѣми вами. Аминь.

Слово на Новый, 1771 годъ. *)

„Се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія.“

При вшествіи нашемъ въ торжественныя врата новаго года, се открывается пространная матерія къ духовному любомудрію нашему. Новый годъ насталь! Боже вѣчный! благослови начало теченія нашего и теченія всѣхъ тварей. Новый годъ насталь! и мы стали въ срединѣ прешедшихъ и вновь и открываемыхъ Божиихъ благодѣяній. Къ чему убо паче слово наше обратимъ, слушатели?—къ исчисленію ли оказанныхъ надъ нами въ прошедшее время Божескихъ щедротъ и благословеній, дабы симъ возбудить намъ самихъ себя къ благодарности,—или къ размышленію объ открываемыхъ вновь и чаемыхъ Его же благодѣяній, дабы чрезъ то утвердить намъ сердце свое упованіемъ на Него и расположить оное любовію къ Нему? Ибо если обратимъ мы взоръ свой на прошедшее время, видимъ, что въ ономъ всякій день, часъ и минута замѣчены особливымъ каковымъ-либо Божиимъ благословеніемъ, и сіе одоужаетъ насъ быть благодарными. Воззрیمъ ли въ будущее?—и се блистаетъ намъ благоприятная заря, изводящая солнце благо міромъ правящаго Промысла, а сіе велитъ намъ несомнительную и впредь полагать надежду на Него. Такъ вмѣстимъ же въ разсужденіе наше оба сіи важныя пункта, и примемъ на себя, хотя краткимъ словомъ, „изъяснить благодѣянія Божіи, оказанныя вообще надъ всѣми нами“: ибо зѣло радостно человѣку исчислять свои счастливыя успѣхи, да и впредь надѣяться того же.

Мы, любезныя граждана, соединены однимъ союзомъ общества, едино любезное отечество объемлетъ насъ, мы обитаемъ подъ крылами пространной и преславной Россіи. Почему, если какое благодѣяніе съ небесъ изливается на отечество наше, мы всѣ бываемъ участниками того, капли сей небесной росы орошаютъ всѣхъ насъ. Слѣдовательно, и проповѣдать благость сію надобно такъ, какъ бы уста всѣхъ россиянь были соединены воедино.

Благополучіе общества тогда есть въ своемъ полномъ совершенствѣ, когда оно внутри благоучреждено, а внѣ безопасно. Благоучрежденіе внутреннее основывается на премудрости, правосудіи и чело-вѣколюбіи правящихъ обществомъ и проистекающихъ отъ престола ихъ законовъ. Ибо никто не можетъ сумнѣться, чтобы народъ не про-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества.

цвѣталъ тамъ, гдѣ сіи добродѣтели и прямо разумѣются, и безпрепятственно дѣйствуютъ и благоразсудительно употребляются.

Отечество наше, хотя было управляемо и всегда сими добродѣтелями, почему до толикаго величества и славы и могло оно возрасти; но если возрастающимъ совершенствамъ отъ судьбы положенъ каковый предѣлъ, то можно не безъ вѣроятности заключить, что мы, съ благословеніемъ Вышняго, нынѣ достигли онаго. Нашъ вѣкъ есть вѣкъ просвѣщенія, — вѣкъ, который славу предковъ нашихъ возносить, потомкамъ же приуготовляетъ зѣло богатое наслѣдство.

Законы, сія душа благоучрежденія внутренняго, вѣдаете, съ великимъ раченіемъ и мудростію приводятся нынѣ въ совершенство, и сколь отличный видъ и красоту приѣмлютъ на себя; и для того мы имѣемъ нынѣ удовольствіе видѣть въ божественной оградѣ отечества нашего правосудіе въ лучшемъ порядкѣ. Ибо безпристрастный судія созерцаетъ уже исходящія узаконенія въ большей ясности и, находя оныя сходственными съ человѣчествомъ и собственнымъ благоразуміемъ любезнѣе приѣмлетъ и охотнѣе исполняетъ ихъ, страстный же судія поражается оною же свѣтлостію и не находитъ, подъ какимъ бы видомъ страсть свою могъ скрыть.

Правда, нельзя сказать, чтобы не было и такихъ, изъ которыхъ одни не столь счастливы понятіемъ, другіе къ удовольствію слабости и и страсти своей изыскиваютъ всякіе способы. Но первые, благонадежно есть, что просвѣтятся, въ школѣ мудрости, Монархиною учрежденной, другіе отъ часу больше будутъ находить счастливыхъ для себя препятствій. Впрочемъ, едва ли намъ смертнымъ того и желать возможно, чтобы не осталось и малѣйшихъ слѣдовъ порока. Великое есть человѣческое блаженство и совершенство общества, когда превосходить перевѣсъ добродѣтели: ибо тогда уже и самыя недостатки очень благовременно служатъ къ большому открытію славы добродѣтели.

При наблюденіи же правосудія, не позабыто въ наказаніи не столь стремиться къ истребленію преступника несчастливаго, сколь къ истребленію порока, и строгость суда растворять такою умѣренностью, чтобы изъ того была отвращена и общая опасность, и самому согрѣшившему данъ былъ случай и способъ заживить свою рану. Ибо никогда, понятіемъ, правительство не заключало въ себѣ столь обильно попечительнаго и человѣколюбиваго духа. Нынѣ согрѣшившій не столь, можетъ быть, бояться наказанія, какъ собственнаго суда совѣсти своей, каковый судъ отворила нынѣ царствующая Премудрость. Ибо всякъ лучше наученъ понимать честность, и яснѣе открыты безобразныя и вредныя слѣдствія порока, коихъ согрѣшившій не зная, или зная несо-

вершенно, и при самомъ наказаніи больше, можетъ быть, осуждаетъ своего судію, нежели самого себя. Нынѣ гласъ закона есть единъ съ онымъ гласомъ Апостольскимъ: „Хощеши ли не бояться власти? благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него“ (Римл., 13, 3).

При такомъ разливающимся повсюду просвѣщеніи, и начинающимъ всѣмъ познавать истинную силу честности и благородства нѣтъ сомнѣнія, что туманъ низкаго духа тѣмъ больше будетъ опадать, чѣмъ больше ясные лучи просвѣщенія стануть восходить на горизонтѣ нашемъ. Пусть токмо всякъ ревностно упражняется въ богодухновенной книгѣ, которая нынѣ подана отъ престола къ сочиненію законовъ: въ ней найдетъ просвѣщеніе истинное, человѣколюбимъ одушевленное и украшенное не токмо неложнымъ поаятіемъ общей пользы, но и ревностнымъ попеченіемъ о той же пользѣ.

Гдѣ—тотъ безцѣнный ковчегъ, въ который Великій Александръ хотѣлъ положить Гомерову Илиадѣ, чтобы въ немъ съ благоговѣніемъ положено было сіе наставленіе, яко сокровище премудрости? Но не можетъ быть для него ковчега драгоцѣннѣе, какъ сердце наше: въ немъ хранить оное должны мы, не столь для прославленія онаго, какъ для пользы своей, ибо его слава состоитъ въ пользѣ нашей.

Хотѣлъ бы я пространнѣе изъяснить, какое новое просвѣщеніе возсіяло въ мысляхъ нашихъ, но излишне витійствовать словомъ тамъ, гдѣ свидѣтельствуется самое дѣло. Вы, любезные сограждане, вы и собственнымъ признаніемъ, и чувствованіемъ сладкихъ плодовъ благословеннаго правленія утверждаете слово наше. Который гласъ Россія нынѣ произноситъ громче, какъ не сей, что она съ радостію взираетъ на, возсіявшее и ее просвѣщающее, новое свѣтило? когда благополучіе отечества нашего и слава его восходили до толикой степени?

Земледѣліе не только не препятствуется, но и прилагается стараніе о размноженіи онаго нарочно учрежденнымъ обществомъ. Коммерція процвѣтаетъ и, чтобы она еще паче свое имѣла дѣйствіе, такъ же не оставлено имѣть о томъ особое попеченіе. Мздоимство отъ судовъ столь далеко отогнано, что если бы кто онымъ нынѣ опорочить себя еще не стыдился, то по крайней мѣрѣ ищетъ коварнѣйшихъ и сокровеннѣйшихъ способовъ, слѣдовательно, уже и много сдѣлано, когда причинено столь великое затрудненіе страсти. Училища при такихъ обстоятельствахъ не могутъ быть не въ почтеніи, ибо открыта стала настоящая цѣна ученія. Но и Церковь Божія не осталась въ общемъ всѣхъ благосостояніи, чтобы не имѣть въ томъ счастливаго для себя участія: ибо суевѣрство обезсилено, но истинное благочестіе возноситъ свою главу, и спокойство производитъ въ честныхъ душахъ плоды свои. Къ чести же закона и временъ нашихъ и то да будетъ

сказано, что имѣнія, посвященныя Церкви, такъ распоряжены, что вмѣстѣ служатъ и украшеніемъ алтарю, и къ довольному, а, притомъ, къ спокойному и беззазрительному содержанію служителей святилища.

О другихъ же учрежденіяхъ не безъ затрудненія великаго было бы, если бы мы отважились подробно изъяснить объ оныхъ. Оное, поистинѣ, родительское попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ и несчастливыхъ сиротъ, и учрежденныя мѣста для воспитанія сами собою вопіють, и заставляютъ тѣхъ призрѣнныхъ удивляться, что ихъ несчастливый рокъ сдѣлался случаемъ къ ихъ спасенію. Не должно же къ похвалѣ нынѣшняго времени молчаніемъ перейти и то, что и въ самыхъ домашнихъ расположеніяхъ примѣчается иной уже, лучшей порядокъ, ибо уменьшена суровость, и больше взяло власти человѣколюбіе: ибо, благоразумно ослабляя непомѣрные узы рабства, больше дозволяется дѣйствовать совѣсти. Да и въ обхожденіяхъ житейскихъ суета гордости и пустой пышности вдругъ, не знаю какъ, исчезла. У вышнихъ съ нижними обхожденіе стало ласковѣе, возвышенная бровь на всѣхъ стала взирать снисходительнѣе, подчиненный начальнику не дрожа изъясняетъ мысли свои, и отличныя достоинства степени не стали мѣшать почитать другихъ человѣками и братіями.

Все сіе, какъ оно сказано по безпристрастному признанію, и по свидѣтельству отъ самыхъ дѣлъ, не есть ли яснѣйшее доказательство внутренняго благоучрежденія отечества нашего? не громко ли всякой трубы проповѣдуетъ не намъ токмо, но и всѣмъ окрестнымъ народамъ, что мы живемъ въ золотомъ вѣкѣ? Како убо не признаемъ собственное блаженство наше? слѣдовательно, какъ не воспоемъ Богу, благодѣющему намъ и не вознесемъ во гласъ радостномъ и въ духъ благодарномъ щедроты Вышняго, благословляющаго Ресеню?

Но какъ въ началѣ рѣчи нами сказано, что благополучіе общества требуетъ, дабы оно не токмо внутри было благоучреждено, но и внѣ безопасно, то послѣдованіе слова требуетъ нѣсколько сказать и о семь. Ибо не довольно, чтобы вертоградъ былъ изрядно расположенъ и обогащенъ всякими плодами: ему надобно быть защищенну и крѣпкою оградою, дабы не былъ онъ подверженъ расхищенію хищныхъ звѣрей и птицъ.

Внѣшняя безопасность состоитъ въ порядкѣ, мужествѣ и вѣрности воинства: ибо они есть надежное забрало отечества и твердая преграда всякому, напрасно стремящемуся нарушить покой общій.

Доказывать, сколь надежна есть сія почтенная оборона наша, при другомъ положеніи обстоятельствъ, можетъ быть нѣсколько открылось бы затрудненій, или доказательства могли бы показаться не такъ ясны, но въ нынѣшнее время, когда слава оружія нашего гремитъ

вездѣ по вселенной, когда непріятель раскаявается о своей дерзости, когда лавровыя вѣнцы побѣды процвѣтають въ самой своей силѣ, — ить удобнѣе и пріятнѣе разсужденія о сей матеріи.

Но что мы прежде начнемъ исчислять изъ счастливыхъ дѣйствій оружія нашего? Ибо виды и побѣды мужества воиновъ нашихъ суть многоразличны и потому многочисленны. Здѣсь видимъ, что Днѣстръ взялъ нашу сторону, и, которые хотѣли скрыться отъ побѣждающаго героя, бѣгство тѣхъ удержала водная стихія и принудила покориться побѣдителяю. Тамъ слышимъ, что Хотинъ, возгнушавшись своими нечеловѣколюбивыми облатателями, поразивъ ихъ страхомъ, выгналъ изъ стѣнъ своихъ и отдалъ себя въ руки россіянину, могущему лучше управлять человѣческимъ родомъ. Тамъ Яссы и Бухарестъ, противъ обычая плѣняемыхъ, встрѣчаютъ мнимыхъ своихъ непріятелей съ распростертыми дланями и въ плѣнѣ своемъ находятъ все счастье свое. А вы, Ларга, Кагуль и Дунай, останетесь вѣчными монументами храбрости россіянь. Ибо вы были свидѣтелями тѣхъ поражений непріятеля, отъ которыхъ онъ доселѣ отдохнуть не можетъ и, съ умиленіемъ взирая на собранные остатки свои, если что находить къ утѣшенію, то сіе, что имѣлъ счастье быть побѣдимъ отъ героевъ, прославленныхъ не больше мужествомъ, какъ и человѣколюбіемъ.

Оставалось было нѣкоторое затрудненіе воину нашему при воеваніи не столь съ непріятелемъ, сколь съ натурою, съ Бендерскими мѣстами, то-есть, натурою укрѣпленными. Но и сіе послужило токмо къ изведенію въ ясный день безпримѣрной храбрости воиновъ нашихъ. Безпримѣрной, говорю, ибо дѣлать споръ, кому предпочтительнѣе занять мѣсто на стѣнѣ въ виду всѣми образы вооруженнаго непріятеля, дѣлать споръ въ семь случаѣ, представлять на то свои права, нѣкоторымъ образомъ жаловаться и принудить предводителя такъ любезно, но странно спорящихъ, примирять и изыскивать способы ко взаимному ихъ удовольствію, — сіе если не безпримѣрно, то по крайней мѣрѣ таково, что никогда большаго по мужеству примѣра никто не показывалъ и показать не можетъ. Итакъ, Бендеры покрыты торжествующими трофеями Россіи. Великій Петръ! Ты имѣлъ мужество побѣдить храбраго и непримиримаго сѣвернаго непріятеля; теперь и самое то мѣсто, гдѣ онъ находилъ послѣднее себѣ убѣжище и откуда бросалъ свои замахи, чтобы воспрепятствовать тебѣ совершенно побѣдить нынѣшнихъ непріятелей нашихъ, и самое сіе мѣсто счастливая судьба вручила потомкамъ твоимъ. Не довольно ли уже сего къ славѣ мужества воинства нашего? — Нѣтъ! О, предпріятіе славное и примѣра въ исторіи не имѣющее! Когда непріятель былъ занятъ оными поражениями, и токмо обращалъ изумленный взоръ свой на сію сторону, въ то самое время,

противъ его и всѣхъ чаянїя, россійскій флотъ изъ глубочайшаго сѣвера, обзрѣвъ вокругъ берега Европы, прилетѣлъ на востокъ и тотчасъ открылъ владычество свое въ Архипелагѣ. Агаряннѣвъ сталъ въ изумленїи, пораженъ однимъ видомъ героевъ, и, въ такомъ будучи несостояннїи, думалъ найги спасенїе тамъ, гдѣ его постигла судьба несчастливая. Ибо, какъ явное было благоволенїе небесное о нашихъ герояхъ, то бездна и пламень соединились къ погибели непріятельской и всѣхъ орудїй его.

Присемъ, не должно оставить безъ примѣчанїя, что если бы герои наши взошли въ тѣ отдаленнѣйшія мѣста, токмо, чтобы воевать и открыть свѣту мужество свое, и сіе не было бы противъ обычая народовъ. Но зри совсѣмъ отличную картину: народъ, тамъ обитающїй, прїемлетъ ихъ за своихъ избавителей и спасителей, да что говорю: „тамъ?“—россіяннѣвъ еще доселѣ не вступалъ нкуда, чтобы отъ обитателей той земли прежде онъ ожидаемъ не былъ и не встрѣчаемъ былъ съ неизглаголанною радостїю. Свидѣтелемъ тому суть Молдавія, Валахїя, Морея, Архипелагъ и Георгїя, а чрезъ сіе самый естественный порядокъ вещей дѣлаетъ его законнымъ обладателемъ тѣхъ мѣстъ. Ибо кто законнѣе можетъ править народомъ, какъ не любимый имъ, и въ правленїи котораго находитъ онъ свой покой и благоудумїе? И сія-то есть истинная причина, что Богъ споспѣшествуетъ оружію нашему, яко оружію справедливому: идѣже бо—справедливость, тамъ—и помощь Господня.

При таковыхъ мужественныхъ успѣхахъ воинства нашего уже не для чего изъяснять, сколь безопасно отечество наше отвиѣ,—не безопасно токмо, но и страшно и славно. Ибо могутъ ли чего опасаться предѣлы наши, когда непріятель оставляетъ свои? можетъ ли житель нашъ обезпокоенъ быть, когда непріятель въ столицѣ своей содрогаеть отъ страха? Итакъ, мы подъ тѣнїю сей обороны спокойно опочиваемъ и плодами мирнаго сожительства во время войнъ наслаждаемся. А сіе не больше доказываетъ внѣшнюю безопасность, какъ и внутреннее благоучрежденїе, ибо, что воинство находится въ такомъ порядкѣ, что подчиненїе совершенно наблюдается, что сердца воиновъ всѣхъ расположены любовью къ отечеству и вѣрностїю,—сіе есть плодъ правленїя мудраго.

Что убо, любезные сограждане! не видимъ ли, коликими благодѣянїями благословилъ насъ Вышнїй? Ибо Его благая и всесильная рука учреждаетъ и порядокъ общежительства человѣческаго, и споспѣшествуетъ на брани. Сїе, какъ во всякихъ другихъ случаяхъ, такъ особливо въ теченїи настоящей войны, мы уже не токмо очами своими видѣли, но, такъ сказать, и руками своими осязали. Мы видѣли,